

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

2
2019

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Батуренко С.А.</i> Классические классовые теории социальной стратификации: А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер	3
<i>Васецкий Н.А.</i> Теория суперкультурных систем П.А. Сорокина в современном мире	11
<i>Григорян К.Г.</i> Институционализация социологии социальной структуры советского общества во второй половине XX века (1950-1980 гг.)	20
<i>Гулина Д.С.</i> Дуализм понятия «Диаспора» как социального феномена и социального института	26
<i>Иванов Р.В.</i> Пространства для социальной реализации современников	34
<i>Кравченко А.И.</i> Историческое развитие России: маятниковые колебания вокруг властной вертикали	38
<i>Новикова К.Е.</i> Мода как фактор конструирования повседневности общества потребления	59
<i>Сизинцев П.В.</i> Фактор бытия в теистических учениях русской православной мысли о личности	68
<i>Сушко В.А.</i> Применение сетевого подхода к изучению глобальных городов	73
<i>Фарахутдинов Ш.Ф., Горячев В.Н., Хузяхметов Р.Р., Колмогоров К.А.</i> Краудсорсинг в социологических и маркетинговых исследованиях: становление, методология, кейсы	82

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

<i>Виноградова Г.В.</i> Феномен бездомности: экономический, структурный и культурный подход	90
<i>Жиркова С.К.</i> Адаптация первокурсников в социокультурной и образовательной среде (по данным социологического исследования) ..	99
<i>Ковель Т.А.</i> Этапы становления волонтерства как социокультурного феномена в современном понимании	105
<i>Мамедова Л.В.</i> Социопатия как форма диссоциативного расстройства личности и ее признаки	108
<i>Месропян М.Г.</i> Анализ социологических моделей ухода за пациентами с хроническими заболеваниями	111
<i>Романцева Е.Е.</i> Особенности мотивации волонтерской деятельности в России	115

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

<i>Борисов В.В.</i> Феномен виртуальной биржи труда исследование неформально занятой молодежи на примере выставки Робополис в Ставрополе	122
<i>Дроздов Д.И.</i> Корпоративные социальные проекты как способ повысить клиентоориентированность бизнеса	128
<i>Игумнов О.А.</i> Корпоративная культура как фактор формирования социального капитала организации	133
<i>Ло Шуай.</i> Новые особенности сферы занятости на международном рынке труда	142

<i>Паламарчук К.О.</i> Миграционные процессы в современной России: социологический анализ	152
<i>Скоробогатова А.Г.</i> Международные векторы развития социальной сферы: Доклады МОТ о социальной защите в мире	157
<i>Ульямбаева А.О.</i> Межрегиональная образовательная миграция как угроза безопасности и экономическому развитию региона	162
<i>Халимов С.В.</i> Безработица как социальная проблема современной молодежи	168
<i>Шаров К.С.</i> Религиозные обычаи как источник формирования социальных стереотипов в отношении институтов семьи и брака в евразийском типе сообществ (на примере России и Сингапура)	172

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ананичева С.Р.</i> Профессиональная социализация студенческой молодежи (на примере г. Хабаровска)	178
<i>Бедулева М.А.</i> Пути вовлечения несовершеннолетних «группы риска» в социализирующие технологии	188
<i>Габуева А.Р.</i> Взаимоотношение религии и государства в условиях модернизации	193
<i>Дзущев Х.В., Безвредный В.А.</i> Коррупция как негативный фактор имиджа России на международном уровне	196
<i>Журавлева И.А.</i> Ресурсы развития социального капитала сотрудников вузов	201
<i>Зубец А.Н.</i> Количественная оценка относительной и субъективной бедности в России (по данным социологических опросов горожан России)	205
<i>Ким А.С.</i> Диаспора как ресурс социализации мигрантов	215
<i>Малышев М.А.</i> Роль российских профсоюзов в переговорной кампании в защите интересов работников	221
<i>Малых С.В.</i> Корпоративная солидарность университета в задачах продвижения вуза	232
<i>Оспанова У.А., Атанаева М.К., Акоева И.Г., Булдыбаев Т.К.</i> Информативные признаки определения предвзятости и достоверности электронных СМИ	239
<i>Полюшкевич О.А.</i> Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске	250
<i>Попова М.В.</i> Коммуникативное пространство сельской молодежи	257
<i>Синельников А.Б.</i> Россия и Западная Европа: две формы семьи и два варианта социально-экономического развития	261
<i>Скуденков В.А.</i> Социальные символы наличных денег в повседневной жизни	280
<i>Спиридонова А.А.</i> Особенности обращений граждан и юридических лиц в органы власти (на примере Аппарата губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области)	284
<i>Цун Линь.</i> Эмпирическое исследование идентичности китайца	288
От редакции	295

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Классические классовые теории социальной стратификации: А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер

Батуренко С.А.

Статья посвящена фундаментальной проблеме социологии - теории социальной стратификации. Автор анализирует вклад некоторых социологов классического периода развития науки в разработку теории социальной стратификации. Внимание уделено таким социологам как А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер, заложившим основы структурного и функционального анализа. В условиях зарождения социологии как науки, поиска ее предмета, ее самостоятельного места в системе наук, отсутствия сложившейся научной терминологии, возникают серьезные теоретические основания исследований систем социальной стратификации.

Ключевые слова: история социологии, социальная стратификация, классическая социология, А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер.

Baturenko S.A.

Classical class theories of social stratification: A. Saint-Simone, O. Comte, G. Spencer

Article is devoted to a fundamental problem of sociology - the theory of social stratification. The author analyzes a contribution of some sociologists of the classical period of development of science to development of the theory of social stratification. Attention is paid to such sociologists as A. Saint-Simone, O. Comte, G. Spencer, laid the foundation of the structural and functional analysis. In the conditions of origin of sociology as sciences, search of its subject, its independent place in the system of sciences, lack of the developed scientific terminology, arise the serious theoretical reasons of researches of systems of social stratification.

Key words: sociology history, social stratification, classical sociology, A. Saint-Simone, O. Comte, G. Spencer.

Идея классового расчленения общества начала оформляться в конце XVIII века. Известный русский исследователь начала XX века Солнцев Сергей Иванович (1872-1936), изучавший социальную структуру и классовые теории, отмечал, что в области общественных наук интерес к проблеме классов возрастал по мере развития в этой области социального метода, выступившего на смену индивидуалистической точки зрения, индивидуалистического метода¹. К такому выводу ученый пришел в результате тщательного анализа исторического материала, который он два года (1915-1916) изучал в библиотеке Британского музея в Лондоне. Превращение учения о классах в самостоятельное научное направление стало возможным благодаря появлению социального метода анализа, основным постулатом которого служил примат общества над индивидом. С.И. Солнцев начинает анализ истории становления учения о классах с Франции XVIII-XIX веков, выделяя несколько направлений.

Проблема социального неравенства является актуальной для социологии с момента ее возникновения. Но еще задолго до оформления социологии в качестве самостоятельной науки ученые задумывались над природой отношений между людьми, над проблемой угнетенных и угнетаемых, над справедливостью и несправедливостью неравенства. Первыми о стратификации и классовом строении общества задумались античные философы. В работе «Го-

сударство» Платон разделил общество на три класса: философов или правителей, стражей (воинов), земледельцев и ремесленников. Вслед за ним Аристотель также выделял три класса, отдавая при этом предпочтение средним слоям рабовладельцев.

Из мыслителей времени Возрождения особенно интересны идеи Никколо Макиавелли (1469-1527). Несмотря на значительный промежуток времени, прошедший после разработок античных философов, основные линии размышления оставались теми же. В работе «Государь» Н. Макиавелли фактически закладывает основы специфического подхода к исследованию социальной стратификации — элитистского. Автор ставит вопрос о том, кто пригоден управлять, и какая форма правления может обеспечить порядок и благополучие людей. Н. Макиавелли заметил, что напряженность между элитой и массой является постоянной чертой организованного общества. Отмеченные напряжения сопровождаются боязнью масс со стороны элиты и боязнью тирании со стороны масс.

Идеи социального неравенства развивались в истории социально-политической мысли в трудах теоретиков общественного договора. Ещё Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) говорил о двух видах неравенства: так называемом естественном, или физическом неравенстве (т.е. врождённых способностях; здоровье и т.п., всем отпущенных природой в разной степени) и моральном, или политическом неравенстве — том, что существует по соглашению окружающих людей и распространяется на привилегии, богатство, власть. По его мнению, в естественном (дообщественном) состоянии между людьми господствовало полное равенство, однако затем возникновение института частной собственности привело к появлению социального и имущественного неравенства. Развитие неравенства проходит три этапа: установление и узаконение богатства и бедности; могущества и беззащитности; господства и порабощения.

Свои идеи о неравенстве в обществе он изложил в таких работах как «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) и «Об общественном договоре» (1762). Будучи сторонником теории общественного договора Руссо в отличие от Гоббса считал, что в «естественном состоянии» не только не было войны всех против всех, но меж-

ду людьми господствовали дружба и гармония. В естественном состоянии человек находится в гармонии с природой, он не испытывает потребности ни в прочных общественных связях, ни в труде, ни в морали, ни в разуме. Ему присуще стремление к самосохранению и состраданию. Физическое неравенство, по мнению Руссо, не порождает борьбы, борьбу может породить только неравенство политическое. Французский мыслитель описывает процесс постепенной замены физического неравенства на политическое, осуществляемый посредством установления частной собственности.

Остро поставив вопрос о социальном неравенстве, Руссо характеризовал современное ему общество как «цивилизацию неравенства», как культуру, в корне враждебную народу. Естественное состояние неравенства не было основано на частной собственности и социальном подчинении, что обуславливало отсутствие на начальных стадиях развития общества политического неравенства. Руссо указывает на то, что частная собственность становится источником социального угнетения. Вместе с тем возникновение «гражданского общества» основано на частной собственности. Процесс формирования «гражданского общества» характеризуется автором как шаг вперед по сравнению с «естественным состоянием» и одновременно как шаг назад, вследствие появления неравенства, нищеты и нравственного одичания.

Проблема социального расслоения разрабатывалась и в рамках классической политэкономии. Адам Смит (1723-1790) — известный шотландский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической политической экономии. В своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» он описал разделение общества на классы. Ученый находит в каждом цивилизованном обществе три основных класса: земельные собственники, капиталисты и производители. Идея классов выражается у Смита в форме идеи в равной мере производительных и распределительных классов. Он первым зафиксировал, что общество делится не на традиционно выделяемые группы, такие как: знать, духовенство, буржуазия и т.д., а на новые классы, и деление это имеет экономическую природу. «Весь годовой продукт земли и труда каждой стороны или, что то же самое, вся цена этого годового про-

дукта, естественно распадается, как уже было замечено, на три части: ренту с земли, заработную плату труда и прибыль на капитал – и составляет доход трёх различных классов народа: тех, кто живёт на ренту, тех, кто живёт на заработную плату и тех, кто живёт на прибыль с капитала. Это – три главных, основных и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе, из дохода которых извлекается в конечном счёте доход всякого другого класса»². Всё учение Смита проникнуто индивидуализмом. Личность, личный интерес, свобода хозяйствующего индивида, свобода конкуренции – всё это было центральным пунктом смитовской системы. А. Смит отмечал, что в условиях капитализма интересы рабочих противоположны интересам имущих классов, вместе с тем считал такое положение неизбежным и естественным. Работы А. Смита стали одним из теоретических источников политической экономии марксизма, а также основанием для создания классической классовой теории социальной структуры.

Те же классы выделял Давид Рикардо (1772-1823) – английский экономист, классик политической экономии, последователь и одновременно оппонент Адама Смита. По мнению Д. Рикардо существуют три основных класса и соответствующие им три вида доходов: 1) владельцы земли (лендлорды) – рента; 2) собственники денег и капитала, необходимого для производства – прибыль; 3) рабочие, занятые в производстве – заработная плата. Автор отмечал, что продукт земли – всё что получается с её поверхности путём соединённого приложения труда, машин, капитала – делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для её обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается.

Идеи Д. Рикардо оказали огромное влияние на последующее развитие экономической теории. Также большое влияние учение Д. Рикардо оказало на К. Маркса, который в своей работе, посвященной исследованию классов, «Письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года» назвал Рикардо «наиболее классическим выразителем интересов буржуазии и наиболее стоическим противником пролетариата»³.

Идеи социального неравенства и классового разделения, сложившиеся в истории социально-политических учений и в истории поли-

тической экономии до возникновения социологии, положили начало исследованиям социальной структуры и систем социальной стратификации обществ модерна. Их специфической чертой стала укоренённость систем социальной стратификации в экономической жизни общества и объяснение социального неравенства экономическим неравенством.

В истории классической социологии первые попытки создания классовой теории начинаются в XVIII веке, что связано с возникновением предмета науки – общества модерна. Одним из первых теоретиков является французский мыслитель, социолог Сен-Симон Клод-Анри де Рувруа (1760-1825). Сен-Симон был убежден в том, что путь построения нового общества лежит через уменьшение эксплуатации человека человеком. Ученый приходит к заключению о том, что будущее, к которому продвигается человеческий род, есть такое состояние, где все силы общества будут сочетаться в мирном направлении. Однако, эксплуатация человека человеком, которую он отмечает в самой прямой и грубой ее форме – в форме рабства, продолжается в очень высокой степени в отношениях между собственниками и трудящимися, между хозяевами и наёмными рабочими, то есть, одно является продолжением другого.

Сен-Симон одним из первых заметил, что за некоторыми исключениями выгоды и невыгоды, свойственные каждому общественному положению, передаются по наследству. Следуя этому выводу французского мыслителя, экономисты проявили особое внимание к одной из сторон этого факта, наследованности нищеты, когда они признали существование в обществе класса пролетариев.

Известный советский историк, специалист в области изучения социальных и политических идей во Франции, Волгин В.П. пишет о взглядах Сен-Симона на систему социальной стратификации современного ему общества: «В состоянии юридически свободного человека рабочий может существовать только на условиях, диктуемых ему малочисленным классом людей, которых законодательство, рожденное правом завоевания, облакает монополией богатств, то есть правом располагать по своему усмотрению орудиями труда. Рабочий эксплуатируется материально, умственно и морально, как некогда эксплуатировался раб»⁴.

Собственность, по Сен-Симону, является фундаментом политического строя. Но собственность также является и социальным фактом, подверженным закону прогресса, следовательно, она может в разные эпохи быть разно понимаема, определяема и регулируема. Если допустить, что эксплуатация человека человеком должна исчезнуть совершенно, то ясно, что должна быть изменена организация собственности. Собственность, в самом обычном значении этого слова, слагается из богатств, которые не предназначены для непосредственного потребления и дают в настоящее время право на доход. В этом смысле она охватывает земельные владения и капиталы, то есть, выражаясь языком экономистов, фонд производства. «Для нас земельные владения и капиталы – суть орудия труда; землевладельцы и капиталисты являются хранителями этих орудий – их функция заключается в распределении последних между трудящимися»⁵.

Безусловно, большой заслугой Сен-Симона является идея выделения и описания двух исторических типов общества – военного и промышленного. Целью феодальных обществ было завоевание, а промышленных – труд, являющийся основой общественного благосостояния. Сен-Симон утверждал, что разделение труда определяет классовую структуру промышленного общества, его политическую организацию и форму управления. Основными классами промышленного общества являются, с одной стороны, ученые и художники, а с другой – землевладельцы, промышленники и торговцы. Эти три группы составляют собственно промышленный класс. «Промышленник – это человек, который трудится для доставки разным членам общества одного или нескольких материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности, значит, землевладелец, сеющий зерно или разводящий домашних птиц и животных, является промышленником; каретник, кузнец, слесарь, столяр – промышленники... Все промышленники вместе трудятся для производства или доставки всем членам общества всех материальных средств, удовлетворяющих их потребности или физические склонности; они составляют три крупных класса, которые называются землевладельцами, фабрикантами и торговцами»⁶.

Являясь сторонником «промышленной монархии», Сен-Симон определяет социальную

структуру промышленного общества как пирамиду, основание которой составляют рабочие, занимающиеся ручным трудом; затем идут руководители промышленности; учёные, усовершенствующие процессы производства и расширяющие его область; и люди искусства, накладывающие печать хорошего вкуса на все продукты производства. Вершину этой пирамиды составляет королевская власть.

Сен-Симон понимал, что существует различие между пролетариями и владельцами, или руководителями производства, однако это различие для него несущественно, поскольку и те, и другие выполняют одинаковые функции обществе, принадлежат к сфере производства. Отношения собственности, распределения, эксплуатации в применении к промышленному обществу не носят антагонистического характера. Отношение борьбы, по мнению Сен-Симона, существует только между классами, принадлежащими к различным типам обществ, феодальным, с одной стороны, и промышленным – с другой. «Пролетарии и предприниматели составляют единый промышленный класс, отношения, в рамках которого являются отношениями сотрудничества и определяются всего лишь разделением труда. Разделение труда, его специфика определяли все – классовую структуру, систему господства, принципы управления»⁷.

Сен-Симон анализирует роль собственности и классов в развитии общества. Общество будущего, по Сен-Симону, должно быть основано на научно и планомерно организованной крупной промышленности, но с сохранением частной собственности и классов, где каждый работает по способностям. Определяющее значение в истории имеют «индустрия», под которой он подразумевал все виды экономической деятельности людей, и соответствующие ей формы собственности и классы. Сен-Симон говорит о построении рационального общественного уклада как «промышленной системы». Он не противопоставлял интересы пролетариата и буржуазии, объединяя их в единый класс «индустриалов». Как социалист-утопист французский мыслитель предполагал, что в будущей промышленной системе буржуазия, сохраняющая собственность на средства производства, призвана обеспечить трудящимся рост общественного богатства.

Сен-Симон полагал, что люди должны иметь общество, наиболее выгодное для наибольшей массы, способное улучшить положение многочисленного бедного класса. Основным принципом «промышленной системы», согласно Сен-Симону, является искоренение «всякого паразитизма» и всемирное развитие производительных сил общества, которое позволило достичь громадного роста богатства в интересах всех тех, кто непосредственно занят в системе производства: земледельцы, фабриканты, инженеры, рабочие, торговцы и другие.

Сен-Симон первым увидел и понял, что основа общества - в промышленном производстве (индустрии), отвел важнейшую роль в экономической деятельности формам собственности, а также классам, находящимся в определенном отношении к этим формам. Он впервые ввел термины «индустриализация», «индустриальное (промышленное) общество». Именно Сен-Симон заложил в социологии ту «парадигму производства», продолжателями которой можно в известном смысле считать и О. Конта, и К. Маркса, и М. Вебера. Французский мыслитель оказал большое влияние на дальнейшее развитие теорий социальной стратификации.

В истории социологии проблемы социальной структуры общества начал исследовать и Огюст Конт (1798-1857). Теоретико-методологические идеи структуризации общества у О. Конта изложены в двух составляющих его социологической теории: социальной статике и социальной динамике («Система позитивной политики» 1851-1854гг.)⁸.

Общество, по Конту состоит из систем, а не из отдельных индивидуумов. Посредствующее звено между индивидуумом и обществом – семья. «Подлинный социологический элемент» - не индивид, а семья, как утверждал О. Конт. Социальные образования, по Конту, предполагают преимущественно кооперацию, основанную на разделении труда. Разделение труда, по мнению Конта, не только экономический, но фундаментальный социальный факт, «самое главное условие нашей социальной жизни». В основе социальной солидарности и в основе увеличения размера и растущей сложности социального организма также лежит разделение труда.

О. Конт утверждает естественный, вечный и неустранимый характер социальной иерархии

и противоестественный характер идеи социального равенства. Деление общества на классы, по мнению О. Конта, вытекает из основного и необходимого разделения управленческой и исполнительской функций. Конт обозначал классы по-разному, но суть их сводится, прежде всего, к тому, что они составляют две наиболее общие категории: руководителей и исполнителей. В современном ему обществе Конт выделяет две наиболее значительные категории – это патрициат и пролетариат. Внутри них в свою очередь различаются более мелкие социальные группы. Так, патрициат делится на банкиров, управляющих капиталами, и предпринимателей, непосредственно управляющих работами. Предприниматели в свою очередь делятся на промышленных и сельскохозяйственных. Пролетариат также внутренне дифференцирован, хотя Конт склонен подчёркивать его единство и однородность.

Классы Конт выделяет на основе критериев власти, престижа и собственности. Основатель позитивизма назвал три основных класса: производительный, управленческий и созидательный духовный порядок общества. Политическая власть, по мнению Конта должна находиться в руках людей, осуществляющих руководство промышленностью. Именно у капиталистов находятся капиталы и материальные средства производства, значит, и власть, правда политического характера, должна принадлежать им. Вместе с тем, предполагая возможность неэтичных поступков со стороны светской власти, Конт надеется на существование духовной власти, действующей параллельно со светской. Под духовной властью О. Конт понимает часть философов-позитивистов, которые должны заниматься решением нравственных, воспитательных, одним словом, духовных вопросов.

Особое место занимают рассуждения Конта о пролетариате и его месте в социальной структуре. Будучи современником и свидетелем бурных политических событий во Франции первой половины XIX в., Конт замечает, что в рядах пролетариата было ярко выражено стремление ко «всеобщему уничтожению классовых различий». Рассматривая жизнь современного ему рабочего, Конт подчёркивает, что плата, которую тот получает за свой труд, является минимальной и достаточной только для того, чтобы поддерживать существование. Основатель по-

зитивизма относит это явление к социальной несправедливости. Вместе с тем он отмечает, что заработная плата рабочего является следствием рыночной конкуренции, с которой капиталист вынужден считаться, то есть низкая заработная плата – практическая необходимость. Данная «практическая необходимость», по мнению Конта, состоит в том, что до настоящего времени общество не может предложить ничего лучшего.

Конт выдвигает гипотезу исчезновения средних классов. Он «не находит места среднему классу в будущем обществе, построить которое на принципах «позитивной» философии и социологии он собирается. «Лучшие» из мелких собственников, по мнению основателя позитивизма, должны влиться в класс капиталистов, а остальные – увеличить численность класса пролетариев»⁹. Таким образом, «общество будет состоять только из богатых и бедных, и на обязанности богачей будет лежать обеспечение возможно лучшей участи для бедных»¹⁰.

Структура общества, изучаемая социальной статикой, по Конту, радикально не изменяется. Она может лишь испытывать болезненные потрясения в «критические» периоды, но затем вновь восстанавливается благодаря прогрессу. Как известно, одна из его формул – «прогресс есть развитие порядка». Социальная статика выступает у Конта как раздел социологии, который исследует общество, опираясь на законы существования и функционирования его устойчивых структурных элементов. Кроме того, в социальной статике разрабатывается типология социальных структур, социальных институтов. В своей совокупности все общественные явления образуют целостный организм, системе.

На развитие концепций социальной структуры общества определённое влияние оказала и социальная динамика О. Конта, как теория общественного прогресса. Социальная динамика – это развитие и смена систем социальной стратификации. Она направлена на изучение процесса изменений социальных явлений, их направленности и последствий, а так же на изучение факторов, влияющих на эти изменения.

Идеалом для Конта было централизованное, иерархическое, дисциплинированное общество во главе с авторитетным правительством, управляющим на основе социальной статистики и

духовной элитой, воплощающей принцип иерархии и порядка при помощи позитивной философии.

Учение Конта поддержал и развил дальше английский социолог Герберт Спенсер (1820-1903). Главные социологические идеи Спенсер изложил в своём трёхтомном труде «Основания социологии» (1877-1896 гг.)¹¹. Общество, в концепции Спенсера, является структурированным организмом. В основе деления общества на структурные элементы лежит принцип сотрудничества с точки зрения его добровольности и принудительности.

Деление на классы, говорит Спенсер, зарождается в самом начале социальной жизни. С его точки зрения, общественные классы – это тесно связанные части одного социального целого, они являются результатом одновременного действия двух различных процессов в социальной жизни: интеграции и дифференциации.

Г. Спенсер разрабатывает эволюционную теорию развития социальной структуры. Общая схема классового строения в обществе, по представлению Спенсера, аналогична строению животного организма. У простейших организмов можно найти, например, два слоя: внутренний и наружный или внешний. Эти два слоя в дальнейшем развитии организма усложняются, в каждом из них появляются особые расслоения. Далее между этими системами образуется третья система. Подобное происходит в обществах. Вначале существует класс господ (внешний) и класс рабов (внутренний). По мере развития общества эти образования начинают усложняться, вследствие возникновения в каждом из них иерархических степеней и различий. В обоих слоях начинает совершаться внутренняя дифференциация, особенно в обществах с более развитыми промышленными аппаратами.

По аналогии с тремя системами органов в животном организме, Г. Спенсер находит в общественном строе три класса: нижний – питающий себя и других, с оперативными функциями; средний – играющий роль посредника между двумя крайними, с функциями «распределительными»; и высший класс, с функциями регулятивными, или господствующий, правящий класс.

Продолжая традиции, заложенные Сен-Симоном, английский социолог рассматривает

особенности системы стратификации в двух основных исторических типах общества – военном и промышленном. В пятой части «Оснований социологии» Спенсер указывает, что основу образования и развития классов можно обнаружить в борьбе и столкновениях между расами, в покорении и подчинении одной расы или племени другой; в завоевании. Причиной дифференциации общества на классы Спенсер считает войну, которая ведёт к неравенству положений, к появлению господ – завоевателей и рабов – покорённых. Это разделение на классы возникшее из-за войны затем, по мнению Спенсера, поддерживается и усиливается различными путями. Дифференциация общества на правящие структуры и структуры подвластные осуществляется через всё более высокие формы социальной эволюции. С дальнейшим развитием общества растёт и его дифференциация. Высший класс тоже проходит ряд изменений в сторону дифференциации и образования новых слоев. Неравенство социальных функций, по Спенсеру, ведёт к неравенству социального положения. С течением времени неравенство между классами доходит до неравенства физического и интеллектуального.

Анализ этой проблемы приводит Спенсера к созданию теории «социального контроля», его механизмов, к теории социальных институтов. Спенсер выделяет шесть институтов, фиксирующих статус и контролирующих иерархию: домашние, ритуальные, политические, церковные, профессиональные и индустриальные. Социальный контроль в обществе держится на политическом управлении, укорененном в страхе «перед живыми и перед мёртвыми». «Страх перед живыми», утверждает Спенсер, создал такой социальный институт, как государство, а «страх перед мёртвыми» – церковь. Повседневное поведение людей регулируется «церемониальными институциями» как одной из форм социального контроля. «Церемониальные институции» – старше, главнее государства и церкви. Они регулируют общение субъектов, они как бы устанавливают, закрепляют их «статус» и «ранг», культивируют «чувство субординации». Таким образом, церемониальные институции устанавливают и закрепляют социальную иерархию, социальные различия.

Источником классовых экономических различий, как уже говорилось, Спенсер считает за-

воевание. Победители становятся господствующим классом, побеждённые – рабами или крепостными. Спенсер различает первоначальную, более мягкую форму «домашнего рабства» и последующую стадию массового использования рабского труда в сельском хозяйстве и ремесленном производстве, сопровождающуюся резким ухудшением положения рабов.

Кроме войн, источник социального расслоения Спенсер видит так же и в разделении труда. «Возникновение рабства, – пишет он, – прежде всего, означает отделение регулятивной (правящей) части общества от его оперативной (производительной) части... Первоначально работник физически, а зачастую и умственно уступает тому, кто заставляет его работать; так труд становится признаком неполноценности»¹². Спенсер выделяет три стимула, которые объединяются, «чтобы утвердить различие между правящим военным классом и подчинённым производительным классом». На разных стадиях эволюции возникает дифференциация между правителями и управляемыми, становящаяся со временем всё более очевидной. Власть правителя дополняется авторитетом религиозной власти, возникающей параллельно с политической, и властью общепринятых правил поведения и обычаев. Спенсер считал неравенство естественным.

Опираясь на организационную методологию и будучи сторонником либерализма, он отвергал не только законы, направленные на помощь бедным, но и любое вмешательство государства в общественные дела. Более того, он считал принцип коллективизма катастрофическим с биологической точки зрения и психологически абсурдным, видя в нём поощрение худших за счёт лучших. Многие спенсеровские идеи становления социальной структуры общества были заимствованы и развиты дальше представителями структурно-функционального анализа, которые считают Спенсера своим великим предшественником, также особое влияние оказали его идеи на представителей ранней американской социологии (А. Смол, Л.Ф. Уорд, У.Г. Самнер, Ф.Г. Гиддинс) и на русских социологов классического периода развития социологии.

Классики социологической науки заложили основы структурного и функционального анализа систем социальной стратификации. При этом они указывали, что изучение структуры

предполагает также рассмотрение социальной стратификации в динамике. Основатели социологии отмечали, что процессы изменения структуры связаны с возникновением новых структурных элементов, их связей и зависимостей. История становления теорий социальной стратификации связана с возникновением представления об обществе как надындивидуальной реальности. Идеи о том, что социальные единицы представляют большее, чем сумма индивидов, понимание, что общество существует и развивается по своим особым законам, стало фундаментальной основой для выделения социологической наукой собственного предмета познания в классический период развития. Самыми известными теориями социальной стратификации в истории классической социологии стали разработки других авторов: К. Маркса и М. Вебера. Вместе с тем иногда забывают о других ученых, приложивших немало усилий к исследованию данной проблемы. В условиях зарождения социологии как науки, поиска ее предмета, ее самостоятельного места в системе наук, отсутствия сложившейся научной терминологии, возникают и серьезные теоретические основания исследований систем социальной стратификации.

Ссылки:

- ¹ Солнцев С.И. Общественные классы. М.: Астрель, 2008
- ² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С.149.
- ³ Маркс К. Письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852г. Собр. Соч. 2-е изд. Т.28. М.: Госполитиздат, 1962.
- ⁴ Волгин В.П. Изложение учения Сен-Симона (1828-1829). М., Петроград, 1923. С.108
- ⁵ Волгин В.П. Изложение учения Сен-Симона (1828-1829). М., Петроград, 1923. С.119
- ⁶ Сен-Симон А. Избранные сочинения. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948, Т.2. С.121-122
- ⁷ Полякова Н.Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М.: Наука, 1990. С.91.
- ⁸ Сен-Симон А. Катехизис промышленников; Конт О. Катехизис промышленников, или система позитивной политики. М.: Либроком, 2011.
- ⁹ История социологии (XX-первая половина XX века). М.: ИНФРА-М, 2003. С.70
- ¹⁰ Милль Дж.Ст. О.Конт и позитивизм. СПб., 1906. С.140
- ¹¹ Спенсер Г. Основания социологии. С.-Петербург: Издание И.И. Билибина. Типография В. Демакова. 1876.
- ¹² Спенсер Г. Основания социологии. С.-Петербург: Издание И.И. Билибина. Типография В. Демакова. 1876.

Теория суперкультурных систем П.А. Сорокина в современном мире

Васецкий Н.А.

Переход человечества к так называемому цифровому обществу ставит по-новому многие проблемы глобального развития человечества. Одной из таких проблем, как нам представляется, становится новое прочтение теории П.А. Сорокина (1889-1968) о суперкультурных системах как основы интегральной социологии.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, интегральная социология, суперкультурные системы

Vasetsky N.A.

Theory of Supercultural Systems P.A. Sorokina in the modern world
The transition of humanity to the so-called digital society poses in a new way many problems of the global development of mankind. One of these problems, as we see it, is a new reading of the theory of PA Sorokina (1889-1968) on supercultural systems as the basis of integral sociology.

Keywords: P.A. Sorokin, integral sociology, supercultural systems

Мировая ситуация

Переход человечества к так называемому цифровому обществу ставит по-новому многие проблемы глобального развития человечества. Одной из таких проблем, как нам представляется, становится новое прочтение теории П.А. Сорокина (1889-1968) о суперкультурных системах как основы интегральной социологии.

Термин «интегральный» переводится с латинского на русский язык как неразрывно связанный, цельный, единый. Собственно, любая теория представляет собой интегральный взгляд на описываемые ею конкретные проблемы. Иначе это не теория, а в лучшем случае концепция или научный подход к описанию конкретных явлений. Теория предполагает обобщение, выявление определённых закономерностей развития действительности. В социологии такой действительностью является человеческое общество или как принято говорить в наши дни – мировой социум.

Интегральную социологию Сорокин замыслил как вершину в системе социологического знания, считал синтезом основных отраслей социологии. Можно сказать и по-другому – теорией социологии. Так что, с точки зрения научных инноваций, ничего сверхнового в самом учении Сорокина об интегральной социологии, на наш взгляд, не просматривается.

Масштаб теории

Мы вообще не относимся к разряду восторженных почитателей творчества маститого социолога. Считаем явным преувеличением то дифирамбическое отношение, которое сегодня проявляется к творческому наследию Сорокина. Тем более, когда его пытаются поставить даже не рядом, а выше К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина.

Зачем допускать подобного рода манипуляции? Каждый из мыслителей прошлого зас-

лживает равноценного уважения. Не следует опускать одних за счёт других. Это не делает чести современной научной общественности. Каких-то 20-30 лет назад без Маркса и Ленина спать не ложились, а сегодня их превращают в мальчиков для битья.

Если уж говорить начистоту, то масштаб теоретических изысканий Сорокина, их современное значение не дотягивает даже до уровня теории перманентной революции Л.Д. Троцкого. По крайней мере Троцкий попытался хоть каким-то образом реализовать свои теоретические разработки. А что реализовалось из открытий, если они есть, Сорокина? Его социологические эссе занимают место где-то между ситуативными новациями М. Вебера и Э. Дюркгейма.

Молодо – зелено

Что мог знать о войне молодой человек в возрасте 20 лет? Он не был на фронтах Первой мировой. И вообще не служил в армии как тот, кого он считал своим учителем по разработке суперкультурных систем – Н.Я. Данилевский, бывший участником Крымской войны 1854-1856 гг. И у кого Сорокин заимствовал методику анализа культурно-исторических типов.

Или, что этот юноша знал о голоде? Он никогда не голодал. В лучшем случае видел голодающих, толпами бродивших по России в годы революций и Гражданской войны 1918-1922 гг. Поэтому и не удивительно, что его сочинения не использовались в качестве инструктивных для поведения блокадников Ленинграда во времена Великой Отечественной войны.

А его критика Октябрьской революции и большевизма как общественно-политического явления России в начале XX века? Сорокин не участвовал в руководстве Февральским переворотом 1917 года как его начальник по Временному правительству А.Ф. Керенский. Тем более понятия не имел и о том, как осуществлялась Октябрьская революция Лениным, Сталиным, Троцким и другими большевиками.

Замечания Сорокина о недемократизме и диктатуре власти советов не выходят за рамки элементарных деклараций теорий мирового либерализма. Ставить во главу угла сущности демократии избирательный бюллетень, количество голосов избирателей, а не реальную суть конкретных явлений, это не просто наивность,

а невероятное заблуждение начинающего политического писателя.

Статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина» (21 ноября 1918 года) фактически дезавуировала антибольшевистскую критику Сорокина и всю его политическую социологию того времени. Сорокин отказался по собственному почину от убеждений своей молодости, вышел из состава партии эсеров и депутатов Учредительного собрания.

Он даже и не попытался ответить Ленину, хотя такая возможность у него была. Не надо думать, что «ужасы» советской диктатуры, описанные А.М. Горьким в «Несвоевременных мыслях» и И.А. Буниным в «Окаянных днях», не позволяли никому открыть рта. Высказаться можно было. Тем более, что Ленин предложил, как он выразился в своей статье «научный спор».

Просто Сорокину нечем было ответить по существу предмета спора. Он и впоследствии неоднократно отказывался от собственных взглядов. Специалисты насчитали не менее шести таких «отказов». Получается, тенденция и качество личности, а не происки советской власти? На наш взгляд, в депортации Сорокина из Советской России на приснопамятном «философском пароходе» не было никакой необходимости. Он сам депортировал себя из политической среды того времени.

О России и русских

Всё, что Сорокин писал о России как цивилизации и русских как этнической общности, малоинтересно как минимум по двум причинам. Первая – политическая. Как член масонской ложи Сорокин не смог ничего путного рассказать о своём Отечестве. Согласно масонским директивам Россия не должна иметь ни настоящего, ни будущего. Эта масонская инвектива сохраняет универсальный характер. Она используется масонской элитой западной цивилизации и в современном мире.

Вторая причина – Сорокин был приверженцем мирового космополитизма. Он считал себя «человеком мира». Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специальной национальной связи. То, что обозначается этим словом, результат нерасчленённости и неглубокого понимания дела. Таков итог рассуждений Сорокина об этническом факторе всемирной истории.

Сорокин родился и получил прививку к жизни в тех же местах, что и М.В. Ломоносов, — на Русском Севере. Его жители были самими свободными подданными в Российской империи. Не знали ни крепостного права, ни национального угнетения. История Соловецкого монастыря — ярчайший пример свободолюбия и национальной гордости великороссов.

Из Ломоносова сформировался русский патриот. Вот такая разница в последующем поведении выходцев из однородной социально-этнической среды.

Сорокин, как и всё русское масонство, бравировал интересами своего Отечества. Откуда ему было знать национальную корневую систему великорусской этнической общности? Она его если и интересовала, то исключительно как объект критики. Хотя в писаниях Сорокина и нет прямых нападок на русских и Россию. Всё-таки, сказывалось его русское этническое происхождение, его неподдельная любовь и искреннее уважение к великой русской культуре.

Такого рода социальные диссонансы сплошь и рядом уживаются в природе русского национального характера. Он, этот характер, весь соткан из социальных парадоксов. Попробуй тут определись! (См. подробнее «Истоки и понятие русского характера», — в кн. В.В. Жириновский. Русский характер. Социально-политические аспекты. Под редакцией проф. Н.А. Васецкого. М. Из-во СГУ, 2009, сс.6-23).

Возьмите Петра I. Уничтожил институт патриаршества на Руси, добытый неимоверными трудами многих поколений русского монашества и властей. Но мало кто знает, что Пётр I был истовым поклонником церковного пения, знатоком и почитателем молитвенной службы в православном храме. Сам пел в церковном хоре. И говорят, пел весьма и весьма недурно. Главное — искренне, с душой.

О социальной динамике

Заграничные рассуждения Сорокина и его американских единомышленников о социальной динамике общества в США 1930-х годов также носят временной и ситуативный характер. Это общество было изначально депрессивным, изуродованным острейшим социально-экономическим кризисом, запечатлевшим мучительный переход капитализма от модели *laissez-faire* (сво-

бодного предпринимательства) к кейнсианской модели государственно-монополитического империализма.

В наши дни описание сорокинской динамики американского плавильного котла мало кому сгодится. Даже для оценки общества в лихие 1990-е годы в России. Разве что воспользоваться ею как фрагментом социальной истории США 30-х годов прошлого века.

Что в сухом осадке?

Суперкультурные системы

В этом самом осадке как раз и остаётся та самая теория Сорокина о суперкультурных системах, с которой мы начали наш разговор об историческом наследии творчества социолога. Эта теория сформировалась в острейшей полемике Сорокина с другим представителем мирового масонства высшего посвящения, англосаксом Арнольдом Тойнби.

Кстати этот сакс также считал себя учеником и последователем учения Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Как и сакс немецкого розлива Освальд Шпенглер, написавший знаковую для западной цивилизации книгу «Закат Европы» (1920). В оригинале она называлась — «Закат Запада». К закату Европы книгу Шпенглера свели большевистские переводчики его труда.

Дискуссия Сорокина с Тойнби составила два увесистых тома. Переводить их на русский с английского языка не имеет особого смысла. Изобилие выпадов друг против друга. Всё пытались выяснить не смысл и содержание такого научного глобуса каким являются мировые цивилизации, сколько кто же из них важнее для мировой социологии — Сорокин или Тойнби. По существу этой полемики можно было бы напомнить метафору И.В. Сталина, давшего оценку левому и правому оппозиционным уклонам в рядах ВКП (б) 1920-х годов: «Оба хуже».

Перебранку Сорокина с Тойнби нужно просто принять как исторический факт в социологии мировых цивилизаций и пойти дальше. Разве что при этом заметить, что Сорокин не использовал термин «мировые цивилизации» именно потому что им пользовался Тойнби. Вот такой градус взаимной неприязни в таких случаях бы заоблачных научных вершинах!

12 постулатов

Сорокин сформулировал 12 постулатов, характеризующих суперкультурные системы как качественно новый этап в развитии глобального социума. Постулат или по-латински *postulatum* переводится как исходное положение, которое принимается без излишних доказательств. По крайней мере так этот термин трактуется в математике. Вполне подходит и для социологии мировых цивилизаций и нашей в этой социологии темы.

Все 12 постулатов мы анализировать не станем. Желающие могут обратиться к исследованию профессоров Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.В. Жириновского и Н.А. Васецкого «Интегральная социология П. Сорокина» - в кн. «Современная история политических и правовых учений» М. Из-во СГУ, 2013, сс. 480-489. Рассмотрим лишь базовые категории, всецело сохранившие свою значимость до наших дней.

Цельность позиции

Что отличает теорию суперкультурных систем Сорокина от других его теоретических изысканий и новаций – это цельность взгляда на предмет исследования и предельная точность формулировок. По логике и восприятию эта теория напоминает оценку Лениным теории марксизма – сделана из одного куска стали.

Суперкультурные системы или по современной терминологии - мировые цивилизации существуют в безграничном океане социокультурных явлений. Причём, существуют не просто как общности, а функционируют в виде реального единства общностей.

Территориально не совпадают с *etat-nation* (национальными государствами, термин из времён Вестфальской мировой политической системы XVII века). Не соотносятся ни с конкретными нациями, ни с более объёмными этническими образованиями и социальными общностями. Границы суперкультурных систем перекрывают географические и политические границы национальных и региональных единиц.

Определение

Суперкультурные системы представляют разные причинно-смысловые целостности. Отличаются от культурных скоплений и малых культурных систем. Не идентичны государствам,

нациям, религиозным, политическим, расовым, этническим и иным социальным системам и группам.

Но именно суперкультурные системы в значительной степени определяют основные изменения, происходящие в социокультурном океане современного мира. Они формируют:

- 1) динамику исторических событий и малых социокультурных единиц, групп, индивидов, относящихся к конкретной суперкультурной системе;
- 2) менталитет личностей, их социальное поведение, материальную и духовную культуру, жизненный путь и судьбу;
- 3) организацию и функции малых групп и в целом культурных систем;
- 4) целостность изменений в суперкультурных системах и взаимосвязь их существенных частей;
- 5) динамику изменений, которая носит интегральный характер, то есть определяется действиями, подведомственными именно мировым интеграционным/дизинтеграционным процессам.

Четыре смысла

Именно теория суперкультурных систем Сорокина венчает единый цикл понимания категории «мировых цивилизаций», которая в мировом обществоведении с середины XIX века стала трактоваться в четырех смыслах-значениях как:

- 1) синоним мировой культуры – впервые у Н.Я. Данилевского в виде культурно-исторических типов, а затем у П. Сорокина как суперкультурные системы;
- 2) религиозная доминанта, формирующая мировые горизонтальные (локальные) цивилизации – византизм, православие и цветущая сложность у К.Н. Леонтьева, христианство у А. Тойнби, конфуцианство у С. Хантингтона;
- 3) ступень технологического общественно-производственного развития мирового социума, следующего за так называемым периодом первобытного варварства – гражданское общество у А. Фергюсона, традиционное общество у Л. Моргана, классовое общество у Ф. Энгельса, информационное общество у Э. Тоффлера;
- 4) этнический фактор всемирной истории, показатель зрелости этногенеза и народогенеза – теория пассионарности у Л.Н. Гумилёва.

Цивилизационный проект

Можно согласиться с социологом Владимиром Павленко. В серии статей под общим заголовком «Российская цивилизация в поисках восстановления проектной преемственности» Павленко приходит к вполне обоснованным выводам. В современном мире цивилизационный проект представляет собой систему ценностей (идею), созданную совокупностью культурных, исторических, социальных, государственных и иных традиций доминирующей или претендующей на доминирование цивилизации (См. его Доклад на научной конференции в рамках международного конгресса «Глобалистика», МГУ, 27 сентября 2017 года, - газета «Завтра», блог, 29 сентября 2017 г.).

Цивилизационный проект воплощается в системах смыслов и норм. Распространяется в материальной и духовной сферах путём внутренней и внешней экспансии. Эта экспансия может выражаться (приобретать) не только в публичной, но и в теневой (конспирологической) формах. А также реализовываться (направляться) на решение как официальных, так и не декларируемых проектных задач.

Павленко верно акцентирует внимание на явлении экспансии в цивилизационном проекте современности. Поскольку не все цивилизационные общности способны претендовать на проектный статус. А только те, которые имеют или способны иметь глобальный масштаб и соответственно предлагать глобальные модели мироустройства. Для чего они должны обладать устойчивым и активным суверенитетом как во внешней, так и во внутренней политике.

К таким цивилизационным комплексам, по его мнению Павленко, относятся:

1) государства или страны-цивилизации – Россия, Китай, Индия и возможно Япония;

2) субцивилизационные генеративно-политические центры – Иран, Турция, Египет, Мексика, Бразилия, Аргентина;

3) страны, консолидировавшие свои цивилизации, став их проектными ядрами – двуединство США и Великобритании, Ватикан и Израиль. Сюда же он относит и сплав так называемых глобальных партий во главе с Социалистическим Интернационалом, выстроенный вокруг ООН.

Остальные на этом празднике цивилизаций - статисты, следующие в фарватере признан-

ных цивилизационных лидеров. Причём, эту статистичность не следует драматизировать. Такова движущаяся логика всемирной истории.

Россия страна-цивилизация

В выводах Павленко просматривается в определённом смысле некоторая переключка с позицией Президента Российской Федерации В.В. Путина. Хотя, разумеется, Павленко ни сном, ни духом даже не подозревал о возможности такой переключки. Подчёркиваем, – это логика развития всемирной истории.

В Послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 года Путин выделил ключевой индекс развития Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации и её генеративно-политического центра – России.

Президент специально заострил внимание на том положении, что Россия как страна-цивилизация была, есть и будет суверенным, независимым государством. Это, отметил Путин, просто аксиома, характеризующая место и роль Российской Федерации в цивилизационной системе координат современного мира (См. Завтра, 20.02.2019).

Президент показал - мировой порядок складывается так, что Россия не может быть государством, если она не будет суверенной. При этом президент подчеркнул – некоторые страны могут быть государствами, не будучи суверенными в своей внешней политике и взаимоотношениях с другими странами на международной арене. То есть они фактически не определяют цивилизационный проект современности.

Россия таким не суверенным государством быть не может по определению и по характеру её цивилизационной матрицы.

Что значит быть суверенным государством-цивилизацией?

Путин в Послании ответил и на этот, казалось бы, очевидный по постановке, но совсем не очевидный по возможному результату ответа вопрос. В современном мире для России быть суверенным государством означает:

1) сохранить Россию как цивилизацию, основанную на:

- а) собственной идентичности;
- б) многовековых традициях;

- в) культуре наших предков;
- 2) достичь поставленной цели можно только одним способом – дать достойные ответы на вызовы стремительно меняющегося мира;
- 3) арсенал средств ответов, которые предложил Президент России, составляет:
 - а) объединение усилий всех социально-политических сил российского общества;
 - б) совместные действия всего населения страны;
 - в) консолидацию общества на справедливых началах;
 - г) включённость граждан в дела страны;
 - д) общую уверенность в наших силах.

Условия прорывного развития невозможно перевести в цифры и показатели. Но именно они являются определяющими для общего успеха.

Вот куда способны вывести последствия современной трактовки теории Сорокина о суперкультурных системах. Они позволяют определиться и с ещё одним базовым смыслом современного мироустройства. А именно – с определением основного противоречия современного мира или как было принято в биполярный период развития этого мира после Второй мировой войны - современной эпохи.

Интеграция – дезинтеграция

В XXI веке при переходе человечества к цифровому обществу в мире соперничают две глобальные тенденции – интеграции (сближения) и дезинтеграции (столкновения) мировых цивилизаций как суперкультурных мировых систем, а также менее крупных социальных, государственных и иных структур.

В борьбе этих тенденций происходит развитие (Россия, Китай, Индия) или стагнация (США, Евросоюз), а может даже и дегенерация (Украина, Грузия, Молдавия), современных социально-политических общностей, государственных и этнических образований принадлежащих к различным цивилизациям.

Ценности и смыслы

Сорокин совершенно точно определил, что каждая суперсистема зиждется на своей основной предпосылке – конечной ценности, которую эта суперсистема (цивилизация) порождает. Затем развивает и реализует на протяжении жизненного пути во всех своих компонентах и подсистемах.

После своего формирования или опредмечивания в социальных институтах каждая суперсистема становится причинно-смысловым единством. Без этого единства суперсистемы представляли бы собой конгломераты, а не целостные общности.

В процессе развития каждая суперсистема сохраняет самобытность вопреки изменениям её компонентов. Перемены совершаются в единстве существенных частей. В ходе взаимодействия культурная система отбирает близкие ей по духу и устраняет неблагоприятные для неё элементы.

Это объясняет тот очевидный факт, что суперкультурные системы (мировые цивилизации) гораздо протяжённее по историческому времени существования, чем конкретные государственные структуры.

Возникает своеобразный парадокс всемирной истории – государства исчезают, а цивилизации, носителями ценностей и смыслов которых выступали исчезнувшие государства, сохраняются, продолжают генерировать цивилизационные иммунитеты, историческую память, нормы и правила обыденной жизни, семейные традиции и прочие коренные рудименты общественного мироустройства.

Россия–СССР

Чтобы не углубляться в дебри всемирной истории, возьмите пример России–СССР. Октябрьская революция, казалось бы, начисто свергла устои императорской цивилизации России, установила новый по формам общежития государственный строй. По крайней мере с точки зрения формационной оценки этого общежития.

Был совершён реальный переход от капитализма к социализму, что бы об этом переходе сегодня кто бы то ни было не говорил. Но проходит два десятилетия и с середины 1930-х годов общество постепенно восстанавливает до-октябрьский общественный уклад жизни.

И это, несмотря на государственный атеизм советской власти. Однопартийный политический режим. Господство моноидеологии в виде симулякра марксизма-ленинизма.

Эти и другие временные атрибуты советской государственности оказались по факту быты цивилизационными традициями и перспективами, ведущими своё происхождение из 1150-летней истории Восточно-христианской православной цивилизации.

Та же самая картина наблюдается и после распада СССР. Советская цивилизация канула в Лету, но её основы – тяга российского народа к коллективизму, признание подавляющим большинством общества труда как общественной ценности, стремление простого люда к социальной справедливости, защита сложившихся семейных устоев и принципов отношения полов и так далее, продолжают диктовать условия жизни в постсоветский период истории. Причём, не только в Российской Федерации, но на всём постсоветском пространстве.

Две ценности советской цивилизации и два смысла её жизни, которые при всех потугах правящих элит невозможно выбросить из общественного сознания и практики, – homo soveticus (советский человек) и советский народ как новая историческая общность всемирной истории, хотя формально и превратились в общественные реликты, фактически никуда не исчезли, по-прежнему формируют повестку дня общественной жизни во всех независимых государствах-новодолах на территории бывшего СССР.

Восточно-европейская цивилизация

Этот исторический парадокс сохранения цивилизационного иммунитета государствами любого политического формата объясняет и другой важнейший факт современного мироустройства. А именно – бесперспективность цивилизационной перекоммуникации бывших стран социалистического содружества.

Никогда, или, по крайней мере, в ближайшей исторической перспективе страны Восточной Европы не станут полноценными членами Западно-христианской цивилизации, в какой бы союз они не вступили. Потому что они по своему цивилизационному иммунитету принадлежат к Восточно-христианской цивилизации, отличной по своим критериям от Западно-христианской цивилизации.

Более того, даже бывшая ГДР не может вписаться в западный цивилизационный стандарт. И виной тут не какая-то там архаичность поведения восточных немцев. Полувековая прививка социализма с его коллективистскими трудовыми ценностями воскресила древние цивилизационные основы жизни пруссов, в общем-то славянского по этническим корням племени.

Вот почему и обращаются ни в что миллиардные вливания федерального правительства

в переустройство жизни жителей Восточной Германии. Как и до воссоединения Западной и Восточной Германий в стране по-прежнему проживают два разных немецких народа.

Точно также абсурдны попытки нынешних властей Украины оторвать её от генеративно-политического центра Восточно-христианской православной цивилизации – России, и искусственно толкнуть в цивилизацию Западной Европы. То же самое относится и к Грузии, изображающей из себя европейскую принадлежность. Далее – по списку.

Эволюция цивилизаций

Социология мировых цивилизаций, в которой теории Сорокина принадлежит достойное место, не принимает в расчёт модели линейного прогресса суперсистем и всего исторического процесса. Она выступает за представления либо о циклических изменениях, либо ритмических, но в любом случае – за постоянно меняющиеся модели развития цивилизаций.

Во всех своих жизненных циклах, по учению Сорокина, любая цивилизация следует собственным курсом, проходя по этапам собственного генезиса. Как правило, этот генезис включает этапы:

- 1) роста;
- 2) расцвета;
- 3) увядания;
- 4) упадка и
- 5) возможного возрождения.

Российская цивилизация

Возьмём опять пример нашей Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации. За 1150 лет в своём генезисе она прошла все обозначенные выше этапы. Причём, эти этапы распадаются как бы на два рукава – в широком и узком смыслах.

В широком смысле можно насчитать 5 крупных этапов развития Восточно-христианской цивилизации:

- 1) Древнерусская цивилизация формально ведёт своё летоисчисление с принятия православия в 988 году святым князем Владимиром и до татаро-монгольского нашествия в 1237-1240 гг. Хотя фактически возникла задолго до Крещения. Организационно цивилизация формировалась на основе двуединства и даже триединства генеративно-политических центров –

Киев, Великий Новгород, Галич (Галицко-Волыньское княжество Западной Руси). Единой этногеополитической доктрины не было.

2) Третьемировская цивилизация по логотипу этногеополитической доктрины Филофея-Ивана Грозного Москва – третий Рим. Называют также Допетровской Русью, Московской Русью, Русским или Московским царством, нет единого определения. Хронологические рамки с 1547 по 1721 гг. Центр – Москва. До 1547 г. – 240 лет Москва, Тверь, Владимир плюс внешнее управление Ордынского ханства (Сарай).

3) Российская цивилизация с образования Российской империи в 1721 г. Петром I до Февральского переворота в 1917 г. Административный центр Санкт-Петербург, культурно-просветительский и торговый центр – Москва. Этногеополитическая доктрина: Самодержавие-Православие-Народность.

4) Советская цивилизация с образованием СССР в 1922 году до ликвидации Советского Союза в 1991 г. Центр – Москва. Занимала территорию почти что трети мирового пространства и трети мирового населения. Пик развития Восточно-христианской православной цивилизации, диктовавшей миру свои правила и нормы поведения. Этногеополитическая доктрина – мировая система социализма на основе принципов пролетарского интернационализма.

5) Российская (Восточно-христианская православная) цивилизация с провозглашением в 1991 г. Российской Федерации и по настоящее время. Административный центр – Москва, религиозный – Московский патриархат. Чётко сформулированной этногеополитической матрицей развития цивилизация пока не располагает.

В узком смысле каждая из названных выше разновидностей Восточно-христианской православной цивилизации имеет свои внутренние этапы и периоды развития:

1) Древнерусская цивилизация распадается на Славянскую племенную Русь до призвания варягов в 962 г., Варяжскую Русь, Киевскую Русь, Новгородскую Русь, Удельную Русь, Галицкую (Западную) Русь.

2) Третьемировская цивилизация прошла этапы развития от Великокняжеской Руси, Ордынского ханства (Казанское, Астраханское, Сибирское ханства) до Московского царства.

3) Российская цивилизация в дооктябрьский период развивалась под знаком управления и

контроля со стороны династии Романовых. Этот период обычно называют императорским, общероссийским. Разумеется, условное определение. Более устойчивое подразделение развития до-октябрьской цивилизации хронологическая периодизация: XVIII век - эпоха дворцовых переворотов и просвещённого абсолютизма, XIX век – традиционализм Николая I, реформистский этап Александра I, краткий период устойчивого развития в правление Александра III, кризис и распад в период царствования Николая II.

4) Советская цивилизация: революционный этап Великого Октября и Гражданской войны, период строительства социализма в одной отдельно взятой стране, Великая Отечественная война, восстановительный этап, частичная (политическая) десталинизация, развитый социализм времён правления Л.И. Брежнева, распад СССР и крах мировой системы социализма.

5) Российская цивилизация, несмотря на кратковременность существования, уже может предстать как минимум в двух этапах развития – лихие 1990-е годы с утверждением на государственном уровне так называемых ельцинизма и гайдариномики, образованием Содружества независимых государств. И второй этап – стабилизация и сравнительно устойчивое развитие страны и всего постсоветского пространства, с образованием междоцивилизационных интеграционных комплексов Евразийского союза, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС.

Принцип причинности

В методологии анализа суперсистем Сорокин на первое место ставил принцип имманентной или по-простому – внутренней – причинности. Хотя при этом отмечал и фактор внешней зависимости. Этот фактор то замедляет, то ускоряет внутреннюю динамику смены этапов развития суперсистем, а также перемены самих этих систем.

В развитии цивилизаций возникают альтернативные суперсистемы. Они предлагают свои потенциалы, противопоставляют их действующим. Пока сами не исчерпывают динамизм параллельного развития.

Циклы истории могут повторяться, но всякий раз выступать в новых вариациях. Этим измеряется не только содержание истории, но ритм и темпы циклов её развития. Циклы не просто дублируют прежнее содержание. Они воплощаются в новых модификациях. Хотя и не

имеют одинаковой длительности и постоянной ритмики перемен.

Смена доминирующих типов культурного менталитета и суперкультурных систем происходит в определённой последовательности — умозрительная, идеалистическая и чувственная культуры. Исчерпав творческий потенциал материальных, познавательных, моральных, эстетических, политических и прочих ценностей и смыслов суперкультура не исчезает сразу же и полностью. Она продолжает не просто существовать, но доминировать в новых условиях.

Причём эта доминация приобретает, как правило, химерный характер, потому что осуществляется не за счёт своего прежнего интеграционного конструктива, творческого дара и созидательных возможностей. А в большей степени с использованием деструктивного негатива как результата социально-политической инерции, свойственной любому типу процесса развития (угасания). В ход запускаются обман, принуждение, трюки и псевдоценности.

Оказываясь потенциально выхолащенной, суперсистема неизменно движется к своему упадку. Но по пути в тупик, она оказывается вредной и бесполезной для всех её составляющих элементов. И что не менее важно — всего человечества.

Динамика западной суперсистемы

С точки зрения теории Сорокина, западная цивилизация, прошла путь от красоты средневековой церковной музыки до какофонии джаза, от готических соборов до чикагских трущоб, от скульптур Микеланджело до порнографических журналов, от поэзии Байрона до шпионских триллеров.

Эта цивилизация, пребывавшая несколько последних столетий в фазе чувственной культуры, достигла крайней степени пресыщения. Это состояние обернулось множеством негативных и патологических явлений. Сорокин оказался в отчаянии от того, что в современном западном искусстве стали излюбленными героями проститутки, уголовники, психи, бродяги, лицемеры, жулики, проходимцы, и другой антисоциальный типаж.

Его прогноз для западной суперсистемы на ближайшую перспективу оказался крайне пессимистичным. Неизбежно наступление эры мо-

ральной и эстетической анархии, политической беспринципности и вседозволенности. А значит и не просто «заката Запада», а его неизбежного конца как цивилизационной доминанты суперкультурной графики современного мира.

Наказ будущим поколениям

Сорокин был убеждён в том, что изучение больших суперкультурных систем и пространств носит не просто теоретический характер. Но имеет важнейшее практическое значение как условие предотвращения человечества от необдуманных глобальных поступков и шагов.

Каждая цивилизация, в основе которой лежит самобытная культура, представляет собой обширную суперкультурную систему, объединяющую в одно интегрированное целое всю культуру сравнительно большой и преимущественно наднациональной культурной общности человечества. Без знания сущности этой общности невозможно понять причины, характер и механизмы формирования структур и изменений в мировом социуме, а также контролировать и по возможности управлять этим социумом, направляя развитие исторических процессов в желательном для человечества направлении.

Литература

1. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 года, — Завтра, 20 февраля 2019.
2. Добренков В.И. Россия в контексте социокультурной динамики П.Сорокина, — в кн. Глобализация духовности. М. Академический проект. 2019.
3. Жириновский В.В., Добренков В.И., Васецкий Н.А. Социология мировой интеграции. М. Академический проект. 2017.
4. Жириновский В.В., Добренков В.И., Васецкий Н.А. Социология мировых цивилизаций. М. 2015.
5. Жириновский В.В., Васецкий Н.А. Интегральная социология П. Сорокина, - в кн. Современная история политических и правовых учений. М. И-е СГУ. 2013.
6. Сорокин П.А. Социокультурная динамика. Человек. Цивилизация. Общество. М. Политиздат. 1992.
7. Павленко В. Российская цивилизация в поисках восстановления проектной преемственности, — Завтра, 29 сентября 2017 .

Институционализация социологии социальной структуры советского общества во второй половине XX века (1950–1980 гг.)

Григорян К. Г.

Статья посвящена самому неоднозначному периоду развития отечественной социологии, в рамках которого научное знание институционализировалось в самостоятельную науку и произошло выделение социологии социальной структуры как самостоятельного сегмента социологического знания. Идеологические установки советского периода и объективные факторы развития определяющим образом обусловили специфику исследований относительно структуры советского общества. Отечественные ученые, создав уникальную теоретико-методологическую базу социологии, категориальный и эмпирический инструментарий, оформили и апробировали на практике системный подход в социологии, который не имел аналогов в мировой научной практике и вывел советских социологов на мировой уровень. В рамках социологии социальной структуры советского общества активно шло формирование и развитие научных направлений, школ и научных подходов, был создан собственный понятийный и категориальный аппарат, оформилась системная и комплексная методология, как эмпирических исследований, так и теоретических подходов.

Ключевые слова. Социология, эмпирические исследования, категориальный аппарат, общество, социальная структура, классы, социальные группы, социальные процессы, социальная синергия.

Grigoryan K. G.

Institutionalization of sociology of social structure of soviet society in the second half of 20th century (1950-1980s)

The article is devoted to the most non-significant period of development of Russian sociology, in which scientific knowledge was institutionalized into an independent science and there was a separation of sociology of social structure as an independent segment of sociological knowledge. Ideological installations of the Soviet period and objective factors of development determined specificity of researches concerning structure of the Soviet society. Russian scientists, having created a unique theoretical and methodological base of sociology, categorical and empirical tools, designed and tested in practice a systematic approach in sociology, which had no analogues in world scientific practice and brought Soviet sociologists to the world level. Within the framework of the sociology of the social structure of the Soviet society, the formation and development of scientific directions, schools and scientific approaches actively took place, its own conceptual and categorical apparatus was created, a system and complex methodology was formed, both empirical research and theoretical approaches.

Keyword. Sociology, empirical research, categorical apparatus, society, social structure, classes, social groups, social processes, social synergy.

Основным фактором, обеспечивающим развитие социологии социальной структуры в послевоенный период, стала объективная экспликация советского общества. Установившееся к 1930-м годам идеологическое деление советского общества по принципу «2+1» (рабочий класс, крестьянство и интеллигенция) было не только закреплено законодательно, но и поощрялось властными, в том числе идеологическими методами. Главная особенность довоенного периода – дуальность официальной социальной структуры и ее реального состояния, обусловленная парадигмальным этапом становления «новой общности», во время Второй мировой войны сменяется качественно новым вектором – единением советского народа перед лицом внешней агрессии. В послевоенный период советское общество ощущает себя как «единую общность – советский народ».

Вместе с тем, период восстановления советской экономики, сменившийся этапом подъема народного хозяйства, обусловил качественно новые трансформации советского социума. В основе этих трансформаций лежали факторы, характерные для общецивилизационного развития, в частности научно-технический прогресс, развитие наукоемких технологий, повышение качества жизни. В структуре советского общества, в рамках классов выделяются групповые различия, определяемые факторами профессиональной деятельности, образования, качества жизни, отношением к существующему строю и т.п. Эти факторы обусловили необходимость детального изучения советского общества и во многом стали определяющими для возрождения отечественной социологии.

1950-е годы становятся началом институционализации отечественной социологии. Это был неоднозначный по своему содержанию период. С одной стороны, социологические исследования, особенно в части изучения соци-

альной структуры советского общества, представляли собой «социально-политический» заказ, который ученые получают практически сразу после окончания войны (в начале 1950-х гг.). С другой стороны, власть, совершенно однозначно понимала тот уровень влияния, который формируется в недрах социологических исследований и те последствия, которые могут оказать влияние на существующую идеологию. Вместе с тем, запретить или ограничить спектр исследований было бы нецелесообразным для экономики страны. В итоге было принято «компромиссное» решение разделить формирующуюся науку и передать теоретическую часть под контроль философии, а прикладную часть отнести к экономическим наукам. Эта ситуация, вместе с тем, не остановила развитие социологического направления в науки и 1950-1970-е годы, по совершенно справедливому замечанию самих социологов, стали «золотым веком», Ренессансом социологии.

Необходимо отметить, что прикладной характер первых исследований был вызван как факторами субъективного характера, лежащими в плоскости государственной идеологии, так и объективными причинами, напрямую связанными с общемировыми тенденциями, которые также наблюдались и западных обществах. Если провести параллели с развитием советского общества и отбросить политико-идеологическую составляющую, то можно выделить ряд равнозначных по своему характеру и содержанию процессов, которые возможно обозначить как трансформация традиционного индустриального уклада и формирование общества modernity (по Р. Ингларту). В Советском Союзе именно на этот период приходится так называемая «хрущевская оттепель»

Эти тенденции равным образом затронули как западное, так и советское общество. Рост благосостояния, социальная и экономическая стабильность, научно-технический прогресс повлекли качественные изменения как в самой жизнедеятельности общества, так и в общественном и индивидуальном сознании и мировоззрении людей, в процессах взаимодействия различных социальных слоев.

Все эти процессы не только представляли интерес в научном плане. Их изучение имело громадное прикладное значение, так как позволяло выявлять любые отклонения не только на

ранней стадии их возникновения, но и на уровне вариативности их возможного проявления. Не меньшую актуальность представляли прикладные социологические исследования и для решения управленческих и организационных проблем на всех уровнях жизнедеятельности советского общества. Прикладные исследования, посредством которых выявлялся комплекс насущных проблем содействовали постановке и решению конкретных задач коммунистического строительства в СССР. В данном контексте эмпирическая социология не представляла угрозы для существующего строя. Именно с этим связан интерес государственной власти к эмпирике социологического знания. Поэтому, несмотря на идеологическую составляющую и жесткий партийный контроль развитие эмпирической социологии получает доминантное поле деятельности и возможности для своего развития.

Вместе с тем, необходимо отметить, что ситуация двойственности, которая возникла в советской социологии, а именно «разведение» эмпирической и теоретической социологии в различные области научного знания (теоретическая часть определена как сегмент философии и научного коммунизма, а эмпирическая в большей степени отнесена к экономическим наукам) имела негативное в своей содержательной принципиальности значение. Выделение теоретической социологии в область философии и научного коммунизма исходило из необходимости идеологической корректировки результатов и выводов эмпирических исследований. Эмпирические исследования не только давали развернутый материал для прикладного использования, но и объективно предполагали интерпретацию данных и теоретическое осмысление выявленных явлений и процессов. В условиях советской действительности научные выводы, подчиняясь критериям и логики науки (комплексность, системность, четкость, определенность и т.п.) во много расходились с «линией партии», так как развитие советского общества показывало, что официальная установка «2+1» не отвечает реальности, а многоуровневая дифференциация советского общества имеет объективный характер и не связана с конкретным политическим строем. Ее причины в большей степени лежат в области динамики цивилизационного развития. В данном контексте абсолютизация эмпирической социологии

мела не только прикладное, но и идеологическое значение, так как создавала возможность жесткого идеологического контроля над логико-методологическими приемами формулирования теоретических гипотез, необходимых для утверждения советской идеологии. Как только прикладные исследователи выходили за эти рамки – начинались применяться репрессивные методы.

Вместе с тем, в среде научного сообщества, исходя из конкретной логики научного мышления реализуются многочисленные попытки объединения прикладной и теоретической социологии. Общенаучная логика исследования подразумевает синтез эмпирики и теории. Только в таком контексте прикладным методикам гарантируется целостность и значимость. Социолог может провести опрос, заполнить анкеты, провести фотографию того или иного процесса или анализ документов. Но, по сути, это будет единой акцией, так как без логико-методологического анализа полученной информации будут невозможны дальнейшие познавательные исследования, например, классификация событий или явлений, их объяснение и т.п., а значит и дальнейшее развитие научного знания. Общенаучная структура научного процесса предполагает поступательное развитие знаний о предмете исследования. Именно такая тенденция определяется с момента послевоенного возрождения социологического знания.

Получив с конца 1950-х годов возможность широкомасштабных исследований советского общества, социологи не могли ни заинтересоваться содержательной стороной выявленных явлений и процессов, проследить их динамику и возможности корректировки и модификации, «желанием докопаться до глубинных корней бесконечных иллюзий и заблуждений...» [1].

Эта логика обусловила появления серьезных теоретических исследований вне официальной теоретической социологии. Ярким примером подобного подхода может стать деятельность Б. А. Грушина, создавшим теоретико-эмпирическую социологию изучения структуры общества. По сути, «социологическая модель Грушина» представляет собой интерпретацию факторного анализа, примененную относительно изучения общественного мнения [2]. В основе данной модели был положен принцип многомерной критериальности. Б. А. Грушиным

была предложена десятиуровневая шкала критериев для изучения общественного мнения, которая включала в себя социо-культурные и социо-психологические показатели, позволяющие определить уровень рефлексии респондентов на окружающую реальность и выявить внутренние противоречивости общественного сознания [4]. Теоретико-эмпирическая социология Б. Грушина не только позволила создать образ «ментального пространства» СССР, детализировав социальную структуру советского общества во всех ее проявлениях, включая ценностно-смысловые установки, ориентации и модели поведения, но и имела конкретный прикладной характер, который во всей двойственности советской реальности проявился при проведении «Таганрогского эксперимента».

В ходе проведения «Таганрогского эксперимента» (проекты «Таганрог» I - 1968-1969, «Таганрог» II - 1978-1979, «Таганрог» III - 1988-1989) по выявлению динамики сопоставления новых явлений в семейном благосостоянии с использованием неординарной модели выборки и совокупности методов сбора информации [5] были получены результаты которые имели принципиальное значения как для органов управления (по использованию СМИ), так и, например, для органов внутренних дел (предотвращение преступлений и девиантного поведения), руководителей промышленных предприятий и учреждений города (корректировка управленческих механизмов) и т.п. Но, результаты исследований, которые показали громадный разрыв между «декларируемым и реальным», не были использованы в полном объеме. В своей статье «Ученый Совет при Чингисхане» (1988) Б. Грушин назвал главную причину этой ситуации: «Органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать всё, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле – в обход неё и даже без неё, вместо неё, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения...вроде учёного совета при Чингисхане. Будешь стоять на своём, говорить правду – неснесёшь головы, будешь угодничать, лгать – останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...» [3].

Разноплановые и многомасштабные исследования первых советских социологов Г. П. Осипова, В. А. Ядова, В. Н. Шубкина, В. Т. Лисовского, О. И. Шкарятяна позволили создать системный подход в социологии, который не имел аналогов в мировой научной практике и вывел советских социологов на мировой уровень. В рамках этих исследований формируются научные социологические школы (отраслевые социологии), в рамках которых структура советского общества получает комплексный анализ - социология труда и промышленная социология (В.А. Ядов, З.И. Файнбург, Г.П. Подмарков, Г. М. Андреева, Г.В.Осипов, В.В.Колбановский, С.Ф.Фролов, О. И. Шкарятан А. И. Пригожин, Р.В.Рывкина, Н. И. Лапин, Д. М. Гвишиани, и др.), социология социальной структуры (М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов, Ц.А. Степанян, В.С Семенов, С.А. Кугель, В.И. Лукина, С.Б. Нехорошков, Ю.Л. Пивоваров и др.); социология молодежи и студенчества (И. Ильинский, И. В. Бестужев-Лада, Ф. Р. Филиппов, М. Н. Руткевич, Л. Я. Рубина, В. Н. Шубкин, В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова, В.И. Чупров, И.М. Ильинский, М. Титмы, В. Т. Лисовский, И. С. Кон, И. Андреева, Л. Новикова, Е. Ливанов, В. Левичева, Ф. Шереги, и др.); социология села (Т.М. Заславская, Б. И. Староверов, Ю. В. Арутюнян, Р. Рывкина, В. Переведенцев, Л. Рыбаковский, Г. Морозова, В. Патрушев, В. Артемов, О. В. Новооцкая, Л. В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова, И. Т. Левыкин, В. А. Калмык, Р. К. Иванова, З. И. Калугина, В. Д. Смирнов, М. Сидорова, М. Можина, Т. Кузнецова, З. Калугина, А. Шапошников, В. Тапилина, Л. Хахулина; социология образования (Ф.Р. Филиппов, В.Н. Турченко, А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, С. Н. Иконникова, В. В. Водзинская, М. Х. Титма, Л. Н. Лесохина, В. В. Водзинская, В. Т. Лисовский, Н. А. Аитов, О. И. Шкарятан, В. Н. Шубкин, Р. Г. Гуровой и др.); социология культуры (С.Н. Иконникова, Э.В. Соколов и др.); социология семьи и сексуальных (А.Г. Харчев, И.С. Голод и др.); социология свободного времени (Б.Д. Грушин, И. Леонавичус и др.); социология духовной жизни (Л.Н. Коган, Л.М. Архангельский и др.).

В рамках научных школ конкретизируются социологические исследования относительно отдельных аспектов социальных явлений и процессов. Содержательное наполнение социологических направлений позволило более тща-

тельно детализировать социальную реальность советского общества, обозначить структурообразующие элементы стратификационной структуры, выявить факторы, определяющие поведение и формы взаимодействия между ними, а также процессы, обуславливающие стратификационные трансформации. Это становится возможным благодаря созданию теоретико-методологической базы, которая включала в себе многообразные формы и методы проведения эмпирических исследований, критериальный аппарат, алгоритмы выявления детальных показателей и т.п. Вторым аспектом, определяющим содержательную специфику социологических исследований относительно социальной структуры советского общества, становится ярко выраженная тенденция интеграции с другими науками, не только с философией и экономикой в рамках официального разделения социологии, но и в частности с историей, психологией, культурологией, правом, педагогикой, естественными науками. В данном контексте можно привести пример использования синергетики при решении проблематики исследования социальной структуры. Основы синтеза синергетики и социологии были заложены в работах И. Пригожина, С.П. Курдюмова, Е.Н. Князево и др. В центре внимания были процессы линейного развития социума, в частности явления флуктуации и бифуркации в социальной эволюции, создание сложных социальных структур, синхронизация темпов эволюции, как возможность предвидения и координации социального развития.

Суммируя вышеизложенное, в рамках институционализации отечественной социологии можно выделить специфику направленности социологических исследований социальной структуры советского общества, а именно:

- доминирование эмпирических исследований;
- дифференциация социологической науки;
- ее интеграции с другими науками;
- естественные попытки ученых объединить прикладной и теоретической социологии.

Эмпирические исследования, имея многоплановый и широкомасштабный характер, охватывают все сферы жизнедеятельности советского общества. В ходе исследований выявляются как внешние (официальные) аспекты советской структуры, так и латентные структурообразующие элементы и процессы социально-

го развития. В частности, в этот период было выявлено структурное многообразие советского общества, определены источники и причины социальной дифференциации, вскрыты основные различия, имеющие как межклассовый, так и внутригрупповой характер.

В своей совокупности вышеназванная специфика определила процесс институционализации социологии как самостоятельной науки и выделение социологии социальной структуры как самостоятельного сегмента социологического знания. В рамках социологии социальной структуры советского общества активно шло формирование и развитие научных направлений, школ и научных подходов, был создан собственный понятийный и категориальный аппарат, оформилась системная и комплексная методология, как эмпирических исследований, так и теоретических подходов. В СССР создана развернутая сеть научно-исследовательских институтов и иных социологических структур, которые занимались, в том числе, и проблематикой социальной стратификацией. Исследования теоретического и прикладного характера нашли свое отражение в многочисленных публикациях. Особо важное значение для институционализации социологии стало развитие образовательного сектора. В 1968 году была создана Институт конкретных социальных исследований АН СССР (ИКСИ РАН), кафедра методики конкретных социальных исследований на философском факультете МГУ им. М.В.Ломоносова, заложившие основы академического социологического образования. В 1977 г. на философском факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (на отделении научного коммунизма) была введена специальность «прикладная социология» [8], позднее, в 1984 году было открыто аналогичное отделение на экономическом факультете Ленинградского государственного университета и в 1986 году – отделение социологии на факультете философии Киевского государственного университета. Кроме того, в этот период шла активная подготовка кадров для прикладных исследований, которая проводилась в рамках деятельности научных школ и социологических структур, выполняющих многопрофильные исследования [7].

Знаковым событием в генезисе институционализации социологии стал 1988 год. В этот

год произошли события, определившие законодательное оформление социологии как самостоятельной науки в СССР. Отрасль «Социологические науки» (вместо специальности «Прикладная социология») была включена в номенклатурный перечень научных специальностей Высшей Аттестационной комиссии [80]. Также, в соответствии Приказом Государственного комитета СССР по народному образованию от 2 ноября 1988 года «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране» специальность «прикладная социология» была изменена на специальность «социология».

7 июня 1988 г. вышло Постановление Политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», которое стало поворотным моментом в дискурсе относительно места социологии в системе научного знания. Постановление 1988 года обозначило ряд проблем в положении социологии в системе научных знаний. В числе одной из основных причин наличия негативных факторов в развитии социологического знания была названа острая нехватка специалистов в области социологии и качество их подготовки в действующих образовательных структурах высшей школы.

Постановление закрепило решение ЦК КПСС о создании самостоятельных социологических структур, в частности Института социологии Академии наук СССР (преобразован из ИСИ АН СССР). На основании Постановления ЦК КПСС от 7 июня 1988 года «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» Президиум АН СССР постановлением 20 сентября 1988 г. определил поэтапное создание научных учреждений социологического профиля.

Важным моментом стало создание в 12 ведущих вузах страны (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Московский институт управления имени С. Орджоникидзе, Ленинградский государственный университет, Ленинградский финансово-экономический институт имени Н. А. Вознесенского, Новосибирский государственный университет, Уральский государственный университет имени А. М. Горького, Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, Харьковский го-

сударственный университет имени М. Горького, Белорусский государственный университет имени И. Ленина, Ташкентский государственный университет имени В. И. Ленина, Тбилисский государственный университет, Вильнюсский государственный университет имени В. Капсукаса) социологических факультетов [6].

Становление и развитие теоретико-методологических принципов исследования социальной структуры советского общества шло в контексте развития советской социологии и отличается неоднозначность. С одной стороны идеологические рамки во многом затрудняли процесс развития, но с другой стороны, исследования 1960-е – 1980-е годов позволили институционализировать социологию как самостоятельную науку, имеющую свой категориальный и понятийный аппарат, комплексную и системную методологию сбора и анализа информации. В этот период не только разрабатывались и применялись передовые методики исследования, но и создавался системный подход, включающий многомерные и широкомасштабные механизмы изучения социальной структуры.

Литература

1. Докторов Б. З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения / Б. З. Докторов. - М., 2018. URL: https://studme.org/135524/sotsiologiya/mentalnoe_prostranstvo_gologramma_grushina
2. Ефимочкина Н. Б. Коммуникации в системах управления / Н. Б. Ефимочкина // Вестник университета. – 2018. - № 10. - С.51-57.
3. Зборовский Г. Е. О социологии и власти: невыученные уроки. Ученый совет для Чингисхана / Г. Е. Зборовский // Социум и власть. – 2014. - № 4 (48). - С. 7-12
4. Мамедов А. К. Информационное общество: новая онтология социального неравенства / А. К. Мамедов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.). – 2014. - № 2, с. 187-199.
5. Мансуров В. А., Петренко Е. С. Изучение общественного мнения в России и СССР // Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов / Г.М. Андреева, В.Н. Амелин, Я.У. Астафьев и др.; Отв. ред. В.А. Ядов; Сост.: З.Т. Голенкова, В.А. Ядов; РАН. Ин-т социологии. 2-е изд., перераб. и доп. -М., 1998. – с. 528.
6. Осипов Г.В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле / Г. В. Осипов // Социологические исследования. - 2008. - № 6. - С. 5-22.
7. Осипов Г.В. Проблемы включения социологии в систему научного управления российским обществом Зборовский Г. Е. // Социологические исследования. -2012. - № 7. -С. 5-16.
8. Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Официальный сайт. Раздел «О факультете». URL: <http://www.socio.msu.ru/index.php/%D0%BE-%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B5%D1%82%D0%B5>

Дуализм понятия «Диаспора» как социального феномена и социального института

Гулина Д.С.

Предметом данной статьи стали различные теоретические подходы к определению понятия диаспоры, в основу которых ложатся различные критерии, признаки или характеристики изучаемого явления, а также его свойства и особенности. На основании разницы подходов дано комплексное осмысление этого явления. Выделены свойства и функции диаспоры. Рассмотрены признаки и функции явления социального института. Приведены доказательства возможности рассмотрения диаспоры как социального института. Данный подход имеет гностический потенциал более глубокого изучения явления диаспоры и управленческие перспективы привлечения диаспоры к урегулированию миграционных процессов.

Ключевые слова: диаспора, признаки диаспоры, этническая общность, этническая идентичность, комплекс диаспоральности, социальный институт, социальный регулятор, интеграционные установки, институционализация ценностей.

Gulina D.S.

Dualism of the concept of "Diaspora" as a social phenomenon and social institution: difference of approaches

The subject of this article are different theoretical approaches to the diaspora definition, which are based on different criteria, features or characteristics of the studied phenomenon, its properties and features. On the basis of the difference of approaches the author of the article gives a comprehensive understanding of this phenomenon. The properties and functions of the diaspora are highlighted. The features and functions of the phenomenon of social institution are considered. The article presents arguments for the possibility of considering the diaspora as a social institution. The approach has a gnostic potential for a more in-depth study of the diaspora phenomenon and managerial perspectives of engagement of the diaspora to the regulation of migration processes.

Key words: diaspora, diaspora trappings, ethnic community, ethnic identity, disposalwaste complex, social institution, social control, integration attitude, institutionalization of values.

Актуальность темы исследования.

В существующем разнообразии проблем изучения миграционных процессов значимое место занимают особенности взаимодействия органов государственной власти с национальными диаспорами. На сегодняшний день, диаспоры являются основным посредником России во взаимоотношениях с иммигрантами. Однако, сложившиеся отношения между государством и диаспорами в управлении миграционными процессами не решает в полной мере проблему адаптации мигрантов. При этом рост степени влияния диаспор на миграционную политику не всегда сопровождается преследованием интересов государства. В связи с существованием данной проблемы, становится понятной необходимость более скрупулезного изучения сущности и свойств диаспоры, эффективности диаспор как основных посредников РФ в реализации ее миграционной политики, исследования их адаптивных возможностей и разработки действенных механизмов и инструментов регулирования миграционных процессов на основе новейших концептуальных подходов.

1. Степень научной разработанности изучения диаспор

За последние 20 лет был опубликован ряд научных трудов по изучению общетеоретических проблем связанных с диаспорами: условия их появления и развития, специфические атрибуты и функции диаспоры, а также её интеграционные процессы.

Большое количество работ в наши дни посвящено конкретным группам диаспор: русским диаспорам за рубежом, этническим диаспорам на территории России, национальным диаспорам из стран СНГ и так далее. Однако слишком

общее истолкование термина «диаспора», используемое по отношению ко всем национальным меньшинствам, стало причиной отсутствия общего понятийного аппарата.

Результатом чего стала различная оценка со стороны экспертного сообщества широкого разнообразия аспектов развития и функционирования современных диаспор, кроме того, сам термин «диаспора» истолковывался по-разному, в зависимости от того, к какой этнической группе он был применен автором.

Предметом изучения социологов, правоведов, политологов, этнографов обычно являются проблемы методологической базы, типологии и функций диаспор, перспективы и особенности их развития и т.д.

Существующие исследования проблем диаспор можно условно представить в виде тематических групп. Первая из которых - теоретико-методологические труды, являющиеся фундаментом изучения данной проблемы. Следует заметить, что в российской литературе проблема диаспоры сопутствует разрабатываемой теории этноса.

Теория этноса активно изучалась и прорабатывалась в 60-80-х гг. прошлого века в работах Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева и другие [1]. В этот период проблема диаспоры не исследовалась в качестве отдельного вопроса.

Тем не менее, ключевые работы этих мыслителей заложили прочный теоретический фундамент для дальнейшего изучения этносоциальных сообществ и общностей в трудах таких ученых, как Р. Г. Абдулатипов, Ю. В. Арутюнян, М. С. Джунусов, Л. М. Дробижева, В. И. Затеев, Т. В. Полоскова, А. А. Сусоколов, В. А. Тишков и др [2-3].

В частности, исследователями, в частности Ю. В. Бромлеем, составлена детальная классификация этнических общностей, названы их особенности и признаки. Дальнейшие поколения исследователей Р. Г. Абдулатипов, И. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Т. А. Полоскова, В. А. Тишков и другие в 1980 - 1990-е годы начали активно изучать те проблемы диаспор, которые тесно переплетаются с вопросами их политико-правового статуса, а также функций, места и роли во внешней и внутренней политике государства.

Еще одну группу исследований представляют те, которые посвящены разработке тех или

иных аспектов или особенностей диаспоры, как своеобразного этносоциального феномена, это труды С. А. Арутюнова, М. А. Аствацатуровой, А. Г. Вишневого, Т. С. Иларионовой, Н. М. Лебедева, З. И. Левина, Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыковой и других исследователей [4-7].

В качестве основы теоретических разработок, касающихся источников формирования и критериев организации диаспоры в российской науке, можно назвать работу Т. С. Иларионовой «Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры)» [5]. Существенное значение имеет монография З.И. Левина «Менталитет диаспоры», который рассматривал в качестве основы функционирования диаспоры принцип системного и социокультурного анализа [6]. Безусловно, нельзя не выделить работу Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыковой «Диаспора как объект социологического анализа» которая является весьма ценной в теоретическом плане обобщающей монографией по проблемам диаспоры. В данной работе ученые произвели попытки построения типологизации изучаемого феномена, рассмотрели его специфики и разнообразные функции [7].

Третью группу исследований в области диаспор представляют научные труды, позволяющие исследовать зарубежный опыт функционирования диаспор, их интеграцию в общество принимающего государства: Б. Андерсон, Р. Брубейкер, С. Д. Степаков и другие [8-9].

Замыкает перечень групп – исследования проблематики диаспор, изложенные в научных журналах и сборниках конференций, а также других периодических изданиях, посвященных региональным аспектам изучаемого вопроса, это работы: А. Анготкина, О. Е. Бредниковой, У. М. Мехдиевой, Л. В. Остапенко, О. В. Паченкова и других [10].

Особое значение на развитие теоретической мысли в изучаемой области имеет издание с 1999 года журнала «Диаспоры», ставшего ключевым сборником научных статей по проблемам диаспор.

Итак, в последние десятилетия в отечественной науке было выпущено существенное количество трудов, посвященных изучению тех или иных аспектов явления диаспоры, что подчеркивает важность и значимость научной информации по данной проблематике. Несмотря на огромный интерес к проблемам диаспоры, не

Таблица 1
Признаки явления диаспоры.

№	Признаки явления диаспоры	Автор
1	<ul style="list-style-type: none"> - рассеяние – размещение части народа за границами их исторической родины в результате территориальных изменений той или иной страны или в результате разного рода миграционных процессов; - сохранение этнокультурной идентичности в течение долгого времени (несколько поколений), дифференцирование на «своих» и «чужих»; - тесная эмоциональная связь с родиной, на которую ориентируются как сами мигранты, так и их потомки 	В. Дятлов и Э. Мелконян [12, с. 19]
2	<ul style="list-style-type: none"> - этническая идентичность; - общность культурных ценностей; - социокультурное противопоставление себя принимающему обществу, которое находит выражение в действиях, направленных на сохранение культурной этнической самобытности; - представления об общем историческом происхождении; - наличие собственной стратегии взаимодействия с принимающим государством и с исторической родиной; - институциализация 	Т. В. Полоскова [3, с. 18]
3	<ul style="list-style-type: none"> - расселение народа за пределами исторической родины (рассеяние); - расширение сфер влияния народа за пределами своего государства (с целью трудоустройства, развития торговых связей или для удовлетворения колониальных амбиций); - мифологизация утраченной родины, и идеализация представляемого наследия предков; - сильное групповое этническое самосознание, не ослабевающее в течение многого времени, чувство общности с представителями своего этноса в других государствах; - сложные взаимоотношения с принимающей стороной и желание вернуться; - возможность созидательной работы во благо исторической родины 	Р. Коэн [13, с. 46]

все аспекты данного феномена до конца раскрыты и изучены, остается еще множество спорных вопросов, которые еще предстоит рассмотреть.

2. Теоретические подходы к изучению понятия диаспоры

Диаспора как социальный феномен возникла еще в древние времена. Изначально диаспора называлась совокупность граждан гречес-

ких полисов, которая переселялась на недавно завоеванные территории с целью их колонизации и ассимиляции [11, с. 64].

Стоит отметить, что в качестве непосредственно научного термина данное понятие стало использоваться лишь с конца 1970-х – начала 1980-х годов [Там же].

На сегодняшний день, было разработано множество разнообразных определений понятия «диаспора», в основу которых ложатся раз-

Таблица 2
 Определения понятия диаспоры

№	Определение понятия диаспоры	Автор	Этнический или этнополитический подход
1	Диаспора – это общность, отличающаяся культурно, в основе представлений которой лежат идеи об общей родине и выстраиваемые на этой почве коллективные связи и групповая солидарность. Другими словами, диаспора – это некий образ жизни, стиль мышления и поведения, а не жесткая этническая или демографическая реальность	В. А. Тишков [14, с. 20]	Этнополитический
2	Диаспора – это определенная устойчивая общность индивидов, имеющих общее этническое происхождение и проживающих вне пределов своей исторической родины; общность, которая обладает рядом социальных институтов для поддержания и развития своей жизнедеятельности	Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова [7, с. 24]	Смешанный
3	Диаспора – это этническое меньшинство, группа, имеющая зарубежные корни и сохраняющая и поддерживающая материальную и эмоциональную связь с исторической родиной	М. Эсман [15, с. 36]	Этнический
4	Диаспора - рассеяние этноса в пространстве и его отношение к реальной или воображаемой родине, на которую данная часть этноса (диаспора) продолжает ориентироваться эмоционально и политически, не смотря на отдельное существование	Р. Брубейкер [9, с. 19]	Этнополитический
5	Диаспора - это особый тип человеческих взаимоотношений, особая система формальной и неформальной коммуникации и связей, жизненных стратегий и людских практик, в основе которых лежит общность исторической родины, на усилиях по сохранению стиля жизни в дали от нее – в качестве национального меньшинства в иноэтничном пространстве	В. Дятлов [16, с. 26]	Этнополитический
6	Диаспоры – это этнические коллективы, сформированные не только институционально, но, и, прежде всего, сложившиеся естественно историческим путем	А.В.Авксентьев и В.А.Авксентьев [11, с.48]	Этнополитический

личные критерии, признаки или характеристики изучаемого явления, а также его свойства и особенности (Таблица 1).

Таким образом, анализируя понятие «диаспора», мы:

Во-первых, будем считать одной из главных его особенностей - размещение этнической общности людей вне пределов страны своего происхождения в ином этническом и культурном окружении.

Во-вторых, диаспора – это не только определенная часть того или иного народа, проживающего среди других, а некая этническая общность, которой свойственны определенные черты национальной самобытности конкретного народа и которая целенаправленно пытается их сохранить и даже развить. Это относится и к языку, и к культуре, и к менталитету.

В-третьих, диаспора функционирует институционализированно, начиная от землячества, и заканчивая наличием развитых общественных, национально-культурных и политических организаций.

В науке имеют место две основные точки зрения, с которых ученые рассматривают диаспору [11, с. 65]. Согласно одной из них, диаспора – явление этническое, согласно другой – этнополитическое (подчеркивается именно политический фактор).

Таким образом, разнообразие понимания термина «диаспора», помогает нам сделать вывод о том, что диаспора – это, с одной стороны, процесс расселения того или иного этноса вне его исторической родины, с другой стороны – это устойчивая общность людей общего этнического происхождения, которая имеет свою собственную стратегию взаимодействия с принимающим государством и исторической родиной, и обладающая характеристикой национальной самобытности народа (язык, культура, сознание), а также имеющая социальные институты для сохранения и поддержания этой самобытности. Значит, употребляя термин диаспора, мы будем понимать под ним совокупность представителей той или иной этнической группы, по тем или иным причинам покинувших историческую родину, проживающих в новом принимающем государстве, стараясь сохранить свою культуру, традиции и национальное самосознание при помощи самостоятельно образованных социальных институтов.

Явление диаспоры изучается в совокупности с понятиями этноса, нации, национального меньшинства, этнонации, нации-государства. При этом в анализе должны быть учитываемы такие свойства, как историческое прошлое, специфика жизнедеятельности и социального опыта, система устойчивых установок и представлений. Указанные характеристики легли в основу отечественных трудов, посвященных изучению понятия диаспоры как части этноса, находящегося во временном и территориальном отдалении от него, но сохраняющих этническую идентичность и стремящихся к совместной с этносом деятельности на основании этой идентичности.

Ученые отмечают самодостаточность диаспоры по численности и демографическому составу для выполнения функции культурного, языкового и поведенческого воспроизводства материнского этноса, тогда как институциональную структуру не всегда входит в перечень свойств диаспоры. Как пример, широкое употребление по-прежнему имеет определение диаспоры «как этнической группы, проживающей вне своей исторической родины или основного ареала расселения». В частности, А.В.Авксентьев и В.А.Авксентьев считают, что диаспоры - это этнические коллективы, сформированные не столько институционально, но, прежде всего, сложившиеся естественно историческим путем.

3. Свойства и функции диаспоры

Центральным, с точки зрения сущностного определения и выполнения диаспорой своих функций, можно отметить выполнение ей социального посредничества [17, с. 67]. Для преодоления комплекса диаспоральности как комплекса чужеродности диаспорой выстраивается ряд внешних и внутренних связей. Способность осуществлять межэтническую и межкультурную коммуникацию сформирована участием этой группой в межэтнических отношениях.

В связи с этим функция социального посредника, которую выполняет диаспора, возможно рассматривать, во-первых, как способность объединять внутри себя элементы различных культур, создавая синтез новой культуры диаспоры, во-вторых, как способность выстраивать межэтнический и межкультурный диалог мигрантов, структур и граждан принимающего государства.

Таблица 3
Интеграционные и антиинтеграционные установки мигрантов [19].

Интеграционные установки мигрантов	Антиинтеграционные установки мигрантов
- информирование мигрантов о требованиях миграционного законодательства принимающего государства	- теневые практики оказания услуг
- помощь в оформлении необходимых документов, легализации правового статуса	- недооценка значения изучения государственного языка мигрантами
- содействие в изучении местного языка	- желание организовать жизнь мигрантов в замкнутых микрогруппах, отчужденных от принимающего общества
- использование возможностей социальных сетей для решения вопросов пребывания и трудоустройства иностранных рабочих	- завышенные тарифы на оплату услуг
- работа с лидерами групп мигрантов, обеспечивающих контроль их пребывания и деятельности, неформальная защита мигрантов	- трудоустройство к работодателям, практикующим принудительный труд, обман и нелегальный статус мигрантов
	- методы психологического давления на мигрантов

Каждая диаспора уникальна и своеобразна, однако, в их деятельности есть ряд общих функций [18], наиболее важные из которых, на наш взгляд:

- Культурно-просветительская – заинтересованное участие диаспоры в укреплении и развитии духовной культуры своего народа, в поддержке и распространении национальных традиций и обычаев, создании благоприятных условий для развития национального самосознания членов диаспоры, и в поддержке культурно-исторических связей со своей Родиной. Важное место здесь занимает сохранение родного языка. Некоторые диаспоры создают религиозные организации, особенно, если исповедуемая этим народом религия – не православие.

- Социальная функция – социальная защита и охрана прав и свобод членов диаспоры, оказание им поддержки в профессиональном росте и саморазвитии, в трудоустройстве и повышении качества жизни (юридическая, финансовая поддержка и т.д.).

- Экономическая функция - развитие специфических форм экономической деятельности, посредством которых реализуются некоторые виды производства товаров народного потребления. Это разнообразит рынок не только внутри диаспоры, но и за её пределами.

- Политическая функция - проявляется, во-первых, в том, что диаспоры лоббируют воз-

можность получения дополнительных привилегий и гарантий для «своих», стремятся к расширению их властных полномочий. Во-вторых, организации, существующие в рамках диаспор могут выступать как оппозиция правящему режиму, организуя разные движения для борьбы с неприемлемыми им политическими силами. И, конечно же, диаспоры воздействуют на формирование имиджа принимающего государства, а значит и на его внешнюю политику (формируется облик принимающей страны за счет того, какое мнение о ней «привезут домой» мигранты).

- Криминальная функция – не напрямую связана с деятельностью диаспоры, но осуществляется рядом этнических общин на территории Российской Федерации.

4. Диаспора как социальный институт

Автор настоящей статьи придерживается мнения, что диаспоры могут быть рассмотрены как социальный институт.

Во-первых, образование диаспор носит целесообразный характер, они создаются для удовлетворения потребности групп мигрантов и принимающей стороны в наиболее органичной адаптации мигрантов к социальным условиям страны-реципиента. Отличительным признаком диаспоры является то, что она осуще-

ствяет социальную защиту конкретных граждан. Выделим ключевой признак, который определяет возможность называть некую этническую общность диаспорой. Таким признаком может служить внутренняя способность к самоорганизации, помогающая диаспоре функционировать на протяжении долгого времени и быть при этом самодостаточной системой.

Во-вторых, диаспоры включают систему разнообразных социальных регуляторов (административных, административных, культурных): ментальность, идеология, способы морального, экономического и иного стимулирования. Так, например, некоторые действия диаспоры и входящих в нее организаций оказывают содействие формированию интеграционных установок у мигрантов. Также диаспора может способствовать зарождению и развитию антиинтеграционных настроений у мигрантов. Интеграционные и антиинтеграционные настроения мигрантов представлены в Таблице 3.

В-третьих, как в любом социальном институте, в диаспоре социальные роли выполняются благодаря институционализации социальных ценностей. По словам Т. Парсонса: «Только благодаря интернационализации институционализированных ценностей имеет место подлинная мотивационная интеграция поведения в социальной структуре: очень глубоко залегающие слои мотивации начинают работать на выполнение ролевых ожиданий» [20, с. 178]. В-четвертых, диаспора как любой социальный институт возник исторически, как ответ на возникшую общественную потребность, представляет собой своеобразную самоуправляемую систему, включающую три основных части (исходную систему социальных ролей, управляющую систему, включающую потребности, нормы, ценности, убеждения, правовую регуляцию, преобразовательную систему социальных институтов, включающую согласованные действия социальных акторов).

Помимо этого, диаспоры отвечают институциональным признакам, отличающим её как социальный институт от других форм социальных связей. Среди них: а) материкально-культурные признаки (финансовый, властный, имущественный капитал диаспор), б) символика диаспор (фирменные знаки и символы), в) ценности, нормы диаспор, г) уставы диаспор, д) идеология диаспор, позволяющая интерпрети-

ровать социально-политическую среду с позиции диаспоры. Кроме того, диаспору можно назвать как тип социальной связи людей, так и конкретный пример этой связи.

Помимо названных аргументов, диаспора выполняет также и основные функции социальных институтов. К таким функциям стоит отнести: а) стабильное и систематическое удовлетворение потребностей представителей страны-донора; б) сохранение устойчивых социальных регуляторов (норм, ценностей, потребностей и др.); в) конкретизация инструментальных интересов, исполнение которых приводит к производству благ и, как следствие, удовлетворению потребностей диаспор; г) адаптация наличествующих средств и инструментов к интересам диаспор; д) интеграция людей в сложившуюся для исполнения интересов кооперативную связь; е) преобразование внешних социальных, политических, правовых условий в необходимые для функционирования диаспоры как социального института блага.

Как у любого социального института, у диаспоры есть свои интересы:

- политические интересы – представлены стремлением диаспоры распространить свое влияние (культурное и социально-экономическое) в принимающем обществе для того, чтобы улучшить качество жизни для «своих». Чтобы усилить это влияние, членам диаспоры необходимо интегрироваться в социальные системы, пронизывающие всю социальную структуру общества, а это приводит нас к их следующему интересу;

- интерес социальной адаптации (интеграции в общество) – представлен стремлением диаспоры ознакомиться с «правилами игры» принимающего государства, овладеть местным языком, понять культурные особенности коммуникации и взаимодействия;

- культурный интерес – представлен стремлением диаспоры создать на новой территории такую систему социальных институтов, которая будет помогать мигрантам, во-первых, сохранить свою национальную культуру и своеобразие, не смотря на пребывание в инокультурной среде, во-вторых, будет способствовать сохранению идентификации народа с исторической родиной на протяжении многих поколений, а также воспроизведению тесной эмоциональной связи с ней;

- интерес создания положительного имиджа своей нации - представлен стремлением диаспоры в выгодном свете представить все культурное своеобразие своего народа, заручиться положительной оценкой окружающих для осуществления успешной коммуникации, как с принимающим государством, так и с исторической родиной;

- экономический интерес - представлен стремлением диаспоры наладить экономические связи с принимающей страной и государством-донором для дальнейшего сотрудничества в этой области, а также стремится упорядочить экономическую сферу внутри собственной системы.

Таким образом, автором данной статьи рассмотрены основные подходы к определению понятия «диаспора», основные функции диаспор, приведены аргументы в пользу рассмотрения диаспоры как социального института. Диаспора отвечает основным признакам социального института и выполняет ключевые его функции, следовательно, может быть рассмотрена как социальный институт.

Литература

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 2009.
2. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Сусоколов А.А., Этносоциология. М., 1998.
3. Полоскова Т.В. Современные диаспоры. Внутриполитический и международный аспекты. М., 1999.
4. Арутюнов С.А. Диаспора - это процесс//Этнографическое обозрение. 2000. - №2. С. 24-28.
5. Иларионова Т.С. Этническая группа: генезис и проблемы самоидентификации (теория диаспоры). М., 1994.
6. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001.
7. Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс: социол. исслед. 1996, - №12. С. 52-58.
8. Anderson B. Imagined Communities. //Verso, London, 1983.
9. Brubaker R. Accidental diasporas and external "homelands" in Central and Eastern Europe: Past and present. Wien., 2000.
10. Мехдиева У. М. Инструменты поддержания и укрепления русскоязычного пространства в странах СНГ (на примере Азербайджана) Клио. 2015. М 1 (97). С. 149-156.
11. Джангозян С. Ю. Об определении понятия «диаспора». - Вестник Ереванского университета. Международные отношения, Политология, 2012. С. 52-56.
12. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: Очерки социокультурной типологии. Ер., 2009.
13. Cohen R. Global diasporas: An introduction Global diasporas Ed. by R. Cohen. -Second edition. N. Y., 2008.
14. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
15. Esman M. J. Diasporas and international relations. Modern Diasporas in international politics Ed. By G. Sheffer. N.Y., 1986.
16. Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России Диаспоры. 2004, № 3. С. 84-88.
17. Tomas J.C. Public Participation in Public Decisions. New Skills and Strategies for Public Managers. San Francisco, 1997.
18. Кондратьева Т. С. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия. Электронный ресурс: <http://www.mgimo.ru/newsexpertsdocument216064.phtml> [26.11.2015].
19. Пядухов Г.А. Диаспоры и социальные практики субъектов услуг в сфере трудовой миграции: региональный аспект: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533analit05.php> [18.01.2016].
20. Парсонс Т. О социальных системах М., 2002.

Пространства для социальной реализации современников

Иванов Р. В.

В работе анализируются особенности существования человека в культурных, социальных и естественных пространствах. В статье показывается как они развиваются через публичное, виртуальное и сексуальное начало современного общества, какие формы и черты приобретает и как трансформируется в процессе социокультурного изменения. А также обозначаются возможные перспективы социальной реализации современников в ближайшем будущем.

Ключевые слова: публичное, виртуальное, сексуальное, современный человек

Ivanov R.V.

Spaces for the social realization of contemporaries

The paper analyzes the features of human existence in cultural, social and natural spaces. The article shows how they develop through the public, virtual and sexual beginnings of modern society, what forms and features they acquire and how they are transformed in the process of sociocultural change. And also indicates possible prospects for the social realization of contemporaries in the near future.

Key words: public, virtual, sexual, modern man

Человек погружен в разные пространства. Понимание их структуры, особенностей зарождения и функционирования и развития приводит к лучшей адаптации в них. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Понятие культурного пространства, как одного из способов построения картины мира, является весьма удачной находкой. Это понятие содержит в себе не столько формы субъективного восприятия физического пространства, характерные для разных культур, сколько те символические значения, которыми каждая культура его наделяет. Культурное пространство – это, прежде всего, антропологическое пространство, способ существования человека в культуре, его социокультурная солидарность с окружающим миром [7].

Я не ставлю перед собой задачу исследования современного культурного пространства с целью его типологического описания. Меня будет волновать только одна проблема – топика душевного в современной культуре. Обращение к проблеме душевного вытекает из моего представления о том, что природа человека не сводима к дихотомии духа и плоти, что сфера душевного имеет свой особый антропологический статус. Интеллект, разум, сознание, волю оставляю за духом, тогда как к душе отношу то, что обычно называют «внутренним миром» человека: эмоции, аффекты, переживания психическую организацию. Бросая взгляд на жизнь современного человека и на формы его бытия в культуре, попытаюсь выяснить, где же есть место душевному. Предпринимаемое исследование будет обозначено кейсами.

Современный человек – существо публичное. Это способ его самовыражения и самораскрытия. Сегодня фактически исчезает грань между частным и публичным, что, естественно, отражается на душевной жизни человека. Соци-

альные философы показали, что сфера публичного есть завоевание новоевропейской культуры. Публичное не сводится ни политическому, ни к общественному, а выступает как некая сфера дискурсивных практик. Сфера приватного также является открытием новоевропейской культуры [11]. В отличие от античности, средних веков, когда сфера приватного связывалась с домохозяйством, с жизнью за толстыми стенами, в Новое время она стала пониматься как мир интимности, мир человеческой души. Фактически новоевропейское открытие приватного было бегством человека в субъективность душевного, бегством от социума, от давления публичного и всеобщего. Это бегство началось с сентименталистов и романтиков, красной нитью проходило через всю культуру XIX и начала XX веков. Однако мир интимного не принес человеку ощущения защищенности, какое он ранее получал в стенах дома, замка. Не случайно век XX в философии осмысливается как эпоха бездомности, звучат мотивы покинутости, одиночества, идет постоянный поиск Другого. Душа не может заменить дом, она сама нуждается в защите, но современная культура такой защиты не дает. Душевная жизнь усложнилась и дифференцировалась, человека изъела рефлексия по поводу собственного бытия. И если в XVIII веке он совершил бегство из публичного в приватное, то сегодня он совершает обратное: бегство из приватного в публичное. Выговаривая свои сердечные страсти в дозволенных формах в публичном пространстве, он де-приватизирует их, в результате чего они утрачивают болезненную остроту. Бегство в публичное диктуется также отсутствием у современного человека дома. Он больше не чувствует себя домохозяйном, в классическом понимании этого слова, он живет скученно: в общежитии, коммунальной квартире, в домах типовой застройки и т.д. Средства коммуникации продлевают его пребывание в публичном: ему звонят по телефону, пишут по E-mail... Он и дома продолжает вести дела, дом становится продолжением офиса, конторы, кафедры. Таким образом, современное бегство в публичное есть бегство от тягот душевной жизни. Экспонируя себя во вне, желая быть на виду, человек пытается преодолеть разлад с самим собой, и успех в публичном есть своеобразная компенсация за неудачи в приватном.

Виртуальное пространство – это новый тип культурного пространства, созданный современной цивилизацией. Под виртуальной реальностью понимается образ реальности, тем или иным путем формируемый в сознании. Как показано С.С. Хоружим, виртуальная реальность – это частичное, недо воплощенное существование. Философствование о виртуальной реальности выходит за пределы дискурса сущности, поскольку сама виртуальная реальность представляет недо-род бытия, недо воплощенное, недооформившееся бытие [10]. Такая реальность создает новый тип человека – homo virtualis, которому очень сложно переходить от уровня виртуальной реальности к уровню быденной реальности. В итоге человек виртуальный, как его рисует Ж. Бодрийяр, становится привязанным к машине, превращается в протез, изменяется парадигма его чувствительности (зрение, осязание, слух и др.) [2]. Важнейшей характеристикой человека виртуального является операциональность. Она избавляет человеческий разум от присущей ему от природы двусмысленности, антиномичности и т.д. В итоге человеческий разум уподобляется разуму искусственному [8]. Таким образом, само виртуальное пространство не востребует человека, в котором была бы развита душевная сфера, поскольку она сопряжена с эмоциями, переживаниями, которые должны быть исключены, т.к. противоречат главному требованию пребывания в виртуальной реальности – умению вырабатывать и культивировать операционные качества.

Современная культура актуализировала еще один тип пространства – сексуальное пространство, которое активно эксплуатируется средствами масс-медиа, рекламой и т.д. С открытием психоанализа стало ясно, что наша душевная жизнь со всеми ее хитросплетениями есть лишь проявление энергии либидо, нашей сексуальности [5]. Почти всю постмодернистскую философию, так или иначе соотносящую себя с фрейдизмом, можно назвать пансексуалистской. В современном культурном пространстве сексуальность рассматривается не столько как источник творческой энергии, которая, благодаря механизмам сублимации, направляется на общественно полезную деятельность, сколько как модель, как некий тип воспроизводства, напоминающий принцип устройства и существования

ния машинной цивилизации. Не случайно философский дискурс породил такое понятие как «желающая машина». Постулировав человека как существо сексуально озабоченное, современная культура находит разные механизмы использовать такое состояние в своих целях. Она формирует отношение к сексуальности как к знаковой системе, создает знаковые модели (имиджи) мужчины и женщины и тем самым интенсифицирует эротические переживания человека. Суть этих переживаний, однако, не сводится к волнениям души, а состоит в том, что человек вдруг ощущает свое непопадание в знаковость: у него лишний вес, целлюлит, перхоть, дряблые мышцы и т.д. И он спешит воспользоваться средствами, предлагаемыми цивилизацией для того, чтобы ликвидировать свое выпадение из знаковой системы [6]. Становясь моделью, тело перестает быть вместилищем души (не на этом ли основан «модельный бизнес»?). Кроме того, по наблюдению Ж. Бодрийера, в современной культуре исчезают такие феномены, как соблазн, любовные приключения [3]. К этому можно добавить исчезновение «речи», которая вуалирует желание (искусство вести речи, т.е. искусство утонченного флирта, постепенно исчезает, т.к. уже нет необходимости вообще что-либо вуалировать). Изменяется и сам любовный дискурс, который отказывается от восторженно-романтического идеала и принимает карнавализованные формы, когда слова из сферы материально-телесного низа становятся единственно возможными для описания объекта желания [9]. Вместо блоковской Прекрасной Дамы появляется «баба», «телка» и т.д. Сами же любовные отношения также являют собой некую разновидность карнавала. Таким образом, и в сексуальном пространстве современной культуры мы не находим места для локализации душевного.

Три пространства, которые я попытался набросать, показали, что современное культурное пространство фактически не оставляет места для жизни души. Ното *publicius* бежит от нее во внешнюю жизнь, в антропологической структуре *homo virtualis* она просто исключается, а *homo sexualis* заменил ее машинерией бесознательного. Однако потребность «изливать душу» у человека все же вряд ли когда-то исчезнет, иначе его ждет душевная болезнь. Стоит задуматься, почему для обозначения одного и того же феномена используются разные сло-

ва: «душевнобольной» и «умалишенный». Не значит ли, что болезнь души приводит к лишению ума? Если это так, то человечеству, кичащемуся достижениями разума, дорого обойдется невнимание к душе. Современная культура все-таки оставляет некоторое пространство для душевного и, формы жизни души порождают еще один тип человека – Человека Исповедывающегося. Традиционную форму исповеди, в храме у священника, культура знала уже давно. Ее аналогом (правда, с противоположным знаком, на что обратил еще внимание П. Флоренский) выступает исповедь на кушетке у аналитика. Популярная сегодня мемуарная и автобиографическая литература великих деятелей культуры, политиков также может рассматриваться как форма исповедания. Еще на одну форму исповедания обратил внимание Б. Марков: это исповедание в пивной, в состоянии алкогольного опьянения, которое есть способ соединения с трансцендентным. Человек изливает свою душу, предварительно залив туда достаточную порцию «душевного напитка» [4]. К сожалению (а может к счастью?), именно эта последняя форма все настойчивее пытается получить статус душевного пространства современной культуры.

Литература

1. Арент Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
3. Журавлева И.А., Жгун Л.С. Возрастание роли социального капитала в формирующемся обществе знаний // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск. ИГУ. 2017. – С. 161-167.
4. Иванов Р.В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. – № 8. – С. 166-172.
5. Иванов Р.В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. – № 9. – С. 239-245.
6. Полюшкевич О.А. Воздействие визуальных символов на социальное воспроизводство

// Проблемы социального воспроизводства современного российского общества: политические, экономические, культурные и демографические аспекты. Сборник научных трудов. Иркутск, 2014. – С. 229-234.

7. Полюшкевич О.А. Ритуалы как социальные конъюнктуры // Консолидация российского общества: организационные, образовательные и социокультурные ресурсы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2015. – С. 338-341.

8. Полюшкевич О.А. Основы социокультурной солидарности: учеб. Пособ. – Иркутск, Изд-во ИГУ, 2013. – 168 с.

9. Руднев В.П. Прочь от реальности. Исследования по философии текста. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.

10. Субботина Н.Д. Официальный и карнавальный – два типа праздника // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). – С. 40-47.

11. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. №6. – С.53-68.

Историческое развитие России: маятниковые колебания вокруг властной вертикали

Кравченко А.И.

В статье выделены три исторических этапа формирования капитализма в нашей стране – с середины XIX века до начала XXI века. Каждый этап представляет собой противоречивое и непоследовательное событие, наполненное противоречиями, непоследовательностью и движением вспять. Проанализировав каждый из них, автор приходит к выводу, что их следует именовать не стадиями последовательно-поступательного развития как единой прогрессивно-восходящей траектории общества от менее развитых к более развитым фазам, а как три попытки внедрения такого экономико-правового и политико-социального устройства общества, которая инициировалась верхами общества и не всегда была поддержана его низами. Мы движемся вперед, оглядываясь, а порой и пятясь назад. Ключевые слова: капитализм, рыночное и не рыночное общество, Россия, стадии, попытки.

Kravchenko A.I.

The historical development of Russia: pendulum oscillations around the power vertical

The article highlights three historical stages of the formation of capitalism in our country - from the middle of the 19th century to the beginning of the 21st century. Each stage is a controversial and inconsistent event, filled with contradictions, inconsistency and reversal. After analyzing each of them, the author comes to the conclusion that they should not be called stages of sequential development as a single progressively upward trajectory of society from less developed to more developed phases, but as three attempts to introduce such an economic, legal and political-social structure of society, which was initiated by the top of society and was not always supported by its bottom. We move forward, looking, and sometimes backing back.

Key words: capitalism, market and non-market society, Russia, stages, attempts.

Сравнивая нынешнее состояние России с теми успехами, каких добились к настоящему времени развитые страны Запада, мы в конечном итоге склоняемся к мысли о том, что внедрение капитализма на российской почве принесло народу скорее несчастье, нежели излечение от социальных и экономических бед: по сравнению с предшествующим советским строем уровень жизни населения снизился в 5-6 раз, а масштабы смертности, преступности, алкоголизма и наркомании выросли во много раз; объем производства упал в 2-3 раза, а иностранная задолженность страны возросла в 4-6 раз и т.д.

Несомненно, социологи должны проводить синхронный анализ событий, фиксируя качественные и количественные признаки. Но не менее важен и диахронный подход, позволяющий сопоставить разные капитализмы в одной стране в разное историческое время. Именно об этом, о разных капитализмах в России, а не о разных стадиях одного капиталистического уклада, я собираюсь вести разговор.

Можно выделить *три попытки внедрения капитализма* в России: 1) первый дореволюционный капитализм – с 1861 по 1917 г.; 2) второй постреволюционный – с 1921 по 1929-1934 г.; 3) третий постсоветский – с 1989 г. по настоящее время.

Почему правильнее говорить о трех капитализмах, а не о трех фазах, стадиях или периодах развития капитализма в России, что кажется более логичным и убедительным (или по крайней мере более привычным)?

Если мы рассматриваем несколько стадий какого-либо процесса или развития какого-либо общества, то обязаны подразумевать следующие обязательные признаки:

а) между различными фазами одного и того же процесса должна быть преемственность во времени, означающая, что следующая фаза продолжает развиваться с того момента, на кото-

ром остановилась предыдущая, либо продолжает решать те задачи, которые не успела решить предыдущая стадия развития;

б) все стадии одного процесса, если он обладает признаком развития, должны иметь восходящую линейную (в отдельных ситуациях циклическую) направленность. Иными словами, социальное развитие должно называться прогрессом, т.е. постепенным восхождением от низших к высшим стадиям;

в) между различными стадиями восходящего процесса должна сохраняться поколенческая преемственность живых носителей традиций и норм. Это означает, что если между двумя соседними стадиями выпало несколько поколений людей, и разорвалась живая эстафета передачи накопленных знаний, социального опыта и традиций, то неправомерно говорить о том, что перед нами две стадии одного процесса.

Рассмотрев с таких позиций три попытки реализации капитализма в России, обнаруживаем, что ни один из критериев здесь не выполняется. В самом деле, нельзя говорить о том, что нэповский капитализм решал задачи или продолжал развитие посткрепостнического капитализма, или что постсоветский капитализм логично продолжал нэповский. Иными словами, между тремя капитализмами нет логической преемственности. Вместе с тем между ними не обнаруживается и линейной направленности развития. Постреволюционный капитализм не является более высокой стадией развития российского капитализма, нежели дореволюционный. Точно также постсоветский капитализм не придвинул страну к идеалам цивилизованного рынка, а скорее отодвинул ее.

Наконец, между тремя попытками капитализации не сохранялась живая линия преемственности. В 1917 г. класс крупной и средней буржуазии как в городе, так и на селе был уничтожен, репрессирован либо выслан. Сохранившиеся при нэпе остатки старой буржуазии не относились к интеллектуальной, творческой элите, которая была способна поставить страну на капиталистические рельсы. После большевистских «чисток» уцелели те, кого в годы второй мировой войны именовали «тыловыми крысами» - особая разновидность приспособленцев и социальных паразитов, которые ориентированы скорее на то, чтобы подбирать неподобное другими, нежели строить новый

тип общества. Но и их после завершения нэпа практически всех до одного, кроме сменивших фамилию или отказавшихся от родственных связей, физически устранили. «Чистки» 30-х годов были направлены на устранение поднявшейся в годы нэпа советской буржуазии. Развернутое строительство социализма сталинского образца необходимо было вести с чистого листа, с новыми кадрами.

Кадровая преемственность сохранялась в России не между разными попытками внедрения одного экономического уклада, а между разными экономическими укладами. Падение крепостного права и переход России к капитализму происходил при сохранении давно прогнившего и дискредитировавшего себя управленческого аппарата царского самодержавия, от которого К. Маркс в письме В. Засулич предлагал освободиться в первую очередь. Ничего не сделали с отечественной бюрократией и большевики, совершившие политический переход от одного экономического уклада к другому. Привлекая на протяжении первых 10-15 лет старые кадры, называемые «бурспецами», коммунисты-управленцы по существу перенимали у них традиции и обычаи руководства делами и людьми. Уже в середине 20-х годов выдающийся знаток тогдашней системы управления А. Гастев писал о невиданном расцвете бюрократизма при советской власти. К нему присоединились и другие советские управленцы, вплоть до Ф. Дзержинского, отмечавших, что после революции степень бюрократизации общества стала выше, нежели до революции. Третий, ельцинский капитализм возводился на плечах и при активнейшем участии бывшей советской номенклатуры, которая перенесла на новый экономический уклад, пожалуй, весь арсенал старых привычек, стереотипов и пережитков.

Какой вывод мы должны сделать? К сожалению, историческая логика развития России имеет аномальный, по сравнению с развитыми капиталистическими странами, вид. Живая преемственность и сохранение людей необходимо при переходе от одной фазы к другой в рамках одного экономического уклада. Только в таком случае первое поколение передает социальный опыт и знания второму, учит избегать в будущем тех ошибок, через которые объективно пришлось проходить в прошлом. В России, напротив, межпоколенческая преемственность

сохранялась при переходе от одного уклада к другому, что согласно эволюционной логике наименее выгодный вариант.

Преемственность ошибок не менее важна, чем преемственность успехов. Если ее нет, стране через какое-то время приходится повторять собственные ошибки, всякий раз откатываясь в своем развитии назад. Мы обрывали строительство капитализма как раз в тот момент, когда критическая масса совершенных ошибок подошла к максимуму и намечалась тенденция их уменьшения.

Остановимся на этом важном моменте подробнее. Совершать ошибки так же необходимо, как добиваться успеха. Возможно, что ошибки обществу важнее успехов. Успех окрыляет, но и кружит голову, он притупляет социальную бдительность и готовность к неожиданному повороту событий. Череда успехов подобна очередным дозам наркотика, частое употребление которых притупляет разум. Ошибки делают нас чувствительными, самокритичными, хотя намного менее окрыленными и возбужденными. Череда ошибок так же губительна, как и конвейер успеха, хронические поражения вгоняют нацию в шок, а затем подавляют ее волю.

Дореволюционный и самый длительный по времени капиталистический опыт изобилует громадным количеством и ошибок, и успехов. По валовому национальному продукту Россия догоняла передовые страны и вошла в первую пятерку мира. Но по ВВП на душу населения она влачила в самом хвосте не только передовых, но и развивающихся стран. Такова была правда 1913 г. Как известно, войны больше всего бьют по наименее развитым странам, стало быть, от первой мировой войны России досталось больше других. Она вышла из нее к революции 1917 г. с максимальными потерями: политический кризис, коллапс экономики, социальная аномия, голод, невиданная активизация радикальных движений.

Россия не выдержала испытания капитализмом и объективно не могла выдержать. Она слишком поздно вступила на эту стадию. Октябрьская революция – плата за историческую нерасторопность. Революции происходят у всех, кто много смотрит по сторонам или долго собирается в дорогу.

Можно ли было предотвратить Октябрьскую революцию и сохранить преемственность в

развитии капитализма? Согласно теории М. Вебера, нет. Капитализм западного толка родился на свет только один раз и больше никогда не появится. Произошло подобное благодаря счастливому случаю: в одной исторической точке сошлись пять необходимых для рождения подлинного капитализма факторов: культ неприкосновенности частной собственности, независимость крупной буржуазии, развитость средних городских слоев, секуляризованная наука и специфический тип религии. Ничего подобного в России ни тогда, ни позже не было. Россия слишком долго определялась, куда себя относить – к Востоку или Западу, что успела прозевать все самое интересное, что происходило на Западе. А теперь уже вряд ли когда успеет к тому, что происходит на Востоке.

Когда мозги нации не знают, куда поворачивать, то и тело перестает слушаться. Русская интеллигенция постоянно металась между славянофилами и западниками. Так происходило в конце XIX и в конце XX веков. До сих пор не решен этот великий русский вопрос. Между противоположными фракциями интеллигенции через 100, 200 и 300 лет споры будут не менее ожесточенными, чем сегодня. Чем больше спорит интеллигенция, тем большее недоумевает народ. Создается впечатление, что элита общества занимается внутренними разборками и отчуждается от народа, который, благодаря постоянным упражнениям интеллигенции чувствует себя материалом, над которым проводятся политические эксперименты.

Но три попытки внедрения капитализма иначе как политическими экспериментами не назовешь. Переход к капитализму – всякий раз победа одной из фракций русской интеллигенции, а именно западников. Реставрация социализма – победа славянофилов, хотя большевиков с трудом причислишь к ним. Если бы первая фракция, захватив власть, удерживала ее в течение столетия и не меньше, то о шараханьях в крайности и реставрации социализма говорить не пришлось бы. Но не успевали западники исчерпать отведенный им историей запас экономических и политических ошибок, как их противники, спекулируя как раз на совершенных ошибках как свидетельстве неумелого руководства, призывали народные массы к мятежу.

Беда России состоит в том, что переход от одного уклада к другому происходил не вове-

мя, не в нужной точке. М. Туган-Барановский, полемизируя с В. Лениным, говорил: страна должна переболеть капитализмом, чтобы вылечиться от его язв. В начале XX века страна находилась на подъеме, капитализм далеко еще себя не исчерпал, а его политические оппоненты говорили о необходимости социализма. Первая мировая война, в которую, на мой взгляд, по недоразумению вверглась Россия, не являлась показателем слабости капитализма. Точнее сказать, война не являлась неизбежным порождением российского капитализма, как о том вещали большевики. Война пришлась весьма некстати, она подорвала организм вполне здорового капитализма, чем и воспользовались большевики, предложившие ампутировать нездоровые органы вместе с телом.

Большевики считали, что болезнь зашла слишком далеко, что температура у больного зашкалила и пора принимать экстренные меры. К чему взывали большевики в 1917 г.? Народ доведен до отчаяния, страну разорили, население вымирает, голод косит миллионы. К чему взывали интеллигенты в конце 1980-х годов? Социализм довел общество до полного банкротства, нравственность разрушена, экономика развалена, народ отчужден от власти, производительность общественного труда упала до минимума, а коррупция возросла до максимума. О чем говорят нынешние враги капитализма? О том же самом: страну грабят иностранцы, русский народ вырождается, население нищает, а кучка олигархов непомерно обогащается. Сценарий революционной смены одного строя другим написан, таким образом, вовсе не сегодня.

Надо заметить, что переход от одного строя к другому – к капитализму либо социализму – происходил в России в точке экономического спада и политического кризиса. Доведенная до отчаяния страна жаждала новый строй как чудо, как спасительный свет в конце тоннеля. Ничего подобного в нормальных странах не происходит. Исторические переходы между формациями происходят совершенно незаметно – через постепенное изменение традиций, образа жизни, уклада хозяйства, мотивации и стереотипов поведения. Он не должен ощущаться как катастрофа или вселенское потрясение. Он не должен планироваться и к нему нельзя готовиться как к празднику.

Что дал стране нэп? Политическое и экономическое оживление. Оживление, перешедшее в опьянение. Свободой в России не умеют наслаждаться, как наслаждаются высокосортным напитком. Свободой у нас напиваются. Нэп не только оживлял, нэп развращал. Одновременно с творческим подъемом – расцветом авангардистских течений, кружков, студий, секций, диспутов в литературе, живописи и театре, массовыми зрелищами на площадях, экспериментами в неформальной музыке и развитием джаза, публикацией меньшевистских и декадентских газет, сборников и журналов – в стране происходил подъем криминалитета, подпольных миллионеров, рост политического произвола и коррупции. Именно в те годы в стране происходит сексуальная революция под лозунгом «при социализме нет семьи и все женщины одинаково доступны». Развитие мелкой и оптовой торговли привело к радикальному изменению ценностных ориентаций и образа жизни. В магазинах появились товары широкого потребления, народ приоделся и пошел в рестораны, трактиры, ночные клубы. «Новые русские» тогда не стеснялись своей роскоши, хотя упорно скрывали от налоговой инспекции свои доходы. Начался массовый процесс обуржуазивания всех слоев общества. В прессе появились статьи, разоблачавшие комсомольцев, красноармейцев, советских руководителей, ведущих чуждый образ жизни.

Одновременно с обуржуазиванием в одной части общества происходило обнищание в другой. Бесконечные очереди на биржах труда, самоубийство отцов семейств, неспособных прокормить родных, массовая миграция из деревни в город и обратно, недовольство социальных низов новой партийной прослойкой. В произведениях Артема Веселого, объездившего и изучившего всю черноземную и нечерноземную Россию, приведено множество подлинных писем, где бывшие красноармейцы задают кремлевским правителям вопрос: за что мы проливали кровь? Действительно, в годы гражданской войны миллионы рабочих и крестьян, не сумевших открыться от мобилизации, проливали кровь за установление новой власти. В это время в тылу масса приспособленцев, в том числе бывшие кулаки и частные хозяева, «откосившие» от армии, прибрали экономическую власть. Закончилась война и около 3 млн. красноар-

мейцев вернулись в свои деревни. Кем они стали? Наемными батраками у бывших кулаков и помещиков, быстро превратившихся в председателей, директоров, заведующих, уполномоченных. Ничего не изменилось, хотя советская власть отдала в собственность народа землю и фабрики. Вопрос лишь в том, кто ими управлял?

Недовольство нэпом вылилось в недовольство советской властью. Народ тихо ворчал, готовый пересмотреть свои политические пристрастия. Многие открыто негодовали. Великий поворот 1929 г. случился не на пустом месте. Поворот от капитализма к социализму произошел во многом «по просьбе трудящихся». Но по просьбе трудящихся произошла и Октябрьская революция 1917 г. А разве не по просьбе трудящихся, теперь уже интеллигенции, произошла мирная революция 1991 г.? Как знать, не по просьбе ли трудящихся в стране произойдет новый поворот?

Сворачивание нэпа и возврат к идеалам социализма в 1930-е годы происходил под всеобщее одобрение народных масс. Это очень важный момент. Правительство Сталина умело подготовило общественное мнение. Даже ленинское правительство, не говоря обо всех других российских правительствах, не пользовалось такой поддержкой масс. Сегодня, взирая на далекое прошлое, мы как бы понимаем, что 1929 г. был трагическим поворотом к прошлому, но тогда он рассматривался как единственно возможный вариант движения к будущему.

Форсированная индустриализация и гигантское промышленное строительство, открывшее сотни тысяч новых рабочих мест, позволили покончить с основным бичом городского пролетариата – безработицей. Нэп не смог с ней справиться. Он в принципе не способен ликвидировать безработицу, поскольку капитализм неотделим от нее. Если добавим сюда два других несчастья России – аграрное перенаселенность деревни, о которой постоянно писали дореволюционные экономисты, и поголовную неграмотность, – которые удалось побороть сталинской России, то прогрессивность нового витка в истории страны станет очевидной.

Заметим еще одну особенность трансформационных скачков России. Переход от феодализма и социализма к капитализму всякий раз происходил мирным путем и не требовал чело-

веческих жертв. Напротив, обратный переход от капитализма к социализму сопровождался уничтожением миллионов людей, кадровыми чистками, лагерями, принудительным трудом, напряжением всех сил нации. Почему-то строить капитализм можно было на старом фундаменте, а для возведения социализма требовалось освободиться от прежнего человеческого капитала, включающего не только живых людей (крестьян, рабочих, интеллигенцию), но также старую науку, старое искусство, старые традиции и коллективные привычки. Причем такова специфика не только российского социализма. Пол Пот в Кампучии уничтожил 3 млн человек, включая детей 8-10 лет. Он был уверен, что для новой жизни надо выжечь историческую память минимум трех поколений людей и как можно в более раннем возрасте.

Сравнивая трансформационные скачки России к капитализму и обратно, можно обнаружить ряд других тенденций. В частности, каждая попытка построения капитализма и социализма в России происходила «сверху» – через политику, а не культуру. Так проявляет себя неорганическая модернизация. Кроме нее существует органическая, но то сказка не про нас.

Два типа модернизации – органическая и неорганическая – по существу два типа исторической судьбы страны. Первая удачная, вторая неудачная.

Органическая модернизация является моментом собственного развития страны и подготовлена всем ходом предшествующей эволюции. Пример: переход Англии от феодализма к капитализму после промышленной революции XVIII века и преобразование американского производства в результате внедрения фордизма в первой четверти XX века. Такая модернизация начинается не с экономики, а с культуры и изменения общественного сознания. Капитализм возникает как естественное следствие изменений в укладе жизни, традициях, мировоззрении и ценностных ориентациях людей.

Неорганическая модернизация является собой ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран. Она представляет собой вариант «догоняющего» развития, предпринимаемый правительством с целью преодолеть историческую отсталость и избежать иностранной зависимости. Россия, которая вследствие татаро-

монгольского нашествия была отброшена в своем развитии на несколько столетий назад, неоднократно пыталась догнать передовые страны. Именно та-кую цель преследовали петровские реформы XVIII века, ста-линская индустриализация 30-х годов XX века, перестройка 1985 г. и экономические реформы 1992-1995 гг.

Неорганическая модернизация совершается путем за-купки зарубежного оборудования и патентов, заимствования чужой технологии (нередко методом экономического шпионажа), приглашения специалистов, обучения за рубежом, иностранных инвестиций. Соответствующие изменения происходят в социальной и политической сферах: резко изменяется система управления, вводятся новые властные структуры, конституция страны перестраивается под зарубежные аналоги. Во многом именно так происходило в России в XVIII и XX веках, в Японии в XIX и XX веках.

Стране Восходящего Солнца потребовалось 20 лет на то, чтобы догнать и перегнать США, откуда она заимствовала технологию и финансы. За короткий период неорганическая модернизация сменилась органической. Япония развивается на собственной основе и в свою очередь служит образцом для подражания. Иначе обстояло дело в России. Из-за постоянных отступлений от первоначальных реформ, непоследовательности их осуществления переходный период растянулся на 200 лет.

Неорганическая модернизация начинается не с культуры, а с экономики и политики. Иными словами, органическая модернизация идет «снизу», а неорганическая «сверху». Принципы «модернити» не успевают охватить подавляющее большинство населения, поэтому не получают прочной социальной поддержки. Они овладевают лишь умами наиболее подготовленной части общества. Так было в XIX веке, когда интеллигенция раскололась на «западников» и «славянофилов». Первые выступили за ускоренную модернизацию и механическое перенесение западных образцов, а вторые ратовали за самобытный путь развития, т. е. органическую модернизацию. Численность первых оказалась недостаточной для того, чтобы просветить и настроить широкие массы в пользу рациональных ценностей. Капитализм в России потерпел неудачу. Так происходит сегодня, когда западников, или рыночников, затеявших пере-

ход к капитализму и руководивших им на первых порах, к концу 90-х годов оттеснили люди, ориентированные на промежуточный между западниками и славянофилами вариант развития. Если наметившаяся сегодня тенденция сохранится в ближайшем будущем, то неминуем великий поворот 1929 г., но в более мягком обличье. Если XXI век мы начнем с лечения язв капитализма при помощи испытанного социалистического лекарства, не переболев как следует, то закончим его возвращением к веку XIX.

Еще одна закономерность трансформационных скачков состоит в том, что каждая попытка перехода к капитализму происходила при господстве государственного сектора экономики над частным. Еще при Петре I гипертрофированное развитие получает государственный заказ и военно-промышленный комплекс, в то время как гражданская экономика, работающая на массового потребителя, сильно отстает. Преобладание производства группы А над производством группы Б характеризует все три периода строительства капитализма. Важно разобраться в причинах.

Петровская эпоха именуется временем господства торгового, но не промышленного капитализма. Последнему взяться еще было неоткуда. М. Туган-Барановский, проанализировавший генезис отечественного капитализма в знаменитом двухтомнике «Русская фабрика», указал на ряд факторов. Прежде всего дефицит кадров – нехватка рабочего класса, без которого невозможен капитализм. Население России в подавляющем большинстве состояло не просто из крестьян (это было бы еще полбеды), а из крепостных крестьян, которых надо расценивать как исторически отживший тип работника. Он не соответствовал не только капитализму, а даже феодализму, если последний оценивать по европейским меркам. Отсюда удивительный национальный феномен – фабричные работники, состоявшие исключительно из крепостных крестьян. На европейские фабрики приходили формально свободные наемные работники из разорившихся крестьян, ремесленников, городской бедноты. Для российского капитализма история не подготовила самой необходимой предпосылки – свободный наемный труд.

Поскольку опереться на хилые капиталы русского купечества в эпоху петровской индуст-

триализации не удавалось, первыми промышленниками в большинстве случаев становились дворяне. Причем вовсе не добровольно. Выгоду от строительства фабрик при своих усадьбах русское дворянство почувствовало только в XIX веке, когда уже было поздно (его опередило возмужавшее купечество). В промышленники дворян царь назначал своим приказом. Сильная промышленность нужна была России для ведения активной, временами захватнической внешней политики. Страна нуждалась в мощном военно-промышленном комплексе. Его создавали сверху, принудительно, на государственные деньги, за счет государственных назначений – одних в управляющие, других в подчиненные. Вот когда начинается формироваться российская номенклатура.

Как только мы ни пинаем ее. Но задумаемся, сколько и скольких ей пришлось вынести. Если хотите, *номенклатура и бюрократия* – становой хребет русской истории, гарант стабильности общества. Номенклатура вынесла на себе бремя феодализма, трех капитализмов и неизвестно еще скольких социализмов. Она, а не средний класс, выступала у нас стабилизатором социального развития.

Поскольку мощная административная система в России сложилась еще до петровских реформ, то строить капитализм царю можно было только опираясь на такой фундамент. Возглавляли административную систему с XVIII по XX век первые лица государства (цари, генсеки, президенты), а служилые люди – дворянство, советские партработники из бывших рабочих и крестьян, нынешние интеллигенты-демократы, – являлись верными проводниками принимаемых наверху управленческих решений. Кто кем правил – монарх аппаратом или чиновники своим начальником, – неизвестно. Но ни один российский монарх, как бы ни называлась его должность, никогда не шел против своего аппарата. Не пошли против него Петр I и Екатерина II, возводившие здание капитализма в недрах феодализма. Им нужна была мощная вертикальная опора, таковой оказалось русское дворянство. Такова еще одна национальная особенность.

Дворянство – это прежде всего натуральное хозяйство, непонимание и страх перед товарно-денежной экономикой. Получилось так, что русский капитализм, т.е. товарное произ-

водство, строили его заклятые враги. Так происходило в начале XVIII века. Но также произошло и в конце XX века: капитализм «третьей волны» начали строить секретари обкомов, райкомов, крайкомов, недавние идеологические противники капитализма, ярые антирыночники.

Если капитализм строят его враги, то никакого трепета перед частной собственностью они испытывать не могут, как не могут защитить ее от посягательств неимущих. Чиновники не заинтересованы в создании цивилизованного капитализма, поскольку им в нем места нет. От капитализма они берут прежде всего его отрицательные черты – ухищренные способы самообогащения. Злоупотребление служебным положением, совмещение – скрытое или открытое – государственных постов с коммерческими выступает обязательным атрибутом административного варианта строительства капитализма. А где еще обогащаться всеильной бюрократии, как не на своем рабочем месте? Удивительным, если не парадоксальным для социолога было бы как раз обратное положение дел, ведь высшие политические посты должны соответствовать высшим экономическим статусам. Если в одной стратификационной системе индивид занимает высшие статусы, а в другой низшие, то возникает статусная несовместимость, которая позже либо стихийно выправляется сама собой, либо заставляет перестраиваться все общество. Превращение чиновника в бизнесмена для нас наилучший вариант. Худшим явилась бы переустройство, возможно кровавое, всего общества, которое могла устроить бюрократия.

История свидетельствует, что каждая попытка перехода происходила на фоне мощного роста криминалитета и девиантного поведения. Раздутый аппарат госслужбы, который занимается мздоимством и совмещением предпринимательской и управленческой деятельности, считается девиантным по одним меркам и нормальным по другим, российским. Чрезмерное количество бюрократов служит тормозом на пути экономических и политических реформ. Но не будь их, то и сами реформы стали бы невозможными.

В России каждая попытка построения капитализма происходила в условиях таможенного протекционизма, ослабления внешней конкуренции и ухудшения качества отечественной продукции. Каждая попытка происходила так-

же на фоне мощной идеологической борьбы между двумя крылами политической и экономической элиты общества. Борьба между западниками и славянофилами – лишь интеллигентское прикрытие происходившей и происходящей поныне подковёрной борьбы между разными группировками бюрократии: одна получает максимальные выгоды от сохранения старого общества, другая – от перехода к новому. Вопрос упирается не в идеи или философские школы, а в деньги и власть.

Одно крыло бюрократии ориентировано на западные ценности и модели, другое – на ложно понимаемые патриотические ценности. Борьба между западниками и славянофилами, начавшаяся еще до первого периода построения капитализма, продолжалась на протяжении всех последующих попыток и не утихает по сей день. Попеременно добиваясь успеха, то одно, то другое крыло вынуждало колебаться экономическую политику государства, бросало ее в крайности и в конечном итоге губило политическую элиту в целом.

Очередная попытка строительства капитализма происходила при одном и том же фундаментальном недостатке – сохранялась старая система управления, которая именуется административной. Она присуща всем нерыночным обществам. В отличие от нее менеджмент характеризует рыночное общество. Ни разу за всю историю страны второй тип управления не побеждал первый, что послужило одной из причин неудачи построения капитализма. Попытка соединить новый тип рыночных отношений со старым типом управления заранее обречена на неудачу.

Каждая попытка построения капитализма в России сопровождалась сохранением менталитета, системы ценностей и мировосприятия населения, характерного для доиндустриального общества. Ориентация на коллективизм, а не индивидуализм, сочеталась с неприятием института частной собственности. Мышление большинства населения всегда оставалось нерыночным. Рыночниками являлась незначительная часть образованной интеллигенции, которая на первых порах питала иллюзии о возможности обогатиться на стадии дикого капитализма. Но дикий капитализм создан не для интеллигентских умов, он требует сильной прослойки бритоголовых и не обремененных знаниями инди-

видов, которых сегодня именуют «новыми русскими», а вчера их называли просто троечниками и второгодниками. Со временем у большинства интеллигенции, остающейся госслужащими, романтические заблуждения насчет капитализма рассеивались, и она ностальгировала по ушедшему социализму. Частная собственность госслужащему не нужна, а с открывшейся свободой слова он не знает что делать. Прежние статусные атрибуты – гарантированная занятость, невысокий оклад и определенное уважение к профессии – оказались важнее новых.

Однако в отличие от первых двух периодов на нынешнем этапе заметны определенные подвижки. Прежде всего, значительно изменился уровень грамотности населения, возросла доля интеллигентных и полуинтеллигентных слоев, ориентированных на более прогрессивные модели экономического поведения. Гораздо быстрее, чем прежде, происходит вытеснение старых консервативных слоев общества новыми прогрессистскими поколениями молодежи. Каждое новое поколение молодежи, все больше ориентирующееся на рыночные ценности, сменяет предыдущее, опять же молодежное, через более короткий промежуток времени. В российском обществе сформировался новый тип конфликта между отцами и детьми: первые ориентированы больше на социализм, вторые – на капитализм. Он уже встречался в 1920-е годы и вылился в трагедию Павлика Морозова. Правда, тогда вектор ориентаций был противоположным: старшие выступали за капитализм, а младшие за социализм.

Каждая попытка построения капитализма проходила через обязательный период первоначального накопления или, выражаясь иначе, период первоначального ограбления страны. Он сопровождается резким обогащением небольшой (1-3%) части населения и обнищанием остальных, ростом преступности, теневой экономики, ослаблением монополии государства на законное применение насилия. Выходом из последнего часто выступало дополнительное «закручивание гаек», которое неотвратимо наступало после того, как ослабленное государство осознавало свое политическое банкротство.

Все попытки построения капитализма происходили на фоне ухудшения материального положения населения и оплаты труда. Дешевая рабочая сила, сохранявшаяся на каждом этапе,

не позволила капитализму перерасти в цивилизованную фазу, которая, если рассматривать экономические показатели, характеризуется высокой оплатой и высокой производительностью труда. Дешевый труд сопровождается всегда низким качеством продукции, неприязненным потребительским спросом, отсутствием института профессионального труда и развитой системы правовых гарантий занятости. В результате ни одна из попыток построения капитализма, прежде чем ее не смела история, не завершилась созданием прочного среднего класса рыночного типа.

Каждая попытка построения капитализма в России происходила по модели догоняющего развития и второго эшелона. За тысячу лет место страны в мировой системе разделения труда не претерпело качественных изменений: страна оставалась сырьевым придатком Запада, если судить по структуре экспорта. Она не стала экспортером наукоемких технологий. Отсюда вытекает закономерность: каждая попытка построения капитализма будет сопровождаться крупными иностранными заимствованиями, дефицитом госбюджета, нехваткой внутренних инвестиций, нерациональным (хищническим) потреблением природных ресурсов страны.

Переход от социализма (вначале от феодализма) к капитализму можно интерпретировать как переход от нерыночного общества к рыночному. Феодализм и два социализма можно трактовать в качестве модификации одного экономического уклада, поскольку некоторые ученые считают, что социализм и есть вариант феодализма. Тогда история России последней тысячи лет – это история противоборства двух типов обществ – нерыночного и рыночного, и соответствующих им а) систем управления – администрирования и менеджмента, и б) двух типов идеологии – славянофильства и западничества. Последние можно коротко характеризовать как два типа экономической ориентации: славянофильство ориентировано на нерыночную экономику, а западничество – на рыночную.

Можно ли на таком основании причислять Россию к странам третьего мира или развивающимся странам? Можно, если за основу брать концепцию западывающегося развития. В плане построения капитализма Россия действительно всегда опаздывала, т.е. была страной дого-

няющего развития. Но в плане второй составляющей исторического развития, социализма, Россию надо причислять к странам опережающего развития. Почему? Социализм мы испробовали раньше других стран. Швеция и США только сейчас начали строить полу-социалистическое, полу-капиталистическое общество, а мы его испробовали на полстолетия раньше. Можно оценивать негативно российский эксперимент, а можно считать его величайшим достижением. Если нерыночная ориентация есть точно такая же составляющая национального менталитета, как и рыночная, то мы объективно должны переходить от капитализма к социализму и обратно.

И вообще, историческое развитие России принципиально отличается от западного своей нелинейностью. Развитие тысячелетней России – колебания между двумя полюсами – рыночным и нерыночным, ибо в национальном менталитете на равных сосуществуют обе составляющие: коллективизм и индивидуализм.

Но они еще молодые, как у подростка. И коллективизм у нас еще детский, и индивидуализм, в отличие от зрелого и даже старческого Запада, такой же молодой, как не перебродившее вино. Потому нет ничего удивительного в том, что реализация двух экономических укладов – капиталистического и некапиталистического, сколько бы попыток мы ни совершали, не были и пока не являются зрелыми, полноценными. Нам мешает быть цивилизованными наш юный исторический возраст. В нас еще эмоции прут, потому и все поведенческие модели – отношение к труду, потребительское поведение, политическая деятельность и даже культура, у нас проходят на большом эмоциональном подъеме, иногда криливо, неразумно, необдуманно.

Однако колебания от одной крайности к другой Россия совершает по восходящей траектории. Каждый новый социализм и каждый новый капитализм чуть лучше, цивилизованнее предыдущих вариантов. Хотя на каждом следующем витке наблюдается множество откатов, отступлений от завоеванных ранее позиций. Движение по принципу «шаг вперед, два шага назад» – это участь любой страны, которая переходит к следующей стадии рыночного развития через свою противоположность – через возвращение к нерыночному. И наоборот.

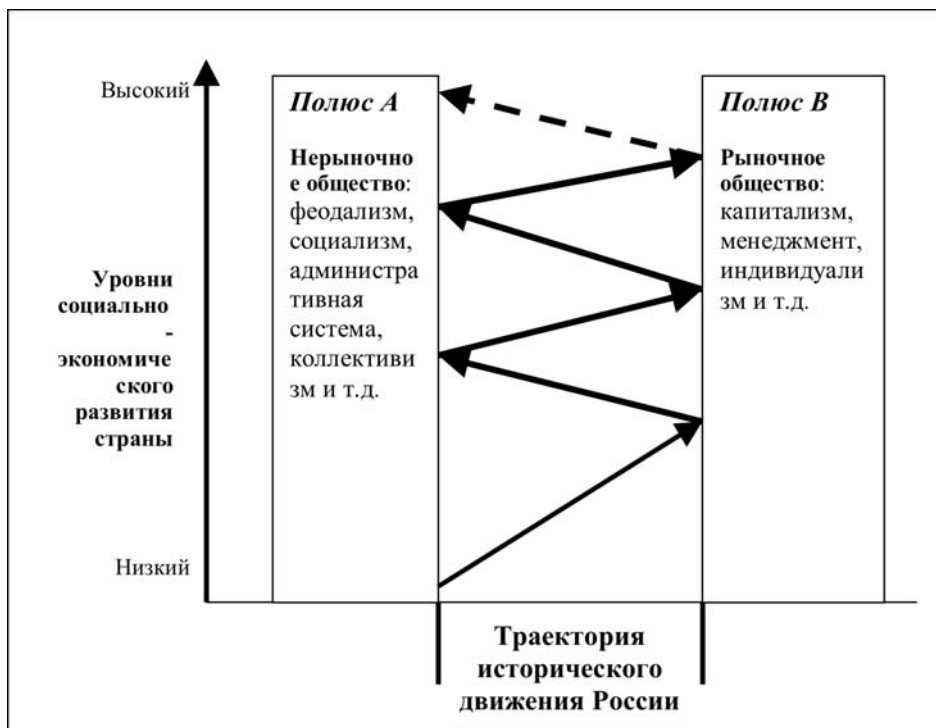

Рис. 1. Траектория исторического развития.

В российской модели развития получается так: для того чтобы подняться на более высокий уровень капитализма, надо перейти к социализму, а для того чтобы подняться на ступеньку вверх по пути социализма, надо перейти к капитализму. Поскольку наше общество проделывало это неоднократно, то с определенной долей уверенности можно говорить о том, что выявилась определенная тенденция, если не сказать закономерность.

Ни одна страна мира подобной модели не придерживается. Западная Европа и США взбираются по лестнице капитализма, минуя одну ступеньку за другой. Им не надо перепрыгивать на другую лестницу. У России особая статья. Она не как все. Эту непохожесть можно интерпретировать на манер марксистской диалектики, указав на то, что любое развитие происходит через борьбу противоположностей снятие этой противоположности. Или что развитие есть отрицание отрицания: продвигаясь вверх, капитализм отрицает социализм как свою противоположность, а социализму позарез надо отрицать

капитализм, прежде чем скакнуть вперед. Обе противоположности, как близнецы-братья, обойтись друг без друга никак не могут. И вряд ли уже когда смогут, если учесть, что за ними кроется не прихоть судьбы, а глубокая историческая правда. Так выражают себя две составные части национального менталитета – коллективизм и индивидуализм. Их не искоренить из нашей природы, не изжить, не вытравить. Каждая из них находит для себя наиболее подходящий способ самовыражения – соответствующий ей экономический уклад (социализм и капитализм), соответствующий идейный уклад (славянофильство и западничество), соответствующий тип управления (администрирование и менеджмент).

Единство противоположностей – историческая судьба России. Ее собственная диалектика развития. Она и в будущем, по всей видимости, будет неотступно преследовать нашу страну. Но такая диалектика получается несимметричной – с сильным уклоном в сторону доминирования Административной системы и не-

рыночного менталитета. Административной системе тысяча лет, она старше и мудрее рыночного менеджмента. Первая подавляет вторую и заставляет его работать на себя. А иногда и вместо себя.

Правда, нет-нет, но рыночные менталитет, особенно у начальства, пробивается через целомудренное покрывало администрирования. Священные принципы бюрократизма – высокий профессионализм, рационализм, четкое функционирование, отчуждение от коммерческих идеалов – нашими чиновниками попирались прежде и попираются сегодня. Чиновники торгуют должностями, берут взятки, продают лицензии, патенты, документы и вообще все, что только можно продать. Их самих можно купить и продать.

Это рыночный менталитет. Он вторгся туда, где ему запрещено даже показываться. Отечественные чиновники – это бюрократы-предприниматели. Это синтетическая категория, особая порода людей, выведенная обществом, которое поощряет продвигаться людей по службе, но запрещает или не поощряет заниматься легальным бизнесом. Иногда государство приоткрывает дверь или окошечко для коммерции. Так было при напе, так есть постсоветском капитализме. Но, во-первых, государство всегда приглядывает за всеми, одергивая зарвавшихся за рукав, во-вторых, вместе с открытой дверью оно впускает в комнату «сквозняк» - проходимцев, мошенников, рэкетиров.

Нельзя запретить людям обогащаться, не создавая себе при этом лишние проблемы и головную боль. Страсть к деньгам можно как-то регулировать, направлять, с выгодой использовать, но вовсе запретить нельзя. Ее можно загнать в подполье, но мы прекрасно знаем, что совершают подпольщики. И уж совсем нельзя запретить алчность для людей, дорвавшихся до власти. У расположившихся на вершине социальной пирамиды дух захватывает от открывающихся возможностей, так почему бы ими не воспользоваться. Тем более, что степень ответственности намного отстаёт от объема полномочий. Высокопоставленных лиц просто распирает от бесконтрольного употребления служебным положением. Оно, лицо при должности, должно кому-то продемонстрировать то, что оно теперь может, например, заставить завидовать, преклоняться, уважать себя. Оно достигло

точки, где максимальное уже никак не граничит с минимальным. А тут ему предлагают за подпись пустякового документа, «не приносящего никому вреда», хорошие деньги. Деньги что погоны – украшают, а не отягощают. И чем толще пачка, тем как бы больше звезд на служебных погонах.

Для того чтобы получить целомудренных чиновников, надо ликвидировать институт вознаграждения за продвижение наверх. Когда за каждую следующую ступеньку, на которую ты поднялся, будут наказывать, а не раздавать ордена, квартиры или премии, то чиновная прыть поумерится. Но тогда и чиновники поизведутся. В том все и дело, что никакое общество не может покончить с первым, не лишившись второго. Убереете деньги, взятки станут брать борзыми щенками. Но брать непременно будут.

Социализм беремен капитализмом, но особым. Выражаясь марксистским сленгом, социализм содержит в себе свое отрицание. Под одеждой коллективизма всегда кроется наглый индивидуализм. Просто его не демонстрируют на каждом углу, особенно в обществе, которое официально поощряет коллективистские добродетели и осуждает индивидуалистские пороки. Коллективизм беремен индивидуализмом. Советская власть рухнула в тот момент, когда настало время рожать. Не раньше и не позже. К.Маркс описывал в свое время мнимый коллективизм, подразумевая под ним показное товарищество и ложный патриотизм. В 1980-е годы мы подошли к пику его развития: социалистическое соревнование, выродившееся в настоящую показуху, товарищеская взаимопомощь, под которой часто скрывалась круговая порука. Коллективизм исчерпал свою историческую миссию, его содержание выхоластилось. Социализм в начале 1990-х годов плавно перешел в капитализм. Многие вздохнули с облегчением: наконец-то не надо притворяться коллективистами.

Но умер ли коллективизм. Вовсе нет. Его не ценишь тогда, когда имеешь. Но стоит потерять то самое, что прежде не ценил, как оно становится просто бесценным. Стоило капитализму в середине 1990-х годов подорвать свое здоровье, немножко занемочь, перестать активно работать на благо общества, как всех нас охватила ностальгия по прошлому. Свои нынешние несчастья мы немедленно стали сравнивать с про-

шлыми достижениями – бесплатным образованием и здравоохранением, гарантированной работой и средним гарантированным доходом, широтой души и гостеприимством, социалистическим интернационализмом, – которые прежде далеко не всегда считали достижениями. Мы привыкли к ним, не обращая на них внимания. И вот их нет, нет того, с чем мы сроднились. Мы говорим: раньше мы жили лучше, встречались с друзьями чаще, а о деньгах думали реже. Мы снова захотели быть коллективистами. Пройдет время, и кто знает, не станем ли вновь коллективистами. Но тогда коллективизм потребует для себя соответствующей формы самовыражения, которую называют социализмом.

Но когда он придет, то, во-первых, это будет уже иной социализм – более цивилизованный, респектабельный, свободолобивый, во-вторых, он придет не навсегда. Как только он поднадрест и мы вновь перестанем ценить его достижения, знайте, пришло время ему уйти с исторической сцены.

Хотя три капитализма в России – это три разных попытки, которые, как и спортсмену, даются для преодоления высоты всего три раза, а не три периода или этапа восхождения страны по капиталистическим ступенькам, можно пользоваться терминами «период», «фаза» и «стадия» применительно к генезису российского общества. В таком случае одна стадия будет включать не капитализм или социализм порознь, а пара явлений. Они составляют два полюса одного этапа. Если рассмотреть три пары «социализм-капитализм» (в первой паре вместо социализма надо брать феодализм), то получим три стадии эволюции российского общества в последние два-три века. Таким образом, продвижение вперед, восхождение по ступенькам эволюции мы совершаем, раскачиваясь в обе стороны.

Возможно, что подобная эволюционная линия прослеживается и в других странах, хотя и скрыто. О раскачивающемся движении, как подлинной универсалии исторического развития, характерной, быть может, для всех стран, неявно свидетельствует китайская поговорка, зафиксировавшая народную мудрость и тысячелетние наблюдения за ходом исторического процесса: для того чтобы двигаться вперед правильным путем, необходимо отклоняться в обе стороны.

Итак, движение с покачиванием – не только российская специфика. Остается открытым вопрос о размахе покачивания и о тенденции сужения или расширения маятникового движения. Возможны три варианта: 1) амплитуда колебания маятника социального прогресса в России остается постоянной, 2) амплитуда колебания затухает, 3) амплитуда увеличивается и лодку все больше раскачивает. Если принять гипотезу о маятниковом прогрессе как универсальной переменной движения человечества вперед, то совершенно очевидно, что для ряда западноевропейских стран амплитуда колебания имеет ярко выраженный затухающий характер. Столетия назад борьба рыночных и нерыночных тенденций, западников и славянофилов, менеджмента и администрирования были свойственны всем европейским странам. Постепенно ее накал спадал, и ныне, как это предположил М.С. Косолапов, в Англии борьба двух стратегий развития проявляется только внутри парламента между двумя ведущими партиями.

Трудно судить о характере амплитудных колебаний в России и, сравнивая разные исторические периоды, судить о том, затухают или увеличиваются они. Ряд признаков свидетельствует вроде бы о затухании. Первый признак – возрастание во второй половине XX века численности и среднего класса, который выступает прослойкой между полярными крайностями общества – верхушкой, ориентированной на идеалы индивидуализма, обогащения и западный образ жизни, и социальными низами, обычно выступающими за уравнительность, коллективизм и самобытность. Чем шире промежуточный слой, тем труднее раскачиваться маятнику. Второй признак – исчезновение традиционного противостояния Восток-Запад в мировом сообществе. Нынешние Япония, Индонезия, Тайвань, Сингапур, а в последнее время с нарастающей скоростью Китай и Индия все дальше отходят от традиционных восточных идеалов и ценностей и все больше приближаются к западным стандартам жизни. В некоторых случаях нынешние восточные державы даже более западные, чем западноевропейские страны. Если в 1970-е годы ценности коллективизма и индивидуализма в массовом сознании японцев, если судить по данным социологических исследований, распределялись примерно поровну, то в 1990-е годы индивидуализм преобладает в со-

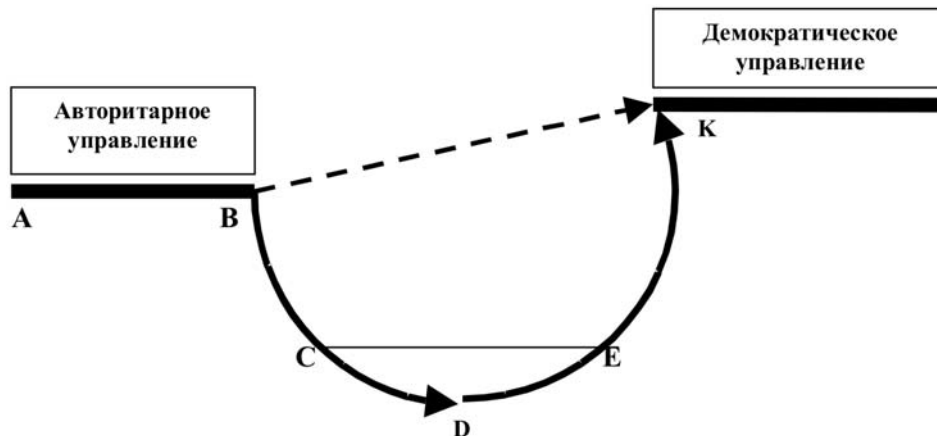

Рис. 2. Кривая перехода от авторитарного к демократическому управлению

знании 60-70% японцев, особенно молодежи. В результате российским славянофилам и западникам вскоре, может быть, не о чем будет спорить.

Трансформационный скачок – это всегда кризис с неожиданным или рискованным исходом. В теории организации в 1970-е годы была высказана гипотеза о том, что переход фирмы, учреждения или бригады от авторитарного руководства к демократическому сопровождается не линейным улучшением исходной ситуации, а вначале катастрофическим провалом, а затем медленным восхождением в гору. Гипотеза так и не превратилась в разработанную теорию. Однако применяя ее к российской ситуации, можно сделать из нее не только множество плодотворных выводов, но и обосновать ее основные положения. Для наглядности надо представить графическое изображение теории перехода.

В реальном случае, для объяснения которого была высказана указанная выше гипотеза, на одном из производственных участков мастера с авторитарным стилем руководства (в терминах концепции Д. Макгрегора: стиль X) начальство решило заменить на более образованного и демократического руководителя (стиль Y). Долгие годы здесь процветал волонтаризм, погоня за планом, игнорирование человеческого фактора. Хотя бригада отличалась крепкой дисциплиной, державшейся, правда, на страхе перед наказанием, и стабильно высокой зарплатой, ни о каком уважении личного достоинства работников и речи не было. Многие уходили,

другие затаили негодование и были готовы к саботажу. Для оздоровления обстановки администрация предприятия и предприняла демократические преобразования, надеясь на скорый и заметный успех.

Однако вопреки ожиданиям первое время все производственные и социально-психологические показатели бригады резко ухудшились. С приходом руководителя-демократа упала дисциплина и заработки, привыкшие трудиться из-под неволи рабочие не проявляли ни рвения, ни инициативы, ни ответственности. Они призывали, что ими командуют и за всеми вопросами, даже теми, которые могли решить сами, обращались к руководству. Не выдерживали нервы и у нового руководителя, он стал покрывать на нерадивых подчиненных, а те еще больше озлоблялись, не понимая, чего от них хотят. Социально-психологическая атмосфера на участке накалялась. Кое-кто собирался покинуть бригаду, а другие с ностальгией вспоминали ушедшие времена. В эксперименте потребовалось еще много времени для того, чтобы из сознания людей вытравилась «рабские» привычки работать по окрику и сформировались новые установки и ценностные ориентации. Специалисты утверждают, что период полного восстановления коллектива (на рис. 2. отрезок BK) в несколько раз превышает период авторитарного правления (отрезок AB): для небольших организаций в 2 раза, в крупных – в 3-5 раз.

Если провести аналогию между трансформационным скачком 1990-х годов в России и описанным экспериментом, то можно обнару-

жить если не полное совпадение, то серьезное сходство.

Первый вывод заключается в том, что период полного восстановления в масштабах России должен превышать в 3-5 раз период авторитарного управления. Стало быть, даже при последовательном продвижении по капиталистическому пути, без попятных шагов и возвращений к старому, стране необходим минимум 200-летний реабилитационный период (70 лет советского правления, помноженного на коэффициент от 3 до 5). Но это только в том случае, если мы хотим быть в точности похожими на западные демократии.

Второй вывод: не существует прямого восходящего пути от старого авторитарного к новому демократическому правлению. Такой путь всегда ведет в обход, именно потому он такой долгий. Если этого не знать, то можно спокойно вводить в заблуждение общественное сознание, суля людям быстрые, но несбыточные успехи. В свое время переход от царского самодержавия в коммунистическому самоуправлению также являлся трансформационным скачком от стиля *X* к стилю *У*. Большевики обещали народу мир, землю и свободу. Однако сегодня мы знаем, чем закончились обещания. Но они объективно не могли закончиться другим. Народ и его менталитет не созрели для коммунистических преобразований так же, как ранее они не созрели для рыночных преобразований *П*. Столыпин: попытка разорить русскую общину закончилась возвращением в нее крестьян. И Столыпин пытался произвести переход *X'!**У*.

Падение производства, депопуляция населения, рост преступности и эмиграции, снижение материального благополучия и обнищание народных масс, сопровождающиеся ностальгией и попытками вернуться назад – естественные последствия первого этапа преобразований (на рис. 2. отрезок *BC*).

Об этом свидетельствуют многочисленные социологические исследования, регулярно проводимые в течение последнего десятилетия. Если на первых порах назад хотели вернуться простые россияне, те, кто не получил никаких материальных выгод от экономических реформ и лишь ухудшил свой уровень жизни, то на последнем этапе к ним присоединились даже предприниматели, которые по определению должны выступать за ускорение капиталистических преобразований.

Так, согласно данным исследования А.В. Авиловой, проведенном в 1995-1997 гг., было установлено, что, начиная с 1996 г. респонденты-предприниматели все чаще высказывались за усиление государственной помощи. Особенно четко это было видно по тому, как они реагировали на идею государственного заказа – увеличилось число респондентов, которые желали бы работать по госзаказу. Видимо, люди исстрадались по тому, что можно назвать устойчивостью, уверенностью в завтрашнем дне, какой-то возможностью не увольнять свой персонал. По целому ряду косвенных показателей можно судить о том, что эта тяга к более сильной государственной руке, большему государственному присутствию в жизни малого предприятия нарастает¹.

Если речь идет об обществе, переходящем к капитализму, то период *BC* можно считать совпадающим с периодом первоначального накопления. Его идеология проста: обогащаясь всяк, кто может и как может. В России он начался в 1989 г., когда большинству населения стало отчетливо ясно, что возврата к социализму уже не будет, поезд набрал слишком большое ускорение, и тот, кто не успеет обогатиться, навсегда останется на социальном дне. В марафон включились все слои, но к финишу в 1994-1995 гг. удалось прийти немногим, а именно высшему классу (5% населения) и среднему классу (15%). Оставшиеся 80% населения по разным причинам задержались на старте или были остановлены объективными обстоятельствами: инвалиды, старики, малоимущие, безработные, многодетные, интеллигенция и др.

Именно у социальных неудачников зреет комплекс ущемленного сознания. Нефинансирование или недофинансирование госсектора заставило огромные массы советских людей жалеть о прошлом и переоценивать ценности. Чувствительные инструменты показывали, что как только рыночные реформы в России шли более или менее удачно, количество сторонников капитализма и удовлетворенных жизнью в целом несколько повышалось, и наоборот.

Отрезок *CD* на рис. 2. характеризует максимум социального недовольства реформами. Количество забастовок и акций протеста катастрофически растет (при условии, что в стране разрешены забастовки и протесты), политическое руководство проявляет все большую расте-

рянность (оно не ожидало, что все так плохо обернется), увеличивается уход из реальности (мнимый – через алкоголизм и наркотики, реальный – через самоубийство и эмиграцию), социальное настроение народных масс на пределе. Точка *D* – это тот предел отчаяния, до которого может или готово опуститься мыслящее существо. Если она пройдена, то общество может вздохнуть с облегчением и более уверенно двигаться к стилию *У*. Но как узнать, наступил момент *D* или нет? Точных индикаторов не существует, они, видимо, индивидуальны для каждой ситуации.

Момент *D* имеет непреходящее историческое значение. В нашем обществе он еще ни разу не был пройден. Как только народу плохо жилось при царе и далее терпеть уже было нельзя, он совершал революционный переход *X'!У*. Когда ему невмоготу было при большевиках, он совершал переход к демократии. Как только нашему народу станет невмоготу при демократах, он потребует возвратиться к социализму.

Пройти точку *D*, означает сменить гнев на милость, разрушительные инстинкты на созидательные, готовность все отвергать на желание все строить. Если в стране найдется политическая сила, которая подхватит народные массы на подходе к этой роковой черте, она совершит мирный или военный переход *X'!У*. Если этот момент она прозевает, то уже ничто не заставит страну вернуть вспять. М. Туган-Барановский говорил именно об этом: страна должна переболеть капитализмом, чтобы вылечиться от его язв.

Средний класс. Когда нынешние социологи говорят о том, что в России нет среднего класса, то складывается впечатление, что они его просто не там ищут. Существуют не один, а два типа среднего класса – созданный рыночным обществом, как на Западе, включающий мелкую и среднюю буржуазию, менеджеров, интеллигенцию, и созданный нерыночным обществом, как в России, включающий чиновников, интеллигенцию. Средний класс формируют люди с высшим образованием и достижительной мотивацией. Если общество не создает легитимных способов самореализации, то интеллигенция реализует себя в сфере управления и службы у государства. Поскольку наша административная система – это гигантская вселенная, втягивающая в себя лучшие силы нации, то вполне

разумно, что средний класс нужно искать именно там.

Сложившиеся сегодня в отечественной социологии методологические подходы к изучению среднего класса условно можно разделить на две группы: *нормативистский* подход и *релятивистский*. На существование двух подходов в объяснении роли, состава и особенностей среднего класса в России указала, в частности, Н.Е. Тихонова: «В целом можно сказать, что существовало два подхода к этой проблеме. Один, в соответствии с западной традицией, рассматривал средний класс через систему определенных имущественных стандартов, и тогда оценка его составляла примерно 15% всего населения, даже при расширительной трактовке не поднимаясь выше 30%. Второй отражал скорее настроение самого населения, считавшего, что средний класс – это жить как все. Тогда численность его колебалась около 60%»².

Суть нормативистского подхода в том, что для всех обществ создается некая универсальная, или идеально-типическая модель среднего класса, сформированная по образцу развитого западного общества, которую ученые прикладывают к любому другому обществу и оценивают его параметры.

Сторонники нормативистского подхода выбрали в качестве эталона, или нормативного образца для определения среднего класса западное общество. Выяснив профессиональные слои, составляющие средний класс в развитом рыночном обществе, они впоследствии пытались отыскать те же самые или похожие слои в российском обществе, которое никак нельзя отнести к типу развитых капиталистических систем, и назвать их средними слоями, слоями, занимающими промежуточное между богатыми и бедными группами населения, третьим сословием, классом предпринимателей, наконец, средним классом.

Подобный подход имеет основание, но лишь в той мере, в какой механическая аналогия между разными по уровню экономического развития обществами помогает установить, а не затушевать истину. Обнаружение того, насколько Россия успела сформировать рыночную модель среднего класса, позволяет судить о том, насколько вообще она успешно продвигается по пути экономических реформ, демократизации и научно-технического прогресса. Иными сло-

вами, насколько удачно в нашей стране проходит модернизация западного типа.

Поиском советского или российского эквивалента американского среднего класса занимались в постперестроечный период (1990-е годы) многие отечественные социологи, в том числе Т.И. Заславская, Л.А. Беляева и др. Выделив методом экспертных оценок верхний средний, средний, базовый и нижний слои в российском обществе, Т.И. Заславская отнесла к среднему слою следующие группы: мелкие предприниматели, полу-предприниматели, менеджеры производственной сферы, высшая интеллигенция, рабочая элита. Подобные группы, как известно, входят в состав среднего класса в развитых странах с рыночной экономикой, но там добавляются массовые отряды интеллигенции: врачи, учителя, инженеры, фермеры и др. Опираясь на данные мониторинга ВЦИОМ за 1993-1995 гг., Т.И. Заславская отмечала, что 56% представителей среднего слоя живут лишь в относительном достатке, или нуждаются, а у 37% все расходы уходят на питание. В целом российский аналог западного среднего класса жил гораздо беднее, нежели сам оригинал. Удельный вес среднего класса приближался в 1995 г. к 30% всего населения³. По другим оценкам, рассмотренным выше, в частности Е.Н. Старикова, численность среднего класса в 1989 г. не превышала 13%, Н.Ф. Наумовой – 20-30% населения

В исследовании З.Т. Голенковой и Е.Д. Игитханяна⁴ численность среднего класса, выделенного средним значениям показателей качества семейного бюджета, общей удовлетворенности материальным положением и самоидентификация со средним слоем, не превысила 6-9%. Средние слои также отчуждены от собственности, как и при социализме. По-прежнему их резервом является только образование и профессия.

По мнению Л.А.Беляевой, для выявления среднего класса как в российском, так и в западном обществе должен применяться один и тот же набор показателей: уровень благосостояния, определяющий качество жизни; возможность использовать высокотехнологические предметы быта и услуги; уровень образования и культуры, позволяющий выполнять высококвалифицированную работу или руководить предприятием, организацией; экономический тип поведения, ориентированный на рыночную

форму хозяйствования в сочетании со стремлением к самостоятельности и независимости, наращиванию капитала и инвестиционной активностью; социально-психологические установки на семейное благополучие, индивидуальное развитие и совершенствование. Политические ориентации определяются в целом демократическими принципами, законопослушностью и требованиями к государству защищать законы и права человека. И последнее в данном перечне, но не последнее по существу – престиж трудовой деятельности, престиж образа жизни, престиж круга общения⁵.

В исследовании Л.А. Беляевой (1998) использовались критерии 1) самоидентификации, 2) дохода, 3) уровня образования, 4) стратегии повседневного поведения (дополнительный признак). По составу средние слои (их выделено три) дифференцировались на следующие категории: рабочие в промышленности (35,2%), технические специалисты, менеджеры среднего (14,4), руководители госпредприятий и акционерных обществ (1,2), предприниматели (6,9), бухгалтеры, финансисты и т.п. работники (4,0), гуманитарная интеллигенция (20,5), работники сферы быта и услуг (10,2), работники торговли и снабжения (7,6). Общая численность трех слоев среднего класса составляет немного более 20% населения России: 11% – «средняя масса», 6% – «российский средний класс», 3% – «идеальный средний класс» Выяснилось, что этот класс неоднороден по доходам, моделям поведения и профессионально-квалифицированному составу. Общий вывод таков: «в переходном обществе пока преждевременно говорить о среднем классе как о вполне устоявшейся по численности социальной общности, которая осознанно идентифицирует себя со средним классом и по своим характеристикам близка к среднему классу западных стран... Причем группа, идентичная среднему слою западных стран, самая малочисленная»⁶.

Если следовать нормативистскому подходу, то на протяжении 2 млн. лет никакого среднего класса не было, а он появился только в XX веке, т.е. после перехода западных стран к постиндустриальному обществу. Подобная точка зрения имеет твердые теоретические основания, поскольку действительно многочисленный средний класс характеризует не доиндустриальное или индустриальное, а именно постиндус-

триальное общество. Следовательно, среднего класса не было ни в античности, ни в средние века. Однако о роли среднего класса рассуждали и на нем строили свою теорию стратификации Платон и Аристотель. Так был или нет средний класс в античную эпоху?

Суть релятивистского подхода заключается в том, что для каждого типа общества – рыночного и нерыночного, – а также для каждой исторической эпохи и отдельно для каждой страны создается специфическая модель среднего класса. Для ее установления надо исходить не из количественных или профессиональных характеристик среднего класса в капиталистическом обществе, а из самой сущности и роли этого класса в любом обществе. Таким образом, за основу берутся не количественные, например распределение и уровень дохода, а качественные характеристики, прежде всего характер и содержание труда, образ жизни, стабилизирующая роль среднего класса в динамике любого общества.

Независимо от того, какие профессии и экономические слои общества входят в средний класс, всем им должны быть присущи следующие необходимые (хотя не всегда достаточные) критерии:

* собственность – не собственность: средний класс в значительной мере составляют наемные работники или «полу-собственники», куда причисляют самананятых;

* характер труда, соотношение умственных и физических нагрузок;

* профессиональная принадлежность: существует список профессий или занятий, относящихся ко всем трём классам (врачи, юристы, учёные – нижний слой высшего класса; водители, сантехники – нижний класс; фермеры, инженеры – средний класс);

* средний класс – это обязательно те слои, которые по уровню дохода находятся в середине стратификационной шкалы;

* представители среднего класса – те, кто способен улучшить своё материальное положение только благодаря существующему строю (развитая вертикальная мобильность)

* средний класс никогда не выступает против существующего строя;

* образ жизни: средний класс получает достаточные доходы для того, чтобы вести приличествующий для данного общества образ

жизни; иными словами, к нему относят не столько тех, кто много зарабатывает, сколько тех, кто разумно тратит заработанное и, прежде всего, на культурные потребности;

* самоидентификация – субъективное отнесение себя к среднему классу, социальное отнесение себя к тем, кто ведет достойный образ жизни даже при весьма скромных доходах.

Большинство отечественных социологов склоняется к тому, чтобы использовать не один, а несколько критериев для установления численности среднего класса в России. Использование только одного критерия дает очень сильную вариацию величин. Так, критерий самоидентификации дает численность среднего класса в современной России 59-60%, а критерий доходов – не более 20%. Респонденты, на основе само-идентификации отнесшие себя к среднему слою, считают, что живут, как все. Напротив, когда респондентов спрашивают о доходах, только меньшинство считают, что они получают достаточные для среднего класса доходы.

В Советском обществе не было рыночных отношений, не было многих элементов западного общества (не было фермеров, мелкой и средней буржуазии), но был многочисленный управленческий аппарат, широкие слои технической и гуманитарной интеллигенции, достаточно многочисленные слои высококвалифицированных рабочих и крестьян. Следует ли отсюда, что в советском обществе не было среднего класса? Если придерживаться нормативистской концепции, то его не существовало, а если за ориентир взять релятивистский подход, то придется признать, что он не только существовал, но на этапе развитого социализма играл очень важную роль социального стабилизатора. С одной стороны, в СССР не должно быть мощного среднего класса, поскольку страна не перешла с индустриальной на постиндустриальную фазу развития. Действительно, средние слои на Западе – это порождение индустриального общества, но полного развития средний класс достигает лишь в постиндустриальном обществе. С другой стороны, в стране обязательно должен существовать такой класс, куда входили многочисленные слои управленцев, военных, партработников, врачей, учителей и т.д. СССР обладал мощным научно-техническим и культурным потенциалом, огромным управленческим аппаратом, многочисленной ар-

мией, которые создавались представителями среднего класса. В подобном случае к среднему классу, как и предполагал А. Кустарев, относится большинство населения⁷.

Таким образом, правильнее считать, что на самом деле правы сторонники релятивистского подхода, а потому должны существовать две модели среднего класса – для рыночного общества и для нерыночного. Советское общество – нерыночное, но средний класс составлял от 30 до 40% и более.

Советское, а затем российское общество создало свою собственную модель среднего класса. Переход от социализма к капитализму в начале 1990-х годов без гражданской войны стал возможным благодаря мощному среднему классу. Советский рабочий класс в 1980-е годы втягивался в средний класс через так называемый слой интеллигентов-рабочих, выполнявший функцию соединительного моста и служивший преддверием среднего класса либо его начальной ступенькой.

В США средний класс – это класс, живущий в кредит. У него хорошие дома, личные автомобили, престижная работа, но жизнь в рассрочку – это жизнь с известной степенью риска. В СССР средний класс жил «от зарплаты до зарплаты», но никакого риска остаться безработным, не заплатить за жилье не существовало. Таков советский образ среднего класса.

Американские социологи, не склонные симпатизировать советскому режиму, признавали, что в 1950-60-е годы самая высокая мобильность в мире существовала только в США и СССР. А, как известно, высокая мобильность – показатель активного формирования среднего класса, его пополнения из низших слоев и интенсивного перехода из среднего класса в высший.

Нормативистский подход хорош там, где он решает свои задачи и не пытается живую реальность подменить голой схемой. Релятивистский подход хорош тоже в определенных границах, а именно тогда, когда описывает отличительные, специфические черты среднего класса. Но он плох там, где необходимо проанализировать законы рыночного общества и выяснить общие закономерности модернизации. Нормативистский подход показывает то, насколько страна отклоняется от общего эталона. Релятивистский подход обосновывает необхо-

димость такого отклонения как универсальный закон развития.

Эти подходы являются не антагонистическими, а взаимно дополнительными. Ими можно пользоваться попеременно, решая разные научные задачи. Возможно даже применение двух методологий одновременно.

Пример. Предположим, что в ходе проведенного в 1999 г. опроса в России зафиксировано 12-15% среднего класса, если следовать нормативистской модели, и 30-40%, если следовать релятивистскому подходу. Расхождение в цифрах не должно пугать социолога, поскольку дважды к одной и той же выборке применялись разные критерии отнесения респондентов к среднему классу. А разные методы счета дают разный итог. Подобное случается в науке на каждом шагу. Какие выводы необходимо сделать из различия цифр? Первый вывод – об отставании научно-технического прогресса и рыночных преобразований в нашей стране. Если западного типа среднего класса у нас только 12-15%, а каждый дополнительный процент прибавляется не за многие годы, то успехи капитализма надо оценивать весьма скромно. Измерение по релятивистской модели, следуя иным критериям, дает более оптимистические цифры. Удельный вес в 30-40% свидетельствует о достаточной мощи среднего класса, который способен не допустить революционных встрясок и может служить гарантом необратимости демократических преобразований. Одновременно это означает, что к рынку мы движемся не рыночным, а административным, т.е. отличным от Запада путем. Субъектами рыночных преобразований являются те, кто занимает прочные позиции благодаря нерыночным механизмам и институтам.

Иными словами, объединив оба подхода, мы можем говорить о том, что в конце 1990-х годов российская интеллигенция все еще живет бедно, настоящих прозападных менеджером (по приемам работы и менталитету) и предпринимателей пока еще немного, но в целом сочувствующая демократическому рыночному обществу масса населения достаточно многочисленная. Но ее недостаточно для того, чтобы, закрепившись на рыночной дороге, двигаться по ней с ускорением. Замедления и промедления чреваты откатом назад. На всем протяжении этого пути может сохраняться опасность отхода от капитализма к социализму, если бы 30-40% советского среднего класса сочли для себя выгодной не капиталистическую, а некую иную,

например, полу-социалистическую или социал-капиталистическую модель развития. Такого рода опасность будет сохраняться до того времени, пока в процентном отношении обе модели не сравняются либо первая не превысит вторую. Во втором случае мы сможем утверждать, что рыночный средний класс превысил нерыночный средний класс.

Рыночный тип среднего класса – это накопленная модель. Западные страны всегда были рыночным обществом, здесь накопились десятки миллионов фермеров, лавочников, инженеров, менеджеров и т.д., которые относятся к среднему (рыночному) классу. В России никогда не было развитого рыночного хозяйства. Мы периодически уничтожали носителей рыночной экономики, а значит, у нас нет тех слоев и групп, которые входят в средний класс в рыночном понимании слова. Рыночный средний класс формируется только в том случае, когда, по справедливому утверждению Л.А. Беляевой, экономика развивается с опорой на высокотехнологичные производства и квалифицированные слои населения, а не на эксплуатацию природных ресурсов и развитие третичного сектора экономики. С окончательным переходом России в категорию стран третьего мира надежда на повышение социального статуса, количественный рост и усиление социального веса среднего слоя может оказаться призрачной⁸.

Средний класс и его органическая часть, номенклатура, это, если выражаться социологически, мощный стабилизатор, который сдерживает чрезмерные колебания, позволяет им держаться ближе к центру. А что в центре? Если выражаться политологически, то функцию стабилизатора в политической системе общества выполняет властная вертикаль. Таким образом, оба института, средний класс и властная вертикаль, выполняют сходные функции, не позволяя историческому маятнику чрезмерно сильно раскачивать общественную лодку.

Разговор о властной вертикали начну с последнего события: 6 апреля 2001 г. около Останкинской телебашни состоялся митинг протеста московской интеллигенции, выступающей против закрытия НТВ. Дело не в коллективе журналистов, работающих на этом канале. Образованная часть России, впрочем, как и большая часть мировой общественности, восприняла судебное преследование телеканала как поли-

тическую акцию, символизирующую о том, что период демократии и рыночных преобразований в стране закончился и начался откат к централизованному правлению. Некоторые из собравшихся так и заявляли: режим Б. Ельцина по сравнению с нынешним правлением В. Путина теперь уже кажется расцветом демократии. Властная вертикаль в начале XXI века набирает обороты. Демократический Ренессанс завершился. Началось нечто иное. Но что именно?

Нынешний президент – не первый, кому пришла в голову светлая мысль укрепить вертикаль власти. Свою вертикаль власти Иван IV Грозный начал выстраивать в России еще в середине XVI в. Сначала он «равноудалил олигархов», т.е. отменил значительную часть привилегий богатых князей и бояр. Затем Грозный уменьшил влияние наместников и отстранил от дел «серых кардиналов», с помощью которых пришел к власти. Одним из таких некогда влиятельных людей, но потерявших расположение царя, был князь Андрей Курбский – предшественник нынешнего Бориса Березовского, тоже прославившегося как «делатель государей». Он был чуть ли не главным организатором воцарения Грозного, что не спасло Курбского от эмиграции и потери всех своих отечественных капиталов⁹.

Олигархическую Боярскую Думу, в которой было много врагов царя, Иван Грозный практически лишил власти. Все решения теперь принимались Избранной Радой, иногда даже без участия самого царя, и большинство ее решений шло вовсе не на пользу боярским кланам. Например, знаменитая отмена кормлений лишила бояр-наместников права оставлять себе часть от собраных в своем регионе налогов, а также изымать в свою пользу имущество уголовных преступников.

В России бегство Курбского вызвало ужесточение репрессий и посягающее введение опричнины как средства защиты от вмешательства во власть боярских кланов. Каналы влияния и полномочия Боярской Думы, открытые в свое время князем Андреем, настолько досаждали царю, что Иван Грозный на какое-то время даже передал полномочия царя и великого князя всея Руси крещеному касимовскому ногайскому хану Симеону Бекбулатовичу. Эта политика защиты от олигархов действовала около года, пока Иван Грозный не изобрел еще более мощ-

ные средства, которыми и увековечил себя в отечественной истории.

После Ивана Грозного укреплением властной вертикали занимался Петр Алексеевич Романов. Вместо уездов, воеводств и наместничеств он учредил губернии числом сперва 8, потом 10. Вертикаль, конечно, укрепилась, но вмешался обычный для России человеческий фактор: новоиспеченные губернаторы здорово наворовали. В ответ на такой беспредел царь-реформатор нашел оригинальный ход: приставить к каждому из губернаторов по «полномочному представителю царя». Источником кадров стали Преображенский и Семеновский гвардейские полки – гвардии поручики. Только своим друзьям по потешной игре «Зарница» на Яузе Петр мог доверять. Всех их приставили в качестве политических надзирателей к тогдашним губернаторам.

Но поскольку чиновники воровали не только на губернском, но и на провинциальном уровне (провинций тогда было 47), на каждого из «субъектов империи» офицеров не хватило, поэтому в провинции пришлось посылать младшей комсостав – гвардии сержантов. Сегодня из 7 столпов российской власти пятеро – генералы. Выстроить властную вертикаль, воспользовавшись политехнологиями начала XVIII века, несложно: если присматривать за федеральным округом отправляют генерала, то на область или город следует посадить полковника, на районы – майоров, на райцентры – капитанов, на деревни – лейтенантов, на сельсоветы – прапорщиков. И всех назначить полномочными представителями президента¹⁰. Присматривать за ними можно поставить, скажем, тех же генералов, майоров и прапорщиков, только из ФСБ.

Одним из своих первых президентских указов («О полномочном представителе президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 г.) Владимир Путин объявил о создании в стране семи федеральных округов. Новая политическая реформа была неоднозначно воспринята общественностью. Одни считали ее концом демократии, посягательством на независимость регионов, возвращением к командно-административной системе правления, проведением новой милитаризацию страны (границы весьма странным образом совпали с рубежами округов военных), воссозданием военно-феодальной имперской структуры вла-

сти. Другие полагали, что данная мера позволит построить сильное правовое государство, положить произвол местному самоуправству, привлечь некоторых губернаторов к ответственности.

Основания для новой реформы были более чем убедительные: многие субъекты Федерации, буквально восприняв слова Б.Н. Ельцина о том, что они могут брать власти столько, сколько удержат, принимали законы, противоречащие Конституции РФ; в ряде регионов и областей местные власти оказывали сильное давление на СМИ и проводили жесткую цензуру, нарушали гражданские права человека, злоупотребляли служебным положением и погрязли в коррупции.

Новый институт полномочных представителей Президента во многом напоминал институт представителей президента во времена Ельцина. Однако у новых полпредов больше полномочий и крупнее подконтрольные им регионы. Лишь двое из семи назначенцев: Леонид Драчевский (Сибирский федеральный округ) и Сергей Кириенко (Приволжский федеральный округ) – люди штатские. Остальные пятеро – при генеральских погонах: генерал армии Виктор Казанцев, генерал-полковник милиции Петр Латышев, генерал-лейтенант Константин Пуликовский, генерал-лейтенант Федеральной службы безопасности Виктор Черкесов, генерал-лейтенант налоговой полиция (бывший сотрудник ФСБ России) Георгий Полтавченко. В сущности, указ об их назначении уготовил главам российских регионов роль подчиненных при генерал-губернаторах, чему они, по крайней мере в душе, явно не обрадовались.

Официально должность полпреда вводится, как сказано в указе, «в целях обеспечения реализации президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением их решений». Полпред не должен ограничивать функции глав администраций регионов и нарушать принцип разделения властей.

24 мая 2000 г. распоряжением генерального прокурора России В. Устинова в федеральных округах были созданы прокуратуры. Это можно считать первым шагом к превращению федеральных округов в настоящие укрупненные

субъекты Федерации и в перспективе к передельванию России в унитарное государство. За прокуратурами должны последовать, как и предусмотрено в указе президента, передача в ведение генерал-губернаторов органов Федерального казначейства, налоговых структур, таможни, управлений внутренних дел¹¹.

В том же направлении действовал направленный президентом в Государственную думу законопроект «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В нем предлагается наделить законодательные органы субъектов Федерации правом по собственной инициативе, или по инициативе глав исполнительной власти регионов, или по инициативе самого главы государства распускать представительные органы местного самоуправления. Кроме того, предлагалось наделить президента страны правом самостоятельно прекращать полномочия глав местного самоуправления, вносить в парламент проект федерального закона о роспуске представительных органов местного самоуправления. Для этого потребуются внести поправки в Конституцию, а в итоге администрирование станет приоритетным способом управления страной. Осенью 2000 г. президент РФ Госдума проголосовала за новый статус Совета Федерации: из законодательного органа он превратился в представительный. Прежние функции Совета Федерации взял на себя новый орган – Госсовет при президенте РФ, который включал периодически сменяющихся глав ведущих субъектов Федерации. Госсовет, по заявлению В.В. Путина, – это политический орган стратегического управления страной.

Таким образом, укреплению государственности России, во многом утраченной за десятилетие ельцинских реформ, происходит в форме усиления властной вертикали, роли цент-

ральной власти и возрождению ее державной мощи. Россия переходит от одного этапа капитализма к другому, возвращаясь всякий раз к нерыночным институтам общества, сформировавшимся еще в феодальную и доиндустриальную эпоху. Сделав шаг вперед, мы немедленно делаем два назад.

Ссылки:

1 Малое предпринимательство в кризисном обществе (“круглый стол”) // Социол. исслед., 1999. с.87.

2 Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. с.21.

3 Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 1. С. 7-15.

4 Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Средние слои в современной России (опыт социологического исследования) // Социол. исслед. 1998. № 7.

5 Беляева Л.А. Средний слой российского общества: проблема обретения социального статуса // Социол. исслед. 1993. № 10. С. 13-22

6 Беляева Л.А. В поисках среднего класса // Социол. исслед. 1999, № 7. с.75-76.

7 Кустарев А. Начало русской революции: Версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 119-130.

8 Беляева Л.А. В поисках среднего класса // Социол. исслед. 1999, № 7. с.73.

9 Жаворонков П. Царьмейкер // Компания. 2000. 25 декабря. с.51-53.

10 Осипов С. А на сельсовет прапорщиков! / Аргументы и факты. 2000. № 2 4.с.2. 11 Гладкевич Ю. Главный командующий // Профиль. 2000. 29 мая.с.14-17.

Мода как фактор конструирования повседневности общества потребления

Новикова К.Е.

В статье феномен моды рассматривается как социокультурное явление и социальный регулятор, представляется теоретическая модель моды, атрибутивные и денотативные ценности и функции моды. Выделяются отличительные черты общества потребления, в его реалиях исследуются особенности функционирования феномена моды как знаковой системы, симулякра третьего порядка, гиперреальности, в которой протекают процессы симуляции, обмены формально пустыми знаковыми сообщениями.

Ключевые слова: Мода, социальный регулятор, общество потребления, гиперреальность, симулякр

Novikova K.E.

Fashion as a factor of constructing daily life in a consumer society. The article considers fashion as a sociocultural phenomenon, presents theoretical model, attributive and denotative values and functions of fashion. The distinctive features of the consumer society are highlighted. The characteristics of the fashion phenomenon functioning as a sign system, a third-order simulacrum, hyperreality, in which simulation processes and exchanges of formally empty sign messages take place, are investigated.

Key words: Fashion, social regulator, consumer society, hyperreality, simulacrum

Мода является одним из самых известных феноменов повседневности, вызывающим не только научный интерес, но также и внимание со стороны простых обывателей. С одной стороны, мода – это неотъемлемая часть культуры современного мира, сложный социокультурный и эстетический феномен, обладающий разветвленной мультисемантической структурой, которая находится в постоянном коммуникативном взаимодействии как с объектами внутри собственной системы, так и с внешней средой, оказывающей непосредственное влияние путем действия различных факторов: социальных, культурных, экономических и политических. С другой стороны, мода выступает социальным регулятором поведения индивидов и социальных групп, представляет собой комплексную среду, охватывающую своим влиянием искусство, историю, политику, экономику, социокультурные процессы и научно-технические достижения, и приобретает, таким образом, статус явления массового.

Изучение функционирования моды в обществе потребления представляется особенно интересным, поскольку данный период времени отличается от всех существовавших ранее, ведь в обществе произошли кардинальные перемены: телекоммуникационная революция, изменившая экономическую сферу и сферу труда в широком смысле слова, оформление новой системы массовых коммуникаций, проявление в полной мере процесса глобализации. Вследствие этого в обществе потребления изменяется система ценностных ориентаций, вся сфера культуры и смыслов, которые теперь основаны на симуляции, игре знаков. Описанные события представляют своеобразную точку невозврата и находят отражение в изменениях всех сфер жизни общества, в том числе и в сфере моды, которая превращается в некую гиперреальность, подчиняющую себе все на своем пути.

Мода становится зеркалом эпохи, она все более теряет связь со сферой культуры, но укрепляет взаимоотношения с экономической сферой. Коренные изменения в области моды наблюдаются не только в смене модных стандартов и в увеличении скорости данного процесса, но также и в структуре функционирования данного феномена как социального регулятора. Именно поэтому становится актуальным разобраться, как же феномен моды функционирует в условиях общества потребления, в частности, как он конструирует повседневную реальность.

Мода как социокультурный феномен

В повседневной жизни современного мира люди сталкиваются с проявлениями моды ежедневно, и от того кажется, что данное явление абсолютно просто и понятно, однако если же подойти к этому вопросу более детально и начать рассматривать его, используя методологию Э. Дюркгейма, как социальный факт, то можно обнаружить и внутреннюю структуру, и ценности, присущие данному феномену, и социально значимые функции, выполняемые им в обществе.

Слово «мода» своими корнями упирается в латинское «modus», что в переводе означает «мера», «правило», «предписание», «способ», «образ», и до XIX века было тождественно по значению слову «обычай» [1, с. 9]. Однако позже, когда мода выделилась в самостоятельное социальное явление значения слов «мода» и «обычай» разграничились и стали употребляться в качестве антонимов. Так, английский социолог Г. Спенсер, изложивший свои научные представления относительно данного явления в работах «Синтетическая философия» [2] и «Опыты научные, политические и философские» [3] вводит моду в разряд приличий, противопоставляя их обычаям в отношении объекта: первые определяют действия по отношению к нам самим, то есть личную сторону нашего поведения, а вторые – по отношению к другим людям. По сути, обычаи и приличия происходят из одного источника, – из необходимости упорядочивания и контроля жизнедеятельности в обществе, однако существует разница в режиме кооперации – если обычай действует по принципу принуждения, то мода, наоборот, основана на добровольном начале. Этот факт вполне

понятен и обусловлен тем, что «мода, по существу, есть подражание» [2, с. 328].

Мода – феномен социокультурный, всегда взаимосвязана с различными сферами жизни общества. Данный аспект обуславливает мультисематический характер данного явления, выражающийся в постоянном заимствовании и подражании социальной и культурной структуре общества. Таким образом, любые изменения, происходящие в обществе в тот или иной момент времени, так или иначе, влияют на изменения в области моды (об этом свидетельствует даже вышепредставленный факт изменение со временем значения слова «мода»).

Однако, зарождаясь в обществе и трансформируясь в соответствии с общественными изменениями, мода в тоже время и сама активно влияет на социальный мир, поскольку выступает одним из социальных регуляторов и саморегуляторов поведения человека, отличительной особенностью которого является преобладание ценностного начала над нормативным, «ведь как бы ни были строги предписания моды, санкции за их нарушение не очень суровы и несопоставимы по жесткости с санкциями за нарушение многих нравственных и тем более правовых норм» [1, с. 17]. К тому же моду как социальный регулятор отличает то, что её правилам не просто необходимо следовать (проявление нормативного начала), но и хотят это делать (проявление начала ценностного).

Чтобы лучше разобраться, что собой представляет феномен моды, следует представить теоретическую модель данного явления (модель не тождественную моде как объекту эмпирического наблюдения), разработанную А. Б. Гофманом в книге «Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения» [1], или же по-другому – идеальный тип, если использовать методологию М. Вебера. Теоретическая модель моды представляет собой структуру взаимосвязанных элементов, включающую: модные стандарты, модные объекты, знаки моды, поведение участников.

Модные стандарты, в обиходе называемые просто «мода», представляют собой разновидность культурных образцов – это то, что «входит» в моду и «выходит» из нее – некие способы или правила поведения, которые сменяют друг друга время от времени.

Реализация модных стандартов происходит в большинстве случаев посредством модных

объектов – любых объектов, оказывающихся «в моде», как материальных, так и нематериальных или духовных, символических.

«Модность» придает стандартам и объектам третий компонент теоретической модели – знаки или ценности моды, наделяющие первые два компонента особым смыслом, благодаря чему те воспринимаются как «модные» в определенный момент времени определенными социальными группами или обществом в целом. И поэтому данный компонент модели можно считать структурообразующим. К тому же благодаря этим знакам, транслирующим определенные ценности и предписывающим определенные модели поведения, мода функционирует как социальный регулятор.

Четвертый элемент модели – поведение участников процесса моды – то, что непосредственно претворяет в жизнь описанные выше элементы.

Представленные выше четыре элемента вкупе составляют основу действия феномена моды: ценности моды наделяют определенным смыслом модные стандарты, выраженные посредством модных объектов, которые находят отражение в поведении участников. Причем эти ценности обеспечивают как постоянство функционирования процесса моды, так и изменчивость модных стандартов. Постоянство объясняется наличием некоторого ценностного ядра или же внутренних атрибутивных ценностей моды, таких как: современность, универсальность, демонстративность, игра. Изменчивость же модных стандартов объясняется внешними денотативными ценностями, которые ситуативны, бесконечно многообразны и даже противоположны в различных системах поведения. Ценности атрибутивные и денотативные сосуществуют, однако внутренние ценности зачастую латентны и не осознаются участниками модного процесса, в отличие от внешних.

Фундаментальной атрибутивной ценностью в структуре моды является современность, ведь она всегда ассоциируется с прогрессивностью, готовности к изменениям и творчеству. В монографии американского социолога Т. Веблена «Теория праздного класса: экономическое исследование институций» [4] современность выделяется как один из трех принципов функционирования в обществе феномена моды наряду с демонстративным расточительством и праздностью.

Универсальность или диффузность – еще одна внутренняя ценность моды – предполагает, что культурные образцы подвижны и могут переходить от одной социальной группы к другой, испытывая при этом трансформации.

Немецкий социолог Г. Зиммель, изложивший свои размышления по поводу моды и модного поведения в социологическом этюде «Психология моды» и в эссе «Мода» [5], рассматривал моду как одну из форм социации или обобществления, а универсальность выделял как одну из ее характеристик, выражающуюся в экспансионном характере данного явления. Мода старается подчинить себе всех, однако ее сущность «состоит в том, что ей следует всегда лишь часть группы, группа же в целом находится только на пути к ней» [5, с. 274].

В. Зомбарт в своей работе «Народное хозяйство и мода» [6] также отмечает универсальность, всеохватность феномена моды, его власть над всем современным культурным миром благодаря нивелирующим тенденциям (уничтожение сословий, местных особенностей и, как следствие, нивелирование вкуса).

Демонстративность как внутренняя ценность обусловлена коммуникативной функцией моды, позволяющей участникам модного процесса «быть», то есть поддерживать свой социальный статус определенными моделями модного поведения, принятого в своей социальной группе, или «казаться», то есть использовать модели поведения референтной группы. Демонстративность дает возможность участникам модного процесса «узнавать друг друга и быть узнаваемыми, видеть и быть увиденными, представляться другому и знакомиться с ним» [1, с. 28].

Демонстративная модель поведения, распространенная в институте праздного класса, прекрасно раскрыта в ранее упомянутой монографии Т. Веблена в отношении функционирования моды, которая должна отвечать принципу демонстративного расточительства, согласно которому в предметах пользования можно обнаружить некоторые свойства, повышающие их стоимость, не благодаря пропорциональному увеличению их полезности, а согласно увеличению почтенности; и принципу демонстративной праздности, подтверждающей отсутствие необходимости у владельца зарабатывать себе на жизнь, участвуя в каком-либо виде производительного труда.

Еще одной атрибутивной ценностью является – игра, предполагающая добровольный характер следования модным стандартам, а также антиутилитарность данного явления, о которой говорил В. Зомбард, что «чем бесполезнее предмет, тем более подчинен он моде» [б. с. 334].

Г. Зиммель описывает механизм функционирования моды как своеобразную игру, которая зарождается в желании высшего класса благодаря внешним проявлениям отделиться от остальных. При этом правила таковы, что представители низших слоев, перенимая внешние отличительные знаки, пытаются приблизиться к высшим и перейти условную границу, установленную первыми. И чем более сближаются эти различные круги, тем мощнее становится стремление к подражанию внизу, а наверху – стремление к дифференцированию от широких масс. Поэтому высшие слои отказываются от принятой моды, которая вышла за поставленные границы и получила уже широкое распространение, и соглашаются по поводу новой моды, символизирующей вновь отличительность и единство только привилегированного класса. Так, круг замыкается, а игра начинается вновь.

Мода, являясь социальной практикой, в обществе выполняет следующие социально значимые функции:

Функции объединения и дифференциации, выступающие как противоположные проявления одной и той же функции, детально рассмотрел Г. Зиммель. Мода, обладающая классовым характером, представляет собой одну из форм обобществления индивидов, она в обществе способствует процессам групповой динамики – демаркации и нивелирования.

Проявление функции объединения и дифференциации также прослеживается в создании и поддержании единообразия и разнообразия в культурных образцах, о чем подробно писал американский социолог Г. Блумер в своем эссе «Мода: от классовой дифференциации к коллективному отбору» [7]. Механизм функционирования моды обуславливает интенсивный процесс коллективного отбора, в котором принимают участие и дизайнеры, и менеджерский корпус дома моды, и мир покупателей, развивающий общие впечатления и схожие оценки. Индивиды, взаимодействующие в одинаковом социальном контексте, имеют схожий полученный

опыт и, соответственно, развивают общие вкусы и выбирают определенные культурные образцы, – таким образом достигается единообразие. Разнообразие же в культурных образцах основано на различии опыта индивидов, их стилей жизни, проявляющихся в социальных взаимодействиях в сложном движущемся мире, и как следствие, на различии в выборах.

Инновационная функция моды, связана с фундаментальной атрибутивной ценностью данного явления, представленной ранее, – с современностью. В обществе и в культуре мода стимулирует поисковое, эвристическое, экспериментальное начало. Она увеличивает инновационный потенциал общества, развивает готовность социума к внедрению и принятию различного вида нововведений. Причем тенденция такова, что инновационная функция становится все более значимой, ведь периоды смены модных стандартов все более сокращаются. Данный факт отмечал Г. Зиммель, объясняя его увеличением экономического благосостояния (чем дешевле продукт, тем более он подвержен влиянию феномена моды), а также увеличением раздражаемости (чем более нервная эпоха, и чем более коротких периодов требует наш внутренний ритм в смене впечатлений, тем быстрее меняются модные стандарты и происходят инновации в обществе).

Коммуникативная функция связана с внутренней демонстративной ценностью моды и обусловлена тем, что рассматриваемый феномен является одной из знаковых систем, задача которых – служить в обществе средством передачи и приема информации. Участники процесса моды наделяют модными значениями объекты, соответствующие модным стандартам. Благодаря этим придаваемым значениям происходит коммуницирование определенной информации, связанной с атрибутивными и денотативными ценностями моды.

Наиболее детально к вопросу функционирования моды как средства коммуникации, как дискурса подошел французский социолог-структуралист Р. Барт в своей работе «Система моды» [8], в которой уделил внимание вестиментарной моде, представленной в журналах. По мнению французского ученого модный дискурс представлен двумя коммуникативными классами: означающим и означаемым. Означающее – это дискретные, материальные, зримые

элементы, то есть модные объекты в теоретической модели. Означаемое же может быть эксплицитным или имплицитным. Первое – свойства которого безграничны и бесконечно множественны – представлено внешним миром, выраженным чертами характера (скромный, забавный и т.п.) или обстоятельствами (для вечера, для шопинга и т.п.). Второе же – есть сама мода – означаемое условное, соотносимое лишь с одной категорией, противоположной по значению – «антимода». По сути, означаемое Р. Барта – есть знаки моды в теоретической модели А. Б. Гофмана, обусловленные внешними или внутренними ценностями моды. Процесс коммуникации у Р. Барта – есть своеобразное чтение, шифровка и дешифровка эквивалентности между внешним миром или модой и одеждой.

Мода является средством приобщения индивида к социальному и культурному опыту, она связана с усвоением определенных норм и ценностей, а, значит, она выполняет социализирующую функцию. Однако «от других видов социализации мода отличается тем, что она обращена на общедоступные образцы» [9, с. 72], ведь она не требует специализированных знаний, она просто «как-то «образует» определенные слои личности, но эта «образованность» совсем не означает, что теперь личность может специальным образом функционировать; такая «образованность» означает, что личность социализирована» [9, с. 72]. Также отличительной чертой социализации посредством моды является то, что следование нормативным образцам происходит в игровой и демонстративной форме, что облегчает процесс социальной адаптации.

Отмечено, что моде отводится свободное, праздное время, что мода – есть своеобразная психологическая игра с подражательными тенденциями в поведении референтным группам. Это говорит о том, что рассматриваемый социальный феномен обладает функцией психофизиологической разрядки, мода помогает индивидам отойти от обыденности и раскрасить свою повседневную реальность яркими впечатлениями от участия в модном процессе. Данная функция объясняет, почему Г. Зиммель отмечает влияние раздражаемости эпохи на темпоральность моды.

Функция психологической разрядки в своем апогее выступает как функция компенсатор-

ная, то есть мода не просто помогает отдохнуть, а создает смысл, и возможность реализоваться людям, не удовлетворенным своим социальным положением. Участие в модном процессе, таким образом, имитирует важность деятельности, восполняет незначительность личности и повышает социальную значимость индивида в своих глазах и глазах окружающих. Именно поэтому Г. Зиммель отмечал пристрастие женщин к моде, ведь они на протяжении всей истории занимали преимущественно слабое социальное положение по сравнению с мужчинами.

Основные характеристики общества потребления

В конце XX века получает широкое распространение концепт общества потребления, когда множество эмпирических исследований фиксируют его эвристическую значимость, а необходимостью становится теоретическая модель, способная объяснить социальные трансформации.

«Общество потребления – это одна из сторон развитого капитализма» [10, с. 42]. Появлению такого типа общества особенно поспособствовали социальные трансформации конца 60-х – начала 70-х годов XX века, когда экономический прогресс последних десятилетий резко поднял уровень жизни и качественно изменил жизненные стандарты.

В начале 70-х годов произошла телекоммуникационная революция, которая радикальным образом повлияла на все сферы общества. Новые информационные технологии позволили отказаться от организационных и управленческих моделей организованного капитализма и заменить массовое стандартизированное производство системой производства информатизированного, что, в свою очередь, трансформировало изготовление множества идентичных стандартизированных товаров в сторону индивидуализированных объектов потребления и услуг.

Также в это время происходят и кардинальные перемены в сфере труда: сфера производства перестает играть определяющую доминантную роль, какую она играла ранее, на ее место приходит сфера распределения. Это, по сути, представляло собой «фундаментальную историческую трансформацию, цивилизационный сдвиг, который породил совершенно новую по

своей природе социальную реальность» [11, с. 292]. Ведь наступает конец «трудового общества» — общества, существовавшего на протяжении всей предшествующей истории, где измерения жизни более или менее были соотносены с производительной деятельностью. На его место приходит общество сервисное, в экономике которого главенствующая роль отводится сфере услуг. Это отражается на изменении структуры занятости и трудовых отношений: возникает новая система профессиональной дифференциации, появляются новые отрасли и профессии, трансформируются организации труда и управления, происходит гуманизация труда. А это, в свою очередь, приводит к возрастанию автономности личности и увеличению значимости других сфер жизнедеятельности человека, помимо трудовой.

Таким образом, возникают условия, когда возрастают предложение и спрос на разнообразные предметы потребления, индивиды освобождаются от труда и участвуют в процессах распределения, средства массовой информации все более охватывают сферы социальной жизни, а ценностные ориентации индивидов все более претерпевают изменения. То есть тотальным образом меняется социальная реальность — развивается общество потребления.

Термин «общество потребления» впервые использует немецкий социолог Э. Фромм, однако наибольшую конкретизацию концепт общества потребления получил в одноименной работе [12] французского социолога-постмодерниста Ж. Бодрийяра.

Основу общества потребления обуславливает непосредственно сама категория «потребления», однако не такая как удовлетворение потребностей людей, присутствующая во все времена человеческой истории, а потребление, характерное исключительно для периода современности — символическое, являющееся своеобразным кодом, метаязыком, влияющим не только на материальные вещи, но также и «на время, пространство, природу, на все окружение человеческой жизни, на зрительные, звуковые образы, создаваемые средствами массовой информации, на политические, культурные отношения людей и т.д.» [12, с. 253].

В своей книге «Система вещей» [13] Ж. Бодрийяр пишет, что «потребление — это виртуальная целостность всех вещей и сообщений,

составляющих отныне более или менее связанный дискурс. Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками» [13, с. 164].

Французский ученый отмечает, что с 50 — 60-х годов XX века наблюдается непрерывный рост производства, а также видимое изобилие в материальных предметах. Однако это развитие не так положительно, как может показаться на первый взгляд. В связи с этим Ж. Бодрийяр приводит в пример парадоксы экономического роста, представленные ниже.

Во-первых, несмотря на то, что наблюдается большое количество разнообразных товаров, в индустриальных обществах нет изобилия, подразумеваемая под этим не количество произведенных вещей, а мироощущение людей. В этом отношении современное общество находитесь перед страхом истощаемости ресурсов или перед страхом нищеты, причем не в буквальном смысле как жизнь за чертой бедности, а нищеты относительной — в структурном плане являющейся антиподом для возможности расточительства.

Этот страх нищеты в обществе потребления делает смыслом жизни человека достижение более высокого уровня потребления, а необходимой составляющей его стиля жизни — получение или демонстрацию удовольствия от процесса потребительской гонки, несмотря на реальные ощущения. «Потребление уже не является простым и чистым наслаждением благами, оно становится чем-то вынуждающим наслаждаться» [14, с. 67].

Во-вторых, производственный рост не стимулирует развитие социального равенства, как может показаться первоначально. В индустриально развитых обществах может быть достигнуто лишь формальное равенство перед объектом, то есть равенство в материальных благах. Неравенство переходит в другой формат (знаковый, символический) и переносится в другие области (знания, культуры, властных отношений и т.п.). Так, общество второй половины XX — бесклассовая масса — структурируется посредством потребления различных знаков: престижа, власти, принадлежности к той или иной социальной группе.

В-третьих, большее разнообразие в производимых предметах должно способствовать

развитию свободы и суверенности человека и его выбора, однако на деле это не так. Человек испытывает принуждение к дифференциации, ведь рост производства и потребления есть реакция на потребности отличия, которые выражаются в приобретаемых объектах, уже не представляющих ровно в их потребительской ценности, а выступающих знаками статусной иерархии.

Ж. Бодрийяр отмечает, что сфера потребления настолько расширилась, что включает в себя не только материальные вещи, но и всю сферу человеческой жизни: труд, досуг, социальные отношения, историю, природу, даже культуру и науку. Общество, в котором развивается подобная тенденция, утрачивает всякие смыслы, реальные отношения и интересы, они просто заменяются игровой деятельностью, где люди только симулируют, манипулируя объектами-знаками – симулякрами третьего порядка, которые с одной стороны помогают человеку овладеть реальностью, но с другой – уничтожают все реальное и заменяют собой.

Объекты-знаки трансформируют реальность, заменяют социальные отношения, вытесняют из жизни человека других людей. Индивид же более не существует как субъект, он превращается в человека-объекта, фигурирующего в межличностных отношениях. Из мироощущения человека-объекта исчезает трансцендентное, уступая место абсолютной имманентности объектов потребления, именно поэтому становится таким популярным культ тела, проявляющийся в пропаганде спорта и рекламе бытовых средств, и откровенная сексуальность. А характеристики тела-товара такие как красота, стройность, ухоженность составляют знаки престижа и орудия в статусной конкуренции.

Трансформируется и сущность культуры – она «вульгаризируется», становясь объектом потребления. Выражается это в том, что она начинает производиться как блага материальные с определенной цикличностью и с заранее заданной целью дальнейшей переработки. Ж. Бодрийяр приводит в пример поп-арт, деятеля которого изначально ставили перед собой задачу интегрировать свои произведения во вселенную объектов потребления.

В обществе потребления СМИ наполняют повседневную реальность псевдособытиями, формируя, таким образом, псевдоисторию. В

данном контексте Ж. Бодрийяр имеет в виду не фальсификацию событий, а то, что изменяется содержание посланий, события устраняются из реальной жизни, превращаясь в непрерывный поток сообщений.

Из всего выше представленного можно заключить, что общество потребления «это новая форма крепостничества, при которой хозяином оказывается общественный строй в целом» [15], ведь человек оказывается принужденным все время потреблять объекты символы, чтобы поддерживать свой социальный статус в псевдорегальности, создаваемой знаками и приобретающей смысл лишь в соотношении с ними. Причем общества потребления не обязательно являются богатые страны, главное – это особое отношение к ценностям как к пустым быстроменяющимся знакам, это особая ментальность людей, опирающаяся на знаки, которые не помогают обрести счастье, а лишь погружают и ирреальность.

Функционирование моды в условиях общества потребления

Итак, «потребление обретает силу нового культурного глобального империализма» [16, с. 59]. Оно принуждает, симулируя, потреблять и, потребляя, симулировать. Однако это принуждение зачастую не ощущается участниками потребительской гонки, ведь существуют определенные механизмы завуалирования экспансионного характера потребления. И одним из таких является мода.

По авторитетному мнению Ж. Бодрийяра – мода представляет собой неотъемлемую часть общества потребления, своеобразную гиперреальность, в которой осуществляется игра утраченных всякую референцию эмансипированных знаков. «В моде, как и в коде, означаемые ускользают, а ряды означающего более никуда не ведут» [17, с. 170].

К тому же социолог говорит о моде как о явлении парадоксально несвоевременном, имея в виду логику постоянного возобновления, – мода не производит новые знаки, а только создает видимость – симулирует, воскрешая в циклическом мире форм эффективные знаки прошлого. «Современная эпоха – это особый код, и эмблемой его служит мода» [17, с. 175]. Этот особый код не есть кардинальное преобразование того, что было прежде, а лишь ком-

бинаторика, знаков прошлого, именно поэтому мода успешно сочетает воедино модернизм и анахронизм.

Мода – знаковая система, обладающая универсализирующей тенденцией; она захватывает в себя любые другие системы знаков и становится единственной формой всеобщей эквивалентности. Мода подобна рынку, также представляющему универсальную форму: в ней происходит повсеместный обмен всем, чем только можно, за одним тем исключением, что вместо золота или денег используются модели в качестве чувственно осязаемого всеобщего эквивалента. Эти модели представляют собой средства сообщения моды и ее воспроизведения, а не производства. То есть мода, по сути, это чистая спекуляция в знаковой области, ничем не детерминированная, обуславливающая цикличность и повторяемость.

Моде, не имеющей никакой связи с реальностью, соответствует страсть к искусственности, к бессознательности, к упразднению смыслов и погружению в мир абсурдных, формально бесполезных модных знаков, функционирующих лишь в этой гиперреальности. По мнению французского социолога, эта сущность феномена моды определяет его несвязанность ни с прекрасным, ни с безобразным, ни с полезным, ни с бесполезным; определяет его имморальность во всех отношениях и легковесность, что в свою очередь объясняет такую заразительную коллективную страсть к моде.

Все знаки в моде относительны, это объясняет, почему мы с такой легкостью отказываемся от старых образцов и воспринимаем новые. Отсюда же следует и то, что мода выступает как субверсия всякого порядка. Всякого, но не порядка самой моды – ведь это невозможно, у моды нет никакой соотнесенности, нет никакой референции, которой бы можно было противоречить, от действия этой универсализирующей силы невозможно куда-либо скрыться, она даже отказ от следования модным тенденциям делает модным. Ж. Бодрийяр объясняет это действием кода, ускользнуть от которого не получится: содержанию можно следовать или противиться, но в любом случае это оказывается равно повиновению логике кода.

Так, мода – это свойство общества потребления, именно она создает главные потребляемые объекты, которые можно объединить по-

нятием – тренды. Причем «создание трендов как моментов повального увлечения основывается на ценности для потребителей не вещей или имиджей самих по себе, а их "актуальности"» [18, с. 13].

Необходимо отметить, что конкурирование модных стандартов, трендов в обществе потребления становится все жестче, чему способствует развитие все более изощренных рекламных и маркетинговых технологий. Реклама чего-нибудь «модного и актуального» уже не просто располагается везде, где ее только можно разместить, она становится латентной, вживляется в повседневную жизнь и симулируется как обыденность (примерами тому могут служить технологии product и life placement).

Мода посредством создаваемых трендов не просто влияет на поведение людей, предопределяя его, она конструирует идентичность потребителей, превращая их в трендоидов, – используя терминологию американского аналитика Дж. Коткина, – в потребителей, наиболее чувствительных к модным тенденциям. Такое конструирование идентичности осуществляется благодаря целенаправленному сознательному участию индивида в процессе потребления модных стандартов, которое расценивается им как престижное лично для него. Причем такое конструирование всего лишь отчасти содержит индивидуальность и характеризуется размытыми представлениями, как о себе, так и о представителях референтной группы, на которых индивид старается быть похож.

В конструировании идентичности потребителей прослеживается абсолютная имманентность, ведь человек-объект «в когнитивной сфере поверхностен, слушает и не слышит, смотрит и не замечает многих деталей» [19, с. 32], он лишь воспринимает то, что модно в определенный момент.

Также в обществе потребления мода влияет на трансформации в социальной структуре – появляются новые статусные группы, меняющие систему стратификации, существовавшую ранее: это различные различные создатели трендов, такие как креативные директора и проект-менеджеры, дизайнеры и стилисты, консультанты, байеры и трейдеры, блогеры и т.п.

Сменяющиеся друг друга со все большей скоростью модные стандарты, отражающиеся на системе все более возрастающего потребления,

влиают на мироощущение людей: привычный средний слой становится сверхновыми бедными. Несмотря на то, что они располагают нормальными по традиционным критериям доходами и имуществом, они все же ощущают себя нуждающимися и прилагают дополнительные усилия для участия в потребительской гонке (например, используя кредиты и подработки). А традиционные богатые воспринимаются как «застенчивые» миллионеры, так как они в сравнении со своими высокими доходами по структуре потребления остаются на среднем уровне. Так бимодальная стратификация заменяет стратификацию с доминирующим средним слоем [18, с. 24].

Подводя итог, можно заключить: мода – эмблема общества потребления, она – есть знаковая система, подвергающая все своему влиянию, гиперреальность, в которой протекают процессы симуляции, обмена формально пустыми знаковыми сообщениями. Мода, являясь социальным регулятором, уже не просто регулирует социальные отношения, а выстраивает, конструирует принципиально новые, в которых следование модным стандартам и потребление модных объектов становится главным смыслом, обязанным приносить удовольствие. От этого происходят изменения в социальной структуре, появляются новые статусные группы, а социальная дифференциация становится бимодальной.

Литература

1. Гофман А.Б. Мода и люди: Новая теория моды и модного поведения. 3-е изд./А.Б. Гофман М. и др. – СПб: Питер, 2004. – 208 с: ил.
2. Спенсер Г. Обрядовые учреждения // Синтетическая Философия / В сокр. излож. Коллинза Г. – Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1997. С. 312 – 329.
3. Спенсер Г. Обычаи и приличия // Опыты научные, политические и философские / Пер.с англ. под ред. Н.А.Рубакина. – Минск: Современ. литератор, 1998. С. 930 – 976.
4. Веблен Т. Теория праздного класса/ Пер. с англ., вступ. ст. и примеч. Сорокиной С. Г., общ. ред. Мотылева В.В. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
5. Зиммель Г. Мода // Избранное: Т.2. Социализация жизни. – М.: Юристъ, 1996. С. 266 – 291.
6. Зомбарт В. Народное хозяйство и мода/ Пер. с нем. Э.М. Зиновьевой // Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. С. 321 – 343.
7. Блумер Г. Мода: от классовой дифференциации к коллективному отбору // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал Социология: Серия 11. – М.: ИНИОН РАН, 2007. №2. С. 127 – 149.
8. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.
9. Любимов Т. Б. Мода и ценность // Мода: за и против./ Под ред. Толстых В. И. – М., 1973. С. 67–76.
10. Ильин В.И. Креативный консюмеризм как тренд современного общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т.14. №5. С. 41–54.
11. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
12. Бодрийяр Ж. Общество потребления: Его мифы и структуры / Пер.с фр., послесл. и примеч. Е.А.Самарской. – М.: Республика, 2006. – 272 с.
13. Бодрийяр Ж. Система вещей / Пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Рудомино, 1995. – 174 с.
14. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Перевод с французского Л.Любарской, Е.Марковской – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
15. Бронзино Л. Ю. Герберт Маркузе и Жан Бодрийяр: теоретико-методологический анализ концепта общества потребления // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т.8 №4.
16. Козловский В.В. Общество потребления и цивилизационный порядок современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т.14. №5. С.55–65.
17. Бодрийяр Ж. Символический обмен или смерть/ Пер. и вступ. ст. С.И. Зенкина. – М.: Добросвет, 2000. – 392 с.
18. Иванов Д.В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т.14. №5. С. 9–28.
19. Ильиных С.А. Ключевые понятия общества потребления: исследование с позиции социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т.14. №5. С. 29–40.

Фактор бытия в теистических учениях русской православной мысли о личности

Сизинцев П.В.

Рассмотрен фактор бытия в учении профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова о личности, а также личных свойствах Бога и человека. Автором показано его научное творчество в умозрительной психологии и религиозной философии с рассмотрением вопросов самосознания, личных свойств и религиозно-философских представлений о личности. Рассмотрена психологическая структура личности человека, состоящей из эмпирической личности, идеальной личности и объединенных самосознанием «Я» человека. Статья рассматривает взгляды И.П. Четверикова христианско-теистического и психологического направления. Оригинальность исследования имеет максимальную степень, так как никем исследований философского наследия И.П. Четверикова в научной среде практически не проводилось.

Ключевые слова: самосознание, этика, личность человека, философия, нравственность, психология, христианская мораль, любовь.

Sizintsev P.V.

The factor of being in theistic doctrines of Russian Orthodox thought about personality

The factor of being in the teaching of Professor of psychology of the Kiev Theological Academy I. P. Chetverikov about personality and personal properties of God and man is considered. The author shows his scientific creativity in speculative psychology and religious philosophy with consideration of questions of self-consciousness, personal properties and religious and philosophical ideas of the person. The psychological structure of a person's personality, consisting of an empirical personality, an ideal personality and United by the Self-consciousness of a person, is considered. The article considers the views of I. P. Chetverikov Christian-theistic and psychological direction. The originality of the study has the maximum degree, since no one studies; the philosophical heritage of I.P. Chetverikov in the scientific community has been practically carried out. Keywords: Self-consciousness, ethics, human personality, philosophy, morality, psychology, Christian morality, love.

Учение профессора психологии Киевской Духовной Академии И.П. Четверикова о человеческой личности утверждало позицию, согласно которой подлинно сущим выражением бытия является самосознание «Я» у человека. В рассуждениях профессора о тождественности бытия и сознания в душевно-телесном единстве человека было важно, чтобы естество природы соотносилось с общим обликом человека, и понятием о «неразложимом единстве» его «Я», способном управлять природой человека. Внутренняя жизнь и ее «свобода, духовная мощь, внутренняя гармония личности» [Четвериков, 1903, 148] определяет характер проживания человеком своей внешней жизни, отражая в ней стремление к идеальным целям и ценностям. Ибо свобода есть независимость от внешних мотивов, и самоопределение себя по безусловным началам нравственности, а «самобытность внутренней жизни личности есть необходимое условие личной свободы» [Четвериков, 1903, 303].

Отметим очевидную преемственность идей И.П. Четверикова от интуиций русского антрополога А.С. Галича. У него описано личное начало как метафизическое «существо», присущее каждому человеку и проявляемое через его самопознание. А.С. Галич интуитивно признавал наличие в человеке единого управляющего начала над его естеством и высказал идею управления («сообразования») естеством, т.е. природой со стороны некоего «существа», в составе человека, имеющего самостоятельный статус бытия. Ибо «Я знаю, что живу, обнаруживая свою деятельность, проявляя свою жизнь для себя и для других. Но подмечаю в себе и жизнь особенную, в самих проявлениях моей личности» [Галич, 1834, 37-38]. Он обозначил субъект управления души и тела, присутствующий в самосознании человека также «существом». И апеллировал к «самодействующему внутреннему

началу, которое направляет природное и человеческое развитие по движению силы животворной». Для подлинного бытия человека необходимы сознание самого себя, внутреннее согласие воли человека с самосознанием, а также постоянное стремление к личной свободе и творчеству. Это и составляет «самодействующее» внутреннее начало «Я», что очень близко учению И.П. Четверикова о личности человека как разумно-свободном личном начале духовной жизнедеятельности, необходимо обладающим всей полнотой истины.

Личное начало выражается через бытие личного «Я». Это бытие не является статическим соединением идеального и реального бытия, ибо если их элементы взаимно заменяются, то «Я» неизменно пребывает в каждой их группе. Тогда три первичных элемента личного сознания — идеальное бытие, реальное и субстанциональное «Я — бытие» гармонично «соединяются в одно целостное понятие бытия». При этом идеальное и реальное бытие коррелятивны и существуют только вместе в сознании человека и исключительно в единстве человеческого «Я». Четвериковым указано на внутреннее объединяющее начало в Боге, как на носитель Его личностных свойств: Бог есть самосознающее начало, а центр его «живое «Я», ибо идеи могут объединяться только живым, мыслящим началом» [Четвериков, 1903, 317]. Это понятие бытия не исчерпано ни реальным бытием (материализм и позитивизм), ни идеальным бытием (идеализм), ни тем и другим вместе (спинозизм). Бытие для И.П. Четверикова есть совокупность и субстанциональное единство содержания объектов и деятельностей. При этом идеям придается регулятивно-конструктивное значение для осознания. Через индукцию частных фактов человек приходит к общим выводам и понятиям, связно и осмысленно представляющих окружающий мир. Присутствие в мире через творчество, участие в общественной жизни дает человеку радость бытия.

В учении И.П. Четверикова о личности самосознание бытия и свободно-нравственная человеческая деятельность объединялись в «главном элементе личности — чувстве любви» [Четвериков, 1905, 5, 160]. Поэтому, личность человека не должна быть замкнута только на себе, но обращена во внешний социум. Отсюда истекает такое свойство личности как социаль-

ное общение. Человек становится побуждаем своим личным «Я» к свободе и творческой самостоятельности, общественной деятельности и жертвенной вере, дабы придать этический смысл своим действиям и проявлениям в виде опытных человеческих переживаний. При этом он руководствуется в своей «волевой деятельности жаждой личной радости, но это не единственный мотив, определяющий жизнь личности» [Четвериков, 1997, 2, 338]. В нем стремление к идеалу и живой человеческий опыт слиты воедино и предстают собой целостность личностного бытия человека. Изучая идеальные черты природы и благодаря априорным человеческому сознанию идеям, человек формирует в себе понятия и представления об идеальном бытии. Критерием субъективной и объективной истины в этом случае является не согласие построенного мышления с опытом, а согласие разума с условиями и нравственными требованиями познающего духа. Истина при этом определяется внутренней логически необходимой связью с целостной системой мировоззрения. Понятие о Боге строится через исследование данного в опыте бытия в контексте боговдохновенных идей. Ибо в вопросе о Боге как абсолютной Личности необходимо знание Откровения. Истинность понятия определяется его логически необходимой связью с основными постулатами философской системы И.П. Четверикова, что требует необходимости анализа понятий абсолютности и личности. Их имманентная связь между собой и с конечным бытием человека (временность, протяженность) служит гарантией и основой признания реального бытия абсолютной личности.

В трудах И.П. Четверикова понятие абсолютного достигается через рассмотрение всего бытия мира как единого целостного организма, объективности форм человеческого мышления, господства принципа разумности и целесообразности. Это причина законосообразности всего реального бытия. В человеке устремления природы, которым подчинена жизнь тела, должны управляться идеальными целями его личности. Но и в мире, инстинкты животного мира и жизнь мира растений должны подчиняться человеческой личности. Тесная связь бытия и порядка в гармоническом единстве целесообразности бытия у И.П. Четверикова доказывают бытие абсолютной Личности, принимая, что

целостность бытия является теистическим доводом для обоснования реального бытия личного Бога. У человека же «личность заключается в границах бытия, ограничивающей его существо. Это самообладание, самосознание, соединенное с самоопределением и самоощущением» [Сильвестр, 1867, 3, 349] опытных переживаний. Эти тенденции мысли привели теологическую науку к отождествлению понятия «личность» и самосознания, в котором «Бог есть абсолютная духовная субстанция, которую три отдельных самосознания Лиц сознают, как свою. Смыслу слова ипостась соответствует понятие самосознания» [Мелиоранский, 1912, 2, 204]. Считалось, что в человеке «ипостась есть духовная личность, единое самосознающее я» [Соколов, 1916, 330]. И именно оно направляет самобытные, свободно коренящиеся в природе человека помыслы, чувства, действия. Таким образом, самосознание «Я» формирует образ бытия природы человека. Целостное бытие для него есть бытие целесообразное, и носит на себе отображение абсолютного личного начала, отсюда и его причиной может быть абсолютное Существо.

Ибо так как мир носит на себе отпечатки разумности, блага и красоты, и поскольку для человеческой личности он представляет разумное, свободное и целесообразное бытие, «поскольку и абсолютная первопричина необходимо должна быть началом разумным, с абсолютной свободой, бесконечной святостью и блаженством» [Четвериков, 1903, 297]. Мир – бытие несамобытное, как и человек, который будучи свободным, способен навести в нем хаос и разрушить его гармонию и самого себя. Поэтому, и мир и человек нуждаются в систематическом руководстве со стороны Бога как абсолютной Личности, которая поддерживает его целесообразность и управляет ею.

Учение И.П. Четверикова о личности следует принципу единства и целостности православного учения: человек, соединяет духовный мир и земной мир. Он должен жить, проверяя и познавая себя самосознанием, а также опытным сознанием переживаний, ища оптимальный путь управления своей душой и телом. Действия «Я» как носителя личного начала проявляют в человеке свойства любви, разума, свободы, открытости, творчества и самосознания. «Я» выражает в человеке внутреннее единство тела и души,

задавая непрерывность личного бытия. Человек каждый миг своего бытия принадлежит или сфере внутренней жизни, или обращается вне себя – в окружающий его бытие мир. Его «личное существование дано в непосредственном сознании, которое совпадает с реальным бытием». Это сознание ощущает любые личные переживания бытия, как конкретное «Я» человека, отражая двойственность, бытия человека и внутреннего мира. И.П. Четвериков доказывал онтологичность состояния «Я» утверждая и доказывая, что материал для представления о понятии бытия дан «только в непосредственном сознании» [Четвериков, 1905, 9, 127-128].

В качественном отношении личность человека представляет собой ограниченную форму существования, ибо характеризует исключительно деятельно-феноменальные проявления бытия, демонстрируя линию особого поведения, мотивируемую верой и творчеством, любовью, нравственными поступками и свободой воли. Человеческое «Я» по мысли Д. Юма есть уникальные деятельность, состояния, свойства, ибо только сформированная опытом причинность поступков связывает ряд представлений и ощущений в единую группу, образующую самосознание «Я». Ибо, человек сознает свое «Я», понимая себя лично, он отличает себя, как конкретного субъекта бытия от той связанности окружающих его понятий, которую именуют объектом. Понятие себя у человека складывается постепенно, приводя его к выводу о собственной личности, как истока поведения, суммирования поступков и явлений, и сложных взаимосвязей воли и переживаний. Существование человека и мира по учению И.П. Четверикова является собой высший промысел Бога, который даже зло от неверного употребления человеком своей свободы, творчества и воли способен направить на благо.

Таким образом, в рассмотрении идеи абсолютной Личности И.П. Четвериковым обоснован теистический вывод о том, что целесообразность мира свидетельствует о живом личном Боге. Сотворенный мир неизбежно предполагает свою абсолютную Первопричину, творчески-промыслительную, трансцендентную в отношении к миру, имеющую личное начало. Но личные свойства Бога сами по себе имеют абсолютный источник и характер и никоим образом не зависят от конечного и временного

тварного мироздания. Смысл уникальности бытия человека как разумно - свободной личности в его историчности и временности. Непредсказуемость, временность и иррациональная свобода выбора составляют [Кьеркегор, 2012] основную ценность человека, его незаменимость и подчеркивают историчность бытия. В этом отношении идеи И.П. Четверикова близки к идеям его современника А. Бергсона. «Закрытая» мораль обслуживает требования социального инстинкта, когда личность по А. Бергсону приносит в жертву коллективу. В условиях «открытой» морали приоритетным становится проявление нравственных, религиозных и эстетических ценностей. Но если А. Бергсон не смог разрешить проблему человека, который будучи связующим элементом духовной и материальной реальности, оказался несовершенно [Бергсон, 1994], то И.П. Четвериков видел эту связанность как раз в понятии личности. Именно через понятие «личность», характерное как для абсолютного Бога, так и для человека, как сотворенного по образу Божию, Бог и человек всегда взаимосвязаны друг с другом. Человек в его размышлениях по отношению к Богу признавал в Нем идеал нравственности, а его творческая деятельность, рассматривалась как важнейший элемент в структуре личностного бытия.

В самосознании «Я» бытие становится бытием в себе и для себя, бытием само-проникновения в себя. Центр «Я» объединяет систему ценностей «идеальной личности» и целостность переживаний «личности эмпирической», как составляющих реальную личность человека. Система взглядов И.П. Четверикова строится на понятии переживания как стихийного само-проявления личностного бытия. Душа множественна, личность и ее выражение «Я» едина, но обе они количественно не определяемы во внутренней структуре единства целостного бытия человека. Самосознание «Я» как синтез проявления личных черт свободы и творчества, святости и любви, отражающие стремления «идеальной» личности в человеке, связует в своем единении переживания опытного сознания и сферу абсолютного бытия. Личность таким образом проявляет онтологическое единство личных свойств, феноменальных переживаний и абсолютно-ноуменальных представлений об идеалах, выражая его в самосознании человека.

В отношении конкретного человека его личность и ее абсолютные элементы соединены с ограниченной тварной душе-телесной природой. Но это соединение и делает человека как личность конкретно-реальным онтологическим началом, обладающим всей полнотой субъектного бытия. Человек с момента рождения призван дать проявиться своей личности, всем ее элементам, чтобы реализовать таланты и усовершенствоваться способностью своей природы. Это достигается в межличностном общении и преодолении эгоистических наклонностей. Индивидуальность должна перерасти в развитие личности, заменяясь стремлением человека к идеалу в свободном следовании нравственным заповедям. Индивидуум таким образом, становится личностью постольку, поскольку он выражает разумно-свободное универсальное начало, проявляя в своем поведении элементы личного характера. Эти свойства объединены в человеке самосознанием «Я», выражающим творчество, веру и любовь, свободу, самопознание и навыки опыта, как переживания бытия.

Личность объединяет в себе совокупность этих личностных свойств, а также направляет развитие свойств природы, опытно приобретенных человеком ввиду его потребности самоопределения и самоидентификации в обществе. Устойчивая совокупность природных свойств означает приспособляемость к социуму; Она выражается через самосознание «Я», представляя собой серию состояний, включающих потенциальные возможности субъективных ощущений, чувствований и желаний «Я» как носителя личности.

Включенность в сферу социальных отношений людей через общение как постоянный диалог человека с социумом формирует мнение о нем, как о личности через образ его бытия в совокупности впечатлений восприятия его внешности, речей и поступков, как субъективного представления о нем других людей. Мнение о личности человека в данном случае составляется окружающими, как своеобразное «зеркальное социальное отражение» от его общения. Это общественное мнение, формирующее социальную сферу бытия личности имеет двойную принадлежность, ибо относится и к человеку, имеющему лицо и социально-духовные черты, но и к образу о нем, выраженному во впечатлениях восприятия окружающих его людей.

Литература

1. Четвериков И., О Боге, как личном существе. – Киев: Издательство Типографии Н.А. Гирит, Трехсвятительская ул., д. 14, 1903. – 347 с.
2. Четвериков И.П. Учение о личном Боге с точки зрения этической ценности. // Труды Киевской Духовной Академии. 1905. № 5. - С. 147-158.
3. Четвериков И.П. Критический индивидуализм в русской философии. // Труды Киевской Духовной Академии. 1905. № 9. - С. 120-132.
4. Четвериков Иван. Из лекций по общей психологии. // Русская религиозная антропология: в 2 т. // 2 т. – М: Московский Духовный Фонд, Московская Духовная Академия, 1997. - С. 334-343.
5. Бергсон, А. Два источника морали и религии. – М: Канон, 1994. – 384 с.
6. Галич А.И., Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1834. – 686 с.
7. Кьеркегор С., Понятие страха. – М.: Академический проект, 2012. – 217 с.
8. Мелиоранский Б.М. Из лекций по истории и вероучению Древней христианской Церкви. - СПб. Выпуск 2. 1912. - С. 145-288.
9. Сильвестр (Малеванский), архиеп. Несостоятельность новейшего пантеизма в решении существеннейших для человека вопросов. // Труды Киевской Духовной Академии. 1867. Т. 3. Июнь – Июль.
10. Соколов В., свящ. Леонтий Византийский. Его жизнь и литературные труды: опыт церковно-исторической монографии. - Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916. - 360 с.

Применение сетевого подхода к изучению глобальных городов

Сушко В.А.

В статье раскрывается разработанность и важность применения сетевого подхода при анализе глобальных городов. В настоящее время особый интерес вызывает феномен крупных городов, которые имеют глобальное значение и явно выделяются по-своему мирополитическому потенциалу, роли, функциям на фоне других городов. Раскрыты теоретические вопросы использования сетевого подхода при анализе глобальных городов многими учеными, теоретические подходы к пониманию глобальных (транснациональных, урбанистических) сетей.

Ключевые слова: сетевой анализ, глобальные города, социальное взаимодействие, сеть мировых городов.

Sushko V.A.

Application of the network approach to the study of global cities

The article discusses the development and importance of applying the network approach in analyzing global cities. At present, of particular interest is the phenomenon of large cities, which have global significance and clearly stand out in their own world-political potential, role, functions, compared to other cities. The theoretical issues are revealed of the use of the network approach in the analysis of global cities by many scientists, theoretical approaches to the understanding of global (transnational, urban) networks.

Key words: network analysis, global cities, social interaction, world city network.

Сетевая теория и методы анализа сетей продолжительное время используются в социологических исследованиях применительно к сетям социального взаимодействия. Также модель сети нашла широкое применение в изучении развития внутригородской дорожной сети, в изучении организационного поведения, в экономической социологии. Однако, по мнению автора, научно-исследовательский потенциал сетевого подхода применительно к изучению глобальных городов и мировой системы городского расселения в целом до сих пор не был раскрыт и использован должным образом. Здесь и далее под сетевым подходом мы понимаем не использование метафоры сети и формальных методов сетевого анализа, а более глубокое понимание сети как внутренней фундаментальной функционально-организационной структуры сложной системы. Таким образом, необходимым становится сопряженное рассмотрение теории глобального города и сетевой теории, а также вытекающих из нее методологических принципов сбора, анализа и интерпретации фактов. Отдельные элементы и приемы анализа сетей и ранее применялись при изучении глобальных городов, но в данной работе осуществлена попытка внедрения теории и методологии сетевого анализа, а не только его отдельных инструментов, в изучение глобальных городов.

Применение сетевого подхода, предположительно, может решить не только отдельные методологические и методические вопросы, но также и продвинуть вперед теорию глобальных городов и понимание природы и закономерностей развития данного явления.

Тема применения сетевого подхода в исследованиях глобальных городов, на первый взгляд, кажется широко обсуждаемой в научных работах, как последних лет, так и более раннего периода. Постоянное употребление слов «иерар-

хия», «сеть глобальных (мировых) городов», «узлы», «система», «конкуренция и кооперация», «изучить межгородские связи», «сравнить положение городов в сети» указывают на использование сетевой модели глобальных городов в качестве основного теоретического объекта исследований в рассматриваемой области. Буквально в каждой современной статье по глобальным городам неоднократно встречается слово «сеть», также очень распространенным, благодаря публикациям П. Тэйлора и его коллег, стало понятие «world city network» - сеть мировых городов. Хотя многочисленные авторы говорят о применении методов сетевого анализа, кластеризации, оценки положения города в сети глобальных городов, тем не менее, мало внимания в связи с этими исследованиями было уделено рассмотрению теоретических оснований применения сетевого подхода к изучению глобальных городов.

Теоретические вопросы использования сетевого подхода раскрывали программные статьи таких известных ученых как Дж. Фридман [8. С. 309–344] и П. Тэйлора с соавторами [21. С. 35–56], обобщающие и комментирующие результаты многочисленных исследований по глобальным городам. Также следует отметить работы Б. Дерриудера отдельно [4. С. 559–574] и в соавторстве с Ф. Уитлоксом [6. С. 22–32], и статьи Дж. Шорта [14. С. 697–717], посвященные проблеме сбора, анализа и интерпретации данных при изучении глобальных городов, которые включены в методологический дискурс. В совместной статье Б. Дерриудера и Ф. Уитлокса было указано на работы французских авторов по проблеме глобальных городов, в частности, Н. Каттана [3. С. 32–43], С. Розенблатта, Д. Пумэна [11. С. 1691–1709], которым уделяется мало внимания в англо-саксонской традиции изучения глобальных городов.

Сетевой анализ позволяет изучать социальные взаимодействия путем выделения структур отношений не только между индивидом и группой, а также и взаимодействий среди больших социальных групп [2. С. 78–88].

В литературе по теме исследования сетей глобальных городов существует несколько подходов к пониманию глобальных (транснациональных, урбанистических) сетей. Так, в работах Дж. Фридмана и П. Холла 90-ых годов встречается прямое указание на то, что эти ав-

торы включали в понятие мировых городских сетей не исключительно глобальные (мировые) города, но также и другие города [20. С. 328]. Взаимодействие является основным процессом, который влияет на конфигурацию глобальной сети городов. Конкуренция между городами происходит на уровне борьбы за размещение капитала, производства, административного офиса, аэропорта, в то время как сотрудничество, кооперация между городами становятся неизбежны хотя бы в силу процессов глобализации, неравномерного развития и насыщения ресурсами различных регионов мира. Если не рассматривать города как акторы, которые принимают решение о взаимодействии в рамках агентской сети, то мы неизбежно переходим на мезоуровень и далее – на микроуровень социальных сетей. Разработанный в новой экономической социологии М. Грановеттером сетевой подход к анализу экономических действий требует рассмотрения действия фирм и других экономических агентов в контексте действий, укорененных в социальных сетях [9]. Действительно, нам и в обычной жизни встречается множество случаев, когда личное знакомство определяет некоторые аспекты размещения, функционирования бизнеса и принятия решений. Таким образом, мы приходим к парадоксальному утверждению о том, что в конечном итоге конфигурация глобальной сети городов формируется на основе социальных связей микроуровня. С этой точки зрения, анализ деятельности ТНК и сервисных компаний является лишь одной из многих возможностей анализа социальных связей, которые имеют трансграничный характер. При таком подходе более значимую роль начинают играть геополитический, культурный, этнический аспекты, а также исторический опыт взаимодействия любых двух акторов (национального, корпоративного или персонального уровня).

Отдельные исследования были посвящены анализу положения городов в сети межгородских связей с точки зрения теории графов. При этом исследуются такие топонимические по своей сути понятия как центральность, кластеризация (клики) и так далее [13. С. 2257–2285]. Одна из работ формулирует теоретические основания для использования методов сетевого и кластерного анализа, а также теории графов, при анализе накопленной фактической инфор-

мации в базе группы GaWC [5. С. 72]. При этом теоретическое понимание узловой роли городов в данной сети остается неизменным. По данным Б. Дерриудера и П. Тейлора, в тройку глобальных городов на вершине мировой иерархии вместо Токио вошел Гонконг. Авторы используют теорию графов и ее основные понятия для определения и визуализации конфигурации сети. Выделяя три формы потоков в сети – человеческий, материальный и информационный – и четыре функции потоков – экономическую, политическую, культурную и социальную – авторы предлагают оценивать двенадцать различных потоков предложенным методом. Основным достижением этой работы является использование адаптированных подходов анализа социальных сетей и аналитических средств сетевого анализа для изучения сетей глобальных городов. Однако, возникают сложности при интерпретации реальных связей, которые существуют между городами, выделенными в результате анализа в кластеры (группы), связность в которых выше, чем с другими участниками сети. Таким образом, при использовании адекватного теоретического и математического аппарата дальнейшая работа лежит в области сравнения полученных результатов с той качественной информацией об укорененных связях в сети, которую мы пока не имеем возможности операционализировать в виде коэффициента или показателя.

В числе исследований сетей глобальных городов важное место занимали работы открытой исследовательской группы GaWC – Globalization and World Cities – организованной П. Тэйлором. На сегодняшний день существует порядка 430 бюллетеней GaWC, каждый из которых содержит результаты исследований по глобальным городам, их связям и соотношению. Обобщенные результаты исследований по модели П. Тэйлора публиковались в виде статей [7. С. 875-886].

Теоретической моделью для применения сетевого анализа к изучению глобальных городов стала трехуровневая модель пересекающихся связей, предложенная П. Тейлором. Взаимоотношения в системе глобальных городов определяются тройственной структурой сети (мировая экономика, города и фирмы – акторы). Поскольку развитие глобальных городов является, в первую очередь, экономическим процес-

сом, где агломерации выступают как узловые пункты, возникает вопрос о характере их взаимодействия. Исследователи сходятся во мнении о наличии двух типов связи в сети глобальных центров. Во-первых, это конкуренция за привлекательность для основных акторов мировой экономики, то есть, за размещение возможно более крупных и могущественных подразделений международных организаций. Во-вторых, это прямое сотрудничество между отдельными городами, без которого невозможно формирование и сохранение транснациональной урбанистической системы. Такое же двойственное взаимодействие характерно и для международных фирм, одновременно стремящихся к наиболее выгодным позициям на мировом рынке и вынужденных кооперироваться для достижения максимальной эффективности. Глобальные города также рассматриваются в качестве конфликтогенных пространств, где сталкиваются интересы мирового бизнеса, местных властей и местного населения. Примером такого исследования может служить работа А. Соренсена, посвященная историческому развитию и современному состоянию системы управления городским пространством Токио в контексте его развития как глобального города [19].

Таким образом, лейтмотивом изучения мировых, а затем и глобальных городов выступает акцентуализация внешних связей, в первую очередь, экономических, как ведущего импульса их развития. Глобальный город является продуктом современного этапа социально-экономического развития. Важнейшие признаки глобального города, выделенные в процессе развития теории: сосредоточение субъектов и видов деятельности, значимых с позиций мировой экономики и геополитики, человеческого потенциала и развития инноваций, ключевое транспортное и коммуникационное значение, преобладание постиндустриального производства в структуре экономики, высокая степень интегрированности последней в систему мирового хозяйства.

Синтезируя исследования в области социологии, макро- и микроэкономики, а также социально-экономической географии и урбанистики, теория глобальных городов органично вписалась в теоретическую систему исследований, посвященных изучению городских систем в макромасштабе. Однако при этом были использованы лишь отдельные элементы сетевого под-

хода. Так, города рассматриваются в качестве удобных территориальных площадок для деятельности акторов — транснациональных корпораций и фирм, оказывающих специализированные услуги производителям. Межгородскими связями считаются транснациональные связи между головными офисами и филиалами международных коммерческих и некоммерческих организаций, действующих по всему миру. Именно количественная концентрация подразделений таких организаций и их пространственное распределение по городам определены в теории мировых городов как основной фактор формирования глобальной городской сети. На этом основании и выстраивается методология исследований глобальных городов.

Наиболее распространенной, как уже было указано ранее, стала методика группы GaWC. В целом было выделено три метода измерения отношений между глобальными городами внутри сети:

- 1) анализ сведений ведущих деловых газет;
- 2) анализ данных интервью с предпринимателями;
- 3) анализ видов производственных услуг, включая такие, как юриспруденция и бухгалтерский учет.

Последний метод использовался наиболее интенсивно. Хотя он не отражал отдельных операций, но давал общее представление о пространственных стратегиях ведущих фирм. Участники группы GaWC пытались представить эмпирически постижимыми глобальные города как составные части всемирной и взаимосвязанной системы. Также применялся подход, при котором рассматривались глобально функционирующие фирмы, занимающиеся предоставлением услуг, и их транснациональные организационные сети. Важное значение также имела статистика международных пассажирских авиаперелетов между городами внутри сети. Были составлены модели внешних связей, позволяющие определить пространственные отношения между любой парой глобальных городов на основе конкретной сети — в случае с исследованиями П. Тэйлора, такой сетью являлась сеть международных сервисных фирм — акторов.

Результаты расчетов показали следующее:

- 1) безоговорочное лидерство Лондона и Нью-Йорка по степени вовлеченности в глобальную сеть городов,

- 2) неравномерное распределение ключевых узлов сети.

Наиболее интегрированные в глобальную сеть города концентрируются в Северной Америке, Западной Европе и Восточной Азии. При этом историческое значение европейских городов как исходных пунктов всемирной экономической деятельности отражается в большом числе центров предоставления услуг с различной степенью вовлечения во всемирную сеть. Напротив, в Восточной Азии немногие города интегрированы в сеть, но при этом с высокой степенью вовлеченности. Вне трех доминирующих в мировой экономике регионов сильно интегрированных городов практически нет. Таким образом, были выделены три основных подсистемы в мировой системе глобальных городов:

1. Западноевропейская подсистема, которая характеризуется долгой историей развития, при этом разные города играли роль главных центров региональной экономики. В 18 в. ведущее значение имели Берлин, Рим, Антверпен, Генуя, сейчас же эти города потеряли свою ведущую роль. Европа — система отдельных национальных государств, разделенных языком и культурой, чего нет в случае стран более крупного масштаба (например, США, Китая, Бразилии, и др.). Барьеры государственных границ, языка и культуры способствуют сохранению замкнутых городских систем. В Европе малые столицы, такие как Брюссель, Копенгаген, Стокгольм, Хельсинки, Вена и Лиссабон, осуществляют контроль над обширными национальными территориями, концентрируя учреждения надгосударственного управления и средства массовой информации в той мере, которая не соответствует их размерам. К этому добавляются случаи традиционной специализации (Цюрих и Франкфурт-на-Майне — банковское дело, Милан — мода, Париж — искусство). В итоге, в национальной системе городов отсутствует четкая иерархия, но представлены все возможные функции глобальных городских центров, хотя они и распределены неравномерно, и невозможно выделить четкой закономерности в этом распределении, кроме исторической укорененности некоторых видов деятельности в конкретных городах. Центром западноевропейской подсистемы остается Лондон как главный глобальный город. Несколько меньшее значение имеет Париж, второй уровень иерархии образуют го-

рода долины Рейна от конурбации (“созвездия” городов) Ранштадта (Амстердам, Брюссель) в Нидерландах до Франкфурта-на-Майне и Цюриха.

2. Американская подсистема. Американский узел глобальных городов – наиболее крупный, наиболее развитый, благодаря мощнейшим глобальным городам США. Центром американской подсистемы является сложная сеть развитых глобальных городов США, основанная на трех главных центрах: Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго, которые в свою очередь связаны с канадским Торонто на севере и Мехико и Сан-Паулу на юге, тем самым вовлекая Канаду, Центральную Америку и Карибский бассейн в круговорот американской и мировой экономики. Расположенные по контуру страны, глобальные города США образуют своего рода кольцо мировых центров. Многие американские города имеют огромный потенциал и в будущем претендуют на статус глобальных центров, например, Филадельфия, Детройт и другие.

3. Азиатско-Тихоокеанская подсистема. Азиатско-Тихоокеанская подсистема – самая молодая по времени образования – носит линейный характер и формируется по оси Токио-Сингапур. Заметна явно доминирующая роль столицы Японии, многочисленность и высокая динамика роста “второстепенных” глобальных городов. Крупнейшие города быстроразвивающихся новых индустриальных стран: Сингапур (крупнейший финансовый центр Юго-Восточной Азии) и Гонконг. В азиатскую подсистему также включают Тайбей, Сеул и Манилу.

Сосредоточение глобальных или региональных штаб-квартир компаний не является единственным важным критерием для определения степени интегрированности города в глобальную сеть. Многие города приобретают особое значение за счет своего положения в сети, в частности, в результате выполнения посреднических функций между глобальными и региональными рынками и потоками информации. Такую функцию выполняет, например, Москва, имеющая невысокий рейтинг в сравнении с мощнейшими глобальными городами, однако, находящаяся вне конкуренции на постсоветском пространстве. Это объясняется жесткой иерархической соподчиненностью в сети городов и распределения власти и ресурсов, которая была характерна для системы расселения СССР, и во

главе которой находилась Москва. Таким образом, проявляется историческое наследие и особенности национальных городских систем.

В целом результаты эмпирических исследований по многим разрозненным параметрам совпадают. На общем фоне заметно выделяются порядка 50 глобальных городов, которые образуют каркас экономической, геополитической, демографической и культурной структуры глобальных процессов. При этом за все годы исследований не были выделены единые, согласованные и принятые параметры выделения и оценки глобальных городов. Все попытки выявить иерархические тенденции сводятся к анализу иных иерархических систем – внутрифирменных, политических, информационных, транспортных, и так далее. Мы можем наблюдать, что обилие информации не приближает нас к пониманию сути происходящих событий и возможности прогнозировать дальнейшее развитие процессов и управлять ими.

Также многие ученые выдвинули сеть в качестве внутренней структуры экономической деятельности на первый план. В частности, понимание этих процессов подробно изложено в статье Н.С. Мироненко о сетевых и иерархических структурах, где он указывал, что «контроль над сетями и потоками становится важнее контроля над физическим пространством. Сетевые территориальные и встроенные в них управленческие механизмы экономической деятельности связаны с рыночными отношениями, функционирующими в условиях современных информационно-коммуникационных достижений. На смену традиционным иерархическим (командным, дивизионным) системам управления и территориальной организации в сетевых образованиях приходят т.н. диссипативные системы менеджмента, основанные на доверии и снимающие элементы бесконтрольности. Таким образом, сеть как организационная структура существует за счет передачи (делегирования) полномочий по принятию решений от центра к полупериферийным и периферийным узлам. Гибкость развития территориальных систем (национальных фирм, транснациональных корпораций и их альянсов.) обеспечивается за счет модульного (распределенного) контроля вместо одностороннего наращивания командной организационной структуры. В реальной практике фирм и корпораций используется комби-

нация двух структур организации (управления и самоуправления)» [1. С. 231].

Как отмечает в своей работе Д. Пумэн, понимаемая под иерархией простая последовательность объектов, в которой один объект превосходит последующие по некоей нормативной характеристике, тем не менее, не избавляет нас от более жесткой коннотации слова «иерархия», подразумевающей наличие упорядоченности, соподчиненности и, таким образом, проявляющейся в функциональных взаимосвязях элементов внутри некоторой системы [10].

Д. Смит и М. Тимберлейк своими работами конца 1990-ых – начала 2000-ых годов внесли наибольший вклад в развитие концепции сетевой структуры мировой системы городов. Вопрос о соотношении иерархической и сетевой структур широко обсуждался в их статьях. Спустя 20 лет использования Мир-Системной теории, фокус исследований сместился в сторону понимания городов как простых объектов, подверженных влиянию глобальных сил [16. С. 287-302]. Ученые пришли к пониманию важности мирового экономического устройства в пространственной организации, размещении городов и распределении их функций. Теория глобального города выдвинула на первый план роль крупнейших городов как узлов глобального производства, потребления, обмена и контроля, а также высокую вероятность того, что изучение системных устойчивых связей между городами укажет на пространственную организацию Мир-Системы. Основным методологическим фреймом, который понимался как наиболее продуктивный и многообещающий способ анализа и нанесения на карту глобальных межгородских связей, был назван формальный сетевой анализ на основе данных об авиаперелетах.

В 1992 году, используя данные о международной торговле, Д. Смит и М. Тимберлейк применили количественный анализ сети потоков товаров, чтобы описать роли стран и глобального разделения труда в мировой экономической системе [18. С. 857-893]. Эти данные продвинули вперед их исследования, позволив ввести новую меру постоянной эквивалентности, то есть достичь более совершенного результата с точки зрения методологии за счет операционализации роли национального государства в системе мировой торговли. Сопоставление данных за разные периоды позволило придать динамики дан-

ному исследованию, результаты которого соответствовали теоретическим ожиданиям развития мировой системы. Анализируя изменения, произошедшие в сетях и иерархиях городов с 1977 по 1997 годы, Д. Смит и М. Тимберлейк, используя формальный анализ сети, интерпретировали данные о пассажиропотоках в авиаперевозках между крупнейшими городами мира для шести периодов, и затем обрисовали динамику изменений в сетях и иерархиях городов. В результате их исследование показало, что при постоянном составе верхнего яруса (Нью-Йорк, Лондон и Токио) изменения в нижних ярусах были очень динамичными, и перераспределение потоков проходило крайне неравномерно в пространстве и во времени [17. С. 1656-1678].

В своей работе 2003 года Р. Смит предложил на основе критики подходов П. Тэйлора и М. Кастельса продвинуться еще дальше в концептуализации и эмпирическом анализе глобальных городов и их сетей через привлечение к анализу литературы по сетям акторов (actor-network theory) [15. С.25-44]. Основной идеей представленной работы является конструирование новой сетевой модели системы глобальных городов. Важной особенностью является изменение понимания роли города в данной сети. По мнению автора, город следует понимать как связь, лежащую в потоке пространства/времени. При этом реальными связями, которые необходимо анализировать, должны выступать связи внутри социальной сети. Такой подход дает нам возможность уравнивать пространственные данные с данными о связях, характеризующих все потоки из вышеописанной модели. Социальные явления сегрегации, поляризации и формирования «параллельных миров» локального и глобального на единой территории глобального города при таком подходе могут быть математически описаны в терминах теории графов как кластеризация индивидов по группам общественных, профессиональных, культурных, национальных, имущественных и других интересов. Рассмотрение пространства и времени – двух различных, на первый взгляд, измерений, – обосновывается развитием информационных технологий, трансформируя феномен «сжатия расстояния» в методически полезный инструмент. Действительно, на информационные потоки в современной сети Интернет практически не влияют ни рас-

стояние, ни время. Географическое расстояние между двумя городами можно определить также в терминах времени как длительность авиаперелета. Повышение мобильности населения, как в части миграций, так и в части роста числа и продолжительности перемещений высокопрофессиональных работников указывают на снижение роли пространства как фактора, препятствующего социальному взаимодействию, и, следовательно, формированию межгородских связей на макроуровне.

Таким образом, мы можем говорить о системе связей между акторами, выраженной в совокупности актов социального взаимодействия, определяемой существующими потоками ценностей, одновременно трансформирующей и овеществляющей их. Следуя логике описанной модели, мы получаем возможность учитывать при анализе мировой сети городов все типы доступных данных. В первую очередь, необходимо учитывать не только информацию о крупнейших международных предприятиях, но также и данные об отдельных домохозяйствах, чтобы совместить данные макро – и микроуровня. Связи представляются в виде направленных векторов. Поскольку все данные, в том числе и географические, можно представить в виде связи, в итоге мы получаем набор многомерных сетей, в котором пересекаются те или иные потоки.

В качестве возможных методов анализа данных можно выделить следующие анализируемые параметры, используемые при изучении социальных сетей взаимодействия:

- Гомогенность – это степень, с которой схожие участники формируют связи между собой в сравнении с несхожими. Схожесть может быть определена по половому признаку, расовому, возрастному, по роду занятий, достижениям, статусу, ценностям или по другим атрибутивным характеристикам.

- Множественность - это количество атрибутов, содержащихся в связи. Например, два человека, которые являются друзьями и работают вместе будут иметь множественность, равную двум. Множественность связана с прочностью отношений.

- Обоюдность – это степень, с которой двое участников отвечают друг другу взаимностью в сфере рассматриваемых взаимодействий.

- Закрытость сети - это мера полноты взаимосвязанных триад.

- Транзитивность – это присвоение индивидам степени закрытости сети (т.е. друзья двоих друзей также являются друзьями между собой). Транзитивность является следствием индивидуальной или ситуационной особенности, заключающейся в потребности закрытости.

- Соседство: склонность участников иметь больше связей с теми, кто находится ближе с точки зрения географии. При этом параметр соседства может оцениваться также и с точки зрения временной близости, что дает возможность внести элемент динамики и непрерывности в анализ социального взаимодействия.

Перечисленные параметры относились к анализу связей, который уже достаточно долгое время считается одним из главных и недостающих компонентов построения модели сети глобальных городов. Также возможно изучение параметров распределения, таких как:

- Центральность определяет вес («значительность» или «влияние») определённого узла или группы узлов в сети. Применяются общие методы измерения центральности: определение центральности по посредничеству, центральности по близости, центральности по степени, альфа центральности, центральности собственного вектора.

- Плотность - это отношение прямых связей в сети к общему потенциально возможному количеству связей.

- Расстояние - это минимальное количество связей, необходимое для соединения двух определённых участников.

- Структурные пробелы – это отсутствие связей между двумя частями сети.

- Сила связи определяется линейной комбинацией времени, эмоциональной интенсивности, близости и обоюдности. Сильным связям присущи гомогенность, родство и транзитивность.

Кроме того, возможно исследование параметров сегментации, которая может указывать, как было продемонстрировано в публикации П. Тейлора и Ф. Уитлокса, на повышенную связанность внутри группы и некоторый поток, на котором эта связанность основана. При этом группа связанных элементов определяется как «клика», если каждый индивид в ней напрямую связан с другим индивидом. Группа определяется как

«круг общения», если в ней меньше требований к прямому контакту, который может быть не определён. Группа определяется как структурно сплоченные блоки, если точность необходима. Помимо клика, также измеряют коэффициент кластеризации. Это мера вероятности, с которой два партнёра одного узла являются приятелями, то есть имеют между собой связь. Высокий коэффициент кластеризации соответствует значительной «кликности». Сплоченность измеряют, чтобы определить степень, с которой участники связаны напрямую друг с другом при помощи социальных связей. Структурная сплоченность означает минимальное количество участников, которые, будучи удаленными из группы, развалит группу. Особо следует отметить, что в конструируемой модели каждый город, с точки зрения предыдущих моделей сети глобальных городов, потенциально связан с каждым другим множеством разнообразных связей. Отсутствие такой актуальной связи является возможностью для взаимодействия и наглядно представляет тот самый ресурс взаимодействия в сети, о котором говорила С. Сассен [12] в теории глобального города как о важнейшем источнике развития глобальных городов.

Решением методологических проблем изучения глобальных городов является применение сетевого подхода не только как средства для обработки атрибутивных данных, но и как более широкого теоретического контекста и методологической основы исследования. Предлагается использовать теоретическую модель, которая свяжет воедино данные о компаниях, домохозяйствах и отдельных социальных взаимодействиях, используя следующую схему распределения информации на основе концепции пространства потоков:

- три формы потоков в сети – человеческий, материальный и информационный,
- четыре функции потоков – экономическая, политическая, культурная и социальная.

Пространственное распределение предлагается представить в виде сети точек, связанных географическими расстояниями. При переходе в сети, описывающие ТНК, международные организации и другие материальные объекты, пространственный слой становится одной из характеристик (свойств) объекта при его стационарном размещении.

Такой подход позволит использовать весь доступный объем информации для комплексного исследования глобальных городов.

Литература

1. Мироненко Н.С. Сетевые и иерархические структуры в экономике / Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013.
2. Сушко В.А. Социометрия и анализ социальных сетей // Социология. № 2. 2018.
3. Cattán N. Le monde au prisme des réseaux aériens // Flux. - № 58.
4. Derudder B. Mapping global urban networks: A decade of empirical world cities research // Geography Compass. – 2008. – Т. 2. – №. 2.
5. Derudder B., Taylor P. The cliquishness of world cities // Global Networks. – 2005. – Т. 5. – №. 1.
6. Derudder B., Witlox F. Data sources for analyzing transnational urban networks: a critical overview // Metropolis/ Flux. – 2007. – Т. 2. - № 68.
7. Derudder B., Taylor P. J., Witlox F., Catalano G. Hierarchical Tendencies and Regional Patterns in the World City Network: A Global Urban Analysis of 234 Cities // Regional Studies. – 2013. – Т. 37. - №9.
8. Friedmann J., Wolff G. World city formation: an agenda for research and action // International Journal of Urban and Regional Research. – 1982. – Т. 6. - №3.
9. Granovetter M. Social Structure and Network Analysis. – Sage, 1982; Networks and Organizations: Structure, Form, and Action. – Harvard Business School, 1992.
10. Pumain D. Introduction / Hierarchy in natural and social sciences. - Methodos series. – Т.3. – Springer. – 2006.
11. Rozenblat C., Pumain D. The location of multinational firms in the European urban system // Urban Studies – 1993. - №10.
12. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton U.P., 1991.
13. Shin K. H., Timberlake M. World cities in Asia: cliques, centrality and connectedness // Urban studies. – 2000. – Т. 37. – №. 12.
14. Short J. R. et al. The dirty little secret of world cities research: data problems in comparative analysis // International Journal of Urban and

Regional Research. – 1996. – Т. 20. – №. 4.

15. Smith R. G. World city actor-networks // Progress in Human Geography. – 2003. - Т. 27. - № 1.

16. Smith D. A., Timberlake M. Conceptualising and mapping the structure of the world system's city system //Urban Studies. – 1995. – Т. 32. – №. 2.

17. Smith D. A., Timberlake M. F. World city networks and hierarchies, 1977-1997 An Empirical Analysis of Global Air Travel Links //American Behavioral Scientist. – 2001. – Т. 44. – №. 10.

18. Smith D. A., White D. R. Structure and dynamics of the global economy: network analysis

of international trade 1965–1980 //Social forces. – 1992. – Т. 70. – №. 4.

19. Sorensen A. Building world city Tokyo: Globalization and conflict over urban space // The annals of regional science. - Springer-Verlag. - 2003.

20. Taylor P. J. Hierarchical tendencies amongst world cities: a global research proposal // Cities. – 1997. – Т. 14. - №6.

21. Taylor P., Witlox F., Derudder B., Catalano G. Beyond Friedmann's world city hypothesis: twenty two urban arenas across the world // Mitteilungen Der Osterreichischen Geographischen Gesellschaft – 2003. - № 145.

Краудсорсинг в социологических и маркетинговых исследованиях: становление, методология, кейсы

Фарахутдинов Ш.Ф., Горячев В.Н.,
Хузяхметов Р.Р., Колмогоров К.А.

Работа посвящена методу краудсорсинга, получающему распространение в маркетинговых и социологических исследованиях. В статье приводится сущность и краткий обзор становления метода, описываются области его использования. В статье описывается набор основных понятий, исходных положений и практик, составляющих теоретическую основу проведения исследований методом краудсорсинга. В частности, показана последовательность этапов реализации краудсорсингового проекта, рассмотрены поведенческие аспекты участников, основанные на модели «мотив-стимул-действие-поведение» (MIAB). Авторы разбирают несколько кейсов успешного применения краудсорсинга в зарубежной практике.

Ключевые слова: краудсорсинг, социологические и маркетинговые исследования, рекрутирование, MIAB.

Farakhutdinov Sh.F., Goryachev V.N., Khuziakmetov R.R.,
Kolmogorov K.A.

Crowdsourcing in sociological and marketing research: formation,
methodology, case studies

The article is devoted to the method of crowdsourcing, a wide-spread technique of engagement in contemporary marketing and sociological research, addressing its origin, essence and implementation field. The paper highlights a set of basic concepts, assumptions and practices, providing a methodological framework of crowdsourced research. The sequence of stages essential for realization of this method is provided. Behavioral aspects of participation are considered according to MIAB model (motive-incentive-action-behavior). Authors discuss several cases of successful crowdsourcing application in foreign practice.

Key words: crowdsourcing, sociological and marketing research,
recruitment, MIAB.

Термин «краудсорсинг» появился и стал широко использоваться относительно недавно, но уже сегодня стало понятно, что процессы и явления, скрывающиеся за этим словом, играют всё большую роль в жизни современного общества. Данное понятие обозначает организованную работу большой группы людей над какой-то общественно значимой проблемой и включает в себя самые разнообразные сферы человеческой деятельности, где краудсорсинг может применяться.

Несмотря на то, что базовой предпосылкой появления краудсорсинга стало развитие интернета и цифровых технологий, существуют примеры использования этого инструмента для решения общественно значимых проблем задолго до цифровой эпохи. Так, в 1714 году британское правительство объявило конкурс на лучший метод точного определения долготы на море. Этот способ решения научной проблемы существенно отличался от традиционных. Вместо того, чтобы профинансировать исследование данного вопроса соответствующими специалистами, власти предложили поучаствовать в решении данной проблемы всем желающим. В 1849 году, в рамках метеорологического проекта Смитсоновского института, была создана сеть из 150 добровольцев по всей территории США, основной целью которых было наблюдение за погодой. Для получения данных от волонтеров Джозеф Генри, первый секретарь Смитсоновского института, использовал теле-

граф. После сбора данных он создал карту погоды, которая позволяла ежедневно доносить информацию до широкой аудитории. Происходило это следующим образом, например, добровольцы, заметившие проходящий через Висконсин торнадо через телеграф отправляли данные о нем сразу в Смитсоновский институт. Данный проект считается основой создания Национальной метеорологической службы. В течение десятилетия проект набрал более 600 добровольцев и распространился на территорию Канады, Мексики, Латинской Америки и Карибского бассейна [13].

Один из самых ранних примеров краудсорсинга привёл знаменитый древнегреческий учёный Геродот в своём труде под названием «История». Он описывает ситуацию, когда в античном Вавилоне больных людей выносили на центральный рынок для того, чтобы прохожие делились знаниями о том, как побороть ту или иную болезнь. Приходящие за покупками люди расспрашивали страдающих об их заболевания, после чего давали больному советы и объясняли, «как они сами исцелились от подобного недуга или видели исцеление других», - пишет Геродот [2]. Подобные обычаи довольно долго существовали на Востоке.

Самым известным и масштабным краудсорсинговым проектом на сегодняшний день, пожалуй, является Википедия, содержащая около 50 млн. статей, написанных добровольцами по всему миру. Русскоязычный сегмент глобальной интернет-энциклопедии содержит свыше 1,5 млн. статей.

По-настоящему эффективным инструментом и социальной технологией краудсорсинг стал благодаря развитию информационных технологий. Только создание условий, обеспечивающих населению доступ к современным коммуникациям, позволило людям объединяться для совместной деятельности. Считается что термин «краудсорсинг» появился в 2006 году в журнале «Wired», в статье Джеффа Хау (Jeff Howe) «Восстание краудсорсинга» (The Rise of Crowdsourcing) [21], где автор предположил, что необходимую работу делают неоплачиваемые или малооплачиваемые профессионалы и любители, которые тратят своё время на создание контента, решение задач или даже проведение научных изысканий. С того времени термин эволюционировал и получил множество опре-

делений. С. Кинг характеризует краудсорсинг как «обращение к коллективному разуму общест-венности для решения актуальных задач» [18]. Ключевые черты краудсорсинга – это доброво-льность и удалённое участие; деятельность может быть различной сложности и содержа-ния, но она должна быть взаимовыгодной для организатора и участников [16].

Обсуждение идей, лежащей в основе «краудсорсинга», стало происходить чуть раньше изобретения самого термина. Знаковой работой, стала книга «Мудрость толпы» американского журналиста Джеймса Шуровьески, вышедшая в 2004 году. Одним из ключевых тезисов автора стало утверждение, что при правильно заданных условиях поиск решения какой-либо проблемы с опорой на совокупные знания многих людей может быть более эффективной методикой, чем использование знаний и опыта нескольких из них, пусть даже опытных и высокообразованных [11].

Краудсорсинг как метод исследования. Сегодня технология краудсорсинга всё чаще используется как полноценный исследовательский метод, а в России она активно используется органами власти.

В российском нормотворчестве в качестве пилотного проекта краудсорсинга выступила онлайн-платформа общественного обсуждения Федерального закона «Об образовании». В открытое сетевое сообщество, чьими силами осуществлялась оптимизация данного нормативного акта, вошли эксперты в области образования: учителя, администраторы, методисты, а также родители и представители других заинтересованных сфер, например, юристы и госслужащие. В рамках данного проекта члены общества осуществляли экспертизу и оценивали предложенный проект закона, комментировали основные положения нормативного акта, а также предлагали свои идеи и формулировки отдельных пунктов для его улучшения. Другой пример - проект Федерального закона «О полиции». За время работы сетевой площадки с 7 августа по 15 сентября 2010 года поступило около 21 тысячи комментариев; сайт посетило более 1,5 млн. человек. Законопроект был внесён на рассмотрение Государственной Думы 27 октября 2010 г., подписан Президентом РФ 7 февраля 2011 г., вступил в силу 1 марта 2011 г. [4]

На сегодняшний день существует ряд постоянно действующих краудсорсинговых площадок, выполняющих важнейшие функции в области решения социально-политических задач. Так, краудсорсинговая платформа Правительства Москвы представляет собой проект, позволяющий улучшать качество жизни и совершенствовать городскую среду за счёт идей, предлагаемых рядовыми москвичами.

Работа площадки выглядит следующим образом. Правительством Москвы формируются и публикуется список проблем и задач, идеи по решению которых предлагается высказать горожанам на сайте платформы. Информационная поддержка обеспечивается посредством официальных сайтов и страниц в социальных сетях проекта и Правительства, а также с помощью средств массовой информации. На платформе осуществляется работа с предложениями москвичей по предложенной теме и отборе экспертами наиболее эффективных [9]. Отобранные экспертами идеи обсуждаются пользователями и корректируются. Далее пользователи голосуют за те идеи, реализацию которых поддерживают. Идеи, получившие наибольшую поддержку участников проекта, передаются к компетентным сотрудникам соответствующих ведомств для детального рассмотрения и затем реализуются городом.

С 2014 года по настоящее время совместными усилиями пользователей платформы и городского Правительства было реализовано 16 проектов, среди которых «Экологическая стратегия Москвы», «Московские библиотеки», «Детские поликлиники», а также и сама краудсорсинговая платформа Правительства Москвы. В ходе проектов было подано более 90920 идей, из которых экспертами для дальнейшей проработки было отобрано свыше 2700 идей. Всего в проектах приняли участие 143787 жителей [8]. Аналогичным образом в Белгородской области работает портал «Народная экспертиза» [5]. В ходе краудсорсинговых проектов в Приморье, Архангельской области, Ярославле было собрано множество предложений активных, неравнодушных людей по решению региональных задач и проблем.

Примером использования исследовательского потенциала краудсорсинга в коммерческой сфере является агентство маркетинговых коммуникаций E-генератор [7]. Основная спе-

циализация соответствующего портала – креативные разработки для рекламы. На сегодняшний день в активе агентства более 40000 авторов, которые участвуют в работе над заказами клиентов. Заказчики могут выбрать оптимальный вариант сотрудничества: ограничиться генерацией идей, заказать концепцию рекламной кампании, создание торговой марки, производство видеоролика или графического дизайна. Редактирование является первой фазой обработки массива идей, а также формой обратной связи редактора и автора. Связь и взаимодействие с редакцией и другими пользователями на сайте происходит посредством системы почтовых уведомлений. В результате редактирования формируется выборка идей, максимально соответствующая творческому заданию.

Свое развитие краудсорсинг получает и среди профессиональных исследователей общественного мнения. В частности, создатель и руководитель Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) А. А. Ослон уделяет этому методу исследования пристальное внимание и популяризирует его среди коллег. Сам краудсорсинг он называет мировоззрением т.к. есть возможность вовлечь совершенно незнакомых людей для решения своих проблем [5]. По мнению А.А. Ослона социология изучает статистику стереотипов, а крауд-проекты позволяют создавать идеи, решать различные задачи не только в рамках общественных наук или маркетинга, но и на уровне целой страны. В 2014 году директор ФОМа провёл курс лекций под названием «Активная социология на базе краудсорсинга» [14].

Последовательность действий при организации краудсорсингового проекта можно представить в виде нескольких этапов:

1. Формулировка цели и задач исследования. Как и в любом исследовании, реализация метода краудсорсинга должна начинаться с постановки цели. Она должна быть ясно сформулированной, отражающей потребности конкретного исследования и измеримой. Цель, соответствующая этим трём критериям, позволит успешно провести исследование. Исследовательские задачи должны помогать в достижении поставленной цели и служить промежуточным звеном между целью и исследовательским инструментарием. Фактически, задачи – это задания, которые будут предложены участникам краудсорсингового проекта, поэтому к их

Рис. 1. Схематическое изображение модели MIAB

формулировке необходимо подходить с особой тщательностью.

2. Выбор аудитории. После постановки цели и формулировки задач, нужно определиться с аудиторией, которая позволит эту цель достичь. Участники в краудсорсинге представляют собой социальную общность, которая ещё слабо изучена. Отечественные учёные выдели следующие особенности этой аудитории: низкий уровень солидарности, размытые границы сообщества, непостоянство и высокое разнообразие состава [12].

Исследователь должен чёткое представление о целевой аудитории, поскольку правильный подбор группы влияет на итог работы. Люди, вовлечённые в краудсорсинг должны быть равнодушны к обсуждаемым проблемам/решениям/продуктам. Хороший и в то же время простой пример - книга жалоб и предложений, которая создана с целью сбора полезных советов, которые впоследствии будут реализованы. Здесь комментарии и предложения исходят непосредственно от целевой аудитории того заведения, где эта книга находится.

3. Разработка и реализация механизма вовлечения. Хорошее понимание целевой аудитории помогает исследователю разработать эффективный механизм вовлечения участников в свой проект. Чем больше людей со схожей мотивацией ему удастся найти, тем больше индивидов в конечном счёте присоединится к исследованию. Это, пожалуй, самый важный этап в краудсорсинге [17]. Разработать действующий механизм вовлечения можно с помощью прогнозирования поведения индивида на основании его мотивации, а также внутренних и внешних стимулов.

4. Выбор технической платформы для реализации проекта осуществляется после того, как исследователь определил целевую аудиторию и разработал механизм её вовлечения. На этой платформе происходит коммуникация, а также обмен результатов труда на определённое вознаграждение. Критериями выбора краудсорсинговой платформы являются: доступность ресурса для целевой аудитории, возможность интегрирования механизма вовлечения, поддерживающего продолжительное участие, а также возможность распределения материального вознаграждения по окончании проекта. В случае необходимости, исследователь может создать собственную платформу для реализации проекта на базе сайта, социальной сети или какого-либо форума.

5. Обеспечение сбора данных с учётом стандартов качества. Для получения данных, удовлетворяющих целям и задачам краудсорсингового исследования необходимо чтобы поступающие данные были надлежащего качества. С этой целью имеет смысл стандартизировать инструментарий сбора данных, а также разработать требования к предоставляемой информации, которые необходимо донести до участников проекта. В некоторых случаях можно опираться на общепринятые стандарты, принятые в социологических и маркетинговых исследованиях, экстраполируя их с других методов на метод краудсорсинга. Например, могут быть использованы стандарты ESOMAR (European Society for Opinion and Marketing Research)

Отдельного внимания заслуживает анализ поведенческих аспектов участников краудсорсинговых проектов, основанных на модели «мотив-стимул-действие-поведение» (в оригинале

MIAB - Motive-Incentive-Activation-Behavior), предложенную Л. Розенштилем [20]. Понимание того, как именно можно пробудить и повлиять на мотивацию индивида через внутренние и внешние стимулы крайне важно при разработке программы исследования, в котором планируется использование краудсорсинга. Составляющие мотивации и стимулирования в своей тесной связи отражают фундаментальные механизмы вовлечения потенциальных участников в краудсорсинг (Рис. 1).

Для понимания принципа работы этой модели, рассмотрим каждую из её составляющих.

«Мотив» (Motive) и «стимул» (Incentive) следует рассматривать в связке. Термин «мотивация» в Оксфордском словаре английского языка определяется как причины, обуславливающие действия и поведение человека; «стимул» — это то, что мотивирует или способствует совершению человеком тех или иных действий.

Последователи теории самодетерминации выделяют два типа мотивации, влияющие на поведение человека. Внутренняя мотивация определяет поведение, связанное с самореализацией или получением удовольствия. Внешняя мотивация, напротив, определяется внешними стимулами, например, величиной заработка или общественным признанием [15].

Внешние активаторы мотивации можно разделить на два класса: прямое вознаграждение и социальные мотивы. Деньги и другие материальные стимулы — примеры прямого вознаграждения. Социальные мотивы предполагают ожидаемую положительную реакцию от значимых других — друзей, партнёров, участников проекта. Индивид более мотивирован участвовать в соревновании, если члены его социального окружения считают хороший результат значимым.

Изучением мотивации участия в краудсорсинговых проектах занимались как зарубежные, так и российский авторы. Анализ публикаций по теме позволяет утверждать, что исчерпывающий список мотивов представить достаточно сложно, поскольку даже люди, вовлечённые в одну и ту же деятельность, могут руководствоваться совершенно разными причинами. Именно поэтому организаторы любого краудсорсингового проекта с самого начала должны продумать, что вообще может привлечь потенциальных участников, и как добиться от них максимальной отдачи.

А.В. Быхтин, рассматривая краудсорсинг как новую форму взаимодействия внутри сетевого сообщества, предлагает целый перечень мер, которые могут регулировать мотивацию участников краудсорсингового проекта. Среди прочего он указывает на: общественную значимость и ценность проекта; необходимость организации деятельности делением её на совокупность мелких задач; создание механизма выделения лидеров и повышения их внутреннего статуса; важность курирования проекта экспертами [1].

«Действие» (Activation) подразумевает решение индивида инициировать своё поведение определённым образом. Здесь важно понимать, как долго индивид будет сохранять эту линию поведения, а также станет ли он длительное время прикладывать усилия по достижению конкретной цели. Таким образом, при планировании исследования с использованием краудсорсинга важным фактором является создание условий для доведения потенциального участника проекта до реального действия. Способствовать включению в действие может, например, организация доступа для участников к экспертным знаниям, из которых они смогут черпать вдохновение или обратиться к ним для уточнения необходимой информации. Прикрепление к участникам наставников, создание открытого сообщества для обмена знаниями и опытом — хорошая альтернатива экспертному знанию.

Термин «поведение» (Behavior) в Оксфордском словаре английского языка определяется как совокупность действий человека. В контексте краудсорсинга, желаемыми могут считаться такие варианты поведения, как: создание оригинального контента, предоставление помощи или совместная работа с другими участниками, и другие действия, необходимые для решения специфической проблемы.

Обобщая вышесказанное, отметим, что понимание того, как функционирует каждый из элементов модели MIAB может помочь исследователю избежать многих трудностей, связанных с вовлечением участников, уже на этапе разработки программы исследования. Более того, в случае возникновения проблем, эта модель позволит провести диагностику причин их возникновения и найти релевантное решение.

Ниже рассмотрим примеры реальных краудсорсинговых проектов, позволяющие проде-

монстрировать описанные выше механизмы вовлечения участников в проект.

Пример 1: конкурс исследовательских работ RTI 2012. В 2012 году некоммерческая исследовательская организация «RTI International» планировала проведение опроса omnibusного типа. На этапе разработки исследовательского инструментария было принято решение о проведении эксперимента по привлечению к разработке анкеты внешних специалистов. Для этого был объявлен конкурс исследовательских работ RTI 2012.

Задача участников состояла в создании формулировок вопросов для будущего исследования. Приглашение к участию в проекте распространялось среди представителей исследовательского сообщества. Для вовлечения потенциальных участников было использовано несколько стимулов, апеллирующих к внешней мотивации. Во-первых, победителям была обещана база данных с ответами участников конкурса, а также право на публикацию научной работы по этим материалам. Во-вторых, судьями конкурса были известные специалисты, что дало молодым авторам возможность продемонстрировать свои работы признанным лидерам своей области.

Специально для проведения конкурса RTI создала платформу и использовала собственный блог для обработки заявок и публикации новостей о конкурсе. Были разработаны структура и критерии формирования заявок на конкурс, с целью унификации и более объективной оценки поступивших работ экспертами. Конкурсная работа включала в себя программу исследования на двух страницах, и анкету, включающую не более 10 вопросов.

На конкурс откликнулось значительное число участников. В течение 23 дней RTI получила 76 заявок. Тематика работ была очень широкой: от новых продуктов, содержащих табак, до влияния астрологии на поиск друзей. Участниками конкурса были как студенты-бакалавры, так и деканы факультетов известных университетов. В результате организаторы получили хороший материал для создания анкеты omnibusного опроса.

Модель MIAB позволяет понять причины удачной реализации описываемого проекта. Во-первых, была удачно подобрана целевая аудитория. Представители профессионального со-

общества в данном случае наиболее заинтересованная группа лиц, обладающая необходимыми знаниями и навыками для выполнения задания. Во-вторых, была правильно подобрана система мотивации и стимулирования, позволившая не просто собрать мнения участников относительно какой-либо проблемы, но и заставить их приложить значительные усилия для подготовки конкурсной работы.

Пример 2: рекрутинг участников при помощи социальных сетей. На практике, в ходе реализации краудсорсинга, часто могут возникать сложности, особенно на этапе рекрутинга участников проекта. М. Китинг и Р. Фурберг обнаружили, что модель MIAB может быть полезной для диагностики причин возникновения проблем в ходе исследования. Описываемый ими кейс произошёл в ходе тестирования различных методов рекрутинга участников краудсорсинга для сбора данных. Исследователи пытались понять, можно ли использовать социальные сети как инструмент рекрутинга респондентов для проведения большого количества когнитивных интервью. С этой целью была использована таргетированная реклама, которая отображалась у пользователей Facebook, в профилях которых в числе любимых занятий значилось прослушивание музыки.

Попытка вовлечения аудитории была осуществлена при помощи апелляции к их внешним мотивам. В качестве вознаграждения предлагалась подарочная карта на 5\$, которую можно было использовать для покупки музыкального контента. Механизм рекрутинга был выстроен следующим образом. Таргетированная реклама приводила потенциальных участников проекта на специальную платформу, где им предлагалось заполнить скрининговую анкету, по результатам которой проводился отбор интервьюеров.

Предполагалось, что материальное вознаграждение в виде карты на 5\$ станет подходящим стимулом, способным активизировать выбранную целевую аудиторию и вызвать у них желание принять участие в проекте. Однако выяснилось, что этого недостаточно, а исследователи попробовали применить другой подход. Следующей целевой аудиторией стала группа пользователей Facebook, состоящих в сетевом сообществе Американского красного креста. В качестве стимула к участию в исследовании на этот раз было пожертвование Американскому

Красному кресту на сумму 5\$ за помощь в сборе когнитивных интервью. Предполагалось, что основанием для отклика в этом случае станет альтруистическая мотивация людей (т.е. внутренние мотивы). Такой подход оказался более успешным, и в результате организаторам эксперимента удалось собрать пользователей соцсети для проведения большого количества когнитивных интервью.

Пример 3. Использование краудсорсинговой платформы Amazon Mechanical Turk. Одно из ключевых достоинств краудсорсинга – это возможность собирать большие объёмы данных быстро и относительно недорого при помощи специальных платформ. Здесь показателен пример изучения спроса на табачный снюс. В 2012 году RTI проводила изучение ритейлеров Чикаго. Задача исследования состояла в сборе данных о табачном снюсе от местных ритейлеров. Имелся список ритейлеров, которым нужно было позвонить, и выяснить, имеется ли в их ассортименте изучаемый товар и какие у него потребительские характеристики.

Для этого организаторы проекта воспользовались сервисом Amazon Mechanical Turk, с помощью которого нашли исполнителей, специализирующихся на микро-задачах. Для обеспечения вовлеченности аудитории была предложена награда в 0,75\$ за каждый звонок ритейлеру. Пользователи платформы специализируются на выполнении задач, опубликованных на платформе, а основной их мотивацией является заработок [3]. По сравнению с другими задачами, представленными на платформе, исследовательская команда предложила достаточно щедрое вознаграждение исполнителям. Поэтому переход пользователей к действиям прошёл быстро.

В то же время некоторые исполнители делали не то, что от них ожидалось. Они включали в свои опросные листы данные о других табачных продуктах, например, о жевательном табаке. Чтобы избежать сбора ненужной информации организаторы добавили специальные пояснения. Проблема оказалась быстро решена, что доказывает применимость модели MIAB для выявления неточностей и их быстрой корректировки при реализации исследований методом краудсорсинга.

В заключение работы отметим, что краудсорсинг имеет потенциал стать тем методом

исследования, который позволит учёным решать самые разнообразные задачи; однако, в условиях отсутствия теоретической и методологической основы, велика вероятность ошибок.

Перед тем как приступить к реализации проекта с использованием краудсорсинга, рекомендуется продумать и точно определить его этапы, т.е. выстроить логику исследования. На этапе планирования механизма вовлечения целесообразно обратиться к модели MIAB. Стимулы должны апеллировать к мотивам аудитории. После того, как возникнет активность участников проекта, задача исследователя заключается в её поддержании и направлении в нужное русло, для чего необходимо отслеживание их поведения. Приведённые в статье примеры показывают, что иногда задачи нуждаются в корректировке, чтобы гарантированно собрать данные, релевантные для достижения поставленной цели.

Литература

1. Быхтин О.В. Мотивация к участию в краудсорсинговых проектах [Электронный ресурс] / О. В. Быхтин // Научный результат. Серия «Социология и управление». 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-k-uchastiyu-v-kraudsoringovyh-proektah>
2. Геродот. История в девяти книгах [Текст] / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского; Под общ. ред. С. Л. Утченко; Ред. пер. Н. А. Мещерский. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. - 600 с.
3. Голованов В. Краудсорсинг от Amazon: как полмиллиона людей получают копейки за тренировку ИИ [Электронный ресурс] // Коллективный блог Хабрахабр. - URL: <https://habr.com/ru/post/400355/>
4. Курячая М.М. Технологии краудсорсинга в юридической практике [Текст] / М.М.Курячая / Конституционное и муниципальное право. 2012. - № 6. -С. 31-38.
5. Ослон. А. Апология умной толпы [Электронный ресурс] // Независимая газета - URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-02-28/9_apologia.html
6. Проект Белгородской области «Народная экспертиза» [Электронный ресурс] // Онлайн-площадка проекта «Народная экспертиза» - URL: <https://narod-expert.ru/o-portale/>

7. Сайт агентства маркетинговых коммуникаций Е-генератор [Электронный ресурс] // Креативное Интернет-сообщество - URL: <http://www.e-generator.ru/>
8. Система городских решений «Вместе» [Электронный ресурс] // Краудсорсинг-проекты Правительства Москвы. - URL: <https://crowd.mos.ru/>
9. Фарахутдинов, Ш. Ф. Современные методы социологических и маркетинговых исследований. Часть 1 : учебное пособие / Ш. Ф. Фарахутдинов. – Тюмень : ТИУ, 2018. – 190 с.
10. Хау Д. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса [Текст] / Д. Хау ; перевод с англ. [С. Новицкая, А. Токтонов, О. Дожнова]. – Москва : Альпина Паблишер, 2014. - 288 с.
11. Шуровьески Д. Мудрость толпы: Почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум влияет на бизнес, экономику, общество и государство [Текст] / Д. Шуровьески ; перевод с англ. В. Логвинова. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2014. - 307 с.
12. Юдина, Е. Н., Захарова С.А Краудсорсинг как новая технология научной деятельности / Е. Н. Юдина, С.А. Захарова // Вестник университета. – 2015. – № 7. – С. 51–55
13. «Smithsonian Crowdsourcing Since 1849 [Electronic resource] // Сайт компании «Massolution». - URL: <http://www.crowdsourcing.org/editorial/a-brief-history-of-crowdsourcing-infographic/12532>
14. «Активная социология на базе краудсорсинга». ФОМ-ЛАБС (видеоролик) [Электронный ресурс] // Видеохостинг YouTube. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=l69xdiDtx5w>
15. Deci E., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. – Springer Science & Business Media, 1985.
16. Estelles-Arolas E., Gonzalez-Ladron-de-Guevara F. Towards an Integrated Crowdsourcing Definition / Estelles-Arolas Enrique, Gonzalez-Ladron-de-Guevara Fernando. – Journal of Information Science 38(2), 2012 – pp.189–200.
17. Keating M., Furberg R. A Methodological Framework for Crowdsourcing in Research [Electronic resource] / Keating Michael, Furberg Robert // Сайт компании «Researchgate» - URL: https://www.researchgate.net/publication/272744111_A_Methodological_Framework_for_Crowdsourcing_in_Research
18. King S. Using Social Media and Crowdsourcing for Quick and Simple Market Research [Electronic resource] / Steve King // Сайт компании « U.S.News». - URL: <https://money.usnews.com/money/blogs/outside-voices-small-business/2009/01/27/using-social-media-and-crowd-sourcing-for-quick-and-simple-market-research>
19. M. Wasko, and S. Faraj, “It is what one does: why people participate and help others in electronic communities of practice,” Journal of Strategic Information Systems, vol. 9(2-3), 2000 – pp.155–73.
20. Rosenstiel L. Basics of Organizational Psychology // Stuttgart, Germany: Schaffer-Poeschel. – 2007.
21. Wired 14.06: The Rise of Crowdsourcing [Electronic resource] // Сайт журнала «Wired». - URL: <https://www.wired.com/2006/06/crowds>.

Феномен бездомности: экономический, структурный и культурный подход

Виноградова Г. В.

В статье проводится концептуальный анализ бездомности на различных уровнях: экономическом, социальном, культурном. Феномен бездомности рассматривается в теоретическом контексте более широких концепций бедности, андеркласса и стигмы. Проводится исторический анализ данных концепций. Оценивается значение экономического аспекта проблемы по отношению к социальному и культурному. Понятия стигмы, моральной карьеры и тотальных институтов И. Гoffмана применяются к анализу феномена бездомности. Теория социального и культурного капитала П. Бурдьё рассматривается для исследования нисходящей моральной карьеры бездомного, а феномен социальной смерти — как ее завершение. Ключевые слова: бездомность, маргинальность, эксклюзия, бедность, андеркласс, стигма, социальный и культурный капитал

Vinogradova G.V.

The phenomenon of homeless people: economical, structural and cultural approach

The article provides a conceptual analysis of homelessness in different levels: economical, social and cultural. The phenomenon of homelessness is observed in theoretical context of broader conception of poverty, conception of underclass and conception of stigma. Historical analysis of these conceptions is performed. The importance of economic aspect of the problem in relation to social and cultural is estimated. The conception of stigma and moral career by I. Goffman applies to phenomenon of homelessness analysis. The theory of social and cultural capital by P. Bourdieu is examined in purpose to explore descending moral career of homeless finishing by his social death.

Key words: homelessness, marginality social exclusion, poverty, underclass, stigma, moral career, social and cultural capital

Исследование феномена бездомности невозможно без обозначения теоретического контекста положения данной категории в социуме и определения основных понятий, связанных с его изучением. В современной науке используется множество понятий и теорий: концепция бедности и социальной депривации, теории девиантного поведения, концепции маргинальности, концепции *underclass*'а и социальной эксклюзии — все они упоминают о бродягах и бездомных. Рассматривая различные аспекты феномена бездомности, описываемые нижеизложенными концепциями, представляется возможным выделить различные уровни или измерения бездомности, подходящие для изучения.

В западных, в частности, европейских социологических исследованиях, проблема бездомности изучается всесторонне, есть несколько типов бездомных и направлений социальной политики, связанных с этой типологией. В частности, выделяются несколько измерений бездомности — собственно физическая, как отсутствие или непригодность для проживания места обитания человека, юридическая, как наличие или отсутствие прав на жилье, и социальное как эксклюзия от социальных отношений. Соответственно, выделяется семь типов бездомных и несколько подтипов [1]. И бездомность, как отсутствие крыши над головой, может значительно отличаться от нехватки места для частной жизни и социальных отношений, пребывания за чертой бедности или неопрятного внешнего вида.

Исследование бедности имеет самую долгую социологическую традицию, восходящую к XIX веку. Изначально сам термин "бедность" имел скорее экономическое, чем социальное значение. Однако и здесь уже наблюдаются первые дебаты

между экономикой и социологией, направленные на различие между абсолютной и относительной бедностью. Средства к существованию – это минимум, необходимый для поддержания жизни, и быть ниже этого уровня означает испытывать абсолютную бедность, когда индивиду не хватает средств для поддержания жизни. В то же время встает вопрос о том, что считать жизнью в широком смысле этого слова – полноценным и гармоничным существованием в рамках своего социума и своей культуры. Какой стандарт считать минимально допустимым для поддержания социально приемлемого образа жизни – это уже вопрос относительной бедности, придающий термину социальное значение, являющееся здесь доминирующим. Наиболее известным исследователем теории относительной бедности явился П. Таусенд. Он дает следующее определение: “Можно сказать, что индивиды, семьи и группы населения живут в бедности, если им не хватает средств питаться, действовать, как большинство населения, иметь жилищные условия и вкушать прелести жизни, доступные большинству, - если они не могут жить в обществе, к которому они принадлежат, так, как живет большинство населения” [2; 31]. Таким образом, выделяются две компоненты феномена бедности – ограниченность ресурсов и отклонение от приемлемого образа жизни, присущего социуму, в котором проживают индивиды.

Изначально бедных рассматривали, как источник опасности, который необходимо контролировать во избежание социальных катаклизмов. Позднее этот контроль стал более интенсивным и начал проводить разграничение между теми, кто беден и неспособен работать и обеспечивать себя – то есть престарелыми или больными – и теми, кто беден, но – по крайней мере, теоретически – в состоянии себя обеспечивать. Это разграничение впоследствии вылилось в разделение бедных на категории “достойных” и “недостойных”. Последние считались лодырями и бездельниками, возможно, преступниками, и, следовательно, подвергались карательным мерам, имевшим целью поощрить людей – или заставить силой – работать и обеспечивать себя.

В то же время, недостаток средств к существованию в традиционном обществе был достаточно распространенным явлением и не приводил человека к исключению из общепринятого стиля жизни. Слой бедняков составлял зна-

чительное большинство населения и «борьба с бедностью» не имела смысла и не давала сколько-нибудь заметного результата.

Однако еще в 40-е годы XX века антропологи и социологи стали задумываться о том, что бедность представляет собой не столько экономическую проблему, сколько культурную. В 1961 г. Оскар Льюис четко сформулировал понятие субкультуры (или культуры) бедности. По его мнению, для бедных характерны такие отношения и поведение, которые порождаются опытом жизни в бедности и представляют собой попытку выжить и смириться с очень ограниченными перспективами и средствами. Такое поведение, будучи однажды принятым, развивается в самовоспроизводящуюся субкультуру, играющую впоследствии причинную роль в неблагоприятном положении следующего поколения. Иначе говоря, бедные вырабатывают свою субкультуру, как результат процесса отчуждения (возможно сказать, эксклюзии) от остального общества. И преодоление физической бедности не может быть достаточным для преодоления культуры бедности, она становится самостоятельной силой, существующей независимо от породивших ее условий. [3]

Льюис называет около 70-ти взаимосвязанных социальных, экономических и психологических черт культуры бедности и выделяет четыре блока: 1) отсутствие или низкий уровень участия в основных институтах общества; критические установки по отношению к основным институтам господствующих классов; к официальным нормам брака; и цинизм по отношению к церкви. Бедные не разделяют общественных ценностей и даже если осознают их, то не действуют в соответствии с ними. 2) минимальный уровень организованности вне рамок семьи; 3) отличные от общепринятых взаимоотношения полов – отсутствие детства, ранние сексуальные контакты, свободные браки, высокая частота аборт и т.д.; 4) преобладание таких установок как беспомощность, зависимость, униженное положение, что связано с низкой мотивацией к труду и достижениям; ориентация на сегодняшний день, неспособность к планированию. Подобные установки и поведение делают бедность неизбежной. [3]

Концепцию “культуры бедности” обычно критикуют за то, что объяснение бедности лежит не в экономической структуре, за то, что

вместо этого она поощряет восприятие неблагоприятного положения как порожденного фаталистической ориентацией и недостатком мотивации со стороны индивида; в результате бедность самовоспроизводится от поколения к поколению. Тем не менее, элементы подхода Льюиса встречаются даже в работах тех, кто пытается утверждать, что настоящим источником неравенства является не социальная, а экономическая структура.

Современные ученые сужают категорию бедных, под ними подразумевают «низший класс» — тех, кто беден постоянно. И сам термин «культура бедности» заменяют на «культуру гетто». Данный термин подразумевает два обстоятельства: во-первых, моральные ценности и социальные нормы в гетто являются результатом социальной изоляции и экономической нестабильности; и, во-вторых, культура гетто может изменяться с изменением ситуации, но поскольку амплитуды этих изменений не совпадают, то соответствующие ценности и модели поведения могут сохраняться длительное время. [4] Концепцию бедности сменяет теория *underclass*'а, делающая акцент на эксклюзию от институтов социальной интеграции, прежде всего, от рынка труда.

Underclass — это, прежде всего структурная позиция индивидов. В исследованиях данного феномена зачастую употребляется понятие «социальная изоляция», которое также подходит и для исследования бездомности. При этом социальная изоляция включает в себя пространственную изоляцию (как правило, представители *underclass*'а живут на окраинах больших промышленных городов, в гетто), бедность как признак социального положения *underclass*'а, но основным признаком данного феномена является положение представителей *underclass*'а в системе социальной стратификации города.

В предыдущем разделе уже упоминалось о делении бедных на «достойных» и «недостойных». *Underclass* большинство исследователей относят ко второй категории, считая их виноватыми в своем положении, а потому недостойными заботы. Общественное мнение, как правило, придерживается такой же точки зрения, дистанцируясь от представителей низшего слоя, что еще более усиливает отчуждение *underclass*'а от остального общества.

Таким образом, стратификация в индустриальном обществе не ограничивается материаль-

ными различиями, а простирается также и на различный культурный опыт. Этот опыт «сформирован существовавшими и существующими экономическими и политическими структурами», приводящих к тому, что «различие групп по стилю жизни, нормам и ценностям связывается с различиями в доступе к организационным каналам привилегий и влияния» [4]. Значит, существует связь между структурной позицией и соответствующей культурной ориентацией и привилегиями. Это очень веский аргумент, и неясно он противоречит любому утверждению о том, что определенный набор ценностей и отношений является причинным по отношению к структурно неблагоприятной позиции.

Представляется, что определяющей в данном случае является культурный контекст социальной позиции индивида. Первая российская работа по исследованию бедности указывает прежде всего на ценностно-нормативный аспект проблемы. Неимущие, с одной стороны, осознают общезначимые ценности и официальные нормы, а с другой — вырабатывают свою жизненную систему координат. Разрыв между этими двумя системами, поддерживаемый как объективными, так и субъективными факторами, способствует, прежде всего, адаптации к условиям нужды, а не активному поиску выхода из нее. «Клеймо бедности» заставляет мыслить категориями замкнутого пространства и действовать согласно установленным правилам: либо в роли вечного просителя места работы, пособий, милостыни и т.д. либо в роли преступника. Получение «льгот» заставляет вести себя соответственно, дабы их не лишиться. [5] Таким образом, на социокультурном уровне происходит закрепление «маргинального статуса» личности, изменить который только экономическими трансфертами и даже методами социальной интеграции крайне сложно.

Для обозначения закрепления физических, материальных, экономических и структурных изменений на социокультурном уровне в исследовании вводится понятие стигмы. Это термин был разработан И. Гоффманом в нескольких работах [7,8,9] и используется практически в изначальном значении: в греческом языке он означал клеймо на теле раба, преступника — ритуально нечистого, запятнанного себя позором человека, которого следует сторониться. Сейчас этот термин широко используется в пер-

воначальном буквальном смысле, указывая на постыдный статус индивида как таковой. Стигма связана с социальными ожиданиями (экспектациями) членов общества друг от друга и зависит от правил и норм, принятых в социуме (социальной группе). Негативная, связанная с девиантным (отклоняющимся) поведением стигма, как правило, приводит к отторжению человека от членов общества, считающихся «нормальными». Стигма любого рода накладывает определенный отпечаток на поведение человека, его место в социальной структуре, и на процесс его социальной идентификации и самоидентификации и систему ценностей и норм, интериоризируемых личностью.

С понятием стигмы Гоффман связывает другое понятие – моральная карьера. Традиционно термин «карьера» обозначает восходящую мобильность. В то же время, карьера может быть как успешной, так и неудачной. Этот термин родствен понятию «взрослая социализация», но Гоффман особо подчеркивает, что в отличие от него понятие моральной карьеры имеет два аспекта: 1) Карьера как часть общественно принятой институциональной системы – «официальная» позиция в обществе, предполагающая определенный стиль жизни; 2) Связанное с ней внутреннее представление о себе, феномен идентификации, чувство самоидентичности. Второй аспект и придает «моральное» значение карьере – как последовательности изменений, которые деятельность личности по изменению своего социального статуса вызывает в самой личности и структуре ее представлений о себе и окружающих.

Люди с определенной стигмой часто переживают схожие моменты в оценке своего положения и схожие изменения в самовосприятии – у них схожая «моральная карьера», которая является одновременно и причиной, и результатом выбора схожей последовательности актов личностной адаптации. Первая фаза этого процесса социализации состоит в том, что стигматизированный индивид усваивает представления об идентичности, принятые в «большом» обществе, а также общую идею: что это такое – обладать определенной стигмой. Во время второй фазы он узнает, что обладает определенной стигмой и, на этот раз подробно, изучает все последствия этого факта. Выстроенность этих начальных фаз моральной карьеры во времени и их взаимодействие между собой ведет к

формированию важных моделей, закладывая основы дальнейшего развития и обеспечивая средства выбора моральных карьер, доступных стигматизированным индивидам. [9]

Добавим, что когда индивид обретает новое стигматизированное «я» в зрелом возрасте, неловкость, которую он испытывает по отношению к своему новому окружению, может постепенно смениться неловкостью по отношению к прежним товарищам. Люди, познакомившиеся с ним после появления стигмы, просто считают его человеком с изъяном; для людей, узнавших его до появления стигмы, помнящих его таким, каким он был раньше, может оказаться затруднительным проявить к нему как формальный такт, так и привычное дружеское участие. [9]

Независимо от того, какая модель моральной карьеры свойственна стигматизированному индивиду, особенно интересной будет та фаза его опыта, когда он узнает о том, что он обладает стигмой, ибо в этот момент велика вероятность того, что он завяжет новые отношения с теми, у кого тоже есть эта стигма. Во многих случаях, когда стигматизация индивида связана с его нахождением в закрытом заведении – таком, как тюрьма, санаторий, приют, – многое из того, что он узнает о своей стигме, передается ему во время продолжительного тесного взаимодействия с товарищами по несчастью – когда он сам постепенно становится таким же, как они. [8] Здесь Гоффман говорит о так называемых тотальных институтах – закрытых и отгороженных от «большого общества» учреждениях, вызывающих значительные изменения в личности. Дело в том, что согласно человеческой природе индивид привыкает спать, играть и работать в разных местах и с разными партнерами. Тотальные институты разрушают барьеры, обычно разделяющие эти три сферы жизни. Основная их черта – все аспекты жизни участников проходят в одном локализованном пространстве и с одним окружением.

Нам представляется, что бездомные как социальная категория, не могут являться тотальным институтом в том смысле, о котором говорит Гоффман, это не закрытая общность, постоянно работающая с одними и теми же партнерами, согласно определенному расписанию. Другое дело, что это также общность, отгороженная от внешнего мира труднопреодолимы-

Таблица 1
Соотношение теоретических и эмпирических концептов моральной карьеры бездомного

Теоретические концепты	Типы социального капитала П. Бурдье	Уровни нисходящей моральной карьеры	Критерии отрыва бездомного человека от общества
		Физические	Потеря жилья
Теория бедности	Экономический	Экономический	Потеря работы
Теория андеркласса	Социальный	Структурный	Разрыв связей
Теория стигмы И. Гоффмана	Символический	Символический	Негативная самоидентификация
	Культурный	Культурный	Утрата общественных ценностей

ми социальными барьерами и, как правило, не имеющая социальной идентичности вне себя самой. Кроме того, проживая в приюте, или находясь в границах нескольких благотворительных, медицинских и социальных учреждений, бездомный человек может подчиняться социально-психологическим законам тотальных институтов. Добавим, что согласно Гоффману, представители большого сообщества склонны приписывать «не-человечность» (*un-humannes*) стигматизированным индивидам, тем самым исключая их [9;40]. Все вышеперечисленное приводит к тому, что у отверженных людей схема моральной карьеры – перехода к статусу «бомж», несмотря на индивидуальные различия, оказывается идентичной.

Таким образом, при исследовании отрыва бездомного человека от общества необходимо использовать системный подход, прослеживающий кроме фактического отсутствия жилья и индивидуальных причин его потери экономический (бедность), структурный (социальная изоляция) и культурный (стигматизация) аспекты процесса исключения (эксклюзии) и отрыва как процесса, в котором активно участвует сама личность. Моральная карьера такого человека предполагает заполнение всех вышеперечисленных сфер жизни человека новым содержанием, с помощью которого человек, как правило, приспосабливается к новым условиям жизни и в то же время, процесс реадaptации становится для него труднодостижимым.

Задаваясь вопросом о факторах и внутренних механизмах моральной карьеры бездомного, возможно проследить их с помощью обращения к теории человеческого капитала П.Бурдье (см. Таблицу 1). По аналогии с экономической теорией, личность может обладать другими видами капитала, используемыми для более эффективной восходящей мобильности в социуме.

Бурдье выделяет четыре основных вида капитала: экономический, понимаемый традиционно, социальный капитал-положение в социальной иерархии, знакомства, "связи"; культурный капитал – легитимные знания и навыки и символический капитал – престиж, признание.?

П.Бурдье использовал термины символического, социального и культурного капитала при анализе карьер в общепринятом смысле этого слова – продвижения по службе, приобретения известности и авторитета. В нашем исследовании мы сделаем попытку использовать понятие капитала в динамическом смысле. Представляется, что, по аналогии с понятием капитала в его экономическом смысле, символический, культурный и социальный капитал также может быть приумножен («пущен в рост», «вложен в дело») или утрачен («промотан», потерян из-за банкротства). Нас, как исследователей «моральной карьеры» – нисходящей социальной мобильности личности, будет в большей степени интересовать процесс утраты различных видов социального капитала: каким образом он происходит

и что именно теряет личность на каждом этапе процесса отрыва от социума (табл. 1).

Первый, пространственный этап моральной карьеры бездомного человека – отсутствие жилья. Оно может быть вызвано как его насильственным лишением, так и свободным выбором человека. Причины отсутствия прописки и жилья могут быть различными (классифицируются по степени распространенности): судимость, конфликт с супругом или иными родственниками, желание жить в городе и невозможность найти работу (учебу) с жильем, мошенничество при сделках с квартирами и т.д. Этому сопутствует отсутствие в паспорте (если таковой имеется) штампа о регистрации. Изредка встречается обратная ситуация – при наличии в паспорте отметки о прописке (регистрации), фактически человек не проживает по указанному адресу долгое время. Отсутствие регистрации также вызывает проблемы с оформлением других документов – военного билета, пенсионного удостоверения, ИНН и т.д.

Таким образом, причиной бездомности может быть как насильственное лишение жилья, так и варианты, когда при разводе с женой человек добровольно оставляет ей квартиру, либо уходит из дома, не желая конфликтовать с детьми (родителями) или другими родственниками. То есть, человек имеет право на жилье, но не желает им воспользоваться. Относительно небольшой процент всех бездомных составляют люди, для которых бродяжничество – сознательный выбор. Но, чем больше стаж бездомности, тем сложнее человеку вернуться в общество даже при наличии реальной возможности обрести постоянное место жительства.

Но, как известно, не любого человека, не имеющего дома или квартиры, исследователь, да и обычный человек назовет бездомным, а тем более – «бомжом». Этот ярлык, или, как мы говорили выше, стигма, как правило, предназначается для человека с ярко выраженными внешними, можно сказать, физическими признаками – неопределенный возраст, неопрятный внешний вид, грязная одежда, неприятный запах и т.д. Все это соотносится с понятием символического капитала, родоначальником которого явился П. Бурдьё. Понятие символического капитала у П. Бурдьё первоначально обозначало такой кредит доверия, который облегчает любой акт социального обмена и об экономичес-

кой выгоды которого принято молчать. Символический капитал – это репутация, внешность, имя, знаки достоинства, высокого социального статуса и т.п. У Бурдьё, при обозначении высокого социального статуса символический капитал представляет собой поверхностные внешние признаки приобретенного человеком социального и культурного капитала. В случае нашего исследования это также внешние признаки утраты социального и культурного капитала. И в первом и во втором случае эти внешние признаки могут не соответствовать реальному положению дел. Тем не менее, в случае с бездомными, «не опустившиеся до конца люди» основным признаком того, что они еще не достигли положения «бомжа» называют внешний вид, желание и возможность следить за собой, быть прилично одетым, иметь внешний вид «нормального человека». Он положительно влияет на их социальное самочувствие и облегчает коммуникацию с внешним миром.

Отсутствие экономического капитала считается очевидным для категории бездомных. Тем не менее, характеристика вариантов потери экономических благ, очевидно, требует обращения к социальным и культурным характеристикам бездомности.

Во-первых, нередки случаи, когда отсутствие документов и регистрации является причиной, по которой человек не может получать денежные выплаты (прежде всего, пенсии и пособия) от государства. Встречались ситуации, когда человек по закону имел право на пенсию или пособие, но не мог предоставить необходимые документы в органы социального обеспечения. Таким образом, человек как бы не считается полноправным членом общества, он исключается из системы социально-экономической помощи.

Далее, полученные при помощи органов социальной защиты либо благотворительных организаций средства эти люди предпочитают тратить на питание, выпивку и табачные изделия, не утруждая себя долгосрочными вложениями (например, на аренду квартиры), что, по нашему мнению, объясняется маргинальной направленностью сознания бездомных, распространяющейся на экономическую сферу жизни данной категории.

Ярко выраженным показателем данной маргинальности является отношение к труду у данной категории. Как мы уже упоминали, одним из

основных признаков *underclass*?а является исключение из рынка труда. Отсутствие прописки и документов является препятствием для устройства на постоянную работу, а временные и случайные заработки не в состоянии обеспечить минимально приемлемый уровень жизни, включающий аренду жилья. Кроме того, на случайных и временных заработках без официального трудоустройства бездомных нередко обманывают, не выплачивая обещанных денег, зная, что пожаловаться они не смогут. Даже при устройстве на постоянную работу отсутствие постоянного места жительства, ведущее к бытовой неустроенности, препятствует трудовой деятельности.

Как правило, после года безработицы, человек полностью или частично утрачивает мотивацию к труду. Зачастую бездомный человек на протяжении долгого времени не имея работы, привыкает к «свободному расписанию» и уже сам предпочитает постоянной работе случайные и временные заработки. Теряя смысл зарабатывания денег, человек перестает хотеть работать. И следующим этапом маргинализации становится ситуация, когда уже легче выпросить, получить помощь в организациях благотворительной помощи, чем пытаться что-либо сделать самому. Бездомный перестает тратить деньги на питание, если можно получить талон в благотворительную столовую, одежда не покупается, а берется в «Салоне дареных вещей» или «Красном кресте», на примете всегда есть несколько знакомых, у которых можно выпросить или одолжить, не отдавая, небольшую сумму. Для добывания средств к существованию также используются мелкие кражи и «собирачество». Люди как бы сужают круг своих потребностей, не стремясь к большему, даже если и предоставляется такая возможность.

Как мы уже говорили, основной причиной бездомности является утрата социального и культурного капитала. П. Бурдьё определял социальный капитал как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства. Но наибольшую известность понятие «социальный капитал получило в расширительной трактовке Джеймса Коулмена, согласно которому это потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы [10;96]. По аналогии с физичес-

ким и человеческим капиталом, воплощенным в орудиях труда и обучении, которые повышают индивидуальную производительность, социальный капитал содержится в таких элементах общественной организации, как социальные сети, социальные нормы и доверие, создающие условия для координации и кооперации ради взаимной выгоды. Социальный капитал — это социальный клей, который позволяет мобилизовать дополнительные ресурсы отношений на основе доверия людей друг к другу. Способность с накоплением социального капитала не является индивидуальной характеристикой личности, она является особенностью той сети отношений, которую выстраивает индивид. Таким образом, социальный капитал — продукт включенности человека в социальную структуру, он существует в форме межличностных отношений: принадлежность к определенным неформальным сообществам, к кругу друзей, это совокупность всех неформальных связей, которые могут быть мобилизованы для решения той или иной задачи.

Неопределенность социального статуса характерна для маргинализированных личностей и групп. Но, в отличие от большинства маргинальных случаев, в которых эта неопределенность является преходящей, в случае с бездомным это устойчивое состояние, являющееся, как правило, конечной стадией дезадаптации и выражающееся в отсутствии набора социальных ролей или в очень ограниченном их количестве. Действительно, отсутствие социальной роли в семье (большинство бездомных — разведенные, с детьми и другими родственниками отношения прерваны), профессиональной роли (не имеют постоянной работы, стабильного рабочего места и трудового коллектива), неопределенность положения в социуме из-за отсутствия определенного места жительства и документов, отсутствие реальной референтной группы — все эти факторы сужают набор социальных ролей бездомного до минимума, причем в этом наборе, как правило, «второстепенные» социальные роли, одобряемые в малых социальных группах, и не всегда воспринимаемые обществом в целом.

На философском языке можно назвать таких людей «социально умершими», а реальность, в которой они существуют «миром социальной смерти». Понятие социальной смерти упоминает известный этнограф и социолог К.Левин-Строс. Он описывает ситуацию с членом пле-

мени, которого считали «проклятым» - родные и друзья сторонятся его, считая его источником опасности, его отстраняют от дел и обязанностей, которые он исполнял. В конечном итоге, его изгоняют из племени, предварительно совершив над ним ритуалы, которыми провожают в последний путь умерших. «Постепенновнезапное и полное отторжение от привычных систем отношений с миром... подавляют околдованного, тем более, что эта система обращается по отношению к нему в свою противоположность, а из живого человека, наделенного правами и обязанностями, он превращается в мертвеца – объект страхов, обрядов и запретов». Исследователь утверждает, что физическая смерть такого человека наступает вскоре после смерти социальной [11; 170-171].

Действительно, в традиционном обществе различия между физической и социальной смертью практически не существовало. Современный тип общества не предполагает жесткой принадлежности человека к клану или группе, связи человека, как правило множественны, а границы социальных групп размыты, что обуславливает появление групп и отдельных личностей, формально принадлежащих к обществу и имеющих равный с остальными его членами доступ к социальным благам, но фактически утративших связи и отношения с социальными группами, к которым они принадлежали ранее, и не приобретшие новых. Их социальная наука и называет маргиналами – людьми, «выброшенными из общества».

Такую «выброшенность», по нашему мнению, вернее назвать социальной смертью, в противоположность социальной жизни в обществе. Уточним, что под социальной смертью понимается динамический процесс, в конце которого происходит распад личности, и, как правило, вскоре также наступает физическая смерть. Обычно социальная смерть наоборот наступает уже после физической, иногда весьма надолго ее «переживая», особенно, когда человек внес ощутимый вклад в социальную и культурную жизнь общества. В рассматриваемом нами случае происходит обратный процесс – личностный распад предваряет телесное умирание.

Ситуация современных изгоев общества очень напоминает положение «проклятого» члена племени. В самом деле, людей, оказавшихся на улице, стараются не замечать. Если мы рас-

смотрим историю проблемы на институциональном уровне, то увидим, что раньше данной категории, как и большинства «пережитков буржуазного общества» у нас просто «не существовало», его представителей подвергали уголовному преследованию. В современной ситуации отменены соответствующей статьи уголовного кодекса и конституционной свободы передвижения и выбора места жительства тем не менее остается институт прописки в соответствии с которым гражданина вносят во всевозможные государственные реестры и учитывают при оказании социальных услуг распределении социальных благ. Таким образом, не числящийся нигде человек как бы не существует для государства.

На уровне социума утрата социального капитала выражается в пренебрежении в отношении таких людей конституционными и моральными правами, присущими каждому человеку от рождения: на неприкосновенность (бездомные люди часто становятся жертвами насилия), оказание медицинской помощи, достойную работу и оплату и т.д. Сами бездомные реагируют на такое отношение недоверием и озлобленностью, следствием которых является нежелание и неспособность придерживаться нормативных правил общества.

Разрыв социальных связей ведет к социальной и культурной изоляции личности, утрате различных форм культурного капитала. Но, в отличие от социального капитала, который может быть утрачен бездомным человеком практически полностью, культурный капитал не теряется данной категорией без остатка. Более того, бездомные, как и выходцы из криминального мира, к которым они частично принадлежат, могут создать собственную субкультуру с отличным от общепринятого языком, своим собственным фольклором. Утрата языка, способов взаимодействия, культурных знаний полностью невозможна. Кроме того, все вышеназванное уходит на второй план по сравнению с утратой ценностей и норм, присущих данной культуре, что является основным вопросом в нашем исследовании утраты культурного капитала.

Социальная изоляция, о которой говорилось выше, приводит к исключению бездомного человека из системы норм и ценностей социума. Сам бездомный отвечает на это различно-го рода девиациями. Считая, что общество его обидело и отвергло, бездомный перестает чув-

ствовать свои моральные и культурные обязательства по отношению к окружающим людям. Этому способствует и то, что жизнь на улице, как говорилось выше, это постоянная борьба за выживание, и, думая о витальных потребностях, бездомный не придает большое значение средствам их удовлетворения.

Говоря об аналогии существования категории бездомных в замкнутом сообществе с жизнью в рамках тотальных институтов, мы упоминали об отсутствии самоидентификации вне этого замкнутого сообщества. Действительно, постепенно осознавая свою принадлежность к группе бездомных, общаясь в основном с представителями этой категории либо с людьми, обозначающими его стигмой «бомж», личность постепенно приобретает негативную самоидентификацию с данной группой. Многие сами усугубляют свое положение, отказываясь от общения с прежним окружением, чтобы друзья и знакомые не узнали, в каком униженном положении он оказался. Стигма «бомж» препятствует полноценному общению со всеми остальными людьми, не принадлежащими к данной категории, т.к. представители «разных миров» считают друг друга «чужими», не способными понять положение другого.

Необходимо отметить, что изменение ценностной структуры сознания не всегда появляется после того, как человек фактически стал бездомным. Как говорилось в начале работы, бездомность — это не отсутствие дома или квартиры, а, прежде всего социальный и культурный отрыв от общества, происходящий на уровне сознания. Моральную карьеру бездомного человека составляет процесс взаимного отдаления личности и общества путем утраты, прежде всего, символического, социального и культурного капитала.

И. Гоффман считал, что участники «тотальных институтов» имея схожие внешние условия, склонны переживать похожие моральные карьеры, они как бы отливаются в одну «форму», имея схожую судьбу. П. Бурдьё в свою очередь вводит понятие габитуса и говорит о социальном пространстве, где люди со схожими диспозициями производят схожие практики [12; 188-189] Тот же вывод вполне можно отнести к категории бездомных: одинаковая среда обитания, социальные условия и положение «отверженных» приводит к схожим сценариям жизнедеятельности. Поэтому целью дальнейшего эм-

пирического исследования предполагается анализ моральной карьеры бездомных людей, ответ на вопрос: каким образом и в какой степени может происходить наряду с утратой жилья и средств к существованию разрыв социальных связей и изменение ценностного сознания, обратимы ли эти изменения и каковы основные стадии моральной карьеры как нисходящей мобильности, и, соответственно, процесса интеграции бездомного человека в социум.

Литература

1. Busch-Geertsema, Volker. "Defining and measuring homelessness." *Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty* (2010): 19–39.
2. Townsend, P. (1979) *Poverty in the United Kingdom*, London, Allen Lane and Penguin Books. URSS. 2016. 200 с.
3. Lewis, Oscar (1969). "Culture of Poverty". In Moynihan, Daniel P. *On Understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences*. New York: Basic Books.
4. Wilson, W.J. (1991) "Studying inner-city dislocations", *American Sociological Review*, 56: 1-14.
5. С.С. Ярошенко «Синдром бедности» // *Социологический журнал*, 1994. Том. 0. № 2. с. 43-50.
6. Jencks C. *Rethinking social policy*. London: Harvard Univ. Press, 1992.
7. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*, University of Edinburgh Social Sciences Research Centre, 1959
8. Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. — New York, Doubleday, 1961
9. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity*. — N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963
10. Coleman J.S. *Social capital in the crenation of hymen capital* // *American Journal of Sociology*. 1998 p. 96
11. Леви-Стросс Клод - *Структурная антропология*. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
12. Бурдьё П. *Начала. Choses dites*: Пер. с фр. / Pierre Bourdieu. *Choses dites*. Paris, Minit, 1987. Перевод Шматко Н. А./ — М.: Socio-Logos, 1994. — 288 с.

Адаптация первокурсников в социокультурной и образовательной среде (по данным социологического исследования)

Жиркова С.К.

Результаты исследования позволяют составить обобщенную картину процесса адаптации первокурсников в социокультурной и образовательной среде высшей школы, исходя из данных об условиях адаптации, учебного процесса, воспитания и досуга, с которыми они сталкиваются во время первого семестра. Так же данные показывают, как влияют стартовые ресурсы первокурсников в процессе адаптации в высшей школе.

Ключевые слова: адаптация первокурсников, высшая школа, учебный процесс, образовательная среда, социокультурная среда, человеческий капитал, стартовые ресурсы.

Zhirkova S.K.

Adaptation of first-year students in the socio-cultural and educational environment (according to sociological research)

The results of the study allow us to make a generalized picture of the process of adaptation of first-year students in the sociocultural and educational environment of higher education, based on the data on the conditions of adaptation, the educational process, upbringing and leisure that they encounter during the first semester. The same data shows how the starting resources of freshmen in the process of adaptation in higher education influence.

Keywords: adaptation of first-year students, higher education, educational process, educational environment, socio-cultural environment, human capital, starting resources.

Исследования социальных проблем молодежи, в том числе и студенческой, занимают одно из ведущих мест в мировой социологии. Процесс адаптации первокурсников в пространстве высшей школы представляет собой многогранную проблему. Поступление в высшее учебное заведение и первые месяцы обучения связаны у студентов-первокурсников с трудностями, которые возникают при переходе от привычных для них условий средней школы в новые условия обучения в вузе. Многочисленными исследованиями установлено, что эффективность, успешность обучения во многом зависит от возможности студента-первокурсника освоить новую среду, в которую он входит, поступив в высшую школу.

Адаптация первокурсников долгий и не легкий процесс, обусловленный необходимостью отказа от привычного образа жизни студентов, преодоления различных адаптационных проблем в образовательном пространстве высшей школы.

Сотрудниками межкафедральной социологической лаборатории ФЭИ СВФУ в марте-апреле 2015 г. проведено инициативное социологическое исследование на тему: «Адаптация первокурсников ФЭИ (2015г.)» (рук. Винокурова Д.М.), целью которого была оценка респондентами организации учебного процесса и адаптации первокурсников финансово-экономического института.

Всего было опрошено 158 студентов-первокурсников финансово-экономического инсти-

Рис. 1

тута Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (или 92,4% от общей численности первокурсников, 171 чел.) из всех 11 учебных групп. В сборе первичных данных был применен тотальный опрос, полученные данные обрабатывались в пакете программ «IBM SPSS Statistics 22».

Результаты исследования позволяют составить обобщенную картину процесса адаптации первокурсников, исходя из данных об условиях адаптации, учебного процесса, воспитания и досуга, с которыми они сталкивались во время первого семестра, так же данные позволяют выявить влияние стартовых ресурсов, то есть навыков, умений и знаний, полученных в средней школе, на процесс адаптации в высшем учебном заведении.

В процессе адаптации первокурсников в образовательной среде многое зависит от условия учебного заведения, удобства расписания занятий, проведения самих занятий, преподавателей и т.д. Как видно из общих данных, большая часть (86%) опрошенных отметили, что им нравится учиться в Северо-Восточном федеральном университете (далее СВФУ). Начало учебы в высшей школе может изменить первоначальное мнение первокурсника в лучшую сторону, либо в отрицательную. На вопрос «Как повлияло начало учебы на Ваше отношение к выбору специальности?» 42,4% респондента ответили, что не изменили своего отношения к выбранной специальности, 29,1% опрошенных действительно поняли, что это их призвание, 20,3% респондента после занятий в первом семестре засомневались в своем выборе, 5,1% первокурсников поняли, что ошиблись в выборе специальности.

Как видно по данным исследования большинство студентов-первокурсников считают свой вуз (75,9%) и институт (71,5%) перспективным, так же свою специальность считают перспективной чуть более половины опрошенных (51,3%) и менее половины из опрошенных (36,7%) респондентов затруднились ответить.

В целом перспективу своего института значительное количество первокурсников оценивают востребованностью выпускников на рынке труда (49,4%), углубленное изучение иностранных языков (47,5%), профессиональный уровень профессорско-преподавательского состава (41,8%), далее идут варианты ответа «выдача дипломов международного образца» (27,8%) «материально техническая база» (15,2%) и не ответили на данный вопрос 15,8% респондента.

По мнению самих первокурсников (52%), процесс адаптации к студенческой жизни в финансово-экономическом институте СВФУ организован хорошо, то есть студент получает всю необходимую информацию, помощь и поддержку кураторов, деканата и т.д. Но чуть менее половины опрошенных считают, что процесс адаптации организован плохо (36%) и по мнению 8% опрошенных процесс адаптации в институте вообще не организован, т. е студент вынужден самостоятельно адаптироваться к новым условиям обучения (см. рисунок 1).

По данным исследования большинство первокурсников привыкли к новой студенческой жизни недолго и достаточно легко (58%), никакой адаптации не потребовалась, сразу почувствовали себя студентами 21% опрошенных и привыкли к новым условиям долго и трудно 19% респондентов.

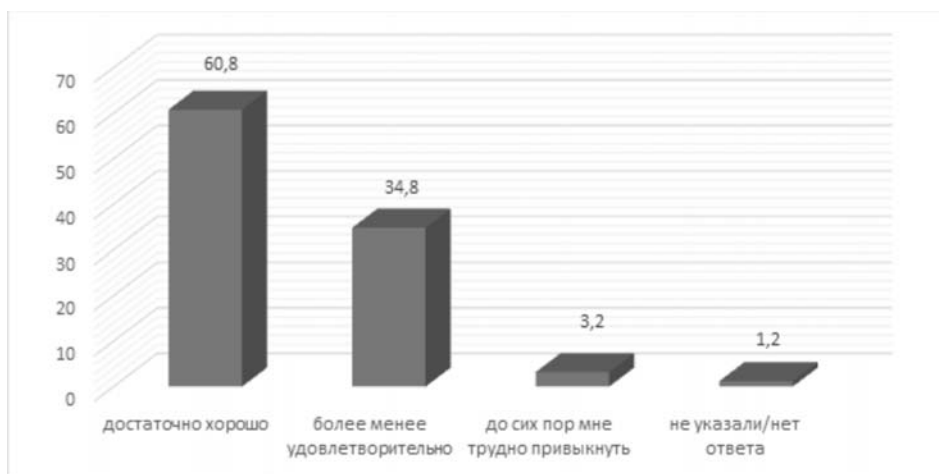

Рис. 2. Степень адаптации первокурсников к студенческой жизни.

Как указали студенты-первокурсники наиболее сложными проблемами являются проблема с самоорганизацией, то есть нехватка времени, неорганизованность, лень, неправильное распределение времени (51,3%) и проблемы с учебой (50%).

Одна из главных причин, затрудняющих адаптацию к условиям обучения в институте, 43,7% опрошенных назвали большую учебную нагрузку, много самостоятельной работы. Большинство студентов первого курса, как показывают наблюдения, не могут эффективно организовать свою учебно-познавательную деятельность, рационально спланировать и осуществить самостоятельную работу, и, как следствие, учатся ниже своих потенциальных возможностей именно из-за отсутствия таких навыков. Так же трудности, с которыми столкнулись первокурсники – это «неудобное расписание занятий» (43,7%), трудно дается новый материал, отдельные предметы (25,3%), недоступно излагается материал в аудиторных занятиях 19%, не хватает учебной литературы 17,1%, недостаточный уровень школьной подготовки 15,8%, языковой барьер 15,2% и всего 8,2% опрошенных не испытывают никаких трудностей с учебой.

Сами первокурсники оценивают степень адаптации к студенческой жизни достаточно хорошо (60,8%), более или менее удовлетворительно оценивают свою адаптацию 34,8% первокурсника, до сих пор трудно привыкнуть

3,2% респондентам и не указали ответа 1,2% опрошены (рис. 2).

По данным исследования первокурсники ожидают от процесса обучения в вузе в первую очередь получение диплома высшего образования (79,1%), овладение профессиональными навыками и умениями, чтобы устроиться на работу по специальности (71,5%), продолжить обучение за рубежом (29,1%), возможность продолжить обучение в магистратуре (27,8%), получить именные стипендии университета, повышенную стипендию РФ (13,9%), во время обучения проявить себя в общественной жизни университета 13,3%, выиграть университетские/международные гранты (4,4%), после окончания заниматься научной деятельностью (аспирантура) 1,9%.

Запас знаний, навыков, способностей и мотиваций, которые сформировались у студента в результате инвестиций и накоплений в средней школе целесообразно используется им в процессе учебы в университете. В теории человеческого капитала образование рассматривается не как потребительское, а как инвестиционное благо: индивид, включившись в образование, откладывает часть потребления на будущий период, поскольку полностью или частично тратит свою производительную способность – человеческий капитал – на наращивание ее самой [1, с. 45-46].

Под человеческим капиталом понимается совокупность воплощенных в человеке эконо-

мически ценных ресурсов — знаний, навыков, мотиваций, способностей к восприятию и продуцированию новой информации — полученных им в процессе образования и практической деятельности [2, с. 7–56]. Он формируется как накопленный результат образовательной деятельности в течение предшествующей жизни и неотчуждаем от его носителя, то есть человека. Ряд исследователей определяют человеческий капитал как образовательный ресурс человека [3, с. 87–96], его образовательный (человеческий) потенциал [4, с. 32–39]. Таким образом, накопленный образовательный ресурс мы рассматриваем как стартовый ресурс, то есть это багаж знаний, умений и навыков, который студент приобрел, будучи учеником в средней школе.

И так, по данным исследования видно, что студенты - первокурсники навыками и умениями как, записывать и конспектировать лекции (73,4%), работать с разной литературой и учебниками (76,6%), работать с библиотечным каталогом (48,1%), искать нужную информацию в интернет ресурсах (89,9%), составлять доклады, сообщения (62,7%), выступать перед аудиторией (54,4%), формулировать и высказывать свои мысли (58,2%), формулировать и задавать вопросы преподавателю (55,7%), решать конфликты, идти на компромисс (79,1%) и договариваться, вести переговоры (70,3%) обладали еще до поступления в вуз. Все перечисленные навыки и умения были приобретены в период обучения в средней школе до поступления в университет. Это показывает, что в вуз поступают подготовленные выпускники с достаточным стартовым ресурсом, следовательно, с хорошим фундаментом.

Как видно из данных исследования почти все первокурсники (98,1%) знают, что оценки знаний студентов по дисциплинам осуществляется на основе балльно-рейтинговой системы. Так же студентам практически все понятно по применению балльно-рейтинговой системы (52%), в целом понятно, но есть некоторые вопросы 45% респондентам и до сих пор ничего не понятно 1% из опрошенных. Также студенты отметили, что набирать баллы по дисциплинам легко (1,3%), не сложно, если постоянно заниматься (65,2%), считают, что набирать баллы сложно 31% опрошенных и 2,5% респондентов выбрали вариант ответа «другое» (вариант от-

вета «другое»: в зависимости от предмета; некоторым сложно, некоторым легко; по математике сложно; сложно, смотря какие предметы).

Большинство студентов уверены в том, что применение балльно-рейтинговой системы влияет на отношение студентов к своей учебе. Например, рейтинг дает понимание того, что надо готовиться к занятиям, семинарам, не пропускать лекции, то есть мотивирует и стимулирует студентов.

Педагогическое сопровождение позволяет преодолеть образовательные и социальные проблемы и обеспечить успешность процесса адаптации. Как видно по данным исследования, лично знают своего куратора 50% респондентов, знают, но лично не беседовали 46,2%, не знакомы и не видели 3,2% из опрошенных.

Кураторство — одна из форм воспитательной работы, выполняемой работниками профессорско-преподавательского состава в рамках их должностных обязанностей, предусмотренных их индивидуальными планами. Основными направлениями деятельности куратора в вузе являются: вовлечение студентов в социально активную жизнь, формирование у них чувства ответственности, воспитание нравственно и физически здоровой личности. Важное место в процессе профессиональной подготовки будущего специалиста занимает воспитательная деятельность, осуществляемая через институт кураторства. Наряду с овладением теоретическим и практическим знаниям студент приобретает, в процессе обучения в вузе, опыт внутригруппового общения, взаимодействия с разными социальными институтами, организации совместной работы со студентами других курсов [5, с. 150-151].

Для успешной адаптации необходимым является проявление активной позиции, которая должна быть не только у преподавателя, но и у студента, то есть должна быть совместная деятельность. Студент должен сам находить и выбирать для себя способы и пути достижения той или иной образовательной цели, а преподаватель — создавать для этого условия [6, с. 87-89].

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс адаптации напрямую влияет на успешность в учебе, на саморазвитие личности студента, и так же в дальнейшем на формирование образовательной стратегии студентов.

Результаты исследования показывают, что личные отношения с одногруппниками складываются отлично, то есть почти со всеми дружеские отношения у 39% респондентов, хорошие личные отношения (дружеские отношения со многими) у 44,5% первокурсников, удовлетворительные отношения (дружеские отношения только с некоторыми) у 12% из ответивших, плохо (никак не могут найти общий язык ни с кем) 0,6% респондентам и не указали ответа 3,1% опрошенных.

Большинство первокурсников информированы, что в СВФУ работает Центр психологической поддержки студентов (5% знают и обращались, 72% знают, слышали) и не знают никогда не слышали 22% из опрошенных. Как видно по данным большинство опрошенных при возникновении проблемы с учебой в первую очередь обращаются к родителям (46,8%), а когда проблемы в личном плане первокурсники в первую очередь обращаются к друзьям (59,5%).

По данным исследование видно, что большая часть первокурсников ведут здоровый образ жизни. Алкогольные напитки, психотропные и наркотические вещества не потребляют 83% первокурсников, потребляли 15% из опрошенных и не указали 1%.

В свободное от учебы время студенты посещают спортивные секции (постоянно 17,1%, время от времени 19%, по случаю 30,4%), кружки, студии по интересам (постоянно 14,6%, время от времени 7,6%, по случаю 13,3%), кинотеатры (постоянно 15,8%, время от времени 43%, по случаю 26,6%), музеи и театры (постоянно 2,5%, время от времени 21,5%) и др.

По данным исследования студенты-первокурсники удовлетворены работой своего куратора, работой заместителя директора по воспитательной работе (69,6%), так же большинство удовлетворены работой органов студенческого самоуправления (первичная профсоюзная организация студентов СВФУ, профсоюзная организация студентов института) (84,2%), использованием новых технологий в обучении (75,3%), организацией культурно-массовой деятельности и досуга (концерты, секции, кружки) (81,6%).

Исходя из результатов исследования, можно предположить, что преподавательское сопровождение в СВФУ эффективно работает и помогает управлять данным процессом.

Первую сессию успешно закрыли 74,7% студентов-первокурсников: 63,9% респондентов на хорошо и отлично, 14,6% на удовлетворительно, 10,8% на отлично, и 8,9% закрыли сессию с передачей.

Своим большим достижением первокурсники считают участие в культурных и творческих мероприятиях института/университета.

Как отметили сами первокурсники, они хотели бы внести по улучшению учебного процесса и успешной организации процесса адаптации первокурсников следующие предложения и замечания:

- больше внимание уделять психическому состоянию студентов
- веревочные курсы
- встреча групп для дружеских отношений
- выезды за город, больше спортивных мероприятий
- изменить расписание, то есть учиться с утра, не с 3-й пары
- интересные исследования в группе во время дисциплин и др.

Таким образом, адаптация первокурсников – это сложный и длительный процесс. Он обусловлен необходимостью отказа от привычного образа жизни, неизбежностью преодоления многочисленных различных адаптационных проблем и затруднений в образовательной и социокультурной среде.

По данному исследованию видно, что большая часть первокурсников, а это 60,8% прошли адаптацию успешно без каких-либо трудностей.

Как указывают первокурсники наиболее сложными проблемами являются проблемы с самоорганизацией (нехватка времени, неорганизованность, лень, неправильное распределение времени и т.д.) (51,3%) и проблемы с учебой (50%). Большинство первокурсников ожидают от процесса обучения в СВФУ в первую очередь получение диплома высшего образования (79,1%) и овладение профессиональными навыками и умениями, чтобы в дальнейшем устроиться на работу по специальности (71,5%).

Как показывают результаты исследования, умения и навыки, приобретенные в средней школе, играют большую роль в социокультурной и образовательной адаптации первокурсников в высшей школе. Стартовые ресурсы, то есть знания, навыки и умения, приобретенные в средней школе, помогают успешно пройти адап-

тацию в вузе и играют значительную роль в формировании образовательной стратегии студентов.

В свободное от учебы время студенты наиболее часто посещают спортивные секции, кружки, студии по интересам, кинотеатры. Значительное большинство студентов-первокурсников ведут здоровый образ жизни (не имеют вредных привычек) (83%). Как видно по данным исследования студенты, вовлеченные в культурную и творческую жизнь института/ университета проходят адаптацию более успешно.

Вузовская адаптация - процесс непрерывный, так как не прекращается ни на один день, но наиболее важным периодом, своеобразным фундаментом является период обучения на первом курсе. Поэтому необходимо создание оптимального условия для успешной адаптации студентов-первокурсников. К этому должны приложить усилия не только преподаватели и кураторы, но и сами студенты.

Литература

1. Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской мо-

лодежи (на материалах социологических исследований). – М.: ЦСП и М, 2014. С.45-46

2. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999. С. 7–56.

3. Геворкян Е.Н. Рынок образовательных ресурсов: аспекты модернизации. М.: Маркет ДС, 2005. С. 87–96

4. Марцинкевич В. Инвестиции в человека: экономическая наука и российская экономика (Что скрывается за термином «человеческий капитал») // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 9. С. 32–39

5. Станиславчик Л. И. Куратору, работающему с первокурсниками: Метод. пособие / БГВПК, Барановичи, 2011. – С. 150-151

6. Кашпирева Т.Б. Система кураторства как средство обеспечения социально-культурной адаптации иностранных студентов // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар.заоч.конф. – Пермь: Меркурий, 2011. – С. 87-89

Этапы становления волонтерства как социокультурного феномена в современном понимании

Ковель Т.А.

Статья посвящена рассмотрению исторических этапов становления волонтерства как социального явления. Выделено три этапа становления и развития волонтерства: волонтерство как специализированный военный термин, волонтерство как около военная деятельность, волонтерство в современном понимании. Рассмотрены характерные черты каждого из этапов.

Ключевые слова: волонтерство, социальный феномен, стадии развития волонтерства, становление волонтерства.

Kovel T.A.

Stages of formation of volunteering as a socio-cultural phenomenon in the modern sense

The article is devoted to the historical stages of the formation of volunteerism as a social phenomenon. There are three stages of formation and development of volunteering: volunteering as a specialized military term, volunteering as a military activity, volunteering in the modern sense. The characteristic features of each stage are considered.

Keywords: volunteering, social phenomenon, stage of development volunteering, development of volunteering.

Волонтерство это социальный феномен, зародившийся и получивший распространение в развитых странах в XX веке. В современной науке волонтерство это массовое явление, изучаемое многими социальными науками. Большой научный интерес к изучению волонтерства связан прежде всего с массовостью данного явления: по мнению представителя ООН, волонтерскую деятельность по всему миру на постоянной основе осуществляют около ста девяти миллионов человек [1].

Процесс институционализации любого явления качественно меняет не только статус самого явления, но и также вносит значительные изменения в жизнь общества. Становление института волонтерства в европейских странах и США, привнесло качественные изменения во многие сферы жизни общества. К примеру, в сфере образования волонтерство значительно расширило возможности студентов в изучении иностранных языков, получении профессиональных навыков, а также дало доступ к дополнительным знаниям, что несомненно способствует не только изменению отношения к образовательному процессу, но и дает необходимые навыки в будущей профессии.

Нельзя сказать о том, что рассматриваемое социальное явление свойственно лишь современному миру. Примеры частных волонтерских инициатив и объединений можно найти в различных исторических источниках. В разное время существовали разнообразные формы взаимопомощи и благотворительности, практик близких по значению к волонтерской деятельности. Однако, благодаря множеству процессов, происходивших на рубеже XIX-XX мы имеем дело с явлением глобального масштаба, которое закрепились в виде социального феномена и институционализировалось в XX веке.

Принято считать, что волонтерство и благотворительность тесно связаны с собой. Ког-

да речь заходит об исторических предпосылках появления волонтерства, в пример приводятся различные практики взаимопомощи, существовавшие до возникновения волонтерства. Взаимопомощь была частью принятого уклада в большинстве традиционных обществ. Волонтерство несмотря на близость к традиционным институтам взаимопомощи сегодня становится не просто самостоятельным социальным феноменом, а целой сферой занятости в глобальном мире. Волонтерство применяется в образовании, науке, бизнесе и во многих других сферах.

Есть множество факторов, повлиявших на то, что современное волонтерство следует рассматривать как самостоятельный социальный институт. Среди таких факторов можно выделить следующие: секуляризация и снижение влияния института религии на жизнь обществ в развитых странах, урбанизация, гражданское общество и практики массовых гражданских союзов и объединений, первая и вторая мировые войны, создание Организации Объединенных наций и других надгосударственных институтов.

Существуют разные точки зрения по поводу точного времени возникновения волонтерства как социального явления в современном понимании. На пути становления волонтерство произошло множество изменений, включая терминологическое. Развивающееся в той или иной степени явление на протяжении существования человечества, став самостоятельным явлением перенял свое название из очень далекой для себя сферы. Можно сказать, о том, что за несколько десятков лет волонтерство кардинально сменило сферу применения и вобрало в себя с одной стороны уже существовавшие практики, а с другой появился совершенно новый феномен, который спустя столетие стал обще социальным и применимым во многих сферах жизни общества. На сегодняшний день волонтерство это практика, которая применяется по всему миру.

Можно выделить три этапа становления волонтерства в современном понимании: волонтерство как специализированный военный термин, волонтерство как около военная деятельность, волонтерство в современном понимании. Рассмотрим подробнее характерные черты каждого из этапов.

1. Волонтерство как специализированный военный термин.

Первоначально волонтерами называли поступающих на военную службу на добровольных началах. Такое определение приводится в словаре, издававшемся в дореволюционной России: «Волонтер (Volontaire) – добровольно поступающий на военную службу охотником или вольноопределяющимся» [2]. Добровольное вступление волонтеров ряды армии было общепринятым для всех стран, где существовали регулярные армии. Подобная практика поступления на военную службу долгое время была одним из основных источников рекрута граждан для нужд армии. Волонтерство как военная практика имеет некоторые схожие черты с современным волонтерством. Прежде всего это фактор добровольности: люди могли самостоятельно обратиться за разрешением вступить в ряды армии. Подобная практика не прекратила своего существования и сегодня, однако на сегодняшний день институт армии, к примеру, использует следующий термин – служба по контракту. Волонтерство в современном понимании гораздо шире тех практик, которые применяются в военной сфере.

Во время существования волонтерских практик в военной сфере, волонтерство в современном понимании развивалось на уровне частных гражданских инициатив. В некоторых странах, к примеру, в США существовали добровольные дружины в сфере оказания порядка и пожаротушения, такие объединения носили как правило добровольный характер, но, строго говоря, считать такую деятельность волонтерской нельзя, поскольку волонтеры, выходявшие на службу, получали частичную оплату и спустя несколько десятков лет такие организации трансформировались в профессиональные институты оказания помощи. В частности, Бенджамин Франклин, участвовал в создании первой волонтерской пожарной дружины в США [3].

2. Первые частные волонтерские инициативы

В то время, когда работа на добровольных началах развивалась вокруг института армии, солдатам, участвующим в военных действиях, была необходима медицинская и продоволь-

ственная поддержка. Для оказания системной медицинской помощи создавались организации сестер милосердия, в которые входили женщины, имеющие специальную подготовку. Одна из первых подобных организаций – Красный Крест, идею создания которой предложил Анри Дюнан. Целью создания этой организации была помощь жертвам военных действий [4]. Добровольцы Красного Креста также участвовали в помощи жертвам стихийных бедствий. Красный крест это пример первой организации, которая стала оказывать системную помощь на волонтерских началах. В России одна из первых частных инициатив Крестовоздвиженская община сестер милосердия пример первой российской организации, которая вела подобную Красному кресту практику.

3. Волонтерство в современном понимании

Первая мировая война стала серьезным травматическим опытом для населения Европы. После окончания войны было создано множество организаций, основными целями которых было восстановления разрушенных городов, помощь населению. Серьезное влияние на развитие волонтерства оказали созданные после второй мировой войны ООН и другие надгосударственные объединения. Так, волонтерство окончательно вышло за рамки военной и некоторых других узкоспециализированных сфер. Одной из первых организаций, созданной для осуществления волонтерского труда является Service Civil International [5]. С этого времени практика во-

лонтерского труда претерпела серьезные изменения и стала развиваться как совершенно новый социальный институт. К середине XX века волонтерские организации и практики стали распространяться по всему миру.

На основе проведенного анализа, можно сказать о том, что волонтерство сегодня – практика, появление которой стало возможным благодаря множеству социальных трансформаций и развитию гражданского общества. Рассмотренные выше этапы становления волонтерства позволяют сделать вывод о том, что волонтерство вобрало в себя уже существовавшие характерные черты добровольчества, однако на сегодняшний день это самостоятельный социальный феномен.

Литература

1. ООН оценивает число волонтеров в мире в 1 млрд человек
URL: <https://tass.ru/pmef-2018/articles/5238487> (дата обращения: 18.12.2018)
2. А - А. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 01
3. Union Fire Company URL: <http://www.benjamin-franklin-history.org/union-fire-company/> (дата обращения: 5.04.2019)
4. Международный комитет Красного креста URL: <https://www.icrc.org/> (дата обращения: 1.03.2019)
5. Service Civil International URL: <https://www.sci.ngo/who-we-are> (дата обращения: 1.03.2019)

Социопатия как форма диссоциативного расстройства личности и ее признаки

Мамедова Л.В.

Человек, страдающий диссоциальным расстройством личности, а именно социопатией, характеризуется асоциальным поведением, пренебрежением социальными нормами, чрезмерной импульсивностью, доходящей до агрессии, неспособностью формировать привязанности к другим членам социума. В данной статье на основе анализа психологической литературы описана социопатия как форма диссоциативного расстройства личности. Она определяет характеристики, признаки, критерии диагностики, симптомы проявления социопатии, методы ее лечения, типы социопатов и виды их поведения.

Ключевые слова: личность, социопатия, расстройства личности, признаки социопатии.

Mamedova L.V.

Sociopathy as a form of a dissociative personal development and her signs

A person suffering from dissocial personality disorder, namely sociopathy, is characterized by antisocial behavior, neglect of social norms, excessive impulsiveness, reaching aggression, inability to form attachments to other members of society. In this article, based on the analysis of psychological literature, sociopathy is described as a form of dissociative personality disorder. It determines the characteristics, signs, diagnostic criteria, symptoms of sociopathy, its methods of treatment, types of sociopaths and their types of behavior.

Key words: personality, sociopathy, personality disorders, signs of sociopathy.

Diagnostic and Static Manual of American Psychiatry Association, Fifth edition (Диагностическое и статистическое руководство Американской психиатрической ассоциации, пятая редакция) определяет социопатию и психопатию синонимами диссоциального расстройства личности, характеризующегося асоциальным поведением, пренебрежением социальными нормами, чрезмерной импульсивностью, доходящей до агрессии, неспособностью формировать привязанности с другими членами социума [1]. Данное нарушение имеет следующие характеристики:

- 1) постоянность проявления;
- 2) затрагивает не отдельные грани личности, а всю в целом;
- 3) невозможность адаптации в социуме.

Не существует единого мнения о причинах возникновения социопатии, среди потенциальных выделяют следующие, как правило, социальные [2]:

- 1) наследственность,
- 2) неверное воспитание,
- 3) влияние проблем общества,
- 4) подражание индивиду, страдающим данным расстройством.

Согласно DSM-5 наличие не менее трех критериев ниже свидетельствует о социопатии [3]:

1. Повторяющиеся нарушения законодательства, игнорирование общественных норм.
2. Частое использование лжи.
3. Импульсивность, неспособность к планированию.
4. Раздражительность, агрессивность, предрасположенность к насилию.
5. Отсутствие ответственности, невозможность нести финансовые обязательства.
6. Безразличие и бессердечность к окружающим.

7. Отсутствие раскаяния при причинении другим вреда.

Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) определяет общие диагностические критерии расстройств личности, соответствие которым должно быть у всех подтипов расстройств [1]:

- 1) несбалансированность в поведении и личностных позициях, силе взаимоотношений;
- 2) устойчивый, длительный характер аномального поведения;
- 3) характерность аномального поведения ко всем типам ситуаций, как межличностным, так и социальным;
- 4) возникновение аномального поведения в детстве или подростковом возрасте и его сохранение в зрелости;
- 5) возникновение значительного дистресса, заметного зачастую только с течением времени;
- 6) обычное, но не обязательное ухудшение продуктивности.

Американский психолог и психиатр Эрик Берн выделил два типа социопатов [4]:

1. Латентный или пассивный – принимает авторитетность закона или религии, более сильной личности, большую часть времени ведет себя в рамках норм и правил, молчалив, спокоен, способен осознавать последствия поступков и решений, способен адаптироваться в обществе, будучи спровоцированным ведет себя агрессивно.

2. Активный – не способен контролировать и умирять свой нрав, не признает авторитетов, стремятся привлечь внимание агрессивностью, конфликтами.

Виды девиантного поведения социопатов:

1) криминальное (преступления сексуального характера, убийства и т.п.);

2) не наказуемое, но порицаемое (гадости по отношению к другим, вождение в пьяном виде, нежелание исполнять обязанности и т.д.).

Страдающие социопатией отличаются деструктивным поведением, могут страдать алкоголизмом, наркозависимостью, болезнями, передающимися половым путем. Они не терпят никаких ограничений, прекрасно манипулируют другими, подчиняют окружающих и рассматривают их, как средства для достижения желаемого, способны поначалу превосходно располагать к себе.

Симптомы социопатии проявляются еще в детстве в виду невозможности детей осознать важность соблюдения норм и правил, неспособности сдерживать свои эмоции. Антисоциальное поведение ребенка может выражаться в насилии и жестокости, проявляемым к животным, детям, сверстникам. Такой ребенок непокорен, неласков, постепенно становится в своих действиях хитрее и изощреннее. В случае неверной реакции взрослых на такое поведение оно закрепляется, вырабатывается и поведенческий модуль, который со временем усугубляется в проявлении. Согласно исследованию социопатами могут стать дети, которых как чрезмерно опекали, так и почти не воспитывали [5]. Усугублять психическое расстройство способны травмы головы и иные психическое заболевания. Критично выработать необходимый стиль воспитания исключительно совместно с психотерапевтом, так как именно в период детства ребенок еще может быть восприимчив к социальным нормам и требованиям.

В подростковом возрасте социопатия может выявляться в форме отшельничества ребенка, если он стал изгоем среди сверстников, плохо учится, имеет неприемлемое поведение, в следствие чего родителей часто вызывают в школу. Такому подростку сложно высидеть один урок, он не подчиняется установленным правилам, лжет и запутывает, стараясь выкрутиться, не испытывает чувства вины – важного фактора, который позволяет человеку не отклоняться от дозволенных норм и правил общества, очень высока вероятность приобретения любого рода пагубной зависимости.

В зрелом возрасте социопаты чрезвычайно обаятельны, способны изображать добропорядочность лишь для создания своего образа. Они корыстны, эгоистичны, манипулируют другими людьми для достижения собственной выгоды, стремятся получить от жизни как можно больше удовольствия, не боятся нарушать закон, у них отсутствуют базовые человеческие эмоции и навыки – любовь, привязанность, теплота, ответственность перед другими людьми, совесть. Социопатия у мужчин проявляется в 5 раз чаще. У родителя-социопата с большей вероятностью ребенок будет страдать истерией [5]. Для таких детей отсутствие родительских любви, заботы и внимания – неизбежность, они вырастают с уверенностью о том, что они их

недостойны. В виду оказываемого влияния родителя-социопата такие дети не способны увидеть проблему взрослого и до конца верят в то, что действия и поступки родителя были приняты из лучших побуждений, основывались на любви к ним.

Клинический психолог ДжонисУэббо определяет шесть признаков, которые помогут выделить социопата [6]:

1. Проявление грубости, оскорбления, при этом ответная реакция не ожидается.

2. Манипулирование другими.

3. Всегда переменчивая без причин манера общения без причин.

4. Легкое использование лжи для объяснения поступков.

5. Невозможность признания вины или ошибок (неспособность испытывать чувство вины и мучения совести).

Методы взаимодействия с людьми, страдающими данным расстройством:

1) быть всегда настороже,

2) понимать, чего можно ожидать от социопата;

3) избегать обращаться к нему за поддержкой;

4) не оправдывать поступки;

5) заставляйте нести ответственность за содеянное.

Диагностика диссоциального расстройства личности производится психотерапевтом на основании фиксирования у пациента эмоциональной неустойчивости, проявлений агрессии, постоянного отсутствия единства поведения. Симптомы социопатии [2]:

1) неспособность оценивать свое поведение;

2) отсутствие уважения к другим;

3) отказ принятия общественных норм и требований.

Предположить социопатию можно на основании следующих проявлений:

1) враждебность, перерастающая в насилие;

2) невозможность заключений, основываясь на негативном опыте;

3) безразличие к чувствам окружающих;

4) игнорирование норм и правил;

5) выраженное отрицание;

6) невозможность взаимоотношений и их поддержания;

7) необоснованность постоянных обвинений;

8) провоцирование конфликтов.

Дополнительные симптомы социопатии:

1) использование лжи и манипуляций;

2) частые криминальные проявления;

3) проявление протеста и агрессии;

4) расположенность к неоправданному риску;

5) неконтролируемое асоциальное поведение и провокации в обществе;

6) безответственность;

7) удовольствие от нанесенного ущерба другим.

Люди, страдающие социопатией неспособны самостоятельно понять, что им нужна помощь психотерапевта. Т.к. они неконтактны и неспособны критиковать свое поведение, лечение протекает сложно и только после установления надежной кооперации между врачом и пациентом с определением четкой грани взаимоотношений для нивелирования манипуляций со стороны последнего. Основные цели терапии – оказание содействия с социализацией в обществе, научить сохранять спокойствие, выработать уважение к нормам и требованиям, сдерживать попытки асоциального поведения при обострениях диссоциального расстройства личности.

Литература

1. Диссоциальное расстройство личности.

Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Диссоциальное_расстройство_личности

2. Лечение социопатии. Режим доступа: <https://emberint.ru/services/sociopatiya/>

3. Психопат и социопат: в чем разница? Режим доступа: <http://www.psychologies.ru/articles/psihopat-i-sotsiopat-v-chem-raznitsa/>

4. Берн Э. Введение в психиатрию и психологический анализ для непосвященных. – Минск, 1998 г.

5. Социопатия – что это такое и кто такие социопаты. Режим доступа: <https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/sociopat-kto-eto-takoj-chto-takoe-sociopatiya.html>

6. Как распознать социопата. Режим доступа: <http://www.psychologies.ru/articles/kak-raspoznat-sotsiopata/>

Анализ социологических моделей ухода за пациентами с хроническими заболеваниями

Месропян М.Г.

В рамках данной статьи был проведен анализ социологической теории и ранее проведенных исследований для выяснения того, как именно управлять уходом за пациентами и контролировать хронические заболевания, а также рассмотрены социологические подходы обеспечения лучшей медицинской практики для пациентов с хроническими заболеваниями.

Было изучено исследование, проведенное Галлахером и другими социологами, относительно неполноценности теоретического описания парсоновской системы отношений между врачом и пациентом при хроническом заболевании и уходе. Также рассмотрены изучения социологов по управлению хроническими заболеваниями и уходом. В результате были сделаны выводы о том, что для улучшения практики ухода за собой необходимо принимать во внимание следующее: пациенты управляют своими заболеваниями как в домашних условиях, так и в рамках всего общества. Также нужно отметить, что со стороны сферы здравоохранения должен учитываться тот факт, что в результате неравенства средств можно столкнуться с такой ситуацией, когда пациенты не в состоянии придерживаться рекомендаций врачей.

Ключевые слова: социология медицины, социологические модели, отношение врач-пациент, хроническое заболевание, управление уходом за собой.

Mesropyan M.G.

Analysis of sociological models of care of patients with cronical illnesses
As part of this article, a literary review of sociological theory and previous studies was conducted to find out exactly how to manage patient care and chronic diseases, as well as consider sociological approaches to ensure the best medical practices for patients with chronic diseases.

Gallagher's and other sociologists' studies were studied regarding the inferiority of the theoretical description of the Parson's system of relations between a doctor and a patient in chronic disease and care. Studies of sociologists in chronic disease management and care are also reviewed. As a result, it was concluded that in order to improve the practice of self-care, the following should be taken into account: patients manage their diseases both at home and throughout society. It should also be noted that, health sector should take into account that as a result of inequality of funds, one may encounter a situation where patients are not able to follow the recommendations of a medical professional.

Keywords: Sociology of medicine; sociological models; healthcare professional-patient relationship; chronic illness; self-care management.

Толкотт Парсонс представил теоретический отчет о взаимоотношениях между врачом и пациентом, который все еще влияет на социологическую концептуализацию отношений между поставщиками медицинских услуг и пациентами. Часть этого описания основана на роли пациента и, с точки зрения его непосредственной актуальности, на обязательствах пациента соблюдать медицинские рекомендации. [10]

В здравоохранении это понятие аналогично понятию «соблюдение/приверженность». Последнее указывает на то, что пациенты действуют в рамках роли больного, а несоблюдение рекомендаций по уходу, рассматривается, как признак отклонения пациента, что подкрепляет Парсоновское описание отношений между врачом и пациентом. [8]

Полезно рассмотреть исследования, проведенное Галлахером относительно «Парсоновской социологии болезни». Галлахер отмечает, что Парсонс не столько пытался объяснить практику здравоохранения, сколько пытался развить общую социальную теорию с помощью здравоохранения в качестве примера. Такая ориентация частично объясняет ограничения представлений Парсонса, включая следующие замечания Галлахера: концепция отклонения не учитывает ситуацию пациента с хроническим соматическим заболеванием или инвалидностью. Она не учитывает профилактическое здравоохранение или поддержание здоровья и представляет относительно недифференцированную картину социальной структуры здравоохранения. В ней мало внимания уделяется той возможности, что различные типы роли врача в сочетании с различиями в медицинской практике могут вызывать систематические различия в поведении и ожиданиях пациента». [5, стр.209]

Словом, Галлахер выявил все теоретические ограничения взгляда Парсонса относительно социологии медицины, которые еще не были

должным образом рассмотрены в отношении социологии хронических заболеваний. Галлахер отмечает, что понятие болезни как «оклонение» согласно Парсонсу нелегко применить к хроническим болезням из-за их неопределенной продолжительности. Кроме того, он отмечает, что целью лечения хронических заболеваний является не выздоровление, а адаптация. Галлахер отмечает, что «лечение хронических заболеваний основано на элементах семьи и социальной поддержке, что требует более теоретического признания. Он объясняет, что пациент должен смириться со своим состоянием и вести свое собственное лечение и реабилитацию в рамках того, что прописывает врач. Благодаря этим наблюдениям Галлахер может указать недостающие элементы социологической теории хронических заболеваний. Такая теория должна предоставлять существенную автономную составляющую роли пациента; должны быть более широкие возможности для ценностей и ресурсов пациента, необходимо учитывать различия в адаптации, основанные на физических и социальных условиях, включая домашние условия, как физическую и временную среду. Наконец, он отмечает, что «слепое пятно» в профессиональной практике напрямую связано с характером медицинской практики и социальной структурой медицинской помощи, которые придают большое значение когнитивному пониманию процесса болезни».[3, стр. 210- 213]

Медицинским социологам необходимо признать, что каждое из этих наблюдений привело к отдельным и продуктивным направлениям исследований (например, семейный уход, социальная поддержка и здоровье).[3] Не был разработан лишь теоретический отчет, который включает в себя наблюдения Галлахера и, таким образом, напрямую обращается к неполноценности теоретического описания парсоновской системы отношений между врачом и пациентом при остром заболевании и уходе. Действительно, эти области исследования (уход, социальная поддержка и здоровье, группы поддержки и здоровье) в значительной степени продвинулись без учета общего контекста хронического заболевания.

В той степени, в которой уход в семье представляет собой ответ на необходимость справляться с хроническими заболеваниями в домаш-

них условиях, уход и его влияние на здоровье пациента представляют собой один из способов по которым социологи изучают хроническую болезнь и ее последствия. Если цель ухода заключается в поддержании пациента таким образом, чтобы хроническое состояние его здоровья не ухудшалось так быстро, как могло бы, и пациент избегал осложнений, которые приводили бы к необходимости госпитализации, то исследования по уходу за больными можно рассматривать, как решение проблем здоровья пациентов в семье. Подавляющее большинство исследований по уходу сосредоточено на пожилых членах семьи. Здесь не имеется в виду, что старение равнозначно хроническому заболеванию. Выдвигается аргумент, что уход и связанные с ним результаты могут рассматриваться как один из способов, которыми социологи изучали управление хроническим заболеванием. То, что большинство исследований по уходу сосредоточены на медицинских или психологических результатах для лиц, осуществляющих уход, а не для пациентов, также не отменяет аргумент, который приводится в отношении тех исследований, которые фокусируются на результатах, получаемых в результате ухода. Горовиц описывает функции ухода с точки зрения выгод для пациента, которые включают эмоциональную поддержку, прямое предоставление услуг и финансовую помощь.[7]

На самом деле исследования лица, осуществляющего уход за пациентом и самим пациентом во многом связаны с двухсторонними или односторонними последствиями этих отношений. В большинстве случаев отношения «врач-пациент» или «система здравоохранения-пациент» не рассматриваются одновременно с двухсторонними отношениями. Тем не менее, исследования «лицо, осуществляющее уход - пациент» могут быть полезны для практикующих врачей, поскольку они дают представление о сфере семейной помощи лицам с хроническими заболеваниями. Понятно, что семьи и сети, обеспечивающие уход, существуют для того, чтобы управлять ежедневными физическими и эмоциональными потребностями пациента путем мобилизации ресурсов для оказания помощи. И, несмотря на то, что подавляющее большинство исследований по уходу за больными связано с последствиями стресса для лица, осуществляющего уход, высокий уровень стресса

для последнего также связан с институционализацией пациента и, таким образом, имеет отношение к изучению хронических заболеваний. [2]

Существуют социологические подходы, которые решают проблему с точки зрения социологии медицины и обладают более широким потенциалом для того, чтобы повлиять на понимание хронических заболеваний и способы их лечения. Страусс и Корбин подходят к этой проблеме с феноменологической точки зрения. Они утверждают, что для того, чтобы система здравоохранения разработала соответствующую систему лечения хронических заболеваний, необходимо понимать проблемы хронических заболеваний с точки зрения людей имеющих их. Они предполагают, что система здравоохранения может использовать это понимание для построения системы, которая функционирует таким образом, чтобы соответствовала опыту хронических заболеваний и максимально повышала качество жизни. Модель, предлагаемая авторами, утверждает, что дом - это ключевое место, где ведется борьба с болезнями на протяжении всей жизни, и главная забота больных заключается не в том, как справиться с болезнью, а как поддержать качество жизни. А хронические заболевания требуют управления на протяжении всей жизни. [9]

Если уход является одной из форм социальной поддержки, существует также направление исследований, которое напрямую связывает социальную поддержку с соблюдением правил лечения и ухода за собой. Галлант и ДиМаттео рассмотрели исследования взаимосвязи между социальной поддержкой и приверженностью пациентов. [6] ДиМаттео пришел к выводу, что социальная поддержка может сдерживать стресс и позволяет человеку участвовать в более адаптивных поведении пациента. Присутствие близких людей может привести к прямому или косвенному влиянию на поведение пациента, способствуя как соблюдению норм, так и введению санкций за отклонение от рекомендаций врача. [4]

Роль групп поддержки, а теперь и Интернета, как источников социальной поддержки и информации, была тщательно изучена социологами. В этих исследованиях подчеркивается роль сетевых ресурсов, помимо тех, которые состоят из семьи и друзей. В целом, социальные

сети предоставляют доступ к материальным и эмоциональным ресурсам, которые увеличивают личные ресурсы. Широко распространенная доступность групп организованной самопомощи и поддержки (часто формирующихся вокруг организаций, специализирующихся на конкретных заболеваниях) обеспечивает доступ к информации и личным вспомогательным ресурсам, которые повышают личный опыт пациентов и влияют на динамику отношений между врачом и пациентом. В этих исследованиях также признается факт, что медицинские работники могут и действительно взаимодействуют с группами самопомощи, чтобы прямо или косвенно помогать пациентам.

Использование Интернета для получения медицинской информации также представляет собой применение сетевых ресурсов пациентами как часть личной медицинской помощи. Такая практика также рассматривается как вызов существующей монополии на экспертные знания в области здравоохранения и преимущество для расширения прав и возможностей пациентов. В настоящее время есть доказательства того, что те, кто получает информацию о здоровье в Интернете, могут отличаться от тех, кто получает информацию оффлайн. Было установлено, что пользователи онлайн лучше образованы и имеют более высокие доходы. Такие результаты предполагают, что будет наблюдаться различие в использовании социальных и информационных сетей пациентами и семьями на основе различий социального статуса.

В той степени, в которой социальная поддержка, группы поддержки и исследования по уходу и использованию Интернета представляют социологические подходы к изучению ведения хронических заболеваний, они также представляют социологические подходы в медицинской традиции. Выводы, сделанные в конце этих исследований, дают представление о практическом повседневном управлении хроническими заболеваниями, которое может быть очень полезным для медицинских работников при разработке услуг, способствующих приверженности пациентов. [1]

Заключение

Основной вывод, который можно сделать из социологических исследований по уходу, социальной поддержке, здоровью и т.д., зак-

лючается в том, что взаимоотношения между пациентом и врачом не описывают фактический способ, который пациенты применяют при борьбе с болезнью. Более точные об этом можно сказать при помощи «пациент-центрических» отношений. Медицинская система, ориентированная на пациентов (возможно, полезная при острых заболеваниях) может быть не лучшим способом для концептуализации «пациент в обществе». Следовательно, медицинские услуги, предназначенные исключительно для пациентов, могут быть неспособными распознать структуры ухода/социальной поддержки, которые, по-видимому, влияют на способность пациентов справляться со своей болезнью. Другими словами, социологи предполагают, что лечение хронических заболеваний, вероятно, не является «уходом за собой». Это управление уходом в доме, в рамках социальной сети и обществе. Таким образом, медицинские работники должны быть направлены на сети по уходу / поддержке людей с хроническими заболеваниями.

Социологический подход к пониманию социального контекста реакции пациента на хроническое заболевание будет опираться на личностные ресурсы (семья и друзья) и ресурсы социальных сетей (связь пациентов). Эти ресурсы отражены в понятиях ухода и социальной поддержки. Они будут мобилизованы для управления хроническим состоянием на протяжении всей жизни. Следовательно, социологическое понимание ухода за хроническими заболеваниями будет сосредоточено на социальных ресурсах (включая доступ к лицам, обеспечивающим уход, семье и поддержке в сети), которые доступны человеку с хроническим заболеванием и на социальных структурных условиях, ко-

торые влияют на количество и качество этих социальных ресурсов.

Литература

1. Adamsen, L., & Rasmussen, J. M. Sociological perspectives on self-help groups: Reflections on conceptualization and social processes. *Journal of Advanced Nursing*, 2001, 35(6), P. 909
2. Aneshensel, C. S., Pearlin, L. I., & Schuler, R. H. Stress, role capacity, and the cessation of caregiving. *Journal of Health and Social Behavior*, 1993, 34(March), P.54
3. Annandale, E. Editorial. *Social Science & Medicine*, 2007, 64(1), P. 1–4
4. DiMatteo, M. R. Social support and patient adherence to medical treatment: A metaanalysis. *Health Psychology*, 2004, 23(2), P. 207
5. Gallagher, E. B. Lines of reconstruction and extension in the parsonian sociology of illness. *Social Science and Medicine*, 1976, 10, P. 209-213
6. Gallant, M. P. The influence of social support on chronic illness self-management: A review and directions for research. *Health Education & Behavior*, 2003, 30(2), P. 170
7. Horowitz, A. Family caregiving to the frail elderly. *Annual Review of Gerontology and Geriatrics*, 1985, 5, P.194
8. McHorney CA. The Adherence Estimator: A brief proximal screener for propensity to adhere to medications for chronic disease. *CMRO*, 25(1), 2009, P. 215
9. Straus, A., & Corbin, J. M. *Shaping new health care system: The explosion of chronic illness as a catalyst for change*. 1988, San Francisco, CA: Jossey-Bass Publishers
10. Парсонс Т., «Социальные системы», Вопросы социальной теории: научный альманах, 2008, том II. выпуск 1(2), стр.30

Особенности мотивации волонтерской деятельности в России

Романцева Е.Е.

В статье рассматриваются способы мотивации волонтерской деятельности в России. Проанализированы способы мотивации, используемые некоммерческими и государственными организациями. Рассматривается динамика развития общественного мнения относительно волонтерской деятельности. Проанализированы мотивы участия индивидов в волонтерской деятельности.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерская деятельность, некоммерческая организация, мотивация, социальная группа, социальный институт.

Romantseva E.E.

Special aspects of motivation of volunteer work in Russia

The article considers motivation methods of volunteer work in Russia. Motivation methods of non-profit and governmental organizations are observed. Dynamics of public opinion regarding volunteer work is considered. Individuals' motives of participation in volunteer work are analyzed.

Key words: volunteering, volunteer work, non-profit organization, motivation, social group, social institute.

Идея добровольной и безвозмездной помощи является социокультурным феноменом, берущим свое начало еще в глубокой древности. Памятники истории и литературы, научные исследования и простая наблюдательность могут быть доказательством того, что некоторые члены общества готовы бескорыстно оказывать помощь другим людям и принимать участие в общественной деятельности. Подобная социальная активность людей может быть соотнесена с такими понятиями как добровольчество, волонтерство, волонтерская деятельность.

Этимологически слова «волонтерство» и «добровольчество» являются синонимами. В наше время первому слову отдается большее предпочтение. Существуют различные определения и трактовки понятия «волонтерство», однако, в них можно выделить несколько ключевых признаков. Во-первых, это деятельность, которая осуществляется акторами по доброй воле и в результате собственного выбора. Во-вторых, участники не рассчитывают на получение вознаграждения за свой труд. В-третьих, зачастую данное явление является организованным и институционально закрепленным [1]. Дополнительно стоит отметить, что волонтерская деятельность организуется вокруг проблемной ситуации. Поэтому волонтерство можно рассматривать как форму социального проекта, призванного решить или улучшить определенную социальную проблему.

Подходы некоторых российских исследователей сводят волонтерство к форме социального служения, где главным мотивом является проявление альтруизма и гуманности [2]. Такой подход имеет место быть, однако, на наш взгляд, понятие волонтерства должно трактоваться несколько шире. В этом можно убедиться, проанализировав некоторые классификации форм волонтерства, а также мотивы людей, принимающих участие в волонтерской деятельности.

Выделим основные направления волонтерства по сфере деятельности [3]. Говоря о феномене безвозмездной и добровольной помощи, первой приходит ассоциация, связанная с социальным волонтерством. Социальное волонтерство подразумевает помощь социально незащищенным категориям населения, например, людям с особенностями развития, ветеранам, сиротам. Еще одним популярным направлением является экологическое волонтерство. Оно связано с мероприятиями, направленными на защиту окружающей среды (как флоры, так и фауны): например, очистка водоемов, посадка зеленых насаждений, лечение животных. Несколько направлений (спортивное, культурное, событийное) можно объединить в единый блок под названием культурно-событийное волонтерство. Волонтеры помогают в организации и проведении каких-либо мероприятий и событий, например, фестивалей, форумов, выставок, соревнований. В XXI веке с развитием информационных технологий все более распространенным становится медиа-волонтерство, виртуальное волонтерство [4]. Главной особенностью является то, что человек может оказывать помощь дистанционно и в различной форме: создать бесплатные информационно-образовательные проекты; информировать о проблеме; собирать денежные средства; координировать работу добровольцев.

Можно выделить и другие более частные направления волонтерства, например, донорство, корпоративное волонтерство, волонтерство общественной безопасности. Все направления объединяет то, что является самой сутью волонтерства, а именно безвозмездная деятельность в составе определенной группы. Таким образом, волонтерство принято связывать в первую очередь с удовлетворением альтруистических потребностей. Индивид принимает участие в добровольческой деятельности для совершения полезного, социально значимого и социально одобряемого поступка.

Однако необходимо отметить, что любой социальный институт обладает явными и латентными функциями. Явные функции очевидны, осознаются людьми и носят преднамеренный характер. Латентные функции, по словам Р. Мертона, представляют собой больший интерес с социологической точки зрения, поскольку указывает на скрытые и официально не заяв-

ленные процессы [5]. Вне зависимости от уровня и масштаба, институты, связанные с волонтерской деятельностью, используют различные способы мотивации и поощрения своих участников, причем данная система направлена как на явные, так и на латентные функции. Мотивация – достаточно сложный и многогранный феномен, но в целом его можно определить, как совокупность внутренних и внешних стимулов, побуждающих человека принимать участие в деятельности.

Согласно обозначенным выше подходам, явная причина – желание людей оказать помощь и повлиять на социально значимую ситуацию. В данном случае стимулом к деятельности будет выступать сама проблемная ситуация. Решая эту ситуацию, индивид будет получать удовлетворение от своей деятельности. Однако могут существовать и другие причины, стимулирующие деятельности участников, например, получение нового опыта или расширения круга знакомств. В силу наличия латентных причин, существуют различные методы мотивации участников. Рассмотрим динамику развития феномена современного добровольчества, а также методы стимулирования и систему мотивации волонтеров, которая используется некоммерческими организациями и государством.

Современное волонтерство зародилось в начале 1990-х гг. Постепенно на территории РФ и стран СНГ начинают появляться некоммерческие, в том числе и благотворительные организации. Согласно Федеральному закону от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях», некоммерческой является организация, основной целью которой является не получение прибыли, а достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей ради достижения общественного блага [6]. Еще одной важной юридической вехой в развитии современного добровольчества является Федеральный закон от 11.08.1995 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Согласно закону, благотворительная деятельность подразумевает бескорыстную передачу имущества, выполнение работ, оказание услуг и иную форму поддержки, оказываемой на безвозмездной основе [7].

В самом начале НКО развивались главным образом благодаря энтузиазму участников и

практически не получали поддержки со стороны государства. Однако в настоящее время ситуация изменилась кардинальным образом. Уже в 2000-х годах Правительство РФ начинает осознавать важность и пользу волонтерского движения не только для объектов оказания помощи, но и для всего государства в целом. С 2007 года в докладах Общественной палаты и Посланиях Президента РФ все чаще начинает звучать призыв развивать и поддерживать волонтерскую деятельность, поскольку она является важным показателем гражданского общества. В 2008 году была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [8]. К числу приоритетных направлений в области развития социальной политики и социальных институтов было отнесено развитие практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространение волонтерства. В качестве отдельного направления было выделено развитие добровольческой деятельности в молодежной среде. В 2009 году была принята «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации». Главная цель концепции заключалась в расширении масштабов волонтерского движения и деятельности НКО, а также росте числа граждан, принимающих личное участие в деятельности НКО и стимулирующих развитие данного сектора посредством материальных пожертвований. Для достижения цели в Концепции предусмотрены способы стимулирования активности НКО и участников.

В целом методы стимулирования условно можно разделить на два типа: материальное и нематериальное поощрение. Материальные стимулы связаны с тем, что часть расходов, связанных с проведением деятельности, берет на себя государство. Нематериальные стимулы связаны с признанием экспертного мнения участников НКО и использованием их опыта в решении проблем на государственном уровне.

Одним из методов является налоговое стимулирование: в случае пожертвования или расходов, связанных с осуществлением благотворительной деятельности, гражданин может получить социальный налоговый вычет по НДФЛ на сумму пожертвования или расходов. Граждане и НКО имеют право получить безвозмездную

помощь в организации своей деятельности. Это может быть юридическая консультация, финансирование для изготовления и распространения социальной рекламы. Помимо этого, важным инструментом является субсидирование государством благотворительных программ и проектов.

Для популяризации волонтерства используется и нематериальная система мотивации участников. Одним из таких методов может являться привлечение опытных и заслуженных волонтеров к выработке решений государственного уровня в составе экспертной комиссии или рабочей группы. Наиболее эффективные и успешные проекты будут получать освещение в СМИ и продвигаться в качестве ориентира для привлечения пожертвований со стороны граждан и организаций.

Правительство РФ уделяет значительно внимание вопросам волонтерства и в настоящее время. В декабре 2017 года в рамках Всероссийского форума добровольцев состоялась церемония вручения премий «Доброволец России – 2017». Церемонию лично посетил Президент РФ Путин В. В. На церемонии Президент объявил 2018 год Годом добровольца [9]. Слова Президента были подкреплены законодательно – с 6 декабря 2017 года в силу вступил Указ «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» [10]. Согласно Указу, Правительство РФ должно организовать специальный комитет по проведению Года добровольца (волонтера), а также обеспечить разработку тематически соответствующих мероприятий.

Реализация Года добровольца ведется по нескольким направлениям. В целом их можно разделить на несколько блоков: совершенствование законодательства в области волонтерской деятельности; создание необходимой инфраструктуры; популяризация идеи добровольчества посредством образовательных программ и поддержки лучших практик; и, конечно же, организация различных проектов, в том числе и международных.

Как было сказано выше, существуют различные формы волонтерской деятельности, которые нельзя свести только к социальному волонтерству. В рамках Года добровольца представлены проекты в области здравоохранения, социального обеспечения, экологии, организа-

ции культурных мероприятий. На официальном сайте представлен каталог со списком организаций и проектов, а также свежие и актуальные новости. Данная мера упрощает поиск нужного проекта для добровольцев и облегчает организациям процесс рекрутирования участников. Проанализировав официальные информационные источники, в системе мотивации волонтеров можно обнаружить несколько важных особенностей. Во-первых, был учтен тот факт, что людям могут быть интересны различные области и направления волонтерской деятельности. Официальный сайт содержит базу актуальных проектов, разделенных по тематическому признаку. Далее, сделан упор на то, что социально важный проект можно осуществлять в команде единомышленников, то есть обзавестись интересными и перспективными знакомствами. Еще одним преимуществом участия является сохранение опыта в электронном портфолио. Помимо этого, рекрутирующие организации могут самостоятельно отбирать добровольцев и после мероприятия оценивать их работу, оставляя оценки и комментарии. Возможность получить положительную оценку также может оказывать стимулирующий эффект на деятельность участников. Еще одной важной мерой мотивации участников является Всероссийский конкурс «Доброволец России – 2018», где каждый может предложить свой собственный социальный проект с возможностью выиграть денежный приз до 1 000 000 рублей на его реализацию. В конце года по традиции будет проведен Всероссийский конкурс «Доброволец России – 2018». Конкурс направлен на популяризацию волонтерства, отбор и распространение лучших практик.

Помимо выше перечисленных методов мотивации, каждая организация применяет дополнительные формы поощрения участников. Их также можно разделить на материальные и нематериальные. К материальным можно отнести: 1) оплату проезда, проживания и питания участников; 2) подарки, например, одежду с символикой мероприятия; 3) сертификаты, билеты, купоны на услуги или мероприятия. К нематериальным методам поощрения относятся: 1) новый опыт и навык; 2) интересная форма проведения досуга; 3) новые связи и знакомства; 4) получение благодарности от организации; 5) фиксирование факта участия в электронном портфолио.

Таким образом, НКО и государство принимают во внимание тот факт, что причина участия в волонтерской деятельности не ограничивается явными общепринятыми альтруистическими мотивами. Для мотивации участников используется комплексная система мер, включающих в себя как материальные, так и нематериальные методы стимулирования.

Интересно наблюдать динамику вовлеченности населения в общественные проекты, а также проанализировать мотивы деятельности участников. Ознакомившись с опросами по теме участия в волонтерской деятельности, можно сделать вывод, что интерес общества к добровольчеству растет с каждым годом.

Уровень участия индивидов в деятельности общественных организаций нельзя назвать высоким. Тем не менее, за период с 2014 по 2017 год доля россиян, участвовавших в деятельности НКО, выросла с 16 до 25% опрошенных [11]. Самым популярным видом волонтерства является оказание материальной помощи, в частности, перечисление денежных средств. Это может объясняться тем, что перечисление средств является самым менее энергозатратным методом, не требующим личного присутствия участника. В 2017 году 11% опрошенных оказывало материальную помощь (в 2014 г. число было несколько ниже – 6%). В волонтерской деятельности принимали участие 7% (в 2014 г. – это 5%).

Важно отметить, что если в 2014 году 31% опрошенных не принимали участие из-за отсутствия интереса и 12% не верили в то, что их помощь принесет пользу, то в 2017 году процент неучастия по данным причинам снизился до 9% и 3% соответственно. В 2017 году 48% сослались на отсутствие возможности участвовать в деятельности НКО по причине здоровья, материального положения и др. (в 2014 г. – 23%) и отсутствие необходимой информации о работе организаций (рост с 15% в 2014 г. до 20% в 2017 г.).

В целом наблюдается рост вовлеченности россиян в благотворительную деятельность. В конце 2017 года 69% опрошенных приняли участие в благотворительности (в 2007 г. – 50%; в 2009 г. – 46%). Самыми популярными являются способы помощи, не требующие личного участия и затраты большого количества времени, например, передача вещей (27% опрошенных)

или перечисление денежных средств (17% опрошенных). На первом месте по-прежнему остается раздача милостыни, однако стоит отметить, что процент выбирающих этот способ благотворительности снизился до 30% (в 2007 году – 36%).

В 2018 году ВЦИОМ провел еще одно исследование, посвященное теме волонтерства. Данное исследование посвящено формам и видам волонтерской деятельности [12]. Наиболее популярным оказалось участие в экологическом волонтерстве, в частности, связанное с благоустройством территорий (около 72% опрошенных). Такой высокий процент может быть объяснен тем, что под благоустройством территорий подразумевались в том числе и субботники. В настоящее время субботники активно продвигаются не только на местном, но и на национальном уровне и получают широкую поддержку и освещение со стороны СМИ. В некоторых государственных учреждениях, например, школах и поликлиниках, участие в субботниках является обязательным [13].

Следующим по популярности способом является перечисление денег нуждающимся (51% опрошенных); сбор материальных пожертвований (47% опрошенных) и перечисление денежных средств фондам и организациям (35% опрошенных). Если взять эти три способа в совокупности и обозначить их как помощь посредством перечисления денежных или иных материальных средств нуждающимся, можно вновь убедиться в том, что самым популярным видом помощи является помощь, не требующая большой затраты личного времени и личного присутствия.

Наименее распространенными являются практики, подразумевающие не только личное участие, но и высокой уровень эмоциональной вовлеченности и проявления эмпатии. Одним из наименее популярных вариантов оказалось участие в социальных проектах, где необходимо общаться с социально незащищенными группами населения. Тем не менее, в 2018 году 18% респондентов принимали участие в подобной рода деятельности. На последнем месте оказался способ, связанный с участием в протестных акциях, посвященных определенной проблеме (6% опрошенных). Можно выдвинуть несколько гипотез, объясняющих такой низкий уровень вовлеченности, например, отсутствие

интереса к проблематике протестной акции; отсутствие подробной информации о проведении акции. Тем не менее, данный вопрос заслуживает дополнительного исследования.

В 2018 году большинство респондентов продолжает участвовать в волонтерской деятельности в одиночку (52% опрошенных) либо с группой знакомых (21% опрошенных). Действовали через НКО, государственные структуры или религиозные организации только 12%, 11% и 9% соответственно. Данные результаты лишь раз подтверждают, что в России еще не сформирована полноценная культура участия в волонтерской деятельности посредством НКО или государственных учреждений. В большинстве случаев индивиды по-прежнему предпочитают действовать в одиночку либо с группой знакомых. Несмотря на это, в последние годы интерес к участию в волонтерской и, в частности, в благотворительной деятельности заметно вырос.

Наконец, еще одним важным вопросом является изучение мотивации участников в волонтерской деятельности. В ходе анализа информации были обнаружены результаты опросов на релевантную тему, относящиеся к периодам 1994 г., 2007 г., 2008 г., 2011 г. Самыми последними из обнаруженных являются данные опроса ВЦИОМ подготовленные в июле-августе 2017 года [14].

В результате сравнения ответов волонтеров в 1994 году и 2007 году (опрос Благотворительного фонда «Московский дом милосердия» (Российский центра развития добровольчества)) было обнаружено, что главным мотивом участия является желание быть полезным обществу, оказывать помощь и заниматься общественно важной деятельностью [15]. Однако в 2007 году более отчетливо наблюдаются индивидуалистические мотивы, например, получение нового опыта и знания, реализация собственной инициативы. Данный феномен можно объяснить не только изменением социальной ситуации, но различиями в выборке. В 1994 году основной частью респондентов (более 70%) являлись люди старше 50 лет, в то время как в 2004 году было опрошено 80% людей до 35 лет. Таким образом, волонтерская деятельность молодых людей была направлена в том числе на удовлетворение личных потребностей.

В 2011 году Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» сопоставил мотивы участников, принимавших участие в опросе в 2008 и в 2011 году [16]. Главным мотивом по-прежнему являлось желание помочь другим людям (58% опрошенных). Однако в 2011 году большее число респондентов отметило, что участие происходило ради собственного удовольствия (с 13% до 17%) и из-за наличия свободного времени (с 8% до 12%).

Перейдем к результатам 2017 года [17]. Здесь можно наблюдать очень интересную тенденцию: так называемые индивидуалистические мотивы участников вышли на первый план. Наиболее популярным ответом о мотивах стал ответ «Желание жить интересной, активной жизнью» (48% респондентов). Желание оказывать полезную деятельность, быть полезным заняло второе место (37% респондентов). Следующими по популярности являются ответы, связанные с желанием самореализации (32% респондентов) и получением дополнительных знаний и навыков (31% респондентов). Еще один ответ, который можно расценивать как ответ с альтруистической мотивацией, занимает 5 место: 26% респондентов мотивирует возможность решать общие проблемы.

Результаты опросов лишены раз доказывают тот факт, что феномен волонтерства нельзя сводить исключительно к социальному служению, где главными являются так называемые альтруистические мотивы, связанные с бескорыстной помощью другим людям. В наше время все большее внимание заслуживают мотивы, связанные с личными потребностями участников, такие как получение нового ценного опыта и впечатлений, интересное проведение досуга, новые связи и знакомства. Данные выводы достаточно гармонично вписываются в популярный в настоящее время тезис о наступлении эры метамодерна [18]. Человек метамодерна отличается толерантным восприятием происходящих событий, способностью воспринимать противоречивость мира. Еще одной отличительной чертой является открытость к новому опыту и стремление к сотрудничеству с другими людьми. Важным изменением в мышлении современного человека является так называемый перформативный поворот - желание быть не просто «текстом» или пассивным созерцателем, а ак-

тивным актором, развивающимся через серию участия в различных событиях [20].

Таким образом, волонтерство является сложным и многогранным феноменом, включающим в себя разнообразные виды деятельности в различных сферах общества. Явной функцией социальных институтов, связанных с волонтерством, по-прежнему остается решение определенной социальной проблемы, например, оказание помощи социально незащищенными группам населения. Тем не менее, данным институтам присущи и латентные функции, которые в настоящее время оказывают все более мотивирующее воздействие на участников волонтерской деятельности. К ним можно отнести возможность получения нового опыта и навыков, самореализацию, расширение круга знакомств. НКО и государственные структуры используют различные материальные и нематериальные средства мотивации участников волонтерского движения, принимая во внимание разнообразие мотивов участников. С каждым годом наблюдается все большая вовлеченность населения в волонтерское движение и деятельность НКО, хотя доля участников НКО по-прежнему остается относительно невысокой. Учитывая данные последнего опроса относительно мотивов, постепенно на первый план выходит желание людей жить активной и интересной жизнью, получать новый опыт и впечатления, заводить полезные знакомства. Эти выводы могут быть использованы НКО и государственными структурами для привлечения новых участников к волонтерской деятельности. В будущем рассматриваемая тема может получить дальнейшее развитие благодаря изучению методов мотивации участников волонтерской деятельности в зависимости от типа волонтерства, а также от половозрастных и социальных характеристик участников движения.

Литература

1. Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 110–119.
2. Сикорская Л. Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы // Социологические исследования. 2007. №9.
3. Силенко Ю. Ю. Основные виды волонтерства // volonter-school.ru: сайт Школы соци-

ального волонтера. URL: <http://volonter-school.ru/2016/04/osnovnye-vidy-volonterstva/> (дата обращения: 05.09.2018).

4. А вы знаете что такое виртуальное волонтерство? // Эстафета живых дел: волонтерское движение в образовательных организациях Департамента образования города Москвы: сайт. Москва, 2018. URL: <http://volonter.msk.ru/novosti/680-a-vy-znaete-cto-takoe-virtualnoe-volonterstvo.html> (дата обращения: 05.09.2018).

5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – С. 147–149.

6. Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // consultant.ru: сайт СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/87a16eb8a9431fff64d0d78eb84f86acc003448/ (дата обращения: 05.09.2018).

7. Федеральный закон от 11.08.1995 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» // consultant.ru: сайт СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 05.09.2018).

8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // consultant.ru: сайт СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 05.09.2018).

9. Церемония вручения премии «Доброволец России – 2017» // kremlin.ru: сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56318> (дата обращения: 05.09.2018).

10. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2017 г. № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» // kremlin.ru: сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573> (дата обращения: 05.09.2018).

11. Работа общественных организаций в России: вовлеченность населения растет! // wciom.ru: сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017_11_28_volonterstvo_i_blagotvoritelnost.pdf (дата обращения: 05.09.2018).

12. Волонтерство в России: сегодня и завтра // wciom.ru: сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9020> (дата обращения: 05.09.2018).

13. Нравнодушные люди по всей России вышли на субботник // 1tv.ru: сайт Первого канала. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-04-21/344333-neravnodushnye_lyudi_po_vsey_rossii_vyshli_na_subbotnik (дата обращения: 05.09.2018).

14. Работа общественных организаций в России: вовлеченность населения растет! // wciom.ru: сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017_11_28_volonterstvo_i_blagotvoritelnost.pdf (дата обращения: 05.09.2018).

15. Бодренкова Г. П. Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике / учебно-методическое пособие. – М.: АНО СПО СОТИС, 2013. 320 с.

16. Там же

17. Работа общественных организаций в России: вовлеченность населения растет! // wciom.ru: сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017_11_28_volonterstvo_i_blagotvoritelnost.pdf (дата обращения: 05.09.2018).

18. Vermeulen T, van den Akker R. Notes on metamodernism // AESTHETICS & CULTURE, Vol. 2, 2010.

19. Dempsey B. Reconstruction: Metamodern Transcendence and the Return of Myth (2014) // metamodernism.com. 2018. URL: <http://www.metamodernism.com/2014/10/21/reconstruction-metamodern-transcendence-and-the-return-of-myth/> (дата обращения: 05.09.2018).

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

Феномен виртуальной биржи труда исследование неформально занятой молодёжи на примере выставки Робополис в Ставрополе

Борисов В. В.

В статье описываются результаты анализа полевого исследования работающей молодёжи. Затронуты особенности вхождения в ИТ-профессию включая пути трудоустройства, мотивационный компонент и горизонт планирования профессионального развития у школьников и студентов, принявших участие на основе рабочего контракта в сопровождении технического фестиваля Робополис в Ставрополе в 2018г. Исследование показательное, поскольку дает основания строить гипотезу о характерном подходе молодого поколения при решении вопросов занятости и трудоустройства. Также показателен феномен Робополис, как современной компании в сфере услуг, воспитывающий персонал с нуля, предлагающей понятный, достижимый и гуманный алгоритм карьеры, тем самым внося вклад в личностное развитие сотрудника и формирование репутации профессии. Ключевые слова: неформальная занятость, Робополис – передвижная выставка робототехники, вхождение в профессию, профессиональный опыт, цифровая экономика, трудоустройство через сообщества в социальных сетях.

BorisoV V.V.

The phenomenon of virtual labor exchanges of informally busy young people on the example of the exhibition Robopolis in Stavropol. The article describes the results of the analysis of a field study of working youth. The features of entering the IT profession, including employment paths, the motivational component and the horizon of professional development planning for schoolchildren and students who participated on the basis of a working contract accompanied by the Robopolis technical festival in Stavropol in 2018. The study is significant because it gives grounds to hypothesize the characteristic approach of the younger generation in dealing with issues of occupation and placement. Also representative is the phenomenon of Robopolis, as a modern company in the service sector, educating staff from scratch, offering a clear, achievable and humane career algorithm, thereby contributing to the personal development of an employee and the formation of a profession's reputation. Keywords: informal employment, Robopolis - a mobile exhibition of robotics, entry into the profession, professional experience, digital economy, employment through communities in social networks.

Работа избавляет нас от
3 великих зол: скуки, порока, нужды
Франсуа Мари Аруэ Вольтер.

Постановка проблемы: Качество экономики зависит от развития кадрового потенциала. Высокая актуальность профессионального развития молодежи в условиях современного типа хозяйствования развития

Профессиональное становление как залог личностного развития и развития экономики представляет научный интерес объект приложения творческих сил педагогов, психологов, методистов, экономистов, социологов, предпринимателей. Исследование, коснувшееся движения технического марафона молодых специалистов хакатон (Борисов, 2019) показало государственное участие в развитии программы подготовки кадров хакатоны, олимпиадное движение, но это касается условий развития и подготовки будущих кадров для управляющего состава новой цифровой экономики. Но это только условия, среда, которая позволяет активным и талантливым сделать выбор, найти своё дело. Этим условием и средой так же является сообщества в популярных сетях (vk, Inst) типа Работа в Ставрополе – сообществ бесплатных объявлений о трудоустройстве, по сути, виртуальной бирже труда, открытой для студентов и школьников и т.д. Полезность этого инструмента признают профессионалы, специалисты городского центра занятости: «Когда молодёжь приходит толпами... ищем, что предложить в Интернет-сетях». С помощью сети решаются вопросы низкой оплаты труда, излишнего (*dirus lex est lex*) протекционизма трудового законодательства в отношении несовершеннолетних и уход от скучной работы, к чести сказать предлагаемой школьникам в шко-

лах и оплачиваемой и из бюджета школы и бюджета города, но не достаточно высоко. Таким образом, через такие сообщества, как своеобразную цифровую биржу труда перераспределяется кадровый капитал на предприятиях наиболее результативных в городской структуре.

В чем же актуальность феномена трудоустройства молодёжи на настоящий период? По предположению автора в научной литературе муссируется вопрос о смене поколений человечества от поколений X Y Z к поколениям A B. Можно не принимать всерьёз эту гипотезу, но при этом не поспоришь с теми фактами, что дети настоящей эпохи растут и развиваются в эпоху компьютеров-гаджетов, и второе в эпоху прозрачности, некоторой эрозии неприкосновенности частной жизни. Динамика развития имеет и численные показатели. К примеру, SingularityU заявляет: 63% наших детей будут работать в профессиях, которых сейчас не существует. До 2030 года появится 186 новых профессий, а 57 исчезнут¹. Меняется и картина актуальных навыков внутри профессии. Появился новый вид занятости – дистанционный или удалённый. Как при таких условиях может выглядеть вхождение в профессию вопрос, на который пытается ответить автор статьи. Но пока родители и учителя думают, как и чему учить новое поколение, они сами прекрасно действуют в предложенных условиях, используя в практических целях объективный прогресс.

Теоретический подход и анализ неформальной занятости Триминологический аппарат и опыт предшественников

«Человек и его работа – тема вечная. Ибо все, что создают люди, это – продукт их труда, их усилий, их созидательной и творческой деятельности»[2].

До известной степени можно увидеть сходство настоящего исследования с каноническим исследованием социологии труда 60-х гг. XX в. Здравомыслова и Ядова. «Человек и его работа» находится в недооценке темы «культура труда». Ядов, в 5 главе работы размышляет над идеей Ж. Фридмана о национальных особенностях отношения к труду, и сокрушается об отсутствии преемственности традиций и культурных национальных особенностей поскольку: «Наши парни и девушки в большинстве своем не были «потомственными» рабочими. Опыт их ... как правило, не передавался через семью, а

осваивался непосредственно». Таким же практическим и непосредственным образом решается вопрос вхождения в новые профессии.

В своей Grounded theory Н. В. Рехтина и Г. А. Краснова (2017)[7] поднимают проблемы конфликта низкой квалификации молодых работников недостатка качественного времени на фазе оптации и сложностей трудовой социализации. Другой не менее острый вопрос защищённости. Таким образом, этих учёных нельзя обвинить в пренебрежении факторным анализом. Важно подчеркнуть, такие конфликты порождают неудовлетворённость, которую разрешать приходится самому работнику, опираясь на собственное творческое начало. Хотя такой творческий поиск простого рабочего вызывает не восторг, но обеспокоенность неравенством условий и т.д. (Здравомыслов, Ядов[2], Ковалёв[3], Энгельс[5],).

В исследованиях Правкиной (2011-2014) активно изучается удалённая работа как сектор трудоустройства и вид занятости. И хотя фундаментальных трудов, как отмечает Правкина, нет, дистанционная занятость как нетипичный вид занятости в условиях глобализации в нашей стране вызывает живой интерес исследователей. В своих исследованиях она констатирует, что развивают социологическую мысль в этом направлении *Веремеёко Ю.*, Кострюкова Н., Луданик М., Меркулов М., Руденко Г., Мерко А, Санкова Л., Чернухин В.

Рассматривая структуру занятости российской молодёжи Блинова и Вяльшина 2017, с оговоркой на ограничения каждого из типов, отмечают, сложившиеся в отечественной и зарубежной литературе два теоретических подхода к определению неформальной занятости:

- производственный подход учитывает характеристики предприятий и организаций, а маркером выступает принадлежность к «неформальному сектору».
- в легалистском подходе за основу берётся рабочее место, функционирующее вне системы формальных регуляторов.

Блинова и Вяльшина (2018) в своей работе так же соглашаются с большинством исследователей: неформальная занятость является добровольно-вынужденной, это связано с ограниченностью рабочих мест в формальном секторе конкретного региона. При этом занятость может сочетать формальные и не формальный вид заня-

Рис. 1. Структура карьеры в Робополис. Указаны должность и требования к уровню подготовки

тости в формальном и не формальном секторе. А написать детально структуру неформально занятых в формальном секторе гораздо сложнее, поскольку нет официальных статистических данных. Однако результаты социологических исследований позволяют выявить отдельные особенности неформальной занятости [1].

В отношении нового типа решения вопроса занятости. Интернет действительно позволяет большие возможности трудоустройства, в том числе превосходит базу данных Муниципального центра занятости даже в его теперешнем состоянии высокой цифры. Это и предложения специализированных HR-порталов и более скромные, но вполне функциональные группы типа Работа в Ставрополе в социальной сети Вконтакте.

Характерной чертой феномена этих групп в балансе ответственности работодатель – сотрудники. Конечно, есть исключения, но в конечном итоге эти ресурсы позволяют удовлетворять потребность в кадрах и работе у ищущего вакансию, при том ответственность на работодателя о заботе за работником не позволяет создавать отрицательные прецеденты, в противном случае дурная репутация распространиться быстрее лесного пожара.

У каждой такой группы, по сути маленькой биржи труда свой рейтинг, уровень организации, качество подготовки модератора, уровень финансирования и прочее.

Феномен Робополиса. Проект начался в 2015 году в Саратове. Сейчас в него входит

три вида выставок Робополис, Космодрайв и Город будущего (на данный момент заморожен) Помимо монетаристской имеет информационную, обучающую и развлекательную миссию. Специализируется на робототехнике, технологиях. Обширная география городов стран СНГ 5 действующих выставок². Среди персонала 34 человека работают постоянно и около 300 приглашенных сотрудников.

Показательна модель карьеры в Робополис (см. рис. 1), а именно, что условия получения интересующей должности имеет ясный алгоритм SMART, в лучших традициях современного управления (SMART конкретность, измеримость, достижимость, актуальность, ограниченность во времени). Таким образом, карьеру в Робополис, можно оценить как некую идеальную модель открытого общества, где молодым и активным предоставляются возможности занять желаемую позицию. Особенно стоит подчеркнуть присутствие подобие этического кода или свод правил корпоративной культуры – «Книга бойца (краткая версия)». И даже определенным эпос в «Книге бойца» приведены истории успеха достойных работников³.

Поэтому Робополис больше чем просто цирк роботов или парк аттракционов, т.к. дополнено мастер-классами по программированию и конструированию роботов, созданию серии сувениров с помощью 3D-принтера в виде обычной ручки.

Молодежь, представляя собой наиболее мобильную социально-демографическую группу, характеризуется высокой степенью восприимчи-

ности к различным инновациям, стремлением ко всему новому. Оговоримся, не всегда безопасно. «Молодым людям присуща особая совокупность социокультурных особенностей, а также ценностных и поколенческих, возрастных характеристик, отличающих эту группу от младших (дети) и старших (взрослые) возрастных групп»[4]. Таким образом, молодёжь в значительной части обладает уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, выгодно отличающим её от других групп населения[6].

В этом случае Робополис это если и не кузница кадров, то материальная платформа для испытания себя в профессии. В эпоху, когда мировая экономика переходит к цифровизации, и, как было сказано выше грядет бум новых профессий, Робополис, в числе прочих, формирует кадры на фазах от оптации до фазы уровня мастерства.

Описание исследования Исследование, результаты которого я выдвигаю на ваш суд, проходило в июне 2018, на выставке Робополис в Ставрополе. Основным мотивом стало выяснение отношения к ИТ-профессии. Эта цель была достигнута, а идея получила развитие. Само исследование проходило в два этапа. Первый - опрос в формате полуструктурированного интервью. В силу небольшой группы персонала занятого на выставке из 50 человек было опрошено 35. По объёму выборки это скорее социологический этюд, но по выбранным маркерам удалось выявить картину мотивов занятой молодёжи от 14 до 23 лет.

1. Отличительной чертой группы респондентов занятых на выставке было трудоустройство по объявлению в сети (VK, INST и т.д.). Пример: «Работу долго не выбирала. В ленте группы «Работа в Ставрополе» выбрала работа без опыта и выбрала Робополис. Прошла собеседование, стажировку. Теперь работаю. Куда пойду учиться, пока не знаю. Скорее всего, поеду поступать в Питер» (Аня 16 лет, учащаяся школы). О возможностях Ставропольских вузов и днях открытых дверей не знала. В будущем хотела бы заниматься строительством.

Исключением стал один человек: «Искал работу. Пришел по наружной рекламе.»(Антон, 20 лет). Другой пример: два интерна приехавшие с выставкой, не имеющие профильного образования, но стремящиеся пройти обучение и занять позиции на карьерной лестнице Робополис. (Ири-

на, 24 года, художник, специалист по управлению, Ростов-на-Дону и Семён, 21 год, Ярославль.). Оба узнали о выставке через всемирную сеть

2. Другой маркер это отношение к профессии ИТ, как предполагали исследователи, категории заслуживающей особого отношения. Занятые на выставке студенты, школьники, абитуриенты, не назвали ИТ-профессию как интересную для себя в будущем. Никто не рассматривает перспективу получения специального образования: «Получив диплом, я буду работать по специальности. Не считаю работу утомительной, напротив это важный опыт, поскольку это работа с людьми», (Татьяна 21 год, студентка медицинского техникума). Исключением стал Артём, 25 лет, хореограф: «Танцы сейчас никому не нужны. Ими не заработаешь. А у технологий большое будущее». Пришел на выставку как соискатель.

3. Наиболее выражен мотив доступного заработка. Об этом говорят и студенты, и школьники, и дипломированные специалисты. заключаем, что в сочетании с не выраженным интересом к ИТ-профессии или робототехнике это может служить маркером, что данная занятость имеет скорее вынужденный характер.

4. Личностный рост или «soft skill». Наибольшей динамикой развития навыков отличаются молодые работники. В принципе, это прогнозируемо. Скажем, навык коммуникации у робота школьника даст больший прирост, нежели у маскулиных студентов 20-22 лет.

Организаторы выставки заботятся о формировании у нового сотрудника умение с энтузиазмом описать работу экспоната. Это будет ключом к успеху. Практикуя навык презентации, работник в итоге, побеждает собственную застенчивость и робость: «Я научился говорить с людьми. До этого просто боялся. Нас учили, как рассказывать. Это мне очень пригодится», (Дима, 14 лет, школьник из не богатой многодетной семьи).

Другая возрастная группа отрицает какой-либо рост навыков: «Работа привлекательная, но развития особых навыков она не потребовала. Нравится, потому, что работа с людьми один из моих приоритетов», (Родион, 22 года, студент).

«Работа не утомляет, поскольку связана с обучением людей». <пользованию гироскутером>. на момент опроса будущее с ИТ-сферой не связывает, (Рустэм, 20, студент).

«Да, работа привлекательная. Но монотонно». (Андрей, 21, студент)

5. Оценивать удовлетворённость от работы предлагалось по шкале «утомительно-не утомительно». Удовлетворённость содержанием работы оценивается как средняя. Условиями работы оказались довольны большинство опрошенных респондентов. Тем не менее, не всё так гладко, если анализировать отзывы клиентов. Эти отзывы найдены на втором этапе, при контент анализе. Например: «**НЕДОСТАТКИ: Организация, духота, шум, давка, отстойные "роботы"**»⁴.

Второй этап - это контент анализ. Изучение отзывов на сайте компании позволило оценить динамику качества предоставляемых выставкой услуг. Например, проходившая в Ставрополе выставка отличалась лучшими санитарными условиями и проходила в отремонтированном помещении. В то время как сохранены критические отзывы за пыльное и/или непригодное помещение выставки, проходившей в другом городе.

Общая картина отзывов довольно пёстрая от восторженно-благодарных до гневно-капризных. Это можно объяснять разницей в культурном уровне и качеством осведомлённости посетителей выставки. Наибольшей ценностью для исследования обладает нарратив⁵ мамы молодого (15 лет) сотрудника выставки. По объёму этот комментарий полноценное интервью, позволяющее сложить представление о корпоративной культуре Робополис, качестве и уровне производственных отношений. В целом высоким и благоприятным, что можно объяснить постоянной практикой и обратной связью с посетителями. Условно интервью можно разбить на три блока: непосредственно вхождение в профессию, описание условий работы и результатов выполнения обязанностей и заключительный блок с описанием общего впечатления от работы и критической оценкой.

Работа на предприятии началась с выбора направления, мама прочла объявление и отправила сына на собеседование «*которое он с лёгкостью прошёл*». Затем новичёк приступил к работе по подготовке выставки: раздаче листовок, а когда в город прибыли экспонаты, 2 дня погрузочно-разгрузочной работы: «*Мой устал, но был доволен. Своего рода альтернативе тренировок. заработал 900 руб.*». После стажировки присту-

пил к обязанностям в зале: «*При собеседовании оговаривалось, что на выставке за человеком закрепляется 3 экспоната. Он должен знать о них всю подноготную и уметь с увлечением рассказывать. На деле же вероятно из-за нехватки работников тебя перекидывают от одних роботов к другим. Мой сын даже в костюме робота поразвлекал посетителей. Единственное фото кстати*». Выше уже говорилось о неоднородности участников выставки. Например костюме робота один из самых сложных физически: «*...очереди из желающих нет, т. к. в помещении и без костюма очень душно, а в костюме настоящая парилка. Как он говорит 15 минут ада. Оплата за 11-часовую смену (работали с 10 до 21) 800 руб.*».

Зарплата выдавалась неудобно: «*даже если смены в воскресенье у тебя нет, ты должен приехать специально ... очень неудобно, ... для тех, кто живет в отдаленных районах*».

Координация проходила через социальные сети, при чём, можно было самому выбрать смену, но были и ограничения: «*С чем все строго, так это с опозданиями, за которые беспощадно штрафуют, зато развивают трудовую дисциплину и ответственность*».

Далее следует резюме мамы и критическая оценка: «*Сын работал примерно пару раз в неделю, заработал около 8 тыс. При всех кажущихся недостатках, главным из которых является неофициальное трудоустройство, я считаю работу в Робополисе хорошим опытом. Во-первых, укрепление осознания, что деньги не падают с неба. Во-вторых, развитие коммуникативных навыков и приобретение новых знакомств. В-третьих, возрастание ЧСВ⁶ и гордость за собственноручно заработанные деньги. Организаторы кстати выплатили всю сумму по-честному. И даже перевели на карточку 800 руб. за последнюю отработанную смену, хотя он на них уже не рассчитывал. И последнее, на что хочется обратить внимание, родственники работника могут пройти на выставку бесплатно*».

Заключение

В исследованиях современных авторов и наших предшественников выражена идея обеспокоенности и тревоги о незащищённости, перспективах развития жизненной траектории молодёжи как поколения (Блинова, Вяльшина, Здравомыслов, Ковалёв, Крайнева, Краснова, Маркс, Правкина, Рехтина, Энгельс, Ядов). И это обо-

снованные беспокойства. Но всё это создаёт картину, что пессимистический исход единственно вероятный. Будущее перед всеми ставит вопросы, отвечать на которые приходится рано или поздно. Человек уязвим, но он так же открыт и для положительного исхода собственной профессиональной и/или творческой деятельности.

В данной работе предпринята попытка оценить мотивационную составляющую работников, занятых на выставке-фестивале робототехники. В выборке оказались наиболее мобильные граждане предпочитающие использовать интернет как ресурс, позволяющий найти работу. Данная группа показательна по нескольким маркерам. Качественному решению проблем трудоустройства как подход поколения: не по знакомству, не по распределению, но самостоятельно и через www-сеть.

У опрошенных работников на момент опроса не сложилось интереса к ИТ-профессии или сфере робототехники. По окончании работы выставки молодые люди планируют развиваться по индивидуальной траектории. К примеру, студенты по окончании вуза хотят работать по профессии, не ИТ. Главным мотив – зарабатывать денежные средства. Так же как и у сотрудников, приехавших с выставкой. Однако их привлекла понятная модель карьеры (см. выше рис. 1).

Непосредственно Робополис интересен как современное предприятие. Его услуги не относятся к категории товаров первой необходимости. Временный и постоянный персонал активно создаёт клиентов в каждом городе, где проводится выставка, по каналам информирования. Подготовка персонала происходит на месте, опыт не принципиален, и по этой причине выставка может стать «песочницей» или пробой себя в профессии для школьника или студента, и что особенно важно с неплохим уровнем оплаты. Что положительно отличает Робополис на современном рынке труда как работодателя. К сожалению, нельзя привести подобных примеров из нашего города, вопреки климату законов или работе институтов призванных обеспечить подобные возможности для молодёжи. Да и мало кто из школьников согласится работать на ремонте школы за 700 руб. в месяц. В то время как в не любимых нами Штатах школьники могут испытать себя в 40 профессиях. Не то чтобы наше выживание было под угрозой, но согласитесь, условия значительно отличаются.

Литература

1. Блинова Т. В., Вяльшина А. А. Структура неформальной занятости молодежи на российском рынке труда // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 61-72. DOI: 10.7868/S0132162518040074 [Электронный ресурс]. URL: <http://socis.isras.ru/article/7141>
2. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Аспект Пресс, 2003. - 485 с.
3. Ковалев А. Г.. Психология личности. М., 1965, стр. 81.
4. Крайнева А. Подростковый суицид // Ре-портер. 2012. №10(991). С. 24.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, стр. 290.
6. Правкина Я.Ю. Социологический анализ дистанционного труда как инновационной формы занятости современной молодежи // Современные научные исследования и инновации. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/04/11168> (дата обращения: 10.04.2019).
7. Рехтина Н. В., Краснова Г. А. Проблемы трудоустройства молодежи в России (по материалам социологического исследования) // СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ 2017 КиберЛенинка [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-trudoustroystva-molodezhi-v-rossii-po-materialam-sotsiologicheskogo-issledovaniya>

Ссылки:

- 1 "63% наших детей будут работать в профессиях, которых сейчас не существует" <http://osvitanova.com.ua/posts/612-63-nashykh-detei-budut-rabotat-v-professiyakh-kotorykh-seichas-ne-sushchestvuet>
- 2 <https://rabota.robo-polis.com/>
- 3 Робополис Книга бойца корпоративная <https://drive.google.com/file/d/1IWPKzOZmEmg9fP1GmqjxdhMtaiBmaLd/view>
- 4 Отзыв: ... "Робополис" (Россия, Нижний Новгород) - Осень плохо. https://otzovik.com/review_7187067.html
- 5 Интерактивная выставка роботов "Робополис" (Россия, Петрозаводск) - О том как мой сын работал на выставке https://otzovik.com/review_7200564.html
- 6 ЧСВ – чувство собственной важности.

Корпоративные социальные проекты как способ повысить клиентоориентированность бизнеса

Дроздов Д.И.

Долгое время корпоративная социальная ответственность рассматривалась только как статья затрат для организации, если и приносящая пользу компании, то только имиджевую. Существуют исследования, которые успешно показывают влияние корпоративной социальной ответственности (КСО) на финансовые показатели фирм. При этом сегодня программы корпоративной социальной ответственности может рассматриваться как инвестиция в создание устойчивой бизнес-экосистемы, которая повышает конкурентоспособность и приносит пользу всем членам этой системы.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, частно-государственное партнерство, инклюзивное развитие, социальные экосистемы, корпоративное управление, благотворительность, социальные проекты.

Drozdov D.I.

Corporate social projects as a way to increase the organization's customer focus

For a long time, corporate social responsibility was considered only as a cost item for the organization. Which, if it benefits the company, only image. There are studies that successfully show the impact of corporate social responsibility (CSR) on the financial performance of firms. At the same time, corporate social responsibility programs today can be considered as an investment in creating a sustainable business ecosystem that increases competitiveness and benefits all members of this system.

Key words: corporate social responsibility, public-private partnership, inclusive development, social ecosystems, corporate management, charity, social projects.

Одной из ключевых задач для любой организации является выстраивание эффективных и взаимовыгодных долгосрочных взаимоотношений со всеми стейкхолдерами. При этом государство, особенно в моменты экономических спадов, как один из ключевых стейкхолдеров любой компании, крайне заинтересовано в помощи коммерческих организаций в решении социальных проблем. Коммерческим компаниям при этом также интересно осваивать новые рынки из-за перенасыщения и падения спроса на развитых рынках. И, несмотря на активное стимулирование использования механизма государственно-частного партнерства при решении социальных проблем органами государственной власти, а также на ставшее обязательным за последние годы наличие программ корпоративной социальной ответственности (КСО) у каждой крупной организации, большинство из этих программ недостаточно эффективны. При этом участие частного сектора и сотрудничество государства и бизнеса в деле сокращения масштабов нищеты стали одной из основных тенденций в международном развитии в последние несколько лет.

Многочисленные исследования выявляли связь между КСО и финансовыми показателями организации. В частности, исследования, в рамках неоклассической экономической школы, показали, что программы КСО излишне увеличивают издержки фирмы, ставя ее в невыгодное конкурентное положение.¹ В некоторых исследованиях, основанных преимущественно на теории агентств, утверждается, что использование ценных ресурсов фирмы для участия в КСО дает значительные управленческие выгоды, а не финансовые выгоды для акционеров фирмы (Brammer и Millington, 2008).

Причина, как правило, заключается в том, что корпоративные проекты недостаточно амбициозные. Анализ отчетов крупнейших российских

ских компаний показывает, что большинство программ устойчивого развития и КСО сконцентрировано на локальных проектах и не способствует вовлечению жителей неблагополучных районов в официальную экономику и не способствует развитию района, края или области, лишь временно решая узкий круг социальных проблем узкого круга людей. Также необходимо отметить, что успешные программы инклюзивного роста часто способствуют и росту капитализации компании и в перспективе привлекают огромное количество новых клиентов и открывают новые рынки. Это одна из главных причин, по которой программы устойчивого развития в последние годы превращаются из модной, но бесполезной деятельности в действенный инструмент организационного развития. Таким образом появляются коммерчески успешные проекты, доказывающие, что программы КСО способны не только приносить пользу обществу и способствовать реализации социальных задач государства, но и генерировать прибыль организации их реализующей.

Чем чаще компании смогут связывать свои социальные проекты с бизнес-моделью и основными стратегическими приоритетами, тем лучше будет понимание влияния этих программ на основной бизнес организации. Поскольку зачастую широкомасштабные программы оказываются на практике неэффективными, поставленные задачи не решаются, а компания терпит от них только убытки.

К примеру, в течение последних двух лет исследователи Бостонского университета оценивали влияние программы NovartisAccess, направленной на борьбу с хроническими заболеваниями, на кенийские домохозяйства, в которых у одного из жителей есть одно из определенных четырех неинфекционных заболеваний. Базовое исследование Бостонского университета по NovartisAccess было проведено в восьми округах Кении в 2016 году, в ходе которого пациентам с выбранными хроническими диагнозами был задан вопрос, есть ли у них дома необходимые лекарства. Они также спросили, какой процент от их расходов на здравоохранение был потрачен на эти лекарства.

Исследователи обнаружили, что, как и в некоторых других африканских странах, осведомленность о неинфекционных заболеваниях остается низкой при отсутствии специализиро-

ванных врачей и медицинской подготовки, несмотря на исторически-высокий уровень смертности в Кении.

Только 60 процентов людей, которым прописали лекарство, имели его дома. И сумма, которую они потратили на лечение, была высокой - около 75 процентов от общих расходов на здравоохранение в семье. Также было обнаружено, что, хотя более 50 процентов хронических заболеваний диагностируется в государственном секторе, более 40 процентов пациентов фактически покупают свои лекарства в частных аптеках.

Окончательная оценка в конце 2019 года позволит определить, улучшил ли NovartisAccess состояние здоровья пациентов с НИЗ, а не только улучшил ли он доступ к диагностике и доступному лечению. Подробный анализ результатов позволит тем, кто работает с NovartisAccess, корректировать программу по мере ее развертывания в других округах.

Группа исследователей из Гарвардской бизнес-школы утверждает, что эффективная реализация стратегий КСО, приводят к снижению специфических ограничений для привлечения капитала организацией из-за двух взаимодополняющих механизмов.² Во-первых, превосходные результаты в области КСО отражают приверженность и заинтересованность фирмы в отношениях с заинтересованными сторонами на основе взаимного доверия и сотрудничества.³ Следовательно, как утверждает Томас Джонс, «поскольку этические решения проблем с обязательствами более эффективны, чем механизмы, предназначенные для обуздания оппортунизма, из этого следует, что фирмы, которые заключают контракты со своими заинтересованными сторонами на основе взаимного доверия и сотрудничества, смогут снизить транзакционные издержки и затраты на командообразование». Кроме того, хорошее взаимодействие с заинтересованными сторонами может увеличить прибыль фирмы, также способствуя постоянному потоку доходов - благодаря повышению качества взаимодействия с клиентами, деловыми партнерами и между сотрудниками. Другими словами, более активное взаимодействие с заинтересованными сторонами может напрямую ограничивать вероятность оппортунистического поведения (Benabou и Tirole, 2010; Eccles et al., 2012), а также представляет собой более эф-

фактивную форму заключения контрактов с ключевыми заинтересованными сторонами, что может привести к увеличению прибыли.

Также предшествующие исследования показали, что фирмы с превосходными показателями реализации программ КСО с большей вероятностью публично раскрывают свои стратегии КСО, публикуя отчеты об устойчивом развитии⁴ (Dhaliwaletal., 2011), а также с большей вероятностью предоставляют такие отчеты третьим сторонам, что увеличивает достоверность таких сообщений.

По мнению группы ученых-исследователей Д. Серафейма, Э. Тугендхата и Р. Каплана «корпоративные проекты недостаточно амбициозны и масштабны. Вместо того чтобы решать локальные проблемы, следует реформировать местные экосистемы. Реформа требует системного подхода и привлечения партнеров из разных отраслей. Помимо собственного финансирования, можно привлечь и дополнительное — от частных инвесторов и правительственных организаций, заинтересованных в искоренении нищеты». И здесь крайне интересен пример международной компании Syngenta, швейцарского производства средств защиты растений и семеноводства.

В 2000 году Syngenta приняла «План успешного роста», рассчитанный на 20 лет. Компания поставила перед собой следующие цели:

- на 50% повысить производительность труда 20 млн. мелких землевладельцев;
- на 20% повысить урожайность основных сельскохозяйственных культур без увеличения расхода воды, площадей и т. д.;
- провести полный цикл занятий по охране труда для 20 млн. фермеров, в основном в развивающихся странах;
- создать приемлемые условия труда для всех звеньев в цепочке поставок.

Одной из первых программ была FrijolNica, она охватила уже 16 тыс. мелких фермеров, объединенных в кооперативы по выращиванию кофе в Никарагуа. Программа FrijolNica помогает производителям бобов в Никарагуа преобразовать свою небольшую ферму в устойчивый бизнес, позволяя мелким фермерам получать микрофинансирование через местного финансового партнера. Они могут купить семена и удобрения и погасить ссуду, когда урожай бобов будет продан. Доступ к этим технологиям в

сочетании с обучением и технической помощью профессиональных агрономов коренным образом изменил методы их ведения. Урожайность фермерских хозяйств увеличилась до 100 процентов. За 10 лет производительность труда этих землевладельцев удвоилась, дети, ранее вынужденные работать на плантациях, смогли регулярно посещать школу.

Решающее значение имеет налаживание сотрудничества, особенно с учетом того, что стратегия Syngenta все больше увязывается с цифровизацией сельского хозяйства. Для того чтобы принести фермерам реальную пользу, были созданы многосторонние платформы с партнерами, которые предоставляют оборудование, финансовые решения и образовательную поддержку. Например, в Бразилии самый крупный проект компании предусматривает конвергенцию спутниковых изображений, метеорологических данных и подготовку кадров, что является примером того, как цифровизация преобразует традиционные методы ведения сельского хозяйства. Он использует цифровую интегрированную платформу для борьбы с вредителями, разработанную SmartBio с Syngenta, что позволяет сахарным тростникам отображать районы, подверженные различным стрессовым факторам, а затем оптимизировать управление и обработку сельскохозяйственных культур соответственно.

Также компания проводит оценку социального воздействия своих программ, которая углубляет понимание особенностей взаимодействия с мелкими фермерами, помогая ей усовершенствовать модели рынка, чтобы сегментировать и максимизировать преимущества, которые она приносит фермерам и обществу.

Из 10 исследований, заверенных в 8 странах до конца 2017 года, ясно, что каждая страна и каждая культура представляют свою уникальную комбинацию проблем и возможностей, поэтому стратегии на каждом рынке должны быть адаптированы соответствующим образом.

Например, в Кении выращиванию картофеля и помидоров препятствуют низкая производительность и практически отсутствие рынка в современном понимании. В партнерстве со специалистами по сельскохозяйственному бизнесу TechnoServe Syngenta помогает улучшить производительность и создать рынки сбыта, предоставляя качественные ресурсы и обучение,

улучшая доступ к финансированию и увеличивая потенциал центров обслуживания местного рынка. С 2016 года партнерство помогло более чем 8800 фермерам увеличить свои доходы в общей сложности почти на 5 миллионов долларов.

В Индонезии Syngenta помогла создать сеть партнерских отношений с банками, страховщиками, розничными торговыми точками и НПО. Компания предоставляет продукты и обучение, в то время как партнеры добавляют обучение финансовой грамотности, микрокредиты, страхование урожая и гарантии выкупа, помогают с доступом на рынок и внедряют цифровые платежи.

Запуск проекта, даже будучи удачным, не всегда приводит к успешной реализации и, зачастую, так как бюджеты на социальные программы являются весьма ограниченными, компаниям требуется финансирование извне. Корпоративные инвестиционные фонды предпочитают надежные проекты с коротким периодом окупаемости и, с большой долей вероятности, отвергают проекты, предполагающие создание новых экосистем. В данном случае лучшим решением станет привлечение государственного финансирования, поскольку государство не так зависимо от быстрой отдачи и способно инвестировать в проекты с долгим сроком окупаемости.

Впоследствии, когда станет ясно, что пилотный проект уже функционирует и начинает показывать рентабельность, в проекте вновь на первую роль может выйти компания, его иницировавшая, однако для большей диверсификации рисков бывает полезным привлечь и фонды преобразующих инвестиций. Рынок преобразующего инвестирования, согласно исследованиям Global Impact Investing Network (GIIN) на май 2017 года составлял приблизительно 114 миллиардов долларов США в год.⁵

Неправительственные организации также предлагают финансовые продукты, ориентированные на улучшение социальных условий. К примеру, некоммерческая организация Social Finance создала инновационные программы, работающие по принципу «оплата за успешную реализацию» (инвестиции идут только результативным социальным проектам). Недавно она выпустила облигации, проценты по которым зависят от уровня образования и занятости в неблагополучных районах США.

Консалтинговая компания Carapa, специализирующаяся в сфере развития переходных экономик, реализуя проект «Активная молодежь», договорилась с корпорацией Walmart, которая согласилась нанимать выпускников 80-часовых курсов по подготовке кассиров, упаковщиков и менеджеров нижнего звена. Carapa запустила кампанию по привлечению безработной молодежи – стала публиковать в социальных сетях рекламу образовательных программ. Учеба на курсах длилась 1–3 недели, студентов обеспечивали бесплатным проездом и питанием, а по окончании отправляли на собеседование. Компании, взявшие выпускников, при необходимости дополнительно обучали их.

За два года Walmart трудоустроила 380 молодых участников проекта, при этом срок закрытия вакансий у нее сократился на 15 дней. Нанятые по программе люди увольнялись на 30% реже, а затраты на повышение их квалификации были на 15% ниже. Кроме того, эти люди значительно чаще продвигались по карьерной лестнице.

Таким образом, инклюзивное развитие и создание новых социальных экосистем требует взаимодействия всех трех секторов: государственного, коммерческого и некоммерческого. А так как их цели обычно бывают различными, необходимо создать общую стратегическую карту проекта и найти точки соприкосновения интересов. Как показывает практика, результат бывает весьма впечатляющим.

Литература

1. S. El Ghouli, O. Guedhami, C.C.Y. Kwok, D.R. Mishra «Does corporate social responsibility affect the cost of capital?». *Journal of Banking and Finance*: 2388-2406, 2011.
2. M. Hasan, M. Hossain, A. Cheung, A. Habib «Corporate Life Cycle and Cost of Equity Capital». *Journal of Contemporary Accounting & Economics*, 2014.
3. J. Joo, M. Eom & M. Shin «Finding the Missing Link between Corporate Social Responsibility and Firm Competitiveness through Social Capital: A Business Ecosystem Perspective», 2017.
4. B. Cheng, I. Ioannou, G. Serafeim «Corporate Social Responsibility and Access to Finance». *Strategic Management Journal*, 2011, 35 (1): 1-23.

5. Цей С. А. «Анализ российской практики социальной ответственности компаний и раскрытие информации в отчетности» Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика, по. 2, 2011, 138-148.

Ссылки:

1 McWilliams, A., & Siegel, D. «Event studies in management research: Theoretical and empirical issues.» *Academy of Management Journal*, 40: 626-657, 1997

2 Cheng B., Ioannou I., Serafeim G. «Corporate social responsibility and access to finance», 2011

3 Waddock S.A., Graves S.B. «The corporate social performance – financial performance link», *Strategic Management Journal* 18(4), 303-319, 1997

4 Dan S. Dhaliwal, «Nonfinancial Disclosure and Analyst Forecast Accuracy: International Evidence on Corporate Social Responsibility Disclosure», 2011

5 <https://thegiin.org/impact-investing/need-to-know/#how-big-is-the-impact-investing-market>

Корпоративная культура как фактор формирования социального капитала организации

Игумнов О.А.

Статья посвящена анализу роли корпоративной культуры в формировании социального капитала организации. Корпоративная культура, выражая конкретные управленческие ценности и цели, рассматривается как фактор формирования, развития и использования организационного социального капитала. Вместе с тем она носит преимущественно инструментальный характер и лишь в незначительной степени способна воздействовать на базовые ценностные ориентации работников. Отмечено, что корпоративная культура не является управленческим инструментом как таковым, но она задаёт общие условия социального взаимодействия, влияя на эффективность конкретных инструментов развития социальных связей и формирования социального капитала. Сделаны выводы о возможностях корпоративной культуры в процессе целенаправленного формирования символической и нормативной среды, способствующей отношениям доверия, кооперативному поведению, ориентации на общее благо и другим проявлениям организационного социального капитала. Ключевые слова: социальный капитал, корпоративная культура, социальные связи, социальные интеракции, социальные нормы, ценности, организационный ресурс, доверие.

Igumnov O.A.

Corporate culture as an organization social capital formation factor
The article analyzes the role of corporate culture in the organization social capital formation. Corporate culture expressing specific management values and goals is considered as a factor in the organizational social capital formation, development and using process. At the same time it is mainly instrumental and is only to a small extent able to influence the basic value orientations of workers. It is noted that corporate culture is not a management tool as such but it sets social interaction general conditions affecting the effectiveness of specific tools for the social relations development and social capital formation. Conclusions about the possibilities of corporate culture in the process of purposeful formation of symbolic and normative environment that promotes relations of trust, cooperative behavior, orientation to the common good and other manifestations of organizational social capital are drawn.
Kew words: social capital, corporate culture, social relations, social interactions, social norms, values, organizational resource, trust.

Всеобъемлющий характер социального капитала в организационном функционировании требует конкретизации влияющих на его формирование и управленческое использование факторов. С управленческой точки зрения, социальный капитал является объектом целенаправленного управленческого воздействия, поскольку, как и любой другой капитал, влияет на организационные возможности и эффективность. Социальные отношения, лежащие в основе социального капитала, образуют саму ткань общественной жизни, а потому организационно-управленческие инструменты могут выступать лишь в качестве «стимулирующего средства», но никак не в качестве источника и причины социального капитала [17]. Американские исследователи У. Бейкер и Дж. Даттон называют шесть основных категорий, или кластеров организационных практик, выступающих в качестве инструментов, стимулирующих формирование и развитие социального капитала [17, с. 331]:

1. реляционная селекция – рекрутинговые практики, которые задают контуры будущего социального капитала за счёт процедур отбора и подбора персонала;
2. реляционная социализация – практики, стимулирующие выстраивание социальных отношений между новыми и старыми работниками на начальном этапе вхождения в организацию (программы наставничества, ротация новичков, организация неформальных мероприя-

тий для облегчения социальных контактов и расширения информации о других членах коллектива);

3. вознаграждение социальных навыков – включение в систему стимулирования персонала механизмов, предполагающих вознаграждение за успешную командную работу, помощь коллегам, обмен знаниями и опытом и др.);

4. использование групповых систем мотивации, особенно важных, поскольку традиционные бонусные и другие мотивационные системы ориентированы на отдельных работников, что стимулирует не столько организационный, сколько индивидуальный социальный капитал, которые, могут находиться в конфликтных отношениях;

5. организация встреч – создание специальных организационных механизмов для обеспечения непосредственного взаимодействия работников и как предпосылки для формирования устойчивых социальных связей;

6. коллаборативные технологии с использованием технических средств, способствующих совместной работе.

Даже первичный анализ названных типов организационных практик показывает, что их связь с социальным капиталом носит более сложный характер, нежели просто «стимулирующее средство». Многие из названных практик, непосредственно влияющих на организационную эффективность, сами являются объектом обратного воздействия со стороны социального капитала. Например, развитые социальные связи становятся фактором, облегчающим рекрутинг и социализацию новых сотрудников, и способны сами по себе выполнять мотивирующую роль. Тем не менее, не вызывает сомнения, что именно целенаправленные управленческие инициативы способны запустить подобный каскад организационных процессов, поддерживающихся положительной обратной связью.

В списке организационно-управленческих факторов, предложенном американскими специалистами, очевидным образом отсутствует ещё один, имеющий самостоятельное значение, а именно – корпоративная культура. Это объяснимо, если учесть, что корпоративная культура не является организационной практикой как таковой. Однако представляя собой совокупность организационных норм, общих представлений и символических конструктов, она явля-

ется той средой, которая обеспечивает институционализацию и закрепление инициированных в организации практик, а, следовательно, и формирование социального капитала. Иными словами, корпоративная культура, в той мере, в которой она является объектом управленческого воздействия, также может рассматриваться как особый тип фактора формирования и развития социального капитала организации.

Строго говоря, отдельные исследования не рассматривают корпоративную и организационную культуру как синонимы, на том основании, что понятие организации является более общим, либо же полагая организационную культуру формирующейся стихийно, а корпоративную – как следствие целенаправленного управленческого воздействия [7]. Однако большинство исследователей де-факто используют их как синонимы, отмечая, что указанные выше различия не носят фундаментального характера. Например, ничто не мешает рассматривать организационную культуру одновременно как естественно складывающийся элемент существования организации и объект целенаправленного воздействия.

Сформировавшийся пул исследований даёт достаточно полное описание организационных процессов и проблем, связанных с корпоративной культурой, а также её вкладом в эффективность организационного развития [5;6;9;15;16;21;28;30;42]. Неизбежно отражая многозначность понятия культуры как таковой, корпоративная культура тем не менее характеризует совокупность принципов и правил поведения, ценностей и норм, а также символических конструктов, характеризующих внутреннюю среду конкретной организации.

Один из ведущих исследователей корпоративной культуры, Г. Хофштеде, разработал достаточно релевантную модель деловой культуры, в которой отразил следующие моменты, актуальные в русле исследуемой нами проблемы.

Во-первых, деловая культура тесно связана с корпоративной (организационной) культурой, однако выходит за пределы собственно внутриорганизационных процессов и отношений и характеризует способ выстраивания деловых связей в целом, в том числе с внешней средой, а также в деловых ситуациях вне организационного контекста.

Во-вторых, тот факт, что организационная культура ограничена границами конкретной организации, отражает её историю и социально конструируется, позволяет считать её потенциальным объектом управленческого воздействия, а некоторые исследователи называют её даже управленческой технологией, то есть средством рационального управления[9].

В-третьих, голландский социолог акцентирует внимание на более поверхностных элементах культуры (ритуалы, символы) в организации, тогда как более фундаментальные компоненты, связанные с верованиями (картиной мира) и ценностями, напрямую не упоминаются. Вместе с тем это отражает одно из наиболее важных теоретических положений, связанных с ценностно-нормативными аспектами организационной культуры.

С одной стороны, исследователи указывают на разделяемые ценности и ментальные репрезентации как на ключевые элементы организационной культуры, регулирующие поведение сотрудников, социальные отношения и принципы принятия управленческих решений [1;6;7;14]. Такое мнение, казалось бы, подтверждается и фактической практикой управления в современных компаниях, для которых формулирование и продвижение «корпоративных ценностей» стало сутью ли не обязательным элементом. Однако при более внимательном изучении становится очевидным, что представление о ценностных основаниях корпоративной культуры ограничивается преимущественно практико-ориентированными работами и отражает роль явно формулируемых организационных ценностей в системе связей с общественностью и внутрифирменной рекламы [2;4;12].

Однако для академических исследований такая позиция не характерна. По нашему представлению, необходимо различать ценности-декларации, призванные задать некоторые регулятивные рамки для демонстрируемого поведения персонала и сформировать имидж организации, и ценности-регуляторы человеческого поведения. Когда компания декларирует ценности креативности или командной работы, она лишь указывает, какие формы поведения ценятся в компании (отвлекаясь от вопроса о том, насколько реальные практики в компании действительно стимулируют такое поведение). Однако базовые ценностные установки, определя-

ющие восприятие индивидами фундаментальных аспектов жизни и социальных отношений, а также предрасположенность к определённым формам действий, не могут формироваться подобными декларациями, поскольку усваиваются преимущественно в ходе первичной социализации и отражают само содержание социальной жизни, в которое погружён индивид.

В этой связи мы считаем обоснованным проведение чёткой границы между уровнями национальной и корпоративной культуры, на котором, в частности, настаивает Г. Хофштеде [24, с. 346]. Именно национальная культура формирует базовые представления человека о власти, социальных отношениях, жизни, а также задаёт критерии оценки типичных ситуаций и принципы принятия ключевых решений, в том числе в организационном контексте (например, относительно принятия иерархических отношений и готовности брать на себя персональную ответственность). Такие ценности формируются в ранний период социализации и мало подвержены изменениям; индивид вступает в организационные отношения (по крайней мере, если говорить о трудовой деятельности) уже в зрелом возрасте, когда базовые ценностные установки уже сформированы.

В свою очередь, организационная культура ориентирована на демонстрируемые практики, даже если инструментом такого воздействия являются декларируемые ценности компании. Она является более поверхностной, что, однако, не делает её менее значимой с точки зрения организационного функционирования. Организационная культура рассматривается как общие для организации, разделяемые представления о повседневных рабочих практиках [24, с. 348]. Её главное отличие от национальной деловой культуры – воздействие не на общие принципы и представления, а регулирование конкретных рабочих практик, определяющее, например, допустимость коррупции во взаимодействии с контролирующими органами, критики руководства на совещаниях или отвлечения от выполнения своих задач для помощи коллеге или непринуждённого разговора на общие темы.

Организационная культура, используя различные инструменты, такие как корпоративный символизм, организационные нарративы, выражающие историю и миссию организации, ценности и идеалы её создателей, декларируемые

ценности и принципы поведения и деловой этики, мероприятия по формированию корпоративной идентичности, призвана, среди прочего, согласовать различия в базовых ценностных ориентациях сотрудников, предложить такие модели организации повседневной деятельности, которые будут приниматься сотрудниками как должное.

Базовые ценности национальной деловой культуры, результаты исследования которых широко представлены в современной литературе [23;24;25], при этом остаются значимым фактором, определяющим возможности и эффективность воздействия на трудовые практики посредством инструментов корпоративной культуры. В общем смысле они задают пространство возможностей для организации по воплощению желаемых принципов организационной культуры. Сам факт разделяемых ценностей, независимо от их содержания, способствует формированию социальных связей, а, следовательно, и социального капитала [22, с. 2-3]. Рекрутинговые механизмы при этом играют ключевую роль при формировании кадрового состава с ценностно-нормативными установками, соответствующими ценностям и целям компании [24, с. 349].

Большинство современных моделей деловых культур содержит ценностные измерения, прямо или косвенно связанные с формированием социального капитала. В особенности это касается теории Ч. Хэмпден-Тёрнера и Ф. Тромпенаарса, оперирующей семью ценностными измерениями культуры и основанной на теории стандартных переменных Т. Парсонса [10]. Почти все из них так или иначе регулируют социальные отношения.

В теории Г. Хофштеде ценностные измерения индивидуализма и дистанции власти также играют ключевую роль в формировании и структурировании социального капитала организации [24]. Но если первое определяет готовность и стремление работников к формированию отношений социальной аффилиации, то второе регулирует другой тип социальных отношений – иерархический, задавая относительную значимость неформальных отношений между индивидами, занимающими разное положение в организационной иерархии.

Такой результат может показаться противоречащим теоретической интуиции, основан-

ной на представлении об исключительной значимости социальных связей в коллективистских обществах, однако его объяснение находится в логике подхода Э. Дюркгейма, согласно которому рост индивидуализма и автономности сопровождается увеличением значимости добровольных социальных контактов, а дифференциация и разделение труда способствуют усилению взаимозависимости между индивидами.

Относительно связи социального капитала и культуры на организационном уровне отметим, что анализ существующей научной литературы позволяет констатировать лишь её частичную изученность, как в теоретическом, так и эмпирическом плане.

Как уже было отмечено выше, наличие разделяемых ценностей само по себе является важным фактором формирования социальных связей и групповой солидарности [22, с. 2-3]. Это позволило А. Портесу рассматривать интернализацию социальных норм в качестве самостоятельного источника формирования социального капитала, поскольку безусловное принятие обязательств в отношении других членов группы структурирует пространство возможных действий и тем самым является ресурсом для группы [36, с. 7-8].

Такая общетеоретическая позиция может быть интерпретирована в организационном контексте следующим образом. Наличие общих, разделяемых норм и ценностей, даже находящихся за пределами воздействия корпоративной культуры, способствует формированию групповых связей именно в силу такой воспринимаемой общности фундаментальных представлений и нормативных ориентаций. В терминах предлагаемой нами модели социального капитала, разделяемые ценности способствуют формированию отношений аффилиации. Соответственно, в той мере, в которой менеджмент и корпоративная культура способны обеспечить групповую солидарность, основанную на разделяемых культурных перспективах, можно говорить о ценностях как об источнике организационного социального капитала.

Учитывая, что возможности воздействия корпоративной культуры непосредственно на ценностные ориентации крайне ограничены, очевидно, что решение подобной управленческой задачи может осуществляться, прежде все-

го, за счёт рекрутинговых механизмов и селекции персонала на основе сходства культурных перспектив. Собственно же корпоративная культура при этом выступает не столько в качестве источника, сколько в качестве опосредующего фактора формирования социального капитала, а конкретное содержание ценностей работников имеет меньшее значение, чем степень их взаимного соответствия.

Другой подход представлен в известной работе Э. Инкпена и Э. Цанга, которые, основываясь на предыдущих исследованиях [32, с. 242-266], предложили выделять в структуре организационного социального капитала три измерения: структурное, когнитивное и реляционное. В представленной ими модели разделяемая культура прямо называется в числе составляющих когнитивное измерение социального капитала, а организационная культура рассматривается как её проявление во внутриорганизационной социальной сети [27, с. 152]. В данном случае содержание культуры относится не столько к базовым ценностям, сколько к более конкретным нормам, регулирующим взаимоотношения внутри организации. Они рассматриваются как непосредственная часть её социального капитала.

Хотя авторы не конкретизируют связь между социальным капиталом и корпоративной культурой, отметим, что последняя рассматривается как набор стандартов и норм поведения, явно или неявно задаваемых руководством компании [27, 153]. Аналогичный подход можно встретить в работе Е.Е. Перваковой и В.Д. Главчанского, которые говорят о корпоративной культуре (совокупности разделяемых целей и норм) как о выражении социального капитала организации [11, с. 57-62].

Развивая логику данного подхода, можно заключить, что успешность формирования корпоративной культуры (то есть распространения общих стандартов и норм поведения) и эффективность социального взаимодействия внутри фирмы – две части одного процесса. Однако поскольку социальный капитал формируется не только разделяемой культурой, но и другими компонентами (общностью целей, плотностью контактов, вытекающих из организации рабочего процесса, стабильностью персонального состава персонала, отношениями доверия и др.), то логично предположить, что целенаправлен-

ные усилия по трансляции корпоративной культуры с управленческой точки зрения не могут быть достаточным условием для формирования и развития социального капитала в целом.

В исследованиях А. Инкпена и Е. Цанга отмечается, что эффективность усилий по формированию корпоративной культуры может оказаться существенно сниженной в случае многонациональных корпораций, поскольку навязываемый менеджментом набор норм поведения может конфликтовать с более глубинным и фундаментальным слоем ценностей национальной культуры [27, с. 157].

В работах по организационной культуре встречаются положения, соответствующие подобному представлению о разделяемых нормах как составляющей социального капитала. Предполагается, что организации с сильной организационной культурой (т.е. с разделяемыми нормами) и групповой солидарностью могут существенно снижать транзакционные издержки на контроль и повышать взаимные обязательства работников [33, с. 129-141].

Социальные связи и разделяемая культура (нормы) в данном случае являются взаимосвязанными элементами социальной организации, и могут считаться составляющими социального капитала. Аналогичная точка зрения представлена в работе финских специалистов, посвящённых роли социального капитала в организационном трансфере знаний [40, с. 448-458]. Часть организационной культуры, связанная с распространением информации (информационная культура) является условием формирования организационной среды, способствующей обмену знаниями, однако соответствующие поведенческие нормы имеют смысл только применительно к развитым социальным общностям внутри организации. Можно сказать, что социальные сети образуют своего рода инфраструктуру, а организационная культура – регулятивные механизмы её использования.

Для названных выше подходов характерно представление о связи между социальным капиталом и корпоративной культурой, основанной на простом факте разделяемых норм или ценностей. Однако само содержание нормативных стандартов и/или ценностных ориентаций при этом склонно игнорироваться, хотя очевидно, что заложенные в них императивы в разной степени способны стимулировать поведение и

практики, направленные на развитие и использование социальных связей в логике «игр с ненулевой суммой».

Очевидно также, что различные типы корпоративных культур, описанных в современной литературе [6; 24;35], в разной степени сочетаются с возможностями приращения организационного социального капитала. Это подтверждают и работы в области сетевого анализа, показывающие механизмы формирования множества организационных культур, которые, однако, в разной степени способствуют кооперативным формам поведения [33, с. 243-257].

В ряде других работ внимание к содержательным аспектам корпоративной культуры выражено более отчётливо. Отталкиваясь от положений теории Дж. Коулмана, К. Леана и Дж. ван Бюрен утверждают, что корпоративные нормы и идеология играют более существенную роль в формировании и поддержании социального капитала, нежели интенсивность межличностных взаимодействий, а механизмами их закрепления выступают, прежде всего, системы рекрутинга и вознаграждения, а также инструменты внутрифирменного продвижения [29, с. 545]. Корпоративная культура в данном случае рассматривается, во-первых, как часть системы менеджмента, а во-вторых, как фактор развития социального капитала. В рамках такой логики, если компания смогла обеспечить распространение норм взаимности, командной работы и коллективных достижений, то она обеспечивает рост ценности социальных связей для решения организационных задач.

Французский специалист в области деловой этики Д. Меле определяет конкретные характеристики корпоративной культуры, способствующие формированию отношений доверия и кооперативному поведению, составляющим ядро социального капитала. По мнению Д. Меле, это культура (называемая автором «организационной гуманизирующей культурой»), направлена на признание достоинства человека, его прав, уникальности, способности к социальному взаимодействию и личностному росту; уважение людей и их прав; заботу и поддержку в отношении окружающих; менеджмент, нацеленный на общее благо, а не личные интересы [31, с. 3-4].

В рамках такой интерпретации корпоративная (организационная) культура рассматрива-

ется как управленческий фактор развития социального капитала организации. Корпоративная культура формируется целенаправленно и отражает ценности и представления руководства. К сожалению, автор не конкретизирует механизмы её формирования и воздействия на социальный капитал, и не представляет достаточных эмпирических свидетельств в пользу названных им характеристик организационной культуры.

Учитывая недостаточный уровень проработанности данной проблемы в современной социальной науке, мы, не претендуя на теоретическую полноту и законченность, считаем необходимым сформулировать несколько положений, задающих общие рамки исследования взаимосвязи социального капитала и корпоративной культуры в русле целей диссертационного исследования.

1. Социальные связи и структура, с одной стороны, и культура, с другой, образуют два взаимозависимых, но различающихся компонента социальных систем, в том числе организационных. Социальные связи и интеракции представляют собой организационный ресурс только в той мере, в которой они обеспечивают получение выгод от взаимодействия для других участников организационной системы. Базовые культурные ценности, задающие регулятивные императивы социального поведения, выступают в качестве одного из условий формирования социального капитала, наряду с другими, такими как конфигурация социальной сети (то есть конкретные «маршруты» и возможности социальных интеракций, предоставляемые организацией), организационные нормы и система управленческих инструментов, обеспечивающих вознаграждение желаемых социальных практик. Отметим, что, в отличие от ценностей, нормы не являются безусловным регулятором поведения.

2. Корпоративная культура характеризует совокупность представлений и норм, относящихся к конкретным организационным практикам, то есть способам выполнения рабочих задач и решения организационных проблем. И хотя нормативный компонент является неотъемлемой частью любой устойчивой социальной организации и социального капитала [37], корпоративная культура не может считаться проявлением этого нормативного компонента. Это

связано с тем, что корпоративная культура, задающая стандарты организационных практик, относится в том числе к трудовому поведению, не являющемуся социальным.

Иными словами, лишь часть корпоративной культуры задаёт стандарты социальных отношений и интеракций. Кроме того, сформировавшаяся корпоративная культура существует не в каждой организации, тогда как социальные нормы формируются естественным образом в ходе повторяющихся интеракций. Учитывая же, что нормативные стандарты, в свою очередь, являются лишь одним из компонентов, или условий, развития социального капитала, логические отношения между явлениями, относящимися к корпоративной культуре и организационному социальному капиталу, правильнее рассматривать как отношения пересечения, а не включения.

3. С управленческой точки зрения, корпоративная культура, выражая конкретные управленческие ценности и цели, должна рассматриваться как фактор формирования, развития и использования организационного социального капитала. Она носит преимущественно инструментальный характер и лишь в незначительной степени способна воздействовать на базовые ценностные ориентации работников. Использование конкретных управленческих инструментов, таких как механизмы организационной селекции (рекрутинг, аттестация, аутплейсмент), система вознаграждения и мотивации, внутрифирменное продвижение и PR, тем не менее, выступает в качестве самостоятельного фактора формирования социального капитала, способствуя распространению и закреплению организационных практик, обеспечивающих развитие и использование социальных связей для достижения организационных целей.

4. С учётом изложенного отметим, что корпоративная культура не является управленческим инструментом как таковым. Воздействуя на нормы и стандарты социального поведения в организации, корпоративная культура задаёт общие условия социального взаимодействия, влияя на эффективность конкретных инструментов развития социальных связей и формирования социального капитала. Содержательные особенности корпоративной культуры, способствующие развитию социального капитала, являются предметом эмпирического исследова-

ния и должны учитывать как внутреннее разнообразие формирующих его социальных связей, так и возможные различия в организационных целях и функциональных управленческих областях.

Таким образом, с управленческой точки зрения, корпоративную культуру целесообразно рассматривать как фактор развития социального капитала организации. Хотя нормативный компонент является неотъемлемой частью существования стабильных социальных общностей и социальных систем, идея корпоративной культуры выражает, прежде всего, возможности целенаправленного формирования символической и нормативной среды, способствующей отношениям доверия, кооперативному поведению, ориентации на общее благо и другим проявлениям организационного социального капитала.

Обратное представление о социальной капитале как факторе развития социальной культуры также возможно в силу диалектического характера связи социальных и культурных компонентов организационной системы. Например, ресурсы неформальных социальных связей могут использоваться при рекрутинге сотрудников с личностными и ценностными характеристиками, отвечающими ценностям и нормам корпоративной культуры. Аналогично, развитый социальный капитал предоставляет возможности для более эффективной социализации новичков, способствующей закреплению корпоративных норм и стандартов поведения. Социальный капитал и корпоративная культура тем самым оказывают взаимное воздействие друг на друга.

Однако учитывая, что социальные отношения, лежащие в основе социального капитала, образуют саму ткань организационного функционирования, тогда как корпоративная культура затрагивает более поверхностные и контекстуальные факторы, с управленческой точки зрения именно её целесообразно рассматривать как фактор развития социального капитала.

Литература

1. Аверин А.В. Ментальные и ценностные основания корпоративной культуры // Транспортное дело в России. 2012. № 6-1. С. 80-82.
2. Армстронг М. Основы менеджмента. Как стать лучшим руководителем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

3. Бажин А.С., Овчинников А.С., Светайло Р.В. Взаимосвязь социального капитала и корпоративной культуры предпринимательских организаций // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 283, 284.
4. Беленкова А.А. Простой пиар. М.: НТ Пресс, 2006.
5. Ермолов Ю.А. Концепции корпоративной (организационной) культуры как современный этап развития теории управления человеческими ресурсами: компаративный анализ // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №7. С.42-48;
6. Камерон К.С., Куинн Р.Э. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001.
7. Клименко А.А. Организационная и корпоративная культура: концептуальные различия // Молодой учёный. 2010. № 11. С.173-179.
8. Культура имеет значение. Антология. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002.
9. Малинин Е.Д. Концепция корпоративной культуры как управленческой технологии. Автореф. дисс. ... докт. соц. наук. Новосибирск, 2003.
10. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
11. Первакова Е.Е., Главчанский В.Д. Корпоративная культура как выражение интеллектуального и социального капитала организации // Социальная политика и социальное партнёрство. 2014. № 3. С. 57-62.
12. Роджерс Ф. Взгляд изнутри. Человек – фирма – маркетинг. М.: Прогресс, 1990.
13. Сипатова М.В. Корпоративные социальные сети как бизнес-инструмент // Управление человеческим потенциалом. 2014. № 1. С. 28-39;
14. Хасянова М.Г. Значение ценностей в корпоративной культуре // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 22-2. С.189-194.
15. Яценко Г.В. Корпоративная культура во внутриорганизационном социальном управлении. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2007;
16. Alvesson M., Berg P.O. Corporate culture and organizational symbolism: An Overview. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992
17. Baker W., Dutton J.E. Enabling positive social capital in organizations / Exploring Positive Relationships at Work: Building a Theoretical and Research Foundation. Ed. by J. Dutton, B. Ragins. Lawrence Erlbaum, 2006. P.331.
18. Bian Y., Zhang L. Corporate social capital in Chinese guanxi culture // Contemporary Perspectives on Organizational Social Networks. 2014. Vol. 40. P.421-443.
19. Chui M. et al. The social economy: Unlocking value and productivity through social technologies. McKinsey Global Institute, 2012;
20. Deal T.E., Kennedy A.A. Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life. Reading: Addison-Wesley, 1982;
21. Ehrhart M.G., Schneider B., Mackey W.H. Organizational Climate and Culture: An Introduction to Theory, Research, and Practice. New York; London: Routledge, 2014.
22. Field J. Social Capital. London; New York: Routledge, 2003; Lin N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P.2-3.
23. Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building Cross-Cultural Competence: How to Create Wealth from Conflicting Values. New Haven; London: Yale University Press, 2000.
24. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New-York: McGraw-Hill, 2010. P.344.
25. House R.J. et al. Culture, Leadership, and Organizations: The GLOBE Study of 62 cultures. San Francisco: Sage, 2004; World Values Survey: Round Six – Country-Pooled Datafile Version. Ed. by Inglehart R. et al. Madrid: JD Systems Institute, 2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WSDocumentationWV6.jsp>.
26. Huber S., Ropke K. How gamification can help companies to become more sustainable: A case study on ride sharing. In: Gamification in Education and Business. Ed. by T. Reiniers, L.C. Wood. Cham: Springer, 2015. P. 615-636;
27. Inkpen A.C., Tsang E.W.K. Social capital, networks, and knowledge transfer // Academy of Management Review. 2005. Vol.30. P. 152.
28. Kotter J.P., Heskett J.L. Corporate Culture and Performance. New York: The Free Press, 1992.
29. Leana C.R., van Buren H.J. Organizational social capital and employment practices. 1999. Vol. 24. P. 545.
30. Linnenluecke M.K., Griffiths A. Corporate

sustainability and organizational culture // *Journal of World Business*. 2010. Vol. 45. P.357-366.

31. Mele D. Organizational humanizing cultures: Do they generate social capital? // *Journal of Business Ethics*. 2003. Vol. 45. P. 3-14.

32. Nahapiet J., Ghoshal S. Social capital, intellectual capital, and the organizational advantage // *The Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. P. 242-266.

33. Ouchi W.G. Markets, bureaucracies, and clans // *Administrative Science Quarterly*. 1980. Vol. 25. P.129-141.

34. Peters T., Waterman R. *In Search of Excellence*. New York: Harper and Row, 1982.

35. Pheysey D.C. *Organizational Cultures: Types and Transformations*. London; New York: Routledge, 1993.

36. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 7-8.

37. Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1993.

38. Richter A. et al. Knowledge management goals revisited: A cross-sectional analysis of social software adoption in corporate environments // *The Journal of Information and Knowledge Management Systems*. 2013. Vol. 43. P. 132-148.

39. Rob R., Zemsky P. Social capital, corporate culture and the incentive intensity // *RAND Journal of Economics*. 2002. P. 243-257.

40. Widen-Wulff G., Ginman M. Explaining knowledge sharing in organizations through the dimensions of social capital // *Journal of Information Science*. 2004. Vol.30. P.448-458.

41. Xiao Z., Tsui A.S. When brokers may not work: the cultural contingency of social capital in Chinese high-tech firms // *Administrative Science Quarterly*. 2007. Vol. 52. P. 1-31.

42. Yamashita H. *Competitiveness and Corporate Culture*. New York: Routledge, 2018.

Новые особенности сферы занятости на международном рынке труда

Ло Шуай

В статье рассмотрены предпосылки развития новых форм занятости на международном рынке, которые возникают в результате трансформации экономики в цифровую эпоху. Новые формы занятости – новое явление, которое требует тщательного изучения и понятия. С появлением новых форм занятости работодатели сталкиваются с определенными проблемами: не адаптированное правовое регулирование новых форм деятельности и трудовых отношений, не развитые методы учета и контроля. Но кроме выделенных проблем на начальном этапе становления новых форм занятости, с которыми сталкиваются предприятия, наблюдается становление такой тенденции как расширение трудового потенциала и географии использования трудовых ресурсов, что в целом увеличивает эффективность кадровой составляющей и формирует новые возможности для предприятий.

Ключевые слова: международный рынок труда, кадровый потенциал, эффективность кадровой политики, правовое регулирование трудовых отношений, фриланс, аутсорсинг, краудсорсинг, удаленный сотрудник.

Luo Shuai

New features of the sphere of employment in the international labor market

The article describes the prerequisites for the development of new forms of employment in the international market, which arise because of the transformation of the economy in the digital era. New forms of employment – a new phenomenon that requires careful study and concepts. With the emergence of new forms of employment, employers face certain problems: not adapted legal regulation of new forms of activity and work relations not developed methods of accounting and control. But in addition to the identified problems at the initial stage of the formation of new forms of employment faced by enterprises, there is a trend such as the expansion of labor potential and the geography of the use of labor resources, which generally increases the efficiency of the personnel component and creates new opportunities for enterprises.

Keywords: international labour market, human resources, the effectiveness of personnel policy, legal regulation of labour relations, freelancing, outsourcing, crowdsourcing, remote worker.

Актуальность проблемы исследования. Развитие инновационного, конкурентоспособного производства в мировом масштабе не только определяет изменение характера занятости населения, но и предусматривает как необходимое условие преодоления негативных последствий стихийного распространения неформальной занятости и ее влияния на трансформацию международного рынка труда. Как отмечает А. Нуртдинова: «понимание и научная проработка проблематики и трансформации международного рынка труда имеет важное значение, как для правительств стран, так и для отдельных работников, которые стремятся оптимально применять свои способности и навыки в условиях глобализации» [1, с.23]. Это значит, что изучение механизмов взаимодействия между компаниями и удаленными сотрудниками изнутри, позволит понять, как правильно выстраивать новые трудовые отношения, как законодательно защитить права и обязанности работодателей и удаленных работников, как обеспечить наибольшую эффективность от взаимного обмена между выполнением трудовых функций на расстоянии и оплаты такого труда со стороны компании.

На сегодня аспект влияния новых форм занятости на трансформацию международного рынка труда остается недостаточно проработанным, в частности в плоскости исследования взаимосвязи между распространением нестандартной занятости и процессами трансформации международного рынка труда. Определение этой взаимосвязи требует глубокого анализа с целью формирования политики наднациональных институтов управления международным рынком труда в новых сегментах. Вышеуказанное определяет актуальность выбранной темы исследования.

Методологические основы исследования. Сегодня на международном рынке тру-

да появились новые формы занятости, которые характеризуются, во-первых, нестандартной занятостью (как правило, это работники на удаленном доступе или аут-работники – занятые на аутсорсинге), во-вторых, наличием высоко-развитых информационных технологий для выполнения своей работы – локальный и удаленный доступ к информационным ресурсам предприятия, видеосвязь и различные формы интранета (прим. автора – единое информационное поле всех сотрудников предприятия – как правило, это операционная программа, которая обеспечивает обмен информационными потоками по всем областям деятельности и расширена возможностями использования чатов между сотрудниками, оперативно передавать файлы, согласовывать решения, осуществлять веб-совещания в режиме реального времени независимо от физического присутствия сотрудника на рабочем месте) и т.п.

К новым формам занятости относятся: линзинг¹, аутсорсинг², аутстаффинг [2, с.55], фриланс, нетворкинг.

Изменение представления о традиционном рабочем месте, распространение гибкой занятости, техническая и социальная мобильность разрушают зависимость работников от географии и рынков. Облегченный доступ к ресурсам способствует совершенствованию, как самих сотрудников, так и результативности операционной деятельности [3].

Влияние информационных технологий на рынок труда является предметом исследования многих ученых и практиков. Вопрос занятости в информационном обществе исследованы в ряде научных трудов. Разные аспекты функционирования виртуального рынка труда изучали как отечественные, так и зарубежные ученые.

Так, например, в работах Ж.Н. Балабанюк, делается акцент на том, что при усилении процессов цифровизации рынка труда и появлении новых форм занятости у работодателей появляются такие сложности как планирование карьеры в своих компаниях (удаленный сотрудник, как правило, нанимается для выполнения определенного фронта работ, поэтому повышение на более высокую в иерархическом плане должность будет нецелесообразно из-за того, что выполнение этой функции необходимо будет передать новому удаленному сотруднику, что противоречит экономической логике зат-

рат на персонал компании), разработка гибкой системы мотивации (мотивация удаленных сотрудников не может быть одинакова с мотивацией штатных сотрудников, поэтому дифференциация мотивационных рычагов становится обязательным условием для компаний, использующих труд аут-персонала), а также по аккумуляции креативных мыслей и идей удаленных сотрудников (многие удаленные сотрудники не принимают участия в решении оперативных проблем компании, хотя, возможно, взгляд со стороны и свежие идеи могли бы стать хорошими решениями для многих ситуаций) [4, с. 115].

Е.И. Козлова, А.Н. Лопатина, М.А. Новак изучали трудности и проблемы в организации удаленных работ (аутсорсинг), с которыми сталкивались российские компании. В их статье «Использование механизма аутсорсинга для повышения эффективности ремонта и технического обслуживания на металлургическом предприятии» [5] приводятся основные этапы по принятию решения о выведении части бизнес-процессов на аутсорсинг и предлагаются основные меры обеспечения снижения рисков, связанных с данным решением.

Результаты исследования фриланса представлены в работах О.Е. Кузьмина, Р.В. Фецура, А.С. Скибинского, Н.Ю. Солярчука [6, с.25], в которых освещаются теоретические основы фриланса: изучаются его сущность, принципы организации, методы эффективности, а также предлагаются пути и направления развития. Также стоит отметить важный вклад в изучение вопроса, который внесли Д.О. Стребков и А.В. Шевчук в статье «Фрилансеры на российском рынке труда» [7, с. 46], в которой определены особенности развития фриланса именно на российском рынке труда в сравнении с общими тенденциями на мировом рынке.

Родноначальником нетворкинга (прим. автора - это социальная и профессиональная деятельность, направленная на то, чтобы с помощью круга друзей и знакомых максимально быстро и эффективно решать сложные задачи компании) следует считать М.Дж. Ниллеса [8, с. 42], который не только впервые определил нетворкинг как явление, но и привел особенности управления удаленными сотрудниками.

Работы этих авторов послужили методологической основой для развития исследования новых особенностей сферы занятости на меж-

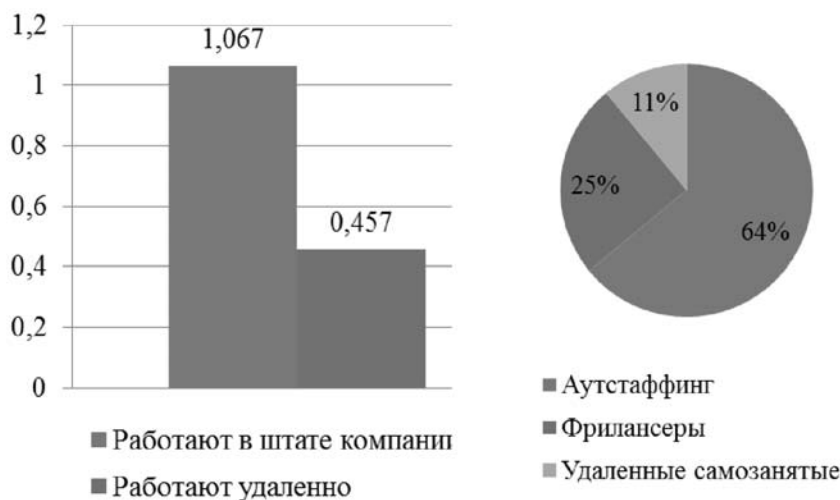

Рисунок 1. Статистические данные по состоянию рынка труда в России за 2018 год (млн. чел)
 Источник: составлено автором на основе данных Хохлова Д. Состояние рынка удалённой работы в России – исследование «Моего Круга». – URL: <https://vc.ru/flood/24254-moykrug-remote>

дународном рынке труда. Развитие информационного общества меняет не только процесс, но и формы организации труда (появление понятия «удаленный сотрудник» или «аут-персонал»). Информатизация трудовых процессов формирует предпосылки для существования и развития виртуального рынка труда, что и стало основной задачей данного исследования – выявить предпосылки и изучить процесс развития новых форм занятости на международном рынке труда.

По данным Высшей школы экономики в России доля удаленных работников составляла порядка 2%, то есть 1,5 млн. человек. При этом 80% дистанционно работающих сотрудников совмещали это занятие с другой работой, учебной или ведением домашнего хозяйства. Средний возраст российского фрилансера оценивался в 33 года, средний месячный доход – в 33 тыс. руб., а средний срок пребывания на дистанционной работе – в 3–4 года. Отмечалось, что 64% удаленных работников в России имеют высшее образование. Приведем некоторые статистические данные по состоянию рынка труда в России за 2018 год (рисунок 1).

Сейчас удаленно работает каждый третий. Аут-персонал можно поделить на три категории. Большинство из них – это сотрудники компаний, каждый четвертый – фрилансер, каж-

дый десятый – самозанятый. Каждый четвертый из удаленного персонала работает на иностранную компанию. В Китае тенденция аналогична.

В Китае фриланс развивается достаточно быстро и эффективно – сегодня рынок Китая очень привлекателен для многих международных инвесторов, но прежде чем открывать отдельные филиалы международных компаний, все чаще прибегают к услугам фриланса [9]. В Китае самыми популярными сферами для фриланса считаются [10]:

- 1) переводчики – как разовые переводчики для бизнес-встреч, так и систематические сопровождения сделок или бизнес-мероприятий;
- 2) менеджеры ВЭД – специалисты в области организации и поддержки логистических цепей, поставок или поиском кадров на территории Китая для международных компаний;
- 3) маркетологи – удаленные специалисты, которые проводят исследования внутреннего рынка, выявляют специфику и особенности ниш для будущего бизнеса или для уже успешно развивающихся в рамках новых стратегических задач.

В Китае также активизируется процесс трансформации института занятости, что характеризуется возникновением ее новых форм и видов, изменениями в коллективно-договорном

Таблица 1

Результаты исследования объявлений вакансий китайских компаний

Источник: составлено автором на основе данных <http://www.chinajob.com> и <https://www.chinaheadhunter.net/>

Выявленные критерии к кандидатам	крупные компании		средние компании		малый бизнес		Итого:
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
знание нормативно-правовых актов	5	1,7%	15	18,8%	1	4,2%	21
высшее образование по профилю	12	4,1%	17	21,3%	2	8,3%	31
опыт работы от 3-х лет	10	3,4%	12	15,0%	1	4,2%	23
готовность к ненормированному графику работы	6	2,0%	1	1,3%	2	8,3%	9
знание программных офисных продуктов	6	2,0%	1	1,3%	1	4,2%	8
высокий коммуникативный потенциал	12	4,1%	2	2,5%	1	4,2%	15
умение продуцировать новые знания, идеи, методы	17	5,8%	1	1,3%	1	4,2%	19
способность к обучению	18	6,1%	2	2,5%	3	12,5%	23
способность критически мыслить	27	9,2%	3	3,8%	1	4,2%	31
готовность изменяться, отказываться от стереотипов	13	4,4%	2	2,5%	1	4,2%	16
целеустремленность	13	4,4%	5	6,3%	2	8,3%	20
настойчивость	14	4,8%	2	2,5%	1	4,2%	17
ответственность	28	9,6%	5	6,3%	1	4,2%	34
дисциплинированность	33	11,3%	4	5,0%	1	4,2%	38
инновационность	25	8,5%	3	3,8%	1	4,2%	29
самоконтроль	22	7,5%	2	2,5%	2	8,3%	26
адаптивность	32	10,9%	1	1,3%	1	4,2%	34
устойчивость к нервно-психическим перегрузкам	28	9,6%	2	2,5%	1	4,2%	31
Всего:	293	100%	80	100%	24	100%	425

регулировании. При таких условиях государственная политика должна учитывать указанные тенденции и их объективный характер и обеспечивать адекватную защиту работников, участвующих во всех формах занятости. Именно поэтому выделение новых особенностей и форм сферы занятости и определение перспектив ее регулирования является актуальным вопросом и требует более детального исследования.

В Китае сегодня все более заметны тенденции постепенного снижения уровня занятости населения в производственном секторе глобальной экономики и существенного повышения уровня занятости в секторе услуг на фоне снижения общемирового уровня занятости. Указанные сдвиги приводят к изменениям в структуре и характере занятости, что влияет на со-

стояние мирового рынка труда и формирует новые тенденции его трансформации.

Изменения в структуре и формах занятости влияют на систему ценностей современного работника: углубляют их дифференциацию на рынке труда – сегодня работнику важен не только уровень дохода, но и имидж предприятия, его социальная ответственность перед обществом, понимание личного вклада в цели компании, вектор развития как профессионала внутри этого предприятия и т.п. Чтобы это доказать, автором были классифицированы объявления (табл. 1) с вакансиями в 100 китайских компаниях (в различных сферах экономики – от промышленных компаний до сервиса и торговой деятельности) и выявлены основные требования, которые предъявляются кандидатам на удаленные вакансии.

По результатам анализа, можно сделать выводы о том, что:

1) информатизация и интеллектуализация экономики нуждается в высокообразованных, высококвалифицированных работниках;

2) приоритетными критериями для крупных компания являются кандидаты, имеющие высокий коммуникативный потенциал, которые умеют продуцировать новые знания, идеи, методы, способны к обучению, обладают критическим мышлением, готовы изменяться, отказываться от стереотипов, наделены такими чертами характера, как целеустремленность, настойчивость, ответственность, дисциплинированность, инновационность, адаптивность, самоконтроль, устойчивость к нервно-психическим перегрузкам, высокий уровень трудоспособности и жизнеспособности;

3) средние компании отдают предпочтения кандидатам с критерием высшего образования и наличия опыта работы, профильных знаний по специальности;

4) компании малого бизнеса желают видеть в кандидатах большую отдачу делу в виде ненормированного рабочего дня, целеустремленности, способности к быстрому обучению и с высоким самоконтролем.

Использование новых форм занятости дает современным компаниям необходимую гибкость в управлении персоналом. Выбор конкретного мероприятия зависит от специфики потребности в персонале, а критерием отбора является его экономическая целесообразность. Существует три основные причины, которые заставляют руководителей компаний обратиться к услугам кадровых агентств по подбору временных работников, или для привлечения на определенный срок специалистов: временная потребность организации в высококвалифицированных специалистах; появление в организации вакантных мест на короткий срок; сезонность работы в некоторых организациях. И все же основными факторами развития инновационных нестандартных форм занятости остается стремительный развитие информационно-коммуникационных технологий, возникновение новых методов и способов управления интеллектуальным потенциалом, создание виртуальных предприятий, становление информационного общества, экономики знаний. Характерными признаками развития современной экономики, социально-тру-

довых отношений и сферы занятости является распространение гибких ее форм, одновременно с существованием традиционных. Особое распространение приобретают заимствованный труд (аутсорсинг, краудсорсинг) и дистанционная занятость (фриланс, нетворкинг, аут-персонал).

Использование заемного труда осуществляется через лизинг персонала, аутстаффинг, аутсорсинг, подбор временного персонала. Заимствованный труд предполагает трансформацию двусторонней модели трудовых отношений (работник-работодатель) в трехстороннюю (работник-агентство-организация-пользователь). Использование заемного труда имеет свои преимущества и недостатки как для работников, работодателей, так и для государства. Так, для рабочих возникает возможность работать по индивидуальному графику и осуществлять совместительство с учебой или другой работой, перекладывать издержки поиска работы и решение трудовых споров на агентства занятости. При этом остается риск ухудшения условий труда, социальной защиты, нестабильной занятости, снижение уровня доходов, отсутствие элементов компенсационного пакета. Работодатели получают возможность быстрого реагирования на изменения и обеспечения гибкой рабочей силы, оптимизации затрат на персонал, снижение налоговой нагрузки, снижение риска некачественной работы кадровой службы, но остается риск влияния на качество труда и квалификацию рабочих.

Удаленная занятость предполагает гибкие социально-трудовые отношения между работником и работодателем с использованием информационных и коммуникационных технологий, работу через информационные сети, работу на дому и в специальных центрах, территориально удаленных от основного офиса.

Наиболее противоречивой формой нестандартной занятости и более дешевым путем решения проблем нехватки собственного персонала на предприятиях является использование услуг фрилансеров.

Как отмечается в World Social Protection Report 2014-15, «в последние десятилетия в структуре занятости по секторам экономики состоялся ряд важных изменений, наиболее значительной из которых является превышение доли занятых в секторе услуг над долей заня-

тых в секторе сельского хозяйства, что обусловлено перемещением инвестиционного капитала из сферы материального производства в сферу производства нематериального знания» [11]. Поэтому в условиях перемещения работников с производственных отраслей в сферу услуг, формируются различные модели структуры занятости (европейская, американская, китайская, азиатская, российская и т.п.). Так, «в англосаксонских странах сформирована «информационная» модель структуры занятости, которая характеризуется приоритетностью сферы услуг»³, а в России промышленность до сих пор занимает весомую долю в структуре экономики (более 30%).

Первая предпосылка становления и развития использования аут-персонала привела к появлению проблемы у руководителей компаний – возникло непонимание способов оформления трудовых правоотношений между предприятием и сотрудниками, которые не закреплены в штате.

Следующей предпосылкой стала мировая тенденция по увеличению безработицы на международном рынке труда – автоматизация производств, «вымывание» или полный отказ от некоторых типов работников (например, при внедрении на предприятие интранета автоматически становится ненужным диспетчирование).

Продолжающаяся трансформация трудовых правоотношений вызывает серьезные экономические и социальные последствия. Увеличивается разрыв между трудовыми доходами работника и его производительностью, причем в большей части стран мира производительность растет быстрее, чем зарплата. В свою очередь, это приводит к дефициту совокупного спроса, который неизменно возникает в течение многих лет с начала кризиса. Согласно исследованиям International Labour Organization (ILO), которые опубликованы в отчете Global Employment Trends 2014, «падение мирового спроса оценивается в 3,7 трлн. долл. США, что стало результатом безработицы и сокращения трудовых доходов, а также их влияния на потребление, инвестиции и государственные доходы» [9]. Несмотря на неоднозначность данных из разных стран мира, работа в рамках стандартной формы занятости в среднем оплачивается выше, чем в рамках других форм, и в течение последнего десятилетия

этот разрыв имеет тенденцию к расширению. Временные и неформальные работники, работники, занятые на условиях неполного рабочего дня, и неоплачиваемые работники семейных предприятий, многие из которых женщины, также непропорционально страдают от бедности и социальной изоляции.

Целесообразно выделить следующие тенденции, характеризующие современную сферу занятости, на которые стоит акцентировать внимание современным руководителям предприятий [12, с.287]:

1) усиление глобальной конкуренции – с развитием новых форм занятости сегодня размываются территориальные границы трудоустройства: можно привлечь наилучшего специалиста из любого города, страны и континента при наличии налаженных информационных коммуникаций компании (данная тенденция находит отражение, например, в деятельности онлайн школ – преподаватели, имея свой онлайн кабинет, могут обучать мультинациональную аудиторию одновременно);

2) значительное расширение сферы услуг с особым акцентом на IT-сектор, что является ключевым сектором сферы услуг во всех развитых странах мира – современные IT-технологии позволяют оптимизировать коммуникации между сотрудниками и офисом (онлайн конференции, электронные почтовые сервисы, мессенджеры, прямые трансляции, удаленный доступ к файлам компании для сотрудников и т.п.);

3) структурные сдвиги в процессе перехода от сферы материального производства в сферу производства знаний – данный фактор объясняется тем, что материальные продукты отходят на второй план как само собой разумеющееся явление, на смену конкурентных преимуществ приходят интеллектуальные инновационные продукты и решения для бизнеса (новые методы организации, оптимизационные средства, программные продукты и т.п.);

4) увеличение масштабов использования информационных и коммуникационных технологий – формирование интранета компаний осуществляется не только в физических границах компании, но и за ее пределами, что позволяет расширять границы коммуникаций между филиалами, сетями и представителями в других регионах и даже странах – физическое рабочее место утрачивает свое значение для

руководителей (разработка приложений и программных модулей позволяет сотруднику находиться в любом месте и при этом выполнять свои трудовые функции);

5) возникновение новых технологий и изменения в организации производства на предприятиях, вызывающие сдвиги в сфере трудовых отношений – высвобождение информационного пространства компании позволяет снижать затраты руководства на содержание помещений и регулярных сотрудников – происходит трансформация управления из процессного в ситуационный (результативный);

6) повышение гибкости рынка труда и производства – данный фактор обязывает пересматривать систему поощрений в компании, так как автоматизация производственных процессов и капитализация интеллектуального труда сотрудников позволяют находить нужный баланс при планировании кадров с учетом плановых объемов работ (снижение затрат на содержание штатного персонала позволяет перераспределять затраты на совершенствование производственных процессов);

7) увеличение спроса на высокообразованных, высококвалифицированных работников, имеющих высокий коммуникативный потенциал (умеющих продуцировать новые знания, идеи, методы и владеющих новыми информационными технологиями) – качество персонала сегодня преобразовывает расчеты количественных потребностей в персонале: способность работать в режиме многозадачности и ненормированность рабочих процессов позволяют решать старые задачи на новом уровне с наименьшими затратами в рабочей силе;

8) распространение нестандартных форм занятости – становится популярной самозанятость и другие формы занятости вне сферы традиционных отношений «работник-работодатель»⁴;

9) увеличение разрыва между трудовыми доходами и производительностью – происходит оптимизация перераспределения прибыли компаний в зависимости от личного вклада персонала в общие доходы компании – личная заинтересованность сотрудников в размере своих бонусов и мотивационных выплат заставляет пересматривать требования к ключевым показателям эффективности работников компании.

Выводы и рекомендации по результатам исследования. Исследования Eurostat Statistics Explained. Employment statistics показывают, что «значительная часть занятого населения в малом и среднем бизнесе не связана с официальной, государственной экономикой, ее можно обозначить термином «неформальная занятость», основная черта которой – социальная уязвимость и ограничения доступа людей до рынков труда и капиталов, социального страхования и правовой защиты в национальной экономике» [13].

В России осуществляется мониторинг неформальной экономики с 1999 г. и соответственно существования занятости в гражданском секторе экономики, которое предусматривает сокрытие учета и налогообложения результатов деятельности и предопределяет получение больших прибылей производителями в данных секторах, чем в легальных.

При этом определенные категории занятого населения (например, в компаниях, где система оплаты состоит из номинальной и премиальной части – бонусы выплачивают в наличной форме) получают нелегальные источники дохода. Как показывают исследования, тенденции занятости в неформальном секторе экономики находятся в прямой зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке труда и динамики уровня экономической активности населения, от уровня структуры доходов и расходов домохозяйств.

Возникновение новых, распространение нестандартных и изменение существующих форм занятости является неизбежным процессом, который должен обеспечить дополнительные конкурентные преимущества для работодателей и способствовать повышению качества трудовой жизни для работников [13]. Поэтому стоит выделить преимущества новых форм занятости для всех участников трудового процесса (табл. 2).

Также важными факторами определения состояния занятости в неформальном секторе экономики России является отсутствие достаточного количества вакансий в мощных и технологически развитых компаниях для трудоустройства с высоким уровнем оплаты труда и социальной защиты, негативные тенденции рынка – в России аут-персонал еще не сформировался в значимую для экономики категорию

Таблица 2
Преимущества новых форм занятости для работников, государства и работодателей⁶

Интонация	Для работников	Для работодателей	Для государства
инновационность	возможность принятие более рискованных решений; возможность выбора работы, соответствующей личным профессиональным способностям; повышение уровня удовлетворенности профессиональной деятельностью	формирование у работника инновационно значимых черт, их готовности и способности к освоению новых технологий, продуктов, к работе с новыми средствами производства, к освоению новых знаний, умений и навыков	повышением уровня конкурентоспособности государства на мировом рынке и формирование качественно нового содержания экономического развития страны
развитие	повышение уровня успешности индивида	усиление активов компании, связанных с человеческим капиталом	макроэкономическая стабильность и социальная сплоченность
производительность	получение гарантированного дохода и сохранности занятости; повышение уровня конкурентоспособности на рынке труда	растущее качество трудовой жизни; увеличение уровня дохода предприятия	быстрое реагирование на кризис и структурные сдвиги
вклад в общую цель	повышение уровня использования полученных знаний в работе	повышение инновационности и мобильности кадров	стабилизация совокупного спроса
качество трудового ресурса	более полное использование профессионально-квалификационного и творческого потенциала личности	повышение образовательного и профессионально-квалификационного уровня работников, формирования современных компетенций	развитие человеческого капитала, повышение интеллектуального и образовательного потенциала
развитие трудового ресурса	возможность карьерного и профессионального роста; возможность накопления личного капитала	повышение производительности труда	обеспечение продуктивной занятости и развитием предпринимательства
повышение эффективности труда	рост уровня и качества жизни и обеспечение инновационной активности	увеличение эффективности использования кадров	повышение уровня социальной ответственности всех участников социально-трудовых отношений

рынка труда, процесс не отрегулирован и требует как государственной поддержки, так и готовности работодателей принять и сформировать условия для «нового» типа сотрудников.

По результатам исследования были выявлены новые особенности сферы занятости на международном рынке труда:

- география рынка очень сильно масштабируется, так как рабочим местом удаленного («аут-занятость») сотрудника становится любое место, где есть Интернет и компьютер;

- важным критерием по подбору таких сотрудников становится, несомненно, высокий уровень квалификации – умение работать в режиме многозадачности и видеть абстрактно все бизнес-процессы в компании, чтобы быть эффективным в своей работе;

- неразвитое в этом аспекте трудовое законодательство тормозит развитие новых форм занятости, как нового способа развития международного рынка труда, что приводит к повышенным рискам, как для работодателя, так и для специалистов.

К основным преимуществам новых форм занятости для работников, государства и работодателей стоит отнести: снижение уровня безработицы за счет увеличения числа самозанятых форм населения; расширенный выбор специалистов за счет нивелирования территориального барьера; гибкий график и определение профиля деятельности без учета регионального распределения, а также нивелирование возрастных ограничений персонала (важным становится лишь квалификация и качество работы, самореализация) (социальный аспект).

Рынок Китая в области новых форм занятости стоит считать достаточно прогрессивным: во-первых, решается проблема с дисбалансом заселения отдельных провинций Китая; во-вторых, с размытым отраслевым разделением страны по территориям отдельных провинций; в-третьих, с усилением мощи малого и среднего бизнеса как перспективного пласта экономики страны.

В качестве рекомендаций в данной сфере исследования автор предлагает оптимизацию или дополнение правового статуса «аут-персонала» как полноправного участника трудовых отношений и нормирование требований к работодателю по поводу предоставления всех необходимых условий для осуществления тру-

довой деятельности такого персонала (доступ к ресурсам, скорость обратной связи, возможность оперативных решений срочных вопросов и проблем и т.п.).

Литература

1. Нуртдинова А. Заемный труд: особенности организации и возможности правового регулирования // Хозяйство и право. - 2004. - № 9. - С. 22–30
2. Котляров И. Аутсорсинг персонала: уточнение понятий/ И. Котляров// Человек и труд. – 2012. - № 7. - С. 54-56.
3. Национальная политика в сфере занятости: Руководство для представительных организаций работников / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. - Москва: МБТ, 2015.
4. Баланюк Ж.Н. Грани таланта: поиск и оценка креативных сотрудников // Мотивация и оплата труда. – №2. – 2017.
5. Козлова Е.И., Лопатина А.Н., Новак М.А. Использование механизма аутсорсинга для повышения эффективности ремонта и технического обслуживания на металлургическом предприятии. Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. 2017; 44(1): 196-205. doi.org/10.21822/2073-6185-2017-44-1-196-205.
6. Кузьмин О.Е., Фещур Р.В., Скибинский А.С., Солярчук Н.Ю. Тенденции развития фрилансовой деятельности в условиях глобализации // № 5-1 (46-1). – 2014. (Vol. 8).
7. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Фрилансеры на российском рынке труда // Социологические исследования. – №2, Февраль 2010. – С. 45-55.
8. Мэйрс Дженифер Ниллес. Препятствия удаленного управления // NetworkWorld. – 2007.
9. Global Employment Trends 2014: Risk of a jobless recovery? - URL: <http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports/-dcomm/-publ>.
10. Острась В. Рынок труда: фриланс в Китае // Рубрика: Бизнес за границей. – URL: <http://www.transitplus.ru/podcast/podkast-18-rinok-truda-frilans-v-kitae>.
11. World Social Protection Report 2014-15: Building economic recovery, inclusive development and social justice. - URL: <http://www.ilo.org/>

wcm5/groups/public/-dgreports/-dcomm/documents.

12. Шарко Е.Р. Интонационный подход в администрировании: сущность, понятие, концепция // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования. – 2016. – №4(23). – С. 287-291. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27690113>.

13. Eurostat Statistics Explained. Employment statistics. - URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Employment_statistics.

14. Телятникова Т.В. Появление и развитие нестандартных форм занятости и гибких режимов работы в СССР // Российское предпринимательство. - 2012. - № 18 (240). - с. 42-46. - <http://www.creativeconomy.ru/articles/25070>.

15. Хохлова Д. Состояние рынка удалённой работы в России – исследование «Моего Круга». – URL: <https://vc.ru/flood/24254-мойкруг-remote>

Ссылки:

¹ Прим. авт. – очень схоже на испытательный срок с дальнейшим трудоустройством

² Прим. авт. – передача организацией, на основании договора, определённых видов или функций производственной предпринимательской деятельности другой компании или отдельному исполнителю, действующего в нужной функциональной области (например, ведение бухгалтерии, настройка программного обеспече-

ния, обслуживание и раскрутка сайта компании и т.п.).

³ Например, в Великобритании в сфере услуг работает 70% экономически активного населения, в США и Канаде - 73%. «Информационно-индустриальная модель структуры занятости приобрела широкого развития в Японии и ряде стран Западной Европы (Германии, Франции, Италии). Так, в Японии сфера услуг составляет 58,4%, в Германии - 63,0%, во Франции - 69,0%, в Италии - 62,0%

⁴ Прим. авт. – После многомесячных обсуждений проект закона №551845-7 о самозанятых гражданах 2018 года принят в третьем чтении 15 ноября 2018 года и подписан Президентом РФ Владимиром Путиным 27 ноября. Официальное наименование документа – проект федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». Но в народе его уже давно называют – «закон о самозанятых гражданах РФ».

⁵ Источник: составлено автором на основе статьи Телятникова Т.В. Появление и развитие нестандартных форм занятости и гибких режимов работы в СССР // Российское предпринимательство. - 2012. - № 18 (240). - с. 42-46. - <http://www.creativeconomy.ru/articles/25070/>

Миграционные процессы в современной России: социологический анализ

Паламарчук К.О.

В статье представлен анализ миграции как одной из современных социальных проблем, характерных для постсоветской России. Миграционные процессы рассмотрены комплексно: в совокупности положительных и отрицательных следствий для развития территорий регионов страны. Анализируются состояние и динамика миграционных процессов, подчеркивается их проблемный и слабо управляемый характер. Отмечается, что российское пространство характеризуется динамичностью миграционных процессов, в целом, для страны свойственны глобальные тенденции. Тем не менее, структура и характер миграции таковы, что она во многом является дисфункциональной, нарушая экономический, политический, социальный, культурный, национальный облик и баланс страны. На материалах теоретических и эмпирических исследований сделан вывод о множественности негативных следствий миграции как социального процесса в современной России.

Ключевые слова: миграция, миграционный процесс, пространство, Россия, социальная проблема

Palamarchuk K.O.

Migration processes in modern Russia: a sociological analysis

The article presents an analysis of migration. Migration is one of the modern social problems characteristic of post-Soviet Russia. Migration processes are considered comprehensively. An analysis is made of the positive and negative consequences for the development of the territories of the country's regions. The state and dynamics of migration processes are analyzed. Their problematic nature is emphasized. It is noted that they are poorly managed. Russian space is characterized by dynamic migration processes. In general, global trends are peculiar to the country. However, the structure and nature of migration is such that it is largely dysfunctional. The economic, political, social, cultural, national image and balance of the country are being violated. Based on the materials of theoretical and empirical studies, a conclusion is drawn on the multiplicity of negative consequences of migration as a social process in modern Russia.

Keywords: migration, migration process, space, Russia, social problem

Миграционные процессы на современном российском пространстве характеризуются высокой динамичностью. В рамках глобализации миграционные процессы являются закономерным явлением, однако безусловно имеют свою специфику на территории постсоветского пространства, включая Россию. Изучение основных тенденций, динамики, направленности данных процессов обусловлено необходимостью прогнозирования и управления ими. Прогнозирование как важная составляющая социального управления позволяет своевременно предвидеть и упреждать изменение социокультурной картины пространства территорий и развитие различного рода социальных проблем. Практика показывает, что именно поверхностное отношение к социологическому прогнозированию порождает неэффективные практики управления.

Сущность миграционных процессов обусловлена исходным значением термина «migratio» (с лат. — переселение, перемещение), начало научного осмысления которого относится к концу XIX века (А. Равенштайн). Фактически несколько базовых принципов миграции, выделенных данным автором, впоследствии послужили основой формулирования социологических закономерностей миграции. В частности, Равенштайн [9] выделил такие важные закономерности как обусловленность уровня миграции степенью привлекательности территориального центра; обусловленность урбанизации миграционными потоками и их превышением над естественным приростом населения в городах; детерминированность миграции преимущественно экономическими факторами [12, с. 126]. Социологическое же понимание миграции предполагает обращение к социальной структуре населения, точнее, к ее динамике, под воздействием территориальных перемещений индиви-

дов на относительно длительные сроки; кроме того, социологический анализ обращен к институциональным аспектам миграции, - их функциональности или дисфункциональности.

Прежде всего, изменение социальной структуры под влиянием миграции оказывает непосредственное влияние на функционирование хозяйственных комплексов, размещение производительных сил и обновление структуры трудовых ресурсов [10, с. 38]. С этой точки зрения следует рассмотреть степень функциональности миграции как социального процесса, применительно к современной российской действительности.

В целом, следует отметить, что для России характерны основные глобальные тенденции, однако вызваны они несколько иными факторами и причинами, нежели в европейских странах и североамериканском континенте. Во второй половине XX века общемировыми тенденциями явились резкий рост миграционных потоков и возрастание урбанизации по типу развития мегаполисов. Исследователи приводят статистические данные, согласно которым за 25 последних лет XX века доля мигрантов по миру составила 2% от численности всего мирового населения. При этом значительный прирост мигрантов определила именно международная миграция: в начале XXI века число международных мигрантов составило порядка 145 млн человек [15, с. 102]. Исследователи отмечают, что данные процессы на рубеже веков развивались неравномерно и скачкообразно [7, с. 218]. Особую роль в мировых миграционных процессах сыграла миграция на постсоветском пространстве, активно развивавшаяся после распада СССР. Факторами, повлиявшими на динамику миграционных процессов, выступили такие как

- позитивные: политические (возрастание политических свобод, демократизация); правовые (открытость границ для перемещений, развитие свободы передвижения); экономические (развитие международного рынка труда и интеграция систем образования (Болонский и Копенгагенский процессы, т. д.);

- негативные: экономические (перемещения индивидов в поисках лучших мест приложения своего труда и повышения уровня доходов); этнические (проявление националистических настроений в республиках бывшего СССР); витальные (угроза жизни и здоровью в результате тер-

роризма); экологические (ухудшение окружающей среды).

Однако современные миграционные процессы неравнозначны тем, что протекали на постсоветском пространстве на начальном этапе указанного периода (условно: 1990-е - начало 2000-х гг.). Исследователи в этом смысле говорят о «поляризации миграционного пространства России» [4, с. 139]. Это означает, что в ряде регионов, прежде всего, Европейского Севера, Востока и Сибири происходит серьезная утрата населения в результате внутренних миграционных потоков, направленных в сторону мегаполисов Центрального округа РФ. И эта тенденция в целом схожа с общемировыми миграционными потоками, где также фиксируются процессы перемещений рабочей силы в крупные города и столичные центры [17-19]. Согласно аналитическим данным, основной миграционный прирост в России обеспечивается в Москве и Московской области (половина всей численности российских иммигрантов), а также в Санкт-Петербурге [11, с. 37-47]. Помимо этих агломераций, высока роль в миграционном приросте таких регионов РФ как Краснодарский край, Свердловская область, Республика Татарстан, Самарская, Ярославская области. Большинство других российских регионов имеют отрицательное сальдо миграции, что означает выбытие, утрату населения [там же]. Рост агломераций за счет прибытия мигрантов – характерная тенденция в глобальном масштабе. Точно также глобальной тенденцией является трудовая миграция (миграция трудовых ресурсов), и Россия здесь не исключение [5, с. 475-535]. Тем не менее, в России имеются свои особенности, влияющие на функциональность миграции как социального процесса.

Прежде всего, к таким особенностям следует отнести доминирование внутренней, межрегиональной миграции над миграцией внешней, международной. Выстраивание миграционных потоков происходит от сел – к малым городам, от малых городов – к крупным городам и агломерациям. При этом основными причинами подобной внутренней миграции выступают социально-экономические – отсутствие возможностей трудоустройства в селах и малых городах, слабое функционирование рынка труда, возрастание социального неблагополучия. Данные процессы, в свою очередь, обусловлены

кризисом производственных предприятий, расположенных на этих территориях, нехваткой в них финансовых инвестиций и квалифицированных кадров для эффективного хозяйствования [3, с. 68-78].

Во-вторых, в составе внешней миграции уверенно доминируют переселенцы из стран Ближнего зарубежья, в особенности – из стран Центральной Азии и Закавказья [16, с. 138-145]. Авторами отмечаются и иная специфика миграции, как-то: отток населения с Дальнего Востока, Севера, Сибири и сильный его приток в мегаполисы (прежде всего, в Москву и Санкт-Петербург) [1, 2]; формирование этнически однородных общин (диаспор); доминирование нелегальной миграции над легализованной [16, с. 138-140].

Подобная неравномерность распределения миграционных потоков, преобладание нелегальной миграции над легализованной являются дисфункциональными процессами для пространства России. Во-первых, значительные территории теряют свой трудовой потенциал – кадровый, интеллектуальный, профессиональный, тем самым, создаются так называемые «зоны отчуждения», и восстановить данные территории становится все труднее. Именно малые города всегда являлись в России цементирующей социальной, экономической и культурной основой российской нации.

Во-вторых, концентрация нелегалов создает зоны потенциальных конфликтов, провоцирует рост напряженности между мигрантами и резидентами. В-третьих, создаются сложности в адаптации мигрантов, что усиливает для них необходимость формирования неформальных этнических общин, диаспор как каналов адаптации и ресоциализации. На сегодняшний день ситуация такова, что только крупные российские города и города-агломерации «выигрывают» от миграционных процессов, развивающихся на постсоветском пространстве. Исследователи отмечают, что перспективы развития рынков труда таких городов в результате миграции демонстрируют оживление инвестиционной активности и процессы восстановления своих экономик [16]. Более того, по мнению ряда исследователей, развивать сегодня экономики крупных городов без привлечения мигрантов, в том числе, - иностранных, становится просто невозможно [6, с. 3-4; 8]. Об этом же свиде-

тельствуют и результаты экспертного опроса, проведенного автором в городе Санкт-Петербург.¹ Так, по оценкам более половины экспертов, городу трудовые мигранты необходимы, причем четверть опрошенных отметила потребность в высококвалифицированных мигрантах, дипломированных специалистах, возможно иностранных студентах, закончивших вузы РФ. При этом проблему составляет адаптация мигрантов к местной культуре, включая знание русского языка. Данная ситуация постепенно начала улучшаться, в связи с введением обязательного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ.² Так, согласно данным статистических обследований, проводимых Комитетом межнациональных отношений и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге, «доля трудящихся мигрантов в городе, за исключением высококвалифицированных специалистов, сдавших экзамен по русскому языку, истории России, основам законодательства Российской Федерации» в 2018 году составила 93,8 %.³ В 2017 году эта доля составляла 92,4 %, в 2016 году – 91,7 %, в 2015 году – 89,2 %. Таким образом, за последние годы постепенно увеличился качественный состав трудящихся мигрантов в области владения начальным уровнем языка и знания основ культуры России, что в целом способствует большей степени адаптации мигрантов к условиям городской среды.

Резюмируя, следует отметить, что оживление и развитие крупных городов определенно нуждается в постоянном притоке мигрантов. Однако, насколько уместно говорить о позитивных следствиях для отдельных территорий, достигаемых ценой «оголения» и всяческого обеднения других территорий, - наиболее широких и зачастую – стратегически важных для страны? Нам представляется, что невозможно однозначно определить негативные или позитивные следствия для развития всех регионов страны, включая и крупные города, города-агломерации, с высоким притоком мигрантов. Надо отметить, что ряд исследователей фиксирует негативные миграционные тенденции-следствия, говоря о них как о рисках и угрозах для страны в целом, в то время как другая половина отмечает позитивные миграционные тенденции-следствия [3, 13, 14]. Данные вызовы и риски нуждаются в детальном прогнозировании. При

этом необходимо отметить, что в то же время Правительством Российской Федерации реализуются меры, направленные на оптимизацию и развитие действующей системы регулирования миграционных процессов: совершенствуется нормативная правовая база, вносятся изменения в функционирование органов государственной власти, осуществляющих полномочия в сфере регулирования миграционных процессов, оказывается поддержка некоммерческим организациям, деятельность которых осуществляется в рамках миграционного поля и работы с мигрантами.

Учитывая постоянное совершенствование указанной системы, можно спрогнозировать, что в дальнейшем миграционная политика будет оптимизирована, а негативные последствия миграции сведены к минимуму.

Литература

1. Бабаев Б. Д. Москва: донор или «вам-пир»?!: монография. Иваново; М., 2009. 223 с.
2. Бабаев Б. Д., Николаева Е. Е., Новиков А. И. Влияние Москвы на социально-экономическое развитие Ивановской области: направления, формы, механизмы, оценки: монография / Б. Д. Бабаев, Е. Е. Николаева, А. И. Новиков; под общ. ред. Б. Д. Бабаева. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 189 с.
3. Берендеева А. Б., Гурьева Е. В. Влияние миграционных процессов на рынок труда малых городов и сельской местности Центра России // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2011. № 2 (17). С. 68-78.
4. Воронова К. П. Современные тенденции трудовой миграции в России // Социальная политика и социология. 2010. №1. С. 135-141.
5. Жуков В. И. Социальное развитие России: историко-социологическая компаративистика: в 3 т. / Т. 2: Испытание катастрофой. М.: Изд-во РГСУ, 2012. С. 475-535.
6. Зыкова Т. Что ждет мигрантов: амнистия или запрет на работу // Российская газета. 2013. № 6184. С. 3-4.
7. Леонтьев М. Э. Развитие миграционных процессов на постсоветском пространстве: иммиграция в Россию // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 6. С. 218-224.
8. Куренной В. Интервью с Зайончковской Ж. А. (Эл. ресурс). URL: <http://www.strana-oz.ru> (дата обращения 10.03.2019)
9. Равенштайн Э.-Г. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб, 1890-1907.
10. Социально-экономическое и демографическое развитие: проблемы взаимосвязи в современной России: Доклады и тезисы докладов Международной научно-практической конференции. М.: 2001. 178 с.
11. Сулягина Ю. О. Миграционные процессы в современной России и ее государственное регулирование // Социальная политика и социология. 2012. № 4. С. 37-47.
12. Товышева А. А. Причинно-факторный анализ закономерностей миграционных процессов в России // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. №7-8. С. 126-131.
13. Топчиенко Ю. С. Вызовы миграционной политики в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность России: глобальное и региональное измерения. 2012. Вып. 1 (1). 91-94.
14. Фомин Н. Н. Специфика трудовой миграции в Московском регионе // СОЦИС. 2010. № 4. С. 104-111.
15. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 100-108.
16. Юсупов М. Х. Региональный потенциал миграционных процессов в современной России: на примере Республики Башкортостан // Вопросы политологии. 2013. Вып. 1 (9). С. 138-145.
17. Jordan R., Duvel F. Irregular Migration: The Dilemmas of Transnational Mobility // Journal of International Migration and Integration. 2004. Vol. 3. P. 6-17.
18. Satvinder S. J. International Migration And Global Justice (Law and Migration). N-Y: Ashgate Publishing. 2006. 330 p.
19. UK Immigration and Work Permits since 1988 // UK Immigration: [сайт]. [2015] URL: www.ukimmigration.com (дата обращения: 29.03.2019).

Ссылки:

¹ Исследование проведено автором в период 2016 г., метод – экспертный опрос (n=12),

локализация – г. Санкт-Петербург. Экспертами выступили работодатели предприятий и организаций коммерческого и государственного секторов, представители Управления Федеральной миграционной службы по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

² См., например: Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 августа 2014 г. № 1156 “Об утверждении формы, порядка проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам за-

конодательства Российской Федерации и требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена” (эл. ресурс) Доступ по ссылке: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70636824/#ixzz5memNkxpd> (дата обращения: 30.04.2019)

³ См. официальный сайт Комитета межнациональных отношений и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kmormp/statistic/development/>

Международные векторы развития социальной сферы: Доклады МОТ о социальной защите в мире

Скоробогатова А.Г.

10 октября 2018 Россия присоединилась к международной Конвенции о минимальных нормах соцобеспечения. Тем самым наша страна приняла на себя социальные обязательства по многим стандартам МОТ. Социальная защита — это не только право человека, это также социальная и политическая необходимость. За последние годы МОТ оказала техническую помощь в области социальной защиты более чем 136 странам. МОТ и далее намерена продолжить поддержку по всему миру, поскольку появилось все больше доказательств того, что системы социальной защиты играют ключевую роль в функционировании современных обществ и являются важной частью комплексных стратегий экономического и социального развития. Там, где разрыв между бедными и богатыми все больше увеличивается, не может быть инклюзивного и сплоченного общества. Меры социальной защиты играют главную роль в ослаблении и предотвращении возникновения таких источников конфликта. Правительства, которые ввели и поддерживают сильные системы социального обеспечения, не только значительно сокращают неравенство, но также зарабатывают доверие своих граждан, предоставляя им надежные пособия и качественные услуги. Таким образом, социальная защита играет ключевую роль в построении государства, институтов и содействии социальному миру и социальной справедливости
Ключевые слова: Международная организация труда, Доклад о социальной защите в мире 2014/15, минимальные нормы социального обеспечения, социальное развитие, расширение социальной защиты, сокращение уровня бедности, старение населения,

Skorobogatova A.G.

International social development vectors: ILO reports on social protection in the world

October 10, 2018 Russia acceded to the international Convention on the minimum standards of social security. Thus, our country assumed new obligations under ILO standards Social protection is not only a human right, it is also a social and political necessity. In recent years, the ILO has provided technical assistance in the field of social protection to more than 136 countries. The ILO intends to continue its support throughout the world, as there is growing evidence that social protection systems play a key role in the functioning of modern societies and are an important part of comprehensive strategies for economic and social development. An inclusive and cohesive society cannot be where the gap between the poor and the rich is widening. Although the sources of political conflict are different in different countries, conflict usually arises as a result of serious social discontent, often resulting from the perception of inequality between social, ethnic, religious and other groups. Social protection measures play a major role in reducing and preventing the occurrence of such sources of conflict. Governments that have introduced and maintain strong social security systems not only significantly reduce inequality, but also earn the trust of their citizens by providing them with reliable benefits and quality services.

Keywords: International Labor Organization, minimum social security, World Social Protection Report 2014/15, social development, increased social protection, poverty reduction, population aging

10 октября 2018 Россия присоединилась к международной Конвенции о минимальных нормах соцобеспечения.¹ Тем самым наша страна приняла на себя обязательства по стандартам МОТ в отношении: медобслуживания², обеспечения по болезни³, обеспечения по старости⁴, обеспечения по материнству, в котором — определены минимальные параметры медицинского содействия при беременности, родах, в послеродовой период, обеспечения по инвалидности — уточнены параметры выплат страхового пенсионного обеспечения и социального, обеспечения по потере кормильца — имеется важная оговорка: право вдовы на соцпособие может быть обусловлено презумпцией ответственного законодательства о ее неспособности содержать себя самостоятельно. Тем самым наша страна исполняет свои социальные обязательства в векторе международных стандартов развития социальной сферы. В этой связи для управленцев и специалистов системы труда и социальной защиты населения особый интерес представляют глобальные аналитические доклады Международной организации труда, изучающей в сравнительном анализе всемирный опыт социальной защиты.

«С момента своего образования в 1919 году МОТ поддерживала страны в развитии и применении систем социального обеспечения для всех» — так пишет в Предисловии к «Докладу о социальной защите в мире 2014/15: обеспечение экономического восстановления, инклюзивного развития и социальной справедливости» Гай Райдер — Генеральный директор Международного бюро труда. Доклад был подготовлен Группой технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии в 2015 году.⁵ Райдер подробно описывает роль МОТ в создании, развитии и применении различных систем социального обеспечения в различных странах.⁶

Он указывает, что вначале только 40 стран начали создание систем социального обеспечения, в то время как сегодня во всех странах мира есть такие системы. Более того, охват системы социальной защиты и пособий продолжает расширяться, как это указано в известной Рекомендации МОТ о национальном минимальном уровне социальной защиты (№ 202), принятой в 2012 году.

Райдер обращает внимание на то, что в Рекомендации (№202) подтверждаются совместные обязательства правительств, работодателей и трудящихся в построении национально установленного минимального уровня социальной защиты, который гарантирует по крайней мере базовый уровень социального обеспечения для всех, включая доступ к здравоохранению и гарантированный доход в течение жизни людей и обеспечение их достоинства и прав.

Доклад о социальной защите в мире разработан через два года после принятия Рекомендации МОТ №202. Как считает Г. Райдер, это является доказательством как внушительного прогресса, достигнутого за последние несколько лет, так и остающихся пробелов, которые должны быть заполнены. В докладе 2014/15 гг. авторами осуществлен обзор текущей организации систем социальной защиты в мире. Благодаря своему глобальному характеру и ценным статистическим приложениям, данный доклад является важным для ученых, руководителей, специалистов и практиков сферы социальной защиты всех стран.

За последние годы МОТ оказала техническую помощь в области социальной защиты более чем 136 странам. Генеральный директор МОТ подчеркивает, то организации и далее намерена продолжить поддержку по всему миру, поскольку появилось все больше доказательств того, что системы социальной защиты играют ключевую роль в функционировании современных обществ и являются важной частью комплексных стратегий экономического и социального развития.⁷

Для понимания места и перспектив развития системы социальной защиты Москвы как мегаполиса в современных условиях для нас особенно интересен раздел шестой Доклада, который посвящен анализу инклюзивного роста в рамках социальной защиты в странах со средним уровнем дохода. В Докладе отмечает-

ся, что таких странах наблюдается существенное расширение охвата социальной защиты.⁸

В Докладе отмечается, что во многих странах в последние годы доминирующей тенденцией, начавшейся задолго до наступления мирового кризиса в 2008 году, стало расширение охвата социальной защиты, хотя и со значительными межнациональными отличиями. Многие политические реформы социальной защиты напрямую подтверждают важность инвестиций в здравоохранение, образование и социальную защиту для содействия инклюзивному росту и сокращению уровня бедности в краткосрочной перспективе и построению человеческого капитала и потенциала в долгосрочной перспективе.

Во многих странах со средним уровнем дохода сильный акцент на политике в области социальной защиты является серьезным доказательством того, что нельзя достичь устойчивого и объективного роста в отсутствие твердого политического курса в области социальной защиты и прогрессивного расширения охвата социального обеспечения на более крупные группы населения (МОТ, 2010b; МОТ, 2011a; МОТ, 2012a). Несколько стран со средним уровнем дохода, включая Аргентину, Бразилию, Китай, Индию, Индонезию, Мексику, Намибию, Южно-Африканскую Республику и Таиланд, существенно расширили различные элементы систем социальной защиты, особенно с начала 2000-х годов, и получили заметные результаты (см., например: Fiszbein and Schady, 2009; МОТ, 2010b; MACO, 2013).⁹

В Докладе на большом фактическом материале показано, что страны, которые в последнее время значительно повысили уровень дохода на душу населения, такие как Гана, Лесото, Замбия и др., осуществили это благодаря масштабным политическим мерам в области расширения социальной защиты не только для бедных, но и для более крупных групп населения. Многие реформы сосредоточены таких программах, как денежные выплаты для детей и семей, социальные пенсии и/или схемы обеспечения занятости. Многие страны также сделали свои программы социального страхования более эффективными, равными и устойчивыми, хотя многие по-прежнему ведут борьбу по привлечению большинства неформальных работников в формальную экономику. В Докладе подчер-

живается, что эти реформы способствовали дальнейшему расширению национальных систем социальной защиты, одновременно обеспечивая по крайней мере минимальный уровень социального обеспечения в форме национально-минимального уровня социальной защиты.

В докладе также содержится анализ причинно-следственных связей, обусловивших относительно высокие показатели экономического роста, начиная с 2000 года в странах со средним уровнем дохода. Авторы обращают внимание на тот факт, что одним из способов повышения дохода домашних хозяйств и, таким образом, внутреннего потребления является улучшение систем социальной защиты. Пособия в области социальной защиты могут существенно изменить жизнь одного человека и всей страны. Но 73 % населения трудоспособного возраста в мире и их семьи недостаточно охвачены социальной поддержкой и мерами социальной защиты населения.

В рамках перехода экономики к более устойчивому пути развития расширение социальной защиты, как считают аналитики МОТ, можно рассматривать как инвестиции в более здоровую, образованную и высококвалифицированную рабочую силу, способную отвечать на новые вызовы и поддерживать переход к более высоким уровням производительности, необходимым для поддержания экономического роста (МОТ, 2011а; МОТ, 2014b)¹⁰. Расширение механизмов эффективной социальной защиты на все население, особенно на средний класс, также считается эффективным способом противостояния непропорционально высоким показателям сбережений на черный день, которые могут сдерживать совокупный внутренний спрос и содействовать общему дисбалансу (Padoa-Schioppa, 2010; Консультативная группа по минимальному уровню социальной защиты, 2011). В Докладе подчеркивается, что многие страны со средним уровнем дохода стремились к расширению систем социальной защиты с целью инвестирования в человеческий капитал для достижения более устойчивого и инклюзивного роста.

Расширение охвата социальной защиты в Китае, Бразилии и Таиланде является особенно показательным примером, поскольку в данных случаях это происходило в рамках более широкого подхода, направленного на переход экономики к более инклюзивной и устойчивой мо-

дели роста, которая включала также меры по реформированию минимальной заработной платы.¹¹ Эти страны для повышения национального минимального уровня социальной защиты и укрепления систем социального обеспечения приняли пакет экономических и социальных мер, сочетающий программы, основанные на страховых взносах и не предусматривающие отчисления страховых взносов. Данные программы были скоординированы с мерами в области занятости.

В нашей стране, для изучения международного опыта поиска источников социально-экономического роста, важно обратить внимание на тот факт, приведенный в Докладе, что правительства указанных стран не сосредоточились исключительно на сокращении уровня бедности с помощью применения мер только для самых бедных категорий населения, а использовали более широкую стратегию, которая также помогла повысить уровень жизни «работающим бедным» и представителям среднего класса. Эти примеры показывают важность комплексных стратегий, которые включают социальную защиту, занятость, мероприятия на рынке труда, бюджетной и макроэкономической политике, а также содействие доступу к здравоохранению и образованию. (ПРООН, 2014; ООН, 2013b)¹².

Важную роль, по мнению авторов Доклада и ряда других ученых играют непрерывные усилия по укреплению и расширению систем социального обеспечения в двух измерениях: гарантия базового уровня социального обеспечения для всех с помощью национального минимального уровня социальной защиты и прогрессивное стремление к более высокому уровню социального обеспечения (Birdsall, 2010, Berg and Ostry, 2011; Ostry et al., 2014).¹³

Интересен анализ авторов Доклада мероприятий последнего времени, направленных на расширение социальной защиты в странах со средним уровнем дохода за счет введения новых схем и программ, что способствовало значительному повышению коэффициента расходов ВВП на социальную защиту. Так, с 2000 года 14 из 32 стран увеличили долю ВВП, инвестируемую в социальную защиту (включая здравоохранение) более чем на 3 процента ВВП.¹⁴

Если рассмотреть недавно введенные направления социальной защиты населения в таких странах, можно увидеть, что основные виды

помощи связаны с такими программами, так:

Социальные пенсии: Аргентина, Китай, Индия, Боливия, Ботсвана, Бразилия, Кабо-Верде, Чили, Коста-Рика, Лесото, Маврикий, Республика Молдова, Намибия, Панама, Перу, Самоа, Южно-Африканская Республика, Таиланд, Вьетнам.

Пособия для детей и семей: Аргентина, Китай, Монголия, Сенегал, Южно-Африканская Республика;

Денежные выплаты с акцентом на развитие человеческого потенциала: Аргентина, Бразилия, Колумбия, Эквадор, Гана, Гондурас, Индонезия, Ямайка, Мексика, Монголия, Никарагуа, Филиппины, Танзания;

Минимальная обеспечение дохода домашних хозяйств: Чили, Китай, Гана, Замбия

Государственные программы занятости: Аргентина, Индия, Южно-Африканская Республика, Камерун, Гана, Индонезия;

Охрана материнства: Аргентина, Боливия, Гана, Индия, Индонезия, Иордания, Южно-Африканская Республика;

Защита от безработицы: Иордания, Саудовская Аравия, Южно-Африканская Республика, Таиланд, Вьетнам;

Расширение охвата здравоохранения; Аргентина, Китай, Бразилия, Чили, Колумбия, Гана, Лаосская НДР, Индонезия, Мексика и др.

Россия – социальное государство, согласно Конституции РФ (ст.7). Под социальным государством принято понимать государство, главной задачей которого является достижение такого общественного прогресса, который основывается на закрепленных правом принципах социального равенства, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Социальное государство призвано помогать слабым, стремиться влиять на распределение экономических благ в духе справедливости в целях обеспечения каждому достойного существования. Если сравнивать указанный перечень с программами социальной защиты населения Москвы, то видно, что столица, как и вся наша страна, демонстрируют более широкий спектр направлений социальной защиты и поддержки населения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации
2. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального

обеспечения (Конвенции № 102)» // 3 октября 2018 года // <http://lgoty-vsem.ru/news/rossiya-prisoedinilas-k-mezhdunarodnoj-konventsii-ominimalnyh-normah-sotsobespecheniya.html>

3. Доклад о социальной защите в мире 2014/15: обеспечение экономического восстановления, инклюзивного развития и социальной справедливости / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – Москва: МОТ, 2015. 436 р. ISBN: 9789224286612; 9789224286629 (web pdf)

4. «Доклад о человеческом развитии 2014 года» (Human Development Report 2014), подготовленный Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН);

5. Международная конференция труда, 103-я сессия, 2014 г. Доклад Генерального директора. Приложение. Международное бюро труда. Женева, 2014

6. Andrew G. Berg and Jonathan D. Ostry. Equality and Efficiency // FINANCE & DEVELOPMENT, September 2011, Vol. 48, No. 3 ,

7. Jonathan D. Ostry, Andrew Berg, Siddharth Kothari. Growth-equity trade-offs in structural reforms. 19 February 2018 // VOX CEPR Policy Portal. Research-based policy analysis and commentary from leading economists

8. Всемирный форум социального обеспечения (г. Доха, Государство Катар, 10 по 15 ноября 2013 года) // https://www.issa.int/ru_RU/web/wssf2013/about

9. МОТ официальный сайт - <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-truda-mot>

10. ООН в России №4 (118) - <http://www.unrussia.ru/sites/default/files/un%20in%20russia%204%202018.pdf>

Ссылки:

¹<http://lgoty-vsem.ru/news/rossiya-prisoedinilas-k-mezhdunarodnoj-konventsii-ominimalnyh-normah-sotsobespecheniya.html>

² здесь Конвенцией предусматривается обязательное предоставление пособия лицам, нуждающимся в медпомощи лечебного или профилактического характера. Это предполагает болезненные состояния любой этиологии, беременность, роды и послеродовой период

³ пособие должно предоставляться в пределах всей продолжительности случая, требую-

щего медпомощи. Однако его длительность может ограничиваться 26 неделями на каждую болезнь, с возможностью не предоставлять пособие за первые 3 дня временной утраты оплаты труда. В случае заявления страной-участницей при ратификации, что ее экономика, медицина еще не достигли должного уровня для обеспечения всех обязательств – возможны изъятия из этого правила

⁴ конвенция делает существенную оговорку по этому поводу, фактически расширяющую действующие национальные нормы права. Согласно ей, внутреннее законодательство может предусматривать возможности приостановления выдачи пенсионного пособия лицам, приобретшим на него право, но занимающимся какой-либо доходной деятельностью. Также может быть предусмотрено сокращение пособия при наличии страховой пенсионной системы, когда заработок получающего его лица превышает допустимый лимит. А при системе, не основанной на страхвзносах – когда оплата труда получателя, его совокупный доход превышают установленный предел, обеспечения ввиду несчастных случаев на производстве и профзаболеваний – определен точный перечень медпомощи, на которую может рассчитывать работник в обозначенных ситуациях

⁵ Доклад о социальной защите в мире 2014/15: обеспечение экономического восстановления, инклюзивного развития и социальной справедливости / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – Москва: МОТ, 2015. 436 р. ISBN: 9789224286612; 9789224286629 (web pdf)

⁶ Там же, Стр. 5-6. ⁷ Там же. Стр.6.

⁸ Там же. Стр. 185-187.

⁹ Всемирный форум социального обеспечения (г. Доха, Государство Катар, 10 по 15 ноября 2013 года) // https://www.issa.int/ru_RU/web/wssf2013/about

¹⁰ Доклад о социальной защите в мире 2014/15: обеспечение экономического восстановления, инклюзивного развития и социальной справедливости / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – Москва: МОТ, 2015. С. 189-202. ISBN: 9789224286612; 9789224286629 (web pdf)

¹¹ Там же

¹² «Доклад о человеческом развитии 2014 года» (Human Development Report 2014), подготовленный Программой развития Организации Объединённых Наций (ПРООН); Международная конференция труда, 103-я сессия, 2014 г. Доклад Генерального директора. Приложение. Международное бюро труда. Женева, 2014

¹³ Andrew G. Berg and Jonathan D. Ostry. Equality and Efficiency // FINANCE & DEVELOPMENT, September 2011, Vol. 48, No. 3, Jonathan D. Ostry, Andrew Berg, Siddharth Kothari. Growth-equity trade-offs in structural reforms. 19 February 2018 // VOX CEPR Policy Portal. Research-based policy analysis and commentary from leading economists

¹⁴ Доклад о социальной защите в мире 2014/15: обеспечение экономического восстановления, инклюзивного развития и социальной справедливости / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. – Москва: МОТ, 2015. С. 206-207. ISBN: 9789224286612; 9789224286629 (web pdf)

Межрегиональная образовательная миграция как угроза безопасности и экономическому развитию региона

Ульмясбаева А.О.

В статье представлены результаты проводимых исследований в области межрегиональной образовательной миграции в Кемеровской области, анализа ее причин и рассматриваются миграционные установки обучающихся 11 классов. Автор делает вывод о том, что решение проблемы миграционной образовательной активности молодежи носит взаимовыгодный характер для образовательных организаций, бизнеса и власти региона.

Ключевые слова: межрегиональная образовательная миграция, молодежь, партнерство, безопасность, развитие региона.

Ulmyasbaeva A.O.

Interregional educational migration as a threat to security and economic development of the region

The article presents the results of research conducted in the field of interregional educational migration in the Kemerovo region, analysis of its causes and examines the migration settings of students in 11 classes. The author concludes that the solution to the problem of migration educational activity of young people is mutually beneficial for educational organizations, business and the authorities of the region.

Keywords: interregional educational migration, youth, partnership, security, regional development.

В настоящее время неравномерное социально-экономическое развитие регионов Российской Федерации порождает рост миграционных потоков, при этом увеличивается именно межрегиональная образовательная миграция. Как известно, межрегиональная образовательная миграция представляет собой добровольное перемещение людей с целью получения образования за пределы постоянного места проживания и рождения независимо от перспектив последующей миграции или возвращения [1].

Для большинства субъектов РФ, испытывающих сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, возможность привлечения населения из других регионов страны является важным фактором экономического развития. Следовательно, в последние годы конкуренция между регионами за трудоспособных граждан, в особенности молодежи, лишь только обостряется.

Кемеровская область, как и многие регионы России, характеризуется сокращением численности населения в силу его естественной убыли и миграционного оттока: с 2010 года значение показателя уменьшилось более чем на 78 тыс. человек или на 2,8%. Среди Сибирского федерального округа область занимает 5 место по динамике убыли населения за пределы региона [2].

Значительный процент в рост миграционного оттока населения Кузбасса вносит миграция молодежи в возрасте 15-29 лет, последствия которой разнообразны – демографические потери (снижение рождаемости и старение населения); дифференциация состава населения по образовательному уровню, социальному статусу, сферам деятельности; ограничение возможностей развития, инновационности экономики области, ее отставание от других регионов страны.

В связи с этим необходимо пересмотреть организацию управления процессом миграции молодежи, которая отчасти имеет образовательный характер, в целях развития региона и сохранения безопасности. Важно изучать миграцию не постфактум, когда отъезд уже совершен, а принимать превентивные меры, когда человек только задумывается о переезде. Для этого важно исследовать миграционные причины молодых людей.

Расценивая масштабы миграции и ее экономические, социальные, культурные и политические последствия, ставящие под угрозу реализацию стратегических программ развития региона, было проведено исследование образовательной миграционной ситуации в Кемеровской области и ее причин. Методом исследования выступили: анкетирование, интервьюирование среди выпускников школ, прямых работодателей, экспертов (представителей органов местного самоуправления).

Анкетный опрос выпускников 11 классов образовательных организаций Кемеровской области подтвердил факт миграционной активности молодежи. Так, 61% выпускников школ заранее планируют покинуть Кемеровскую область и только 34% школьников намерены продолжать жить в родном городе, регионе (см. рис. 1).

Тенденция к переезду в другой регион РФ более выражена у выпускников лицеев и гимназий – 62%, чем у школьников средних общеобразовательных учреждений. Следует отметить и то, что наибольший процент желающих остаться в регионе отмечается у старшеклассников небольших городов Кузбасса как Калтан, Междуреченск, Киселевск, Топки, Осинники.

Интересен в рамках данного исследования и тот факт, что тип образовательной организации и населенный пункт являются весомыми факторами образовательной миграции.

В ходе исследования также было отмечено, что за последние годы образовательные миграционные потоки претерпели изменения. Немалая доля респондентов – 39% желали бы обучаться в Екатеринбурге, 45% в Новосибирске, 33% в Томске. А вот доля популярных столичных городов снизилась, и в Москву хотели бы поехать учиться – 25%, в Санкт-Петербург – 20%. Помимо предлагаемых городов привлекательными для получения образования считают Казань – 18%, Красноярск – 23%, Самару – 6%, Ростов-на-Дону – 4% (см. рис. 2).

Большое количество молодежи, считают привлекательными городами для получения образования те, которые расположены вблизи от Кемеровской области. Все это лишь обостряет миграционные процессы в силу того, что миграционные барьеры перемещения в соседние регионы меньше, чем в дальние.

Ключевыми факторами при выборе высшего учебного заведения выпускники школ Кузбасса в большей степени считают наличие возможности учиться бесплатно – 75%, престиж вуза и факультета – 60%, получение высокого уровня образования – 68% (см. рис. 3). При

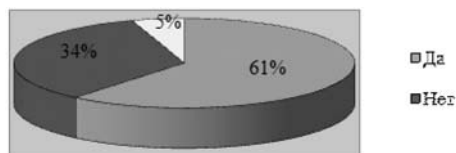

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Планируете ли Вы покинуть родной регион в целях получения образования?»

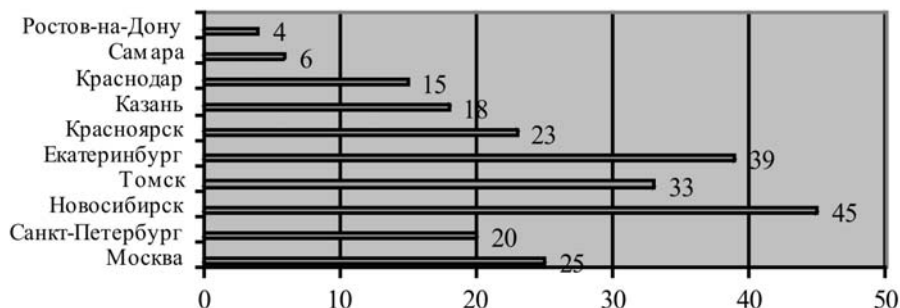

Рис. 2. Города, которые, на взгляд потенциальных выпускников школ, наиболее привлекательны для получения образования (%)

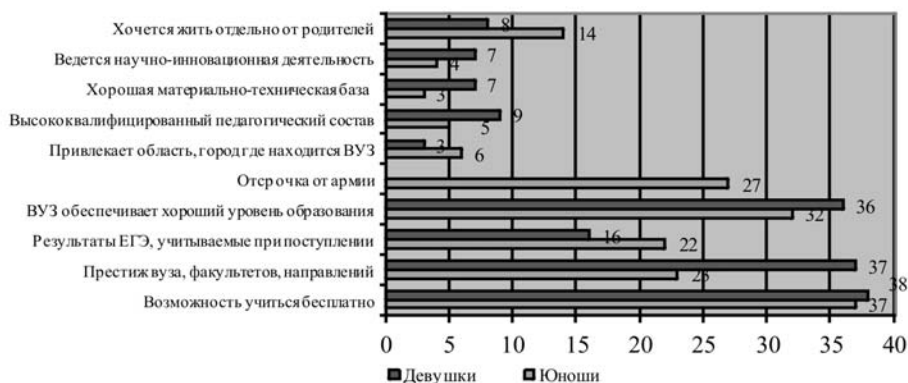

Рис. 3. Ключевые факторы, влияющие на выбор ВУЗа, по мнению выпускников школ (%)

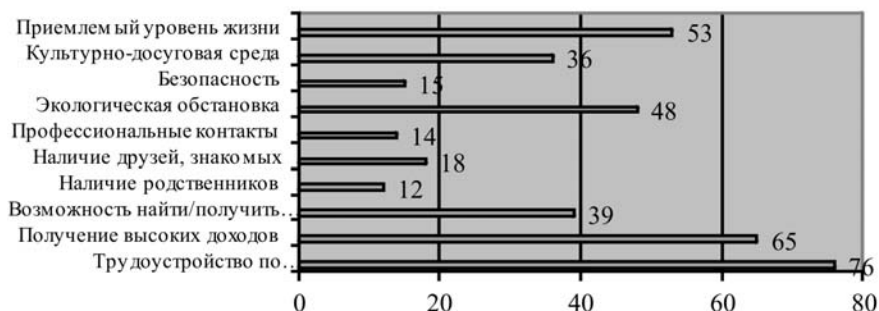

Рис. 4. Ключевые факторы, влияющие на выбор места обучения, по мнению выпускников школ (%)

этом мало обращают внимание на качество педагогического состава, материально-техническую базу и научно-инновационную деятельность в ВУЗах.

Ключевыми факторами, побуждающими кузбасских выпускников школ покинуть область являются: возможность трудоустройства по специальности – 76%, получение высоких доходов – 65%, экологическая обстановка – 48% (см. рис. 4). Не менее важными остаются факторы культурно-досуговой среды и наличия либо получения жилья.

Кроме того, в исследовании была предпринята попытка выяснить, что смогло бы удержать или замотивировать выпускника от образовательной миграции и остаться для продолжения обучения в родном регионе. Оказалось, что остаться в регионе абитуриент захотел, если бы улучшились экономические условия проживания (возможность трудоустройства, повыше-

ние заработной платы, качества жизни и т.д.) – 59%, повысилось качество образования (престиж вуза, широкий спектр специальностей и т.д.) – 52%, наличие бюджетных мест – 57%, улучшилась экологическая обстановка – 48%. Некоторые респонденты предложили и другие меры: дополнительные стипендии, предоставление скидок на оплату обучения (при условии контрактной системы), стажировки в других регионах и странах, широкое использование программ обмена с регионами.

Оценивая проблему оттока молодежи с позиции работодателей, были получены данные, показывающие, что большая часть респондентов (73%) признает наличие проблемы миграции молодых людей. Вместе с тем, как показало исследование, 35% работодателей считают, что в Кузбассе наблюдается и активная внутрирегиональная миграция молодежи, которая усиливает концентрацию населения и его деятельности в «центрах притяжения области», при

Рис. 5. Наиболее эффективные модели взаимодействия (формы сотрудничества) бизнеса и образования, по мнению работодателей (%)

социальном опустынивании внутрирегиональной периферии. Следовательно, выражая свою озабоченность проблемой молодежной миграции, 59% респондентов заявили о необходимости региональной экономики поощрять трудовую молодежную миграцию из других регионов России в Кузбасс, 81% высказались о необходимости создания условий для возможностей и желаний молодых людей остаться в регионе.

Среди основных причин образовательной миграции в Кузбассе представители бизнеса указали на упадок различных отраслей экономики и хозяйства региона (49%) и неразвитость досуговой и культурной среды городов (51%). Каждый третий отметил экологическую обстановку и качество обучения. Таким образом, предварительный анализ показывает, что существенное влияние на миграционную активность молодежи оказывают социальные и экономические факторы системного характера в регионе.

В связи с этим, в рамках проводимого исследования, путем мнения респондентов было определено, что проблема межрегиональной образовательной миграции молодежи состоит не в снятии ее остроты, а в формировании задела, основ для достижения стратегической эффективности, безопасности и стабильности развития региона. Поэтому, рассуждая о наиболее эффективных и актуальных инструментах решения проблемы образовательной миграции в области, представители бизнеса выводят на первый план вопросы развития системы парт-

нерства образовательных учреждений с предприятиями и местными органами власти – 53%, на втором месте с небольшим отрывом в 4% находится продвижение лучшего опыта партнерства промышленных предприятий и образовательных учреждений по практикоориентированному дуальному образованию – 49%. На третьем месте – стимулирование работодателей платить субсидии на покрытие расходов образования молодежи (41%).

Таким образом, следует отметить, что уровень интереса работодателей к непосредственному взаимодействию и поддержке системы образования достаточно высокий. С небольшим отрывом расположились такие актуальные инструменты решения как повышение конкурентных позиций вузов региона (36%), сотрудничество предприятий в области проведения научных исследований со школьниками, студентами (33%). С существенной разницей в эффективности решения проблемы представителям бизнеса видятся – программы внутренней трудовой мобильности (28%), развитие корпоративных университетов в регионе (21%), создание предприятиями собственных образовательных организаций (14%).

Интерес вызывают ответы респондентов на ряд вопросов, заданных им относительно участия и модели взаимодействия. Так, например, наиболее эффективными формами сотрудничества представителей бизнеса с образованием для большинства респондентов видятся целе-

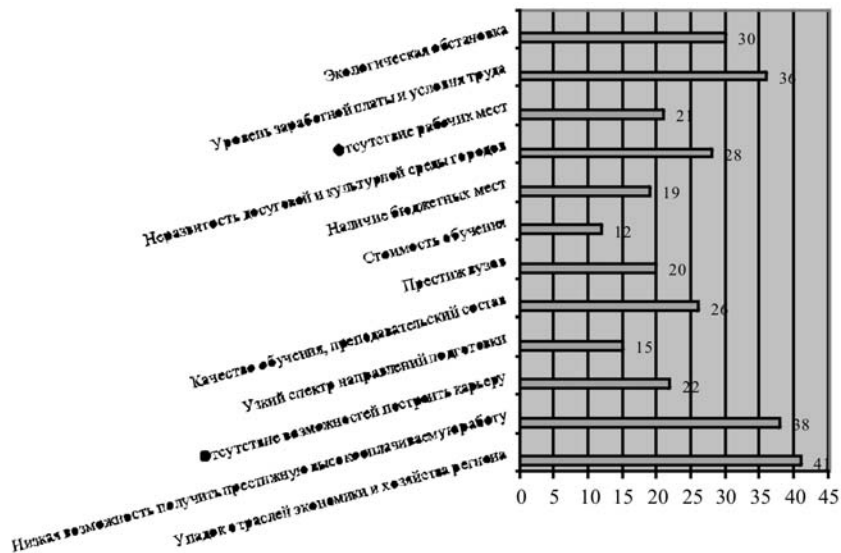

Рис. 6. Причины образовательной миграции в регионе, согласно мнению экспертов (%)

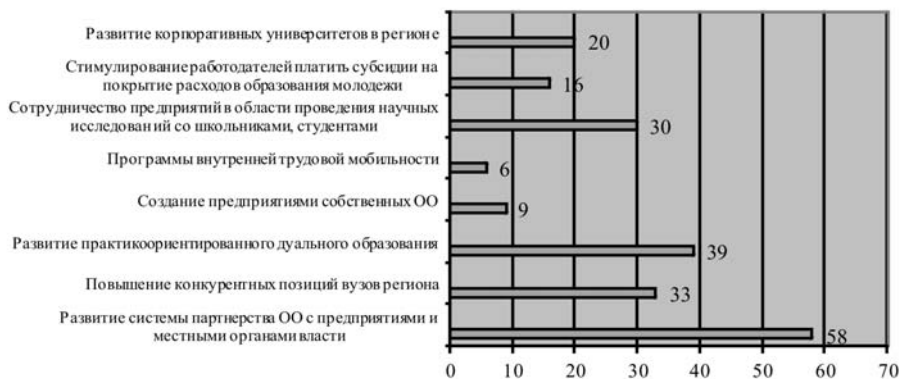

Рис. 7. Эффективные и актуальные способы решения проблемы образовательной миграции молодежи в Кемеровской области, согласно мнению экспертов (%)

вая контрактная подготовка студентов (отраслевой заказ) – 65%, сотрудничество в области проведения научных исследований – 47%, участие в разработке совместных образовательных программ – 34 % (см. рис. 5). Все остальные варианты форм взаимодействия имели незначительную долю эффективности их реализации, с позиции работодателей, во многом объясняющуюся, незаинтересованностью бизнеса, занятостью руководящего состава, например, в целях участия в учебном процессе, финансовыми затратами и т.д.

Приведенные результаты исследования позволяют утверждать, что представители бизнеса осознают проблему и заинтересованы в выстраивании эффективного диалога с органами власти и сферой образования, но непроработанность механизма взаимодействия, невозможность объединиться вокруг общих интересов, не позволяют выстроить систему управления процессом образовательной миграции молодежи в регионе. Следовательно, каждому из них должна отводиться особая роль, которая будет проблемно ориентирована не только на учет

потребностей региона, городов, но и будет предлагать взаимно интересные сценарии многоуровневого сотрудничества в целях сохранения человеческого потенциала.

Представители власти, выступающие в роли экспертов, одинаково высоко оценивают остроту проблемы миграции молодежи в Кузбассе и первоочередная необходимость ведения работы в этом аспекте, на их взгляд, должна проводиться в отношении выпускников школ и студентов образовательных учреждений. Причины межрегиональной образовательной миграционной активности в Кемеровской области, по их мнению, также имеют социально-экономический характер (см. рис. 6).

Кроме того, эксперты увязывают причины и их решения именно с необходимостью привлечения всех структур и уровней власти, при этом говоря, что власти играют решающую роль – 45%, вспомогательную – 40%, незначительную – 15%.

Решение сложившейся проблемы представители власти видят в развитии системы партнерства образовательных учреждений с предприятиями и местными органами власти (см. рис. 7).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о необходимости формирования в Кемеровской области сбалансированного концептуального подхода к регулированию процесса межрегиональной образовательной миграции молодежи, с учетом интеграции всех заинтересованных сторон социального партнерства. Кроме того, следует помнить, что на сегодняшний день система высшего образования является главным социальным лифтом и кадровым фундаментом для функционирования и возможных институциональных преобразований в экономике, лакмусовой бумажкой для регионального бизнеса.

Литература

1. Митин, Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы и пути решения [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. Том 3. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-uchebnaya-migratsiya-ponyatie-problemy-i-puti-resheniya>.

2. Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения Российской Федерации. – Режим доступа : http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107.

Безработица как социальная проблема современной молодежи

Халимов С.В.

В данной статье рассматривается молодежь как социальная группа и безработица как социальная проблема современной молодежи. Показана специфика безработицы молодежи как социальной группы населения, а также факторы, определяющие эффективность социализации молодых людей при включении в состав экономически активного населения, в том числе такие как институт семьи и школы. Обнаружены главные предпосылки появления безработицы и пути ее преодоления. Представлены естественные уровни безработицы. Сделаны выводы о мерах по снижению уровня безработицы, в том числе посредством взаимодействия различных институтов государственного управления.

Ключевые слова: молодежь, безработица, занятость, рынок труда, социальные проблемы, социальная среда, трудоустройство

Khalimov S.V.

Unemployment as a social problem of modern youth

This article shows youth as social group and unemployment as social problem modern youth. The specificity of unemployment youth as a social group of the population is shown, as well as factors determining the effectiveness of socialization of young people when they include economically active population. It's show that the process of socialization must be support by such institutions, like family and school. It found the main prerequisites for the unemployment and ways to overcome it. It presents the natural unemployment rates. Conclusions on measures to reduce the unemployment rate, including through the interaction of various government institutions.

Key words: youth, unemployment, employment, labor market, social problems, social environment, employment opportunity

В эпоху глобального экономического кризиса, характерного для нашего времени актуальной проблемой является проблема молодежной безработицы, что требует тщательного анализа и использования мер по ее минимизации.

Современная молодежь является значительной частью общества, со своей социальной ролью, которая отличается от роли будущего экономически активной части социума.

В современных социальных исследованиях категория «молодежь» в самом общем случае определяется возрастной характеристикой. Однако данный подход, по мнению автора, не является верным, так как в различные периоды молодые люди не являются однородной социальной группой, которая по-разному проявляется в различном возрасте – от 15 до 20 лет.

Согласно самому общему определению молодежи является социальная группа людей, не включенных в экономически активное население. При этом, те молодые люди, которые занимаются самостоятельным и оплачиваемым трудом с позиции социологии перестает включаться в группу «молодежь» [1].

Стремление быть значимым и авторитетным весьма значимо для всех социальных групп, при этом в условиях, когда нет возможностей проявить посредством официальных институтов, создают альтернативные символы авторитета.

Данные альтернативные символы не всегда асоциальны, а с другой стороны – вероятность этого очень большая, потому что границы социально-допустимого как правило находятся в компетенции взрослых.

В отечественной социологии одним в работе Т.В. Лисовского 1968 года было определена категория «молодежь» как поколение людей, которые проходят стадию социализации, находясь на стадии усвоения образовательных, профессиональных, культурных и социальных

функций. В дальнейших исследованиях данная категория была уточнена в работах И.С. Кона, где было показано, что молодежь к социально-демографической группе, которая определяется на базе возрастных характеристик, характеристик социального положения и социально-психологических свойств личности.

Собственно, молодежь в возрасте от 20-24 года, когда процесс социализации продолжается, данную группу образуют, прежде всего, студенты, завершающие профессиональную подготовку, и вступающие в состав экономически активного населения. Вторая группа молодежи в возрасте от 25-30 лет, в этом возрасте завершается процесс формирования зрелой личности. Молодые люди уже нашли свой путь в жизни, а на рынке труда данная группа обычно являются молодыми специалистами.

Социальные проблемы формируются под воздействием среды ближнего окружения в котором ключевую роль играет семейное воспитание. В семье формируются основы сознания и норм поведения. Благоприятная семейная атмосфера зависит самооценка ребенка. В случае, если в семье создается положительная самооценка своих способностей, то это окажет положительная самооценка способностей, все это в совокупности окажет положительное воздействие на гармоничное развитие задатков и станет базой будущей социализации. Ограничением в создании личности будет низкая самооценка и, как следствие, сокращение возможностей социализации личности, что приводит к потерям моральных ориентиров. После семьи, вторым по значимости социальным институтом, принимающим участие в формировании личности, является школа [3].

Институт общего образования позволяет не только овладеть совокупностью компетенций, но и сформировать самостоятельную и адекватную самооценку. Подросток усваивает нормы и правила своего общества.

Гармоничность данного периода определяет системность необходимой для дальнейшего развития знаний, определения адекватной ситуации информации. Личность членов общества создается под воздействием культуры и науки, определяя их поведение, создавая совокупность личных качеств характера.

В тех условиях, когда обсуждаются социальные проблемы молодежи, то, прежде всего, исследуют социальную среду, которая опреде-

ляется экономическими, социальными и политическими условиями.

Социальная среда включает в себя совокупность материальных условий жизни, социальной инфраструктуры, сложившейся системы органов государственной власти, структура экономика и общественных отношений. Все эти факторы существенным образом воздействуют на развитие личности, определяет его социальное положение.

Также, на развитие личности оказывают влияние структура социальных процессов в обществе, экономических условий. Существенное воздействие на социальные институты такие как образование, семья, СМИ.

Включение в экономически активное население является основой становления личности, ее системной самореализации. Трансформации в самых различных условиях, связанные с проведением реформ, которые могут приводить усугублять социальную напряженность в молодежной среде.

Молодежная среда является категорией, имеющей комплексный характер, в научной литературе определяющаяся с самых разных, иногда противоречащих друг другу позиций, и являющаяся объектом регулирования разных институтов социально-экономической системы.

Безработица может быть следствием сокращения производства или роста его эффективности, изменения структуры экономики и других социально-экономических процессов [2].

Проблема трудоустройства молодежи во многом обоснована социально-психологическими причинами, связанными тем, что представления учащихся о перспективах трудоустройства и о грядущей трудовой деятельности в целом не совпадают с реальным бытом на рабочем пространстве и реальным соответствием спроса и предложения на рынке труда. Это считают последствием в начале неправильного выбора будущей профессии, низкой информированности ее различных качеств.

Ключевыми источниками повышения уровня безработицы среди молодежи является следующее:

- низкое качество рабочих мест в отдельных отраслях;
- снижение сформированности практических навыков согласно полученной профессии выпускников.

- увеличивающийся разрыв уровня квалификации выпускников и требованиям сформированности соответствующих компетенций со стороны работодателей.

Поскольку выпускники институтов не имеют практических навыков работы (или их недостаточно), обеспеченная категория молодежи оказалась мало востребованной на рынке труда. Высокая ставка с их стороны, чтобы заплатить, затрудняет поиск подходящей работы [4].

Таким образом, существуют тенденции в выпуске молодых специалистов, которые не отвечают текущим потребностям рынка труда.

Достижение целей поиска направлений социализации и, в частности, профессиональной ориентации молодых людей, повышения их конкурентоспособности на рынке труда необходимо разработать ряд программ социальной и профессиональной адаптации, связанных с поиском работы и дальнейшее трудоустройство молодежи:

- Программа временной занятости для несовершеннолетних. Летом учащиеся старших классов через службу занятости устраиваются на работу в различные организации, им предоставляется возможность пройти адаптацию к социальным и профессиональным навыкам, а также получить значительный социальный опыт для будущей работы.

- Программа обучения, повышения квалификации, переподготовки и стажировки для безработных граждан. Молодые специалисты с базовым профессиональным образованием в рамках этой программы имеют все шансы пройти дополнительное обучение и стажировку по направлению службы занятости, чтобы на практике закрепить приобретенные знания, навыки и умения.

- Ярмарка вакансий и тренировочные места.

- Для полной и объективной оценки проблем занятости молодежи регулярно проводят мониторинговые исследования. Внедрение и использование автоматизированной системы «Мониторинг рынка труда». Этот метод позволяет в короткие сроки оценить общую ситуацию на рынке труда и предложить методы решения определенных задач.

Все эти программы, хотя и имеют определенные недостатки и нуждаются в улучшении, но они дадут положительные результаты в виде сокращения безработицы среди молодежи [5].

Трудоустройство молодых людей, их профессиональная адаптация и подготовка к будущей работе считаются важными задачами, решение которых позволяет обеспечить реализацию прав молодых людей на труд, свободу выбора их вида деятельности и эффективное использование их потенциала в развитии экономики региона.

Проблема социальной адаптации, подготовки молодежи к профессиональной деятельности с каждым годом становится все более актуальной, и решение этой проблемы можно найти, объединив усилия всех участников рынка труда [5].

Основными направлениями политики занятости являются:

-Информация о рынке труда. Распространение информации о динамике рынка труда, возможностях трудоустройства.

-Содействие в трудоустройстве.

-Создание банка вакансий, помощь в подборе подходящего места работы, консультирование населения, его информирование о возможностях трудоустройства.

-Профессиональная ориентация.

-Проведение ярмарок вакансий, консультирование по вопросам выбора определенной сферы деятельности, обучение и переподготовка, оказание психологической поддержки.

-Профессиональное обучение.

-Профессиональное обучение безработных по специальностям и профессиям, востребованным на рынке труда, создание сети учебных заведений, организация учебного процесса.

-Поддержка предпринимательской деятельности и самозанятости.

-Профессиональное консультирование по вопросу открытия собственного дела, финансовая поддержка.

-Содействие трудоустройству молодежи.

-Разработка программ молодежной политики, трудоустройство зарегистрированных в службе занятости выпускников учебных заведений.

-Общественные работы.

-Привлечение безработных к оплачиваемой деятельности, не требующей профессиональной подготовки.

-Квотирование рабочих мест.

-Создание квот для приема лиц, нуждающихся в поддержке.

Итак, подводя итоги надо отметить, что политика в области занятости в том числе и молодежи должна, в первую очередь, цели которой направлены на эффективное развитие и использование человеческих ресурсов. Необходимо, чтобы она обеспечивала результативные действия на рынке труда, содействие трудоустройству безработных. Социальная политика выступает в качестве обоснованной системы мер, которые направлены на то, чтобы реализовывать актуальные социальные программы, поддерживать доходы населения и достойный уровень его жизни, обеспечивать занятость и сокращать безработицу, а также поддерживать отрасли социальной сферы, предотвращать возможные социальные конфликты, возникающие между различными категориями граждан.

Литература

1. Валерий Павленков - «Рынок труда». Занятость. Безработица /Издательство МГУ/ISBN 5-211-04642-0; 2004 г.
2. Волков Ю.Е. Социология управления: Учебно-методический комплекс для подготовки магистров / Ю.Е. Волков. - М.: РАГС, 2008. - 356 с.
3. Огородников А.Ю. Социология управления: Лекции / А.Ю. Огородников. - М.: РАГС, 2011. - 246 с.
4. Прикладная эконометрика. Научные статьи / И.А. Шелковникова, К. К. Фурманов - Безработные и экономически неактивные - в чем различия? Моделирование вероятности трудоустройства 2014г.
5. Тавокин Е.П. Управление - социальное управление - социология управления: Учебное пособие / Е.П. Тавокин. - М.: ЛИБРОКОМ, 2010. - 256 с.

Религиозные обычаи как источник формирования социальных стереотипов в отношении институтов семьи и брака в евразийском типе сообществ (на примере России и Сингапура)

Шаров К.С.

Предмет. Объектом исследования являются социальные институты семьи и брака в современных России и Сингапуре. Предметом исследования являются обусловленные религиозными традициями социокультурные и правовые проблемы развития и функционирования социальных институтов семьи и брака в современных России и Сингапуре. Целью данного исследования является социологическое исследование религиозной предопределенности развития и функционирования института семьи в евразийских сообществах, а также влияния религии на правовую концепцию брачных отношений в евразийских сообществах.

Методология. Методология исследования включает компаративный метод изучения социальных институтов, культурных символов, образов, нарративов и законодательства России и Сингапура.

Научная новизна и выводы. Новизна исследования заключается в выявлении сходств проблемных моментов религиозной обусловленности развития и существования в XXI в. институтов брака и семьи в таких несхожих между собой евразийских культурах, как Россия и Сингапур. В статье не только выявлен схожий характер религиозной обусловленности проблем семьи и концепции брачных отношений, касающихся России и Сингапура, но и показано принципиальное различие влияния религии на восприятие института семьи в евразийских странах и государствах европейского типа.

Ключевые слова: Россия, Сингапур, гендер, гендерное законодательство, гендерные стереотипы, семья, семейное законодательство, брак, религиозная обусловленность, гражданские партнерства

Sharov K.S.

Religious traditions as sources of forming social stereotypes of the institutes of family and marriage in the societies of Eurasian type (by way of the examples of Russia and Singapore)

Subject. The object of the study is represented by social institutions of family and marriage in modern Russia and Singapore. The subject of the research is sociocultural and legal current problems of development and functioning of social institutions of family and marriage in modern Russia and Singapore. The goal of the investigation is a sociological study of historical, cultural and religious influence on the development and functioning of the institution of family in Eurasian communities, as well as the impact of culture and religion on the legal concept of marriage in these communities.

Key words: Russia, Singapore, gender, gender legislation, gender stereotypes, family, family legislation, marriage, religious conditionality, civil partnerships

Введение

В рамках неолиберальной критики Россия [1-2] и Сингапур [3-4] изображаются как страны с патриархальными сообществами и постоянными нарушениями прав женщин. Думаю, критика со стороны западных либеральных СМИ не принимает в расчет исторической специфики российского и сингапурского общества. Многие исследователи подчеркивают, что наши общества можно назвать скорее традиционными, чем патриархальными [5-8], особенно при сравнении с сообществами европейского типа, например, многих стран ЕС. Этим Россия и Сингапур как представители евразийской цивилизации сильно отличаются от западных неолиберальных устоявшихся социальных норм и моделей брака и семьи – за счет, в первую очередь, того обстоятельства, что в России и Сингапуре религиозные традиции играют существенную роль в формировании социокультурных ожиданий и правовых норм в отношении брака и семьи.

В данной статье мы вкратце исследуем некоторые особенности религиозной составляющей формирования социальных стереотипов, которые существуют в российском и сингапурском обществе в отношении социальных институтов семьи и брака. В первую очередь, нас будет интересовать правовой контекст. Примеры России и Сингапура, поставленные вместе, необходимы нам для демонстрации современных проблемных тенденций, касающихся семьи и брака, в евразийских культурах. Почему в качестве страны для сравнения с Россией выбран такой необычный пример, как Сингапур? Он выбран по двум причинам. Во-первых, и Рос-

сия, и Сингапур относятся к евразийским государствам, на общества которых оказывают сильное влияние и азиатский традиционализм, и европейский нелиберализм. Во-вторых, Сингапур наиболее далек от России как в географическом, так и экономическом плане, поэтому нахождение сходных особенностей религиозной компоненты отношения социума к семье и браку в столь несхожих евразийских сообществах поможет понять примерную палитру типов религиозной обусловленности семейного права в странах Азии.

Религиозные обычаи как источник социокультурных ожиданий в отношении института семьи

Малайское население Сингапура, как и население республик Северного Кавказа, в большинстве своем исповедует ислам, в нормах которого так же, как и в религиозных текстах христианства, нет указаний на подчиненное положение женщины в семье. Тем не менее, традиционность и инертность трактовки священных текстов делают господство мужа над женой в сфере семейного права в глазах многих граждан, исповедующих мусульманство, легитимным. Из-за этого нормой считаются многие серьезные нарушения социальных прав женщин. Приведем некоторые примеры.

1. В Чечне девушка-чеченка не имеет права выйти замуж за немусульманина, например, православного или не разделяющего религиозных убеждений русского, в то время как мужчина-чеченец имеет право жениться на ком хочет, на атеистке или представительнице любой конфессии.

2. В Сингапуре и мусульманских регионах России женщина-мусульманка не может легально развестись без полного лишения ее прав в ее родном сообществе, при этом все экономические тяготы развода лежат на ней.

3. В Чечне и среди сингапурских малайцев воля и выбор девушки не играют роли при выдаче ее замуж; девушка не имеет равных с мужчиной прав на вступление в брак, она лишена возможности свободного добровольного выбора супруга.

4. Личные имущественные и неимущественные права женщины в браке не равны личным имущественным и неимущественным правам

мужчины в мусульманских сообществах России и Сингапура.

В Сингапуре, как и на Северном Кавказе, наблюдается большая разница в правовом положении женщин-мусульманок и женщин других этнических групп, не исповедующих ислам. Характерно, что сами малайки, равно как и женщины-представительницы ряда кавказских народностей, традиционно исповедующих мусульманство, в большинстве своем сами не стремятся интегрироваться в правовую систему России и Сингапура в качестве эмансипированных субъектов права и признают существующее status quo нормой.

Православное христианство в лице многих отцов Церкви признает равное правовое положение женщины с мужчиной. Однако во многих традиционалистских частях российского общества также существует пиетет перед веками устоявшимися традициями дискриминации женщин и попытками легализовать их с позиций христианской религии.

Согласно официальной точке зрения Православной церкви, спасение души в одинаковой мере доступно всякому человеку по его вере в Иисуса Христа [9], вне зависимости от его пола. Однако ряд православных богословов использовали логику натурализма: женщина слабее мужчины и поэтому ее следует предостерегать против активной социальной жизни вне семьи. Так, например, известный проповедник православия в XIX в. приснопамятный епископ Виссарион отмечает:

Что сказать об общественном положении лиц женского пола? По мнению ревнителей расширения прав женщины, общественное положение ее должно быть одинаково с положением мужчин. У ней нельзя отнимать право быть судьей, министром, губернатором, врачом, профессором, адвокатом, даже воином. Но справедливость требует сказать, что все это не по силам женщине, по самой природе своей обладающей меньшею, сравнительно с мужчиной, умственной и телесною силою... Ко всему этому несравненно способнее мужчины [10, с. 364].

Итак, мы видим, что в России и Сингапуре религиозные традиции играют большую роль в качестве источника семейного права, чем даже религиозные тексты. Так, ни в России, ни в Сингапуре нет шариатских судов, и нормы шариата не распространяются ни на какие субъекты пра-

ва. Однако мусульманские традиции являются серьезным источником семейного права и социально-формирующей силой в малайском сообществе Сингапура и среди исповедующих ислам народов России, особенно среди национальностей, проживающих на Северном Кавказе (чеченцы, дагестанцы, ингуши, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы), в Поволжье и Крыму (поволжские и крымские татары, башкиры). Помимо ислама, в России традиционные нормы семейного права поддерживаются старообрядцами и фундаментально настроенными православными.

Мы убеждаемся, что религиозные традиции как источник культурных стереотипов и норм права часто вступают в противоречие с нормами семейного права.

В соответствии со ст. 12 Семейного Кодекса РФ, для заключения брака необходимо взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста. Согласно ст. 14 не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в зарегистрированном браке, т.е. многоженство и многомужество. Тем самым достигаются два правовых принципа: 1) добровольность вступления в брак и 2) моногамия. Те же самые принципы лежат в основе Women's Charter of Singapore [11, chap. 353, art. 4, 5, 6, 8, 9, 25].

Тем не менее, в российском и сингапурском семейном праве до сих пор не решен вопрос об интеграции мусульманских религиозных предписаний в единое правовое пространство. В российском семейном праве эта проблема никак не решается; а в сингапурском семейном праве сделана попытка не решить ее, а вытеснить за границы правового поля, регулируемого Women's Charter. Мусульмане не интегрируются в единое семейное право, а, наоборот, во избежание потенциальных проблем вытесняются за его рамки. Так, в статье 3 находим следующие пункты в отношении мусульман:

Parts II to VI and Part X and sections 181 and 182 shall not apply to any person who is married under, or to any marriage solemnized or registered under, the provisions of the Muslim law or of any written law in Singapore or in Malaysia providing for the registration of Muslim marriages [11, art. 3(2)].

А 4-ый пункт этой статьи прямо исключает мусульман из числа субъектов большинства положений семейного права Сингапура:

No marriage between persons who are Muslims shall be solemnized or registered under this Act [11, art. 3(4)].

Мужчинам-мусульманам Сунна разрешает иметь до 4 жен, если он может их материально содержать. Тем не менее, малайские граждане Сингапура не имеют возможности воспользоваться этой нормой мусульманского права, поскольку Women's Charter требует от всех сингапурских граждан моногамности брачного союза:

Notwithstanding subsection (2), sections 4, 5 and 6 shall apply to any person who contracts or purports to contract any such marriage during the subsistence of a marriage registered or deemed to be registered under the provisions of this Act or which was contracted under a law providing that or in contemplation of which the marriage is monogamous [11, art. 3(3)].

Полигамия сходным образом запрещена законом в России и Сингапуре, но разрешена в государствах с шариатским правом. Из-за этого мусульманское население наших стран продолжает добиваться равноправия перед законом и возможности многоженства для верующих мусульман, его желающих.

В целом, в России ситуация с включением мусульманского населения в семейное право в одних аспектах и его исключением в других столь же запутанна, сколь и в Сингапуре; и возможно, в будущем такая двойственность обернется в наших странах все большим количеством нерешаемых проблем компетенции семейного права и волюнтаристскими решениями судов.

Правовое регулирование «фактических брачных партнерств» в России и Сингапуре

Гражданские (фактические) сожительства (партнерства) не признаются семейным правом ни России, ни Сингапура. Событием, влекущим установление юридических отношений, в наших странах признается только регистрация светским государством брака между мужчиной и женщиной. Статья 10 Семейного кодекса Российской Федерации о заключении брака говорит следующее: 1. Брак заключается в органах записи актов гражданского состояния. 2. Права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния

[12]. Women's Charter of Singapore (главный источник семейного права в Сингапуре) определяет брак как «добровольное вступление в брачные юридические отношения совершеннолетних мужчины и женщины» [11].

Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин обращает внимание, что в России и Сингапуре обращает на себя внимание отсутствие какого-либо признания фактических брачных союзов и положению женщин в них. Собственность и имущественные права в незарегистрированных браках – вопросы неправового поля в России и Сингапуре, поскольку юридическим событием такие сожительства не признаются. При подобных сожительствах не возникает прав ни одной из сторон на получение имущества и его распределение. При этом судебная практика показывает, что проблема экономической и социальной уязвимости женщины, состоящей в неофициальном сожительстве (часто называемом в современности «гражданским браком», а в правовом дискурсе – «фактическим браком»), далека не только от решения, но даже от правильной постановки в семейном законодательстве России и Сингапура. После прекращения отношений женщина, которую бросил сожитель, не получает прав на алименты в связи с уходом за малолетним ребенком, рожденным от незарегистрированной связи, на долю (например, половину) имущества, приобретенного в период существования таких фиктивных отношений (например, когда женщина посвящает себя партнеру, теряя профессиональную квалификацию) [13, с. 101]. Совместное проживание без регистрации брака не влечет создания юридически значимых социальных связей, поэтому женщины чаще всего оказываются в незарегистрированных сожительствах жертвами, поскольку именно мужчины зачастую являются источниками экономического дохода. Поэтому женщинам остается лишь принимать во внимание то, что в случае незарегистрированных сожительства они не могут рассчитывать ни на какую правовую защиту.

Любопытно, что в Сингапуре наиболее склонными к незарегистрированным сожительствам являются граждане европейского этнического происхождения, а в России – русские. Процент незарегистрированных сожительства в России в настоящее время примерно на порядок выше, чем в Сингапуре. По данным, приводи-

мым А. Г. Малиновой, число супружеских пар в России в 2010 г. составило 33 млн, из них 4.5 млн пар состояли в незарегистрированных отношениях (для сравнения: в 2002 г. – 3 млн пар). Увеличение числа внебрачных сожительства привело к возрастанию внебрачной рождаемости. Доля внебрачной рождаемости в общем числе рождений неуклонно растет: в 1970 г. – 10.6 %, в 1980 г. – 10.8 %, в 1990 – 14.6 %, в 1995 г. – 21.1 %, в 1996 г. – 23 %, в 1997 г. – 25.3 %, в 1998 г. – 27 %, в 1999 г. – 27.9 %, а в 2015 – 37% [14]. Задумаемся: более трети всех рожденных в наши дни детей родилось вне классического социального института брака! Для сравнения: в Швеции сейчас этот показатель более двух третей от всех рожденных детей.

Приходится констатировать, что в наши дни Россия испытывает более сильные негативные последствия разрушения социокультурной концепции семьи, чем Сингапур, при этом эта социокультурная концепция все больше расходится с правовой концепцией семьи. Одна из точек зрения в академической мысли сводится к необходимости легализации и признания законом гражданских сожительства (партнерств), как это сделано, например, во многих странах ЕС [15]. Другая точка зрения ей противоположна. Ее сторонники говорят о том, что

решение этой проблемы в современных условиях не замыкается в пределах привычной гендерной идеологии и сопряжено с такими глобальными новациями в отечественном семейном праве, которые способны разрушить всю систему его традиционных оснований [14, с. 108].

С одной стороны, сохраняется дискриминация женщин, живущих в незарегистрированных сожительствах, из-за непризнания семейным правом России и Сингапура гражданских партнерств. Но с другой, не сами ли женщины добровольно вступают в такие партнерства? Если в предыдущем пункте мы выяснили, что мусульманское женское население России и Сингапура дискриминируется непредоставлением женщине прав со стороны мусульманской общины на добровольное вступление в брак, то здесь ситуация противоположна: у женщины есть все законные основания для заключения брака, однако она склонна отказываться от них, подменяя брак суррогатом незарегистрированного сожительства.

Религиозное отношение к «фактическим брачным партнерствам»

Патриархи Русской Православной церкви Алексей II и Кирилл указывали, что незарегистрированный государством брак не может благословляться церковью в современных реалиях [16]. Раньше, во времена Российской империи до 1917 г. церковное венчание обладало всей правовой силой брачного договора; но сейчас, когда в России церковь отделена от государства, венчание не имеет юридической силы. Именно по этой причине Русская Православная церковь имеет практику не разрешать клиру благословлять союзы, не узаконенные государством. Протоиерей Павел Гумеров пишет о том, что в современности многие граждане, вступающие и живущие в незарегистрированных сожительствах, склонны недооценивать юридическую силу брака, а это, в свою очередь, происходит из-за того, что желающие жить вместе мужчины и женщины не склонны принимать на себя правовую ответственность:

В любом обществе, даже в самом первобытном, существуют законы, по которым живут люди в данном сообществе или государстве. Само общество следит за соблюдением людьми законов. Несоблюдение законов просто приведет к беспорядку и хаосу. Сторонники «свободных отношений» часто ссылаются на то, что в древности, дескать, вообще никакой регистрации не было, люди жили, как хотели. Это неправда, брак существовал всегда, с самого начала истории человечества. Наличие брака – это одно из отличий общества людей от животного мира, просто правовые нормы были разными. В царской России, например, брак регистрировался в церкви, мечети или синагоге; в Римской империи подписывался в присутствии свидетелей брачный договор; древние евреи также подписывали брачный документ; где-то брак заключался просто при свидетелях (в древности обещание, данное в присутствии свидетелей, было иногда крепче письменного документа), но так или иначе, молодожены перед Богом, друг перед другом и всем государством или обществом, свидетельствовали, что отныне являются мужем и женой и живут по законам, установленным в данном обществе. После заключения брака законная жена и законные дети также получали полагающиеся им сословные и

имущественные привилегии. Вот чем брак отличается от блудного сожительства [17].

«Гражданский», или «фактический» брак рассматривается многими гражданами России и гражданами Сингапура, имеющими этническое европейское происхождение, как пробу, попытку брака без юридической ответственности [18]. Сингапурские китайцы, индийцы и малайцы не имеют подобной проблемы либо в силу религиозных предписаний (малайцы-мусульмане), либо в силу традиционности культуры (китайцы и индийцы) [19].

Заключение

Полагаю, что легализация незарегистрированных сожительства в семейном праве России и Сингапура не снимет проблемы недостаточного правового регулирования социального института семьи и социальных отношений, возникающих в результате гендерной коммуникации, но может привести к серьезному недовольству верующей части общества, в основном, населения регионов компактного мусульман.

Во многих странах европейского типа проведена такая легализация, однако я считаю, что эта мера лишь снимает симптомы, но вовсе не лечит социальную и правовую болезнь. По сути, если семейное законодательство пойдет по пути признания незарегистрированных сожительства, как это сделано в странах Западной Европы, США, Канаде, ряде государств Британского Содружества, то оно тем самым не легализует нежелание людей принимать на себя ответственность перед государством друг за друга и за своих детей, как может показаться с первого взгляда [20], а насильно втиснет живущих «гражданскими браками» в правовое поле, куда они вступать не хотят и не готовы. Правовая взаимная ответственность мужчины и женщины, готовящихся стать супругами, должна приниматься строго добровольно, а государственное признание «фактических браков» станет инструментом принудительной «женитьбы» тех, кто жениться не хочет. Это может стать нездоровой правовой мерой ни с религиозной (одобрение незарегистрированных сожительства, называемых большинством религиозных организаций блудными), ни с гражданской точки зрения (нарушение личной свободы индивидов).

На примере России и Сингапура как двух наиболее удаленных друг от друга стран как в

географическом, так и культурном плане, приходится констатировать наличие большого количества нерешенных социальных и правовых проблем, связанных с религиозной обусловленностью развития и современного функционирования социальных институтов семьи и брака. Тем не менее, данные проблемы образуют совершенно иной спектр, чем проблемы семьи и брака в ориентированных на Запад неолиберальных сообществах, где влияние религиозной компоненты на институты брака и семьи крайне низко, если не сказать – незначительно.

Литература

1. Саватеева Л. В. Категория «сексизм» в фокусе лингвистической политкорректности // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2008. № 2. С. 52-57/
2. Хамзина А. Ж. Проблема дискриминации женщин в трудовых отношениях // XVIII Царско-сельские чтения. 2016. Т. 3. С. 116-119.
3. Chew Ph. G. Blazing a trail: the fight for women's rights in Singapore. Biblioasia. 2018. URL: <http://www.nlb.gov.sg/biblioasia/2018/10/16/blazing-a-trail-the-fight-for-womens-rights-in-singapore/#sthash.ePhCvUWb.dpbs>, retrieved on 03.10.2018.
4. Yanting K. C. Ensure Women's Charter does not become tool for discrimination. URL: <https://www.straitstimes.com/forum/letters-in-print/ensure-womens-charter-does-not-become-tool-for-discrimination>, retrieved on 19.10.2018.
5. Сланова А. Ю. Насилие в семье как социальная проблема в современной России, Дискуссия // Журнал научных публикаций. 2015. № 10. С. 127–131.
6. Kenneth Paul Andrew Sze-Sian Tan. Civic Society and the New Economy in Patriarchal Singapore: Emasculating the Political, Feminizing the Public // Crossroads: An Interdisciplinary Journal of Southeast Asian Studies, Vol. 15, No. 2 (2001), pp. 95-122.
7. Sweden approves new law recognising sex without consent as rape, available at <https://www.telegraph.co.uk/news/2018/05/24/sweden-approves-new-law-recognising-sex-without-consent-rape>, retrieved on 27 October 2018.
8. Поленина С. В. Правовая политика Российской Федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 1. С. 62–80.
9. О семье и воспитании. С-Пб.: Об-во Свт. Василия Великого, 1998.
10. Виссарион, еп. Положение лиц женского пола в жизни христианской, семейной и общественной // О семье и воспитании. С-Пб.: Об-во Свт. Василия Великого, 1998.
11. Women's Charter, Singapore Civil Code, Cap. 353, 2009 Rev. Ed.
12. Semeynyi Kodeks Rossiiskoi Federatsii [SK RF] [Family Code], art. 10.
13. Кириченко К. А. Recommendations of UN Committee on the Elimination of Discrimination Against Women and prospects of the development of Russian Family Law // Вестник Омского юридического института. 2011. № 4. С. 99–103.
14. Малинова А. Г. Семейное право и псевдогендерная идеология // Электронное приложение к Российскому Юридическому Журналу. 2017. № 4. С. 102–110.
15. Муртазина Л. Р. Легитимизация «гражданского брака» в общественном мнении как новый феномен российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 68–71.
16. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после вечерни в день Рождества Христова // Православная газета. 2011. № 2. С. 23; Яковлева Е. Активная церковь. В Москве продолжает работу Архиерейский Собор // Рос. газ. 25 июня 2008.
17. Гумеров П., протоиерей. «Гражданский брак»: начало семейной жизни или блудное сожитительство? Гл. 3. Правовой аспект: брак или сожитительство? Available at http://pavelgumerov.ru/book/gr-brak/part3?ding_wp_src=15407200389662311077117919921875, retrieved on 28 October 2018.
18. Папа О. М. Сожитительства как альтернатива браку // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 2, available at <http://sisp/nkras.ru>.
19. Leong Wai Kum. Fifty years and more of the "Women's Charter" of Singapore // Singapore Journal of Legal Studies (July 2008), pp. 1–24.
20. Миронова Ю. Г., Тырнова Н. А. Сожитительство как альтернативная форма семейно-брачных отношений в современном российском обществе // Logos et Praxis (Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия). 2014. № 3. С. 54–60.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Профессиональная социализация студенческой молодежи (на примере г. Хабаровска)

Ананичева С.Р.

В статье анализируется современное профессиональное образование, оказывающее значимое влияние на процесс социально-профессиональной социализации и жизненного самоопределения будущих специалистов. Исследуется процесс профессиональной социализации студенческой молодежи в период обучения в высших учебных заведениях, посредством первичной интеграции в профессиональную среду и включения в профессиональное сообщество (на примере г. Хабаровска).

Ключевые слова: профессиональная социализация, профессионализация, профессиональная адаптация, профессиональное самоопределение, профессиональная деятельность, трудоустройство выпускников.

Ananicheva S.R.

Professional socialization of student youth (on the example of Khabarovsk) The article analyzes the modern professional education, which has a significant impact on the process of social and professional socialization and life self-determination of future specialists. The process of professional socialization of students in the period of study in higher educational institutions, through the primary integration into the professional environment and inclusion in the professional community (for example, Khabarovsk).

Key words: professional socialization, professionalism, professional adaptation, professional self-determination, professional activity, employment of graduates.

Изучение процесса профессиональной социализации будущих квалифицированных кадров в условиях преобразования системы образования, а также трансформации экономической сферы российского государства обуславливается тем, что экономика, наука и культура нуждаются в дальнейшем росте численности и качества подготовки профессиональных ресурсов. В период модернизации общественной системы характерным образом проявляется желание отдельных социальных групп стать активными участниками инновационных процессов. Среди таких социальных групп, особое место занимает студенческая молодежь, т.к. только она способна усвоить весь социальный опыт и культуру предыдущих поколений, а также осуществить социально-экономические преобразования современного российского государства. Необходимо отметить, что на процесс социализации учащейся молодежи оказывает влияние не только макросоциальные преобразования, но и жесткие условия конкурентных рисков, сказывающиеся не только на моделях социализации молодежи, но и на выборе стратегий профессионального поведения. В современных условиях определяющую роль в профессиональной подготовке будущих трудовых кадров играет социализация, как раз в период прохождения обучения в вузах страны. Образование, направленное на формирование личности, можно рассматривать как средство приобретения че-

ловеком необходимого социально-экономического положения в социальной структуре общества.

Для современной российской молодежи достаточно сложной проблемой стала способность быстро реагировать на изменяющиеся требования рынка труда. В процессе рыночной конкуренции более чем необходимым стал поиск инновационных возможностей для самореализации учащейся молодежи, изменение их мотивации в процессе жизненного становления. Современное профессиональное образование способно оказывать определяющее воздействие на процесс социально-профессиональной социализации и жизненного самоопределения будущих специалистов. До недавнего времени профессиональная подготовка молодых кадров основывалась на приобретении необходимых трудовых знаний, навыков и умений. В последнее время возникла необходимость в формировании ценностно-мировоззренческой позиции будущих трудовых кадров, во время первичной профессиональной социализации, еще находящейся в учебном процессе. Такая первичная профессиональная социализация в высших учебных заведениях включает развитие профессиональных навыков будущих молодых специалистов, совершенствование морально-нравственной культуры, способной в дальнейшем помочь человеку выстроить отношения между коллегами, подчиненными и руководителями. Таким образом, образовательную среду вузов следует рассматривать как совокупность условий и средств, способствующих развитию образовательных и трудовых потенциалов студенческой молодежи, что в свою очередь и обеспечивает движение процесса профессиональной социализации.

Различные вопросы общей социализации личности, содержание профессиональной социализации анализируются в работах отечественных и зарубежных ученых. Например, теоретическое осмысление процесса социализации представлено в исследованиях Э. Дюркгейма, А. Маслоу, Дж. Мида, Г. Спенсера, О. Конта, Ч. Кули. В отечественных трудах анализ социализации личности, а также профессионально-трудовой, представлен Е.Н. Головахо, А.И. Ковалевой, О.Н. Козловой, Г.Е. Зборовским, В.В. Москаленко, Ж.Т. Тощенко, С.В. Новиковым. Институциональный подход к рассмотрению вопро-

са социализации изучен в работах Л.И. Найденова, О.Н. Никитиной, Я.И. Гелинского, А.В. Дмитриева, Г.Б. Кораблевой, С.Г. Спасибенко. Проблеме профессиональной социализации молодежи в образовательной среде вузов посвящены работы Л.С. Выготского, Г.М. Андреева, А.Н. Джуринского, В.В. Касьянова, И.А. Батаниной, Т.Б. Казаренковой, А.Б. Курлова, В.В. Морозова, А.В. Петровского, В.Я. Нечаева [3].

Рассматривая проблему становления человека, как субъекта профессиональной деятельности, необходимо проанализировать сложившийся в науке понятийный аппарат и в первую очередь рассмотреть такие термины, как «профессиональное самоопределение», «профессионализация», «профессиональная социализация». В науке эти термины рассматривают как тождественные, близко-пересекающиеся. С моей точки зрения содержание этих терминов и их соотношение необходимо конкретизировать. Так, Н.С. Пряжников под профессиональным самоопределением понимает «поиск и нахождение личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и уже выполняемой трудовой деятельности, а также нахождение смысла в самом процессе самоопределения» [7, с. 330.]. В.А. Бодров, дает следующее определение, профессиональное самоопределение человека – это многомерный и многоступенчатый процесс, который может рассматриваться как:

1. серия задач, которые ставит общество перед человеком и которые надо решить;
2. процесс поэтапного принятия решения, посредством которого личность формирует баланс между собственными предпочтениями, интересами, целями и требованиями трудовой деятельности, потребностями общества;
3. процесс формирования личности профессионала, его индивидуального стиля и оценки деятельности [2, С.73-81.].

Под профессиональным самоопределением можно понимать осознание учащимися своего социального назначения и применения в выбранной ими профессиональной деятельности. Итогом должна стать конкурентоспособность специалиста и в социальном и в профессиональном плане, раскрытие его потенциала профессиональной востребованности на рынке труда. Следовательно, профессиональное самоопределение можно рассматривать как «Я-концепция» индивида, раскрывающая понима-

ние, переживания и намерения человека, предметные действия в профессиональной деятельности. Можно сказать, что профессиональное самоопределение, это не только способ выбора будущей трудовой деятельности, но и постоянно изменяющаяся процедура становления профессионала на всем этапе профессионально-трудовой жизни [4, С. 11-14]. С такой точки зрения термин «профессиональное самоопределение» переключается с термином «профессионализация». Так, по мнению многих авторов, профессионализация рассматривается как процесс становления профессионала, подразумевающий под собой выбор индивидом профессии с учетом своих способностей, усвоение правил и требований профессии, а также становление себя как профессионала, совершенствование своей личности с помощью профессиональной деятельности.

Таким образом, профессионализация, это процесс включения человека в профессиональную деятельность, становление и развитие его как профессионала, предполагающее постоянное углубление знаний в рамках одной профессии. Представляется, что рассмотренные выше процессы можно считать составными этапами изучаемого процесса профессиональной социализации. В процессе приобретения профессии, становление личности специалиста нельзя сводить только к формированию ее операциональной сферы в виде аккумуляции квалификационных навыков и умений, а предполагает скорее развитие сложной системы регуляции ее социального поведения. Поэтому, необходимо отметить, что исследование становления личности профессионала нужно начинать еще до вступления непосредственно в сам профессиональный процесс, еще на студенческой скамье. Формирование субъекта деятельности видится следствием прохождения человеком сложного пути своего развития, подготовка к вхождению в мир профессии, усвоения профессиональной деятельности, приспособления к ней и повышение профессионального мастерства. Так, Н.А. Каргопольцева рассматривает социализацию как «трудовую, профессиональную, интеллектуальную и нравственную зрелость личности», а в качестве основных принципов ее успешности называет «устойчивость личностных интересов, четкий профессиональный план, готовность к труду, гражданскую активность, высокие нрав-

ственные качества, культуру поведения и толерантность» [5]. С.Н. Макарова, в свою очередь, описывает профессиональную социализацию как «усвоение принятых в обществе форм поведения и общения, обеспечивающее самовозобновление социума, от успеха которого зависит, сумеют ли новые поколения перенять опыт, умения, ценности предыдущих поколений, заняв их место в системе общественных отношений» [6].

Профессиональную социализацию будущих специалистов следует рассматривать, как процесс развития адаптационно-интегративных особенностей человека, а также результат усвоения большого круга социальных и профессиональных ролей, включающий осознание человеком себя как субъекта профессиональной деятельности. Также этот процесс должен включать в себя планирование профессиональной карьеры, поддержание высокого уровня профессиональной мобильности, а также понимание целостности и взаимообусловленности событий профессионального и жизненного пути. Сегодня в современном российском обществе значительный интерес вызывает теоретическое и практическое изучение проблемы внедрения выпускников ВУЗ-ов в общественные отношения на рынке труда. Следовательно, наиглавнейшей задачей социологии видится исследование процесса профессионального становления студенческой молодежи в период обучения в высших профессиональных организациях, посредством первичной интеграции в профессиональную среду и включение в профессиональное сообщество. Все вышеизложенное определило целью исследования – анализ проблемы профессиональной социализации студенческой молодежи, динамики профессиональных предпочтений в период обучения в системе высшего профессионального образования.

В феврале 2019 года в г. Хабаровске было проведено авторское социологическое исследование, в котором методом анкетирования по репрезентативной выборке было опрошено 240 студентов выпускных курсов Тихоокеанского государственного технического университета г. Хабаровск. Анализ данных проведенного исследования показывает, что большая часть опрошенных студентов (39, 17%) приняла решение о выборе будущей профессии исходя из количества баллов ЕГЭ, позволяющих поступить в

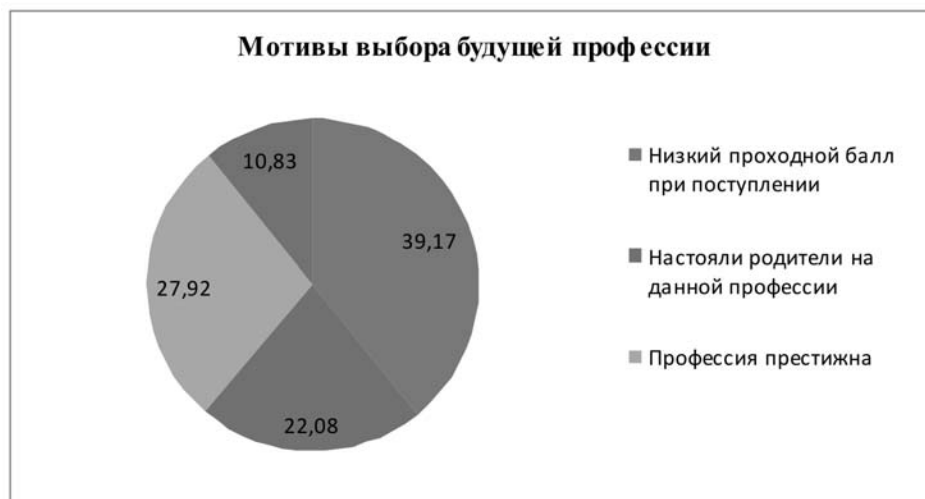

Рисунок 1 – Мотивы выбора будущей профессии (в % от числа опрошенных)

ВУЗ (рис. 1). В итоге они учатся по той профессии, на которую хватило баллов при поступлении, а не по той на которую бы хотели действительно учиться. Полученные данные в ходе авторского исследования расходятся с данными социологического опроса 2014 г., проводимый НИУ ВШЭ совместно с АНО «Аналитический центр Юрия Левады» в рамках Мониторинга экономики образования (МЭО). В опросе приняли участие более 3350 студентов программ высшего образования дневных отделений из более 100 государственных и частных образовательных организаций высшего образования. При изучении основных мотивов выбора профессиональных организаций и специальности такой мотив как «легкость поступления» назвали только 10% студентов [8, С.34].

По данным авторского исследования 2019 г., 22,08% студентов отметили, что выбор профессии был им навязан мнением родителей, хотя в 2014 г. профессия была выбрана по совету родителей только у 14% опрошенных. Вполне очевидным становится вывод о том, что не имея возможности учиться по той профессии, на которой студенты хотели бы действительно учиться, в процессе обучения у них проявляется сниженная мотивация к формированию навыков и качеств, необходимых для квалифицированного специалиста.

Если в 2014 г. мотив выбора профессии был связан с ее престижностью, высоким спросом на рынке труда, легкостью трудоустройства

только у 10% опрошенных, то в 2019 г. его уже назвали 27,92%. Это свидетельствует о том, что при выборе будущей профессии студенты стали в большей мере ориентироваться на тенденции развития рынка труда, т.е. оценивать востребованность данной профессии потенциальными работодателями, а также уровень заработной платы по ней. Учитывая тот факт, что профессиональный выбор, это профессиональное самоопределение, наиважнейший этап, который значительно повлияет на будущую трудовую жизнь будущих специалистов, и при этом только небольшая часть студентов отметили, что их профессиональный выбор связан с реализацией собственных интересов, развитием личностных способностей и самосовершенствованием.

В ходе исследования было выяснено, как изменился профессиональный выбор студенческой молодежи за время их обучения в ВУЗ-е. Особенно это интересно по причине большого количества студентов с неадекватными мотивами выбора профессии. Судя по полученным данным, большая часть учащихся указали, что их отношение к получаемой профессии никак не изменилось. 37,08% опрошенных заявили, что мнение изменилось только в худшую сторону, т.е. достаточно большое количество респондентов невысоко оценивают свои личностные способности и заинтересованность требованиями будущей профессии. Таким образом, новые знания, полученные в процессе обуче-

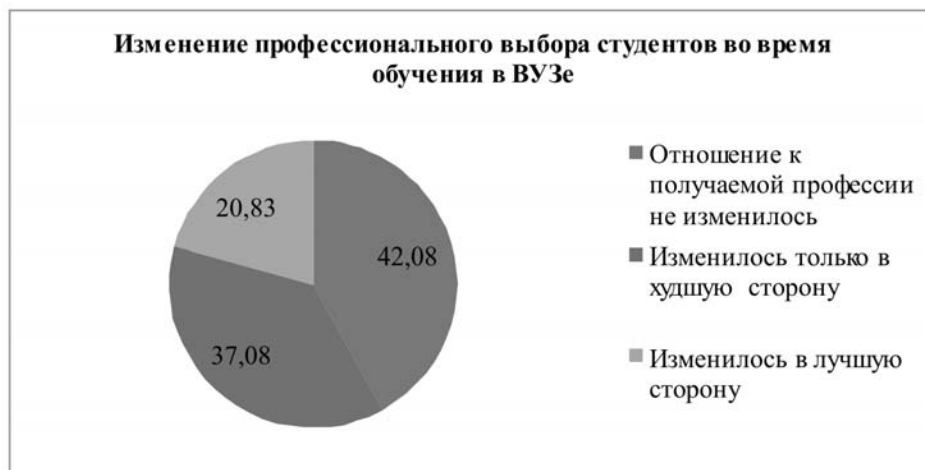

Рисунок 2 – Изменение профессионального выбора студентов во время обучения в ВУЗе (в % от числа опрошенных)

ния, сформировали мнение о неверно совершенном профессиональном выборе. Следовательно, низкий уровень информирования на стадии выбора профессии, нехватка актуальных знаний о социальных, экономических, психологических особенностях труда способствуют изменению отношения учащихся к выбранной профессиональной сфере деятельности и понижают готовность к осуществлению профессиональных планов.

Мнение о профессии изменилось в лучшую сторону, во время обучения у 20,83% опрошенных студентов, что позволяет сделать вывод о дальнейшем намерении трудиться в избранной профессиональной сфере (рис. 2).

Оптимальность выбора будущей профессии также определяется намерением студенческой молодежи трудиться по выбранной профессии после окончания ВУЗ-а. Проведенное исследование позволило выявить степень профессиональной готовности респондентов к будущей трудовой деятельности по получаемой профессии. Учитывая мнение К.К. Платонова о том, что «профессиональная готовность представляет собой субъективное состояние человека, считающего себя способным и подготовленным к реализации профессиональной деятельности и стремящейся ее выполнять» [1, С.105-110].

Почти половина респондентов (45,83%) дают ответ «как получится», что говорит о низкой степени заинтересованности к решению профессиональных задач и реализации функ-

циональных обязанностей, накладываемых профессией. Наименьшее число студентов (9,17%) четко заявили, что намерены работать по полученной профессии, так как считают ее интересной, перспективной для себя и полезной для общества (рис. 3).

Полученные данные в ходе авторского исследования расходятся с данными социологического опроса 2015 г., проводимый НИУ ВШЭ совместно с АНО «Аналитический центр Юрия Левады» в рамках МЭО. Так, в 2015 г. около половины респондентов (54%) планировали работать по получаемой профессии. При этом значительная часть (37%) составили те, кто не уверен, что в будущем будет работать по получаемой профессии. Точно не свяжет свою карьеру с получаемой профессией – 6% респондентов [8, С.53].

Согласно авторскому опросу 2019 г., высказывают желание работать по полученной профессии только при условии трудоустройства на интересующее место работы – 27,08% учащейся молодежи. 17,92% респондентов не намерены работать по вузовской специальности после окончания обучения (рис. 3). Все эти данные подтверждают, тот факт, что заведомо неадекватно сформированные ожидания насчет выбранной профессии, в дальнейшем приводят только к еще большему разочарованию в ней, а следовательно, и к низкой заинтересованности в трудоустройстве и выстраиванию карьеры по данной профессии. Также, подобная ситуация

Рисунок 3 – Оценка желания работать по профессии после окончания обучения в ВУЗе (в % от числа опрошенных)

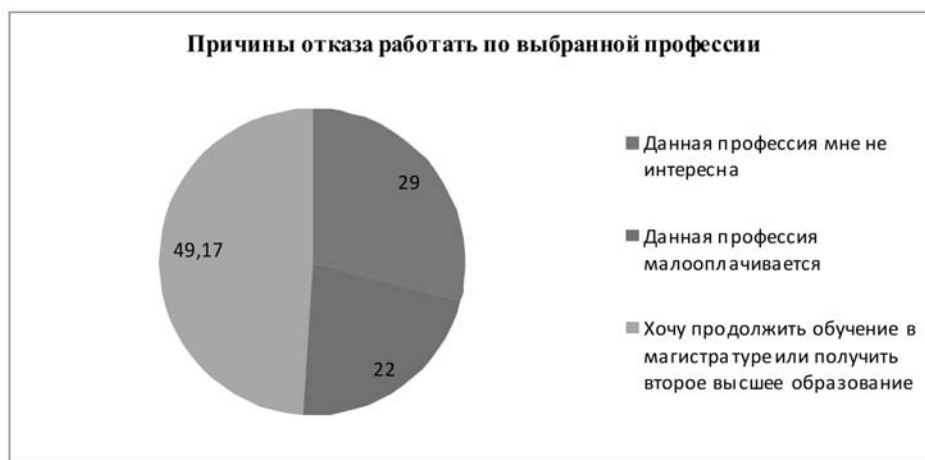

Рисунок 4 – Причины отказа работать по выбранной профессии (в % от числа опрошенных)

объясняет готовность значительной части студенческой молодежи (72,92%) поменять первоначальный профессиональный выбор, после окончания ВУЗ-а, в случае трудоустройства на более высокую работу по другой профессии, а также если возникнут проблемы при поиске и устройстве на работу по выбранной первоначальной профессии.

По вопросу изучения образовательных планов среди группы опрашиваемых, которые не

планируют работать по выбранной профессии, большая часть (49,17%) была мотивирована на продолжение обучения в магистратуре, либо на получение второго высшего образования с целью увеличения своих шансы на получение высокооплачиваемой работы (рис. 4). Полученные данные подтверждают результаты социологического опроса 2015 г., проводимый НИУ ВШЭ совместно с АНО «Аналитический центр Юрия Левады» в рамках Мониторинга экономики об-

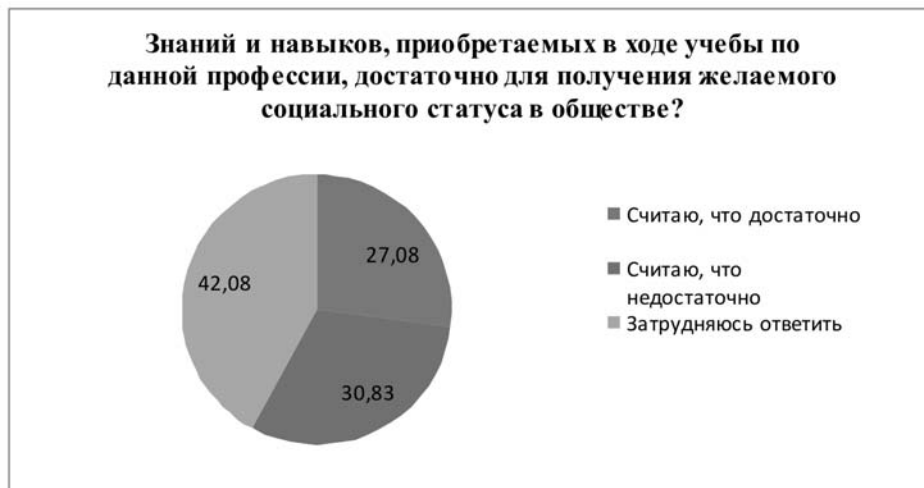

Рисунок 5 – Знаний и навыков, приобретаемых в ходе учебы по данной профессии, достаточно для получения желаемого социального статуса в обществе? (в % от числа опрошенных)

разования, которые показал, что 47% студентов хотят продолжить обучение в магистратуре в российских вузах. Стремления респондентов получить второе высшее образование также достаточно популярны – 37% [8, С. 29]

Для успешной профессиональной карьеры, будущий квалифицированный специалист должен владеть определенными навыками и качествами, позволяющими реализовать свои профессиональные знания в более широком диапазоне и быть конкурентоспособным не только в области базовой подготовки. Так, при ответе на вопрос «Знаний и навыков, приобретаемых в ходе учебы по данной профессии, достаточно для получения желаемого социального статуса в обществе?», большая часть респондентов (42,08%) затруднилась дать ответ. 27,08% студентов дали положительный ответ и оставшаяся часть (30,83%) указала, что знаний и навыков, приобретаемых по данной профессии недостаточно (рис. 5). Таким образом, студенческая молодежь, оценивая получаемые знания и навыки, в основном, либо не уверены, что их достаточно для получения ими необходимого статуса, либо вообще затруднились дать ответ.

Также была изучена роль предприятий, предоставляющих места для прохождения производственной практики, в профессиональном становлении будущего специалиста, учитывая, что прохождение производственной практики может оказывать как положительное, так и не-

гативное влияние на дальнейшее профессиональное самоопределение студентов. Как позволяют судить оценки опрошиваемых студентов, основная часть респондентов, считает, что прохождение практики, это реальная возможность поучиться у профессионалов и понять, правильно ли была выбрана профессия. Только 20,83% респондентов оценивают производственную практику как возможность закрепления теоретических знаний на практике. 5,83% опрошенных студентов отметили, что производственная практика не оказала значимого положительного влияния на развитие профессиональных навыков, а даже сказала на их негативном отношении к получаемой профессии (рис. 6). Этот показатель хоть и невелик, но все же говорит о необходимости выпускающих кафедр более ответственно подходить к выбору предприятий, на которых планируется прохождение производственной практики, после которой у студентов вырабатываются более ясные установки профессиональной деятельности, а также меняется отношение к более серьезному углублению профессиональных знаний.

Качество высшего образования в настоящее время обуславливается тем, насколько квалифицированный специалист востребован на рынке труда. В ходе исследования анализировались способы, которыми планируют воспользоваться выпускники при трудоустройстве. Основная часть выпускников (37,92%) планируют осуще-

Рисунок 6 – Оценка роли предприятий, предоставляющих места для прохождения производственной практики в профессиональном становлении студенческой молодежи (в % от числа опрошенных)

ствить поиск будущей работы с помощью родственников, друзей и знакомых. Обратиться в центры занятости населения собирается 22,92% респондентов. Планируют использовать при поиске работы вакансии, предлагаемые работодателями через Интернет – 19,17% опрошенных студентов. Уже нашли место работы – 7,92% студентов. Через ярмарки вакансий, проходящих на базе ВУЗ-а, планируют только 12,08% (рис. 7). При этом на вопрос «Должен ли ВУЗ помогать своим выпускникам в поиске работы и их дальнейшем трудоустройстве?», основная часть опрошенных (97,92%) указали, что должны.

Результаты проведенного исследования выявляют существенные противоречия и несогласованности в социально-профессиональном сознании студенческой молодежи. Так, анализ профессиональной социализации студентов выпускных курсов высшего профессионального заведения показывает, что процесс выбора бу-

дущей профессии находится в прямой зависимости от результатов единого государственного экзамена. Выявлено негативное влияние итогов ЕГЭ на выбор будущей профессии. Также этот выбор стал более прагматичным, учитывая, что значительная доля студентов видит ценность обучения в возможности получения престижной, высокооплачиваемой работы. Становится очевидным, что чем ниже заинтересованность учащихся в получаемых ими профессиональных знаний, навыков и умений, тем меньше желание реализовывать свою профессиональную деятельность на практике в трудовой среде. Тем более если молодой специалист и в теоретическом и практическом смысле малоэффективен, то он с большей вероятностью будет неконкурентоспособен в нынешних рыночных условиях.

Согласно проведенному исследованию, не многие молодые люди связывают профессиональное образование с возможностью реализова-

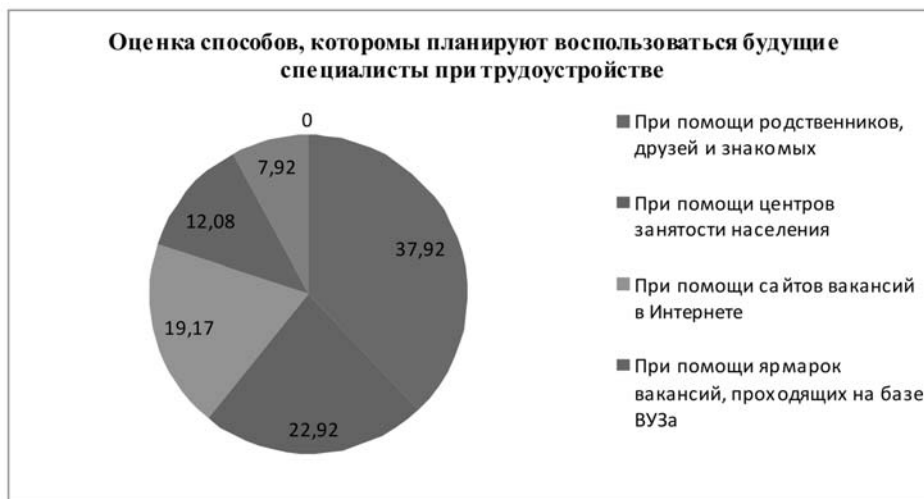

Рисунок – 7 Оценка способов, которыми планируют воспользоваться будущие специалисты при трудоустройстве (в % от числа опрошенных)

ции собственных интересов, развития своих способностей и самосовершенствования. В связи с этим незначительная часть обучающихся изначально ориентируются на овладение профессионально-трудовой деятельности, на становление себя как будущего профессионала, что существенно усложняет их адаптацию к будущей профессиональной деятельности. Можно с уверенностью утверждать, что адекватный выбор молодыми людьми своей будущей профессии, в соответствии со своими способностями, склонностями и предпочтениями, становится наиважнейшей проблемой, которую необходимо разрешать в процессе профессиональной социализации личности.

Оценивая эффективность профессиональной социализации студенческой молодежи, перспектив их будущего трудоустройства по профессии можно сделать вывод, что студенческая молодежь проявляют низкую заинтересованность в реализации своей профессиональной подготовки по полученной ими профессии. Также студентами рассматривается вариант переобучения по другой профессии при возможности трудоустройства на более оплачиваемую работу. Данная ситуация соответствует сложившимся тенденциям на рынке труда, когда молодые специалисты после окончания обучения не могут устроиться по профессии. Учитывая то обстоятельство, что получение высшего обра-

зования, определяет будущее социальное положение человека, значительная часть студенчества не уверена, что приобретаемое образование будет основополагающим фактором дальнейшего подъема по социальной лестнице. Таким образом, подавляющая часть студенчества, находясь в начале пути своего профессионального становления, не обладает рациональным выбором той профессии, которая бы в равной степени смогла бы реализовать как свои личные, так и общественные потребности и интересы. Отношение и заинтересованность к будущей профессии не является личным делом самого учащегося, эта проблема имеет социальные, экономические, психологические корни, соответственно и решать ее надо с учетом всех этих факторов.

Учитывая такие низкие показатели профессиональной социализации, видится необходимость в повышении роли формальных структур, владеющие информацией о перспективах развития современного российского государства, в области профессионального самоопределения молодежи, а также активизировать сам процесс профессиональной социализации студенчества в области повышения навыков самообразования и развитие потребности в профессиональном саморазвитии. Также принимая во внимание, какой существенный вклад вносят производственные предприятия в профессио-

нальное становление студенческой молодежи, необходимо повысить уровень сотрудничества учебных организаций с потенциальными работодателями в разработке программ проведения практик будущих специалистов. Необходимо усилить работу с подрастающим поколением в вопросе выработки личностных рациональных профессиональных предпочтений, понимания содержания выбранной специальности и видение себя в будущем профессиональном сообществе. Таким образом, наиглавнейшей целью высшего учебного заведения должно стать комплексное воздействие на процесс профессионального становления студенческой молодежи включающая в себя сочетание организационных, материальных, воспитательных, психологических мер, направленных на формирование и развитие позитивных стимулов к овладению профессией.

Основной целью процесса профессиональной социализации молодежи видится в усвоение системы ценностей и нормативов поведения профессионального сообщества, реализуемых в своей будущей трудовой деятельности, с постоянным повышением уровня квалификации. Таким образом, интегрированные нормы функционирования профессионального сообщества и становятся затем структурными элементами внутреннего мира молодого специалиста. Профессиональная социализация, помимо выбора карьеры и возможности практической реализации своих усилий, это также саморазвитие специалиста как профессионала. Проходя обучение в высших учебных заведениях, студенческая молодежь вырабатывает необходимые для профессиональной деятельности компетентности, усваивает нормы профессиональной субкультуры, развивает адаптационные возможности. Успешное трудоустройство молодых специалистов находится в прямой зависимости от возможности приобретения собственного профессионального опыта в образовательной среде ВУЗ-а, а также от более качественной организации учебного процесса в сопровождении профессионального самоопределения выпускников. Непрерывающийся рост конкуренции образо-

вательных услуг повышает социализирующую направленность высших профессиональных заведений. Актуальными направлениями профессиональной социализации должны стать, в первую очередь, осознанный выбор студентами будущей сферы своего профессионального применения, во вторых, это изменение образовательного процесса на базе интегрированной многоуровневой системы образования, в третьих, это привидение учебных программ подготовки квалифицированных специалистов в соответствии с требованиями потенциальных работодателей.

Литература

1. Абасов, З. А. Проектирование студентами педвуза профессиональной стратегии / З. А. Абасов // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 105 – 110.
2. Бодров В.А. Диагностика и прогнозирование профессиональной мотивации в процессе психологического отбора // Психологический журнал. 2003. № 1, С.73-81.
3. Ирба О.С. Компетентностный подход как условие профессиональной социализации личности студентов-психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Курск, 2009, 28 с.
4. Ильмушкин Г.М., Михайлов А.В. Анализ проблемы подготовки специалистов рабочих профессий / Фундаментальные исследования. 2007 №3. С. 11-14.
5. Каргопольцева Н.А. Социализация и воспитание студентов вуза / Вестн. ОГУ. 2002. № 2. С. 80-85.
6. Макарова С.Н. Успешная профессиональная социализация: основные подходы к исследованию. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/095/145.pdf> (дата обращения 18.02.2019).
7. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства / Н.С. Пряжников, Е.Ю. Пряжникова. - М., 2001. С.330- 332.
8. Российская молодежь: образование и наука / Н.В. Бондаренко, Ю.Л. Войнилов, Г.С. Волкова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2017. – 72 с.

Пути вовлечения несовершеннолетних «группы риска» в социализирующие технологии

Бедулева М.А.

В статье рассматривается опыт социализации подростков «группы риска», пути вовлечения в различные социализирующие технологии. Делается вывод о значении использования низкопороговых технологий социализации несовершеннолетних.

Ключевые слова: подросток «группы риска», межведомственное взаимодействие, низкопороговые технологии социализации, интеграция в социализирующую деятельность

Beduleva M.A.

Ways of involving at-risk juveniles in socializing technologies

The article discusses the experience of teenagers' socialization at "groups of risk" ways of involving into different socializing technologies. The conclusion of the article is made about the importance of using low-threshold technologies for the socialization of underages.

Key words: «groups of risk», interagency cooperation, low threshold technologies of socialization, integration into socializing activities

Актуальность. Среди специалистов системы профилактики ведется постоянный поиск практик и технологий, позволяющих достичь положительного социализирующего результата в работе с подростками. Статья направлена на изучение практики вовлечения несовершеннолетних подростков «группы риска» в различные виды социализирующей деятельности, в том числе в спорт.

Цель статьи: обосновать тезис о целесообразности использования низкопороговых форм деятельности как наиболее приемлемых для социализации несовершеннолетних. Обобщить практику работы с подростками, состоящими на учете в органах внутренних дел по вовлечению их в социализирующую деятельность. Определить конкретные виды деятельности, наиболее оптимальные для социализации несовершеннолетних по результатам мониторинга проведенной работы.

Результаты исследования. На основании мониторинга работы, проведенной с 980 несовершеннолетними, состоящими на учете в органах внутренних дел не подтверждена первоначальная установка на готовность вовлечься в спорт преобладающего числа несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел. Результаты проведенной работы показали, что наиболее эффективно происходит интеграция несовершеннолетних в низкопороговые формы социализирующей деятельности: привлечение к участию в объединениях детско-подростковых клубов, массовых досуговых мероприятиях, трудоустройство.

Социализация несовершеннолетних граждан, склонных к девиантным поступкам, является актуальной задачей.

В литературе можно выделить различные подходы к осмыслению работы с «трудными»

подростками. В работах М.А. Алемаскина [1, с. 27-35], Г. Бочкаревой [2, с. 20-24], Д.И. Фельдштейна [3, с.48-60], В.И. Абраменко и А. И. Селецкого [4, с. 25-47] выделяются основания для классификации подростков с девиантным поведением. Разнообразие оснований таких классификаций дает понимание сложности и необходимости учета различных факторов при работе с несовершеннолетними.

В работах В.Г. Тюлькевича [5, с.25-47], А.В. Олейникова [6, с.9-12], И.К. Дидарова [7, с.6-10] рассматриваются конкретные аспекты вовлечения в спорт, выделяются большие возможности спорта в вопросах формирования воспитания физических качеств этой категории подростков. Формы и оценка эффективности межведомственного взаимодействия отражены в работах Ю.Ю. Байгалиевой [8, с.221-224], М.Л. Сорокова [9, с.], Н.Е. Давыдовой [10, с.3-6]

В полномочия различных организаций входит деятельность по социализации подростков. Это делает востребованным поиск конкретных программ, позволяющих улучшить социальное самочувствие несовершеннолетнего. К числу таких программ относятся программы по вовлечению несовершеннолетних ребят категории «группы риска» в занятия спортом.

Вовлечение в спортивную деятельность оказывает позитивное воздействие на развивающийся молодой организм путем формирования таких качеств как выносливость, настойчивость, организованность, целеустремленность и др. В совокупности развитие таких качеств молодого человека может скорректировать его ценностные ориентации, определить формирование позитивных жизненных задач. В этой связи у организаций, которые занимаются ресоциализацией несовершеннолетних, вовлечение в спортивную деятельность, рассматривается как одно из приоритетных направлений деятельности.

Процесс вовлечения несовершеннолетнего «группы риска» в занятия спортом имеет свои сложности. В статье мы хотим остановиться на особенностях и трудностях, с которыми можно столкнуться при проведении этой работы.

Специалисты органов, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, возлагают большие надежды на проведение профилактической работы путем вовлечения в спортивную деятель-

ность. К числу таких органов, в частности относятся органы внутренних дел, территориальные комиссии по делам несовершеннолетних, органы по делам молодежи, органы образования. Именно эти органы более озабочены оптимизацией ситуации в сфере профилактики преступности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Нередко процесс вовлечения несовершеннолетних в спортивную деятельность воспринимается несколько упрощенно, что в действительности таковым не является.

Представляет интерес рассмотрение конкретной практики по привлечению подростков для занятий в спортивных кружках и секциях. Практику вовлечения несовершеннолетних подростков «группы риска» в спортивную деятельность мы хотели рассмотреть на опыте, который имел место в Свердловской области.

Исходным организационным моментом был опыт взаимодействия органов внутренних дел и органов управления в сфере спорта и молодежной политики Свердловской области. Сложившиеся отношения и взаимная ответственность в решении вопросов профилактики явились организационной основой для проведения совместной работы.

Проведение мероприятий по привлечению молодежи в спортивно-оздоровительную деятельность в целях профилактики, закреплены нормативными - правовыми актами, в первую очередь, Федеральным законом от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», что мотивирует специалистов на поиск путей оптимизации этой деятельности.

Органы внутренних дел направили данные о несовершеннолетних, состоящих на учете, в органы по делам молодежи и спорта. На основе данных в муниципальные образования были направлены письма с рекомендацией о принятии мер по вовлечению несовершеннолетних в занятия спортом и содержательным досугом. В письмах указывалось количество несовершеннолетних, проживающих в муниципальном образовании, в отношении которых нужно провести указанную работу. Необходимо отметить, что в целях выполнения нормы по запрещению афиширования персональных данных, информация передавалась только специалистам, уполномоченным к этой работе. Поручения по конк-

Таблица 1
Структура видов деятельности, в которые были вовлечены несовершеннолетние

	Направления по вовлечению	Доля вовлеченных в разные виды деятельности
1.	Спорт	18,7
2.	Клубы	40,5
3.	Трудоустройство	18,7
4.	Индивидуальная работа	4,5
5.	Мероприятия	13,9
6.	Кружки при учреждениях культуры	2,6
7.	Творческие объединения при школах	3,6
		100%

рентным несовершеннолетним, проживающим в муниципальном образовании, направленные из вышестоящей инстанции, воспринимаются с большей ответственностью.

Интересно, что при направлении данных о подростках органами внутренних дел изначально указывалось на 100% готовность несовершеннолетних заниматься спортом, поэтому установка при организации работы с несовершеннолетними была на вовлечение их в занятия спортом.

Полученная информация в каждом муниципальном образовании была принята к исполнению. По результатам работы из 3198 граждан, состоящих на учете в органах внутренних дел, было вовлечено 980 несовершеннолетних, что составило 30,7%. Структура видов деятельности, в которые были вовлечены несовершеннолетние, представлена в таблице 1.

Итоги работы показали, что первоначальная установка на стопроцентное вовлечение несовершеннолетних в занятия спортом не подтвердилась. Из общего числа несовершеннолетних, которых удалось вовлечь в социализирующую деятельность, только 18% стали участниками спортивных кружков или секций. Среди причин такой слабой вовлеченности: неготовность заниматься спортом на регулярной основе, слабая привычка к труду, низкая организованность и дисциплинированность. Более предпочтительными для несовершеннолетних оказались виды деятельности, которые предполагают свободное времяпрепровождение, а также предусматривают возможность хорошей коммуникации. Под такие требования подходит занятость в подростковых клубах (40,5%) кружках в школах (3,6%) и в учреждениях культуры (2,6%).

Еще одно направление оказалось востребованным в работе с подростками - это трудовая занятость. Привлекательность трудоустройства для несовершеннолетних связана с возможностью заработать денежные средства, а также возможностью общаться с ребятами в трудовых отрядах.

При организации летней оздоровительной кампании используются различные технологии работы с несовершеннолетними. Это организация летних трудовых лагерей на базе подростковых клубов. В программу таких трудовых лагерей обязательно включаются культурно-массовые и спортивные мероприятия, формируется детско-подростковый коллектив и внутриклубные традиции. Интеграция в работу детско-подросткового коллектива позволяет несовершеннолетнему легче усваивать новые нормы и правила, подтягиваться под других ребят. Коллективный труд обязывает быть ответственным и дисциплинированным. Нельзя сказать, что социализация в этом случае проходит очень легко, но можно говорить о существенной коррекции и усвоении позитивных ценностей за счет вхождения в детско-подростковый коллектив.

Еще одна форма работы оказалась востребованной для контингента несовершеннолетних «группы риска» - это участие в культурно-массовых мероприятиях (13,9%). Мероприятия в силу их разнообразия создают возможность разнопланового вовлечения подростков. Это может быть участие в качестве зрителя, в качестве участника, гостя. Участие в таких мероприятиях создает возможности для общения и встреч с друзьями, появления новых знакомств. В тоже время при участии в культурно-массовых мероприятиях каких-либо сложных требований перед несовершеннолетними не ставит-

Таблица 2
Причины не вовлеченности несовершеннолетних в социализирующую деятельность

№	Причины не вовлеченности	%
1.	Нет спортивных организаций и клубов в муниципальном образовании	11,7
2.	Семья не уделяет внимание	13,4
3.	Нет желания и интересов	21,7
4.	Не интересны кружки дополнительного образования	30,0
5.	Не принимается режим постоянных тренировок	16,5
6.	Другие интересы	6,7

ся. Мероприятия, могут стать начальной стадией для последующего привлечения к более содержательной деятельности.

Индивидуальной коррекционной работой охвачено 4,5% несовершеннолетних указанной категории. Индивидуальная работа связана с возможностью предоставления психолого-педагогических услуг, тестирования, проведения индивидуальных и групповых бесед, работы с родителями. Эта высокопрофессиональная деятельность может осуществляться только при наличии соответствующих организаций. К сожалению, в силу ограниченности таких социально-психологических служб для молодежи возможностью получения подобных услуг незначительна.

Данные, представленные в таблице, показывают, что 73,15% направлений и форм деятельности, куда фактически были привлечены подростки, - это, так называемые, низкопороговые виды деятельности. К этим видам деятельности мы относим: участие в клубной жизни, трудоустройство, участие в мероприятиях. Это является важным выводом, существенно корректирующим первоначальные установки о массовом вовлечении несовершеннолетних подростков «группы риска» в занятия спортом. На практике, привлечение несовершеннолетнего в различные виды низкопороговых мероприятий оказывается более доступной и результативной профилактической мерой.

В рассмотрении вопроса об организации работы с категорией «группы риска» существенную роль играет организационный фактор, а именно, желание и настойчивость организаторов этой работы использовать различные методы привлечения подростка и сохранения его интереса к конкретному виду занятости. Зачастую именно последовательность и разнообра-

зие форм привлечения несовершеннолетнего играет ключевую роль в формировании интереса подростка к конкретному виду деятельности.

Из общего числа несовершеннолетних, состоящих на учете, оказались вовлечены в различные формы социализирующей деятельности 30,2 % молодых граждан. Остальных несовершеннолетних граждан 69,8% не удалось привлечь в предлагаемые формы работы. В оценках организаторов, проводивших эту работу, отмечены следующие причины не вовлеченности несовершеннолетних (таблица 2).

По мнению одного из организаторов: «Несовершеннолетних, которые уже привыкли к свободному времяпровождению, сложно привлечь в кружки и секции, они идут с неохотой, посещают нерегулярно».

В ответах четко просматривается нежелание несовершеннолетних обременять себя организованными формами работы, требующими систематической занятости, трудоспособности, устойчивых интересов. Именно эти качества оказываются слабо сформированными у подростков.

Подводя итоги проведенной работы, попробуем сформулировать основные выводы:

1. При работе с несовершеннолетними, состоящими на учете в органах внутренних дел, установка на возможность вовлечения в спорт всех несовершеннолетних оказалась не подтвержденной. Только 18% оказались способны вовлечься в спортивную деятельность.

2. Среди наиболее предпочтительных вариантов вовлечения несовершеннолетних оказываются низкопороговые формы занятости, не требующие серьезной и регулярной деятельности, а предполагающие свободное участие в сочетании с приятным общением и знаком-

ством.

3. Успешность работы по вовлечению зависит во многом от методического разнообразия форм организации, предлагаемых несовершеннолетним. Разнообразия не только в предлагаемых различных видах учреждений, но и разнообразия организационных форм и приемов вовлечения, привлекательных для несовершеннолетних.

4. Муниципальные образования, где предлагаемая инфраструктура более разнообразна: имеются спортивные клубы, объединения подростково-молодежных клубов, трудовые отряды, молодежные биржи труда, имеют большие возможности интересных предложений несовершеннолетним гражданам, чем те территориальные образования, где такая инфраструктура не создана.

Литература

1. Алемаскин М.А., Потанин Г.М., Науч. ред.: Анисов М.И. Методика предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Учебное пособие. – М.: Изд-во МОПИ им. Н.К. Крупской, 1987. – 87 с.

2. Бочкарева Г.Г. Психологические особенности трудновоспитуемых школьников. – М.: 2001.

3. Фельдштейн Д.И. Трудный подросток. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2008, -206 с.

4. Абраменко В.И., Селецкий А.И. Психолого-физиологическая типология трудных школьников и несовершеннолетних правонарушителей. – М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности. – 1973. – 42 с.

5. Тюлькевич В.Г. Физкультурно – спортивная деятельность прикладной направленности в решении задач социальной адаптации подростков с девиантным поведением : автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.04 / Тюлькевич В.Г.: Дальневосточ. гос.акад. физ. культуры. – Хабаровск, 2004. – 25 с.

6. Олейников А.В. Роль физической культуры в работе с трудными подростками в условиях ФГОС <https://nsportal.ru/shkola/fizkultura-i-sport/library/2018/04/07/rol-fizicheskoy-kultury-v-rabote-s-trudnymi-podrostkami>;

7. Дидарова И.К. Методика занятий физической культурой с трудными подростками в условиях социально – реабилитационного центра: автореф...канд.пед.наук: 13.00.04 /Дидарова И.К. – Волгоград, 2010. –24 с.

8. Байгалиева Ю.Ю. Эффективность межведомственного взаимодействия школ и субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности, преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних //Педагогическое мастерство: Материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015г.). – М.: Буки-Веди, 2015. – С.221-224.

9. Сороков М.Л.. Система межведомственного взаимодействия в профилактике девиантного поведения: учебно-методическое пособие / М. Л. Сороков; Томский государственный педагогический университет (ТГПУ). – 2-е изд., доп. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2018. – 203 с.

10. Давыдова Н.Е. О результатах межведомственного взаимодействия по повышению реабилитационного потенциала семьи, находящейся в группе риска/ nsportal.ru/shkola/mezhdistiplinarnoe-obobshchenie/library/2018/11/06/o-rezultatah-mezhvedomstvennogo;

Взаимоотношение религии и государства в условиях модернизации

Габеева А.Р.

Модернизационные процессы, протекающие в современной России, накладывают свой отпечаток на все сферы общественной жизни, внося в них коррективы. Трансформация, происходящая в современном российском обществе, связана с изменением его институтов. Оно подверглось серьезным переменам в период реформации, не оставив без изменения и институт религии, что обуславливает необходимость исследования особенностей его религиозных трансформационных процессов.

Ключевые слова: Модернизация, трансформация, религиозный модернизм, клерикальная модель, секуляризационная модель, стабильность, бюрократия, контрмодернизм, конфессия, социокультурная среда, постиндустриализм.

Gabueva A. R.

The relationship of religion and state in the conditions of modernization. Modernization processes that take place in modern Russia leave their imprint on all spheres of public life, making adjustments to them. The transformation taking place in modern Russian society is associated with a change in its institutions. It underwent major changes in the period of the Reformation, leaving the institution of religion unchanged, which necessitates a study of the features of its religious transformational processes.

Key words: Modernization, transformation, religious modernism, clerical model, secularization model, stability, bureaucracy, counter-modernism, confession, socio-cultural environment, post-industrialism.

Для изучения и анализа религиозных трансформаций выделяют два подхода: *религиоведческий, изучающий* эндогенные факторы эволюции религии, и изменения в ее тезисах, ритуалах, организационной и ранговой структурах. Модернизация при этом может привести к появлению расколов и конфликтов.

Социологический подход выявляет значение и положение религии в составе модернизируемого общества. Применение данного подхода позволяет перешагнуть за узкорелигиозный характер. Религия трактуется как специфический социальный феномен, выполняющий определенные, возложенные на нее обществом функции, неизменные по отношению к конфессиям.

Для осмысления трансформационных процессов в обществе необходимо рассмотреть концепцию религиозного модернизма. По сути он рассматривается с конфессиональной позиции в зависимости от исследуемой религии (католический модернизм, протестанский модернизм и др.) При изучении модернизационных процессов следует различать такие понятия, как «религиозный модернизм» и «модернизация религии».

Модернизация религии понимается как процессы, происходящие в рамках самой религии. *Религиозный модернизм* представляет собой процессы, связанные с социальной модернизацией общества, протекающие в социально-религиозной сфере. При изучении роли религии в социальной сфере общества необходимо затронуть вопросы трансформации взаимоотношения государства и религии, общества и религии и религии с социальной модернизацией.

В рамках данной статьи нас интересует вопрос взаимоотношений государства и религии. Трансформация их взаимоотношений в нашей стране обусловлена такими процессами, как: переход российского общества в постиндустриальную эпоху; преобразование социально-экономического и социально-политического устройства страны.

Россия, пережив в конце XX столетия смену социально-политического строя, пришла к ломке устаревшей системы ценностей, норм и установок. Перемены не обошли стороной и религиозную жизнь страны. Чередой перемен наблюдается и в моделях взаимодействия церкви с обществом и в государственно-церковных отношениях.

Интерес к православным обрядам и канонам стал возрождаться в России в 70-х гг. прошлого века. В целом в развитии российского общества новый религиозный этап начался в период перестройки.

После распада СССР, по результатам анализа работы Д. Льюиса, опубликованного в его труде «После эпохи атеизма», сформировались следующие модели взаимоотношений государства и религии: *клерикальная, реставрационная и секуляризационная*.

Клерикальная модель взаимосвязи между государством и церковью построена по западноевропейскому сценарию. Страны с такой моделью поэтапно упрощают принцип отделения церкви от государства. В некоторых из них заключаются определенные соглашения с Ватиканом, что дает церкви привилегированное положение по сравнению с религиозными меньшинствами страны.

Реставрационная модель стремится к восстановлению мощи религии, которая была ей характерна до социалистических преобразований. В странах с такой моделью (Балканы и Грузия) особыми привилегиями обладает церковь большинства, а в некоторых странах даже специально упоминается в конституциях.

В странах с секуляризационной моделью основным принципом являются безусловное отделение церкви от государства на законодательном уровне и отсутствие всякой финансовой помощи религиозным институтам со стороны государственных властей. Законодательство гарантирует равноправие всех религиозных организаций перед законом. Данная модель характеризует государственно-церковные отношения Молдавии, Украины и Белоруссии.

Новое постсоветское законодательство, направленное на уничтожение старых устоев, оставило нерешенными серьезные проблемы государственно-церковных отношений.

До недавних времен Россия также относилась к странам последнего типа. В первые годы после развала Советского Союза наша страна продолжала его политику относительно религии. Но при-

нятие в 1990-е годы закона о свободе совести уже через пару лет привело к серьезным конфликтам между представителями противоположных точек зрения на проблемы взаимоотношений между государством и религиозными институтами. Это послужило поводом к дополнению вышеупомянутого закона, который позволил сделать вывод об эволюции государственно-религиозных отношений по клерикальной модели.

Дискриминация «нетрадиционных» религиозных общностей со стороны органов государственной власти и православной церкви становится распространенным явлением. Доказательством этому может служить то, что 20 апреля 2017 года деятельность религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его региональные отделения была признана Верховным судом Российской Федерации экстремистской и запрещена на всей территории Российского государства. Вслед за этим решением в августе того же года министерство юстиций внесло их в список запрещенных в России организаций.

Стабильность и прочность контакта религии с любым другим социальным институтом обеспечиваются, если государственная политика и идеология связаны с пропагандой соответствующих культурных ориентиров.

Зная, что необходимым элементом для распространения и утверждения своей доктрины является контроль за главными силами социального организма и в особенности - государственной бюрократии, Русская православная церковь ведет непримиримую борьбу за духовную монополию и власть над социальным и географическим пространством нашей страны.

Неорганизованная реализация такой политики, расширяющая поле вмешательства церкви в жизнь общества и отдельного человека, привела к тому, что религиозные институты и их лидеры стали проявлять притязания к политической власти, материальным благам и религиозной монополии Российской Федерации. Несмотря на то, что это уже привело к частичной клерикализации общества, власть не видит в этом угрозу.

Сегодня сложно понять, где начинается конфессиональная жизнь, а где заканчивается государственная.

«Религиозный ренессанс» в России поспособствовал росту не столько патриотизма и национального самосознания, сколько агрессив-

ного национализма и религиозного экстремизма. Вспомним события 1999 года на Кавказе, когда под эгидой ислама ненавистники целостной и сильной российской государственности предприняли попытку отделения Дагестана и утверждения здесь шариатского государства.) Подавление нетрадиционных направлений ислама с применением силы, привело к нарушениям властью Конституции России, которая гласит о равноправии государства к любым религиозным организациям и движениям на территории страны, если их деятельность не нарушает законы Российской Федерации.

Государство должно взять под свой контроль деятельность религиозных институтов и предпринимать особые меры, если их деятельность носит националистические взгляды или находится на пути разжигания межконфессиональной или национальной вражды и ненависти, негативно влияя на человека и подрывая основы государственной целостности. Государство обязано проявлять интерес к религии, и уметь проводить параллели между конфессиями и их организациями.

Россия нуждается в новой модели государственно-конфессиональных отношений, которая должна быть ориентирована на конкретное закрепление в законодательстве как на федеральном, так и на региональном уровне конституционных основ, регулирующих взаимоотношения между государством и религиозными институтами. Подобная модель должна быть призвана установить правовые границы сплочения власти и религии.

В целом, можно говорить о стабильности социально-политической и социально-экономической обстановки в стране. Наблюдается становление информационного общества, или, иными словами, общества постмодернизма. Конфессии приспосабливаются к новой социокультурной среде.

Итак, проведенный нами анализ дает основание утверждать, что основным обстоятельством, обуславливающим модернизационные процессы религии в социокультурной системе общества, является скачок к постиндустриализму. Этот процесс в России сопровождается религиозным возрождением, вызванным становлением клерикальной модели во взаимоотношениях православной церкви с государством. Вместе с тем позиция традиционализма, или контрмодернизма, занимаемая официальной

церковью, не соответствует общему направлению религиозного модернизма.

Литература

1. Абдулагатов З.М. Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом. //Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 1.
2. Дзуцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: РОССПЭН, 2012. — 734 с.
3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. // Сост. и общ. ред. Красникова А.Н. М.: Наука, 1998.
4. Кокс Х. Мирской Град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Слово, 1995.
5. Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г., Кофанова Е.Н. (2016). Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России. // Россия реформирующаяся. Ежегодный выпуск. С. 468-493.
6. Мчедлова М.М. (2016). Религия, общество, государство: вызовы и угрозы современности. // Социологические исследования. №10. С. 110-118.
7. Рыжов Ю. В. Христианство на переломе времен: между традицией и модерном (материалы третьей научной конференции преподавателей и студентов 14-15 марта 2002). Новосибирск, Новый сибирский университет, 2002.
8. Степанова Е.А. «Наш Христос — не ваш Христос»: проблема индивидуальной интерпретации священного текста. // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 50-60.
9. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире. // Очерки естественных наук древности. М.: Мысль, 1982.
10. Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт за пределами: психотехника и трансперсональные состояния. С.-Пб.: Издательский дом Гуттенберга. 1997.
11. Форвард М. Религия. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
12. Фромм Э. Психоанализ и религия; Искусство любить; Иметь или Быть? Киев: Астрель. 1998.
13. Яницкий О.Н. (2016). Критические состояния среды жизни и способы адаптации к ним. / Россия реформирующаяся. Ежегодный выпуск. С. 50-79.

Коррупция как негативный фактор имиджа России на международном уровне

Дзугев Х.В., Безвербный В.А.

В конце декабря 2017 г. до первой половины января 2018 г. Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук и кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова было проведено исследование на тему: «Общественное мнение о коррумпированных чиновниках в Российской Федерации: социологический анализ». Всего были опрошены 75 экспертов: представители крупного, среднего и малого бизнеса, ученые, журналисты, представители политических партий и движений, юристы и жители города, а также бывшие чиновники.

Ключевые слова: американское общество, истеблишмент, государство, коррупционные сделки, бюрократия, экономическая преступность, теневая экономика, кризис, либерализация торговли, нравственные издержки, моральный уровень, политические партии, рыночная экономика, силовые структуры, либерализация экономики.

Dzutsev H.V., Bezverbny V.A.

Corruption as a negative factor in Russia's image at the international level

At the end of December 2017 until the first half of January 2018, the North Ossetian Department of social research of the Institute of socio-political studies of the Russian Academy of Sciences and the Department of sociology of the North Ossetian state University. K. L. Khetagurov, a study was conducted on the theme: "Public opinion about corrupt officials in the Russian Federation: sociological analysis." In total, 75 experts were interviewed: representatives of large, medium and small businesses, scientists, journalists, representatives of political parties and movements, lawyers and residents of the city, as well as former officials.

Key words: the Americans society, the creation of the state, corruption deals, bureaucracy, economic, Presto, ten economy, crisis, trade liberalization, the Raven costs, the level of moral, political parties, ranch Economics, sale structure, liberalization of the economy.

Много фактов, когда различные правовые международные организации предъявляют претензии при заключении экономических договоров с теми или иными государствами, у них бывают требования, чтобы РФ решила внутренние проблемы, связанные с коррупционным фоном. Это сильно подрывает имидж страны в лице общества, в том числе международного. Абсолютное большинство (62,3%) согласны с тезисом о том, что коррупция деформирует международную экономическую, политическую конкуренцию и достигнутые в современном мире консенсусные договоренности. Но есть и те, кто не согласен с данным мнением, но они не набирают легитимной цифры (18,2%), 15,2% опрошенных не задумывались об этом, 4,0% затруднились с ответом.

Наши эксперты высказались по данному вопросу следующим образом:

- созданные коррупционным путем богатства, естественно, деформируют мировую экономику, и мы видим, что с этим богатством разворачивается борьба (санкции со стороны Запада);
- коррупция является не менее серьезной проблемой и для других государств, она используется как формальный повод для активизации борьбы против России; · если бы РФ воспринималась исключительно как коррумпированное государство, не было бы никаких совместных предприятий, инвест-проектов в различных регионах. Понятно, что перед тем как иностранный бизнес хочет поработать в России, в отдельно взятой области, все вопросы инвестирования изучаются крайне дотошно, и после этого принимается решение. По большому счету, иностранному бизнесмену нужны гарантии сохранности нового имущества, в создание которого он намерен вложиться — если такие гарантии есть, тона коррупционники внимание не обращают;

Таблица 1

Как Вы думаете, является ли коррупция серьезной проблемой для РФ на международном уровне? в %

Да, коррупция деформирует международную экономическую, политическую конкуренцию и достигнутые в современном мире консенсусные договоренности	62,6
Нет, коррупция не влияет на имидж РФ на международном уровне	18,2
Не задумывался (ась) об этом	15,2
Затрудняюсь ответить	4,0

Таблица 2

Как Вы считаете, связана ли коррупция с государственным чиновничеством и организованной преступностью? в %

Да	63,6
Нет	9,1
Не задумывался (ась) об этом	9,1
Затрудняюсь ответить	18,2

· коррупция не является серьезной проблемой для РФ на международном уровне, так как все элиты во всех государствах пользуются коррупционными схемами в разных формах. Коррупция – это самый легкий способ сформировать отрицательное/негативное/агрессивное общественное мнение против государственной власти в РФ, чем и пользуются СМИ и политики недружественных западных государств по отношению к ней;

· коррупция – внутреннее дело, но она сильно негативно влияет на развитие нашей экономики, в том числе на ее конкурентоспособность в мировом масштабе. А нашим зарубежным недругам ее удобно использовать и в политических целях;

· коррупция есть во всех странах, где существует государственный бюджет. Только в условиях, когда средний класс составляет не менее 60-65%, бытовая коррупция сводится к минимуму по причине ее бессмысленности относительно высокого дохода работника, включая бюрократа. Кстати, в Германии есть практика доплаты населением бюрократам за срочность работы, по-моему, не более 15 евро за одну услугу. Например, у бюрократа норма: ежедневно оформлять не менее 20 справок (или иных документов) за официальный оклад. У него есть, скажем, 60 заявок на выдачу документа, т.е. работа на 3 дня. Кто-то приходит и говорит: «Я 61-я, т.е. получу документ на 4-й день, но мне надо бы сейчас, т.к. я уезжаю завтра за границу». Бюрократ отвечает: «Пожалуйста, справка будет готова через 10 минут, за интенсивность труда внесите в кассу 10 евро» (видимо, он с этого получает доплату к

окладу, и это не считается взяткой). В развитых странах взятки «ушли» на уровень корпораций (военные заказы, крупные научные проекты и т.д.), и речь идет о миллионах долларов «в одни руки» или в виде акций (например, о том как семья Буш получала дешевый доступ на Ближнем Востоке к нефтяным акциям).

Факт экономического существования субъектов Российской Федерации обеспечивается через коррупционные сделки чиновников региона с госаппаратом центра. Мы в свое время писали, что курортный комплекс «Мамисон»¹ для зимних видов спорта – это прежде всего план с целью «откачки» из центрального бюджета денег с последующим «распилком». Деньги центром были направлены, но никто и не думал ничего строить. В итоге на местах чиновники имели не только сферы дохода, но и приобрели политическую безопасность в лице чиновников из центра. Как показывают материалы нашего экспертного опроса, 63,6% считают, что коррупция связана с государственным чиновничеством и организованной преступностью. Не согласны с этим и не задумывались об этом 9,1% экспертов соответственно. Затруднились с ответом 18,2%.

Вот что по этому поводу думают наши эксперты:

· в какой-то мере согласна с высказыванием, но очень много и честных государственных служащих;

· коррупция большей частью связана с государственным чиновничеством именно в той сфере, где идет управление имуществом, активами, сосредоточением и распределением финансовых средств и материальных ценностей.

Таблица 3

Как Вы считаете, практикуется ли в республике, стране скрытое финансирование государственными предприятиями и бизнесом политических партий с целью уклонения от налогов? в %

Да	20,2
Нет	35,3
Не задумывался (ась) об этом	9,2
Затрудняюсь ответить	35,3

Таблица 4

Как Вы считаете, коррупция – это ответ на все возрастающие масштабы коррупционной практики и теневой преступности в начале XX в. в РФ? в %

Да	45,5
Нет	45,5
Затрудняюсь ответить	9,0

Если говорить об организованной экономической преступности, то вполне логично предполагать ее связь с определенной категорией чиновников. Но возникает вопрос: как доказать такую связь, к примеру, в рамках возбужденного уголовного дела? В прессе и Интернете мало информации о разоблачениях ОПГ, связанных с чиновничеством, о получении ими и их пособниками реальных сроков;

- коррупция в России связывает государственных чиновников с организованными преступными группами, и эта связь носит функциональный характер. В частности, криминогенное общение функционально связано с «грязными» предвыборными технологиями, коррупционными отношениями, мошенничеством, незаконной кадровой политикой ит.п.;

- коррупция по определению относится только к чиновничеству!;
- на всех уровнях чиновники стараются получить большой «кусочек» от распределяемого ими государственного ресурса, а большие деньги можно делать только через организованную преступность, «коллеги» не дадут «уплыть» большим деньгам без их участия (т.е. получения своей доли), так что это всегда групповой процесс. Мелкие деньги – это только взятка;

- безусловно, истоки коррупции лежат в деятельности чиновников.

Скрытое финансирование политических партий в РФ пока не функционирует: данное явление характерно больше для западных стран. Материалы опроса красноречиво характеризуют это явление. Так, всего 20,0% опрошенных согласны с тем, что в стране имеет место скрытое финансирование государственными предприятиями и бизнесом политических партий с целью уклонения от налогов. 35,3% не счита-

ют, что это так, столько же экспертов затруднились ответить на вопрос.

Мнения экспертов:

- скрытое финансирование политических партий вряд ли осуществляется. В этом нет необходимости, поскольку государственные предприятия и бизнес самостоятельны;
- есть разработанные, и, к сожалению, для бюджета, эффективные методы ухода от налогов, и вряд ли скрытое финансирование политических партий следует рассматривать как один из таких способов;
- в России существует скрытое финансирование бизнесом политических партий, но не с целью уклонения от налогов, а с целью реализации экономических интересов бизнеса, которые во многом зависят от поддержки политических структур. Поэтому для обеспечения такой поддержки бизнес финансирует политические партии. Уход от налогов – это не самая главная проблема бизнеса в России;

- если что-то и есть, то это не связано с уклонением от налогов, т.к. партии не имеют доступа к фискальной системе, она завязана на силовиках (в основном – экономическая безопасность). Партии косвенно получают средства от бизнеса за лоббирование на рынке, продвижение наногопродукции конкретного предприятия;

- это иллюзия, власть не заинтересована в борьбе с коррупцией.

Сформированная противозаконность, характерная макроэкономика и коррумпированность взаимосвязаны и неразделимы. И как показывают материалы данного опроса, коррупция существует в мире давно. Но «бум» пришелся на 1990-е гг. И сейчас, в новейшей России, она набирает обороты, о чем свидетельствуют ответы экспертов в табл. 4.

Таблица 5
Является ли коррупция итогом социально-экономического кризиса в РФ? в %

Да	27,4
Нет	54,5
Затрудняюсь ответить	18,1

Достаточно интересными являются комментарии экспертов по данной проблеме:

- поскольку власть и бизнес слиты воедино, коррупция не может не порождать саму себя, с ней некому бороться, общество недостаточно развито;

- нынешнее состояние коррупционной практики « это в первую очередь ответ на преступные события конца 1990 – начала 2000-х гг.

- в начале 1990-х гг. хотели стимулировать рост предпринимательской активности посредством лозунга: «Разрешено все то, что не запрещено», а затем постепенно через законодательство устанавливали организационно-правовые регуляторы, вплоть до ограничений и запретов. Примером тому является та же система лицензирования, причем по широкому перечню сфер деятельности, когда по воле отдельно взятого чиновника порой выдавались различные разрешения. Перед бизнес-сообществом возникла дилемма: или отдать деньги чиновнику за нужный документ, или же уходить в тень. Выбор – ограниченный, к тому же чаще всего стимулирующий уход в теневой сектор;

- коррупция « это не ответ на все возрастающие масштабы коррупционной практики и теневой преступности в начале XX в. в РФ. Это способ выживания чиновников, получивших власть, т.к. все они чувствуют себя временщиками. Это способ обогащения за счет своей должности. Коррупция « это следствие закрытости всех ветвей власти от народа, механизм сплоченности социального слоя, экономически и политически сросшегося с властью;

- это закономерная часть распределительных отношений в условиях монополии госбюджета (как говорили в СССР, «*все вокруг колхозное, все вокруг мое...*») и вытекает из структуры российской экономики, по сути « монопромышленной (добыча). Пока есть общегосударственный (общенародный), или, иными словами, «*ничейный*» бюджет, все считают правомерным «*зачерпнуть*», а так как «*работает*» с бюджетом бюрократия, она и считает, что «*черпать*» « это плата за ее работу «*представлять интересы государства*»;

- существование коррупции в РФ « это слабость государственного аппарата.

Как видно из табл. 5, развитие коррупции в РФ является итогом социально-экономического кризиса, хотя и набирает легитимную цифру (27,4%), но не согласны с данным вопросом 54,5%.

Наши эксперты связывают коррупцию не с кризисом, а с неумными запросами госчиновников:

- коррупционный способ создания богатства не может породить успешную экономику;
- коррупция была всегда и есть практически во всех странах, но социально-экономический кризис способствует ее росту в РФ;

- рынок согласно воплощаемому с 1992 года замыслу должен был стать единственным механизмом достижения цели – это улучшение качества жизни, и время показало, что по некоторым показателям есть серьезный откат. А это значит, что ставка исключительно на рынок ошибочна. Рынок « это лишь один из механизмов достижения цели. И самое тревожное – в мировой практике нет опыта резкого, именно резкого, перехода от одной экономической системы к другой, от плановой экономики к рыночной. Отсутствие какого-либо опыта и информации означает отсутствие прогнозирования. Любой кризис – это наглядное подтверждение низкого уровня аналитической работы и, как следствие, невозможности объективного и желаемого точного прогнозирования. Если еще 25 лет назад не обозначили положительный и отрицательный варианты развития экономики и социальной сферы, о чем сейчас можно говорить?»;

- относительно прошлого года Россия поднялась на 1 позицию по росту ВВП.

На мой взгляд (нужны исследования), коррупция слабо коррелирует с социально-экономическим состоянием в РФ. Корректнее было бы зафиксировать, что социального кризиса в России на данный момент нет;

- наоборот, кризис уменьшает коррупцию, т.к. с сокращением бюджета и ее распределяемой части сокращаются и численность бюрок-

Таблица 6
Приводит ли либерализация торговли в РФ к росту коррупции? в %

Да	63,8
Нет	18,1
Затрудняюсь ответить	18,1

ратии, и сумма денег, участвующая в оборот в виде коррупции.

В Российском обществе сложилось твердое убеждение, что либеральная экономика не воспринимается всерьез. Граждане доверяют только государственной системе управления экономикой. Корни этого явления во многом связаны с тем, что частная экономика в 1990-х и начале 2000-х гг. показала себя с негативной стороны. Мы хорошо помним, какие манипуляции проводились с пищевыми продуктами. Даже в оборонной промышленности наши чиновники умудрялись воровать, присваивать гигантские суммы, о чем свидетельствуют громкие судебные дела (бывший министр обороны РФ А.Э. Сердюков, бывший начальник департамента имущественных отношений Министерства обороны России Е.Н. Васильева). Так что наши эксперты убеждены, что либерализация торговли приводит к негативному развитию в области экономики (табл. 6). Вышесказанное подтверждается ими: 63,8% считают, что либерализация торговли в РФ приводит к росту коррупции. 18,1% придерживаются иного мнения, столько же затруднились ответить на вопрос.

Высказывания экспертов по данной проблеме:

- при неразвитости общественных и экономических отношений торговля будет диктовать свои условия, а коррупция – их создавать;
- есть структуры, призванные контролировать и проверять сферу торговли, а именно в сфере проверочных и контрольных мероприятий наиболее высокий удельный вес коррупционных проявлений. У каждой структуры есть свои полномочия, но обязательно найдутся сотрудники, способные ими злоупотреблять или работать с их превышением. Кроме того, каждое ведомство, наделенное контрольными и надзорными функциями, предпочитает время от времени издавать внутриведомственные нормативно-правовые акты (приказы и распоряжения), которые явно не в пользу проверяемых;
- либерализация торговли в РФ способствует росту коррупции в случае, если сопровождается неясными механизмами ее реализации;

- коррупция погубила многие страны, разлагает общество, нравственность. Нравственность – моральное качество человека, некие правила, которыми он руководствуется в своем выборе. Это термин, чаще всего употребляющийся в речи и литературе как синоним морали, иногда – этики. Определяющим нравственным стержнем горцев выступают совесть, достоинство, мужество и честь.

Из материалов исследования следует, что любая либерализация экономики и усиление частного сектора сокращают коррупцию, более того, это и есть основной инструмент борьбы с коррупцией, т.к., чем шире роль частного сектора в экономике и меньше участие государства, тем меньшее число бюрократов требуется для управления;

Литература

1. Гидденс Э. Социология. 1999 г.
2. Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 2001. Т. 1.
3. Дзудев Х.В. Коррупция в органах исполнительной власти Республики Северная Осетия–Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: ИСПИ РАН, 2011.
4. Дзудев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
5. <https://pasm.ru/archive/199450/14.12.2017> г.

Ссылки:

¹ Мамисон - горнолыжный курорт мирового класса, на трассах которого будут обеспечены обучение и катание лыжников и сноубордистов любого уровня. Организация санаторно-курортного лечения широкого ряда заболеваний на базе минеральных вод. Массовое оздоровление граждан. Площадь и рельеф позволяют проводить международные спортивные соревнования по многим зимним видам спорта. Строительство было начато в 2010 г., приостановлено в 2016 г.

Ресурсы развития социального капитала сотрудников вузов

Журавлева И.А.

В статье анализируются ресурсы развития социального капитала сотрудников университетов. Приводятся результаты исследования, показывающие социальный потенциал и тенденции развития социального капитала сотрудников вузов. Социальный капитал выступает основным инструментом регулирования университета в будущем, поэтому работа над его качеством и векторами развития является основной для развития высшей школы в принципе.

Ключевые слова: социальный капитал, высшая школа, ресурсы развития, университет

Zhuravleva I.A.

Resources for the development of social capital of university staff

Abstract. The article analyzes the resources for the development of social capital of university staff. The results of the study are shown, which show the social potential and trends in the development of social capital of university staff. Social capital is the main instrument of university regulation in the future; therefore, work on its quality and development vectors is fundamental for the development of higher education in principle.

Key words: social capital, higher education, development resources, university

Социальный капитал сотрудника образования достаточно притягательная сфера для изучения. Социальный капитал представляет собой как знания, умения, навыки иные ресурсы личности или группы, так социальные связи и социальное признание которые приносят дивиденды в настоящем и будущем.

Элементами социального капитала, по мнению П. Бурдье, являются социальные сети, нормы и доверие. У. Бейкер полагал, что социальный капитал – это ресурсы, которые позволяют субъектам поддерживать и развивать свои социальные связи и укреплять социальное положение. Р. Пантам полагал, что социальный капитал состоит из активного неформального взаимодействия между людьми, имеющими общие ценности и взгляды. Иными словами, социальный капитал это реальные и потенциальные возможности, которыми пользуется субъект в своих социальных связях.

Социальный капитал – это инструмент формирования практик социального взаимодействия, направленного на решение социальных проблем. Вопрос консолидации и формирования гражданского общества невозможен без таких элементов социального капитала, как доверие, толерантность, разнообразие общества.

Социальный капитал понимается как наличие формальных и неформальных связей с другими людьми или группами людей. Социальный капитал преподавателя вуза конструируется через два направления. Первое – это возможность создания и воспроизводства знания, формирования традиции мышления (как системы мировоззрения), позволяющей вписаться, объяснить и развивать ту социальную среду, в которой находится вуз. Второе – это системное взаимодействие между преподавателями вуза, администрацией и иными структурами, поддерживающими систему функционирования институ-

та образования. Сюда же относится качество социальных связей, уровень удовлетворенности и доверия, внутренней защищенности. Взаимодействие обоих приводит к эффективному конечному результату – подготовке высококвалифицированного и востребованного на рынке труда специалиста. А также влечет социальную удовлетворенность своим трудом среди работников вуза. Это отвечает стратегиям социальной ответственности университетов перед обществом.

Источником социального капитала преподавателя вуза выступают специфические нормы, ценности, доверие, сложившиеся и существующие в данной образовательной среде и конкретном вузе. Благодаря социальному капиталу преподаватели вуза могут получать доступ к ресурсам, экономить время и интеллектуальные и эмоциональные усилия, увеличивать мобильность и научные связи и т.д.

Говоря об университетской среде, стоит обозначить ряд характеристик определяющих академическую профессию и формирующих социальный капитал преподавателя вуза.

Социальный капитал сам по себе достаточно субъективен, он формируется как из формальных объективных, так и из субъективных показателей. К формальным можно отнести наличие ученой степени и научного звания, количества аудиторной нагрузки, количества читаемых курсов и проч. К субъективным относятся – ведение научных исследований, повышение квалификации, научные стажировки, разработка новых курсов, рейтинг публикационной активности, занятия научной работой со студентами, количества учебных и учебно-методических материалов, изданных педагогом и т.д. И субъективные и объективные показатели позволяют говорить насколько полно использует свой социальный капитал преподаватель и как социальный капитал использует администрация вуза для формирования общеуниверситетского социального капитала (исследования О.А. Полюшкевич [9, 10, 11]).

Качество преподавателя вуза определяется не количеством читаемых курсов, а качеством подготовки к ним, постоянным обновлением данных и поиском нового знания интереса к предмету. Об этом говорят исследования Л.Н. Батяновой, Л.С. Жгун, В.В. Тетерина и И.А. Журавлевой [1, 2, 3]. При анализе только объек-

тивных показателей картина будет не полной, поэтому, без субъективных данных достаточно сложно представить целостную систему.

В исследовании приняло участие 1200 педагогов высшей школы, 700 женщины, 500 мужчины в возрасте от 23 до 65 лет. Из них: докторов – 32 человека, кандидатов – 617, старших преподавателей – 250, преподавателей – 268, аспирантов, читающих лекции – 33

Бюджет времени преподавателя вуза в большей степени представляет собой – аудиторную педагогическую деятельность. И даже те, кто ведут исследовательскую, коммерческую, экспертную или какую-то еще деятельность, делают это за счет дополнительного вне рабочего времени, а не за счет перераспределения рабочего времени. Вероятно, это вызвано отсутствием поддержки этой деятельности со стороны руководства кафедры, факультета, университета в целом. Из-за того, что результаты, относимые к субъективным показателям, приносят плоды не сразу и не всегда их можно использовать в формальной отчетности деятельности подразделения.

Сегодня формируется новая волна педагогов, ищущих возможности для самореализации, активно участвующая в международных программах и исследованиях, конкурсах грантов и т.д. Среди относительно молодого состава педагогов высшей школы растет поколение людей увлеченных своим делом либо умеющих из своей научной деятельности извлекать прибыль (как финансовую, так и социальную). Это также подтверждается данными исследования С.В. Малых, где обосновывается взаимосвязи бизнеса, науки и образования через смежную деятельность педагогов [4, 5, 6, 7].

Особое внимание стоит уделить самооценке педагогов высшей школы своего социального капитала в сфере качества подготовки и навыков в сфере преподавания и исследований.

По их мнению, качество преподавания на весьма высоком уровне (отличное 45% и хорошее 35%). Удовлетворительное и низкое (15% и 5% соответственно) считают лишь 20% работников. В оценке научно-исследовательской деятельности картина иная. Хотя, также есть те, кто полагает, что их подготовка отличная (20%), хорошая (25%), но при этом немного больше тех, кто полагает, что их подготовка удовлетворительная (30%) и низкая (25%).

Казалось бы, весьма положительная картина. Но если обратиться к объективным данным – сравнения с коллегами из других стран, то картина меняется на прямо противоположную.

Опираясь на объективные показатели качества подготовки педагогов (научные стажировки за рубежом, международные исследования, преподавание за рубежом, занятия с иностранными студентами, публикационная активность) мы видим не радующую картину.

Вынуждена констатировать, что такая самооценка явно завышена, т.к. уровень международной деятельности (научные стажировки за рубежом, совместные международные исследования, преподавание в зарубежном вузе, преподавание в своем вузе на иностранном языке для иностранных студентов) достаточно низок и не сравним с аналогичными позициями преподавателей зарубежных вузов.

Также педагоги отмечают высокий уровень контроля за их деятельностью со стороны руководства кафедры, факультета, университета. И в целом негативно оценивают контроль как за педагогической, так и за научной работой, считая ее чуть ли не безупречной. Большая часть педагогов (75%) закончили те вузы, в которых работают, не имеют опыта работы в иных учреждениях. Уровень интернационализации минимален – около 12% педагогов имеют опыт зарубежной педагогической или научной работы.

Но в тоже время, практически отсутствует контроль со стороны коллег и экспертной оценки других вузов. Иными словами, преподаватели негативно оценивают конкуренцию и контроль качества как педагогической деятельности, так и научных исследований, не готовы делиться своими разработками с коллегами и обсуждать личные достижения.

Достаточно низко можно оценить работу преподавателей вузов в сфере научных исследований. Только 30% занимаются научными исследованиями и представляют последние на суд общественности, в виде выступлений на конференциях, публичных лекциях или издании монографий. Хотя это один из эффективных способов повышения своего социального капитала, через повышение качества образовательных и исследовательских навыков и знаний, финансовую поддержку, известность в узких кругах, цитируемость работ и т.д.

Педагоги российских вузов привязаны к конкретному вузу, а не к профессии в целом. Следствием этого становится малая академическая мобильность, недостаточность внутрироссийских и международных связей, проектов и исследований. Также это означает и то, что люди встроены в механизмы административного контроля гораздо прочнее, чем в механизмы контроля академического [8]. Это согласуется с приведенными выше данными о контроле и подкрепляется фактом крайне высоких значений среднего стажа работы в одной организации и крайне низкой мобильности между университетами, как на начальной, так и на последующих стадиях академической карьеры.

Спецификой российских вузов является вертикальная модель управления, где академическому самоуправлению отводится минимальная роль. Это означает, что педагоги высшей школы не ассоциируют себя с административным или бюрократическим аппаратом вуза. Управление университетом в будущем предполагает коллегиальность, но, увы, повседневность российского университета пока далека от этого.

Таким образом, социальный капитал сотрудников университетов достаточно низок. Виной тому, как исторически сложившиеся социальные практики (управления, предпочтения в распределении работы, научно-исследовательские и педагогические приоритеты), так и личный социальный опыт педагогов (пока еще не включенных в полной мере в мировое академическое пространство). Устойчивость социального капитала преподавателя вуза зависит от индивидуально-социальных установок в профессиональной самореализации и развитии. Это означает, что мы на пути формирования университета будущего – только на первых ступенях.

Литература

1. Батянова Л.Н., Журавлева И.А. Институт высшего образования: соотношение понятий «образовательный продукт» и «потребности социального строительства» в регионе // Трансгрессия социокультурного пространства. Материалы III Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутск. 2012. С.212-231.
2. Журавлева И.А. Институциональная трансформация современного образования : монография. Иркутск, ИГУ. 2013. 147 с.

3. Журавлева И.А., Жгун Л.С. Возрастание роли социального капитала в формирующемся обществе знаний // Трансгрессия социокультурного пространства Материалы V Всероссийской научной интернет-конференции. 2017. С. 161-167.
4. Малых С.В. Стратегии продвижения университета в виртуальном пространстве // Социология. 2019. № 1.
5. Малых С.В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. 2018. № 3. С. 222-226.
6. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. №4. С. 129-136.
7. Малых С.В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. №3. С. 123-133.
8. Малых С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. Пособ. Иркутск, ИГУ. 2018. 121 с.
9. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.
10. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.
11. Полюшкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25-27.

Количественная оценка относительной и субъективной бедности в России (по данным социологических опросов горожан России)

Зубец А.Н.

Изложены оценки масштабов бедности в современной России, основанные на материалах исследований экономических оценок и настроений населения крупных и средних городов России, проводимых Финансовым университетом при Правительстве РФ. Доказывается, что для измерения масштабов бедности лучше всего использовать субъективный подход, дополняя его анализом уровня удовлетворенности людей своей жизнью, так как покупательскую депривацию, которая не сопровождается ухудшением настроений людей, нельзя считать «полноценной» бедностью. Расчеты показали, что к числу бедных в России, исходя из представленного подхода, можно отнести по состоянию на 2018 г. примерно 21% российских горожан, имеющих доход ниже 14 тыс. руб. в месяц. Эта цифра существенно ниже, чем оценки, полученные с применением субъективного подхода, исходя только из самооценок уровня благополучия горожан с точки зрения их покупательских возможностей (57%), но существенно превосходит официальные российские показатели бедности (13%), основанные на прожиточном минимуме (чуть выше 10 тыс. руб. в месяц). Предложенный подход к определению масштабов бедности, сочетающий самооценку уровня благополучия и самооценку уровня доходов, может дать взвешенные оценки реального положения с бедностью в России, контрастирующие как с отрицанием высокой значимости проблемы бедности, так и с алармистскими суждениями о якобы чудовищных ее масштабах.

Ключевые слова: бедность в России, субъективная бедность, депривация, доходное неравенство, телефонные социологические опросы.

Zubets A.N.

Quantification of relative and subjective poverty in Russia (based on data of surveys in Russian cities)

Estimates of poverty in modern Russia, based on annual population surveys of the Financial University under the Government of the Russian Federation in Russian large cities, are presented. For measuring the poverty it is necessary to use a subjective approach in combination with people's life satisfaction. The purchasing deprivation, which is not accompanied by the deterioration of people's moods, can not be considered as real poverty. Real poverty – it is a deprivation, accompanied by suffering, caused by poverty. The number of poor in Russia, based on the presented approach, can be estimated in 2018 as about 21% of Russian cities population with income below 14 thousand rubles per month. This figure is significantly lower than the estimates based on a subjective approach with self-assessments of well-being in terms of purchasing power (57%). But this figure significantly exceeds the official Russian poverty line (13%), based on the minimum income (about 10 thousand rubles per month). The proposed approach to estimate a poverty line, combining self-assessment of well-being and income, can give a balanced assessment of the real poverty in Russia.

Keywords: poverty in Russia, subjective poverty, deprivation, income inequality, CATI sociological surveys

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект»

В последние годы в СМИ и в научной литературе усилилось внимание к проблеме социального неравенства в России. Нередко можно встретить утверждения, что это неравенство имеет запредельную величину, что наблюдается очень резкий контраст между сверх-богатством и сверх-бедностью. Хотя проблема высокого доходного неравенства, безусловно, является для современной России очень актуальной, однако алармистские оценки ситуации представляются не вполне корректными. Следует обратить внимание на то, что главной социальной проблемой является не столько высокое богатство немногих, сколько относительная многочисленность бедных. Но насколько они многочисленны и насколько бедны? Здесь есть много методологических проблем, решение которых требует серьезного научного анализа. В данной статье автор, опираясь на созданный в Финансовом университете при Правительстве РФ массив материалов репрезентативных опросов населения, постарается показать реальные масштабы бедности в современной России.

Проблема бедности, как и связанная с ней проблема неравенства, привлекает внимание общества и науки с давних времен (анализ развития взглядов на бедность см., например, в [1 – 3]), но современный взгляд на бедность как на состояние депривации сформировался только в XX веке. Традиционное представление о бедности как об «умирании с голода» стало уходить в прошлое, когда стала постепенно исчезать (по крайней мере, в развитых странах) сама угроза голода. На современное представление о бедности повлияли, прежде всего, труды британского социолога Питера Таунсенда: именно он 40 лет назад, в своей известной работе «Бедность в Великобритании» (1979 г.), ввел в широкий оборот понятие относительной бедности, глубина которой определяется путем сопоставления уровня потребления домохозяйства с

Таблица 1

Доля граждан РФ и США,

живущих на доходы менее международных уровней бедности

Источник: база данных World Development Indicators Всемирного Банка (URL: <http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/#archives>).

Страны	Показатели	1993-	2000	2004-	2010	2015-
		2004 г.	г.	2005 г.	г.	2016 г.
РФ	Доля тех, кто живет на доход менее 1,9 долл. США в день по ППС в ценах 2011 года, %	2,4	2,2	0,5	0,1	0
	Доля тех, кто живет на доход менее 3,2 долл. США в день по ППС в ценах 2011 года, %	10,8	10,0	3,2	0,5	0,3
	Доля тех, кто живет на доход менее 5,5 долл. США в день по ППС в ценах 2011 года, %	26,3	32,1	14,7	4,0	2,7
США	Доля тех, кто живет на доход менее 1,9 долл. США в день по ППС в ценах 2011 года, %	0,7	0,7	1,0	1,0	1,2
	Доля тех, кто живет на доход менее 3,2 долл. США в день по ППС в ценах 2011 года, %	1,0	1,0	1,2	1,2	1,5
	Доля тех, кто живет на доход менее 5,5 долл. США в день по ППС в ценах 2011 года, %	1,5	1,5	2,0	2,0	2,0

принятыми в обществе стандартами потребления [4]. Впрочем, введенное П. Таусендом понятие относительной бедности стало лишь одним из этапов общего процесса повышения нижней «планки» бедности по мере роста общих жизненных стандартов [5, 6].

В настоящее время принято различать следующие основные способы определения бедности [7, 8]:

- абсолютная бедность – нехватка у домохозяйства средств для обеспечения минимальных жизненных потребностей, в рамках данного подхода бедными считаются те домохозяйства, доход которых оказался ниже фиксированного в абсолютных величинах уровня бедности – международного или установленного на национальном уровне порога бедности (прожиточного минимума);

- относительная бедность – нехватка средств для соответствия стандарту потребления своего социального окружения, уровень бедности определяется в абсолютных величинах как доля (50-60%) от медианного дохода в данной стране;

- уровень депривации – отсутствие у домохозяйства набора благ, достаточных для нормального существования, особенностью этого подхода является то, что он оперирует не уровнем дохода домохозяйства, а доступностью товаров и услуг;

- субъективная бедность – уровень бедности определяется на основании мнений населения о том, кого можно, а кого нельзя считать бедным, а также относительно уровня дохода, обеспечивающего «не-бедное», «достойное» существование.

Сегодня в мировой практике используются все эти четыре подхода для оценки уровня бедности. Например, Всемирный банк регулярно публикует данные о доле граждан, имеющих доход ниже порога нищеты или выживания – им считается 1,9 долл. в день по ППС в ценах 2011 года. Одновременно с этим публикуются данные о доле населения, имеющего доходы ниже уровня в 3,2, а также 5,5 долл. в день по ППС в ценах 2011 года (данные по России и США по этим показателям приведены в Табл. 1).

Как видно из таблицы, по данным Всемирного Банка в России сегодня нет людей, живущих менее чем на 1,9 долл. в день (по ППС в ценах 2011 года), который принято рассматривать как порог «крайней бедности» в терминологии Всемирного банка. При этом всего 0,3% населения имеют доход менее 3,2 долл. в день, а 2,7% – менее 5,5 долл. в день. Незначительная численность россиян, живущих на доход менее 5,5 долл. в день (т.е. 350-400 руб.), объясняется тем, что прожиточный минимум (10.213 руб. по состоянию на 4-й квартал 2018 г.) гарантирует основной массе населения доход выше этого порога. Порог бедности в 5,5 долл. на человека в день больше, чем пороги в 1,9 долл. и 3,2 долл., подходит для таких средне-развитых стран, как Россия, поэтому российское правительство ориентируется именно на него при установлении национального прожиточного минимума. Этот порог позволяет учесть необходимость оплачивать инфраструктуру, обеспечивающую выживание в условиях сурового климата, и он соответствует довольно высокому стандарту потребления, сформировав-

шему за последние два десятилетия (требования по качеству питания, жилья, медицинского обслуживания и др.).

Для сравнения следует вспомнить, что в США довольно велика доля населения, живущего менее чем на 1,9 долл. в день (т.е. находящегося за порогом нищеты), – 1,2%, что в абсолютных цифрах составляет чуть менее 4 млн. человек. В этом проявляется отсутствие в США единой и всеобъемлющей системы социальной защиты населения. Одновременно в США доля тех, кто живет менее чем на 5,5 долл. в день заметно ниже, чем в России – здесь мы уже видим следствие более высокого уровня жизни в США по сравнению с Россией.

Введение в научный оборот и в социальную политику понятий относительной и субъективной бедности привело к тому, что интерпретация проблемы бедности в современном развитии общества становится крайне сложной. Первым возникает вопрос об адекватности абсолютных денежных порогов бедности – в какой степени они адекватны реальным потребностям и настроениям домохозяйств, а также условиям их существования, например, в разных климатических условиях? Как соотносятся уровни бедности, полученные в рамках денежного и депривационного подхода, и как они оба соотносятся с субъективными оценками бедности? Надо понимать, что всегда, при всех обстоятельствах, найдутся те, кто будет считать себя бедными относительно референтных групп своего социального окружения. Повышение стандартов качества жизни, вызванное инновационным и социально-экономическим развитием, неизбежно будет приводить к увеличению числа благ, входящих в набор необходимых условий «нормального» существования домохозяйства.

И все же, несмотря на указанные недостатки, наиболее перспективным способом оценки бедности представляется субъективный подход. Именно в рамках субъективного подхода реализуется гуманитарный принцип, согласно которому человек является мерой всех социальных явлений. Конечно, объективные, численные или депривационные оценки бедности, а также относительный подход к определению ее порога тоже дают необходимые рамочные показатели для описания этого явления. Однако при этом главным «критерием истинности» все равно остаются оценки, данные самим населением от-

носительно того, насколько верно они соответствуют действительности.

Исследования в области субъективных оценок бедности в последнее время стали популярны по всему миру, включая и нашу страну (см., например, [9, 10]). Эти исследования опираются на результаты опросов населения о прожиточном минимуме, уровне бедности (уровне душевого дохода, ниже которого домохозяйство необходимо признать бедным), уровне богатства и прочих индикаторах².

Большой интерес при анализе субъективного аспекта бедности представляют социологические исследования, проводимые Росстатом среди населения России на регулярной основе. Так, в рамках проекта «Комплексное наблюдение условий жизни населения» за 2018 г. 44% всех домохозяйств указали, что могут «свести концы с концами» при покупке самого необходимого «с затруднениями» или «большими затруднениями», что дает достаточные основания для отнесения их к числу бедных. Минимальный месячный доход, необходимый домохозяйству чтобы «свести концы с концами» при покупке самого необходимого, составляет, по мнению респондентов, в среднем по стране 58,4 тыс. руб. в месяц³. При этом субъективный уровень бедности сильно различается по населенным пунктам: если в городах-миллионниках он составляет 63,9 тыс. руб. в месяц на домохозяйство, то в сельских населенных пунктах с числом жителей менее 200 человек – лишь 45 тыс. рублей.

Помимо общепринятых показателей бедности в социологических исследованиях часто используются альтернативные измерители бедности – например, компания Gallup регулярно определяет долю жителей различных стран мира, которые регулярно испытывают нехватку средств на продовольствие или жилье. В связи с нередко встречающимися оценками бедности в современной России, как якобы необычайно широкой, следует вспомнить исследования последних лет, которые показали, что от 16 до 20% американцев регулярно сталкиваются с ситуацией, когда у них не хватает денег на продовольствие для себя и своей семьи⁴.

Автор статьи считает важным дополнить исследования российской бедности базами данных о депривации, накопленными в ходе исследований, проводимых Финансовым университетом при Правительстве РФ среди населения крупных и средних городов России⁵.

Рис. 1. Динамика самооценок уровня дохода горожан России в 2003-2018 гг., по данным телефонных опросов Финансового университета

Рассмотрим оценки собственного благополучия, которые давали горожане России в ходе опросов 2003-2018 гг. (Рис. 1), когда респондентов просили оценить уровень собственного благополучия по часто используемой в опросах пятибалльной шкале, предлагая выбрать один из вариантов оценки этого уровня:

- «денег с трудом хватает на питание»;
- «питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости»;
- «можем купить крупную бытовую технику, но не новый автомобиль»;
- «могу купить новый автомобиль, но не квартиру»;
- «могу купить квартиру или новый дом».

При интерпретации результатов проводимых исследований к числу бедных относили первые две имущественные группы населения.

Опрос показал, что доля россиян, которые, по их самооценке, не могут позволить себе ничего более, чем предметы первой необходимости, варьируется с 2007 г. в основном в интервале 50-60%. Как видно из графика, доля бедных была максимальной в 2003 г. (76%), когда мониторинговые опросы самооценки уровня

благополучия населения только стартовали. В течение следующего десятилетия доля бедных почти непрерывно (за исключением периода влияния экономического кризиса 2008-2009 г.) снижалась, минимального значения в 46% этот показатель достиг в 2013 г. После начала в 2014 г. экономического кризиса доля бедных снова начала расти – до 57% в 2018 г.

Если рассмотреть социально-демографические характеристики субъективной бедности по итогам исследований, проведенных в 2017-2018 гг. (Таблица 2), то видно, что наиболее сильные (троекратные) контрасты связаны с профессиональным статусом; в группах, дифференцированных по другим критериям, разрывы гораздо ниже (в самой бедной группе субъективно-бедных примерно в 1,5 раза больше, чем в самой богатой группе). Наиболее «предрасположенные к бедности» социально-демографические группы (отличающиеся самой высокой долей респондентов с низкой самооценкой уровня доходов) – это:

- пожилые люди (неработающие пенсионеры и люди старше 60 лет – как правило, эти группы совпадают);

Таблица 2.

Доля бедных в 2018 г. (доля населения, относящего себя к двум нижним имущественным группам⁶) среди различных социально-демографических групп, по данным опросов, проводимых Финансовым университетом при Правительстве РФ

Критерии классификации	Социально-демографические группы	Доля малоимущих граждан, которым хватает не более чем на предметы первой необходимости, %
Профессиональный статус	Не работающий пенсионер	80
	Временно не работающие	66
	Обслуживающий персонал (включая водителей, работников сферы обслуживания и продавцов)	66
	Рабочий (включая бригадиров и мастеров)	62
	Служащий без высшего образования, работающий преимущественно в офисе	59
	Военнослужащий, сотрудник правоохранительных органов, охранных предприятий	56
	Домохозяйка (в том числе в отпуске по уходу за ребенком)	55
	Специалист, ведущий частную практику, фрилансер	53
	Студент	48
	Специалист с высшим образованием без руководящих функций	45
	Руководитель среднего звена, руководитель подразделения	34
	Заместитель руководителя, совладелец бизнеса	30
	Руководитель предприятия/учреждения, частный предприниматель, владелец бизнеса, командир части	25
Область занятости (для работающего населения)	Сельское и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство	54
	Образование, здравоохранение, коммунальное хозяйство и предоставление других социальных услуг	53
	Наука и исследования	49
	Транспорт и связь	48
	Государственное управление, социальное страхование, правоохранительные органы, обеспечение военной безопасности	46
	Оптовая и розничная торговля; бытовое обслуживание населения, ремонт различной техники	45
	Гостиницы и рестораны	44
	Обрабатывающие производства - машиностроение, производство продуктов питания и т.п.	43
	Строительство, ремонт недвижимости	43
	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	40
	Добыча и переработка полезных ископаемых	39
	Маркетинг, реклама, компьютерный сервис и прочее обслуживание предприятий	38
	Финансовая деятельность (банки, страхование, инвестиции)	36
	Операции с недвижимостью	36
	Пол	Женщины
Мужчины		47
Возраст	До 30 лет	45
	30-40 лет	43
	40-50 лет	48
	50-60 лет	60
	Более 60 лет	78
Образование	Среднее и неполное среднее	71
	Среднее техническое	70
	Высшее и послевузовское	46
	Незаконченное высшее	52

· люди с низким образованием (имеющие среднее техническое, среднее и неполное среднее образование);

· работники, занятые ручным трудом (рабочие и обслуживающий персонал), служащие без высшего образования), или безработные;

· работники, занятые в сельском хозяйстве, а также в сферах образования и здравоохранения.

Полученная в ходе опросов российских горожан иерархия «предрасположенности к бедности» в основном вполне ожидаема: в любой современной стране беднее будут те, кто менее образован, менее работоспособен (в силу возраста) и менее связан со сферами умственного труда. В то же время в этой иерархии есть и определенные «неожиданности», связанные со

спецификой развития современной России. Например, людьми с низкими покупательными возможностями нетривиально часто считают себя работники не только сфер образования и здравоохранения (53%), но даже науки (49%).

Доля относительно обеспеченных россиян, способных купить себе не менее чем новый автомобиль (им можно приблизительно сопоставить с верхним слоем среднего класса), составляла в 2017-2018 гг. среди жителей крупных городов лишь 12% (пик этого показателя, 18%, был пройден в 2013 г.). Следует обратить внимание на сильную (более чем в 2 раза) дифференциацию данного показателя по регионам (Таблица 3): если в «лидирующих» Москве и Санкт-Петербурге таких 15-17%, то во многих «провинциальных» круп-

Таблица 3

Доля россиян, способных купить не менее чем новый автомобиль, по городам с населением более 500 тыс. человек в 2004-2018 гг., по данным исследований Финансового университета при Правительстве РФ, %

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Астрахань	-	7	6	11	9	9	11	10	13	11	12	9	8	10	7
Барнаул	-	6	6	10	8	7	9	10	10	15	10	8	7	10	6
Владивосток	5	11	10	11	13	12	15	18	20	19	17	14	15	15	11
Волгоград	5	4	5	12	9	7	11	10	11	12	9	8	8	5	6
Воронеж	-	7	5	12	10	9	11	11	17	13	12	10	10	10	7
Грозный	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	12	8	11	9
Екатеринбург	6	11	9	13	15	9	13	15	18	16	15	14	11	12	9
Ижевск	5	6	6	10	12	10	10	10	12	13	13	11	10	10	11
Иркутск	4	10	8	11	13	12	13	14	11	12	12	11	10	10	13
Казань	5	10	8	18	15	10	15	16	17	16	15	14	12	14	10
Кемерово	3	7	7	12	10	8	10	10	11	12	8	9	6	7	6
Краснодар	5	8	7	12	12	11	12	15	18	19	15	13	11	13	9
Красноярск	5	9	7	14	17	13	17	16	21	21	16	15	15	15	13
Липецк	2	6	5	9	10	9	10	10	12	14	12	9	8	12	12
Махачкала	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	15	13	15	8
Москва	8	16	12	18	17	13	19	19	21	22	18	16	14	17	15
Набережные Челны	3	-	6	11	13	8	10	10	12	12	9	9	8	11	10
Нижний Новгород	4	7	5	13	12	7	9	9	12	10	11	10	7	8	6
Новокузнецк	4	-	6	9	11	8	8	9	9	10	10	9	6	10	6
Новосибирск	5	9	6	15	15	9	13	14	15	15	11	12	10	11	10
Омск	5	7	6	12	12	7	10	12	15	11	12	10	7	10	11
Оренбург	4	6	6	9	12	9	14	12	16	15	14	11	11	11	10
Пенза	13	4	5	12	9	10	12	12	13	12	11	10	8	11	8
Пермь	4	9	7	13	14	10	14	11	14	15	13	13	10	13	9
Ростов-на-Дону	4	9	7	13	14	9	14	17	18	19	16	14	12	15	9
Рязань	9	8	5	10	12	8	11	10	12	13	13	12	9	12	13
Самара	4	8	8	18	14	8	12	14	16	17	12	12	10	14	12
Санкт-Петербург	6	10	9	19	18	11	20	25	26	19	13	13	11	15	17
Саратов	3	6	6	11	10	11	15	12	16	14	11	12	8	10	8
Севастополь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	9	6	10	7
Тольятти	5	-	7	11	13	8	10	10	14	12	12	10	9	11	10
Томск	-	8	9	12	11	-	15	14	13	13	14	11	10	10	8
Тюмень	6	10	9	15	14	9	14	16	19	17	15	11	9	12	8
Ульяновск	4	3	5	10	9	7	10	11	11	11	10	9	8	11	9
Уфа	7	10	7	13	14	10	11	10	14	14	12	11	10	11	8
Хабаровск	4	8	7	12	15	12	16	17	18	18	15	13	11	13	16
Челябинск	4	10	7	16	16	11	13	12	17	15	12	12	9	13	10
Ярославль	5	5	7	14	11	8	11	9	11	11	11	8	8	10	10

ных городах в 2018 г. доля тех, кто способен купить не менее нового автомобиля, составляет всего лишь 6-7% (хуже всего ситуация выглядит в Волгограде – 5-6% в 2017-2018 гг.).

Используемая база данных позволяет оценить масштабы бедности не только по методике измерения депривации (отсутствия доступа к определенным благам), но и по методике измерения субъективной бедности.

Предварительно вернемся к исходному вопросу о множественности подходов к определению бедности и сформулируем ответ на вопрос, как описать бедность с современных позиций приоритетов гуманитарного развития. Как представляется, ответ на этот вопрос может состоять из двух частей. С одной стороны, современное общество, будучи нацеленным на высокое благополучие граждан, стремится не допустить того, чтобы какие-либо группы граждан оказались ниже того порога благополучия, который обеспечивает поддержание существования без ущер-

ба для физического и психического здоровья людей. Поэтому «программа-минимум» борьбы с бедностью – это ликвидация такой бедности, которая «разрушает» человека. С другой стороны, современное общество всё в большей степени ориентировано на обеспечение гражданам социального комфорта, и бедность является одним из главных факторов, снижающих уровень комфортности существования и долю людей, удовлетворённых своей жизнью. Поэтому у борьбы с бедностью возникает «программа-максимум» – это ликвидация такой бедности, которая формирует чувство острой неудовлетворенности. Следовательно, оценивать масштабы бедности в стране следует исходя из количества людей, считающих себя бедными по сравнению с желаемыми стандартами качества жизни, т.е. в рамках субъективного подхода к оценке бедности.

Однако здесь возникает проблема – в какой степени адекватны те оценки бедности, которые дают россияне? Например, исследования ВЦИ-

Таблица 4.

Доля российских горожан, полностью или в основном довольных жизнью, по группам населения с различной самооценкой уровня доходов в 2018 г. (по данным исследований Финансового университета при Правительстве РФ)

Самооценка уровня дохода	Доля в населении, %	Доля полностью или в основном довольных своей жизнью по группам населения с различной самооценкой уровня дохода, %	Оценка среднего денежного дохода представителей групп с различной самооценкой благополучия, тыс. руб. в мес.
Денег с трудом хватает на питание	14%	51%	7,5
Питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости	42%	80%	18,9
Можем купить крупную бытовую технику, но не новый автомобиль	32%	91%	40,4
Могу купить новый автомобиль, но не квартиру	9%	94%	81,4
Могу купить квартиру или новый дом	3%	94%	148,2

Таблица 5.

Удовлетворенность жизнью среди тех горожан России, кто считает свой уровень материального благополучия нетерпимо плохим, 2018 г. (по данным исследований Финансового университета при Правительстве РФ)

	Доля группы в общей численности населения, %	Скажите, пожалуйста, вы удовлетворены своей жизнью?				Доля полностью или в основном довольных жизнью, %
		Полно-стью удовлетворен(а)	Скорее удовлетворен(а)	Скорее не удовлетворен(а)	Полно-стью не удовлетворен(а)	
Считаете ли Вы уровень жизни своей семьи неприемлемо плохим?	Да	15%	7%	25%	36%	32%
	Нет	85%	29%	52%	15%	81%

ОМ показывают, что, по мнению населения, доля бедных в стране постоянно заметно растет⁷, что очевидно противоречит экономическим фактам – в частности, статистике о продаже дорогих предметов долгосрочного пользования. В частности, динамика самооценок уровня жизни, по данным мониторинга Финансового университета, показывает существенный рост бедности лишь в период кризиса 2014–2016 гг. (см. Рис. 1).

В этой связи необходимо вспомнить, почему исследования проблемы бедности представляют такой интерес для учёных и всего общества на протяжении многих столетий. Как указывалось, современное общество стремится не допускать высокого уровня страданий человека из-за социально-экономических проблем, включая и бедность, по общегуманитарным соображениям. В то же время проблема бедности имеет политическое значение, поскольку «нетерпимая» бедность всегда является источником социальной напряженности, которая может представлять угрозу для политической стабильности. Таким образом, мож-

но определить, что *бедность в современных развитых странах вообще и, в частности, в современной России – это не просто недостаток товаров и услуг, а депривация, сопровождающаяся страданиями людей*, мотивирующая их к различным формам протеста и экономической активности, направленной на преодоление неприемлемо низкого уровня жизни. Угнетенность, подавленность, наличие страданий человека – это тот фактор, который непосредственно должен сопутствовать бедности. В то же время депривацию, не сопровождающуюся угнетенностью и подавленностью человека, снижением настроений, нельзя относить к «полноценной» бедности.

В рамках данного подхода для оценки реального уровня бедности, а также доли бедного населения среди граждан страны, необходимо соотнести два показателя – уровень благополучия (в виде самооценки доходов) и уровень удовлетворенности своей жизнью (Таблица 4).

Как видно из таблицы, уровень удовлетворенности населения своей жизнью остаётся до-

Таблица 6.

Оценка уровня удовлетворенности жизнью, соответствующего наступлению бедности (по данным экспертного опроса)

Доля тех, кто полностью или в основном доволен своей жизнью	Доля участников экспертного опроса, которые считают, что порогом бедности является снижение удовлетворенности жизнью ниже указанной величины (от определивших с ответом), %
Ниже 25%	4
Ниже 33%	8
Ниже 50%	27
Ниже 67%	42
Ниже 75%	19

статочны высокими (не менее чем 80%) в наиболее состоятельных четырех имущественных группах из пяти. Надо отметить, что среднее по всей выборке значение доли тех, кто полностью или в основном доволен своей жизнью, в 2018 г. составило 81%. Таким образом, показатель удовлетворенности своей жизнью падает ниже средней величины только среди наименее состоятельных россиян, которым с трудом хватает денег на питание (доля довольных своей жизнью в этой группе составляет только 51%).

Если мы исходим из того, что бедность – это не просто депривация, но депривация, сопровождающаяся страданиями людей, то ключевым фактором определения порога бедности является повышение уровня дискомфорта населения до критического (неприемлемого) уровня. Исследования, проведенные Финансовым университетом, показывают, что в настоящее время неприемлемо плохим считают свой уровень благополучия 15% российских граждан, причем доля полностью или в основном довольных жизнью составляет в этой группе лишь 32% (Таблица 5). Исходя из этого, уровень удовлетворенности жизни среди россиян, составляющий 32%, можно в первом приближении принять за порог, при пересечении которого можно говорить о том, что бедность приводит к значительным страданиям людей.

Однако такой достаточно низкий уровень удовлетворенности жизнью может показаться слишком жестким ограничением для определения уровня бедности. Поэтому для установления более мягкого («гуманного») порога страданий (низкой удовлетворенности жизнью), соответствующего наступлению бедности, автором был проведен ряд экспертных интервью. Экспертами были как преподаватели социологии Департамента социологии, истории и философии Финансового университета, так и сотрудники ряда компаний, занимающихся исследованиями в области экономической социоло-

гии (все в экспертном опросе приняли участие 26 специалистов). Исследование показало, что, по модальному мнению экспертов, о наступлении страданий, связанных с бедностью, можно говорить при снижении доли полностью или в основном довольных жизнью ниже 67% (Таблица 6).

В силу этого для целей исследования бедности в России можно ввести два порога удовлетворенности жизнью, пересечение которых при снижении уровня материального благополучия означает наступление бедности, – это 67% и 32%. Верхнее значение доли тех, кто полностью или в основном доволен жизнью, можно считать показателем наступления начальной, «легкой» формы бедности, второе значение – показателем полноценной депривации, вызывающей серьезное снижение качества жизни и страдания людей.

Для оценки уровня денежного дохода, соответствующего различным показателям удовлетворенности жизнью, необходимо использовать данные, приведенные в Таблице 4. В ней приведены данные о соотношении численности имущественных групп, среднего денежного дохода, а также уровня удовлетворенности их представителей своей жизнью. На основании представленных в таблице данных можно построить график, описывающий соотношение доли людей, полностью или в основном довольных собственной жизнью, и среднего уровня дохода (Рисунок 2).

На участке значений доли полностью или в основном довольных собственной жизнью от 51% до 80% соотношение удовлетворенности жизнью и уровня дохода описывается следующей линейной зависимостью:

$$Д = 39,441 \times УЖ - 12,607,$$

где УЖ – доля полностью или в основном довольных жизнью, %;

Д – душевой месячный доход, тыс. руб. в месяц.

Рис. 2. Соотношение дохода и удовлетворенности собственной жизнью в 2018 г. у горожан России, по данным исследований Финансового университета при Правительстве РФ

Из этой формулы легко определить, что доле населения, полностью или в основном удовлетворенного собственной жизнью в 67% соответствует душевой месячный доход в размере 13,8 тыс. рублей. Исходя из данных Росстата по распределению российского населения по уровню доходов за 2018 г. можно без труда определить, что группа населения с доходами менее 13,8 тыс. руб. в месяц составляет 20,5% населения. Полученная оценка существенно превосходит официальный российский уровень бедности, составляющий по итогам 2018 г. 10.287 руб. на человека в месяц, и ниже которого сегодня в России живут 12,9% населения⁸.

Таким образом, анализ проблем бедности в современной России позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Субъективный («самооценочный») подход к оценке уровня бедности представляется на сегодняшний день наиболее перспективным, так как он, отражая мнение населения о уровне собственного благополучия, способствует решению проблемы снижения уровня социальной напряженности, а также повышения уровня жизни людей.

2. Субъективный подход необходимо дополнить анализом уровня удовлетворенности людей своей жизнью по различным имущественным группам, так как недостаточный уровень

потребления, не сопровождающийся ухудшением настроений людей, нельзя считать «полноценной» бедностью. Использование данных по удовлетворенности своей жизнью в сочетании с данными о доходах дает возможность более точно оценить реальный уровень бедности с учетом страданий людей, вызванных снижением уровня потребления и иными видами депривации.

3. Расчеты показали, что к числу бедных на сегодняшний день в России, исходя из представленного подхода, можно отнести на 2018 г. примерно 21% российских горожан, имеющих доход ниже 14 тыс. руб. в месяц. Эта цифра существенно ниже, чем оценки, полученные с применением субъективного подхода, исходя только из самооценок уровня благополучия горожан с точки зрения их покупательских возможностей (57%). С другой стороны, полученная оценка превосходит официальные российские показатели бедности (13%), основанные на прожиточном минимуме (чуть выше 10 тыс. руб. в месяц).

Представляется, что предложенный подход к определению масштабов бедности, сочетающий в себе самооценку уровня благополучия и самооценку уровня доходов, может дать взвешенные оценки реального положения с бедностью в нашей стране, контрастирующие с алар-

мистскими суждениями о якобы чудовищных масштабах бедности.

Литература

1. Сычева В.С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 141-149.

2. Шугаева И.В., Лях П.П. Понятие бедности в историческом контексте (обзор концепций XIX-XX веков) // Вестник ТОГУ, Социология и философия. 2015. №4(39). С. 197-204.

3. Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7-19

4. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. Berkeley: Univ. of California, 1979.

5. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

6. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016.

7. Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. № 1. С. 155-175.

8. Ржаницына Л.С. Бедные в Москве: способы измерения, меры социальной политики // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 77-89.

9. Белоножко М.Л., Силин А.Н., Барбаков О.М., Гюрджинян А.С. Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 112-117.

10. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

Ссылки:

¹ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 20 февраля 2019 г. N 102н «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за IV квартал 2018 года» [Электронный ресурс] URL: [http://](http://www.consultant.ru/cons/cgi/)

www.consultant.ru/cons/cgi/ (Дата обращения 19.05.2019)

² См., например: исследование Левада-Центра «Прожиточный минимум, бедность и богатство в представлении россиян» (URL: <https://www.levada.ru/2013/08/08/prozhitochnyj-minimum-bednost-i-bogatstvo-v-predstavleniyah-rossiyan/> (дата обращения 12.05.2019)); Пресс-выпуск ВЦИОМ «Бедность: где грань?» (URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=572> (дата обращения 12.05.2019)); Исследование ФОМ «О бедных, богатых и разнице в доходах» (URL: <https://fom.ru/Экономика/13815> (дата обращения 12.05.2019)).

³ См. базу данных «Комплексное наблюдение условий жизни населения» на сайте Росстата » [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (Дата обращения 19.05.2019)

⁴ In U.S., Percentage Struggling to Afford Food at 7-Year Low [Электронный ресурс] URL: <https://news.gallup.com/poll/183512/percentage-struggling-afford-food-year-low.aspx> (Дата обращения 12.05.2019).

⁵ Сбор данных проводился при помощи телефонного опроса по методике CATI. Опросы проводились с использованием контакт-центра Финансового университета по репрезентативной выборке, отражающей структуру населения крупных городов России. В рамках каждого годового цикла выборка составляла не менее 700 человек по каждому из исследуемых городов. В генеральную совокупность исследований входит население городов с числом жителей более 500 тыс. человек с добавлением в нее Грозного и Севастополя.

⁶ «Денег с трудом хватает на питание» и «Питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости».

⁷ Пресс-выпуск ВЦИОМ «Бедность не порок? Чувство бедности знакомо большинству россиян не понаслышке» [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=146> (Дата обращения 12.05.2019)).

⁸ См. раздел «Уровень жизни» на сайте Росстата [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (Дата обращения 22.05.2019)

Диаспора как ресурс социализации мигрантов

Ким А.С.

В статье рассматриваются социализации мигрантов, раскрывается значение и роль диаспоры в этом процессе. Анализируются экономические, социокультурные, психологические и правовые аспекты работы диаспор по регулированию жизни мигрантов в принимающем обществе. На основе анализа экспертного интервью и контент-анализа СМИ показывается формальное и неформальное воздействие диаспоры на жизнь мигрантов.

Ключевые слова: мигранты, диаспоры, социальная адаптация, социальное взаимодействие

Kim A.S.

Diaspora as a resource for the socialization of migrants

The article discusses the socialization of migrants, reveals the significance and role of the diaspora in this process. The economic, sociocultural, psychological and legal aspects of the work of diasporas to regulate the life of migrants in a host society are analyzed. Based on the analysis of expert interviews and media content analysis, the formal and informal impact of the diaspora on the lives of migrants is shown.

Key words: migrants, diasporas, social adaptation, social interaction

В современной этнополитической ситуации достаточно велика роль диаспор. Их деятельность направлена на улучшение социализации и сохранения культурных традиций мигрантов в принимающем обществе. Данные аспекты раскрываются через ставший уже классическим анализ диаспоры в современном обществе, данный Тишковым В.А. [20], Тощенко Ж. Т. и Чаптыковой Т. И. [21], Балдано М.Н. и Дятловым В.И. [1], Кимом А.С. [12, 13, 14] и А.В. Завьяловым [2, 3, 7] и другими учеными.

Особенности развития новых условий и форм адаптации, новых социально-экономических реалий заставляет нас предположить, что национальные некоммерческие организации приобретают дополнительные смыслы, цели и функции. По нашему мнению, данные организации становятся «производителями» социального капитала мигрантов, способного качественно трансформировать их социально-экономическое и политическое положение в принимающем обществе. Подобные механизмы отмечались в исследованиях А. В. Завьялова [4, 5, 6] в отношении украинских мигрантов, А. С. Кима и О. А. Полюшкевич [9, 10, 11], Р.В. Иванов [8] в формировании территориальной идентичности мигрантов и их адаптации на новом месте через социально-средовую, экономическую, культурную и иные стратегии.

Отдельно стоит указать работы касающиеся дискурса «о диаспорах» в СМИ [16], где через речевые обороты и поводы упоминания диаспор и их членов рассматривается образ зарубежных диаспор, как хранителей культуры, и диаспор на территории Российской Федерации, упоминающийся в прессе чаще с негативными контекстом обсуждения национальных конфлик-

тов и национальной и миграционной политики. В ряде работ подчеркивается этническая дифференциация социокультурных различий, способствующая формированию противопоставления «мы – они» С. В. Рыжовой и В. М. Пешковой [18], Л. Сагитовой и др. [19], С. В. Малых [15], О. А. Полюшкевич [17].

При всем многообразии подходов и ракурсов рассмотрения роли диаспор и отдельных членов диаспор в социальной адаптации мигрантов, в меняющемся мире трансформируются и данные механизмы. На противоречивость рассмотрения диаспоры в миграционных теориях указывают различные факты.

Противоречивость роли диаспоры в миграционных теориях

Вопросам адаптации мигрантов в принимающем обществе посвящено несколько теорий, которые формируют рамки интерпретации и классификации данного явления в мире и в отдельных странах.

Первая – теория ассимиляции, предполагает, что мигранты стремятся ассимилироваться с принимающим обществом, отказываясь от прежних ценностей и установок. Диаспоры становятся вынужденным местом поддержки в новой среде, так как при переезде мигранты зачастую сталкиваются с этнической, экономической или какой-либо другой дискриминацией. Диаспора выступает промежуточным звеном при экономической и социальной адаптации в новом обществе.

Вторая – теория сохранения, позволяет говорить о сохранении роли диаспоры, так как осуществляет поддержку и помощь мигрантов в новой среде, при сохранении своих традиций и устоев. Главная задача диаспоры не дать мигрантам забыть свои корни, чтить традиции и культуру.

Третья – теория транснационализма, предполагает, что диаспор в их классическом варианте уже не существует. Переезд родственников в другую страну не воспринимается как полный разрыв с семьей, так как телефон, интернет и иные средства связи помогают поддерживать отношения. Также благодаря современным достижениям техники они физически находятся в новом месте, но продолжают виртуально быть включены во все социальные и иные процессы у

себя на родине. Диаспора, тем самым, теряет свою актуальность.

Таким образом, данные теории неодинаково оценивают роль и место диаспоры от ключевого элемента жизни мигрантов, до полного их игнорирования. Но во всех случаях, предполагается преодоление неких социальных барьеров, с которыми сталкиваются мигранты в принимающем обществе. Диаспоры и смежные (или дочерние) организации выступают пространством связи с культурным и социальным прошлым мигрантов; инструментом адаптации в новые реалии через социальные механизмы юридических, экономических, социальных услуг, необходимых мигрантам в новой среде.

В данной статье мы проследим формирование роли диаспор в формировании социальной солидарности принимающих обществ.

Особенности исследования

Исследование проходило в 2017-2018 годах в 10 субъектах РФ на территории Сибири и Дальнего востока (Иркутская, Новосибирская, Томская, Омская область, Забайкальский край, Красноярский край, Республика Бурятия, Республика Саха, Хабаровский край, Приморский край). В качестве объекта были выбраны ведущие специалисты или руководители крупных диаспор рассматриваемых территорий. В каждом субъекте выбиралось 10 респондентов в возрасте от 25 до 75 лет, имеющих административный стаж работы в диаспоре более 5 лет. В экспертном интервью приняли участие 60 женщин и 40 мужчин.

Также нами был проведен контент-анализ печатных СМИ, федерального и регионального уровня. Целью контент-анализа печатных СМИ стало выявление того, какие пики активности обсуждения роли диаспоры в принимающем обществе. Анализ проводился за 18 лет (с 2010 до 2018 года). На первом был выполнен количественный анализ базы данных, созданной с помощью автоматической системы «Медиалогия» 3, которая позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ российских СМИ разных типов по количественным и качественным характеристикам. Система содержит около 92 млн источников информации, позволяющих осуществлять мониторинг более 28 тыс. федеральных и региональных СМИ. Было сформулировано и выполнено около десятка запросов

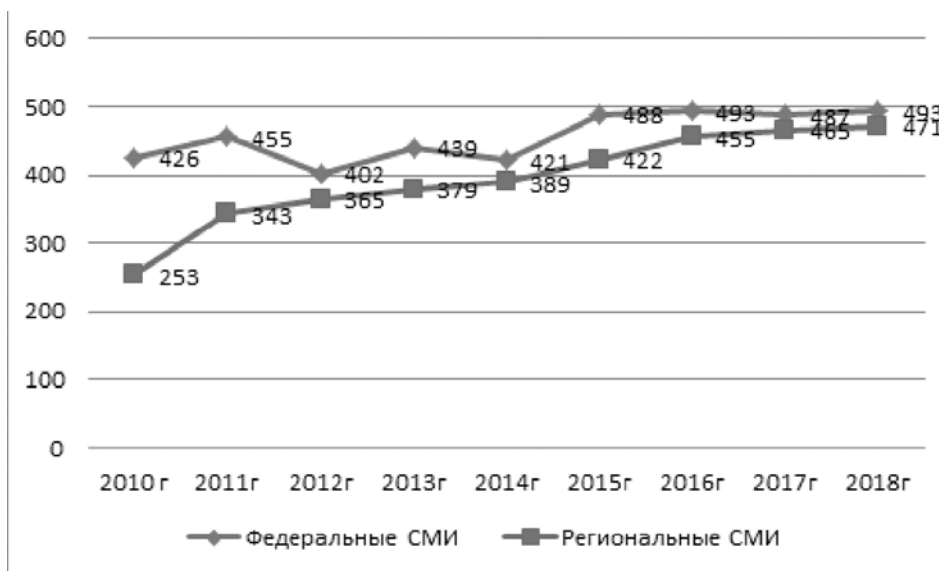

Рис. 1. Распределение в федеральной и региональной прессе публикаций со словом «диаспора»

Рис. 2. Распределение в федеральной и региональной прессе публикаций о «диаспорах»

по ключевым словосочетаниям со словом «диаспора». Выборка с единственным ключевым словом «диаспора» составила около 7900 сообщений.

На втором, содержательном, этапе был выполнен сравнительный, качественный анализ текстов статей (отобранных по поисковому запросу на первом этапе) по проблематике «диаспор*».

Выявлены наиболее значимые информационные поводы, основные темы, в контексте которых упоминаются «диаспоры», приписываемые им роли, их медийные оценки и речевые приемы, используемые для заголовков статей, описывающих события с участием «диаспор».

Распределение активности публикаций изображено на рис. 1. В федеральной прессе

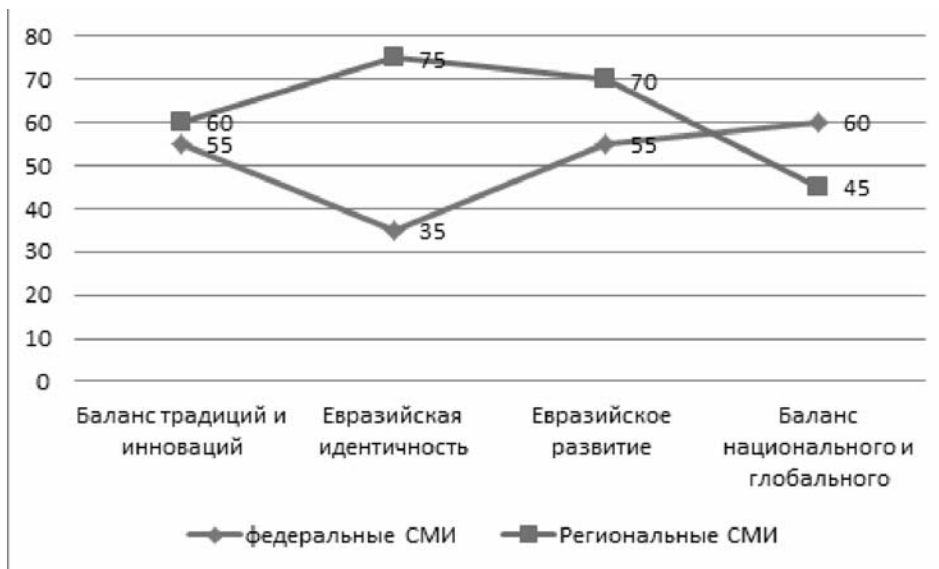

Рис.3. Особенности упоминания консолидирующих факторов диаспор

активность публикаций примерно одинакова и равномерна, а в региональной наблюдается постепенный рост упоминания данной проблематики.

Риторика федеральных и региональных СМИ в сфере «политики», «экономики» и «социальной адаптации» практически совпадает. Отличия наблюдаются в проблемном поле «культуры» – в федеральной прессе 55, в региональной 37 и в аспекте конфликтов (33 и 25 – соответственно) и нарушений прав (41 и 22 – соответственно). Контекст и проблемное поле задается конкретными реалиями. На местах больше погружены в проблемы и конфликты, в федеральной прессе присутствует некая отстраненность. На рис. 2 изображены основные сферы, рассматриваемые в публикациях о диаспорах.

Анализ прессы показал ключевые моменты интеграции диаспор на Евразийском пространстве: это баланс традиций и инноваций (60% – региональные СМИ и 55% – федеральные СМИ), Евразийская идентичность (75% и 35%), федеральный центр не столь яростно отстаивает данные идеи, так как руководство данным процессом будет происходить не из нынешней столицы. Евразийское развитие (70% и 55%) – также мы видим в региональных СМИ чаще отражают данную проблематику и Баланс националь-

ного и глобального (45% на региональном уровне и 60% на федеральном).

В результате анализа интервью мы выявили те же позиции, что и при анализе прессы – диаспоры имеют различные точки притяжения формирования солидарности. В целом, полагаем, что диаспору стоит рассматривать не как этническую группу, а как способ выражения множества диаспоральных проектов, постоянно воссоздаваемых сообществ. Основными целями публичной диаспоральной политики, по мнению наших респондентов, выступают:

– Определение баланса между культурными традициями и культурными инновациями.

«Без адаптации к новой среде у нас нет будущего, поэтому мы должны вписаться в Новый мир с его устоями и правилами, если хотим выжить» (Г.Г., член корейской диаспоры, Хабаровский край). «Мы живем в современном обществе, знать свои корни надо, но и осваивать новые стратегии и условия жизни тоже, нельзя законсервироваться, надо идти в ногу со временем» (Ю.Б., член грузинской диаспоры, Красноярский край), «Традиции нашего народа дают нам основу, но перспективы нашего народа в адаптации к новым условиям и рамкам жизни» (Т.О., член осетинской диаспоры, Новосибирская область).

– Сохранение евразийской идентичности и культуры через систему культурных учреждений и образования. *«Мы – народы Евразии всегда находили общий язык между собой и сейчас должны найти – это завет наших предков...»* (Л.Ю., член монгольской диаспоры, Иркутская область). *«Мы – народы Евразии должны помнить свою историю и сохранить культуру для потомков»* (С.А., член казахской диаспоры, Кемеровская область), *«У таджиков великая история, памятная для всей Евразии, поэтому, нам надо жить для того чтобы помнить, нам надо развиваться, для того чтобы передать наследие прошлого своим детям и внукам»* (Т.Т., член таджикской диаспоры, Алтайский край).

– Открытое обсуждение целей и способов евразийского развития. *«Мы – киргизы – потомки великих тюрков, тысячелетиями жили на землях Евразии, сегодня больше мигрируем, но сохраняя свою культуру, мы сохраняем свое прошлое, где бы мы ни жили. Наш дом – Евразия»* (Р.О., член киргизской диаспоры, Иркутская область). *«Единственный способ сохранения нашей уникальной культуры для потомков, всех кто живет на территории Евразии – это консолидация во имя сохранения и воспроизводства»* (Е.И., член монгольской диаспоры, Республика Бурятия). *«Наше будущее в единстве Евразийских народов, способных сохранить прошлое и укрепить настоящее для всех, кто живет на нашей территории»* (Т.И., член таджикской диаспоры, Красноярский край).

– Поиск баланса между национальным и глобальным. *«Поддаваясь глобализации, мы теряем свою душу»* (О.О., член монгольской диаспоры, Республика Саха). *«Глобализация «съедает» уникальные культуры, растворяет в себе идентичность. Наша задача – сохранить культуру для потомков, не растратив ее в угоду вестернизации»* (М.И., член киргизской диаспоры, Иркутская область). *«Без собственной национальной идентичности мы станем безликой массой. Глобализация стирает особенности всех народов и культур – в этом ее великая угроза и наша задача, не дать ей разрушить наш мир»* (Л.Ю., член китайской диаспоры, Хабаровский край).

Диаспоры помогают социальной и социокультурной адаптации мигрантов, обогащают региональный социум и позволяют максимально лаконично вписаться в принимающее обще-

ство. Диаспоры с одной стороны выступают посредником, а с другой катализатором решения многих неоднозначных вопросов. Региональные сообщества нуждаются в активной работе диаспор.

Заключение

Таким образом, диаспоры могут влиять на региональную политику, используя разнообразные механизмы. В большинстве случаев диаспоры добиваются своих целей путём воздействия на органы власти и общественность принимающего общества, что, однако, не исключает самостоятельности таких сообществ. В некоторых случаях диаспоры являются не только инициаторами взаимодействий, но и обеспечивают их длительность. Отчасти для выполнения подобных задач внутри диаспор существует своеобразная элита, которая формулирует интересы всех соотечественников и выработывает стратегию своей деятельности для достижения конкретных результатов. Эта группа внутри общества оперирует социально-политическим и гуманитарным ресурсом влияния. При определённой численности сообщества, наличии политического и экономического потенциалов, всё вышеперечисленное характеризует диаспору как реального актора региональной политики, способной регулировать социокультурные процессы солидарности. Диаспоры создают внутреннее пространство взаимодействия для всех сторон-участниц. Диаспора – не только социально-экономическая, это еще и интеграционно-политическая категория.

Литература

1. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Специфика миграционных процессов и диаспоростроительства в монгольском мире // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 75-81.
2. Завьялов А. В. Адаптация мигрантов в городской среде: новые условия жизни в старых городах // Урбанистика. 2018. № 3. С. 1-11.
3. Завьялов А. В. Актуальные вопросы государственного регулирования социальной адаптации мигрантов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 72. С. 143-164.

4. Завьялов А. В. Мигрантофобия и гуманизм в миграционной политике // Социодинамика. 2016. № 9. С. 52-66.

5. Завьялов А. В. Миграция в социокультурном контексте общественных трансформаций // DIXI – 2018 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2018. С. 117-127.

6. Завьялов А. В. Социальная адаптация мигрантов в контексте современной миграционной политики России // Научное мнение. 2016. № 13. С. 50-58

7. Завьялов А. В. Мигранты в общественном мнении жителей Иркутской области // Социология. 2018. № 2. С. 104-107.

8. Иванов Р. В. Влияние миграционных процессов на социальную обстановку в России (на примере Иркутской области) // Российская цивилизация в альтернативах развития ежегодная научно-практическая конференция. Иркутск, ИГУ. 2010. С. 189-194.

9. Ким А. С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. 330 с.

10. Ким А. С., Довгополов Е. Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона): монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 166 с.

11. Ким А. С., Полюшкевич О. А. Консолидация и дезорганизация национальных некоммерческих организаций в регионах России // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV всерос. науч.-практ. конф. /ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. О. А. Кармадонова, О. А. Полюшкевич]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 86-91.

12. Ким А. С., Полюшкевич О. А. Роль диаспоры в организации некоммерческой деятельности мигрантов // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен: материалы IX всерос. науч.-практ. конф. /ФГБОУ ВО «ИГУ»; [под общ. ред. О. А. Полюшкевич]. Иркутск, Изд-во ИГУ. 2017. С. 7-10.

13. Ким А. С., Полюшкевич О. А. Диаспоры как регуляторы этнополитической мобилизации

регионов // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2017. С. 75-81.

14. Ким А. С., Полюшкевич О. А. Ресурсы диаспоры в формировании этнонационального единства регионов Сибири И Дальнего востока // Социокультурные аспекты деятельности силовых структур. Сборник материалов межвузовской научной конференции. Иркутск, ИГУ. 2017. С. 115-120.

15. Малых С. В. Социальные и экономические притязания мигрантов // DIXI – 2018 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск, 2018. С. 148-152.

16. Пешкова В. М. Дискурсы о «диаспорах» в современной российской федеральной прессе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 61-79.

17. Полюшкевич О. А. Территориальная идентичность мигрантов в принимающем обществе // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т 2. Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2017. С. 527-531.

18. Рыжова С. В., Пешкова В. М. Язык межкультурного восприятия в СМИ // Социология межэтнической толерантности / отв. ред. Л. М. Дробижева. М. : Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 192-214.

19. Сагитова Л., Ходжаева Е., Шайхитдинова С., Ерофеев С. «Другой» в текстах массовой коммуникации: культурное многообразие или идеологическое противостояние? (Опыт методики определения толерантности-интолерантности в периодической печати) // Антропология. Меньшинства. Мультикультурализм : Бюллетень. Вып. 4. / под ред. И. В. Кузнецова. Краснодар, 2003. С. 25-46.

20. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 46-63.

21. Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33-42.

Роль российских профсоюзов в переговорной кампании в защите интересов работников

Мальшев М.А.

На материалах исследования, проведенного в 2018 году кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова, анализируется переговорный процесс профсоюзных организаций различных субъектов РФ. Исследование в указанной сфере решает задачи по выявлению механизмов, обеспечивающих успешную реализацию колдоговорной кампании, что в значительной мере будет содействовать развитию социально-трудовых отношений и защите интересов работников. Поддержка вышестоящих профсоюзных органов очень важна в процессе отстаивания выдвигаемых требований. Однако реальная степень взаимодействия остается крайне низкой. Большинство респондентов склоняются к тому, что председатели профсоюзных комитетов не имеют контактов, за исключением ситуативных, на региональном уровне. Ситуацию осложняют специфические территориальные и отраслевые особенности. Нередко в соглашениях более высокого уровня вообще исключается эта особенность переговорного процесса. Примерно так же обстоит ситуация в оценке контактов с властными структурами. Приходится констатировать вынужденную зависимость председателей профкомов от дирекции. Такая ситуация провоцирует пассивность профлидеров - они боятся испортить отношения с работодателем, от которого нередко зависит их должность и зарплата. Иногда эта зависимость носит угрожающий характер. При этом председатели профкомов играют чисто формальную роль, а их функции берут на себя работодатели. Вполне понятно, что такие профлидеры не имеют больших шансов на сплочение коллектива и активизацию его на решительные действия. Тем не менее, исследование показало, что потенциал трудовых коллективов к активному отстаиванию своих законных прав имеется. Задача профсоюзного лидера - использовать его грамотно и умело.

Ключевые слова: профсоюзы, коллективный договор, переговоры, защита социально-экономических интересов, лидерство, эффективность, авторитет, функции профсоюзов.

Malyshev M.A.

Role of the Russian labor unions in a negotiation campaign in protection of interests of workers

On materials of the research conducted in 2018 by department of sociology of management of faculty of public administration Lomonosov Moscow State University negotiation process of the Russian trade-union organizations is analyzed. It is necessary to state the forced dependence of chairmen of trade-union committees on directorate. Such situation provokes passivity of professional leaders - they are afraid to spoil the relations with the employer on whom their position and salary quite often depends. Sometimes this dependence has the menacing character. At the same time chairmen of trade-union committees play a purely formal role, and their functions are undertaken by employers. It is quite clear that such professional leaders have no good chances of unity of collective and its activation of resolute actions.

Key words: trade unions, collective agreement, negotiations, protection of social and economic interests, leadership, efficiency, authority, functions of trade unions.

Становление социального института наемного труда

Трудовые отношения можно определить, как «... между работодателями, работниками наемного труда и органами государственной власти, определяющими социальную политику в сфере труда, по поводу его оплаты, занятости работников и разрешения трудовых конфликтов» [1. С. 58]. В следствии того, что «договорные трудовые отношения» планомерно институционализировались [2], формировался институт наемного труда, «обрастая» социальным устройством, включающим в себя организации и механизмы, статусы и роли, нормы и правила [3].

Актуальность проведения мониторингового исследования, связана с тем, что в массовом сознании сложился устойчивый стереотип о профсоюзе как общественной организации, действующей в рамках государственной структуры и призванной удовлетворять определенные социальные потребности трудящихся. В публикациях, посвященных социально-трудовым отношениям, все чаще можно встретить категорию «социальный институт». Например, С.Г. Кирдина пишет об институте «наемного труда» [4. С. 59], Г.Е. Зборовский пишет об институте «найма» [5. С. 364], А.А. Русалинова говорит об «общественно организованном труде» как социальном институте [6. С. 178].

В опубликованной в 1958 работе «Система промышленных отношений», американский государственный деятель Д.Т. Данлоп рассматривал трудовую сферу, как подсистему общества: «... в своем развитии заключает в себе в каждый момент времени определенных субъектов (акторов), определенный контекст, идеологию, которая связывает эту систему воедино, и свод правил, которые руководят субъектами на рабочих местах и в рабочем сообществе» [7. Р. 7]. М. Саламон, отмечал, что: «Это роли, отношения, институты, процессы и виды деятельнос-

Таблица 1
Социально-демографическая характеристика экспертов и респондентов

Статус как проф-работника	Освобожденный	18	68
	Неосвобожденный	2	32
Возраст	46 – 60 лет	17	95
	Старше 60 лет	3	5
	Мужчины	16	55
Пол	Женщины	4	45
	Общее среднее	1	1
Образование	Средне специальное, средне техническое	3	19

ти, которые содержит в себе феномен индустриальных отношений, существующий как в широком разнообразии отраслей промышленности и сферы услуг, так и на нескольких уровнях - начиная от первичного (рабочие группы, участки, подразделения) и уровня организаций и до уровня отраслей и национального» [8. Р. 1]. Х. Морель, относит к действующим участникам структуры трудовых отношений ассоциации работодателей и профсоюзы [9. Р. 1]. И.Ф. Беляева отмечает: «Система трудовых отношений - это совокупность взаимодействий, включающая в себя фактические трудовые отношения... социально-трудовые отношения; трудовые (социально-трудовые) правоотношения и отношения, направленные на регулирование трудовых отношений» [10. С. 4]. В.А. Ядов отмечал, что «в современной социологии на первый план выдвигается проблематика ценности труда в культуре и мировосприятии людей» [11. С. 333].

Освободившись в ходе рыночного реформирования от выполнения несвойственных профсоюзу функций, ряд профкомов так и не смогли перейти в традиционную плоскость социально-трудовых отношений.

В организациях, где наблюдается полная (вынужденная) экономическая зависимость профлидера от руководства предприятий (такая зависимость встречается достаточно часто), либо председатель профкома «встроен» в управленческую (административную) структуру роль профсоюзов часто является декларативной. Кроме того, наблюдается дефицит трудящихся, которые были бы «вовлечены» в работу своего предприятия [12].

Характерно и то, что многие работники частных компаний считают, что наличие профсоюзной организации будет только отвлекать их от интенсивной работы, а получаемая высокая зарплата компенсирует все издержки. При этом, забывается о том, что ради высокой прибыли работодатель может поступиться принципами. Ситуация обостряется ничтожным числом освобожденных председателей профкома на локальном уровне.

Для поддержания авторитета важны конкретные действия, выступления с предложениями к администрации по поводу удовлетворения требований работников, доказательство того, что профсоюзный комитет существует и способен реализовать их интересы. Распространение информационных бюллетеней, профсоюзных изданий и обновление стендов на сегодня представляется недостаточно эффективным при формировании современного общественного мнения. Ж. Бодрийяр пишет по этому поводу: «мы слишком часто предаемся иллюзии, будто стоящие перед нами проблемы можно решить традиционными средствами - мы по-прежнему объединяемся в профсоюзы, протестуем, выходим на демонстрации, как если бы окружающий нас мир несколько не изменился...» [13, с. 95], французский ученый Ж. Жилард, пишет: «Профсоюзы зародились в капиталистическом, индустриальном обществе и, по-видимому, исчезнут вместе с ним» [14, с. 317].

Исследования, на промышленных предприятиях в режиме мониторинга, оценивают состояние социально-трудовой сферы: работу профсоюзов, степень мотивации персонала, перспективы формирования социального партнерства на предприятиях [12], оплата труда [15], степень социальной напряженности [16], трудовой потенциал [17], степень развития трудовых отношений на предприятиях [18]. Наш опрос показал, что профсоюзные лидеры боятся испортить отношения с работодателем, от которого зависят не только их должности, а нерядко и зарплата¹.

Таблица 2

Какие вопросы, являются предметом разногласий профсоюзов с работодателями во время проведения переговоров?

Варианты ответов	Frequency Exp.	Total, %
Заработная плата, пособия, денежные вознаграждения, доплаты, компенсации	17	90
Установление механизмов регулирования оплаты труда	9	44
Обеспечение занятости работников	4	28
Перемещение персонала или перевод работников	-	6
Найм работников	-	2
Переобучение кадров	-	11
Создание новых рабочих мест	3	15
Рабочее время и время отдыха, время отпуска	2	21
Обеспечение условий охраны труда, производственной безопасности	4	33
Формирование активной жизненной позиции молодежи	1	14
Добровольное и обязательное социальное страхование	2	7
Социальная защита	6	45
Жилищные проблемы	4	36
Интересы работников при приватизации предприятия	-	5
Производственные и управленческие проблемы	-	4
Условия профсоюзной деятельности	-	12
Другое	-	-
Затруднились ответить	-	2

Вообще конфликты возникают ситуативно, а профсоюзам ничего не остается делать, как идти вслед за ними - обращаться с письмом в другие инстанции. В современных условиях первичным профсоюзным организациям не хватает должной активности. Об этом свидетельствует то, что часто в случае обострения отношений во время переговоров профлидеры ищут поддержки у более высоких профсоюзных инстанций - в райкоме, горкоме, теркоме, обкоме. И оказывают «давление» с помощью этих структур.

Хорошей школой для профлидеров является опыт положительного разрешения трудовых конфликтов. Этот опыт, приобретается в ходе конфликта с работодателями, а также в процессе подготовки профкадров.

Распределение оценок респондентов в зависимости от численности профсоюзной организации показывает, что председатели первичек в большинстве случаев склоняются к использованию «не силовых» форм борьбы.

В то же время представители средних по численности профсоюзных организаций готовы использовать значительно больший перечень средств борьбы. По-видимому, здесь проявляется определенная автономия в действиях первичек, обусловленная независимостью от вышестоя-

щих органов профсоюза (чего нельзя сказать о небольших по численности первичных организациях) и «сконцентрированным» давлением на профактив трудового коллектива.

Основной фактор успешного ведения переговоров является наличие «сильного» профсоюза

Собственно это и является главным при выборе форм воздействия на работодателей во время переговоров.

Интересно отметить, что «сила» профсоюза проявляется не только в компетенции профсоюзного актива и готовности к сотрудничеству, но и в его «экономической» независимости. Реальным содержанием это положение наполнено, прежде всего, там, где финансовое положение предприятия не зависит напрямую от бюджетных вливаний. Поэтому мнения экспертов по бюджетным и внебюджетным организациям разделились. Несомненно, большей возможностью для самостоятельных действий обладают представители прибыльных и развитых отраслей.

В ходе предварительного исследования было также установлено, что большое влияние на успешное проведение переговорной кампа-

нии оказывает уровень социального партнерства (отраслевой, территориальный), на котором заключаются соглашения, российский исследователь С.Н. Татарникова, отмечает важность на регулирования субъективных прав работника в правовых актах социального партнерства [19, 20]. Основа инфраструктуры социального диалога в муниципальных образованиях в основном формируется вокруг бюджетных отраслей, либо агросектора. Соответственно и уровень включенности представителей трудящихся в переговорный процесс существенно различается в зависимости от региона.

Нужно отметить, что роль администрации региона при инициации переговорного процесса на территориях весьма существенна. Поддержка администрации рассматривается в качестве важного фактора успешной реализации переговорного процесса.

В ходе опроса установлено, что представители городов-мегаполисов, чаще, чем в целом по выборке выбирали позицию «консолидация усилий, солидарность и единые действия всех профсоюзов». С уменьшением численности населенного пункта возрастает число респондентов, считающие значимым привлечение СМИ для эффективного проведения переговорного процесса.

Представители низкодходной части населения, чаще, чем в среднем по выборке, называли значимым фактором «соблюдение регламента ведения переговоров».

С увеличением образовательного уровня респондентов возрастает число тех, кто считает важным для переговоров владение всей необходимой информацией.

Приоритет финансового фактора в переговорном процессе не случаен. Экономический кризис, переживаемый нашей страной, отразился на уровне заработной платы. Наблюдается устойчивое сокращение цены труда, сильная дифференциация зарплаты по отраслевому признаку. С 2014 года наблюдается сокращение реальных доходов, инфляция опережает рост номинальных зарплат, в 2014 году падение реальных доходов относительно 2013 года составило 0,7%, в 2015 году - 4,3%, а за первое полугодие 2016 года доходы упали на 5,3% [21]. Это драматическое сокращение негативно сказалось на уровне жизни россиян, повысило социальную напряженность в обществе. Так, глава Счетной палаты А. Кудрин, выступая в Государ-

ственной Думе отметил, что «Тем не менее, уровень бедности сохраняется высоким. 19,3 млн человек, то есть 13,2% населения имеют доход ниже прожиточного минимума» [22].

В целом респонденты, чаще всего склонны были положительно оценивать позицию представителей работников во время переговоров. Однако они высказали ряд замечаний по поводу недостатков технологии проведения переговорного процесса. Отсутствие настойчивости, недостаточная компетентность и дефицит информации об экономике предприятия - те минусы, которые не позволяют профсоюзной стороне иметь более выгодные позиции во время переговоров.

Сила представителей работников во время переговорного процесса, по мнению экспертов, во многом зависит от степени взаимодействия с вышестоящими профсоюзными органами и властными структурами. При этом подчеркивается специфика России как федерального государства с многообразием региональных различий. В этой связи, по мнению экспертов, все большее звучание приобретают региональный и территориальный уровни системы единой переговорной кампании.

Следует отметить, что в рамках переговорной кампании разработана целая система социальных гарантий трудящихся. Вместе с тем она еще не нашла столь широкого применения как хотелось бы. Однако там где она была внедрена, при планировании роста заработной платы работников учитываются инфляционные издержки расходов работников на здравоохранение, коммунальные платежи, организацию отдыха и улучшение жилищных условий. В принятых коллективных договорах находят отражение проблемы содержания социальных объектов, большое внимание уделяется организации качественного рабочего питания, осуществляется дополнительное пенсионное и медицинское страхование работников, уделяется внимания подготовке и повышению квалификации кадров.

Как уже отмечалось, в работе профсоюзной организации проведение переговоров занимает важнейшее место. Переговорный процесс является непременным атрибутом практически любой сферы деятельности. Успех переговоров зависит от умения профсоюзного лидера общаться, убеждать, разрешать конфликтные ситуации.

Таблица 3
Знакомы ли Вы с технологией проведения Единой переговорной кампании?

Варианты ответов	Frequency Exp.	Total, %
Да	14	52
Скорее да	2	19
И да, и нет	2	12
Скорее нет	1	5
Нет	-	5
Затруднились ответить	-	2

Опрос показал (табл. 3), что большинство председателей профсоюзных комитетов знакомы с технологией проведения единой переговорной кампании.

Однако, несмотря на значительную осведомленность председателей профсоюзных комитетов о переговорной кампании, согласно оценкам экспертов существует определенная часть профсоюзных лидеров, знакомых с ней лишь отчасти. Как уже говорилось, успешность проведения переговоров во многом определяется информированностью профсоюзных руководителей об ее особенностях.

Вместе с тем, как показывают результаты исследования, несмотря на высокую информированность о переговорной кампании, у профсоюзных работников нередко отсутствуют практические навыки по ее успешному проведению.

Нередко в первичных профсоюзных организациях не располагают задокументированными свидетельствами нарушений работодателями достигнутых договоренностей.

Как показал анализ, уже на этом этапе профсоюзы сталкиваются с некоторыми сложностями. Одной из серьезных проблем, негативно влияющих на переговорный процесс, по мнению экспертов, является недостаток информации. Зачастую отсутствие полной информации приводит к тому, что профсоюзные лидеры: *«не могут за столом переговоров с представителями администрации аргументированно обосновывать свою точку зрения»*. На уровне администрации нередко делается все, чтобы притеснить профсоюз, принизить его роль в регулировании социально-трудовых отношений и, наконец, вытеснить из организации.

Опрос показал, что по позиции «отсутствие необходимых знаний» в оценках респондентов и экспертов наблюдается некоторые отличия. В

оценках респондентов эта позиция занимает устойчивое второе место. И дополняет первую позицию «недостаточная информация о деятельности предприятия». Действительно, многие респонденты по данному вопросу отмечали, что они встречаются с определенными трудностями по получению необходимой информации от администрации по ряду актуальных для профсоюзной деятельности вопросов. Освобожденные профработники, чаще, чем неосвобожденные полагают, что слабость обуславливается «недостаточным использованием методов коллективного воздействия», «отсутствием необходимых знаний», «отсутствием поддержки госорганов», «недостаточной информацией о деятельности предприятия». В оценках представителей неосвобожденных профработников, чаще, чем в целом по выборке звучали позиции «существенное сокращение функций профсоюзов», «вытеснение профсоюзов из производственной сферы деятельности». Полученное распределение объясняется тем, что на оценки респондентов большое влияние оказывает производственная среда, статус профсоюзного работника. Освобожденные профработники склонны, чаще всего видеть слабость в «организационных» факторах, напротив, неосвобожденные профработники первостепенное внимание придают «производственному» фактору. В этой связи особый интерес, безусловно, заслуживают мнения экспертов.

Согласно оценкам экспертов следующей важной проблемой профсоюзов в процессе переговоров является *«преобладание личных отношений между профсоюзным лидером и администрацией»*. Мощное давление со стороны администрации вызывает нерешительность в поведении профсоюзной стороны.

Один из основополагающих принципов профсоюзного движения - независимость. Что-

бы избежать угрозы оказаться под контролем или доминирующим воздействием работодателя, профсоюз может и должен стремиться к достижению поставленных целей через отстаивание своей позиции, умелое использование технологии переговорного процесса. Большой школой для профлидеров является опыт положительного разрешения трудового конфликта. Благодаря этому опыту председатель профкома и в «мирных» условиях может вести полноценный диалог.

Результаты проведенного социологического исследования позволяют говорить о том, что со стороны социальных партнеров существует неоднозначная оценка путей совершенствования переговорной кампании. Это обуславливается различной позицией социальных партнеров в переговорном процессе. С одной стороны - проявляется отстраненная позиция государственных органов в формировании институтов представительства интересов сторон социального диалога. С другой, для работодателей переговорный процесс не является необходимым условием достижения их главной цели - получения максимальной прибыли и повышения результативности производства. Побудительным мотивом для работодателей является сильный профсоюз. Именно это является одним из главных факторов в развитии отраслевого уровня социального диалога.

В целом можно отметить, что сотрудничество отраслевых обкомов с территориальными объединениями профсоюзов обычно бывает довольно плодотворным и успешным. Безусловно, формирование института переговорного процесса идет на отраслевом уровне несколько легче. Но уже сейчас можно сказать, что отраслевые профсоюзные объединения все более активно принимают участие в работе именно трехсторонних территориальных комиссий - потому что это дает им возможность на уровне региона и территории взаимодействовать с территориальными объединениями работодателей. Отсутствие полноценных субъектов отношений является существенным препятствием для становления целостного процесса единой переговорной кампании.

Важной характеристикой при этом выступает степень включенности организаций в переговорный процесс. Эта характеристика является очень значимой для расширения положе-

ний нормативных соглашений и коллективных договоров и распространения их не только на подписавших эти документы.

Показательным также является выбор стратегии поведения социальных партнеров в переговорном процессе. Приоритетное место в переговорном процессе занимают коллективные договора.

Технология единой переговорной кампании, как полагают участники опроса, заключается в том, чтобы добиться, путем переговорного процесса воздействия на власть и работодателей того, чтобы социально-трудовые нормативы (стандарты) вырабатывались при равноправном участии профсоюзов через процедуру включения их в соглашения всех уровней. Уровень стандартов должен ежегодно пересматриваться, если соглашение не включает жестких правил регулярной индексации.

Технология единой переговорной кампании основным смыслом и целью «силы» профсоюзов во время переговоров называет обеспечение взаимной поддержки участников, достижение выработанной коллективной позиции.

Рейтинг мероприятий, придающих силу и весомость профсоюзной стороны

Так, первое место среди экспертных оценок заняла такая позиция как *поддержка профсоюза со стороны работников*. Важным принципом профсоюзного движения является единство работников. Сила профсоюзной стороны во время переговоров зависит от степени сплоченности работников компании.

Второе место в экспертных оценках «силы» профсоюзной стороны занимает *знание экономики предприятия, вера в то, что спорный вопрос будет решен*. Без достаточной осведомленности о проблемах работников, экономики предприятия невозможно вынести на переговоры точные требования.

На третьем месте были указаны позиции - *информированность переговорщиков о проблемах работников, высокий уровень активности работников*. Безусловно, данные позиции имеют много общего и зависят от поведения самого профсоюзного лидера, проведения постоянного контроля действий работодателя.

Показательно, что по ряду ответов мнения экспертов совпадают с мнениями респонден-

тов. Однако особую актуальность в оценках респондентов приобретает ответ «высокий уровень профессионализма профработников». Данная характеристика, по мнению респондентов, носит «продолженный» характер и заключается в целенаправленном совершенствовании стиля и методов профсоюзной работы с учетом требований реальной ситуации.

Освобожденные профсоюзные работники чаще, чем неосвобожденные профсоюзные работники связывали свое влияние на переговорах с «поддержкой вышестоящих профсоюзных органов», «знанием экономики предприятия», «нормативно-правовой защищенностью профработников».

Существенное влияние на характер оценок оказывает территориальная принадлежность и образовательный уровень респондентов.

Так, респонденты из городов-мегаполисов чаще, чем в целом по выборке указывали на позицию «наличие солидарности с представителями других профсоюзных организаций». В то же время представители небольших по численности территориальных образований склонны были подчеркивать свою зависимость от вышестоящих профсоюзных органов.

С повышением возраста увеличивается число тех респондентов, которые в своих ответах указывали «поддержка профсоюзов со стороны работников». С уменьшением образовательного уровня понижается доля респондентов, которые выбирали позицию «поддержка профсоюзов со стороны работников».

В то же время, это не означает, что профсоюзы в переговорном процессе могут занимать пассивную позицию. Иногда степень пассивности председателей профкомов и их зависимость от администрации такова, что председатели профкомов играют исключительно инструментальную роль, а их функции переходят к работодателю. Такая позиция нивелирует любые действенные механизмы социального партнерства.

Р. Хайман отмечает, что: «Типичный контекст труда и занятости больше не крупные промышленные предприятия добывающих и перерабатывающих отраслей и транспорта, где набирал силу тред-юнионизм двадцатого века. Рабочая сила во все большей степени сосредотачивается в секторах и профессиях, где коллективное представительство организовать гораздо слож-

нее» [23. Р. 33]. Ю.Н. Попов и А.В. Шевчук, «профсоюзы не сумели своевременно подготовиться к последствиям постиндустриальной революции, с запозданием осознав структурный характер происходящих изменений. Сегодня кризис охватил профдвижение в целом. Глубина его в разных странах зависит от масштабов постиндустриальных преобразований, а также от особенностей политической культуры и места в ней профдвижения» [24. С. 75].

Интерес представляет доминанта конкретных практических приемов на переговорах.

Опрос показал, что основными приемами во время проведения переговоров эксперты назвали *прямое или косвенное предложение отложить рассмотрение вопросов или дать крайне неопределенный ответ* и *«выражение несогласия» с предложениями и позицией партнера*.

Мнение экспертов в данном случае рассматривается как желаемая ситуация. Однако опрос показал, что в реальности председатели профкомитетов не всегда в своих оценках полагаются на «активные» методы ведения переговоров. В большинстве случаев позиция председателей профкомов, по мнению респондентов, связана со стратегией «выжидания» и формирования своей позиции в зависимости от ситуации. Такая оценка неслучайна и обусловлена как прямой, так и косвенной зависимостью председателей профкомитетов от администрации. Интересно, что по результатам опроса наибольшее число «выжидающих» наблюдается среди освобожденных профсоюзных работников (58% против 15%). По-видимому, это свидетельствует о низкой требовательности к кадрам внутри профсоюзных структур, самоуспокоенности многих профсоюзных работников, нежелание вступать в конфликт, не затрагивающий данного работника лично, не вследствие объективных причин, а вследствие стремления оттянуть решение проблемы.

Стремление дать крайне неопределенный ответ и отложить рассмотрение вопроса, часто продиктовано некомпетентностью переговорщика. Непрофессионализм, неумение отстаивать выдвинутые требования, отсутствие необходимой информации порождают стратегию «ухода» от конфликта, которая не ведет к успешному ведению переговоров. Однако и от стратегии «борьбы» одним из компонентов, которой является необоснованное, острое «выражение

Таблица 4

Оцените степень взаимодействия Вашего профсоюза с властными структурами? Frequency Exp.

Уровень	Высокая	Средняя	Низкая	Очень низкая	Затруднились ответить
Федеральный	2	2	1	4	2
Региональный	1	1	2	6	2
Муниципальный	2	2	5	2	2
Организации	1	-	1	4	5

несогласия» положительных результатов переговоров ожидать также не приходится.

Эксперты склоняются к тому, что серьезной проблемой по-прежнему остается налаживание более тесных контактов между администрацией (федерального, регионального, муниципального и местного уровней) с профсоюзными комитетами. Такие контакты определяются спецификой института профсоюзного представительства, отраслевыми особенностями и носят, как правило, опосредованный характер и осуществляются через отраслевые, территориальные и региональные вышестоящие профсоюзные органы.

Не способствуют налаживанию полноценного диалога наблюдающиеся в государственном секторе преобразования, связанные с образованием новых структур, отсутствие на федеральном уровне полноценной законодательной базы. Недостаточно широкая распространенность социального диалога (на различных уровнях) с представителями органов власти свидетельствует о слабости и незавершенности институционального оформления переговорного процесса.

Роль государственных органов в переговорном процессе размыта. Вследствие этого на профсоюзы ложится большая ответственность по формированию взаимовыгодного полноценного диалога между органами власти и трудящимися. Здесь уместно говорить об использовании профсоюзами не только экономических, социальных, правовых, но и политических рычагов воздействия на власть.

Результаты экспертного опроса позволили выявить высокий уровень информированности на местах о содержании соглашений различных уровней. При этом в качестве предмета исследования были выделены следующие виды соглашений - генеральное, региональное, отраслевое.

По мнению экспертов, профсоюзные лидеры хорошо знакомы с содержанием генераль-

ных и отраслевых соглашений. При этом постоянно используют в своей работе генеральное и региональное соглашения.

Вместе с тем, анализ современного состояния коллективно-договорного регулирования трудовых отношений выявил ряд серьезных содержательных проблем. Так, многие колдоговора и соглашения нередко характеризуются декларативностью и малосодержательностью, их необязательностью и отсутствием необходимых санкций за их соблюдение. Настораживает и недостаточная согласованность соглашений различного уровня. Все это обуславливается тем, что на сегодняшний день нет единых четких стандартов профсоюзной отчетности и учета специфики работы на местном уровне.

Необходимо отметить, что по уровню информированности профлидеров о содержании отраслевого соглашения ответы респондентов разделились - на тех, кто полагали, что знают содержание, и тех, кто указывал - «не знают содержание». Значимая часть из них выбрала позицию «знают содержание в общих чертах». Недостаточный интерес со стороны профлидеров к соглашениям свидетельствует о том, что реализация их положений в значительной мере зависит от централизованно принимаемых решений по управлению отраслью и финансированию за счет средств федерального и местных бюджетов.

Таким образом, несмотря на то, что информированность о содержании соглашений у председателей профкомов имеет достаточно высокий уровень, профсоюзные лидеры не всегда могут эффективно использовать данные нормативные соглашения в своей работе. Одна из причин такой ситуации обусловлена отсутствием единых социальных стандартов, учета территориальных и местных условий.

Исследование показало, вынужденную зависимость председателей профкомов от дирекции. Такая ситуация провоцирует пассивность

профлидеров - они боятся испортить отношения с работодателем, от которого нередко зависит их должность и зарплата. Иногда эта зависимость носит угрожающий характер. При этом председатели профкомов играют чисто формальную роль, а их функции берут на себя работодатели. Вполне понятно, что такие профлидеры не имеют больших шансов на сплоченные коллектива и активизацию его на решительные действия.

Тем не менее, исследование показало, что потенциал трудовых коллективов к активному отстаиванию своих законных прав имеется. Задача профсоюзного лидера - использовать его грамотно и умело.

Для создания единых рамок проведения переговорной кампании необходимо наладить согласованную структуру - коллективный договор, отраслевое, территориальное и региональное соглашения. Однако, нередко устанавливаемая вышестоящими соглашениями зарплата, не имеет влияния на реально выплачиваемую зарплату работникам предприятия. В этой связи учет территориального и отраслевого аспектов на локальном уровне должен способствовать активизации коллективно-договорного регулирования на уровне каждого отдельного предприятия. Исходя из этого, одним из важных разделов в трехстороннем территориальном соглашении должно стать тарифное соглашение, определяющее и гарантирующее обеспечение минимального уровня оплаты труда работников отраслей, находящихся на данной территории. Причем на локальном уровне следует предусмотреть возможность вести переговоры по различным ставкам оплаты труда, в зависимости от экономической ситуации на предприятии и с усложнением положений тарифного соглашения.

Поддержка вышестоящих профсоюзных органов очень важна в процессе отстаивания выдвигаемых требований. Однако реальная степень взаимодействия остается крайне низкой. Большинство из них склоняются к тому, что председатели профсоюзных комитетов не имеют контактов, за исключением ситуативных, на региональном уровне. Ситуацию осложняют специфические территориальные и отраслевые особенности. Нередко в соглашениях более высокого уровня вообще исключается эта особенность переговорного процесса.

Примерно так же обстоит ситуация в оценке контактов с властными структурами. Степень взаимодействия председателей профкомов с ними эксперты оценили как *неудовлетворительную*.

Низкая степень взаимодействия свидетельствует об отсутствии четко спланированных механизмов проведения единой переговорной кампании. Большие упущения имеются как в методологическом, так и в технологическом плане (отсутствуют: систематизация опыта по проведению единой переговорной кампании; четкая стратегия действий на различных уровнях, нет нормативные документы учитывающие территориально-отраслевую специфику и др.).

Данные исследования позволяют прийти к заключению, что результаты коллективных переговоров лишь тогда окажутся действенными, когда они будут вестись с соблюдением сроков инициирования соглашений на всех вышестоящих уровнях социального партнерства.

Литература

1. Васькина Ю.В. Договорные трудовые отношения. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб., Наука. 2006. С. 58–59.
2. Бочаров В.Ю. Институционализация договорных трудовых отношений на предприятиях / / Социологические исследования. 2001. № 7. С. 63–68.
3. Бочаров В.Ю. Теоретическое конструирование социального института наемного труда: субъекты, включенные в режимы действий / / Экономика и социология. 2016. № 3 (31). С. 7–12.
4. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., ТЕИС. 2000. 213 с.
5. Зборовский Г.Е. Общая социология. Екатеринбург, Изд-во УГППУ. 1999. 610 с.
6. Русалинова А.А. Основные функции общественно организованного труда и уровень их организации в современном обществе как проблема современной социологии труда. Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества. СПб., Изд-во СПбГУ. 2008. С. 178–183.
7. Dunlop J.T. Industrial Relations Systems. New York: Henry Holt and Winston. 1958. 416 p.
8. Salomon M.W. Industrial Relations: Theory and Practice. London: Prentice-Hall International.

1987. 580 p.

9. Moerel H. The Study of Labour Relations // Labour Relations in Transition / ed. by H. Moerel. Nijmegen: Institute for Applied Social Sciences. 1994. P. 1-7.

10. Беляева И.Ф. Концепция развития трудовых отношений в России в переходный период: тезисы доклада. М., Министерство труда РФ, институт труда. 1995. 39 с.

11. Ядов В.А. Труд. Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб., Наука. 2006. С. 332–333.

12. Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Социальное партнерство на промышленных предприятиях. Петербургская социология сегодня – 2015. Вып. 6. СПб., Изд-во «Нестор-История». 2015. С. 10-63.

13. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург: У-Фактория. 2006. 199 с.

14. Жилард Ж. Синдикализм. 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., Прогресс. 1989. С. 317-321.

15. Васькина Ю. В. Заработная плата и уровень жизни работников промышленности Поволжья // Петербургская социология сегодня – 2015. Сб. науч. трудов Социологического института РАН. СПб., Изд-во «Нестор-История». 2015. Вып. 6. С. 236-265.

16. Бочаров В.Ю. Динамика социальной напряженности на предприятиях обрабатывающих производств (по результатам регионального мониторинга социально-трудовой сферы). Социально-трудовые конфликты в Российской Федерации: выявление, урегулирование, предотвращение. СПб., СПбГУП. 2015. С. 51-55.

17. Авдошина Н.В. Социальные инновации в развитии трудового потенциала промышленных предприятий. Гуманитарии в XXI веке. Н. Новгород, Изд-во НИСОЦ. 2013. Т. 2. С. 107-111.

18. Тукумцев Б.Г. Состояние трудовых отношений как социальный фактор модернизации промышленного производства. Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке. Н. Новгород, Изд-во НИСОЦ. 2014. С. 107-111.

19. Татарникова С.Н. Некоторые аспекты правового обеспечения представительства интересов работников в России и за рубежом. Функции трудового права и права социального обеспечения в условиях рыночной экономики:

материалы X международной научно-практической конференции. М., Проспект. 2014. С. 397.

20. Татарникова С.Н. Системность принципов социального партнерства. Системный характер трудового права и права социального обеспечения как отрасли и законодательства (Первые Гусовские чтения). Материалы Международной научно-практической конференции. М., Издательство «Проспект». 2016. С. 326-329.

21. Реальные располагаемые денежные доходы по Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_12kv.htm (дата обращения: 10.12.2018).

22. Кудрин: уровень бедности в России остается высоким. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5611237> (дата обращения: 15.12.2018).

23. Hyman R. Industrial Relations in Europe: Theory and Practice // European Journal of Industrial Relations. 1995. Vol. 1. N 1. P. 17-46.

24. Попов Ю.Н., Шевчук А.В. Введение в социологию труда и занятости. М., Дело. 2005. 200 с.

Ссылки:

¹ Вид исследования – экспертный и пилотажный опрос, инструментарий исследования – анкетирование респондентов. Состав экспертов: руководители территориальных организаций объединенных профсоюзов, председатели профкомов предприятий, их заместители, а также специалисты, хорошо владеющие предметом исследования. Респонденты представляли различные субъекты РФ: Республика Башкортостан; Республика Карелия; Республика Саха (Якутия); Республика Татарстан; Республика Хакасия; Брянская область; Вологодская область; Псковская область; Самарская область; Свердловская область; Тульская область; Удмуртская республика; Ульяновская область; Ярославская область. Города федерального значения: Москва; Санкт-Петербург. Сроки опроса. Опрос проводился с 27 августа по 29 ноября 2018 года сотрудниками кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Цель исследования - изучение особенностей проведения единой переговорной кампании и влияющих на неё условий для разработки рекомендаций по совершенствованию единой переговорной кампании на уровне первичной профсоюзной организации. Объект исследования - еди-

ная переговорная кампания и условия её определяющие на уровне первичной профсоюзной организации в различных субъектах РФ. Предмет исследования - система механизмов успешного ведения переговоров. Гипотеза исследования - успех ведения единой переговорной кампании существенно зависит от степени информированности профсоюзных работников на уровне организации о состоянии складывающихся социально-трудовых отношений.

Основные задачи:

1. Оценить степень информированности профсоюзных работников о механизмах социального партнерства.

2. Проанализировать субъективные и объективные факторы, препятствующие эффективному проведению переговоров. Определить взаимосвязь между различными уровнями социального партнерства в целях эффективной реализации единой переговорной кампании.

Выборка: общее число опрошенных составило 216 человек. Респонденты представляли следующие сферы деятельности: авиация; жилищно-коммунальное хозяйство; здравоохранение; культура; металлургия; нефтехимия; оборона; образование; связь; сельское хозяйство; строительство; судостроение; транспорт; угле-

добыча; химия. При определении объема выборочной совокупности использовались принципы конструирования малой выборки, а также экономико-статистический экспертный анализ. Эмпирические данные обрабатывались с помощью программ Excel и IBM SPSS Statistics 22, вслед за этим осуществлялся их содержательный анализ. Метод сбора информации – сбор первичной информации осуществлялся методом стандартизированного анкетирования по месту работы и учебы респондентов (самостоятельное заполнение анкеты экспертами).

Содержание анкеты можно разбить на такие логические блоки:

1. Вопросы, касающиеся процедуры разработки, принятия и заключения коллективных договоров и нормативных соглашений, а также оценка их содержания.

2. Вопросы, касающиеся действия социальных партнеров в единой переговорной кампании.

3. Технология успешного проведения переговорной кампании.

4. Соотношение и взаимосвязь различных уровней переговорного процесса.

5. Сведения об экспертном составе.

Корпоративная солидарность университета в задачах продвижения вуза

Малых С.В.

В статье рассматриваются условия формирования корпоративной солидарности университета. Рассматриваются внутренние инструменты продвижения вуза как в образовательной среде, так и в регионе. Показывается взаимосвязь и взаимодействие инструментов регулирования продвижения вуза и единства и общей нацеленности образовательной среды.

Ключевые слова: корпоративная солидарность, университет, продвижение вуза, единство, идентичность

Malykh S.V.

Corporate solidarity of the university in the tasks of promoting the university. The article discusses the conditions for the formation of corporate solidarity of the university. We consider the internal tools to promote the university in the educational environment, and in the region. It shows the relationship and interaction of the regulatory tools for the promotion of the university and the unity and overall focus of the educational environment.

Key words: corporate solidarity, university, university promotion, unity, identity

Корпоративная солидарность является условием социального развития любой организации. Особенно это важно для современных университетов, когда реформа образования изменяет как структуру, так и систему взаимодействия внутри вуза и вне его стен.

Качество солидарности зависит от корпоративных отношений уже сложившихся в организационной структуре. Социальное и личное доверие сотрудников, общность ценностей этики и культуры организации формируется в процессе пересечения прав и обязанностей сотрудников, норм и традиций, истории и нововведений.

Целью корпоративной солидарности выступает формирование универсального социального капитала, важного, приемлемого и ресурсного как для сотрудников, так и для студентов университета.

Корпоративная солидарность это не просто единство связей, это единство целей и ценностей, идеалов и значений всех субъектов университетского пространства. Причем это выражается как в формальной деятельности (политика прозрачности и открытости), так и в неформальной (творческий и научный диалог разных школ, поколений и структур); вертикальном и горизонтальном взаимодействии социальных систем.

Последние исследования показывают, что корпоративная солидарность является основой социального капитала любой организации (П. Бурдье, Д. Коулман, О.А. Полюшкевич). Коулман выделяет обязательства, ожидания, информационные потоки как основные ресурсы социального капитала. Р. Патнем говорит о зависимости социальных сетей внутри организации от уровня доверия и эмпатии внутри компании. В. Врум говорит о теории ожиданий, которые испытывают сотрудники, работая в той или иной социальной структуре. Основные катего-

Таблица 1
 Ответы на вопрос «Какие формы и уровни доверия в университетской среде вы знаете?» (в %)

Чему доверяют	Стаж работы в университете			
	1-10 лет	11-20 лет	21-40 года	Более 41 года
<i>Преподаватели</i>				
Первый уровень	70	30	15	5
Второй уровень	20	30	25	15
Третий уровень	10	40	60	80
<i>Научные сотрудники</i>				
Первый уровень	80	55	40	20
Второй уровень	20	35	40	30
Третий уровень	0	10	20	50
<i>Административные сотрудники</i>				
Первый уровень	85	60	50	40
Второй уровень	10	30	35	40
Третий уровень	5	10	15	20

рии теории ожидания: воздействие, валентность, затраты и ожидание раскрывают систему взаимодействия в университете как «плотном» социальном пространстве, окутанными множеством социальных ожиданий. Участники университетского сообщества вынуждены принимать альтернативные решения, делать выбор [10]. Валентность результата и сила ожидания того, что именно такой результат будет получен при определенном выборе, варьируются в зависимости от обстоятельств. Каждый выбор либо укрепляет и упрочняет социальные связи внутри университетской среды, либо их разобщает.

Сферой накопления социального капитала выступают отношения внутри организации. Социальный капитал есть результат пересечения качественных параметров социальных связей, отношений, возможностей. Социальный капитал корпорации выражается в позитивных результатах стратегического развития университета.

Таким образом, социальный капитал можно определить как реализуемый в отношениях внутри сферы или компании потенциал межличностного и институционального доверия, человеческой солидарности, возникающий на базе общности нормативных установок и ценностных ориентаций [1,2]. Он выражает и состояние духовно-нравственного климата в данной структуре. Атмосфера доверия, создаваемая социальным капиталом, повышает эффективность функционирования образовательной системы и корпоративной солидарности университета.

В результате нашего исследования¹ мы выявили несколько уровней «доверия», существующих в университетской среде (см. табл. 1).

Первый уровень доверия – это общая политика университета, стратегические решения развития университета (открытие или закрытие филиалов или специальностей, направлений и форм подготовки студентов). Люди, общающиеся на этом уровне, доверяют друг другу минимально, если вообще доверяют.

Второй уровень доверия – это общие интересы, мечты, увлечения, все то, на основании чего у людей возникают точки соприкосновения, что позволяет им работать вместе, достигать общих интересов (научно-исследовательские работы, творческие проекты, общественные инициативы и т.д.).

Третий уровень доверия – это личный уровень отношений, личные дружеские связи, существующие помимо профессиональных интересов (возникающие семьи или проверенные годами дружеские отношения).

Из таблицы видно, что чем выше стаж работы в университете, вне зависимости от сферы и должности, тем сильнее развиты все три ориентира. В старшем возрасте доминирует третий уровень, в среднем возрасте – второй, в младшем – первый.

Но чем больше контактов, чем более развита коммуникация, тем более развиты уровни доверия и они менее формальны. «Я стал общаться со своими будущими лучшими друзьями, когда мы были включены в общую рабочую группу по вопросам нейробиологии, затем вы-

Таблица 2

Ответы на вопрос «Развивается ли Ваш человеческий капитал с момента работы в университете?» (в %)

Чему доверяют	Стаж работы в университете			
	1-10 лет	11-20 лет	21-40 года	Более 41 года
<i>Преподаватели</i>				
Да, развивается	80	70	65	65
Немного вырос	10	20	25	30
Нет, не изменяется	10	10	10	5
<i>Научные сотрудники</i>				
Да, развивается	65	50	50	55
Немного вырос	30	40	30	40
Нет, не изменяется	5	10	20	5
<i>Административные сотрудники</i>				
Да, развивается	60	60	55	45
Немного вырос	35	30	25	40
Нет, не изменяется	5	10	20	15

играли несколько совместных грантов и уже более 25 лет дружим семьями» (С.А., 55 лет). «Я постоянно куда-то готовлюсь уехать или приехать, но я знаю, что меня ждут в родном коллективе, ценят и уважают. У нас не работают – у нас живут работой» (Н.Н., 41 год). «Я с будущим мужем – училась вместе, потом работала и до сих пор работаю, потом создали семью, родили детей и теперь уже воспитываем внуков» (А.Я., 55 лет). «Своих коллег я знаю, наверно, лучше, чем жену, так как с ними столько вместе пройдено и пережито, что ни одна семья не выдержит» (М.В., 42 года).

Университет выступает не просто местом работы, но местом жизни, самореализации и самоактуализации большей части своих работников. Особенно это касается педагогов и научных работников, не столь выражены данные тенденции у административных работников, но и у них они имеются.

Университет – это сфера доверия, как на личном уровне, так и на социальном. Доверие, которое складывается на основе личного ресурса – индивидуальные достижения, научно-коммуникативного ресурса (совместные научно-исследовательские и творческие проекты, экспертная и аналитическая деятельность и т.д.).

Важно понимать внутреннее состояние человека, его надежды и мечты, сомнения и тревоги. Зачастую в общении между людьми возникают ассиметричные связи (на эмоциональном, социальном, культурном, физиологическом или ином другом уровне).

Роль интеллекта, интеллектуального труда в системе образования – бесспорна. Сама эта сфера не приемлет низкий интеллект, недостаточную эрудированность, амбициозность и самореализацию через собственную реализацию в научной, педагогической или административной сфере. О.А. Полюшкевич ранее уже показывались ограничения развития в педагогической и научной деятельности сотрудников университетов [6,7,8,9]. Стоит цель показать уровень и степень важности человеческого капитала сотрудника университета в разных аспектах, как со стороны самооценки, так и с позиции оценки коллег (см. таблицу 2 и 3).

Данные табл. 2 показывают, что человеческий капитал укрепляется, повышает свою значимость и валидность. «Конечно, со временем я получила большой педагогический опыт работы. Я та девочка-преподаватель, что закончила аспирантуру и я - доктор наук сейчас – это разные люди. Я стала человеком с именем, благодаря университету» (З.А., 54 года). «Научные исследования, педагогическая деятельность наложили на меня неизгладимый отпечаток. Очень рад своему жизненному опыту в разных педагогических и научных коллективах. Меня многому научили люди, не менее многому научил университет» (О.А., 45 лет). «Работа в университете – начинаешь невольно иначе мыслить, чем человек из других образовательных институтов. Университет – создает особую систему мышления» (М.А., 35 лет).

Но, кроме общей фразы – «повышает» или «понижает», мы хотели понять, какие стимулы

Таблица 3
 Ответы на два вопроса «В чем выражается поддержка лично Вашего человеческого капитала университетом» и «В чем выражается поддержка человеческого капитала университетом в среде Ваших коллег?» (в %)

В чем выражается	Преподаватели		Научные сотрудники		Административные сотрудники	
	Лично меня	Моих коллег	Лично меня	Моих коллег	Лично меня	Моих коллег
Материальное поощрение (внутри вуза)	15	20	20	15	22	15
Гранты (внешние источники)	25	30	25	18	24	10
Социальный престиж (благодарности, грамоты, фотографии на доске почета и т.д.).	20	18	20	15	14	25
Повышение квалификации, обучение, стажировки	15	17	15	17	15	20
Общественные должности (членство в советах, попечительские клубы и т.д.)	15	10	15	25	15	20
Другое	10	5	5	10	10	10

являются наиболее эффективными. И в результате выявили пять ключевых сфер развития человеческого капитала в университетской среде (см. таблицу 3). Оценивая себя и оценивая других – мы редко бываем объективны, поэтому, в исследовании было предложено два вопроса, касающихся лично себя и коллег.

Ответы сотрудников университета показали, что материальное вознаграждение, особенно сторонних грантодающих организаций наиболее ценное вложение в человеческий капитал сотрудников. Материальное поощрение внутри вуза не столь существенно, поэтому не может восприниматься как самооценность. Но при этом, элементы социального престижа, стажировки и общественные должности весьма ценятся всеми сотрудниками университетского сообщества.

«Система грантов с одной стороны не совершенна, но если ты понял ее суть, то сможешь вписаться в систему и тогда, уже все будет зависеть от твоего желания – что-то новое узнать, исследовать, открыть. Возможностей для самореализации, научного признания – масса. Главное их видеть и использовать, а не ждать, что кто-то это может сделать за тебя» (Н.Г., 38 лет). *«Университет всем создает условия для самореализации – как в материальном, так и в тщеславном аспекта. Каждый реализуется там*

где хочет и видит потенциал для себя» (Н.А., 35 лет).

Интересна закономерность, что педагоги выше оценивают значимость и роль своих коллег, а научные сотрудники – наоборот, более высоко оценивают собственные достижения. Административные сотрудники в области грантов наименее представлены, в силу должностных ограничений, а в остальных показателях они вполне солидарны с другими сотрудниками университетов [3,4].

Говоря о качествах, оказывающих влияние на человека как на профессионала в университетской среде, респонденты выделяют волю и целеустремленность, высокую трудоспособность, занятие любимым делом, одаренность и добросовестность, ежедневный кропотливый труд и т.д. Иными словами, качества сотрудника университета соединяют как природно данные, так и сформированные усилием воли человека и руководства условия самореализации и как результат реализация университета через своих специалистов, повышения его статуса, социального престижа и имиджа, повышения его социального капитала (см. табл. 4).

Для преподавателей наиболее важными качествами является ежедневный кропотливый труд (40%), добросовестность (30%) и занятие

Таблица 4
Качества, оказывающие влияние на человека как профессионала (в %)

Качества	Преподаватели	Научные сотрудники	Административные сотрудники
Воля и целеустремленность	15	35	35
Высокая трудоспособность	10	40	25
Занятие любимым делом	25	30	10
Одаренность	5	35	5
Добросовестность	30	25	30
Ежедневный кропотливый труд	40	40	40
Другое	5	5	5

Таблица 5
Внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на становление человека как профессионала (в %)

В чем выражается	Преподаватели	Научные сотрудники	Административные сотрудники
Умение получать новые знания самостоятельно	30	30	10
Условия, созданные на рабочем месте для самореализации	25	10	35
Качество полученного образования	20	15	20
Возможность погрузиться в среду профессионалов	10	25	10
Заложенные природой способности	15	20	25

любимым делом (25%). Для научных сотрудников ежедневный кропотливый труд (40%), высокая трудоспособность (40%), воля и целеустремленность (35%). Для административных сотрудников важен ежедневный кропотливый труд (40%), воля и целеустремленность (35%) и добросовестность (30%).

«Без усилий и постоянного преодоления себя, трудностей невозможно получить результат. Особенно, если мы говорим о научных достижениях или педагогических успехах» (В.А., 37 лет). *«Целеустремленность, добросовестность и кропотливый труд – вот секрет успеха в университете»* (Т.А., 57 лет).

В таблице 5 отражены внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на становление человека как профессионала. Там выделены как формальные критерии организации труда, так и неформальные личностные особенности.

«Умение учить и учиться – это, наверное, отличительная черта всех перспективных сотрудников университета. Если человек перестает делать хорошо первое или второе, – то он пе-

рестает быть хорошим специалистом, как сейчас говорят – перестает быть эффективным сотрудником» (М.М., 59 лет). *«Умение принимать, понимать и использовать новую информацию, новые достижения – это залог успеха и признания коллегами»* (А.К., 42 года). *«Важно, какое образование ты получил, важно какие есть способности. Но если ты не используешь ни первое, ни второе, то результат будет нулевым»* (А.А., 30 лет).

Таким образом, способность искать и обрабатывать нужную информацию, получать новые знания важна как для педагогов, так и для научных сотрудников (по 30%). Но преподаватели также высоко ценят условия, созданные на рабочем месте (25%) и качество полученного ими образования (20%). Научные сотрудники отдают предпочтение возможности погрузиться в среду профессионалов (25%) и заложенные природой способности (20%). Административные сотрудники высоко ценят условия, созданные на рабочем месте (35%), заложенные природой способности (25%) и качество полученного образования (20%).

Таблица 6
Уровни поддержки университетом отдельных людей, групп и всего коллектива (в %)

	<i>Преподаватели</i>	<i>Научные сотрудники</i>	<i>Административные сотрудники</i>
<i>Отдельных людей</i>	55	35	45
<i>Микро-коллективов</i>	25	55	20
<i>Всего коллектива</i>	20	10	35

Таблица 7
Стратегии достижения успеха (в %)

<i>В чем выражается</i>	<i>Педагоги</i>	<i>Научные сотрудники</i>	<i>Административные сотрудники</i>
Успеха можно добиться, только работая в команде	40	60	55
Успеха можно добиться только благодаря собственным усилиям	60	40	45

Иными словами, каждая группа специалистов университета имеет свои приоритеты в формировании и развитии специалиста как профессионала. Невозможно развивать одни факторы и не затрагивать другие. Этот процесс созависимый [5].

Уровень поддержки отдельного человека и микро-коллектива или всего сообщества отличаются. Наиболее заметны формы стимулирования и поддержки микро-коллективов (кафедры, лаборатории и т. д.). Весь коллектив – ценность поддержки снижается, соразмерно уменьшается и оценка его. Индивидуальное поощрение не систематично и не столь значимо.

Но в целом, для преподавателей и административных сотрудников важна персональная поддержка и поощрение (55% и 45% соответственно), для научных сотрудников – поддержка научных групп и микро-коллективов (55%) (см. табл. 6).

«Сотрудник должен понимать, что его ценят и уважают, поощряют и поддерживают – тогда будут результаты» (А.В., 28 лет). «Научные исследования – это труд коллектива, конечно, важен руководитель коллектива – он показывает куда идти и что делать, но саму работу выполняют люди и надо всех поддерживать и морально и материально» (С.С., 43 года).

Стратегии достижения успеха у разных групп работников университета отличаются. Но в целом, они соответствуют условиям и целям университетского образования. Научные и административные сотрудники полагают, что успеха можно добиться, только работая в коман-

де (60% и 55% соответственно), преподаватели полагают, что только благодаря собственным усилиям – 60%. Но стоит оговориться, что различия минимальны, поэтому, как в любом коллективе, возможны изменения в зависимости от поставленных задач (см. табл. 7).

«Один в поле не воин, особенно если мы говорим о науке. Но один – может показать – где провести революцию, но осуществить революцию – сможет только команда» (Н.Я., 36 лет). «Университет создает среду для развития отдельных педагогов и ученых, какими они будут – зависит от их воли и желания» (О.Ю., 40 лет).

Источником социального капитала и корпоративной солидарности выступает процесс со-творчества личности преподавателя и всего организма вуза. Одной из основных целей корпоративной солидарности состоит в развитии личных ресурсов педагогов для развития социального капитала вуза; согласовании интересов личности и вуза для общей цели; развития человеческого капитала, а вместе с тем и корпоративной солидарности.

Университет как структура несет ответственность за создание и развитие социального капитала как общественного ресурса, способного к социальным преобразованиям и воспроизводству. В этом заключается корпоративная идея университета. Его миссия в воспроизводстве образованной личности, способной сохранять и развивать ту среду, где она живет.

Понимание профессиональной деятельности сотрудников университета как СО-ТРУДНИЧЕСТВА, имеющих общее ДЕЛО, умеющих вести

диалог (научный, творческий, идейный) и приходиться к общему результату. Тиражирование корпоративной идеи и как результата корпоративной солидарности происходит не через СМИ, а через личную сопричастность к общему делу и общим целям и задачам.

Только через творчество, самовыражение, каждый член университетского сообщества сможет повлиять на общее дело корпоративной солидарности университета. Когда собственный морально-творческий выбор самореализации становится корпоративно и социально ответственным, можно говорить о корпоративной солидарности.

Корпоративная солидарность дает возможность сотрудникам и студентам университета видеть социокультурные процессы в их единстве и целостности. Корпоративная солидарность создает ресурс для развития социального и человеческого капитала университета как института и отдельных его членов как личностей. Закономерен и обратный вывод – ресурсы университета и личностного потенциала создают корпоративную солидарность университета как среды. Поэтому, можно говорить о взаимобусловленности данных явлений.

Литература

1. Малых С.В. «Справедливое образование»: современные реалии отечественных университетов // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира. Сборник материалов. 2018. С. 1233-1234.
2. Малых С.В. Стратегии продвижения университета в виртуальном пространстве // Социология. 2019. № 1.
3. Малых С.В. Академическая мобильность как ресурс интернационализации университетов // Социология. 2018. № 3. С. 222-226.
4. Малых С.В. Воздействие имиджа Иркутского государственного университета на территориальное развитие // Социология. 2018. №4. С. 129-136.
5. Малых С.В. Роль бренда университета в формировании имиджа города Иркутска // Урбанистика. 2018. №3. С. 123-133.
6. Малых С.В., Полюшкевич О.А. Основы продвижения университета: учеб. Пособ. Иркутск, ИГУ. 2018. 121 с.
7. Полюшкевич О. А. Интеллектуальный капитал университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 5. С. 25-27.
8. Полюшкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68-72.
9. Полюшкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26-29.
10. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность: учебное пособие. Иркутск, ИГУ. 2012. 146 с.

Ссылки:

¹ Исследование проводилось в 2018-2019 годах в университетах Сибири и Дальнего Востока. Всего приняли участие 16 университетов, с общим количеством участников 1800 человек. Респондентами выступали как административные сотрудники (560 человек), так и педагогический состав (1040 человек), имеющих различный научный статус (от преподавателей до профессоров) и различный стаж работы в университетской среде (от 1 года до 60 лет). Исследование проводилось методом анкетирования. А также, было проведено 144 экспертных интервью (по 9 в каждом университете, в выборку входил представитель каждой категории: педагоги, научные работники, административные работники).

Информативные признаки определения предвзятости и достоверности электронных СМИ

Оспанова У.А., Атанаева М.К., Акоева И.Г., Булдыбаев Т.К.

В настоящей статье приведены результаты репрезентативного социологического опроса населения Казахстана о различных аспектах достоверности и объективности в электронных СМИ. Цель данной работы - установить значимые по мнению населения Казахстана признаки достоверности и объективности информации новостного характера.

В результате анализа были выделены информативные признаки достоверности и объективности. Были определены приоритетные признаки критериев достоверности и объективности с точки зрения казахстанского населения. Согласно опросу, охватившему 3200 респондентов из 16 регионов Казахстана, приоритетными признаками, позволяющими оценить публикацию по критерию «достоверность», являются: наличие в публикации ссылки на адекватный и объективный источник; наличие указания имени уважаемого автора; освещение одного и того же события различными ресурсами (кросс-чекинг, наличие дискурса с другими публикациями). По критерию «необъективность» приоритетными являются такие информативные признаки как наличие манипулятивных техник; наличие признаков ангажированности автора. Также результаты исследования показали, что у половины населения Казахстана (51,9%- 59,1%) отсутствует или неразвит навык критического восприятия информации в электронных СМИ, уверенного опознания достоверной и объективной информации.

Ключевые слова: СМИ, информативные признаки, достоверность, объективность, социологический опрос

Ospanova U.A., Atanayeva M.K., Akoyeva I.G., Buldybayev T.K.

Informative features of bias and reliability of electronic Mass Media
This article presents the results of a representative sociological survey of the population of Kazakhstan on various aspects of reliability and unbiasedness in electronic media. The purpose of this work is to establish significant features of reliability and unbiasedness of news from the point of view of Kazakhstani population.

As a result of the analysis, these informative features were identified. Priority signs of criteria of reliability and objectivity from the point of view of the Kazakhstan population were identified. According to the survey, which covered 3,200 respondents from 16 regions of Kazakhstan, the priority features, allowing to assess the publication by the criteria "reliability", are: the presence in the publication of a link to an adequate and objective source; presence of indication of the name of the respected author; coverage of the same event by various resources (cross-checking, discourse with other publications). According to the criterion of "bias", such informative features as the presence of manipulative techniques are priority; presence of signs of the author's engagement. Also, the results of the study showed that half of the population of Kazakhstan (51.9% - 59.1%) lack or do not develop the skill of critical perception of information in the electronic media, confident identification of reliable and objective information.

Keywords: mass media, informative features, reliability, bias, sociological survey

Данная статья подготовлена в рамках реализации ПЦФ №BR05236839 Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Introduction

Along with the continually increasing volume of information, the society is currently concerned about the issues of reliability in the media and the deterioration of confidence in the media and the press. The public began to realize that the media can distort information covered and use it as a tool for manipulating public beliefs. This modern trend of media influence on the society is studied by the scientific community, both in the world and in Kazakhstan.

The overwhelming majority of researches of the media influence on the society focuses on the aspects of the media and the content of publications. Thus, Flegel and Chaffee [1] stress out that in terms of content generation, there is a tendency when a certain range of privileged persons influence or directly participate in the preparation of the publications, sponsor pages in social networks, provide financial support and incentives for bloggers, individual journalists and the media. Thus, the journalistic community, lobbyists or/and PR specialists [2, 3, 4, 5], social and political organisations impact the society using this tool. Distorted information disseminates differently compared to the truthful. The MIT research [6] proves that false data spread much farther, faster, deeper and broader than truth in all categories, and the effects of false political news are more pronounced.

In their article "Trust in Media and Journalism" Kim Otto and Andreas Kuhler [7] state that the aspects of trust in the media and journalists including its factors become pressing. The Edelman Trust Barometer Survey in 28 countries, taking into account 33 thousand respondents focused on the issues of trust and reliability shows that in 2018 compared to the previous year decrease of trust in the social platforms and increase of trust in traditional press and the Internet media [8].

The scientific community in Kazakhstan studies the media influence in connection with the implementation of the state policy aimed at shaping

public economic and social beliefs. Omashev in his four-year research "The role of the media in the development of the political, economic and spiritual life of Kazakhstan" determines the ways and methods of presenting economic matters in newspapers, radio and television as a factor of the state political course [9]. In the research "Sociocultural diversity of Kazakhstan mass media in the global world: problems of preserving national identity" Ramazanov explores and describes the impact of the media [10].

The media gains authority if its content meets the expectations of the audience/public in terms of reliability and unbiased. These requirements to information become especially important for electronic media where deliberate or unintentional dissemination of false, unverified or incorrect messages is a common case. It follows that features indicating reliability and unbiased of information serve as informative features of trustful media content capable of influencing the society.

The review of the literature focusing on reliability among others includes its indicative features as follows:

- a reference in the text to a competent source;
- a reference to a primary source of information;
- an indication of the name of the credible author;
- rating/reputation of the media (websites of news and information agencies, electronic media and the similar);
- coverage of the same event by various web resources (cross-checking, discourse with other publications);
- availability and authenticity of photos and videos confirming the content of the publication;
- the relevance of the text's title/heading to its content;
- mention of verifiable facts.

The "unbiased" criterion shows the author's neutrality when communicating information, and implies a multi-dimensional presentation of the material. So far, as stated in the article "News: Beyond the Myth of Objectivity" by J. Francis Davis there are disputes in the scientific community about the possibility of separating facts from opinions when communicating news and especially analytical material [11]. Comprehensive coverage and presentation of different points of view in the interpretation of facts is a must [12]. Informative features of bias include:

1) the statement of the expressed personal opinion of the author in the media text;

2) manipulative techniques in the media text. This feature is an integrated notion since it would be difficult for respondents who do not have field-specific knowledge in journalism and pragmalinguistics to identify and distinguish their types. Therefore, we mention only some of the examples of informative features of manipulative techniques as follows:

- the degree of generalisation;
- politisation;
- call to action;
- distortion of information;
- appealing to emotions;
- linguistic means of manipulation: substitution of notions, repetition, suggestion, and other;
- abuse of place and time of information delivery, toplining, and other.

3) features indicating the author's engagement.

Our research focuses on the opinion of the end users of information - population of Kazakhstan. The purpose of this work is to determine the features of the reliability and bias of media texts which are significant for Kazakhstani people.

Materials and methods

The research design included the following:

1. A sociological survey by the method of face-to-face interviewing;
2. The analysis of electronic media impact on the population in order to determine the informative features of the reliability and bias;
3. Listing up priority features upon reliability and bias criteria.

According to the information of Ministry of National Economics of the Republic of Kazakhstan, as of 2017, the population of Kazakhstan comprised over 18 million people of which 52% are women, 57% are urban population, 61% aged 15-64. And, as stated in the national collection "Statistics of the educational system of the Republic of Kazakhstan" 37% of the working-age population of Kazakhstan hold a higher education degree and 33% - vocational education certificates.

We interviewed 3,200 respondents aged 15 and older in 16 regions of Kazakhstan (14 regions and 2 cities of national significance), of which 91% are aged 15-64. 38% of the respondents hold a higher education degree, 43% have vocational education certificates. The majority of the respondents are women (53%). 55.7% are officially married (55.7%). 61.8% of the survey participants are Kazakh, 26.8%

are Russian, and 8.4% belong to other ethnic groups. In terms of employment, the largest respondent groups include the employees of the private and public sectors (29% and 18%), pensioners (13%), students of secondary professional and higher education institutions (10.2%).

The survey was conducted to obtain data to determine the extent and nature of the impact of electronic media on the society. The questionnaire did not contain direct questions about the reliability and bias features in electronic media content. The obtained results are indirect. Therefore, we retrieved those that are related to the reliability and bias in the population's perception and listed top-mentioned priority features.

Results and discussion.

The survey showed that 60% of respondents prefer electronic media (social networks, bloggers - for 30.3% of respondents, news websites - 29.5%) as the main source of information.

58% of respondents admitted that the media influence their opinion on the situation in the country (we will conditionally call them "influenced by the media"), while 9.1% of respondents could not answer the question ("incapable of assessing the influence of the media"). Every third respondent (32.9%) denies the influence of the media on his viewpoint ("unaffected by the media").

The typical profile of people influenced by the media: urban citizens; mostly women; generally aged 45 up (45-54 years - 59.6%, 55-64 years - 61.6%, 65 and up - 59.3%); Kazakhs (58.8%); using Kazakh as their first language (59.6%); with secondary education (61.7%); and with the lowest (68.4%) and low (59.6%) income.

People unaffected by the media are mostly rural citizens; men; aged 20-24 years (36.7%) and 25-34 years (35.3%); representatives of other ethnic groups - non-Kazakh and non-Russian (39.4%); using both Kazakh and Russian languages (34%) or Russian only (33.7%); with incomplete secondary education (37.1%) and higher education (34%); with a low level of income (34.5%).

Those incapable to assess the influence of the media are generally women; respondents aged 15-19 years (11.9%); Russians (10.7%); with incomplete secondary education (10.6%); with the highest level of income (12.3%).

The majority (78-83%) of the respondents can determine what the influence of the media is aimed

at, the purpose of communicating the message to the audience. According to our calculations, the number of people falling under the influence of electronic media comprises 35% or more than 6 million people.

The survey confirmed the urgency of reliability issues in the electronic media.

According to the respondents' assessment, the frequency of fakes appearance in social networks is expectedly higher - 37.7% compared to 21% in official media.

Are the respondents capable of perceiving information in the media critically, to identify its reliability and unbiasedness? The survey confirmed that the respondents generally fall short identifying the reliability. 59.7% of respondents failed to answer the question about ways to distinguish proper journalism from rumours and lies, or chose ambiguous responses such as 'everyone decides themselves' or 'time will show', and 3.5% answered that 'there is no difference between truth and fakes' or 'nowadays they all lie'. The remaining 36.8% of respondents can determine the reliability of the information and offered 35 variants of answers which can be interpreted as informative features. Fig. 2 is a representation of the ranked answers.

Analysis of the answers showed that most of the respondents mentioned the following features of identification of reliable information, using which an ordinary, unsophisticated viewer/reader can try to recognise a message based on rumours and lies:

- * arguments, facts and references in the material (12.8%);
- * trust in the journalist, his/her credibility (9.5%);
- * cross-check of information, use of several sources (5%);
- * field report/video with the date specified (3.6%).

However, every second participant of the survey (51.9%) was confused by the question of what indicators can be used to assess the reliability of the information published (Table 1). The most frequently mentioned features are the following:

- arguments and facts in the message (13,1%),
- cross-check of information in other sources (7.2%),
- the response and disputes in society, i.e. the stir in society caused by the message and the rate of its dissemination in everyday life (7,0%).

Comparison of the data in Fig. 1 and Table 1 shows the resemblance between the wordings of

Table 1

Based on your experience and knowledge, what criteria indicate the reliability of the information (% of the total number of respondents)

Answers	Share, %
Not sure	51,9%
Arguments, facts	13,1%
Compare with other sources	7,2%
The response of society (covered by different communication channels and sources, many comments, disputed by the public, discussed by everyone)	7,0%
The information was obtained directly from the witnesses	4,0%
Status of the source, its independence	4,7%
Expert opinion	4,0%
Confirmation by officials or comes from the official source	2,3%
Honesty, truthfulness	1,4%
The professionalism of a journalist	0,9%
Timeliness, promptness	0,4%
This source is the first to cover the information (primary source)	0,3%
Relying only on yourself, on your knowledge	0,2%
Information cannot be verified	1,1%
Other	3,9%

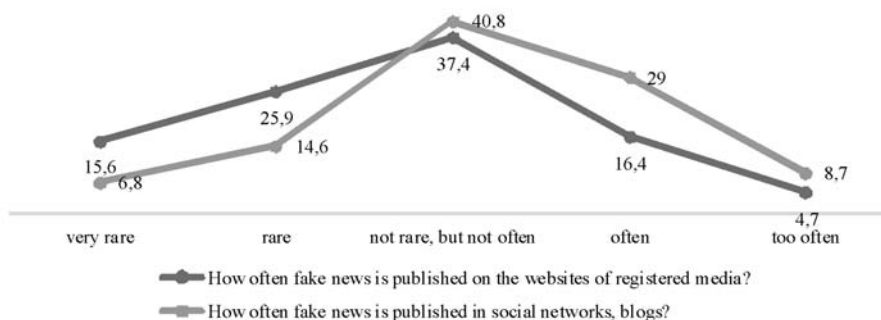

Figure 1. In your opinion, how often fake (false) news about events occurs in the country, is published on websites of registered media and in social networks, blogs? (% of the total number of respondents)

responses and the percentage of those who chose the corresponding answers to the similar questions. However, given that more than half of the respondents failed to answer the questions, the percentage shares for informative features are not sufficient to be defined as statistically significant. The variety of answers in combination with the large share of those failing to answer can be interpreted as indicative of intuitive selection of reliable information, without applying distribution statistics.

Another observation that follows the survey outcomes is that in the opinion of respondents the false news is frequently spread not only in social networks but also through the websites of officially registered media (Fig. 1).

In general, the significance of almost all informative features indicating the reliability was confirmed as they were mentioned by the respondents in their answers. (Table 2).

The analysis of Table 2 shows that, in the opinion of the respondents, 4 out of 8 reliability features (items 1, 3, 5, 8) have a high and comparable significance of 10-16% for the sophisticated (questionnaire developers) and inexperienced (ordinary audience) population.

As well, a comparison of the answers in Table 1 and Fig. 2 shows the match of 4 wordings of responses (items 1, 3, 5, 6).

Hence, the features in items 1, 3, 5, 6 are considered as the priority in identifying the

Table 2
Confirmation of informative features of reliability during a sociological survey

#	Feature	Confirmed/ Not Confirmed +/-	Wording answers of respondents	Percent of respondents who confirmed the feature	Note
1	Reference to an adequate and unbiased source	+	arguments, facts and references in the material	12,8 %	Table 1
			information must come from officials	1,1%	Figure 2
			confirmation by officials, the official source	2,3%	Table 1
2	Reference to the primary source of information	+	If this source was the first to communicate the information (primary source)	0,3%	Figure 2, Table 1
			The information was obtained directly from the participants of the events	4%	Table 1
3	An indication of the name of the credible author	+	trust in the journalist, his/her credibility	9,5%	Figure 2
			the professionalism of the journalist	0,9%	Table 1
4	Rating/reputation of the media	+	status of the source, its independence	4,0%	Table 1
5	Coverage of the same event by various web resources (cross-checking, discourse with other publications)	+	compare with other sources, cross-check the information	5%	Figure 2
			Compare with other sources	7,2%	Table 1
6	Availability and authenticity of photos and videos confirming the content of the publication;	+	dated field report (video)	3,6%	Figure 2
7	The relevance of the text's title/heading to its content	-	-	-	-
8	Mention of verifiable facts	+	arguments, facts and references in the material	12,8%	Figure 2
			arguments and facts	13,1%	Table 1

reliability. The comparatively equal distribution of the answers over these items without the emergence of a distinctively leading feature indicates that all of these features jointly contribute to media influence.

The results of the survey related to 'unbias' features are quite controversial. Figures 3-6 contain respondents' answers to the questions related to 'unbias'. Respondents (Fig.3) note that, in general, electronic media communicate the events in the country accurately, but at the same time, they confirm many features of bias in the

Kazakhstani media (Fig. 5-6). 63.4% of respondents stated that it is possible to get an unbiased picture of the events taking place in the country based only on the information from Kazakhstani Internet resources. Almost a third of respondents (28.7%) partially or entirely disagree with this opinion. 7.9% of all survey participants failed to answer the question.

Also, the survey participants were asked to express their agreement/disagreement with a number of judgments related to the activities of Kazakhstani news websites (Fig. 4).

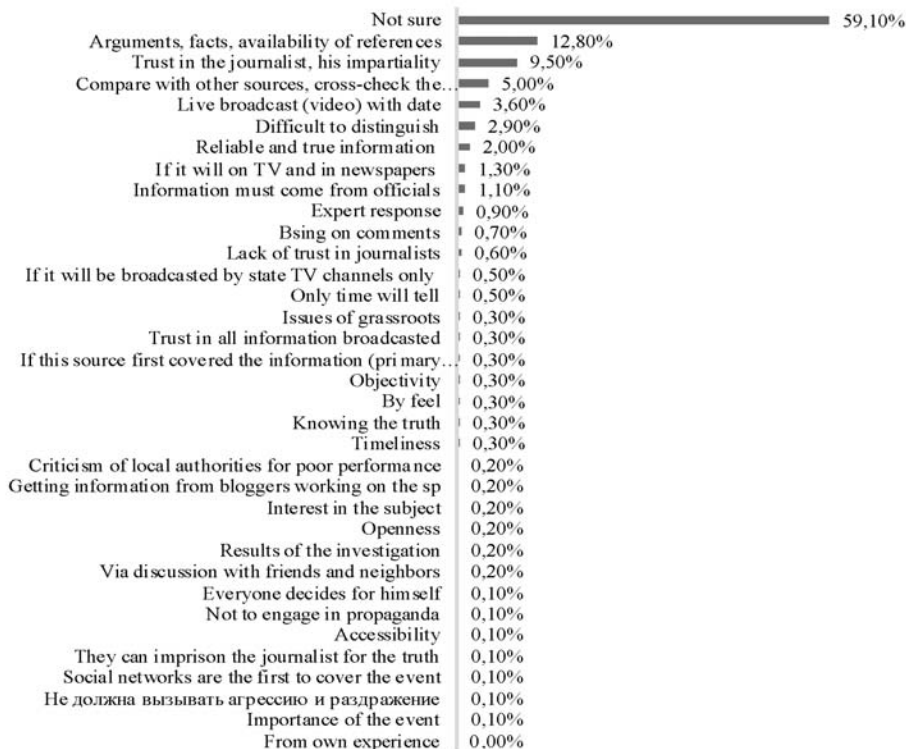

Figure 2. How can you distinguish good journalism based on the facts from rumors and lies? * Open question (% of the total number of respondents)

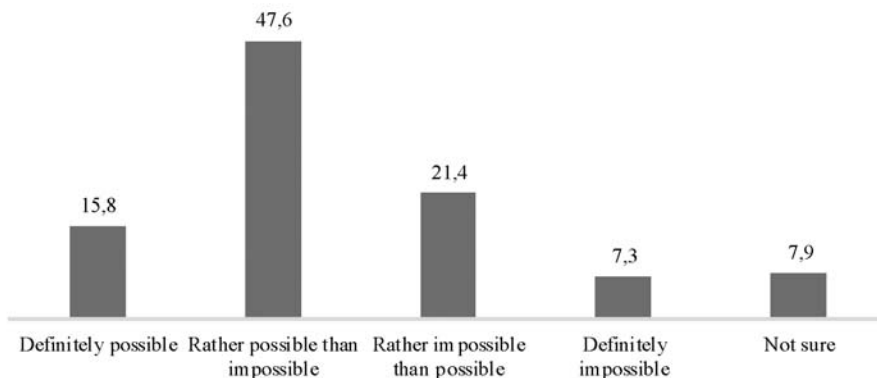

Figure 3. Do you think that using information only from Kazakhstan's Internet sources one can or cannot make an objective picture of the events taking place in Kazakhstan? (% from the total number of respondents)

As shown in Fig.5, almost half of the respondents, believe that the unbiased of the Internet media is disrupted.

The reasons of such disruption may vary depending on a particular situation: professional ambitions ("to be

the first ones to cover the event"), economic incentives ("the desire to attract more readers") (Fig. 6).

The data analysis showed that most of the residents of Zhambyl (93%), Kyzylorda (75%), and Almaty (74.4%) agree with the statement that "news

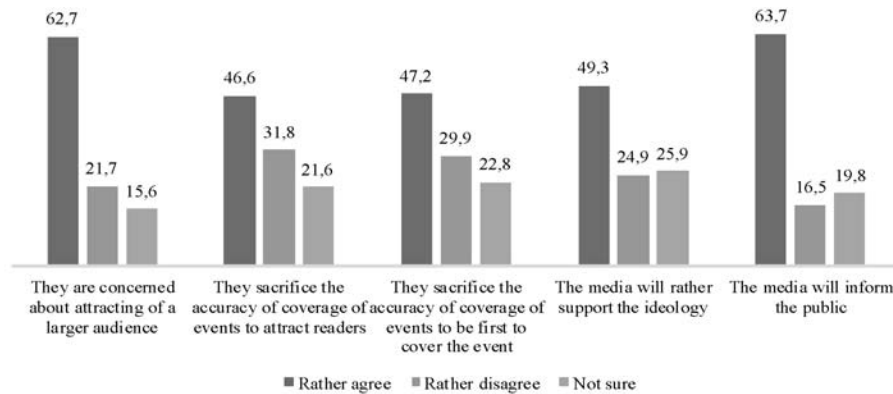

Figure 4. Based on your experience of using Kazakhstan news websites, do you agree or disagree with the following statements? (% of the total number of respondents)

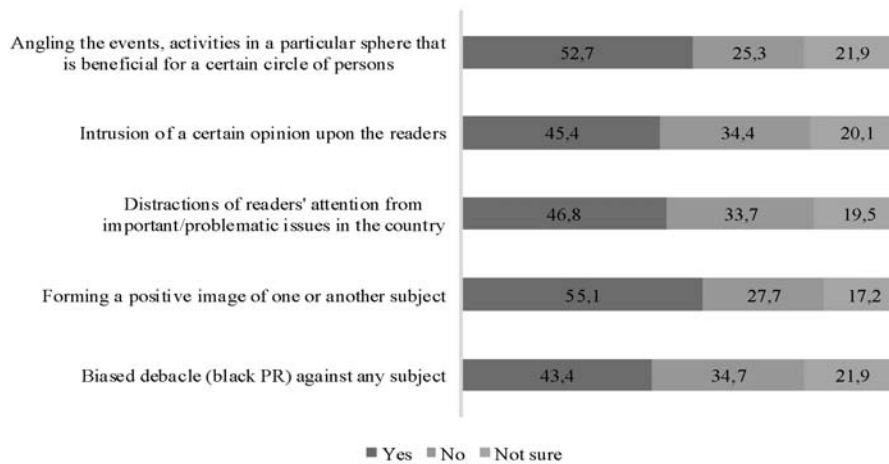

Figure 5. In general, do you think that Kazakhstan information Internet sites are used as tools for achieving the following goals? (% of the total number of respondents)

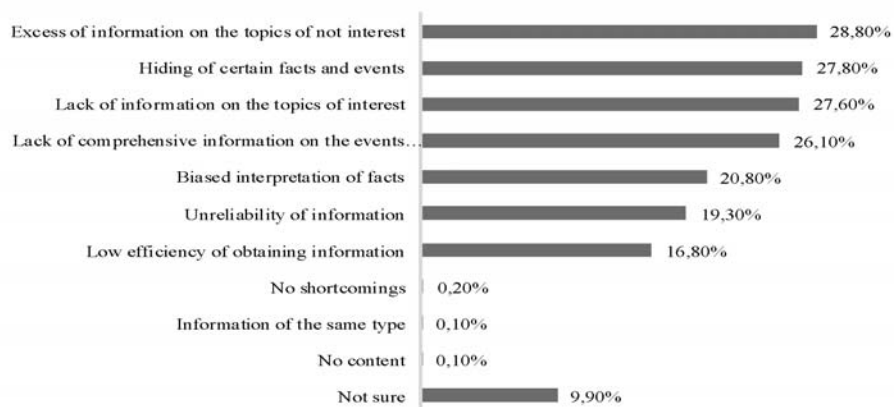

Figure 6. In your opinion, what are the most significant shortcomings of the activities of Kazakhstan Internet sources? (% of the total number of respondents)

Table 3

Answer in your own words. In your opinion, what could be the consequences of communicating biased information in the news? (based on the results of processing responses to an open question)

Answers	% Share
Not sure	51,9%
Loss of trust	12,1%
Rallies and protests	8,0%
Chaos and panic	6,7%
Bias perception of the information by people	5,0%
Unpredictable and sad	4,7%
Entailing scandals	2,0%
Wrong attitude to the situation	1,6%
Negative attitude to the source of noise	1,5%
Spread of rumours and lies	1,4%
Distortion and concealment of facts and events	1,3%
Nothing will happen	1,3%
Unsubscribe from the site	0,8%
Court, criminal liability	0,7%
Misreading	0,5%
Avoiding false reports	0,5%
The source remains unpunished	0,4%
The source shutdown	0,4%
Discard from the Internet-sources	0,3%
People will look for additional information	0,3%
Excess of information on the same topic	0,2%
Population will become distrustful and indifferent to everything	0,2%
Threats and harassment	0,2%
Everyone decides whom to trust themselves	0,2%
Rumors refusal	0,2%
Using of alias names	0,1%
Penalties and punishments	0,1%
People will start to trust social networks	0,1%
Bias	0,1%
Describe ordinary people problems	0,1%
Presence of comments	0,1%
New elections	0,1%
Media are afraid to criticize the authority	0,1%
Late information	0,1%
Ignoring of sensitive issues, unemployment	0,1%
Media should for the public consciousness	0,1%
The loss of patriotism	0,1%
Media and TV should educate people	0,1%
Disappointment of youth	0,1%
No one will follow news	0,0%
Reputational losses (critical issues for authorities and business)	0,0%
People are trustful, they will believe everything that media will publish	0,0%

websites are concerned with attracting a larger audience”, more often these respondents are Kazakh-speaking (65.3%) aged 15-34 years. Kazakh-speaking residents of Atyrau, Mangistau,

Zhambyl, and South of Kazakhstan often agree with the statement that websites sacrifice the accuracy of communicating the events to attract readers and pursue to be the first to highlight the event.

Table 4
Mentioning of unbiased features by the respondents

#	Features	Confirmed/ Not Confirmed +/-	Wording answers of respondents	Percent of respondents who confirmed the feature
1	expressed personal opinion of the author in the publication	-	-	-
2	use of manipulating techniques in the text	+	Excess of information on topics of no interest	28,8%
			Hiding certain facts and events	27,8%
			Lack of comprehensive information on events and phenomena	26,1%
3	features of authors' engagement	+	Biased facts interpretation	20,8%
			Media will most likely support ideology	49,3%
			Lack of comprehensive information on events and phenomena	26,1%

Next, respondents were asked about the issues of the work of Kazakhstani Internet sources that do not meet the demands of the audience (Fig. 6). As the data analysis shows, among the main shortcomings of the domestic Internet media, the population noted the following features of bias: an excess of information on topics that were not of interest (28.8%), concealment of some facts and events (27.8%) and lack of information on topics of interest (27.6%), the lack of comprehensive information on certain events (26.1%). Every fifth respondent drew attention to the fact that there is a biased interpretation of the facts and inaccurate information in the news from the Internet sources. 9.9% of respondents failed to answer this question.

Additional analysis of the data in Fig.6 shows that the Kazakh-speaking Internet audience suffers from a lack of information on the topics of interest, the lack of comprehensive information on events in the country. The respondents who speak both Kazakh and Russian complain about redundant information. Also, respondents with higher education paid attention to the lack of comprehensive information. The other socio-demographic characteristics of the respondents do not affect their choice of the answers.

The analysis of the data by regions is also worth mention. According to the results of the survey, three regions demonstrate a high level of prejudice

believing that the news websites are biased and engaged - more than 70% of respondents, compared to the average of 43-55% over the country - these are Zhambyl, Kyzylorda and Mangistau regions.

Also, opposite to the above, there are regions where people chose "no" when responding to the question about the likelihood of media engagement, they are Atyrau, Kostanay and Pavlodar.

The answers to the open question regarding the consequences of communicating biased information show that respondents mostly predict negative-emotional reactions. However, above all, it should be noted that every second respondent (51.9%) failed to answer the question (Table 3).

The top-listed effects such as loss of trust, rallies and protests, chaos and panic, unpredictable and sad, entailing scandals - are the predictions of direct negative-emotional and protest manifestations/ consequences of biased communication. In addition to information about the consequences themselves, these responses also are indicative of the public moods which are mostly pessimistic.

At the same time, the share of rational and emotionally neutral answers ('a biased perception of information by people', 'wrong attitudes to the situation', 'negative attitude to the source of noise', 'distortion and concealment of facts and events', 'nothing will happen') is minimal.

Summarizing the above, the informative features for bias criterion were confirmed and mentioned by the respondents (Table 4).

The analysis of data (Table 4) shows that, in the opinion of the respondents, 2 out of 3 proposed features are the attributes of unbiased (items 2 and 3), and both have a high and comparable significance of ~ 20-50%. Additional analysis of the data did not reveal notable differences in the demographic and economic characteristics. The analysis of the data in the context of the place of residence of the respondents showed that residents of Zhambyl, Kyzylorda, Mangystau and Aktyubinsk regions are dissatisfied with the media and provided content in terms of unbiased: ~ 70% of the population of these regions negatively assess the activity of the media in this context.

Out of the informative features identified at the beginning of the study and gathered into one category - manipulative techniques, direct confirmation was received for manipulating with the place and time (the answer "sacrifice the accuracy of events communicating in order to be the first who present the event" - 47.2%, Fig. 4); indirectly respondents confirmed sensationalism (the answers are "media are more concerned to attract a larger audience" - 62.7%, "sacrifice accuracy to attract readers" - 46.6%, Fig. 4), and politicisation (responses "rallies, protests" - 8.0%, "chaos and panic" - 6.7%, Table 3).

Thus, data analysis allows us to conclude that the informative features of unbiased 2 and 3 are of priority compared to the others.

Conclusions

1. We established that every third Kazakhstani aged 15 and up falls under the influence of electronic media and is well aware of this, understanding the purposes of influence.

2. A large share of people (52-60%) chooses the answer "Not sure". One-third of respondents in practice largely use and can easily identify 4 features out of the whole range; the rest use and identify a smaller number. This indicates that half of the population of Kazakhstan lacks or has poor skills of critical perception of information in electronic media, the confident identification of reliable and unbiased information. We may explain this by the fact that currently the majority of the population obtain information through the official media.

3. We formed a list of features of "reliability" and "unbiased" of information in the electronic media. The

priority informative features of reliability are as follows:

- the reference in the text to a competent source;
- an indication of the name of the credible author;
- coverage of the same events by various web resources (cross-checking, discourse with other publications);
- the availability and authenticity of photos and videos confirming the content of media text.

When assessing unbiased, priority features are the absence of manipulative techniques and the absence of features indicating the author's engagement. Since the survey did not reveal dominantly significant features for the population of Kazakhstan, we can conclude that when analysing the content of electronic media, it is advisable to take all these features into account.

4. The lack of understanding and common practice in identifying features of reliability and unbiased provides grounds for manipulating public beliefs.

5. The survey showed that people's perception of reliability and bias of Kazakhstani media is dependent on the gender, age, ethnicity, and most of all on the geographic region of residence.

References

1. Flegel, R. C., Chaffee, S. H. (1971). Influences of editors, readers, and personal opinions on reporters. *Journalism Quarterly*, 48(4), 645-651.
2. Miller, D. (1998). Promotional strategies and media power. In A. Briggs & P. Cobley (Eds.), *The media: An introduction* (pp. 65-80). London, United Kingdom: Longman.
3. Miller, D., Dinan, W. (2000). The rise of the PR industry in Britain 1979-1998. *European Journal of Communication*, 15(1), 15-35. doi:10.1177/0267323100015001001
4. Miller, D., Dinan, W. (2009). Journalism, public relations and spin. In K. Wahl-Jorgensen & T. Hanitzsch (Eds.), *Handbook of journalism studies* (pp. 250-264). New York, NY: Routledge.
5. Van Dijk, T. A. (1998). Opinions and ideologies in the press. In A. Bell & P. Garrett (Eds.), *Approaches to media discourse* (pp. 21-63). Oxford, United Kingdom: Blackwell.
6. Vosoughi, S., Roy, D., Aral, A. The spread of true and false news online. *Science*. - 2018. Vol. 359, pp. 1146-1151.
7. Otto, K., Kuhler, A. (2018). Trust in Media and Journalism. *Empirical Perspectives on Ethics*,

Norms, Impacts and Populism in Europe. Springer VS, Wiesbaden – p. 179

8. Edelman Intelligence, (2018). Edelman Trust Barometer 2018 Global study. Edelman. URL: http://cms.edelman.com/sites/default/files/2018-02/2018_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report_FEB.pdf [July 29, 2018].

9. Omashev N.O. (1996, 1997, 1999, 2000). The role of the media in the development of the political, economic and spiritual life of Kazakhstan. Research Report. Kazakh National University named after. Al-Farabi.

10. Ramazanov T.S. (2013, 2014). Sociocultural diversity of Kazakhstan mass media in

the global world: problems of preserving national identity. Research Report. Kazakh National University named after. Al-Farabi.

11. Jay Davis. News: Beyond the Myth of Objectivity. Center for Media Literacy. URL: <http://www.medialit.org/reading-room/news-beyond-myth-objectivity> [August 25, 2018]

12. Kapel, A. (2016) The Dangerous Myth of Media Objectivity. Huffpost. The Establishment. URL: https://www.huffingtonpost.com/entry/the-dangerous-myth-of-media-objectivity_us_57edabcde4b07f20daa10620 [September 21, 2018]

Территориальная идентичность и проблемы топонимики в Иркутске

Полушкевич О.А.

В статье проводится анализ формирования территориальной идентичности иркутян на основе топонимических особенностей города Иркутска. Показывается взаимосвязь названий улиц и территориальной идентичности жителей города. Вопросы возвращения старых названий улиц и сохранения советских или дореволюционных носят дискуссионный характер не только в аспекте технической реализации, но и далеко не всегда принимаются и понимаются самими жителями. Решение данного вопроса позволит консолидировать общество и сформировать единую территориальную идентичность жителей.

Ключевые слова: топонимика, территориальная идентичность, социальная эмпатия, социокультурное единство, солидарность

Polyushkevich O.A.

Territorial identity and toponymy problems in Irkutsk

Annotation. The article analyzes the formation of the territorial identity of Irkutsk people based on the toponymic features of the city of Irkutsk. The interdependence of street names and the territorial identity of city residents is shown. The issues of the return of old street names and the preservation of Soviet or pre-revolutionary ones are debatable not only in terms of technical implementation, but they are not always accepted and understood by the residents themselves. The solution of this issue will allow to consolidate the society and form a single territorial identity of the inhabitants.

Key words: toponymy, territorial identity, social empathy, socio-cultural unity, solidarity

На сегодняшний день в России сформировалась крайне противоречивая картина культурно-исторического образа городов, вызванная: во-первых, замещением советской культурой элементов культурного наследия предыдущего (царского) режима; во-вторых, в постсоветский период, смешением советских культовых образов с новыми нейтральными, либо соответствующими новому режиму.

Сегодня существует множество организаций (в том числе и в Иркутске), общественных объединений, чья деятельность направлена на изменение городского образа и городской среды путем коррекции некоторых элементов городской топонимики. Данные объединения имеют масштабы направленной деятельности от локального (коррекция топонимики в конкретных населенных пунктах), до национального (ликвидация конкретных топонимов в масштабах страны). Всё это приводит к явлению, довольно часто встречающимся в постсоветской России – переименованию улиц, скверов и площадей, населенных пунктов и т.п.

Одной из наиболее частых претензий сторонников переименований улиц является несоответствие культурно-исторического наполнения города с его топонимическим текстовым образом.

На фоне правительственных программ по развитию внутреннего туризма, в том числе и исторического – посещение исторических поселений, музейно-образовательных экскурсий и т.д., очень важным становится акцент на уникальности каждого исторического комплекса также и на уровне топонимики [3]. Однако это значительно затрудняется в условиях, столь свойственных советскому масштабному «конвейерному» подходу по отношению к топонимам. Так, например, в России на данный момент: 12870 Советских улиц; около 7700 улиц Ленина; 1107 улиц Дзержинского; 554 улицы Урицкого; 1405 улиц Маркса; 1100

Исследование выполнено при поддержке РФФИ 19-011-31395 «Политическая идентичность и социальная эмпатия в контексте стратегического развития России».

улиц Свердлова; 5900 Комсомольских улиц и т.д. [4]

Сегодня, большинство исторических городов стремится к развитию туризма, имеет в своем багаже ряд нерешенных проблем, касающихся топонимики. Эти вопросы часто муссируются на разных уровнях – от городских СМИ до городской администрации. Топонимы в историческом городе можно в целом охарактеризовать, как несущие на себе сильный отпечаток предыдущего государственного режима, в независимости, соответствует ли это историческому облику и сохранившемуся историческому наследию [2]. Данная ситуация создает проблемы на пути формирования исторически-взвешенного облика города, необходимого для гармоничного восприятия города и в контексте планов по развитию туризма.

Ряд исследователей изучали различные аспекты топонимики. О государственной политике и реальных условиях формирования городской топонимики изложено в работах С.Н. Басик [6], М.В. Голомидовой [7,8,9], Д.Н. Замятина [10, 11], О.А. Полюшкевич [12, 13, 14, 15, 16]. Роль психогеографии городского пространства отражена в работе В.А. Скуденкова [17].

Особое место в данном вопросе принадлежит образу города. История города, идентичность его жителей зачастую зависят от социокультурных и социально-политических рамок, задаваемым временем [11]. Поэтому очень важно найти рамки и формы развития городского пространства не в ущерб, а во благо социально-исторических реконструкций прошлого и социального моделирования будущего каждого конкретного города.

Наше исследование проходило в историческом городе – Иркутск, в 2019 году. В анкетировании приняли участие 1600 человек, все они более 5 лет проживают в Иркутске, им от 18 до 75 лет, 60% женщин и 40% мужчин, работают в разных сферах и отраслях и принадлежат к различным социально-экономическим группам.

В Иркутской топонимике имеет место несбалансированность символических образов, что негативно влияет на самосознание иркутян, целостное символическое восприятие Иркутска.

Анализ результатов исследования стоит начать с оценки восприятия жителями названий улиц и площадей, так как ответ на данный воп-

рос позволит обозначить актуальность данного вопроса в общественном сознании. Ответы можно типологизировать следующим образом: «создают образ города, придают ему особый колорит» - 71%, «наименования нужны только для идентификации улиц» - 8%, «несут декоративную функцию» - 21%.

Итак, по мнению респондентов, топонимы создают и определяют образ города, формируют уважение и сопричастность с историей. Примеры комментариев, зафиксированных интервьюерами в процессе стандартизированного интервью: *«Мне важно – на какой улице стоит мой дом, где я работаю, где учится мой ребенок. Это история и ее надо знать. Какой бы она ни была»* (Т.Ю., банковский работник, 42 года). *«Я люблю Иркутск, знаю его историю и хотел бы, чтобы мои дети ее также знали. Названия улиц и площадей – это основа некой ментальной карты, на которую накладывается история города и страны, формируется социальная память поколений и конструируются образы будущего»* (О.Л., работник НИИ, 57 лет).

Вопрос о проблемах переименования улиц также позволяет выяснить – насколько глубоко погружены респонденты в данную социальную проблематику: «Знаю, поддерживаю инициативу» - 29%, «Знаю, не сформировал своего отношения; всё равно» - 26%, «Знаю, не поддерживаю инициативу» - 41%, «не знаю» - 4%.

«Улицы должны иметь такие названия, которые были раньше» (М.Б., студентка, 20 лет). *«Не вижу смысла возвращать названия – новые названия это ведь тоже наша история, почему одну мы хотим восстановить, а другую перечеркнуть?»* (Т.Ю., бухгалтер, 39 лет). *«Что было – то прошло, сейчас другое время – поэтому и названия улиц должны быть соответствующими»* (П.А., столяр, 33 года).

В данном вопросе основной целью являлось выяснение степени осведомленности городского населения Иркутска о явлении топонимической реставрации, а так же формирование общего представления о количественном соотношении сторонников и противников данного процесса.

Интересным выступает тот факт, что респонденты в возрасте после 50 лет чаще являлись противниками топонимической реставрации, нежели молодое население. Причиной этому может послужить «привычность» и «органич-

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какова, на Ваш взгляд, основная проблема возвращения исторических названий улицам Иркутска?»

Варианты ответа	Доля в %
Денежные затраты	32
Замена документов	44
Проблемы в ориентировании после переименования	11,3
Проблема памяти коммунистических и революционных лидеров	6
Проблемы нет либо она незначительна и легко решаема.	6,6

ность» устоявшихся советских текстовых символов на протяжении большей части жизни взрослого и пожилого населения. Результаты по остальным двум возрастным квотам фактически не разнятся.

«Все документы переделывать – живешь на одной улице, а поменяли названия, меняй документы, так как сразу очутился на другой улице. Моя улица называлась «Бограда» – вернули старое название – «Чудотворной» и только хлопот всем прибавили» (Л.Н., преподаватель, 56 лет). *«Для жителей переименованных улиц – это проблематично, много бюрократических механизмов усложняющих им жизнь, для остальных – новое название, которое надо запомнить»* (С.В., юрист, 42 года).

Распределение мнений среди жителей центрального либо остальных районов города указало на то, что среди жителей не центральной части города очень распространено негативное отношение к переименованию улиц, не смотря на то, что данный процесс их напрямую не коснется. Среди опрошенных жителей исторического центра Иркутска на удивление высокий результат показал вариант «несформированного отношения» 27%, «Считаю, что таких имен не должно быть на карте города» - 68%, «Отношусь к этому положительно» - 5%.

В данном вопросе респонденты в большинстве своем были единодушны, поскольку самым популярным вариантом стал «имен террористов на карте города быть не должно» Показательно, что многие из тех, кто в первом вопросе выбрали вариант «негативного отношения» к инициативе топонимической реставрации, во втором вопросе изменили свое мнение по данному конкретному случаю. Добавлю, что в ходе опроса наблюдались случаи удивления по поводу характеристики Желябова, Халтурина, Перовской в качестве террористов. Многие вообще не знали, либо не помнили фактов из исто-

рии о данных личностях. Выводом их этого может являться рекомендация изучения образованности населения Иркутска в вопросах истории города и страны.

Не смотря на доказанное с научной точки зрения негативное влияние на городское пространство дублирующих образов, более половины респондентов указали на нейтральность своего мнения относительно данного вопроса. С научной точки зрения, это явление может объясняться как высокая степень нерешенности вопросов системы городских ориентиров, из-за чего проблема дублирующих названий становится не столь заметной («негативно, путаются» - 26%, «почему бы и нет?» - 16%, «все равно» - 58%).

Не смотря на то, что результаты предыдущего вопроса указали на безразличие большинства горожан к некоторым элементам топонимической несогласованности и нарушений правил городского планирования, в этом вопросе многие из тех респондентов, всё-таки согласились с тем, что в городе существует ряд проблем в организации символического городского пространства: «Да, проблемы определенно есть и их надо решать» - 44%, «Проблемы есть, но с ними нет потребности работать» - 15%, «проблем не вижу» - 41%).

Многие согласны с тезисом «Если кто-то против нынешнего положения вещей, значит, есть проблема». Такой расклад позволяет предположить, что в случае доходчивого преподнесения горожанам информации о топонимической реставрации, лишённой дезинформации и «мифов», данный процесс может получить более значительную поддержку среди населения города.

Целью этого вопроса являлось определение того, какой из видов заблуждений по поводу топонимической реставрации является наиболее распространённым среди жителей го-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кто, по Вашему мнению, является основным противником инициативы возвращения исторических названий?»

Варианты ответа	Доля в %
«Левые» движения (партии, либо общественные организации «левого» толка)	21,3
Простые горожане без конкретных политических предпочтений;	28,6
Городские власти, либо конкретные представители в местной администрации;	34
Не зависит от статуса и положения (В большей степени всеобщее неприятие)	16

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Кто, по Вашему мнению, является основным инициатором возвращения исторических названий?»

Варианты ответа	Доля в %
Городские власти	46
Простые горожане без конкретных политических предпочтений;	18,6
Общественные и/или политические движения	35,3

рода Иркутска. Результаты показали, что проблема замены документации больше всего волнует иркутян. Вторым по популярности стал ответ «Денежные затраты». Этот ответ в сумме с «заменой документации» набрало больше половины голосов. О том, что проблем нет или они не существенны, заявило всего 10 респондентов, что составило около 6 процентов. Примерно такой же результат показал, пожалуй, самый политизированный вариант «проблема памяти символов прошлого государственного режима» Такие цифры говорят о том, что среди населения идея сохранения советских топонимов не столь популярна, как это пытаются выставить политические и околополитические силы левой направленности. Таким образом, можно сделать такой вывод: для большего понимания среди населения, важно в первую очередь помешать распространению ложных мифов и заблуждений. В результате вероятность повышения поддержки инициативы топонимической как коррекции, так и реставрации значительно повысится. Этот вопрос и его результаты являются одним из основополагающих элементов в создании рекомендаций для разрешения сложившейся в Иркутске ситуации.

Целью данного вопроса было выявление распределения взглядов горожан на источник неудач в Иркутске попыток реализации топонимической реставрации. Результаты показали на отсутствие явного лидера мнения горожан, однако проблема отчасти воспринимается как «по-

пытка противостояния населения подобным инициативам», что, учитывая проведенное в данной работе изучения темы, указывает на неверные представления горожан о проблеме. Чуть более 30 процентов респондентов считают, что тормозом на пути топонимической реставрации в Иркутске стоят власти города. Учитывая неоднократные отклонения рекомендаций топонимической комиссии Иркутска по переименованию властями города, такая точка зрения говорит о некоторой осведомленности населения о происходящих процессах.

Результаты, полученные по данному вопросу, должны были осветить противоположную сторону контекста предыдущего вопроса. Почти половина респондентов уверены в том, что инициаторами топонимической реставрации являются городские власти. Респонденты, ответившие так на этот вопрос, сопровождали вопрос комментариями, общий смысл которых: «Это делается только для распила бюджета», «переименования нужны только для отвлечения внимания населения от реальных проблем». Такая позиция чаще всего подразумевает схему, по которой население является «жертвой» непродуманных действий чиновников. Несколько меньше респондентов выбрало вариант «общественные и политические движения», вариант, который наиболее соответствует действительности, отчасти наряду с вариантом «Простые граждане». Важно отметить, что в сумме эти два ответа всё-таки содержат в себе большую часть ответов опрошенных.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Если возвращение исторических названий пройдет без больших затрат для городской казны и проблем для граждан, поддержите ли Вы эту инициативу?»

Варианты ответа	Доля в %
Поддержу	44,6
Возможно, еще есть сомнения	33,3
даже такой исход не повлияет на мое решение не поддерживать эту инициативу	22

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к двойным табличкам с названиями улиц (где указано нынешнее и дореволюционное название улицы)?»

Варианты ответа	Доля в %
Положительно, но этого мало, нужно возвращать исторические названия	28,6
Положительно, этого достаточно, возвращать исторические названия не нужно	37,3
Нейтрально, всё равно	26
Отрицательно (создает путаницу, исторические названия не актуальны и т.п.)	8

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос, «Какой вариант возвращения исторических названий, если таковое всё-таки состоится, Вы наиболее поддерживаете?»

Варианты ответа	Доля в %
Возвращение исторических названий только улицам, которые ныне носят имена террористов-народовольцев	38
Возвращение исторических названий ВСЕМ улицам центра Иркутска	4,6
Частичное переименование, с частным подходом к каждой улице	35,3
Я против возвращения названий улицам и не поддерживаю ни один из вариантов	22

Ответы на этот вопрос должны были показать, насколько сильно изменится мнение населения в случае, если будет нивелировано воздействие на социум массовых заблуждений по поводу топонимической реставрации.

Результаты подтвердили ожидания – даже многие из тех, кто в начале опроса выбирал вариант «не поддерживаю инициативу», выбрали либо в «поддержу» либо «возможно». Количество оставшихся на своей позиции противников уменьшилось с 40 процентов до 22. Результаты очень показательны и содержат в себе ряд рекомендаций в адрес инициаторов топонимической реставрации по поводу их методов реализации.

Важно было понять, какой еще фактор, помимо аспектов реализации, формирует негативное отношение горожан к инициативам возвращения исторических названий топонимам. Среди таких дополнительных факторов можно вы-

делить тезис «Исторические названия путают, устарели, не востребованы». Индикатором популярности такого мнения могут послужить двойные таблички – уже реализованный проект, который имел прямое отношение к историческим топонимам. Несмотря на распространенность среди горожан негативной оценки топонимической реставрации, оказалось, что интерес жителей Иркутска к его истории всё-таки есть, он проявляется и в подавляющем большинстве не вызывает негативного отношения. Дублирующие аншлаги, которые были впервые установлены в Иркутске в 2008 году, на данный момент пользуются спросом, упомянутые на них названия популяризируют образы, заключенные в тексте дореволюционных топонимов.

Мы преследовали цель выяснить у горожан их видение программы топонимической реставрации, той, которую они бы предпочли. Как и ожидалось, исходя из результатов вопроса о

топонимах, носящих имена террористов-народовольцев, наибольшую поддержку получил вариант возвращения исторических названий только тем улицам. Однако разрыв между вариантами здесь достаточно небольшой, и затем с отставанием всего в 4 человека следует вариант «частичного переименования с частным подходом к каждому топониму». Достаточно большая поддержка такого варианта развития событий указывает на осознание горожанами высокой ответственности такого решения, как переименование топонимов. Радикальным вариантом топонимической реставрации можно считать ответ «Возвращение всех исторических названий центра Иркутска». Данный вариант оказался не популярным, набрав всего чуть больше 4 процентов от опрошенных или всего 8 процентов. Несмотря ни на что, 20 процентов остались верны своему нежеланию наблюдать в своем городе процесс переименования улиц. Из всего следует, что данная цифра на сегодняшний день является наиболее точной, если говорить о проценте убежденных противников переименования улиц в Иркутске.

Последний вопрос был открытым «Знаете ли вы дореволюционные топонимы Иркутска? (если да, то укажите какие)»

Абсолютными лидерами стали улицы Амурская и Большая — их вспомнили 1014 и 486 человек соответственно. Далее расположились Тихвинская улица и площадь, Иерусалимские улицы — 365, 253 и 121 соответственно. Далее идут Чудотворская и Баснинская с результатом 155 и 141. С результатом от 110 до 120 упоминаний значатся улица Троицкая, Арсенальная, Харлампиевская и Трапезниковская. Менее 80 упоминаниями отличились топонимы: улица Преображенская, Солдатские улицы, Семинарская улица и улица Дворянская. 55 респондентов не указали ни одного названия. Интересно заметить, что наиболее популярными оказались не только главные улицы города, но и достаточно второстепенные. В данном случае здесь наблюдается зависимость названных топонимов от наличия на них двойных аншлагов с историческими названиями. В результате этого, опыт двойных аншлагов можно рассматривать как подготовительная мера в контексте топонимической реставрации в будущем.

Таким образом, проанализировав городское пространство исторического центра Иркут-

ска противоречиво. Имеется проблема несоответствия физических образов культурного наследия с его текстовыми образами, выраженными в топонимике. Другими словами, наименования городских топонимов в Иркутске ни культурно, ни тем более, исторически, не соответствует его реальному сложившемуся историческому облику. Происходит нарушение «мифа городской культуры» (единства наименования и пространства города), что в конечном итоге влияет на восприятие города его жителями, а также гостями города — туристами, вносящими материальный вклад в развитие города. В связи с этим, в Иркутске есть потребность в топонимической реставрации.

На данный момент в подавляющем большинстве иркутских топонимов нет отклика текстовых образов в культурно-историческом контексте города. Однако, как показал анализ исторического центра города, среди «советских» наименований всё-таки присутствуют гармоничные символические образы, несущие в себе положительную информацию об истории Иркутска, подтверждая его исторический статус. Топонимическая реставрация предполагает выстраивание гармоничного городского пространства, формирование системы наиболее благоприятных и осмысленных образов в контексте конкретного города при полном игнорировании политического подтекста.

В обществе трудно достичь социального компромисса. Причиной тому во многом служит неосведомленность большинства населения по данному вопросу, а также подогревание споров со стороны заинтересованных политических и околополитических сил. Для разрешения топонимической проблемы Иркутска требуется развенчание мифов о проблемах переименований, что в свою очередь повлечет за собой получение большей благосклонности населения по вопросам топонимической реставрации. Последнее возможно через просвещение и социальную рекламу государственной и исторической политики государства в области топонимике.

Территориальная идентичность формируется на основе топонимических условий социализации новых поколений того или иного города. Не соблюдая историческую преемственность невозможно представить условия для социокультурного возрождения нашего общества.

Литература

1. О наименованиях географических объектов: ФЗ от 18 декабря 1997 г. № 152-ФЗ с поправками от 2008 и 2012 гг. М.: Омега-Л, 2012.
2. О противодействии экстремистской деятельности: ФЗ от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ// М.: Ось-89, 2005.
3. Об утверждении состава Комиссии по городской топонимике и увековечению известных в городе Иркутске людей: Постановление от 17 июля 2013 года № 031-06-1731/13//И.: Иркутск официальный, 2012.
4. Батуев А. Р. О географических названиях сибирского региона. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.izdatgeo.ru/pdf/gipr/2012-1/166.pdf> (дата обращения: 05.04.19)
5. Безрукин А. П. Сквер Кирова. Прошёл очередной пикет против переименования/ Livejournal от 30.11.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://eot-baikal.livejournal.com/33771.html> (дата обращения: 05.04.19)
6. Басик С. Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник 2018. № 1 (44). С. 56–63.
7. Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 3. С. 36–61
8. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 3. С. 185–203.
9. Голомидова М. В. Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 186–196
10. Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. 2002. № 2. С. 105-139.
11. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования 2001. № 8. С. 12-21.
12. Полюшкевич О. А. Место топонимики в социокультурном воспроизводстве Иркутска // Социология. 2018. № 4. С. 39-45.
13. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование 2017. № 11 (107). С. 80-94.
14. Полюшкевич О. А. Топонимика Иркутска в оценках его жителей // Урбанистика. 2018. № 2. С. 12-22.
15. Полюшкевич О. А., Попова М. В. Влияние топонимики на идентичность жителей города (по материалам Иркутска) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 86-97.
16. Полюшкевич О. А. Образ исторического города: топонимические проблемы // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе Материалы X Всероссийской научной интернет-конференции. 2018. С. 231-240.
17. Скуденков В. А. Психогеография городского пространства // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 119-122.

Коммуникативное пространство сельской молодежи

Попова М.В.

В статье анализируются результаты исследования коммуникативного пространства и социальных связей сельской молодежи. Выявляются основные тренды конструирования коммуникации, традиционные и новаторские векторы социального взаимодействия в селлах, мотивы и условия аттрактивности и социальной активности. Анализируются причины и формы территориальной идентичности и социальной солидарности.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, социальные связи, жизненные стратегии, сельская молодежь, традиции, территориальная идентичность, социальная солидарность

Popova M.V.

Communicative space of rural youth

The article analyzes the results of the study of the communicative space and social relations of rural youth. The main trends of communication design, traditional and innovative vectors of social interaction in mudflows, motives and conditions of attractiveness and social activity are identified. The reasons and forms of territorial identity and social solidarity are analyzed.

Key words: communicative space, social connections, life strategies, rural youth, traditions, territorial identity, social solidarity

Сельская молодежь отдельная социальная группа в системе общественного воспроизводства любой территории. Она обладает особым социальным контекстом формирования и развития. С одной стороны – она обладает всеми характеристиками молодежи в целом, с другой – имеет четкие пространственно-территориальные ограничения и преимущества формирования (О. А. Полюшкевич [6, 7, 8], С. В. Малых [4]). Одни исследователи указывают на особый менталитет и добродушность сельской провинциальной молодежи (И. А. Журавлева [1], Р. В. Иванов [2,3], А. А. Пашков [5]), другие акцентируют внимание на ограниченности ресурсов и перспектив развития молодого поколения (Ш. Ф. Фарахутдинов [11, 12]). Сама ресурсность и в тоже время ограниченность сельских территорий выступает определяющим фактором в формировании социальных связей (М. В. Попова [9, 10])

Несомненным остается тот факт, что коммуникативное пространство и социальные связи сельской молодежи являются специфическим объектом социального развития локальных территорий.

Традиционно, молодые люди опираются на родственные связи и семейный ресурс, поддержку друзей и близкого круга знакомых, для решения своих повседневных (досуг, обучение, работа) и стратегических (саморазвитие, хобби, профессиональная и социальная реализация) задач. Но сегодня появляются исследования, которые показывают существенное изменение в данных отношениях, формирование недоверия и сдержанности не просто в обществе, но и между близкими членами общества (Р. В. Иванов [3], И. А. Журавлева [1]). Уменьшение социальной поддержки, ограничение возможностей приобретения и постройки своего жилья, ограниченных возможностях, образования и работы – приводит к политике жесткой

экономики и ограничения социальных представлений о своем будущем. В условиях одностороннего информационного формата о территории, перспективах роста и изменений (С. В. Малых [4]), происходит перекокс внимания молодых людей в восприятии себя, своего будущего и в целом жизненных траекторий.

В своем исследовании мы постарались выявить коммуникативное пространство сельской молодежи. Коммуникативное пространство – это пространство условий, действий и ожиданий людей в определенной ситуации. Оно формируется какими-то потребностями, мотивами, стимулами в рамках определенной территории и локального времени. Для этого постарались очертить потребности, мотивы и стимулы сельской молодежи и как они удовлетворяются через социальное взаимодействие.

Исследование проходило в 2018 году в Иркутской области. В нем приняли участие 860 молодых людей, в возрасте от 16 до 30 лет, все они проживают в сельской местности. Общие данные: 60% женщины и 40% мужчины; 45% состоят в браке и 55% не замужем и не женаты; 35% имеют высшее, 40% средне-специальное и 35% имеют среднее образование, 42% проживают в своих домах или квартирах, 58% в домах или квартирах родителей или других родственников.

В ходе исследования мы выявили определенный круг потребностей молодых людей, который вполне вписывается в потребности абсолютно любой молодежи: быть независимыми и успешными, активными и целеустремленными, материально обеспеченными и креативными.

А именно, потребности описанные в пирамиде А. Маслоу являются базовыми для сельской молодежи. И если проследить, социальные связи базируются в основном на эти потребности.

Физиологические (органические) потребности (23%): хорошая еда, крыша над головой, сон, сексуальные притязания и т.д. («Да было бы что поесть и крыша над головой – вот что важно в этой жизни, родители всегда помогут – я прежде всего с ними общаюсь» (Татьяна, 23 года), «Важно чтобы не один спал в постели и еда на столе была, для этого и работать готов и в огороде впахивать, иначе у нас никак» (Николай, 29 лет).

На втором месте – потребность в безопасности (22%): чувство безопасности, чувство за-

щищенности. («Я чувствую себя в безопасности только когда рядом со мной мужик, чтобы был, а иначе не как у людей» (Нина, 30 лет), «Я чувствую себя защищенным только тогда, когда у меня есть свой угол, своя семья, свой огород – гарантии в стабильности» (Николай, 28 лет).

На третьем месте – потребность в любви (20%): любить и быть любимым, потребность в заботе и внимании. («Я хочу любви, чтобы до смерти... любви, чтобы все завидовали, любви чтобы ночами не спать» (Лейла, 16 лет). «Я хочу женского тепла и заботы, нежности и ласки, заботы и внимания» (Матвей, 29 лет).

На четвертом месте потребность в уважении (15%): признание, уважение, одобрение. («Я хочу чтобы меня уважало все село – за слово верное и дело смелое» (Прокоп, 27 лет), «Одобрение нужно каждому. И от родителей и от соседей, а еще лучше от главы нашего села или района. Самым уважаемым буду тогда у нас» (Роман, 30 лет).

На пятом месте, познавательные потребности (12%): знать что-либо, понимать процессы. «Я хочу быть профессионалом, агрономом с большой буквы. Надо поднять наш район, как это было в СССР» (Тарас, 30 лет). «Я знаю, как можно наладить производство в нашем селе, уже начал меры предпринимать, чтобы и мне хорошо было и односельчанам» (Сергей, 28 лет).

На шестом месте эстетические потребности (6%): творческая реализация, украшение дома, улицы, села. «Я умею и люблю вышивать бисером, хочу все дома на селе украсить своими работами. И мне хорошо и людям в радость» (Мария, 24 года). «Я люблю вырезать по дереву и свой дом украсил как в сказке, ко мне и из других деревень и мои соседи обращаются, чтобы резные ворота сделал или ставни или еще что... я думаю, если каждый будет делать то, что ему по душе так и жить лучше будет» (Савелий, 27 лет).

На седьмом месте самоактуализация (2%): я есть. «Я уже живу и это радость» (Ольга, 22 года).

Мотивами для сельской молодежи выступает – работа – 30%, здоровье (22%) и отношения (создание семьи) 48%. Социальные связи по поводу работы устанавливаются на рабочем месте: либо как коллеги, но они же становятся потом и дружескими или даже родственными. По поводу здоровья – с врачами или местными целителями (бабушками), которые тра-

вами и прочими народными методами лечат все хвори. По поводу отношений со сверстниками – для формирования дружеских и семейных отношений.

Интернет как инструмент установления социальных связей далеко не для всех является основным каналом (лишь 8% имеют и поддерживают связи по интернету и в основном это бывшие односельчане – одноклассники, кто переехал в город).

«Я общаюсь только с теми, кого знаю, а знаю я все село, так как тут родился и вырос. Родственники и друзья – это святое. Там же жену встретил, с 5 лет дружим и вот уже 10 лет как муж и жена живем» (Александр, 25 лет). *«На селе всё про всех все знают. Но общаюсь я конечно с подругами и соседями, да с одноклассниками»* (Елена, 18 лет).

Стимулами для сельской молодежи, позволяющей устанавливать социальные связи являются потребности и мотивы о которых было сказано выше. *«Да я стал дружить с нашим главой, чтобы субсидию получить от властей на открытие семейной фермы. Субсидию получил, но еще общаемся, мало ли где еще поможет»* (Петр, 28 лет). *«Я дружбу вожу с водителем нашего главы – он человек знающий и в курсе всех веханий. Всегда дельные вещи подсказывает»* (Максим, 29 лет).

Таким образом, ограниченный сектор возможностей для установления социальных связей сельской молодежи позволяет регулировать и формировать свой контент взаимодействия, обусловленный четкой схемой социальных потребностей, мотивов и стимулов. Сельская молодежь достаточно рациональна и воспринимает социальное взаимодействие как ресурс достижения определенных благ, посредством сети социальных связей, что в общем-то совпадает с общемировыми процессами социального взаимодействия. Но при этом она более подчеркнута высвечивает важность социальных ресурсов людей наделенных властью (формальной или номинальной), формирует уважение и почет и это приводит к тому, что данные должности или ниши являются приоритетными для сельской молодежи, она стремится войти в группы тех, кто может на них претендовать.

Параллельно с этим, молодые люди подчеркивали важность территориальной идентичности. При том, что уехать из села хотело бы

более половины респондентов (58%) из-за ограниченности перспектив роста, но забывая свою Родину никто не намерен, поддерживать социальные связи стремятся все, даже те, кто уже уехал. На новом месте далеко не сразу формируется новый круг и социальные связи с родным селом поддерживают уехавших, и одновременно выступают социальным лифтом для тех, кто только желает это сделать. *«Я поддерживаю связи с теми, кто уехал год, два, пять и более лет из нашего села, мало ли что. Вон я в город в больницу поехала – так есть у кого остановиться»* (Лилиана, 30 лет). *«Я общаюсь со своими подругами, кто уехал в город – сама хочу также, но пока не получается из-за мужа – у него тут хорошая работа, а там пока неизвестно когда будет»* (Анна, 27 лет).

Коммуникативное пространство сельской молодежи – это калька нашего общества, с той лишь разницей, что много лишнего, что есть в окружении городской молодежи не имеет влияния на сельскую, и потому, более выпукло подчеркивает базовые устремления при установлении социальных связей. Последние строятся на социально-историческом опыте, закреплённом традиционным образом жизни провинциального села и эмоциональными связями между членами сельских общин, которые сформировались ранее, а в современном обществе находят лишь новые формы подкрепления.

В целом, коммуникативное пространство сельской молодежи – являются приоритетным в сфере изучения процессов территориальной идентичности и формирования социальной солидарности как внутри отдельного региона, так и в рамках целой страны.

Литература

1. Журавлева И. А. Системный подход к управлению устойчивым региональным развитием // Социальные проблемы и безопасность российских регионов Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. 2015. С. 28-34.
2. Иванов Р. В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108-112.
3. Иванов Р. В. Толерантность молодежи - миф или реальность // Вестник Московского института государственного управления и права. 2017. № 4 (20). С. 32-36.

4. Малых С. В. Восприятие территории Иркутской области через новостные телекоммуникации // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Сборник научных материалов. Хабаровск. 2018. С. 643-646.
5. Пашков А. А., Фарахутдинов Ш. Ф. Актуальные проблемы современной сельской молодежи // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 1-3 (55). С. 149-151.
6. Полюшкевич О. А. Символическое значение территории в сознании сибиряков // Социология. 2018. № 2. С. 113-117.
7. Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). С. 80-94.
8. Полюшкевич О. А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 4 (47). С. 293-300.
9. Попова М. В. Бренд сельских территорий // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. 2017. С. 159-161.
10. Попова М. В. Бренд территории как ресурс развития (на примере Байкальского региона) // Социология. 2018. № 3. С. 118-125.
11. Фарахутдинов Ш. Ф. Коммуникационное пространство сельских территорий как фактор аттрактивности экономически активной молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск. 2018. С. 10-17.
12. Фарахутдинов Ш.Ф. Современная сельская молодежь: в поисках исследовательских подходов // Биосферное хозяйство и устойчивое развитие сельских территорий. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции. 2016. С. 38-42.

Россия и Западная Европа: две формы семьи и два варианта социально-экономического развития

Синельников А. Б.

На протяжении веков в России наследование по минорату (право младшего сына) отличалось от западноевропейского майората (право старшего сына). В России был возможен раздел недвижимости между детьми, которые жили с родителями до их смерти. Младший сын был единственным наследником только тогда, когда все остальные дети покинули дом при жизни родителей. При майорате старший сын всегда считался единственным наследником, и разделение наследства никогда не допускалось.

По правилам минората женатые сыновья (кроме младшего) покидали родительский дом. Они должны были зарабатывать деньги для своих семей. Однако если они зарабатывали слишком мало, это не считалось законной причиной для развода. По правилам майората неженатые сыновья (за исключением первенца) покидают родительский дом после вступления в брак их старшего брата. Они должны были зарабатывать деньги, чтобы жениться. Если они зарабатывали слишком мало, то оставались холостыми до конца своих дней. Таким образом, майорат был более сильным стимулом для экономической деятельности, чем минорат. Майорат стал одним из факторов перехода к капитализму. В наше время нет ни майората, ни минората. Однако наиболее развитая рыночная экономика характерна для тех стран, народы которых имели опыт майората. Россия никогда не имела такого опыта и не может в точности повторить западноевропейский путь социально-экономического развития.

Ключевые слова: майорат, минорат, система наследования, семья, экономическая активность, частная собственность, экстенсивный путь социально-экономического развития, интенсивный путь социально-экономического развития.

Sinelnikov A.B.

Russia and Western Europe: two forms of family and two options for socio-economic development

Russia for centuries the inheritance by ultimogeniture (younger son right) was different from the Western European primogeniture (elder son right). There was possible in Russia the division of real estate between children who lived with their parents before their death. The younger son was the only heir only when all the other children have left home during the life of their parents. Under primogeniture the eldest son was always considered to be the sole heir and the division of the inheritance had never been allowed.

Keywords: primogeniture, ultimogeniture, inheritance system, family, economic activity, private property, extensive path of economic development, intensive path of economic development.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детских ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)» №18-011-01037.

Во всем мире со средних веков до XIX столетия были широко распространены два типа семьи – миноратная и майоратная (на латыни maior – большой и minor – меньший). В миноратной семье дом и двор наследовал самый младший («меньшой») сын, если все его братья уже обзавелись своими семьями и отделились от родителей. Уходя с отцовского двора, они получали «выдел» – свою долю движимого семейного имущества. После смерти родителей им уже ничего не полагалось, как и замужним дочерям, которые ушли из отцовского дома с приданым и могли получить наследство лишь тогда, когда у них не было братьев. В майоратной семье с родителями оставался старший, т.е. «большой» сын. Он по праву первородства наследовал всю их недвижимость. Остальные дети получали лишь часть денег и движимого имущества. Минорат же допускал раздел недвижимости между несколькими детьми, если все они жили в родительском доме до самой смерти отца и матери. В эпоху минората средняя продолжительность жизни была низкой, из-за чего многие родители не доживали до женитьбы детей. Поэтому недвижимость нередко все же делилась.

Миноратные семьи были типичны для стран с низкой плотностью населения, где сын, желающий жить отдельно, мог уйти от родителей и создать собственное хозяйство на свободном земельном участке. Минорат существовал в России, в других странах Восточной Европы, а также во многих исламских странах. Правила майората действовали в Западной Европе, где вся пригодная к обработке земля давно была поделена между семьями, главы которых не желали дробить свои наделы на еще меньшие доли [18].

Британский историк и антрополог Дж. Дж. Фрэнгер упоминал о сохранении традиции наследования по минорату даже в начале XX века в

отдельных местностях Англии, Франции, Германии и других стран Западной Европы. По его мнению, данные реликтовые примеры доказывали то, что в очень далеком прошлом все жители этих стран придерживались минората, но после того, как население увеличилось и свободной земли не осталось, большинство перешло к майорату [19, с. 484].

В России миноратная система существовала в те времена, когда страна была слабо заселена. Но рост населения и возникновение проблемы крестьянского малоземелья во второй половине XIX века не привели к замене минората майоратом. Когда свободной земли в центре страны уже не осталось, старшие женатые сыновья при отделении от родительских семей стали переселяться за сотни и тысячи верст, а младшие по-прежнему оставались с родителями. В XX веке на смену миноратным семьям пришли не майоратные, а нуклеарные семьи, в которых все женатые дети, как старшие, так и младшие, уже не соглашались жить с родителями даже ради наследства. Правда, и в современной России многие женатые живут дети живут вместе с родителями, но в наши дни это не зависит от того, являются они старшими или младшими. Это совместное проживание почти всегда носит вынужденный характер и объясняется только нехваткой средств для покупки или аренды отдельного жилья для молодой пары [11, с. 24; 13, с. 54].

Можно ли считать, что на этом этапе трансформации семьи в России действовала закономерность, согласно которой, страны, позже других проходящие через определенные этапы развития, пропускают стадии, уже пройденные т.н. «передовыми» странами, или проходят эти этапы «по касательной», т.е. в ускоренном порядке? В это верят «глобалисты», считающие, что все страны в современном мире, несмотря на особенности своей истории, религии, культуры и менталитета населения, должны унифицироваться по современной западной цивилизационной и социально-экономической модели.

Однако в ускоренное прохождение этих этапов и даже в возможность избежать некоторых из них, верят и противники глобализма, в том числе критики экономических реформ 1990-х годов, проведенных по принципам глобализации с игнорированием особенностей экономики страны и российского менталитета.

Реформы привели к резкому снижению уровня жизни основной массы населения, к сокращению средней продолжительности жизни, к падению рождаемости, к ускорению естественной убыли населения – депопуляции, а также к появлению малочисленной, но очень влиятельной социальной страты чрезвычайно состоятельных людей. Их стали называть «новыми русскими», а самых богатых из них – олигархами. Распространено мнение о том, что многие из них приобрели свои капиталы преступным путем, так же, как это происходило в XVII-XIX веках, когда основатели крупнейших западных фирм и банков наживали свои многомиллионные состояния путем ростовщичества, пиратства, работорговли, ограбления колоний и варварской эксплуатации наемных рабочих.

Согласно популярной точке зрения, переход от социализма к рыночной экономике на рубеже XX и XXI столетий должен быть гуманнее, чем переход от феодализма к капитализму, первую стадию которого зачастую называют дикой. Многие люди убеждены, что в наше время этой стадии можно и должно избежать.

Согласно известному мнению о развитии общества по спирали, на каждом ее витке ранее пройденные этапы повторяются в видоизмененных формах, соответствующих новой эпохе. Но эта версия объясняет не все факты. Чаще всего на нее ссылаются для объяснения специфики развития общества в наше время. После падения античной цивилизации, основанной на рабстве, наступила тысячелетняя эпоха средневековья. Нравы и законы в феодальной Западной Европе были не менее жестокими, чем в древнем Риме, но рабство уже не было массовым и мало влияло на экономическую жизнь. Однако открытие Америки, которое часто считают концом средневековья, возродило рабство, как новую экономику. В самой «передовой» в мире стране конца XVIII и первой половины XIX века, то есть, в США рабство приняло более жесткие формы, чем в Римской империи, где многие рабы выкупали себя из неволи и становились гражданами.

Повторное прохождение уже пройденных этапов «по касательной» означает не то, что на новом витке спирали они становятся более цивилизованными или что их вообще можно избежать, а лишь то, что общество проходит их быстрее, поскольку весь ход истории ускоряется.

ся. Если в античном Риме рабство существовало более 1000 лет, то на территории английских колоний в Северной Америке, которые стали южными штатами США, оно продолжалось менее 250 лет.

История майората и минората не соответствует ни прямолинейному, ни спиралевидному пути прогресса. Дж. Дж. Фрэзер не обнаружил никаких реликтов минората в Дании, Швеции, Норвегии и даже в своей родной Шотландии, несмотря на архаичную клановую систему семейно-родственных связей у ее жителей [19, с. 433-440]. Для этих стран его предположение о том, что майорату обязательно предшествовал минорат, носило умозрительный характер. Кроме того, хотя Китай всегда был плотно заселен, в этой стране так и не сложилась система майората, которая существовала в соседней Японии, где тоже не было свободных земель. Высокая плотность населения не всегда приводит к майорату.

На первый взгляд, сценарий перехода от минората к майорату по версии Фрэзера представляется логичным. Если из-за роста населения не остается свободных земельных участков, то сыновья, желающие вступить в брак, не всегда могут это сделать. В каждой семье эту возможность имеет лишь один из них, да и то при условии, что он живет вместе с отцом и матерью и заботится о них в старости. В те времена уже 50-летних мужчин и 45-летних женщин считали старыми. Родители предпочитали оставить при себе старшего сына, который раньше других становился взрослым. Они сватали ему невесту. От нее требовалось трудолюбие, хозяйственность и покорность по отношению к мужу, свекру и свекрови. Самым ценным из детей для родителей был первый сын. Других рожали не из-за незнания методов предохранения, а «для страховки». Смертность была очень высокой. Если наследник умирал, его место занимал следующий по старшинству.

Если же выживали несколько сыновей, то они, кроме самого старшего, должны были уходить из родительской семьи. Из-за отсутствия свободных земельных участков для них было весьма проблематично обзавестись собственным домом и хозяйством. Если это им не удавалось, то и жениться было очень трудно. Родители, за редкими исключениями, не выдавали своих дочерей за мужчин, не имеющих средств

для обеспечения жен и детей. Если родители имели нескольких дочерей, но не имели сыновей, то старшая дочь получала права старшего сына. Даже если она была некрасивой, женихов у нее хватало. А ее младшим сестрам, в том числе и красивым, выйти замуж было нелегко. Мало кто соглашался жениться на бесприданницах.

Стимулируя уход из семьи неженатых сыновей и незамужних дочерей, не имеющих права наследовать недвижимость, майорат породил неформальную социальную норму. Она предписывает взрослым детям покидать родительский дом, даже если они не конфликтуют с отцами или с матерями и не собираются вступать в брак либо уезжать в другой город на работу или на учебу. После отмены майората действие этого неписаного закона не прекратилось, а, напротив, распространилось и на старших детей. Во многих странах сыновья и дочери старше 20, 25 или 30 лет, продолжающие жить с родителями, рассматриваются как не полностью социализированные, т.е. еще не ставшие взрослыми мужчины и женщины. Окружающие осуждают их не за то, что они не создали свои семьи (в наше время на Западе это не считается обязательным), а за то, что они не ушли из родительских семей. Однако уход от родителей без намерения создать свою семью в обозримом будущем приводит к длительному периоду одиночества в жизни многих людей. Многие из них остаются одинокими и после того, как перестают быть молодыми.

Само по себе это одиночество не воспринимается ими как нечто неблагоприятное. Они могут время от времени навещать родителей, поддерживать отношения с друзьями, иметь сексуальных партнеров и часто менять их. Этот образ жизни дает полную свободу от каких-либо обязанностей по отношению к другим, даже самым близким людям. Но далеко не все люди, привыкшие к неограниченной личной свободе, согласны отказаться от нее ради создания семьи. Вступление в брак требует учета интересов супруга, а рождение детей – постоянной заботы о них. Для многих людей, привыкших заботиться только о самих себе и ни с кем не считаться, переход от одиночно-холостяцкого к семейно-детному образу жизни представляется нежелательным [22].

После перехода к майоратной системе следования повысился уровень окончательного

безбрачия, и, соответственно, понизился уровень брачности и рождаемости. Это тормозило рост населения и предотвращало «демографический взрыв». Однако отмена майората в западных странах не повысила ни брачность, ни рождаемость. Из семей стали уходить все дети, а не только старшие. Повышение жизненного уровня населения, вызванное экономическим развитием стран, на которое в свое время повлиял майорат, дало возможность одиноким мужчинам и женщинам снимать или даже покупать отдельное жилье. Это усилило преимущества одиночно-холостяцкого образа жизни по сравнению с ситуацией, когда несколько студентов или других молодых людей вместе снимают квартиру, потому что у каждого из них на всю квартиру денег не хватит. Они ведут совместное хозяйство. Им приходится считаться с бытовыми интересами своих соседей. Но люди, которые не живут ни с родственниками, ни с соседями, привыкли к личной независимости. Стремление сохранить ее, и ни в чем себя не ограничивать приводит и к добровольной бездетности, и к отказу от брака, и даже от сожительства. Эгоистичные индивиды не желают принимать во внимание интересы детей, супругов и сожителей. Стремление к одиночно-холостяцкому образу жизни характерно прежде всего для американцев и западных европейцев. Многие из их предков вели такой образ жизни еще в эпоху майората. Но тогда общество все-таки осуждало безбрачие и бездетность, и подобный образ жизни, как правило, был вынужденным. А в современных западных странах давление общественного мнения никого не принуждает ни к браку, ни к рождению детей. Поэтому многие люди, которые больше всего ценят личную свободу, добровольно выбирают для себя одиночество, без которого она невозможна.

В европейских странах, где когда-то существовал майорат, кризис семьи начался раньше, и зашел гораздо дальше, чем там, где майората никогда не было. Для этих стран характерны не только низкая рождаемость, но и массовая добровольная бездетность [5], не только большой процент браков, которые заканчиваются разводами, но и то, что около половины населения вообще никогда не вступает в законный брак даже к 50 годам [17, с. 21-22]. Разумеется, не все они остаются одиночками. Многие мужчины и женщины предпочитают сожительство, т.е.

менее обязывающую форму отношений, чем супружество.

Переход к майорату нередко происходил и по другому сценарию, не предусмотренному Дж. Дж. Фрээрером. У «майоратных» народов младшие сыновья, не имеющие права на наследство, становились профессиональными воинами, намного более боеспособными, чем крестьяне из соседних с ними народов, которые жили по обычаям минората и редко брали в руки оружие. В XI-XIII веках норманны завоевали Англию, шведы – Финляндию, а немцы – Латвию, Эстонию и славянские земли к западу от Польши. Закрепощенные завоевателями крестьяне веками продолжали жить по обычаям минората, а их победители, ставшие феодалами, соблюдали законы майората. Но, как правило, низшие классы брали пример с высших, и, со временем тоже переходили к майорату. В порядке исключения в некоторых местностях Западной Европы минорат у крестьян сохранялся даже в начале XX века. Дворянские же имения повсеместно наследовались по праву первородства.

У крестьян наследование по минорату считалось атрибутом или пережитком крепостного права. Если сеньор де-факто пользовался т.н. правом первой ночи с невестой своего крепостного, а не брал выкуп за отказ от этого права, то крестьянин сомневался, что старший сын в его семье – родной и оставлял хозяйство в наследство младшему сыну [19, с. 485-497].

При минорате семью покидали женатые сыновья и замужние дочери, при майорате – холостые и незамужние. И те, и другие должны были проявлять экономическую активность. Однако женатые обычно занимались работой, приносящей стабильный доход, пусть не очень большой, но достаточный для содержания семьи. Их не привлекали занятия, связанные со сменой места жительства, долгими разлуками с семьей, риском разорения, опасностью для жизни. Если они плохо обеспечивали семьи средствами к существованию, их жены были недовольны, но не уходили от мужей. В эпоху майората ни в одной европейской стране экономическая несостоятельность мужа не считалась уважительной причиной для развода. Холостым надо было заработать деньги, чтобы создать и обеспечить семью. Но они имели больше возможностей заработать и сделать сбережения,

так как меньше тратили, чем женатые, которым приходилось содержать жен и детей [20, с. 132]. Майорат стимулировал экономическую активность сильнее, чем минорат.

При майорате судьба младших детей была нелегкой, что нередко описывалось в западной, особенно в английской художественной литературе [21]. Младшие сыновья из бедных семей становились батраками, солдатами-наемниками, рабочими на фабриках и мануфактурах. Младшие дочери небогатых родителей шли в прислугу, чтобы заработать на приданое. Люди, которые смогли обзавестись жильем и хозяйством, как правило, вступали в брак, но уже в более позднем возрасте. Люди, которые так и не смогли создать материальную базу для будущей семьи, как правило, навсегда оставались безбрачными. В западноевропейских странах майорат привел к позднему вступлению в брак, высокому уровню окончательного безбрачия, и к торможению роста населения.

В странах Западной Европы на рубеже XIX и XX веков никогда не состояли в браке от 10 до 20% среди мужчин и женщин 45-49 лет, в России же, по данным переписи 1897 г. – лишь 4% мужчин и 5% женщин 40-49 лет [20, с. 102-103], а по данным переписи 2010 г. – соответственно 7% и 6% [рассчитано по: 6, с. 294-295]. В российских семьях, как правило, все сыновья получали свою долю наследства, а все дочери – приданое. Отсутствие средств для содержания семьи не было таким препятствием к браку, как в Западной Европе. Даже очень бедные люди вступали в брак, не ожидая наследства и рассчитывая на помощь родителей. В России уровень окончательного безбрачия всегда был значительно меньше, чем в Западной Европе, и за последнее столетие почти не изменился.

Западноевропейские государства были заинтересованы в стимулировании экономической активности людей, которые не наследовали недвижимость, но желали создать семью. Чем выше были их доходы, тем больше они платили налогов. Майорат заставлял младших сыновей поступать на военную или гражданскую службу. Безбрачное католическое духовенство пополнялось младшими сыновьями мирян. Священники проповедовали, что библейское право первородства установлено Богом.

В XVIII веке начала снижаться смертность, из-за чего увеличилось число семей с несколь-

кими взрослыми детьми. Людей, не имеющих права на наследование недвижимости, стало так много, что далеко не все из них могли стать духовными лицами, наемными солдатами, слугами и служанками. Остальные занялись торговлей, ремеслами и предпринимательством, либо стали рабочими на фабриках и мануфактурах.

Майорат стал одним из факторов перехода к капитализму. Этот переход происходил не только эволюционным, но и революционным путем. Во время французской революции 1789-1794 гг. законы о майорате были отменены, как противоречащие принципу равенства граждан перед законом. В других континентальных европейских странах майорат был отменен в ходе демократических реформ в середине и второй половине XIX века. В Англии он сохранялся до 1926 г., в Шотландии – до 1964 г. Но и после отмены майората не все семьи отказались от принципа неделимости недвижимости. Многие родители завещают ее целиком тому из детей, с кем у них лучше сложились отношения. Это может быть и младший сын вместо старшего, и дочь вместо сына.

В Японии и в Южной Корее лишь после второй мировой войны все дети получили равные права на наследство. Но изменение законов произошло не потому, что японское или корейское общество признало право первородства несправедливым, а под давлением США, которые, как и в наше время, навязывали всему миру свои представления о демократии. Де-факто во многих японских и южнокорейских семьях старшие сыновья и сейчас имеют преимущества, например, при наследовании бизнеса, из-за чего он обычно остается в руках одной семьи и при смене поколений. [15, с. 41-91]. А в США, в Западной Европе и в России наследники почти всегда претендуют на равные доли, не могут договориться о совместном управлении фирмой, из-за чего продают ее и делят деньги.

В России не сложились условия для возникновения майората. Белое православное духовенство, состоящее из священников и дьяконов, в отличие от католиков, не принимает обета безбрачия. Оно не было заинтересовано в пополнении своих рядов младшими сыновьями мирян. Монахов и монахинь было немного. Плотность населения была гораздо ниже, чем в Западной Европе. Крестьянская пахотная земля

в России принадлежала не отдельным семьям, а сельским общинам. Время от времени общины перераспределяли наделы. Если в семье уменьшалось число мужчин-работников, то общинный сход мог решить, что они не способны обработать свой земельный участок, и передать его часть другой семье, размер которой увеличился.

До начала XVIII века дворяне де-юре не были собственниками поместий — они получали их лишь «в пользование» на время службы. В отличие от Западной Европы в России основным вознаграждением от государя за военную службу были не деньги, а деревни с крепостными. Участвовать в походах был обязан не только сам помещик, но и все его взрослые сыновья. Они, кроме младшего, получали за службу отдельные поместья. Младшему при поступлении на службу предоставляли право наследовать отцовское имение. Но если дворянин прекращал служить по неуважительной причине или умирал, не оставив наследника, который мог служить вместо него, то поместье могли отобрать в казну.

Основанная на минорате система комплектации ополчения и наделения поместьями служивших в нем дворян требовала пополнения казенных земельных фондов, за счет расширения границ страны, перераспределения земель между землевладельцами, и закрепощения т.н. «черносошных», т.е. государственных крестьян, которых государи раздавали дворянам. Из-за этого в России утвердилось крепостное право.

В конце XV и начале XVI века Новгород и Псков вошли в состав Московского государства. Многие московские дворяне получили поместья на псковских и новгородских землях. После завоевания Казанского и Астраханского ханств в 1550-х годах к Московскому государству была присоединена огромная территория. Историк М.Н. Покровский отмечал, что «первыми, кто воспользовался ею, оказались не помещики, а крестьяне. Гораздо раньше, чем страна была настолько усмирена, чтобы можно было завести там правильное помещичье хозяйство, по следам русских отрядов потянулись на восток длинные вереницы переселенцев. Они гибли десятками тысяч, но воля была так соблазнительна, а вольных земель в центральных областях оставалось так мало, что гибель передовых не останавливала следующих» [9, с. 206-207].

Воля означала независимость не только от барина, но и от родителей. Молодые крестьянские семьи не всегда могли разъехаться с родней в своих деревнях, вокруг которых свободных земель уже почти не осталось. Выходом для них было переселение на восток, где они создавали новые хозяйства. Однако после того, как ситуация в этих регионах нормализовалась и уже можно было создавать там дворянские поместья, многие деревни, основанные этими крестьянами, были розданы помещикам, а их жители закрепощены. Наследование по минорату было стимулом к расширению территории государства и заселению необжитых земель, независимо от того, кто наследовал — дворяне или крестьяне.

Когда крестьяне перебирались на вновь присоединенные земли, а дворяне еще не имели соответствующих условий для этого, государство должно было наделять дворян поместьями на старой территории. Для этого требовалось отбирать земли у их прежних хозяев — князей и бояр. Этим отчасти объясняется политика опричнины, т.е. репрессий против крупных землевладельцев в 1560-х и 1570-х годах. Земли, отнятые у владельцев, которых Иван Грозный считал внутренними врагами, раздавали опричникам. Конфискации, хотя и в меньших масштабах, и с меньшей кровью, продолжались и в конце XVI — начале XVII века при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Князья и бояре де-юре были собственниками своих вотчин, но де-факто цари нередко отбирали у них земли. Дворяне же де-юре считались временными владельцами своих поместий, которые предоставлялись им в вознаграждение за службу, но де-факто это временное владение, как правило, превращалось в пожизненное и наследственное.

В Московском государстве в XVI-XVII веках богатство феодалов измерялось не размерами их земельных владений (как в Западной Европе), а числом крепостных крестьян или крестьянских дворов. В завещаниях отцы распределяли свои земли так, чтобы каждому сыну досталось примерно равное число крестьян. Родители не считали, что дети от этого обеднеют. Полученное каждым из них наследство не рассматривалось, как постоянная величина. Ведь крестьяне, подобно своим господам, имели большие семьи. Из-за естественного прироста крестьянских масс, число крепостных увеличивалось.

Но статистический «закон больших чисел» применим лишь к большим группам, а не к отдельным лицам или семьям. Одни знатные роды вымирали, не оставив потомства. Другие, напротив, разрастались, но при этом делились на многие ветви, что часто вело к обнищанию наследников.

Иноземцы, посещавшие Москву в XVII веке, отмечали, что для русских людей княжеский титул не содержит в себе никакого достоинства, так как князей в стране очень много, а иные из них попросту нищие. Князьями считались все члены княжеских родов (Трубецких, Долгоруких, Голицыных и других). В Англии же в каждый конкретный момент был только один герцог Мальборо, а во Франции – один герцог Ришелье, в Испании – один герцог Альба. Старший сын герцога получал титул и родовые земли отца лишь после его смерти. Остальные дети не получали ни того, ни другого.

Установлению майората в России препятствовала и незащищенность частной собственности. Лишь у князей и бояр имелись некоторые условия для наследования по праву первородства. Однако из-за частых опал и конфискации, они ещё меньше, чем дворяне и крестьяне, могли быть уверены в неприкосновенности собственности. Если же она делилась между наследниками из рода в род, то обедневший князь, владеа одной деревней, мог гораздо меньше опасаться её потерять, чем боярин, обладавший вотчиной, которая была больше некоторых европейских стран и представляла немалую ценность для казны.

После массовых переходов собственности из рук в руки, имевших место при Иване Грозном и в Смутное время, царь Михаил Федорович награждал служилых людей, освободивших Москву от поляков в 1612 г. и отразивших их новое наступление в 1618 г., землями, конфискованными у сторонников польского короля Сигизмунда III и его ставленников – самозванцев Лжедмитрия I и Лжедмитрия II.

При царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче земли отбирали лишь у немногих князей и бояр, обычно из-за дворцовых интриг. Простым дворянам это, как правило, не грозило. Согласно Соборному Уложению 1649 года уклонение от службы наказывалось конфискацией поместий лишь для тех, кто уклонялся не менее трех раз. Стабильная ситуация в стране

создала возможности для нормального наследования земельных владений, но не для регулярной раздачи казенных земель дворянским сыновьям при поступлении на службу. Для такой раздачи потребовались бы массовые конфискации, которых тогда уже не было.

В 1648 г. запорожские казаки и украинские крепостные крестьяне восстали против польских панов, которые тогда владели всей Украиной. Но у восставших не хватило сил для победы. Поэтому их предводитель, гетман Богдан Хмельницкий обратился за помощью к царю Алексею Михайловичу и согласился ради этого на присоединение Украины к России, что было оформлено решением Переяславской рады в 1654 г. Это привело к русско-польской войне, в результате которой Левобережная Украина вошла в состав Московского государства. Однако большая часть плодородных земель в этом регионе досталась не московским помещикам, а запорожским сотникам, атаманам и полковникам, которые заняли место шляхтичей, со временем получили права русского дворянства и закрепили украинских крестьян.

В конце XVI столетия и в XVII веке в состав Московского государства вошли огромные территории от Уральских гор до Тихого океана. Русские крестьяне и казаки стали переселяться еще дальше на восток, в Сибирь, где было очень много свободных земель. Среди переселенцев было немало супружеских пар, которые желали отделиться от родителей. В Сибири они считались «черносошными», т.е. свободными крестьянами.

Если бы дворянин имел поместье на берегах Енисея и был вызван оттуда в поход против шведов или поляков, то к тому времени, пока он получит вызов и доедет до своего полка, поход бы уже закончился. Да и сами крестьяне могли уйти от барина в такую даль, где их бы он никогда не нашел. Поэтому в Сибири не было введено крепостное право.

В XVII веке многие служилые люди получали земли в черноземных регионах к югу от Тулы и Орла, которые долго пустовали из-за частых набегов крымских татар, но постепенно заселялись по мере ослабления Крымского ханства. Военная служба там была постоянной, а не временной, как в дворянском ополчении, которое распускалось по домам после каждого похода. Для охраны границы требовалось так много слу-

жилых людей, что крепостных для них не хватало. Большую часть служилых людей в этих краях составляли так называемые однодворцы. Те из них, у кого были крепостные (как правило, одна семья на один двор) не обращались с ними так, как подмосковные помещики. Ведь эти крестьяне могли уйти в область казачьего войска Донского, где действовал неписанный закон «с Дону выдачи нет». Крепостное право в черноземных регионах окончательно утвердилось только в XVIII веке, когда граница отодвинулась, население увеличилось за счет притока из центра страны, донские казаки стали выдавать беглых крестьян, и в итоге сложились условия для создания помещичьих хозяйств.

В конце XVIII – начале XIX века заселялись плодородные земли в Новороссии, которые вошли в состав Российской империи в результате войн с Турцией. Расширение границ сопровождалось перемещением части населения густозаселенных центральных регионов на юг и на восток. И после того, как цари перестали раздавать дворянам земли на вновь присоединенных территориях, сотни тысяч крестьян и казаков продолжали переселяться на эти земли, а также в регионы, которые давно вошли в состав российского государства, но оставались еще неосвоенными.

Историк В.О. Ключевский считал заселение малообжитых территорий основным фактом русской истории во все времена. Он упоминал о массовом переселении крестьян в Сибирь и в Туркестан, т.е. в Среднюю Азию и Казахстан во второй половине XIX столетия и в начале XX века [7, с. 37-38]. Невозможность отделиться от родителей из-за отсутствия свободных земель в густозаселенных центральных губерниях часто подталкивало молодые супружеские пары к миграции на малонаселенные окраины империи.

Однако и за два века до этого, даже несмотря на расширение границ, государству уже не хватало казенных земель. При Федоре Алексеевиче, по данным переписи 1678 года, число посадских и казенных «черносошных» крестьянских дворов составляло лишь 92 тысячи или примерно 1/10 часть от общего числа «податных» дворов в стране. Крестьянских дворов, которые можно было раздать помещикам, было еще меньше, поскольку эти данные включают в себя также и число посадских, т.е. городских,

дворов. Наделять поместьями вновь принятых на службу дворян стало очень трудно.

Впоследствии государственные земельные фонды вновь увеличились. При Петре I произошла массовая конфискация поместий дворян, уклонявшихся от военной службы, а также земель украинских казаков, которые вместе с гетманом Иваном Мазепой перешли на сторону шведского короля Карла XII. При Екатерине II отошли в казну монастырские земли. После разделов Польши (1772, 1793 и 1795 г.) к Российской империи были присоединены Литва, Белоруссия и Правобережная Украина. Имения шляхтичей, которые сопротивлялись разделам или участвовали в польском восстании 1830-1831 гг. были конфискованы. Бывшие монастырские и шляхетские крестьяне стали государственными, т.е. «свободными сельскими обывателями». Они платили оброк в казну, но имели право на переход в другие сословия. Условия их жизни были лучше, чем у крепостных. Но многие казенные земли по царским указам раздавались в частные руки, из-за чего проживающие на них крестьяне вновь стали крепостными. Земельные пожалования получали фавориты императоров и императриц, а также другие лица, занимавшие высокие посты на военной или гражданской службе. Это считалось вознаграждением за особые заслуги и нередко сопровождалось дарованием графского или княжеского титула.

Однако в XVIII-XIX веках простые дворяне не получали имений из казны за поступление на военную службу, как это было в XV-XVII столетиях. При Петре I и в более поздние времена казенных земель для раздачи им уже не хватало. Войны второй половины XVII и начала XVIII века показали неэффективность дворянского ополчения. Служившие в нем дворяне должны были за свой счет покупать коней и оружие, а также приводить с собой на службу «боевых холопов», число которых зависело от числа крестьянских дворов у барина. Жалованье эти дворяне получали только во время походов, после которых возвращались в свои деревни.

При Петре I ополчение уступило место регулярным войскам, в которых дворяне должны были служить пожизненно. Им больше не требовалось вооружаться за свой счет и являться на службу с холопами. Крестьян стали призывать в армию по рекрутским наборам, после чего они уже не принадлежали своим помещикам.

Их служба больше не была связана со службой их прежних господ. Жалованье за службу дворяне получали постоянно, а не только в походах. Но у них были села, унаследованные от отцов, дедов и прадедов. Хотя во многих семьях эти деревни были поделены между наследниками уже в нескольких поколениях и каждый из них владел лишь несколькими крестьянскими дворами, он все-таки мог жить на доходы с этих дворов лучше, чем на небольшое царское жалованье. Поэтому многие дворяне под разными предложениями уклонялись от службы, хотя это строго наказывалось. В таких условиях царская власть была заинтересована во введении майората. Но кроме царя этого никто не хотел.

Церковь не имела оснований одобрять майорат. Священники, как правило, имели жен и детей. Нередко церковные приходы, с согласия епископа, переходили от отца к одному из сыновей. Священники не были заинтересованы в пополнении своих рядов младшими сыновьями дворян. И для своих детей не хватало мест при церквях.

Русским людям казалось дикой и варварской сама мысль о том, что ради неделимости имения надо обездолить всех детей, кроме старшего сына или дать приданое только старшей дочери, а остальных дочерей отдать в монастырь. А в Западной Европе это считалось нормальным.

Различие между российским и западным менталитетом не может быть объяснено лишь низкой плотностью населения, нестабильностью отношений собственности и отсутствием обязательного безбрачия для православных священников – они могли, да и в наше время могут жениться до посвящения в сан. В протестантских странах веками существовал майорат, хотя большинство священников в этих странах, как и в России, всегда были женатыми людьми. Представители различных этносов, будучи поставлены в одинаковые условия, ведут себя по-разному. Национальный менталитет зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. Его различия у разных народов не всегда поддаются рациональному объяснению. Законы, полезные для стран, где они соответствуют нормам морали, могут повредить другим странам, которым они навязываются в порядке заимствования зарубежного опыта, с игнорированием национального менталитета.

В 1714 г. Петр I издал Указ о единонаследии. Поместья были приравнены к вотчинам и признаны личной собственностью дворян. Но каждый помещик, имеющий нескольких сыновей, был должен завещать свое имение лишь одному из них. При отсутствии завещания наследником считался первый сын, а если в семье были только дочери – старшая из них. Петр I надеялся, что дворянские сыновья, лишённые наследства, станут, как и в Западной Европе, поступать на военную и гражданскую службу.

Закон о единонаследии часто саботировался на практике. «Родители, по равной любви ко всем своим детям, употребляя все средства для того, чтобы разделить между ними свое имение по равным частям, прибегали для того к подложным продажам и закладам, обязывали детей великими клятвами, чтобы получивший после них свое имение передал часть его своим братьям; из-за наследства рождались между детьми и родственниками ссоры, ненависть, смертоубийство» [16, с. 472]. Поэтому императрица Анна Иоанновна в 1731 г. отменила Указ о единонаследии.

Через два поколения после Петра I некоторые дворяне осознали преимущества единонаследия и стали высказывать пожелания о предоставлении помещикам права превращать имения в неделимые майораты. Екатерина II разрешила владельцам больших имений подавать прошения об этом. До 1840-х годов в каждом случае такого преобразования издавался царский указ, определяющий статус данного майоратного имения, но особого закона же на сей счет еще не существовало. В 1845 г. было издано Положение о заповедных имениях (майоратах). Они не подлежали ни разделу, ни продаже и не отчуждались за долги. Мало кто воспользовался этим законом. В России за 14 лет с 1831 до 1845 г. майоратными были объявлены лишь 14 родовых имений, за следующие 60 лет (1845-1905) – еще 60 [1, с. 112-116]. Как до, так и после издания закона о майоратных имениях, во всей огромной стране каждый год лишь одно имение получало статус майората. Закон не стимулировал поступление дворян на службу и не предотвращал их разорение из-за разделов поместий между наследниками.

Это представляло резкий контраст со стабильностью поместного землевладения в стране классического майората – Англии. По дан-

ным исследованием Лоуренса и Джейн Стоун, изучивших историю почти всех крупных имений в трех английских графствах, в течение 340 лет (1540-1880 гг.) лишь 7 усадеб из 362 были проданы наследниками из-за финансовых трудностей, которые, как можно судить по документам, были единственной причиной продажи. Еще 42 имения были проданы по нескольким причинам, одной из которых стали финансовые трудности. [23, с. 157]. Большинство имений оставались в руках одних и тех же семей на протяжении многих поколений и никогда не делились.

Если первый сын землевладельца-лендлорда наследовал имение, то второй сын получал от старшего брата субституцию – денежную компенсацию за отсутствие права на недвижимое наследство. Величина компенсации была гораздо меньше стоимости той части имения, которую полагалась бы ему при разделе наследства между всеми сыновьями в равных долях, но все же представляла собой немалую сумму.

Купить на эти деньги имение, хотя бы и небольшое, было практически невозможно, поскольку имений почти никто не продавал. Но можно было вложить капитал в доходный бизнес. Например, приобрести часть акций фабрики и получать дивиденды. Младшие сыновья фермеров, которые не могли наследовать отцовскую землю, часто становились фабричными рабочими. Сходные процессы часто имели место во Франции, Германии, Голландии и других странах. Но среди российских дворян, которые все чаще разорялись как из-за бесконечных разделов, так и по другим причинам, лишь немногие вкладывали капиталы в отечественную промышленность. У большинства из них просто не имелось средств для этого, да и сама промышленность была слабо развита.

В России гарантии неприкосновенности частной собственности всегда оставляли желать лучшего. По мнению М.Н. Покровского, «Втолковать московскому человеку разницу между “собственностью” и “владением” было далеко не легким делом, в особенности, когда право собственности нарушалось на каждом шагу не только верховной властью, как это было при всякой опале времен Грозного или Годунова, но и любым сильным феодалом... “То, чем я владею, мое, покуда не отняли” – такое, юридически неправильное, но психологически совершенно понятное пред-

ставление существовало у каждого древнерусского землевладельца, был ли он вотчинник или помещик» [9, с. 318-319].

При советской власти это отношение к собственности стало еще более актуальным и осталось таковым до сих пор. Пришедшие к власти большевики уже в 1918 г. издали декрет об отмене наследования. Граждане имели право лишь на пожизненное владение имуществом. Если его стоимость не превышала ничтожную по тем временам сумму в 10 тысяч рублей, то после смерти владельца оно передавалось в распоряжение оставшегося из супругов и других родственников. Имущество, превышающее эту сумму, переходило в ведение Республики [4, с. 146-147].

Советская власть с первых лет своего существования стремилась к уничтожению частной собственности путем национализации земли, фабрик и заводов, раскулачивания, коллективизации, конфискации имущества репрессированных “врагов народа”, уплотнения «буржуйских» квартир, т.е. превращения их в коммунальные. После смерти Сталина нравы и законы смягчились, но имущественные права граждан все еще были сильно ограничены. Покупка квартир в жилищных кооперативах строго регламентировалась государством. Дети, не прописанные в кооперативной квартире вместе с родителями, не могли унаследовать ее. Им возвращали лишь деньги, уплаченные за квартиру родителями, за вычетом расходов на амортизацию. Хозяевам дач и частных домов принадлежали строения, но не земельные участки, где они находились. Если строения сносились по решению властей, то владельцы не имели права мешать этому и получали мизерную компенсацию по казенным расценкам, не соответствовавшим реальной стоимости имущества.

События постсоветской эпохи показали, что трудно найти «золотую середину» между «свободным» рыночным морем, в котором тонут социально незащищенные люди, и жестким государственным регулированием экономики, которое нередко сопровождается злоупотреблениями со стороны чиновников и не всегда защищает имущественные права граждан.

По мнению Е.Т. Гайдара, «Помещичья (вообще частная) земельная собственность в России никогда не воспринималась как вполне легитимная. Это было свойственно всем классам общества, что блестяще зафиксировано в про-

изведениях Л.Н.Толстого, во всем его «дворянско-крестьянском» мировоззрении. Вместе с тем очевидно и то, что до XX века в России практически можно ставить знак равенства между понятиями «земельная собственность» и просто «собственность». Отсутствие традиции глубокой легитимности собственности – вот что трагически отличало Россию от Европы. Отсутствовал, по сути, главный психологически-культурный стержень, на котором крепилось все здание европейского капитализма. Поэтому вполне естественно, что и учения, наспех переведенные с немецкого, но отрицавшие легитимность частной собственности уже во всем блеске новейшей «европейской рациональности», принимались в России как родные» [2, с. 255].

Е.Т. Гайдар несколько сгустил краски. За исключением Льва Толстого и его сторонников, а также тех дворян, которые пошли против интересов своего сословия и стали революционерами, вся дворянская масса не отказывалась от своих прав на землю. Крестьяне же отвергали легитимность не своей, а дворянской собственности. До издания в 1762 г. Петром III «Манифеста о вольности дворянской», они еще могли верить в то, что государи, чья власть от Бога установлена, наделили дворян поместьями и властью над крепостными в награду за то, что эти дворяне защищают государство от внешних врагов. Но когда дворяне были освобождены царским манифестом от обязательной службы, вернулись из армии в свои деревни и стали притеснять крепостных еще больше, чем прежде, то крестьяне перестали признавать легитимность крепостного права и дворянской собственности.

Это привело к массовым убийствам дворян крестьянами во время Пугачевщины (1773-1775 гг.). Бунт был подавлен, но ни дворянская земельная собственность, ни крепостное право не приобрели легитимность в глазах крестьян. Страх перед возможностью новой Пугачевщины стал одной из главных причин отмены крепостного права в 1861 г. Для компенсации потерь, которые понесли дворяне из-за этой реформы, правительство передало им часть земли, принадлежавшей крестьянским общинам, а также обязало крестьян вносить ежегодные выкупные платежи бывшим господам.

Разумеется, крестьяне не признавали легитимным ни то, ни другое. Но в своих правах на

дома и дворы они были уверены. Сложнее был вопрос о пахотной земле, принадлежавшей не отдельным семьям, а всей сельской общине в целом. Общины время от времени перераспределяли земельные участки между семьями, с учетом того, что одни из них увеличились в размере, а другие уменьшились или разделились. Это было выгодно тем крестьянам, которые увеличили свои наделы или, тем более, получили отдельные участки из-за вступлением в брак и отделения от родителей. Но те семьи, чьи наделы при этом уменьшились, не одобряли земельных переделов.

Столыпинская земельная реформа, которая началась в 1907 г., освободила крестьян от выкупных платежей, а также предоставила им право на выход из общины и на получение своих наделов в личную собственность, которая более не подлежала переделам и которую можно было продавать и покупать. Среди крестьян, вышедших из общины, было много супружеских пар, которые хотели отделиться от родителей. Однако три четверти крестьян так и остались в общинах до самой революции 1917 г. Общину в каком-то смысле даже можно считать естественной основой для колхоза, поскольку обе эти системы основаны на общественной собственности на землю.

По вопросу о легитимности своей собственности на пахотную землю разные крестьяне придерживались различных мнений, но почти никто из них не признавал этого права за дворянами. Не только крестьяне, но и рабочие, и прочие представители социальных низов российского общества не признавали законной любую крупную собственность, причем не только земельную, и не одну лишь дворянскую. Капиталы купцов и фабрикантов не считались нажитыми честным трудом. Все знали, что их успехи в торгово-промышленной деятельности были невозможны не только без деловой хватки, но и без подношений министрам, губернаторам и другим должностным лицам. Демидовы, Строгановы и другие промышленники получали в свое распоряжение государственных крестьян, приписанных к их заводам, а также казенные заказы и монопольные привилегии, защищающие от конкуренции [8, гл. 8]. В произведениях русских писателей и драматургов XIX и начала XX века коммерсанты, фабриканты, и прочие «дельцы» почти всегда были отрицатель-

ными героями. Отношение к богатым людям лучше всего выражено в известной русской поговорке «От трудов праведных не наживешь палат каменных», смысл которой трудно понять людям западной культуры. Связь между властью и бизнесом существует и в наше время.

Возможно, что Е.Т. Гайдар имел в виду только крупную собственность. Однако капитализм невозможен как раз без крупной собственности, которая в России никогда не считалась, да и сейчас не считается легитимной с точки зрения широких кругов общества. Марксизм же отрицает легитимность именно крупной частной собственности, из-за чего он и приобрел в России намного больше сторонников, чем на Западе.

Е.Т. Гайдар, как теоретик, выступал за права частной собственности, но на практике нарушал их не меньше, чем революционеры-марксисты. В 1992 г., занимая различные высокие посты в Правительстве Российской Федерации, он провел реформы «шоковой терапии», которые привели к гиперинфляции, т.е. к обесцениванию сбережений, накопленных десятками миллионов семей за десятки лет. Это было попрание прав собственности граждан на денежные вклады. К сожалению, в России очень много аналогий между прошлым и настоящим в отношении недостаточных гарантий неприкосновенности частной собственности.

Не все революционеры выступали против частной собственности, поскольку не все они были марксистами. Но право первородства, защищающее частновладельческие земли от дробления, было неприемлемо для всех российских и европейских революционеров, как антитеза идеалу всеобщего равенства, за которое они боролись.

Этот идеал недостижим. Мало кто борется за равенство только ради высших принципов. Чаще всего эти люди лично обижены режимом неравенства и выступают не против социальной иерархии как таковой, а за повышение своего места в ней. После победы революции появляется новый господствующий класс – капиталисты вместо дворян, партийная верхушка вместо капиталистов, «новые русские» вместо партийной верхушки, хотя события, вызвавшие последнюю замену, трудно назвать революцией.

Советские историки считали, что целью т.н. «крестьянских войн» под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емелья-

на Пугачева было радикальное переустройство общества. В них участвовали не только крестьяне и казаки, но и представители других социальных групп. Общей чертой активных участников этих восстаний был не их социальный статус, а стремление повысить его любой ценой.

Описывая сторонников «тушинского вора» Лжедмитрия Второго, (многие из них раньше участвовали в неудачном восстании Болотникова, который пытался посадить на престол другого самозванца), историк С.М. Соловьев, живший в XIX веке, подчеркивал, какие цели ставили себе эти люди: «Мы видели, что сначала под знамена самозванца собирались люди из самых низких слоев народонаселения, но мы видели также, зачем собирались они. Крестьяне, например, собирались вовсе не побуждаемые сословным интересом, не для того, чтоб, оставаясь крестьянами, получить большие права: крестьянин шел к самозванцу для того, чтобы не быть больше крестьянином, чтобы получить выгоднейшее положение, стать помещиком вместо прежнего своего помещика; но подобное движение произошло во всех сословиях: торговый человек шел в Тушино, чтобы сделаться приказным человеком, дьяком, подьячий – чтобы сделаться думным дворянином...» [14, с. 493-494].

Крепостной мечтает стать барин, а рабочий – капиталистом. Марксисты верили, что у пролетариата есть более высокая мораль, чем у буржуазии. Но русский революционер А.И. Герцен, находившийся в Париже в 1848 г. во время восстания рабочих, под впечатлением которого Маркс и Энгельс, не бывшие очевидцами этих событий, написали «Манифест коммунистической партии», сделал другие выводы:

«Все партии и оттенки мало-помалу разделились в мире мещанском на два главных стана: с одной стороны, мещане-собственники, упорно отказывающиеся поступиться своими монополиями, с другой – неимущие мещане, которые хотят вырвать из их рук их достояние, но не имеют силы, т.-е. с одной стороны, скупость, с другой – зависть. Так как действительного нравственного начала во всем этом нет, то и место лица в той или другой стороне определяется внешними условиями состояния, общественного положения» [3, с. 73].

Добившись победы, революционеры, как правило, сами превращаются в эксплуататоров

и отстраняют от власти, а нередко и физически уничтожают тех своих соратников (и даже вождей), которые верили во всеобщее равенство. Такие идеалисты, оторванные от реальности, играют роль только в разрушении старой системы, новую же создать не могут.

Выигрывают от революции только те, кому в результате ее удается выбиться из «низов» в «верхи». Но в любом обществе к «верхам» принадлежит лишь малая часть населения. Бунтовщики из простого народа могут победить военных профессионалов, защищающих законную власть, только благодаря огромному численному превосходству.

Во время Гражданской войны большая часть населения, которое состояло главным образом из крестьян, не поддерживала ни красных, ни белых. И те, и другие реквизировали у крестьян хлеб и скот, что вызывало в деревнях вооруженное сопротивление любой внешней власти. Оно носило местный характер, не имело единого руководства и было подавлено большевиками. Советская власть опиралась на городских рабочих, для защиты которых от голода и проводилась продразверстка, а также на крестьян-бедняков, у которых нечего было взять, т.е. на весьма широкие круги населения. Социальная база белых была гораздо уже. Их войска состояли главным образом из казаков, из офицеров бывшей царской армии, а также из юнкеров, которых еще не успели произвести в офицерские чины. Они были профессиональными военными, но не могли успешно противостоять красным, которые многократно превосходили их числом.

При взятии Зимнего Дворца численный перевес нападающих над защитниками был таким, что дворец был захвачен почти без боя. Правда, для того чтобы захватить и удержать власть во всей стране, большевикам потребовались три года Гражданской войны. Но и в эти годы они побеждали главным образом благодаря своему численному превосходству. Когда в 1920 г. белые защищали Крым, на каждого из них приходилось по пять красных.

Многие из большевиков-революционеров и красноармейцев рисковали жизнью не ради блага трудового народа, а для того, чтобы добиться лучших условий для своих семей. Они с полным основанием считали, что имеют на это больше прав, чем мирные жители, которые про-

сто старались выжить. Число претендентов на важные должности многократно превосходило число соответствующих мест в советском и партийном аппарате. Среди них были не только участники революции и Гражданской войны, но и карьеристы, которые присоединились к победителям. Советская власть отменила все сословные привилегии и открыла путь для вертикальной социальной мобильности людям из низов, которые до 1917 г. и мечтать об этом не могли.

Им было из-за чего стараться. Е.Т. Гайдар утверждал, что «уже к середине 30-х годов разрыв в уровне жизни (жилье, продукты, вещи) между номенклатурой и «простыми советскими людьми» достиг такой же величины, как разрыв между сановниками того же ранга и беднейшей частью обывателей до революции» [2, с. 263]. Возможно, что он преувеличивал этот разрыв. Однако сделать большую карьеру могли лишь немногие среди массы желающих. Для остальных просто не хватало высоких мест в советской социальной пирамиде. Многие из претендентов на эти места, в полном соответствии с идеями революции, были убеждены, что все средства хороши, когда речь идет о борьбе бедных против богатых и низестоящих против вышестоящих. По их мнению, люди на высоких постах, имеющие большие отдельные квартиры, дачи, специальные пайки и служебные автомобили, оторвались от народа, который жил в коммунальных квартирах, ходил пешком и питался впроголодь, «обуржуазились» и стали «врагами народа».

В 1930-х годах подчиненные часто писали доносы на своих начальников, чтобы занять их должности. Многим это удавалось. О том, что революция пожирает своих детей было известно по опыту якобинского террора и последовавшей за ним термидорианской реакции в революционной Франции в конце XVIII века [12, с. 130-132]. В XIX веке канцлер Германской империи Бисмарк заметил, что революцию подготавливают гении, осуществляют фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы. Борьба за равенство губит сотни тысяч и миллионы людей, но не приводит к равенству.

История человечества не знает более сильной антитезы идее равенства, чем право первородства. В «майоратных» странах семья, церковь и школа внушали всем, что даже старшие и

младшие братья не созданы равными от рождения. В отличие от библейского права первородства, минорат не имел сакрального статуса. Старший сын получал львиную долю наследства просто за то, что родился первым. Его появление на свет давало его отцу и матери статус нормальных людей, имеющих семью и продолжающих свой род, т.е. превращало их в полностью социализированных членов общества. Рождение других детей мало что добавляло к этому статусу, но было необходимо «для страховки» в условиях высокой детской смертности.

Младший сын получал преимущественные права на наследство не за то, что он младший, а за то, что он заботился о старых родителях после того, как другие дети ушли из семьи. Но если они еще не успели покинуть дом и также заботились об отце и матери до конца их дней, то все наследство делилось между ними поровну. Принцип минората, в отличие от майората, может сосуществовать с идеей равенства.

Когда право первородства стало анахронизмом, другой столь же сильной антитезы не возникло. А в России, как и в других странах, где этого права не было, не было и никакой антитезы, способной противостоять популярной идее всеобщего равенства.

Майорат несовместим с принципом равенства на уровне как отдельной семьи, так и общества в целом. Если же наследство делится поровну, как это часто бывает в миноратных и нуклеарных семьях, то существует равенство между братьями в семье, но социальный институт семьи препятствует равенству в обществе. Если в результате революции все имущество богатых будет поровну разделено между бедными, то в следующем поколении неравенство восстановится само собой. В одних семьях все их имущество достанется по наследству единственному сыну или дочери, в других — оно будет поделено между несколькими детьми. Из-за этого, а также по многим другим причинам, революционеры всегда были против семьи.

В России не сложились условия для мирного эволюционного развития капитализма. Энергия способных представителей средних и низших классов направлялась не столько в торговлю и промышленность, сколько на продвижение по линии государственной службы, особенно гражданской, на которую дворяне, имевшие доходы от своих имений, редко поступали, предпочитая

более престижную военную карьеру. Это способствовало усилению государственного аппарата, но не развитию экономики страны.

Младшие сыновья русских крестьян не были вынуждены уходить в города и становиться наемными рабочими из-за того, что им не полагалось наследства. Формирование как рабочего класса, так и буржуазии происходило медленнее, чем в Англии, Франции или Германии. По данным переписи 1897 года 85% населения на территории в современных границах РФ проживало в сельской местности. К 1914 г. доля сельского населения уменьшилась лишь на 2% и составила 83% [10, с. 87]. Основная масса крестьянства состояла не из безземельных батраков, которых Ленин называл сельским пролетариатом, а из самостоятельных хозяев, хотя и небогатых. По социальной структуре населения страна не походила на западные государства, где, как ожидал Маркс, должна была произойти пролетарская революция. В России социальные противоречия были иными, чем на Западе, но не менее острыми. Идея революции под лозунгом всеобщего равенства стала очень популярной в стране.

Ленин ошибался, считая, что на обломках разрушенного большевиками общества, которое еще не успело стать буржуазным, можно построить настоящий социализм. Это было попыткой миновать «по касательной» закономерный этап социально-экономического развития. Однако и российские реформаторы 1990-х годов заблуждались, полагая, что от исчерпавшей себя советской модели социализма можно за несколько лет перейти к полноценной рыночной экономике. Это тоже означало движение «по касательной», только в другом направлении.

При минорате не только у дворян, но и у крестьян для отделения женатых детей и создания ими самостоятельных хозяйств требуется постоянное расширение территории страны, заселение пустующих земель и(или) силовое, административное либо общинное перераспределение земельных участков между семьями, которое не имеет ничего общего с покупкой и продажей земли на свободном рынке. Такое перераспределение возможно, если собственность не защищена ни законом, ни моралью.

Минорат неразрывно связан с экстенсивным путем социально-экономического развития за счет освоения новых территорий при сохране-

нии старых производственных технологий и традиционных систем социальной иерархии. Отделившиеся от родителей крестьянские семьи и на новых местах оставались крестьянскими и продолжали заниматься только сельским хозяйством. Отделившиеся от отцов и матерей дворянские семьи также оставались дворянскими и по-прежнему жили за счет труда зависимых от них крестьян. При минорате общество оставалось преимущественно аграрным, а торгово-промышленный сектор не имел решающего значения.

Наша страна в течение веков развивалась и до сих пор развивается преимущественно экстенсивным путем, как в отношении сельского хозяйства, так и по линии добычи полезных ископаемых. Это проявилось и в массовом переселении крестьян в Сибирь в эпоху столыпинской реформы, и в сельскохозяйственном освоении целинных земель в 1950-х и начале 1960-х годов, и даже в наше время, когда на огромных малозаселенных пространствах Западной Сибири и в других труднодоступных регионах страны создаются все новые и новые предприятия по добыче нефти и газа. Разумеется, это совмещается с интенсивным развитием обрабатывающей промышленности, широким применением достижений современной науки и техники в самых разных отраслях производственной и непроизводственной сферы. Но и в наше время экстенсивный путь не потерял свое значение для страны, а доходы от продажи энергоносителей во многом формируют государственный бюджет. Массовое привлечение неквалифицированных и низкооплачиваемых мигрантов из Средней Азии для работы в жилищно-коммунальном хозяйстве тоже относится к экстенсивному пути развития.

При майорате все дети, кроме старшего сына, покидали родительские семьи задолго до вступления в брак. Большинству из них приходилось работать по найму, причем не только в деревнях в качестве батраков, но и в городах в качестве рабочих на фабриках и мануфактурах. Так создавался рынок наемного труда, без которого невозможен капитализм. Майорат был тесно связан с интенсивным путем социально-экономического развития. Переход от майоратных семей к нуклеарным семьям только ускорило движение по этому пути. От родителей стали отделяться все дети, включая и старших, ко-

торые больше не соглашались жить вместе с отцами и матерями даже ради наследства.

В средние века майорат, подобно минорату, нередко приводил к территориальной экспансии, т.е. к завоеванию провинций и целых стран профессиональными армиями, состоящими из младших сыновей, не получающих землю в наследство. И, позднее, уже в Новое время одни западноевропейские государства нередко захватывали территорию других. Однако в XVIII и XIX веках, это, как правило, не сопровождалось массовыми конфискациями земель у жителей аннексированных территорий и передачей отнятых у них земельных участков солдатам и офицерам из армий победителей. В эту эпоху частная собственность в Западной Европе уже была защищена. Захваты земель частными лицами были характерны для младших сыновей западных европейцев, которые переселялись на колонизируемые заокеанские территории.

Самый массовый из этих миграционных потоков направлялся в английские колонии в Северной Америке. Колонисты и их потомки создали новое государство – США. Там не было майората и сложилась иная социально-экономическая система, чем в странах Западной Европы, хотя и они все более переходили на интенсивный путь развития. В США экстенсивный путь развития, т.е. захват и заселение земель индейских племен от Атлантики до Тихого океана долгое время сочетался с интенсивным путем, т.е. с развитием торговли и промышленности. Но в страну прибывало так много иммигрантов, что большинство из них не могли стать фермерами и ковбоями на бескрайних просторах Дикого Запада, даже если бы и захотели. К концу XIX века в США практически вся пригодная для сельского хозяйства территория была уже освоена. Основная масса иммигрантов селилась в городах, население которых быстро увеличивалось. Эти люди работали в торгово-промышленной сфере. Страна перешла на преимущественно интенсивный путь развития.

В России же расширение границ и заселение малообжитых регионов не приводило к существенным изменениям общественного строя ни в центральных регионах, ни на осваиваемых землях, кроме Сибири, где не было крепостничества. Страна оставалась преимущественно аграрной и продолжала развиваться в основном по экстенсивному пути.

Существуют различные концепции социального, экономического и демографического развития. Некоторые из них выглядят очень убедительными. Однако в большинстве случаев их авторам свойственно чрезмерно расширять сферу действия найденных ими закономерностей, придавать им слишком универсальный характер.

Экономическая теория Маркса была основана на реалиях Западной Европы XIX века, где майорат породил капитализм. Впоследствии эти реалии изменились, и марксизм морально устарел. Попытка реализации марксистских идей в России, где майорат и капитализм были мало распространены, но крупная частная собственность, тесно связанная и с тем, и с другим, считалась в народе нелегитимной, привела к построению весьма далекой от этих идей социальной системы. Таковы результаты непонимания ограниченности научной концепции, основанной на опыте конкретного региона в определенную историческую эпоху и недоучитывающей ряд факторов, действующих даже в этих пространственных и временных рамках (например, майорат).

Характер влияния социально-экономических факторов на демографические процессы, с одной стороны, и демографических факторов на социально-экономические процессы, с другой стороны, зависит от многих обстоятельств. Майорат всегда продуцировал “лишних” людей, не находивших себе места в аграрном секторе. Но к развитию капитализма это приводило лишь при определенных условиях:

1) Если уровень смертности снижался настолько, что численность населения начинала расти существенными темпами, а среднее число выживших детей составляло не менее трех, и значительная часть семей, закончивших свое формирование, имела двух и более взрослых сыновей.

В противном случае число “лишних” младших сыновей, не находивших себе места в рамках традиционной аграрной системы, было просто слишком мало для того, чтобы они могли создать мощный торгово-промышленный сектор.

Если же рождаемость снижается до уровня, соответствующего преобладанию однодетных семей, то майорат вообще утрачивает всякий смысл.

2) Если существующая общественная мораль осуждала вступление в брак лиц, не располагающих средствами, достаточными для обеспечения семьи по минимальным стандартам, принятым в их социальной среде.

В противном случае, то есть, когда для вступления в брак не требуется располагать этими средствами до брака, а достаточно лишь перспективы иметь в будущем определенный уровень дохода (что и стало характерным для стран Запада после второй мировой войны) младшие сыновья и дочери, лишённые права наследования недвижимости, не опасаются остаться безбрачными из-за своей недостаточной материальной обеспеченности и, соответственно, не имеют столь сильного стимула для экономической активности. Большинство жителей России всегда создавали семьи, несмотря на свою бедность. Страх перед безбрачием не был для них таким стимулом.

3) Если потребности, удовлетворяемые посредством брака, было очень трудно удовлетворить каким-либо иным способом. В эпоху майората общество осуждало внебрачные сексуальные связи. Вести регулярную половую жизнь вне брака было почти невозможно для женщин и затруднительно для мужчин (кроме очень богатых, которые обычно были старшими сыновьями), а постоянное обращение к услугам проституток требовало более значительных расходов, чем содержание законной супруги. При этом рождение детей вне брака осуждалось общественным мнением.

В противном случае, то есть, тогда, когда внебрачные сексуальные связи являются морально приемлемыми, а общественное мнение становится терпимым к рождению детей вне брака, у людей пропадает стимул к вступлению в законный брак и, соответственно, к созданию материальной базы для обеспечения будущей семьи. В такой ситуации, характерной для современного общества, майоратная система уже не может давать прежнего экономического эффекта.

4) Если в обществе было принято, чтобы один из сыновей или одна из дочерей (когда в семье были только дочери) и после вступления в брак продолжал(а) жить вместе с отцом и матерью или рядом с ними и заботиться о них в старости, за что и пользовался(лась) привилегиями в наследовании.

В противном случае, то есть, тогда, когда все женатые сыновья и замужние дочери стремятся к отделению и к полной независимости от старшего поколения при любых условиях, для родителей нет никакого смысла сохранять систему майората, как, впрочем, и систему минората.

5) Если сам институт наследования имел первостепенное значение.

В противном случае, то есть тогда, когда наследству не придается такого уж большого значения, когда сам объект наследования (например, старый дом или земельный участок) представляет собой большую ценность для родителей, но не для детей, которые считают этот вид собственности устаревшим, майорат особого стимулирующего значения иметь не может. Эта ситуация особенно характерна для эпохи технического прогресса.

6) Если средняя продолжительность жизни была невысокой и поэтому перспектива наследования была не очень отдаленной.

В противном случае, то есть тогда, когда средняя ожидаемая продолжительность жизни существенно повышалась, перспектива наследования становилась слишком далекой и поэтому младшие сыновья имели не больше стимулов к экономической активности, чем старшие. Это не означает, что те или другие не проявляли экономической активность, но майорат в таких условиях уже не мог стимулировать последнюю.

Кроме того, снижение смертности затрагивает в первую очередь детские возрасты. В результате у родителей появляется уверенность в том, что все их дети выживут, из-за чего почти исчезает потребность в «запасных детях». Это способствует сокращению рождаемости до уровня двухдетности или даже однодетности. Если бы при таком низком уровне рождаемости (как это и имеет место в наше время) существовала майоратная система, ее роль, в силу описанных выше обстоятельств, была бы незначительной.

7) Если далеко не все лица, не имеющие права наследования недвижимости, могли найти себе применение в непродуцированной сфере — в качестве домашней прислуги, священников, монахов или монахинь либо солдат и офицеров в наемных войсках.

Если число вакансий в подобных видах деятельности достаточно, чтобы принять всех

«лишних» младших сыновей и дочерей, то майорат почти не стимулирует экономическую активность последних в производственной сфере, не выталкивает их в торговлю и промышленность.

8) Если родители ставили свои личные интересы выше интересов своих взрослых детей, и такое положение дел считалось в обществе само собой разумеющимся. Приоритет интересов родителей над интересами взрослых детей — необходимое (хотя и не достаточное) условие для майората.

В противном случае невозможно существование майоратной системы. Следует иметь в виду, что этот приоритет стимулирует экономическую активность взрослых детей (причем не только младших, но и старших) даже тогда, когда самой майоратной системы не существует. Так обстоит дело в США и многих других западных странах в наше время. В России же родители никогда не ставили свои личные интересы выше интересов своих детей и всегда помогали взрослым сыновьям и дочерям.

9) Если общественное мнение признавало принцип изначального неравенства людей от рождения и поэтому считало нормальным неодинаковым отношение родителей к старшим и младшим детям.

Если же все люди признаются равными от рождения (как это произошло во время французской революции с ее лозунгами «свободы, равенства и братства»), то майоратная система отменяется.

10) Если частная собственность легитимна, защищена и глава семьи уверен в том, что дом и земля останутся в руках его потомков на протяжении многих поколений. Если же он знает, что как государство, так и кто-нибудь из влиятельных частных лиц может лишить его самого или его детей собственности, то будет ли он думать о том, что произойдет с ней через сто лет? Лучше разделить наследство, надеясь на то, что хотя бы у кого-то из детей собственность останется.

Отсутствие хотя бы относительных гарантий неприкосновенности собственности несомненно с её наследованием по принципу майората. Без этих гарантий майоратная система вообще не может существовать.

Если хотя бы одно из этих условий не выполнялось, то майоратная система либо не воз-

никала, либо исчезала, либо не могла существенно стимулировать экономическую активность и социальную мобильность.

В наше время восстановление майората невозможно из-за отсутствия условий, перечисленных выше. Но даже если бы это и удалось, то при низкой рождаемости и численном преобладании семей с одним ребенком, майорат не может дать тех эффектов, какие он давал, когда рождаемость была высокой. Однако последствия майората существуют до сих пор.

В наше время более всего экономически развиты те страны и регионы (Западная Европа, США, Япония, Южная Корея), предки жителей которых когда-то соблюдали майорат. Правда, в США майората не было, но предки многих американцев покинули Западную Европу потому, что были младшими детьми и не имели права наследования недвижимости. Народы, не имевшие в своем прошлом опыта майората, как правило, гораздо позже пришли (или еще не пришли) к капитализму, и не достигли такого уровня экономического развития, который характерен для «постмайоратных» обществ. Было бы наивным считать, что в исторически короткие сроки Россия, для которой экстенсивный путь развития всегда был очень важным, может использовать опыт высокоразвитых стран, накопленный в иных экономических и социокультурных условиях, и пойти путем, который прошли эти страны, игнорируя различия в менталитете и традициях [13, с. 291-292]. У каждой страны – свой путь развития.

Литература

1. Беккер, С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 356 с.
2. Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. Санкт-Петербург: Норма, 2009. – 336 с.
3. Герцен А.И. Былое и думы. В 3-х томах. Изд. 2-е. Т. 2. М.-Л.: Academia., 1932. – 632 с.
4. Дорохина О.В. Раннее советское брачно-семейное законодательство: мифы и реалии. – Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и Политология. – 1998. – № 4. – С. 138-154.
5. Исаупова О. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010, № 427-428. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender04.php> (дата обращения 28.02.2019).
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 2. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012, - 489 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-05.xlsx (дата обращения 28.02.2019).
7. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2005. – 831 с.
8. Пайпс, Р. Россия при старом режиме. М.: Издательство «Захаров», 2012. – 480 с.
9. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. В 3-х томах. Т. 1. СПб.: Полигон, 2002, - 346 с.
10. Российский статистический ежегодник. 2017: Статистический сборник. М.: Росстат, 2017. – 686 с. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/lssWWW.exe/Stg/04-03-12.doc (Дата обращения: 28.02.2019).
11. Синельников А.Б. Новые тенденции структурных изменений семьи // Семья в России. 1996. № 2.
12. Синельников А.Б. Развод – революция в семье // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 2. С. 130-146. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15245250_64887368.pdf (Дата обращения: 28.02.2019).
13. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества. Учебное пособие. М.: КДУ, 2008. – 320 с.
14. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 4. История России с древнейших времен. Т.7-8. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1989. – 752 с. (С. 493-494).
15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. – М.: АСТ, 2004. – 730 с. (с. 41-91).
16. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 года). М.: Издательство «Спарк», 1995. – 556 с.
17. Щербакова Е.М. Брачность в странах ЕС-28, 1990-2015 // Демоскоп Weekly. 2017. № 725-726. С. 1-31. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0725/barometer725.pdf> (дата обращения 28.02.2019)
18. Bertocchi G. The law of primogeniture and the transition from landed aristocracy to industrial

democracy. – *Journal of Economic Growth*, 2006, 1, 43–70.

19. J. Hajnal. European Marriage Patterns in Perspective. – In: D.V. Glass, D.E.C. Eversley (eds.). *Population in History*. London, 1965, 101–143. p. 132.

20. J.G. Frazer. *Folk-Lore in the Old Testament. Studies in Comparative Religion Legend and Law in Three Volumes. Vol. I*. London: McMillan & Company, 1918.

21. Klinenberg E. *Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. N.Y.: Penguin Books, 2012. – 273 Pp.

22. Stone Lawrence and Stone Jeanne C. Fawtier. *An Open Elite? England 1540-1880*. New York: The Clarendon Press. Oxford University Press. 1984. Pp. 566.

23. Z. Jamoussi. *Primogeniture and Entail in England: A Survey of Their History and Representation in Literature*. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – 295 Pp.

Социальные символы наличных денег в повседневной жизни

Скуденков В.А.

В статье приводятся результаты качественного эмпирического исследования траты наличных денег в кассах музыкального театра города Иркутска. На основе наблюдения делается вывод о символической функции и роли наличных денег в повседневной жизни, неосознанности используемых функций и стратегий значения денег в процессе коммуникации, которые возникают в естественном ритме повседневной жизни посетителей музыкального театра. Также подчеркивается утрата данных символов и роли при оплате своих потребностей безналичным способом при помощи карты.

Ключевые слова: наличные деньги, повседневная жизнь, естественный ритм, конверсационный анализ, этнометодология, социология денег.

Skudenkov V.A.

Social symbols of cash in everyday life Social symbols of cash in everyday life

Summary. The article presents the results of a qualitative empirical study of spending cash at the box office of the musical theater of the city of Irkutsk. On the basis of observation, a conclusion is made about the symbolic function and the role of cash in everyday life, the unawareness of the functions and strategies of the value of money in the process of communication that arise in the natural rhythm of everyday life of musical theater visitors. It also emphasizes the loss of these symbols and the role when paying for their needs in a cashless way using a card.

Key words: cash, daily life, natural rhythm, conversion analysis, ethnomethodology, sociology of money.

Наличные деньги – это символический ресурс, обеспечивающий социальные действия и взаимодействия, они дают возможности для развития коммуникации и диалога между субъектами. В то время как безналичные деньги этих функций и символов вовсе лишены. Обладание наличными деньгами (кэшем) выступает доказательством благосостояния. По прогнозам экономистов количество безналичных денег будет возрастать, но количество снимаемых денег в банкоматах не падает. Это говорит о том, что символическая функция наличных денег более значима, чем удобство, безопасность, комфорт.

Деньги могут быть критерием и условием экономических притязаний, возникающих в обществе под влиянием экономических санкций, рыночных отношений и социального воспроизводства в целом. Об этом более подробно изложено в работах автора [3,4,5].

В социологии наличные деньги рассматриваются как элементарная знаковая система. Исследования американского эксперта в области экономической социологии В. Зелицер показали, что социальные практики влияют на оборот денег, «персонифицируя и дифференцируя изначально одинаковые денежные формы» [1,2,10].

В своей работе мы опирались на изучение ситуативных практик, а не на универсальных культурных нормах, декларирующих те или иные формы и стандарты поведения.

Т. Парсонс характеризует деньги как специализированный язык, «обобщенное средство коммуникации посредством символов» [6], позволяющее выражать намерения и предложения участников рынка. Ю. Хабермас [7], перерабатывая теорию Парсонса, определяет деньги как «взаимодействие, ориентированное на взаимное понимание». Он осмысляет символизм денег, когда символические средства заменяют или

Выражаю искреннюю благодарность администрации, сотрудникам и посетителям Музыкального театра имени Загурдского г. Иркутска за участие в исследовании, искреннюю заинтересованность и помощь в организации сбора первичной информации.

редуцируют лингвистическую коммуникацию, тем самым ограничивая возможность свободного обмена информацией. Проводя лингвистическую аналогию, Ю. Хабермас разрабатывает модель отправитель – получатель, где денежный обмен рассматривается в качестве коммуникативного акта, выстроенного по определенным, ограничивающим его правилам. Деньги используются, чтобы выразить экономическую ценность, продемонстрировать свои предпочтения или показать согласие.

Деньги приобретают символическое значение за счет легитимности, которой их наделяет государство [8, с. 798]. Наличные – это не только способ взаимодействия, это также часть культуры и истории. Вместе с тем наличные ситуативно приобретают новые смыслы, которые не закреплены в культуре и истории. Эмпирический характер исследования коммуникативной функции наличных должен расширить «лингвистическую аналогию» Хабермаса и раскрыть ситуативные смыслы [9, с. 180].

Мы полагаем, что нормы использования денег вписаны в культурный и социальный контексты. Мы постарались проследить особенности хранения, передачи и приема наличных в ходе межличностного взаимодействия. Но также стоит учитывать и дифференциацию значения наличных в зависимости от трансформации контекста использования, практикой применения.

Вслед за исследователями, мы также можем отметить три свойства денег. Во-первых, наличные приобретают прагматическое значение, которое не связано с «культурной матрицей». Во-вторых, это значение имеет постоянные свойства (стоимость). В-третьих, использование денег контролируется свободными, ситуативными правилами. Так, стоимость может быть снижена в половину в рамках конкретного контекста.

Методика исследования

В декабре 2018 – январе 2019 годов было установлено наблюдение у касс в музыкальном театре города Иркутска. За спинами продавцов билетов находились камеры, а перед ними стояли компьютеры; информация о ценах на входные билеты была указана на стене перед окном кассы и на специальной афише (цена на билеты варьируется от 250 до 1500 рублей). Когда по-

сетители заказывали билеты, сотрудник театральной кассы вводил данные в компьютер, распечатывал билеты, иницируя тем самым оплату.

Если посетители не уточняли, какой билет, по какой цене хотели бы приобрести, то кассир предлагал более дорогой билет ближе к сцене. Кассир говорил о цене только на дорогие билеты.

На главном входе и у регистратуры размещались карточки, уведомляющие о том, что в настоящий момент проводится научное исследование, подробную информацию о котором можно узнать по требованию. Небольшое количество посетителей (12 человек) спросили об исследовании, однако никто не обратился за дополнительной информацией.

Все диалоги были транскрибированы. Данные были систематизированы при помощи конверсационного анализа и этнометодологического подхода. Аналитическая задача была сформулирована следующим образом: определить, как участники социального действия «работают» с коммуникативной функцией наличных денег при покупке билета. Это включало два аспекта: изучение того, как посетители выдают наличные и как сотрудники кассы театра их принимают.

Из 250 человек¹, купивших билеты в непосредственно в кассе музыкального театра имени Загурдского 70% использовали наличные, чтобы приобрести билеты.

Результаты исследования

В результате наблюдения, мы смогли выделить несколько функций наличных.

Наличные могут быть использованы, чтобы спроектировать ожидаемые действия и тем самым продемонстрировать намерения участников операции. Наличные не просто участвуют в транзакции, но определяют и организуют ее. В этом случае номинал денег имеет принципиальное значение.

Пример 1. Посетитель достает 250 рублей и кладет на стол регистратуры и кассир понимает, что он хочет приобрести самый дешевый билет на последний ряд.

Через наличную оплату посетитель продемонстрировал свое желание приобрести билет на последние ряды. И от кассира посетитель ожидал четкого действия – выдачи именно это-

го билета. При этом вербально он никак не обозначил свою цель. Сотрудник кассы также без слов понял желание посетителя.

Пример 2. Посетитель достает 250 рублей и кладет на стол регистратора, придерживая купюры пальцами, при этом продолжая смотреть на цены билетов. После — положив 250 рублей он говорит — «подождите» и достает еще 100 рублей и покупает билет за 350 рублей. Кассир также без слов понимает какой билет хочет посетитель и выдает ему желаемый.

Пример 3. Два посетителя заходят в кассу. Один достает из кошелька 500 рублей и просит два билета. Кассир понимает, что посетители хотят два дешевых билета по 250 рублей и выдает их им. В это время второй посетитель открывает свой кошелек, берет оттуда одну 100 рублевую купюру, потом смотрит в сумку и достает оттуда еще две купюры номиналом сто и пятьдесят рублей и протягивает их первому посетителю, тот машет головой и показывает рукой останавливающий знак (ладонь вверх). Второй посетитель пожимает плечами (физические действия), хмыкает (вербально, но без слов), визуальнo (смотри на цены и на первого посетителя) и все три купюры кладет в кошелек.

Пример 4. Два посетителя заходят в кассу. Один достает 600 рублей из кошелька и вопро- сительно смотрит на второго, второй без слов открывает свой кошелек и достает оттуда 400 рублей. За этим наблюдает кассир. И после этого первый отдает общую тысячу рублей и просит два билета. Кассир без слов выдает два билета по 500 рублей.

Пример 5. Посетитель заходит в кассу. Внимательно изучает цены на билеты. Достает 2000 тысячи рублей, затем немного подумав — достает еще 1000 рублей и просит два билета. Кассир без слов понимает, что посетитель просит два дорогих билета на первых рядах.

В первом и во втором примере операции с наличными не связаны с культурным или историческим значением денег, а лишь отражает его понимание конкретной ситуации. В этих случаях наличные выступают прагматическим инструментом достижения своих целей. Это позволяет наличным быть условием социального действия. В этом примере вместо использования лингвистической коммуникации участники с помощью движения материальных ресурсов —

наличных — решают исход ситуации. В третьем примере деньги выступают символом отношений первого посетителя ко второму, позволяют ему выразить свою точку зрения и намерения без слов. В четвертом примере, наличные становятся общим ресурсом для двоих посетителей. В пятом — количество полученных денег кассиром, изучение цен и время, на это потраченное — позволяет кассиру сделать однозначный вывод.

Выводы

В процессе коммуникации наличные деньги выступают важным фактором взаимодействия. Купюра изначально обладает качеством, стоимостью. Когда одна из сторон достает деньги из кошелька, другие участники сделки уже только по одному номиналу купюры могут понять намерения этой стороны. Наличие номинала создает возможность для стратегических действий: предоставление нужной суммы позволяет выразить выбор товара. В случае же с банковскими картами, которые не обладают номиналом, у другой стороны возникла бы ситуация неопределенности и потребовались бы дополнительные комментарии. Таким образом, карты обладают меньшим символическим потенциалом, чем наличные.

Благодаря коммуникативной функции наличные могут быть социально полезными: они выражают психическое состояние его обладателя, показывают его намерения и будущие действия. Символическое значение наличных ситуативно, временно и зависит от конкретной ситуации.

Наблюдение показало, что наличные — инструмент, с помощью которого артикулируются и решаются социальные и экономические вопросы. По тому, как вынимают, держат, кладут, передвигают и убирают наличные можно судить о намерениях и ходе мыслей участников сделки (приведенные примеры являются наиболее яркими образами, которые позволяют типологизировать все покупки наличными деньгами в кассах музыкального театра). Эти действия зачастую неосознанны и выражаются независимо от действительных мыслей участников транзакции. В этом смысле можно говорить о наличных как об объектах, которые обозначают действия.

Литература

1. Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. 2002. С. 58–72
2. Зелизер В. Социальное значение денег. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. Т. 5. № 1. С. 108–120
3. Скуденков В.А. Роль экономических санкций в изменении качества жизни и социально-экономических притязаний россиян (на примере Иркутской области) // Социология. 2018. № 3. С. 250-255.
4. Скуденков В.А. Экономические притязания в кризисном обществе // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. 2017. С. 171-173.
5. Скуденков В.А. Особенности формирования социально-экономических притязаний в условиях социальной дезинтеграции // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы X Всероссийской научной интернет-конференции. 2018. С. 31-40.
6. Chernilo D. The theorization of social coordinations in differentiated societies: The theory of generalized symbolic media in Parsons, Luhmann and Habermas // The British j. of sociology. L., 2002. Vol. 53, N 3. P. 431–449.
7. Habermas J. The theory of communicative action. L.: Heinemann, 1987. 360 p.
8. Llewellyn N. «Money talks»: Communicative and symbolic functions of cash money // Sociology. L., 2016. Vol. 50, N 4. P. 796–812
9. Swedberg R. New Economic Sociology: What Has Been Accomplished, What Is Ahead? // Acta Sociologica. 1997. Vol. 40. P. 161–182
10. Zelizer V.A. The social meaning of money: «Special monies» // American j. of sociology. Chicago (IL), 1989. Vol. 95, N 2. P. 342–377.

Ссылки:

¹ Всего в театре 846 мест. Остальные посетители театра приобретали билеты либо в других централизованных местах продажи билетов, либо через интернет.

Особенности обращений граждан и юридических лиц в органы власти (на примере Аппарата губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области)

Спиридонова А.А.

В статье анализируются особенности и специфика обращения граждан в органы власти Иркутской области за 2018 год. Данный вопрос рассматривается на примере работы по обращениям граждан в Аппарате губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области. В исследовании обозначаются основные сферы, тематика и контекст обращений.

Ключевые слова: обращения граждан, органы власти, Аппарат Губернатора, Правительство, Иркутская область, общественное недовольство, социальное воспроизводство, общественное развитие

Spiridonov A.A.

Features of appeals of citizens and legal entities to the authorities (on the example of the Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region)

The article analyzes the features and specifics of citizens' appeals to the authorities of the Irkutsk region for 2018. This issue is considered on the example of work on appeals of citizens in the Office of the Governor of the Irkutsk Region and the Government of the Irkutsk Region. The study identifies the main areas, topics and context of appeals.

Key words: citizens' appeals, government bodies, Governor's Office, Government, Irkutsk Region, public discontent, social reproduction, social development

Работа с обращениями граждан – одно из центральных направлений деятельности Правительства Иркутской области (далее – Правительство области) которая регламентируется Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральным Законом от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Федеральным Законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных», Указом Губернатора Иркутской области от 4 февраля 2016 № 25-уг «Об утверждении Порядка организации работы с обращениями граждан в системе исполнительных органов государственной власти Иркутской области», Указом Губернатора Иркутской области от 4 февраля 2016 № 25-уг «Об утверждении Порядка организации работы с обращениями граждан в системе исполнительных органов государственной власти Иркутской области», Указом Губернатора Иркутской области от 10 мая 2016 г. N 106-уг «Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в системе исполнительных органов государственной власти Иркутской области» [2].

Координирующим и контролирующим центром в проведении мероприятий, направленных на реализацию от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в Правительстве области является отдел по работе с обращениями граждан управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по региональной политике [1].

Дополнительно информация о работе с обращениями граждан размещается в сети Ин-

Таблица 1
Виды обращений

№	Виды обращений	Количество обращений
1.	Письменные обращения	10247
2.	Телефонная линия Губернатора Иркутской области	505
3.	Телеграммы	5
4.	Факсимильная связь	14
5.	«Почтовый ящик» Губернатора Иркутской области	35
6.	Электронная почта (раздел «Интернет-приемная Губернатора Иркутской области»)	3440
7.	Устный прием граждан (письменные обращения)	107
ИТОГО:		14353

тернет на официальном Интернет-портале Иркутской области в порядке, установленном постановлением Правительства области от 21 января 2010 года № 3-пп «Об организации размещения информации о деятельности государственных органов Иркутской области и органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области на официальном Интернет-портале Иркутской области и обеспечении доступа к указанной информации».

Обращения граждан, как известно, не носят обязательного характера для органов государственной и местной власти. Обращения граждан частного характера в государственные органы также не являются с юридической точки зрения формой участия граждан в управлении делами государства. Но это не снижает их общественной значимости, во-первых, потому, что они касаются повседневных проблем и забот граждан (жилье и его состояние, благоустройство, транспорт и т.д.), а решение задач повышения уровня и качества жизни населения является важнейшей, стратегической задачей всех органов государственной и местной власти.

Во-вторых, каждое обращение – это «сигнал» о нарушении прав и законных интересов граждан, неудовлетворительном решении их жизненных проблем и забот, а их общее число в муниципальном образовании может составлять многие тысячи, в субъекте РФ – десятки тысяч, по стране в целом – миллионы. Действие же «закона больших чисел» на уровне публично-территориальных образований «трансформирует» индивидуальные потребности в общественные, оказывающие существенное влияние на

решения и действия властей всех уровней. Таким образом, все обращения граждан в органы государственной и местной власти (как публичные, так и частные) представляют собой инструмент (от лат. instrumentum – орудие) воздействия на решения и действия властей, значимость которого будет неуклонно возрастать по мере повышения уровня правосознания населения, а также совершенствования функционирования в России демократических институтов.

Формирование же современной системы работы с обращениями граждан, имеющей целью обеспечение эффективного социального взаимодействия власти и населения, повышение на этой основе эффективности государственного управления обуславливает необходимость дополнительного осуществления комплекса взаимосвязанных мер правового, организационно-управленческого, социального, технического и иного характера.

Обращения являются формой обратной связи граждан и юридических лиц с государственными органами и органами местного самоуправления. Анализ природы обращений позволяет лучше понимать и прогнозировать уровень и специфику социальной активности населения, его действительное отношение к властным институтам, реакции на наличие каких-либо нерешённых вопросов. Ежеквартально предоставляемые Президенту Российской Федерации и Губернатору Иркутской области отчеты о работе с обращениями граждан в Правительстве области свидетельствуют о незначительном снижении поступающих обращений, при этом тема-

Таблица 2
Тематика обращений

Тематика обращений	Количество вопросов за 2018 год	
	единиц	%
Жилищно-коммунальная сфера	7218	30
Социальная сфера	8178	34
Экономика	5109	22
Государство, общество, политика	2621	11
Оборона. Безопасность. Законность	587	3
ИТОГО:	23713	100

тика обращений существенным образом не меняется, а количество поставленных вопросов в обращениях увеличивается.

Отдельные формы работы с обращениями граждан отражены в работе автора и коллег (Спиридоновой А.А., Сорокиной А.Ю. [7,8,9], Румянцевой В.Г., Им В.В. [6]) вопросы общественного недовольства и связанные с этим формы и особенности обращения в органы власти как физических, так и юридических лиц отражены в работах Полюшкевич О.А. [3,4]. Отдельно Полюшкевич О.А. рассмотрены вопросы формирования и развития социального капитала государственных служащих [5], которые напрямую влияют на качество предоставления государственных услуг.

Всего за период с 1 января 2018 года по 31 декабря 2018 года зарегистрировано 14353 (количество вопросов 23713) обращения, поступивших на имя Губернатора Иркутской области и в адрес Правительства Иркутской области, а также из Администрации Президента Российской Федерации и других органов исполнительной государственной власти Российской Федерации.

Из 14353 обращений, зарегистрированных в отделе по работе с обращениями граждан, 5870 поступило из Администрации Президента Российской Федерации.

Из общего количества обращений (14353) 517 коллективных обращений.

В течение 2018 года были зарегистрированы акции (аналогичные обращения двух и более авторов по одному и тому же вопросу) по темам:

- сохранение и поддержка курорта «Русь».
- по вопросу закрытия Фонда микрокредитования;

- жители дома №26, пер. Пулковский, г. Иркутска о проведении капитального ремонта кровли (замена шифера);

- предложение рассмотреть кандидатуру исполнительного директора Некоммерческой организации «Благотворительный фонд поддержки гражданских инициатив «Новый Город» Квасова Александра Александровича на должность Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Иркутской области.

- бездействия администрации Ангарского городского округа и министерства строительства, дорожного хозяйства Иркутской области в части ремонта разбитой дороги по старому московскому тракту от п. Мегета до г. Ангарска.

- садоводам СОНТ «Дружба» г. Братска отказано в приватизации, либо аренде земли.

За 2018 год Губернатором Иркутской области и членами Правительства Иркутской области было проведено 28 личных приемов граждан, на которых принято 95 жителей Иркутской области.

Согласовано 7 графиков личного приема граждан в Правительстве Иркутской области. Графики регулярно размещаются на официальном сайте Правительства Иркутской области, направляются в муниципальные образования Иркутской области и публикуются в газете «Областная». Дополнительно график размещается на сайтах исполнительных органов государственной власти Иркутской области.

За 2018 год совместно с исполнительными органами государственной власти Иркутской области и органами местного самоуправления было организовано и проведено 2 личных приема граждан Губернатором Иркутской области (по поручению Президента РФ, в приемной

Президента РФ по Иркутской области), где было принято 3 жителя Иркутской области.

В 2018 году сотрудниками управления было рассмотрено и подготовлено 1780 ответов на обращения граждан.

Предложения, просьбы граждан, содержащиеся в обращениях, поступающие в муниципальные образования, учитываются при формировании и корректировке целевых программ, планов мероприятий, при разработке нормативных документов, реализуемых на территории муниципалитетов. Без обратной связи невозможен успешный процесс подготовки, принятия и реализации обоснованных управленческих решений, законодательных и нормативных правовых актов, соответствующих реальным условиям жизни. Именно обращения граждан позволяют правильно оценивать ситуацию и своевременно вносить продиктованные жизнью коррективы и решения органов законодательной и исполнительной власти.

Правительство Иркутской области совместно с территориальными управлениями федеральных органов Государственной власти, органами местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области непрерывно совершенствуют формы и методы работы с обращениями граждан, уровень защиты их конституционных прав и законных интересов.

Повышение качества правового регулирования рассмотрения обращений граждан – необходимое условие успешного решения задачи повышения эффективности взаимодействия населения и власти. Изложенное ранее свидетельствует, что в России за последние годы проведена значительная работа по совершенствованию нормативно-правовой базы работы с обращениями граждан.

Литература

1. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 2 мая 2006г. № 59-ФЗ (ред. от 27.07.2010): принят Гос. думой Федер. собр. Рос. Федерации 21 апр. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. собр. Рос. Федерации 26 апр. 2006 г. // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
2. Нормативная правовая база по работе с обращениями граждан и организаций [электронный ресурс] URL: [http://irkobl.ru/feedback/zakon-](http://irkobl.ru/feedback/zakon)

[o-poryadke-rassmotreniya-obrashcheniy](http://irkobl.ru/feedback/zakon-o-poryadke-rassmotreniya-obrashcheniy) (дата доступа 06.04.19)

3. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальном воспроизводстве // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений Материалы III международной научно-практической интернет-конференции: в 2-х частях. 2018. С. 63-68.

4. Полюшкевич О.А. Общественное недовольство в социальных и естественных рамках / Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 182-187.

5. Полюшкевич О.А. Социальный капитал государственных служащих // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы материалы IV Всероссийской научно-практической конференции ; под общ. ред. О.А. Полюшкевич. Иркутск. 2018. С. 319-322.

6. Румянцева В.Г., Им В.В. Институт обращений в органы государственной и местной власти: понятие, сущность, содержание // История государства и права. 2008. № 14. С. 2-4.

7. Спиридонова А.А. Недовольство органами власти и ресурсы консолидации: анализ обращения граждан в Аппарат Губернатора и Правительства Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В.А. Решетникова, О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 62-65.

8. Спиридонова А.А. Обращение в органы власти как форма социальной активности граждан // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен материалы IX Всероссийской научной интернет-конференции. Иркутский государственный университет; Институт социальных наук. 2017. С. 15-18.

9. Сорокина Е.Ю., Спиридонова А.А. Работа с обращениями граждан как форма обратной связи граждан и юридических лиц с государственными органами и органами местного самоуправления Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 432-437.

Эмпирическое исследование идентичности китайца

Цун Линь

В статье представлены результаты эмпирического исследования идентичности китайца. В процессе анализа была проведена типология объектов исследования, а именно, установлено соответствуют ли респонденты трем условиям: во-первых, является ли выбранный объект универсальным, во-вторых, является ли выбранный объект репрезентативным, в-третьих, имеет ли респондент ценность исследования конкретного случая. Для проведения исследования было выбрано три самых представительных возрастных группы в современном китайском обществе: пожилых людей, среднего возраста с семьей образованных молодых людей. Ключевое содержание опроса в эмпирическом исследовании включало в себя такие вопросы: изучение национальной идентичности китайского народа, анализ регионального и классового чувства принадлежности, установление гражданства и политической идентичности. Для проведения опроса была разработано 3 вида анкет.

Ключевые слова: социальная идентичность, гражданство, классовая принадлежность, национальное самосознание, группа, социология, личность.

Cong Lin

Empirical study of chinese identity

The article presents the results of an empirical study of Chinese identity. In the course of the analysis, a typology of the research objects was conducted, namely, whether the respondents established three conditions: first, whether the selected object is universal, second, whether the selected object is representative, third, whether the respondent has the value of a case study. For the study, three of the most representative age groups in modern Chinese society were chosen: the elderly, middle-aged with a family of educated young people. The key content of the survey in an empirical study included the following questions: the study of the national identity of the Chinese people, the analysis of regional and class sense of belonging, the establishment of citizenship and political identity. For the survey was developed 3 types of questionnaires.

Keywords: social identity, citizenship, class affiliation, national identity, group, sociology, personality

Теория социальной идентичности предложена и усовершенствована Генри Тайфелем и Джоном Тернером во второй половине двадцатого века. Теория социальной идентичности утверждает, что социальная идентичность состоит из трех основных процессов: классификации, идентификации и сравнения. Классификация означает, что люди объединяются в сообщество; идентификация - это общая черта, которая, по мнению людей, является членами сообщества; а сравнение - это оценка сильных и слабых сторон, статуса и репутации сообществ, которые люди идентифицируют по отношению к другим сообществам. Тайфель определяет социальную идентичность как: «Человек признает, что он принадлежит к определенной социальной группе, а также признает эмоциональные и ценностные последствия, которые члены группы приносят ему» [1].

С 21-ого века изучение европейской психологической социологии и американской психологической социологии постепенно слилось. Нынешняя парадигма социальной идентичности также стала ведущим исследованием современной европейско-американской социологии. Но в настоящее время, исследование социальной идентичности в социологической сфере Китая только начинается. Изучение проверки и дополнения теории социальной идентичности будет способствовать развитию китайской психологической социологии. Особенно при изучении групповых предрассудков и стереотипов нельзя игнорировать роль социальной идентичности. В настоящее время Китай находится в процессе социальной трансформации, особенно с экономическим развитием социальной мобильности и статуса уязвимых групп, и все это можно изучить с точки зрения социальной идентичности [2].

Поскольку исследование теории социальной идентичности в Китае еще находится в за-

чаточном состоянии, в современном Китае очень мало теоретических работ по этому аспекту. Чтобы изучить проблему социальной идентичности в Китае, необходимо провести много эмпирических исследований.

Типология объектов эмпирического исследования

При изучении проблемы социальной идентичности в Китае необходимо выяснить, имеют ли исследуемые респонденты три условия: во-первых, является ли выбранный объект универсальным - имеет ли опрошенное население некоторую общность китайца (универсальный характер), во-вторых, является ли выбранный объект репрезентативным, может ли исследуемый объект представить независимый социальный класс, группу и возрастную стадию, в-третьих, имеет ли респондент ценность исследования конкретного случая (тематического исследования). Смысл третьего условия - это особенность выбираемых респондентов. С точки зрения психологической социологии, социальная идентичность может быть оценена как субъективное сознание человека, и она не может быть отделена от определенной социальной группы, поэтому воздействие некоторых специальных профессий и их влияние на другие профессии более достойно.

При научном исследовании было выбрано три самых представительных возрастных группы в современном китайском обществе: пожилых людей, среднего возраста с семьей образованных молодых людей. Эти три возрастных группы показывают большие различия в представлении идентичности. В частности, мы должны сравнить огромные различия в социальной идентичности между разными возрастами: мы не учитываем политические факторы, а только объединяем их экономические условия, социальный статус и удовлетворенность состоянием социального развития, чтобы оценить их уровень идентичности. В то же время, под большим влиянием западной культуры на современный Китай, под объективным условием, когда марксизм стал основной ценностью современного Китая, идентичность китайской традиционной культуры людьми разных возрастов также является предметом исследований. Возрастное исследование также играет важную роль в восстановлении исторического контекста соци-

альной идентичности у китайского народа. Пожилые люди, которые пережили на начальную эпоху Нового Китая (КНР) и Культурной революции, будут иметь разные взгляды на развитие современного общества в Китае, и поэтому они имеют особое социальное сознание. С этой причиной также связан огромный разрыв между поколениями китайцев разных возрастов. Самая большая разница между двумя поколениями с точки зрения социальной идентичности - это «самооценка»: молодые люди обращают больше внимания на «индивидуальную самооценку» - улучшение социальной идентичности посредством индивидуальной дифференциации. Пожилые люди подчеркивают «коллективную самооценку» - улучшение социальной идентичности посредством этнической и групповой дифференциации.

Но люди среднего возраста ярко понимают два следствия Абрамса и Хогга: 1: успешная межгрупповая дифференциация может улучшить социальную идентичность и, таким образом, повысить самооценку. Как индивид группы, чем более позитивны отдельные группы, тем выше их самооценка. 2: Из-за необходимости достижения положительной самооценки, низкая самооценка или угроза самооценки могут вызвать дискриминационное поведение среди групп [3]. Их жизнь и работа находятся под огромным давлением. Как жить в социальной группе - это то, что они должны освоить. Точно так же огромное давление создает повсеместную конкуренцию. Когда «индивидуальная самооценка» не гарантируется, они также крайне разочарованы «коллективной самооценкой». Это разочарование отражается в двух ситуациях в реальной жизни: люди из высшего статуса какой-то определенной социальной группы дискриминируют низший статус, а люди из низшего статуса отрываются от первоначальной социальной группы, чтобы найти «индивидуальную самооценку». Таким образом, тем самым формируется новая социальная группа, дискриминация и исключение между группами возникают.

При выборе социального класса автор более склонен изучать влияние экономической основы на социальную идентичность, поэтому автор сравнивает сходства и различия между крестьянами, городскими жителями, и трудящимися-эмигрантами в городе. При опросе городского населения мы должны обратить внимание

на несколько специальных профессиональных групп: государственных служащих, военнослужащих, партийных и государственных служащих. Хотя эти группы составляют небольшую долю населения, но они имеют особую политическую характеристику для социальной идентичности из своих профессиональных отношений, как поднятый вопрос: имеет ли респондент ценность исследования конкретного случая? Эта особенность определяет их значение в анализе случаев. Поэтому при их изучении необходимо использовать личные интервью и Case-study, чтобы глубже понять влияние политических концепций на социальную идентичность.

В частности, социальная идентичность трудящихся-мигрантов является горячей темой в исследовании китайской социологии. Большое противоречие между фактическим экономическим условием и условием жизни привело к особой социальной идентичности. С развитием общества трудящиеся-мигранты все чаще отрицают свой крестьянский статус, но они не могут дать себе определенную идентичность. В профессиональном отношении они являются работниками, в географическом являются городскими жителями, но являются крестьянами в правовом статусе. Они всегда находятся в неправильном месте между фактической идентичностью и институциональной ролью, и всегда были в колебании между «городским жителем» и «крестьянами», городскими и сельскими местностями [4]. Эмпирическое исследование идентичности китайца также обращает внимание на посвященное изучение этого специального класса с точки зрения социальной идентичности. Кроме того, посредством исследования идентичности этих четырех социальных классов, с другой стороны, оно отражает противоречие и конфликт, существующие в китайском обществе, и, таким образом, оценивает социальные риски.

С точки зрения социального класса, наиболее заметное противоречие китайской социальной идентичности заключается в культурной идентичности. В осознании многих людей китайский город и сельский район стали двумя мирами. Кажется, что город представляет собой современность и научность, а сельский район представляет собой отсталость и невежество. Такое осознание глубоко отражает групповой раскол в современном китайском обществе, а

также подтверждает предыдущее «следствие о самооценке».

В ходе эмпирического исследования мы также должны обратить внимание на огромные различия между севером и югом Китая. Люди в разных провинциях имеют разные черты личности (не включая малонации). Особенность личности не обязательно отражается в характере и конкретном поведении, но в социальной идентичности. Разница личности отражается в степени социальной адаптации. Однако по мере ускорения социальной мобильности в Китае, региональная характеристика будет становиться все менее и менее очевидными и может быть отражена только в определенных случаях.

Ключевое содержание опроса в эмпирическом исследовании

Национальная идентичность китайского народа

В исследовании национальной идентичности автор использует метод «социологического символизма», чтобы символизировать понятие «китайской нации» в конкретном значении. Например, когда китайцы сталкиваются с вопросом: какими характеристиками, по вашему мнению, должны обладать «китайцы»? Люди сразу думают, это желтая кожа и темные глаза. Когда автор далее советует респондентам подумать о характере китайцев, ответ в основном «трудолюбивый» и «скромный». Другой пример, вопрос: что означает праздник для китайцев? Ответ на удивление последовательный: «воссоединение». Эти общие национальные понимание определяет основную национальную идентичность китайского народа. Такая национальная идентичность принадлежит не «этноцентризму», но своего рода как национальная центристремительная сила. Эта центристремительная имеет силу чрезвычайно большую включенность и единство. В сфере психологической социологии также в целом соглашается с тем, что, когда люди сильно идентифицируют себя со своими группами, они будут генерировать предпочтение во внутренней группе, предубеждение от внешней группы, даже участвовать в коллективном поведении [5]. У китайцев есть свои особые качества, а общее национальное сознание прочное и глубокое. Кризис социальной идентичности китайского народа сохраняется только в

Образец анкеты 1

问卷编号(№) _____ 社会类型(Социальный тип) __ городской житель __

性别 (пол респондента) __受访者年龄(возраст респондента) _____

说明: 1-10题为量化区分, 针对每个问题按重要性由低到高分0-9十个档次, , 第11-14为开放性问题。
Респонденты оценивали эти 10 аспектов с 0 до 9, чтобы показывать социологу их суждения (цифры чем больше, тем внимательнее).

1. 对于“中国人”这一民族概念的认同感: чувство идентичности с национальным понятием «китайцы»
2. 共同民族意识对于中国社会发展的重要性: важность общего национального сознания для развития китайского общества
3. 传统对生活中的社会意识有多大的影响: влияние исторической традиции на само осознание в жизни :
4. 如何评价你的“亲戚”关系 оценка родственного отношения :
5. 对于“家庭”这一观念的重视度 особое внимание на семейную ценность :
6. 与不同辈分和年纪的人交流的顺畅程度 уровень эффективности коммуникации с другим поколением.
7. 对于当代社会秩序 (指社会运行过程中所遵守的规则和社会大众对于此规则的遵守度) 与社会道德 (大众认知和社会良俗) 的期望度 ожидание современного социального порядка (правила, которые соблюдаются в ходе социальных операций и приверженности социальной общественности этому правилу) и социальной морали (общественное познание и общественное благо).
8. 你对于社会相对公平度 (劳动付出、社会价值与个人所得比) 的评价 оценка социальной справедливости (между трудовым вкладом, социальной ценностью и личным доходом)
9. 当代中国是否存在各阶层间的巨大差异? существует ли большой разрыв между классами в современном Китае :
10. 中国当代社会的和谐程度与政治公信力: какова степень гармонии и политического авторитета китайского общества:
последние 4 вопроса как открытый вопрос
11. 你认为“和谐”的具体表现是什么? Как вы думаете, что является специфическим выражением «гармонии»?
12. 你理解的“自由”是什么? Как вы думаете, что значит «свобода»?
13. 节日对您来说意味着什么? Что для вас значит праздник (пишите 2 смысла)?
14. 你认为“中国人”的应该具备什么样的特点 (写出3个特征) ?

Какими характеристиками, по вашему мнению, должны обладать «китайцы» (пишите 3 характеристики)?

15. 在所有的物质与非物质条件中以达到个人幸福感选出自己最看重的三个方面: из всех материальных и нематериальных условий, укажите которым, как составляет, Вы думаете о трех наиболее важных аспектах для индивидуального счастья

экономических и политических условиях, а давнее влияние китайской культуры позволяет этническим культурам проявляться почти в каждом китайце (АНКЕТА 1).

Региональное и классовое чувство принадлежности

Концепция «класса» после реформы и открытости будто больше не определяется экономической базой и режимом производства. Огромная разница между сельским и городским районами естественно разделяет китайское общество на иерархию. Еще более 70 лет назад Фэй Сяотун предложил отношение между городскими и сельскими районами: «город ограничивает сельскую местность, а сельская мест-

ность поклоняется городу» [6]. Однако быстрое развитие процесса урбанизации в Китае привело к созданию новой социальной ситуации: граница между городскими и сельскими районами нарушена, а частота социальной мобильности становится все выше и выше. В этом случае большое количество сельских жителей «наводнили» городом, или сельские районы стали новыми городскими районами, идентичность этих городских эмигрантов и «нового городского жителя» стала проблемой. В качестве примера возьмем трудящихся-мигрантов. В процессе интеграции в город у них возникает кризис идентичности во многих аспектах, таких как принадлежность, культура, система и психология, что привело к появлению трудящихся-миг-

Образец анкеты 2

问卷编号(№) _____ 社会类型(Социальный тип) __ крестьянин __

性别(пол респондента) __受访者年龄(возраст респондента)_____

说明: 1-11题为量化区分, 针对每个问题按重要性由低到高分0-9十个档次, , 第12-15为开放性问题。

Респонденты оценивали эти 11 аспектов с 0 до 9, чтобы показывать социологу их суждения (цифры чем больше, тем внимательнее).

1. 您是一个保留并遵守传统的“中国人吗? Вы китаец, который придерживается традиций?
 2. 在你的村子里有一个共同意愿吗? Есть ли в вашей деревне еденное желание?
 3. 您喜欢传统的农村生活吗? Вам нравится традиционная сельская жизнь?
 4. 您跟亲戚的亲密程度: Как близко вы к родственникам
 5. 家庭在您心中的地位: особое внимание на семейную ценность:
 6. 与不同辈分和年纪的人交流是否顺畅: оцените свой уровень эффективности коммуникации с другим поколением:
 7. 家庭道德和农村生活秩序是否重要? Важны ли придворная мораль и порядок жизни в деревне?
 8. 你对自己的收入是否满意? Довольны ли вы своим доходом?
 9. 当代中国是否存在城市与农村的巨大差异? существует ли огромная разница между городскими и сельскими районами в современном Китае?
 10. 你是否同意这样的观点, 在城市里生活明显好于农村? Согласны ли вы с мнением, что жизнь в городе значительно лучше, чем в деревне?
 11. 您所在的村子人际交往的频繁且相处愉快吗? Являются ли межличностные отношения в вашей деревне частыми и счастливыми?
- последние 4 вопроса как открытый вопрос
12. 你认为“和谐”的具体表现是什么? Как вы думаете, что является специфическим выражением «гармонии»?
 13. 节日对您来说意味着什么? Что для вас значит праздник (пишите 2 смысла)?
 14. 你认为“中国人”的应该具备什么样的特点(写出3个特征)?

Какими характеристиками, по вашему мнению, должны обладать «китайцы» (пишите 3 характеристики)?

在所有的物质与非物质条件中以达到个人幸福感选出自己最看重的三个方面: из всех материальных и нематериальных условий, укажите которым, как составляет, Вы думаете о трех наиболее важных аспекты для индивидуального счастья

рантов, такому как недовольны обществом, социальной изоляцией, будущим беспорядком и общим разочарованием и другие опасные социальные последствия. В ходе ознакомительного визита почти всем трудящимся-мигрантам трудно ответить, принадлежат ли они городским жителям или крестьянами. Кажется, тем, что им трудно интегрироваться в социальную среду города. Первоначально личная идентичность должна быть выбрана после сравнения социальными группами, но город не принимает их хорошо, и сельская местность может не подходить для них (по крайней мере, материальное условие), поэтому они находятся в большом затруднении.

Для городских жителей отсутствие семьи принадлежности является большой проблемой. С одной стороны, городская жизнь относительно независимая, а социальное пространство и

время социальной коммуникации каждого человека относительно многочисленны, поэтому модель традиционного китайского клана несколько рухнет в городской жизни и заменится мелкомасштабной структурой семьи. Традиционные кровные отношения «родственников» постепенно исчезли, и чувство индивидуальной зависимости от семьи также ослабло. С другой стороны, темп жизни и частота социальной коммуникации в городе становятся все быстрее и быстрее, но качество социальных отношений ухудшается: более половины респондентов заявили, что чувствуют себя одинокими, а семья маленькой модели трудно обеспечивает достаточным психологическим комфортом, поэтому роль семейной идентичности ограничена. Тем не менее, согласно результатам опроса, как в сельской местности, так и в городах, люди уделяют семье почти одинаковый уровень вни-

Образец анкеты 3

问卷编号(№) _____ 社会类型(Социальный тип) _____ 务工/移民 _____

性别 (пол респондента) _____ 受访者年龄(возраст респондента) _____

说明: 1-11题为量化区分, 针对每个问题按重要性由低到高分0-9十个档次, , 第12-15为开放性问题。

Респонденты оценивали 11 аспектов с 0 до 9, чтобы показывать социологу их суждения(цифры чем больше, тем внимательнее).

1. 您是一个保留并遵守传统的“中国人吗? Вы считаете ли Вы себя китайцем который придерживается традиций?
2. 国家意志 对于中国社会发展的重要性: оцените важность государственного сознания для развития китайского общества
3. 您是否思念自己的家乡? Вы скучаете по своей сельской родине?
4. 您跟亲戚的亲密程度: насколько ваше отношение близко с родственниками
5. 您是否希望带着所有家人一起在城市里生活? Хотите ли вы жить в городе с всей семьей?
6. 您与城市居民交往密切吗? Вы близки к городским жителям?
7. 您跟留在家乡的人共同话题多吗? У вас есть много тем с людьми, которые остаются в своей сельской родине?
8. 您对自己的收入是否满意? Довольны ли вы своим доходом?
9. 当代中国是否存在城市与农村的巨大差异? существует ли огромная разница между городскими и сельскими районами в современном Китае?
10. 你是否同意这样的观点, 在城市里生活明显好于农村? Согласны ли вы с мнением, что жизнь в городе | значительно лучше, чем в деревне?
11. 中国当代社会的和谐程度与政治公信力: какова степень гармонии и политического авторитета китайского общества:

последние 4 вопроса как открытый вопрос

12. 你认为“和谐”的具体表现是什么? Как вы думаете, что является специфическим выражением «гармонии»?

13. 节日对您来说意味着什么? Что для вас означает праздник (пишите 2 смысла)?

14. 你认为“中国人”的应该具备什么样的特点 (写出3个特征)?

Какими характеристиками, по вашему мнению, должны обладать «китайцы» (пишите 3 характеристики)?

在所有的物质与非物质条件中以达到个人幸福感选出自己最看重的三个方面: из всех материальных и нематериальных условий, укажите которым, как составляет, Вы думаете о трех наиболее важных аспекты для индивидуального счастья

мания, но только роль идентичности семьи различна (АНКЕТА 2).

Гражданство и политическая идентичность

Гражданство – это «стать полноправным членом сообщества» [7], социолог Маршалл считает, что в гражданстве содержатся три права: гражданское, политическое и социальное право. Мы можем понять, что политическая идентичность – это участие людей как граждан в государственной системе.

Политическая идентичность у китайского народа имеет следующие три характеристики: политическая идентичность равна партийской идентичности; респонденты, как солдаты, государственные служащие, учителя и другие профессии имеют более высокую политическую

идентичность; в целом, чем старше респондент, тем выше политической идентичности. С точки зрения третьей характеристики, политическая идентичность молодых людей ниже, чем пожилых людей, частично причина заключается в понимании социальной справедливости и удовлетворении личных доходов. Большей частью является то, что они не заботятся о гражданстве. В конце концов, китайские молодые люди наиболее обращают внимание на накопление личного богатства и успех их карьеры. Кроме того, автор также заметил, что многие респонденты оценивают политическую идентичность исходя из политической центристской силы и авторитета Коммунистической партии Китая. Как полагает представитель коммунитаризма (идеология объединяющая консерватив-

ческую мораль и либеральную экономическую политику, чтобы составить сильное гражданское общество) Сандель, «гражданство» имеет два фактора: патриотизм и гордость являются одним из общих факторов гражданственности, общий «голос» (или выражение «воля») граждан по общественным вопросам является вторым фактором гражданства [8]. Как единственное политическое проявление Китая, Коммунистическая партия Китая также является единственным выражением политической воли Китая: этот авторитет и публичная власть укрепляют политическую идентичность китайцев. (АН-КЕТА 3).

При эмпирическом исследовании идентичности китайца также необходимо уделить внимание роли объективной социальной среды в воздействии и определении социальной идентичности. Изменения в социальной среде часто отражаются в социальной экономике, социальной мобильности, социальной структуре и стратификации социального развития, неизбежно приводят к изменениям социальной идентичности людей, которые участвуют в процессе изменений. Теперь Китай находится в эпоху интенсивного столкновения традиционного конфуцианства и современной философии, марксизма и западного индивидуализма, коллективной экономики и западной свободной экономики, появление любого основного ценностного понятия приведет к изменениям в субъективной идентичности. Изучение специфических функций социальных изменений и их специ-

ческого влияния на социальную идентичность стало неизбежным предметом исследования социологии личности Китая и социальной идентичности в будущем.

Литература

1. Tajfel H. *Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of intergroup Relations*. London: Academic Press, 1978
2. Чжан Жуйин, Зо Бинь. Теория социальной идентичности и ее развитие // «Прогресс психологической науки» - 2006. - №2. - С. 479.
3. Abrams D, Hogg M. A. Comments on the motivational status of self-esteem in social identity and intergroup discrimination // *European Journal of Social Psychology*. - 1988. - № 18. - p. 317-334.
4. Шанью И. Рациональное рассмотрение кризиса идентичности нового поколения рабочих-мигрантов // *Чанбайский академический журнал*. - 2011. - №4. - С. 135.
5. М. Эссенк М. Психология - комплексный подход. Шанхай: Восточно-Китайское университетское издательство, 2000. - С. 611 - 621.
6. Сяотун Фей, *Сельское воссоздание* - издательство Шанхай, 2013. - 257 с.
7. Marshall T.H. *The sociology of crossroads and other papers*. London: Heinemann, 1963. - 187 p.
8. Липин Лян Теоретическое развитие политической идентичности // *Чжэцзянский академический журнал*. - 2012. - № 5. - С. 81.

От редакции

От редакции. Рубрика посвящается трем юбилейным событиям года:

15-летний юбилей журнала «Социология» совпал с **30-летием** социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и **80-летием** его первого декана и учредителя *Владимира Ивановича Добренькова* – главного редактора нашего журнала с момента его основания.

Ниже публикуются фотографии и поздравления, присланные на 80-летие Владимира Ивановича Добренькова.

«Именно он создал первый социологический факультет в России»

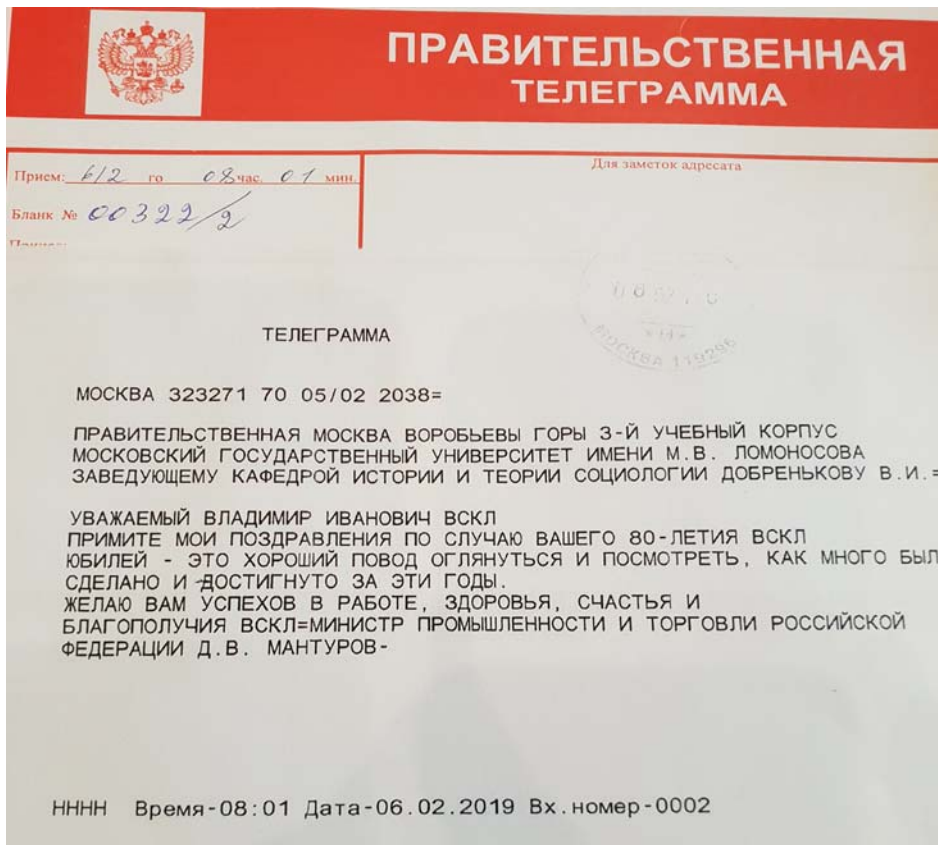
4 февраля исполнилось 80 лет Добренькову Владимиру Ивановичу доктору философских наук, профессору, видному ученому – российскому философу и социологу, Президенту Российской социологической ассоциации, главному редактору журнала «Социология», заведующему кафедрой Истории и теории социологий, экс - декану социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, академику РАН, академику Международной академии информации, академику Российской академии социальных наук, советнику Ректора МГУ им. М.В. Ломоносова.

Добренков В.И. декан – основатель первого в России социологического факультета. Со дня его основания в 1989 г. Добренков В.И. внес огромный личный вклад в становление и развитие социологического образования и науки в России. До 1989 г. ни в одном ВУЗе России не преподавалась социология как самостоятельная дисциплина, а тем более не было никаких социологических подразделений, кафедр, которые готовили бы профессиональных социологов.

Став деканом социологического факультета, возглавив учебно-методическое объединение по социологии Добренков В.И. придал мощное ускорение развитию социологического образования по всей стране. Уже через несколько лет в сотнях ВУЗов России были созданы социологические факультеты, кафедры, подразделения, в которых началась подготовка профессиональных социологов.

Социологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова стал настоящим флагманом социологического образования в России. Он сыграл огромную роль на начальном этапе становле-

Ф. ТГ-17

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Прислано: 4/2 го 15 час. 08 мин. Для заметок адресата

Банк № 00318/63

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА 265/2/2401 195 4/2 1502=

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ МОСКВА ЛЕНИНСКИЕ ГОРЫ МГУ ДОМ 1 СТР 33
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ЗАВЕДУЮЩЕМУ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
СОЦИОЛОГИИ ПРОФЕССОРУ В И ДОБРЕНЬКОВУ=

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ЮБИЛЕЕМ 80-ЛЕТИЕМ
В НЕКОТОРЫХ СПРАВОЧНИКАХ УКАЗАНО ЧТО ДОБРЕНЬКОВ РОССИЙСКИЙ ФИЛОСОФ
И СОЦИОЛОГ ХОТИМ УТОЧНИТЬ ДЛЯ ИСТОРИИ ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО И ДЛЯ
БУДУЩЕГО ЧТО ВЫ ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЛОСОФ И СОЦИОЛОГ ЧЕЛОВЕК ПРЕДАННЫЙ
СВОЕМУ ДЕЛУ И ИНТЕРЕСАМ ОТЕЧЕСТВА
УВЕРЕНЫ БОЛЬШИНСТВО С ЭТИМ СОГЛАСИТСЯ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВО ГЛАВЕ
ОДНОГО ИЗ ЗНАКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ НАШЕГО ВЕЛИКОГО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА А ЭТИ 25 ЛЕТ ПРИШЛИСЬ НА СЛОЖНЕЙШИЙ ПЕРЕЛОМ В ЖИЗНИ
НАШЕГО ГОСУДАРСТВА И НАРОДА ОНИ ТРЕБОВАЛИ НЕ ТОЛЬКО ОСМЫСЛЕНИЯ НО
И НЕРАВНОДУШНОГО ОТЗЫВЧИВОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРОИСХОДЯЩЕМУ ВЫ ОТВЕТИЛИ
НА ЭТОТ ЗАПРОС ВРЕМЕНИ И СЕГОДНЯ ШИРОКО ИЗВЕСТНЫ И КАК УЧЕНЫЙ И
КАК ЧЕЛОВЕК С СИЛЬНЫМ ХАРАКТЕРОМ И ТВЕРДЫМИ ПРИНЦИПАМИ С
ДОСТОИНСТВОМ ПРЕОДОЛЕВАЛИ И ЖИЗНЕННЫЕ ПРЕГРАДЫ И ТЯЖЕЛЫЕ ЛИЧНЫЕ
УТРАТЫ ВСЕГДА БЫЛИ РЯДОМ С НАРОДНО-ПАТРИОТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ А МЫ
БЫЛИ РЯДОМ С ВАМИ ТАК БУДЕТ ВСЕГДА ИСКРЕННЕ ЖЕЛАЕМ ВАМ КРЕПКОГО
ЗДОРОВЬЯ БЛАГОПОЛУЧИЯ И ВСЕГО САМОГО ДОБРОГО С
УВАЖЕНИЕМ=ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦК КПРФ РУКОВОДИТЕЛЬ ФРАКЦИИ КПРФ В
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ Г А ЗЮГАНОВ ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФС РФ И И МЕЛЬНИКОВ ИСХ НР 5.2-25/201-

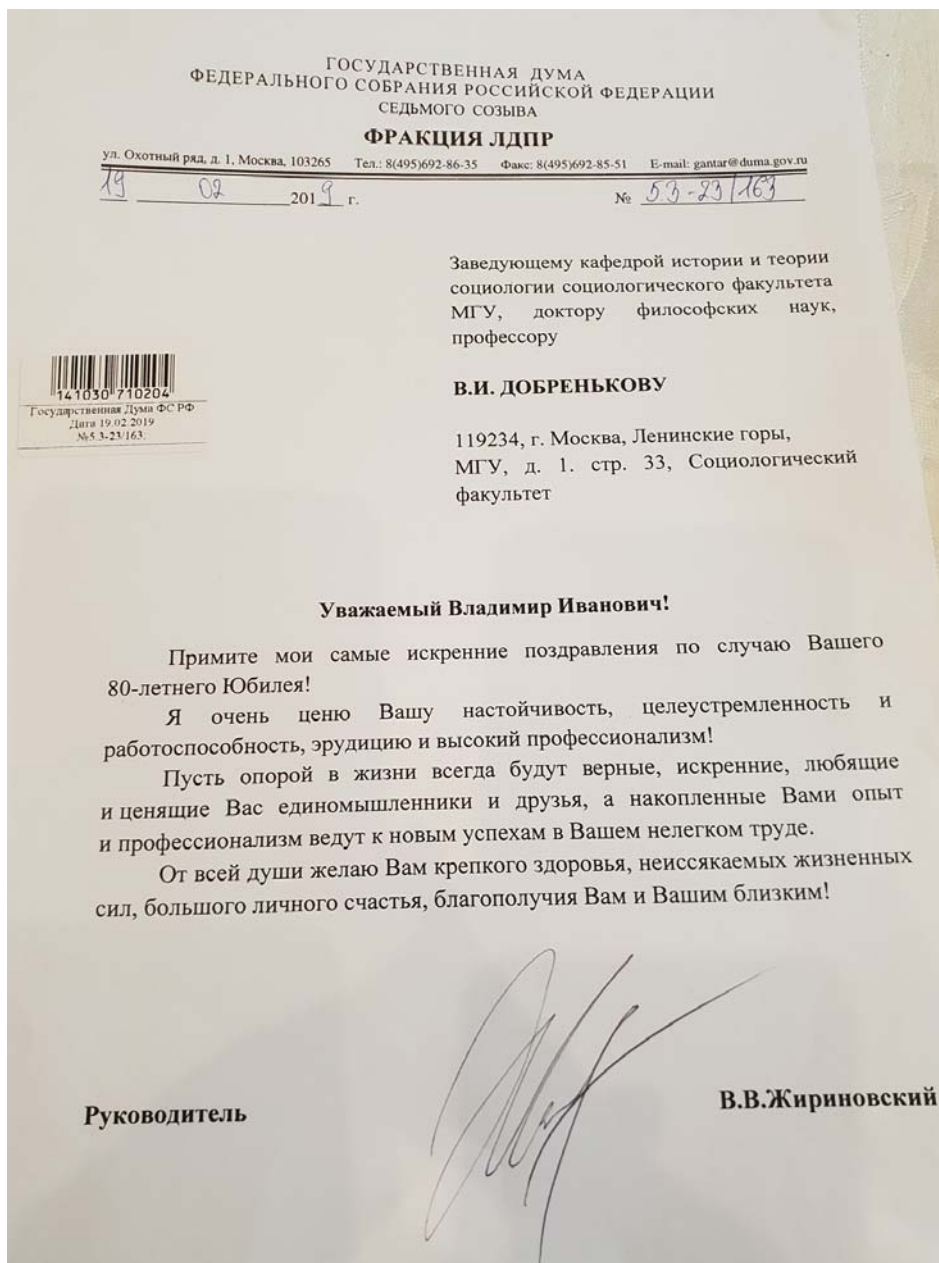
ПЕЧАТЬ РОССИИ
04021900

НННН Время-15:08 Дата-04.02.2019 Вх.номер-0063

ния социологического образования помогая всем ВУЗам в создании своей собственной учебно-методической базы, в подготовке и издании учебных программ по всем социологическим дисциплинам, учебных пособий, учебников.

По инициативе Добренькова В.И. была создана Российская социологическая ассоциация. На учредительном съезде Добреньков В.И. был избран ее президентом. Российская социологическая ассоциация была призванием и сыграла огромную роль в объединении и

координации усилий вузовских социологов в деле совершенствования преподавания социологии и научно-исследовательской деятельности. Социологический факультет стал признанным авторитетом среди вузовских социологов.

Вся жизнь Добренкова В.И. тесно связана с Московским государственным университетом – 58 лет в университете, 14 лет работы в Ректорате – 3 года в должности заместителя проректора, 11 лет в должности проректора МГУ. Научно-педагогический стаж Добренкова В.И. 51

год, заведующий кафедрой 29 лет, деканом социологического факультета – 25 лет.

Добренков В.И. внес большой вклад в подготовку научных кадров – подготовлено 125 кандидатов наук и 12 докторов социологических наук. Он является автором свыше 250 научных публикаций общим объемом свыше 3000 печатных листов, в том числе 64 монографий, 17 учебников и учебных пособий, некоторые из которых изданы на английском, немецком, португальском, китайском, сербском языках.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по достоинству оценил его большую многогранную деятельность присвоив ему почетное звание заслуженного профессора и лауреата Ломоносовской премии.

Добренков В.И. имеет правительственные награды – Почетный работник Высшего профессионального образования, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, орденами Дружбы народов, Трудового красного знамени, Почета, Дружбы, Грамотой Президента Российской Федерации В.В. Путина и множеством медалей.

Добренков В.И. имеет заслуженную репутацию патриота и гражданина, человека с активной жизненной позицией. Он активно выступал по общественно-значимым проблемам в прессе и на телевидении, занимая непоколебимую позицию патриота страны. Сталинградец, в детстве испытывавший тяготы послевоенного времени во всех жизненных ситуациях проявлял силу духа, демонстрируя независимость, самостоятельность своей гражданской позиции и негнбимый характер.

Добренков В.И. признанный учитель и педагог, которому многие выпускники факультета благодарны за его внимание, чуткость, отзывчивость, доброту и за любовь и преданность социологической науки. Тысячи его учеников работают в престижных организациях и государственных органах власти, достойно представляя звание выпускника социологического факультета.

Добренков В.И. и сейчас не перестает отдавать себя развитию социологической науки, продолжая писать и издавать все новые труды.

Добренков В.И. является очень мужественным человеком. Он пережил в своей жизни страшную трагедию, когда была убита его дочь вместе с ее другом. Это тяжелое событие не

сломило его, не повергло в отчаяние, а наоборот вдохновило его на строительство храма «Рождества Пресвятой Богородицы» в деревне Говорово. На свои собственные средства, помощь и средства многочисленных его друзей, соратников, единомышленников он построил храм на месте гибели детей и передал его в дар Московской Патриархии. За этот по истине духовный подвиг Его Святейшество Патриарх всея Руси Кирилл наградил его Орденом святого Даниила Московского.

Уважаемый Владимир Иванович от всех социологов России примите самые искренние поздравления по случаю Вашего 80 летнего юбилея.

Ваша воля, оптимизм, жизнелюбие, Ваша принципиальность, преданность делу, ваша ответственность и признанная репутация как ученого и умелого организатора науки, Ваша гражданская и патриотическая позиция достойны восхищения и уважения.

Вы прошли серьезную жизненную и профессиональную школу, накопили большой опыт, состоялись как компетентный государственный руководитель, искренне любящий Россию, радеющий за ее благополучие и процветание и умеющий успешно справляться с любыми поставленными перед Вами задачами.

За многие годы плодотворной работы в Московском государственной университете на разных административно-научных должностях – зам. проректора, проректора, декана социологического факультета, заведующий кафедрой, Вы заслужили признание и высокий авторитет среди университетских коллег как опытный, ответственный руководитель, успешно реализующий себя в конкретных делах. В этом Вам помогают обширные знания, высокий профессионализм, большой опыт общественной, административно-научной, государственной деятельности, целеустремленность и яркие лидерские качества.

В Ваш юбилей примите поздравления и самые добрые пожелания счастья, благополучия, жизненного оптимизма и успешного воплощения всех творческих замыслов и начинаний.

Пусть душевная теплота, поддержка друзей и коллег, близких и родных всегда наполняет Вашу жизнь, а удача сопутствует во всех делах.

Мы уверены, что ваша неиссякаемая энергия, жизненная мудрость, оптимизм, организаторские способности, государственный подход к делу, умение реализовывать задуманное будут Вам способствовать и в дальнейшем успешном труде на благо Московского государственного университета и нашего отечества.

Желаем Вам здоровья и долгих лет жизни!

Желаем Вам здоровья
и долгих лет жизни!

Российская социологическая ассоциация.

Наши авторы

Акоева Инесса Георгиевна - главный аналитик Департамента прикладных исследований и разработок, АО «Информационно-аналитический центр» МОН РК, inessa.akojeva@iac.kz

Ананичева Софья Робертовна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологий, Институт социально-политических технологий и коммуникаций, Тихоокеанский государственный университет, политологии и регионоведения, sofyahv@yandex.ru

Атанаева Мираим Кажмухамбетовна - магистр делового администрирования, и.о. Президента АО «Информационно-аналитический центр» МОН РК, miraim.atanayeva@iac.kz

Батуренко Светлана Алексеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. level_s@rambler.ru

Бедулева Марина Александровна - кандидат философских наук, доцент кафедры «Организация работы с молодежью», ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», marbeduleva@yandex.ru

Безвербный Вадим Александрович – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН, г. Москва. vadim_ispr@mail.ru

Борисов Владимир Викторович - аспирант, кафедра социологии, Институт образования и социальных наук, Северо-Кавказский федеральный университет, borisov.v@list.ru

Булдыбаев Тимур Керимбекович - директор Департамента прикладных исследований и разработок, АО «Информационно-аналитический центр» МОН РК, timur.buldybayev@iac.kz

Васецкий Николай Александрович - профессор кафедры социологии международных отношений МГУ имени М.В. Ломоносова.

Виноградова Глория Валерьевна - аспирант кафедры социальной работы и социальной антропологии Института социальных технологий и реабилитации Новосибирского государственного

технического университета, deaconess@gmail.com

Габуева Анжела Руслановна - ассистент кафедры социологии Северо-Осетинского государственного университета, Владикавказ. gabueva1988@mail.ru

Горячев Владимир Николаевич – магистрант Финансово-экономического института Тюменского государственного университета, г. Тюмень, e-mail: idennek.noel@yandex.com

Григорян Карен Грачикович – аспирант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Кафедра истории и теории социологии, Karenmsu@mail.ru

Гулина Дарина Сергеевна – аспирант, Высшая школа современных социальных наук, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, darinka_good@mail.ru

Дзущев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор, 1. заведующий Северо-Осетинским отделом социальных исследований Института социально-политических исследований РАН, 2. заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ. khasan_dzutsev@mail.ru

Дроздов Дмитрий Игоревич – аспирант, кафедра социологии организаций и менеджмента, МГУ им. М.В. Ломоносова, c4_yts@mail.ru

Жиркова Сахаайя Куприяновна – аспирант, кафедра социологии и управления персоналом, Финансово-экономический институт, «Северо-Восточный Федеральный университет им. М.К. Аммосова», sakhayazhirk2610@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна – заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, Россия, Иркутск, E-mail: zhuravleva_ia@list.ru

Зубец Алексей Николаевич - доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, ANZubets@fa.ru

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, Доцент кафедры государственного и муниципального управления, Института социальных наук, Иркутского государственного университета, Г. Иркутск. dorward@list.ru

Игумнов Олег Александрович - кандидат педагогических наук, доцент, кафедра экономической теории и менеджмента, Институт социально-гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», oleg_igumnov@mail.ru

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор кафедры «Социально-гуманитарных наук» ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный университет экономики и права», руководитель Межвузовского конфликтологического центра (Научно-методический центр по профилактике экстремизма и межэтнических конфликтов), Хабаровск. stosorok2005@yandex.ru

Ковель Татьяна Александровна – аспирант, кафедра социальных технологий, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, tanya.kovel@gmail.com

Колмогоров Кирилл Андреевич – магистрант Финансово-экономического института Тюменского государственного университета, г. Тюмень, e-mail: rwc47@gmail.com

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ. kravchenkoai@mail.ru

Ло Шуай – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, luoyunjie2016@mail.ru

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета, Россия, Иркутск, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Малышев Максим Алексеевич - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Malishev@spa.msu.ru

Мамедова Лариса Викторовна - канд. пед. наук, завкафедрой ПИМНО ТИ (Ф), СВФУ (г. Нерюнгри), larisamamedova@yandex.ru

Месропян Маргарита Гагиковна - аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, m.mesropyan.93@gmail.com

Новикова Кристина Евгеньевна - аспирант социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. zuzi4ca@mail.ru

Оспанова Улжан Абаевна - магистр менеджмента, Проектный менеджер Департамента прикладных исследований и разработок, АО «Информационно-аналитический центр» МОН РК, ulzhan.ospanova@iac.kz

Паламарчук Кристина Олеговна – аспирант, Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ya.morganit@yandex.ru

Полюшкевич Оксана Александровна - доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет. okwook@mail.ru

Попова Марина Владимировна - старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Институт социальных наук Иркутский государственный университет. marina_porova1990@list.ru

Романцева Екатерина Евгеньевна – аспирант, кафедра экономической социологии и менеджмента, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ekaterinaromantseva@mail.ru

Сизинцев Павел Васильевич - аспирант, Московская Духовная Академия, sizinpash@yandex.ru.

Синельников Александр Борисович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова. sinelka@mail.ru

Скоробогатова Анна Геннадьевна - начальник управления социальной защиты населения Восточного административного округа города Москвы, SkorobogatovaAG@mos.ru

Скуденков Владимир Алексеевич - соискатель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета. vskudenkov@mail.ru

Спиридонова Анна Александровна – соискатель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, e-mail: annaspiridonova81@mail.ru

Сушко Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. valentina.sushko@gmail.com

Ульясбаева Анастасия Олеговна - ст. преподаватель кафедры экономики и управления, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, ulmyasbaeva@mail.ru

Фарахутдинов Шамиль Фаритович – кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, e-mail: fshamil@mail.ru

Халимов Самад Висамурдович - аспирант кафедры государственной службы и кадровой политики, Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы При Президенте Российской Федерации, samad.khalimov91@mail.ru

Хузяхметов Роман Ренатович – магистрант Финансово-экономического института Тюменского государственного университета, r_o_m_a_n_14@mail.ru

Цун Линь – аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, cccr.hist.19171991@gmail.ru

Шаров Константин Сергеевич - кандидат философских наук, старший преподаватель философского факультета Московского Государственного Университета имени М. В. Ломоносова, const.sharov@mail.ru

